

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

іадаваема подь редакціей

проф. *В. И. Вернадскаго*, *Н. Д. Виноградова*, проф. *А. Э. Вормса*, проф. *А. А. Кизеветтера*, проф. *А. А. Мануилова*, *П. Н. Милюкова*, проф. *П. И. Новгородцева*, *В. Д. Соколова* и проф. *Н. А. Умова*.

— XIII —

КІЕВСКАЯ РУСЬ.

КІЕВСКАЯ РУСЬ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. Н. Сторожева.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
Второе, исправленное изданіе.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА.—1910.

ОТЪ РЕДАКЦИИ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ».

За послѣднія десятилѣтія въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе кружковъ специалистовъ, ставящихъ своей задачей помощь самообразованію,—все это дѣлаетъ очевиднымъ, что потребность въ серьезномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе расширяющимися общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, все еще далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя соединяли бы въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ, и, наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы нужны всякому

образованному человѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ. Въ результатѣ одинаково страдаютъ и интересы издателей и интересы читающей публики.

Въ послѣднее время, однако, въ издательское дѣло замѣтно проникла свѣжая струя. Старыя и вновь возникающія фирмы издають множество популяр-ныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Къ этого рода изданіямъ принадлежитъ и «Библіотека для самообразованія». Но среди другихъ подобныхъ изданій она занимаетъ свое особое мѣсто въ связи съ той специальной цѣлью, которую она преслѣдуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ выпускамъ «Библіотеки для самообразованія» нѣкоторое внутреннее единство, редація считаетъ нужнымъ особенно подчеркнуть.

«Библіотека для самообразованія» находится въ самой тѣсной связи съ московской «Комиссіей по организаціи домашняго чтенія», начавшей свою дѣятельность при «Учебномъ Отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній» въ 1893 году, и редакторы «Библіотеки для самообразованія» обыкновенно состоятъ членами Комиссіи.

Составляя свои «программы» систематическаго чтенія, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣетъ въ виду соединить общедоступность чтенія съ его серьезностью и основательностью. Съ этой цѣлью въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. *Всѣ* книги, необходимыя для приобрѣтенія такого минимума познаній, указаны *на русскомъ языкѣ*, и почти всѣ онѣ доставляются читателямъ Комиссіей на льготныхъ

условіяхъ (см. «Правила для сношеній съ Комиссіей», перепечатанныя въ концѣ настоящаго тома). Относительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны въ программахъ ближайшія указанія. Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не имѣвшія возможности приобрести правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезныя книги популярно-научнаго содержания; 2) лица, окончившія курсъ средней школы и не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или приобрести новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи «программъ» Комиссія имѣла въ виду нѣкоторый средний уровень читателей. Этотъ средний уровень характеризуется въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ приобретенныхъ свѣдѣній, сколько извѣстной привычкой къ серьезному чтенію. Умѣнье читать серьезную книгу есть необходимое условіе успѣшности самообразованія. Къ сожалѣнію, это умѣнье принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссія поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже приобретенъ.

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библіотекѣ для самообразованія», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ охарактеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція «Библіотеки для самообразованія» вводитъ въ свою серію только такія книги,

изъ которыхъ каждая даетъ необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соответствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. Другими словами, «Библиотека для самообразованія» состоитъ изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея «программъ», но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразованія. При томъ, чѣмъ она общѣе и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, специально приспособленную для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставить та или другая программа. Англійскія и американскія общества содѣйствія самообразованію давно уже стали на этотъ путь — созданія специально приспособленныхъ къ программамъ пособій. Подборъ такихъ пособій и представляетъ «Библиотека для самообразованія». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполне подходящія сочиненія, редація издаетъ переводы ихъ; если же подходящихъ пособій не имѣется, то редація издаетъ сборники, хрестоматіи, компиляціи или оригинальныя произведенія, приспособленныя къ программамъ Комиссіи. Такимъ образомъ, для руководителей «домашняго чтенія» и ихъ читателей облегчается зависимость отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣющейся на русскомъ языкѣ; а читающая публика вообще получаетъ рядъ общедоступныхъ руко-

водствѣ по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ знаній.

Благодаря содѣйствию издательской фирмы Т-ва И. Д. Сытина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библіотеки для самообразованія» внѣшній видъ, соотвѣтствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Соотвѣтствующій форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библіотеки для самообразованія», цѣль которой — дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постояннаго употребленія.

ОТЪ РЕДАКТОРА СБОРНИКА «РУССКАЯ ИСТО-
РІЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО СМУТ-
НАГО ВРЕМЕНИ».

Предлагаемый вниманию большой публики настоящей сборникъ статей по русской исторіи посвященъ исключительно *Кіевской Руси* и, подобно всѣмъ выпускамъ «Библиотеки для самообразованія», стоитъ въ извѣстной неразрывной связи съ программами домашняго чтенія на четыре года систематическаго курса по исторіи, издаваемыми московскою комиссіей по организаціи домашняго чтенія. Но въ общемъ предлагаемый сборникъ имѣетъ и совершенно самостоятельное значеніе, такъ какъ онъ является матеріаломъ не только для домашняго самообразовательнаго чтенія по русской исторіи, но и для подготовки преподавательскаго персонала средней школы, а равно для семинарскихъ занятій въ высшей школѣ. Особенностью сборника надо признать то, что онъ одновременно знакомитъ и съ опредѣленной исторической эпохой, какъ таковой, и съ ходомъ разработки ея въ нашей исторіографіи. Этотъ исторіографическій интересъ сборника долженъ быть особенно подчеркнутъ, если имѣть въ виду его примѣнимость для семинарскихъ занятій въ высшей школѣ. Сбор-

никъ составленъ по опредѣленному плану и представляетъ изъ себя стройное цѣлое; въ его составѣ редакторъ не намѣчаетъ ни трудныхъ, ни легкихъ статей—всѣ одинаково требуютъ изученія, разъ поставлена задача исторіографическаго или научно-историческаго изученія *Кіевской Руси* въ широкомъ смыслѣ этого термина. Остановливаясь исключительно на явленіяхъ древнѣйшаго общественнаго и государственнаго строя славянъ на восточно-европейской равнинѣ, политическаго, соціальнаго и юридическаго строя *Кіевской Руси*, сборникъ совершенно игнорируетъ внѣшніе факты государственной исторіи древней Россіи, которые предполагаются въ общихъ чертахъ знакомыми. Что касается непосредственнаго состава сборника, то, представляя изъ себя, какъ уже сказано, одно стройное цѣлое, онъ даетъ подборъ отрывковъ изъ научныхъ сочиненій и нѣкоторыхъ первоисточниковъ. Большинство отрывковъ изъ научныхъ сочиненій такъ или иначе приспособлено для цѣлей сборника, при чемъ выдержки изъ первоисточниковъ даны въ подлинникѣ, слѣдуя прекрасному замѣчанію В. И. Сергѣевича въ предисловіи къ первому тому его «Русскихъ Юридическихъ Древностей», (Спб. 1890, стр. V): «только чтеніе подлинныхъ памятниковъ можетъ дать живое пониманіе древности». Слѣдуетъ замѣтить, что по подлинникамъ же подправлялся текстъ выдержекъ изъ первоисточниковъ въ предложенныхъ сборникомъ отрывкахъ изъ научныхъ сочиненій. Въ настоящемъ первомъ томѣ *Кіевской Руси* вовсе отсутствуетъ культура и просвѣщеніе этой эпохи. Такое отсутствіе не пробѣлъ и не игнорированіе; второй томъ *Кіевской Руси*, который долженъ выйти въ свѣтъ въ самомъ непро-

XVIII

должительномъ времени, предполагено цѣликомъ посвятить культурѣ и просвѣщенію Кіевской Руси, при чемъ, кромѣ соответственнаго текста, этотъ второй томъ будетъ снабженъ наиболѣе характерными иллюстраціями и снимками, безъ которыхъ пониманіе многихъ сторонъ культурнаго развитія частью затруднено, частью невозможно.

Василій Сторожкевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Начальный періодъ русской исторіи	1—394
ОТДѢЛЪ I. Древнѣйшій общественный строй Россіи.	1—142
I. «Государственная» теорія древняго быта (по <i>Ѳ. И. Леонтовичу</i>)	1—8
II. Теорія родового быта въ первоначальной формѣ (по <i>С. М. Соловьеву</i>)	9—21, 47—58
III. Теорія общиннаго быта въ первоначальной формѣ (по <i>К. С. Аксакову</i>)	22—47
IV. Теорія родового быта въ позднѣйшей пере- работкѣ (по <i>А. И. Никитскому</i>)	59—90
V. Теорія общиннаго быта въ позднѣйшей пере- работкѣ (по <i>Ѳ. И. Леонтовичу</i>)	91—113
VI. Теорія семейной общины задружнаго типа въ новѣйшей обработкѣ (по <i>А. Е. Прятня-</i> <i>кову</i>)	114—128
VII. Семейная община южныхъ славянъ и боль- шая русская семья (по <i>Н. Н. Харузину</i>)	129—142
ОТДѢЛЪ II. Развѣтіе государственнаго строя Россіи.	143—394
VIII. Государственная теорія	143—227
A. Родовая теорія междукняжескихъ отно- шеній (по <i>С. М. Соловьеву</i>)	143—151, 152—168, 195—199
B. Вотчинная теорія (по <i>К. Д. Кавелину</i>)	169—195
C. Частно-правовая теорія (по <i>Б. Н. Чиче-</i> <i>рину</i>)	200—227

	<i>Стр.</i>
IX. Земская теорія (по <i>Н. И. Костомарову</i>).	228—255
X. Комбинированныя теоріи (по <i>В. И. Сергѣвичу</i> , <i>А. Д. Градовскому</i> и <i>В. О. Ключевскому</i>).	256—292, 293—332, 333—368
XI. Новѣйшая теорія отчужденнаго начала и старѣйшинства (по <i>А. Е. Прѣслякову</i>).	369—394
II. Кіевская Русь XI—XII вв.	395—660
ОТДѢЛЪ III. Политическій и социальный строй Кіевской Руси	397—546
XII. Политическое значеніе древне-русскаго города и князя въ связи съ заграничной торговлей (по <i>В. О. Ключевскому</i>).	397—409
XIII. Роль вѣншей торговли въ общемъ строѣ народнаго хозяйства Кіевской Руси (по <i>Н. А. Рожкову</i>).	410—432
XIV. Кіевская городская община и ея вѣче (по <i>М. С. Грушевскому</i>).	433—449
XV. Князь и дружина	450—496
А. Общая характеристика княжеской власти (по <i>В. И. Сергѣвичу</i> и <i>А. Е. Прѣслякову</i>).	450—468, 469—478
Б. Составъ и значеніе дружины: дружинники въ роли совѣтниковъ князя и представителей администраціи (по <i>В. О. Ключевскому</i> и <i>А. Е. Прѣслякову</i>).	477—491, 492—496
XVI. Зависимое и несвободное населеніе	497—545
А. Смерды (по <i>В. И. Сергѣвичу</i>).	497—506
В. Закупы (по <i>В. И. Сергѣвичу</i>).	507—524
С. Холопы (по <i>В. Н. Сторожеву</i>).	525—545
ОТДѢЛЪ IV. Юридическій строй Кіевской Руси	547—660
XVII. Текстъ «Русской Правды» по Троицкому списку.	547—574
XVIII. «Русская Правда» въ переводѣ на современный русскій языкъ (по <i>В. Н. Сторожеву</i>).	575—600

XIX. «Русская Правда», какъ юридическій сборникъ древней Руси (по М. Ф. Владимірскому-Буданову и Н. Л. Дювернуа) . . .	601—606, 607—610
XX. Судъ въ эпоху «Русской Правды» (по Н. Л. Дювернуа)	611—637
XXI. Преступленіе и наказаніе по «Русской Правдѣ» (по М. Ф. Владимірскому-Буданову) . .	638—651
XXII. Внутренняя дѣятельность Владимира Мономаха (по М. С. Грушевскому).	652—660

I.

**НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОДЪ РУССКОЙ
ИСТОРИИ.**

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ДРЕВНѢЙШІЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИИ.

I. «ГОСУДАРСТВЕННАЯ» ТЕОРІЯ ДРЕВНЯГО БЫТА.

(*Г. И. Леонтовичъ*. «Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи». «Ж. М. Н. Пр.» 1874 г., №№ 6—8).

До 40-хъ годовъ девятнадцатаго столѣтія изслѣдователи наши держались почти одинаковыхъ воззрѣній и идеаловъ по вопросу о началахъ, опредѣлявшихъ сущность политическаго быта древней Россіи. Развѣтная первыми нашими историками *государственная теорія* господствовала въ наукѣ до появленія знаменитаго ученія Соловьева о родовомъ бытѣ, начавшаго собою новую эпоху въ развитіи науки русской исторіи; но старая теорія и позднѣе не теряла кредита въ нашей литературѣ.

Татищевъ, *Шлецеръ* и другіе историки прежняго времени видѣли въ древней Руси *государство*, основанное иноплеменниками — варяжскими князьями съ дружиной. Впрочемъ, въ трудахъ этихъ историковъ мы еще не находимъ цѣльныхъ представленій объ общихъ законахъ, лежавшихъ въ основѣ всей общественной жизни русскаго народа. Мнѣнія, высказывавшіяся этими учеными по отдѣльнымъ вопросамъ, не имѣютъ характера строго-научныхъ теорій.

Первая попытка въ этомъ родѣ встрѣчается въ трудѣ *Н. М. Карамзина* (Исторія государства російскаго. Спб. 1816). Онъ первый старался формулировать законченную теорію, уяснить если не общія начала, то, по крайней мѣрѣ, главныя явленія древне-русскаго политическаго быта. По мнѣнію нашего исторіографа, русская земля при первыхъ же князьяхъ является государствомъ, даже больше—монархіей. Славяне, побуждаемые внутренними распрями, добровольно уничтожаютъ свое народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, основываютъ государство, вводятъ у себя монархическую власть. Въ этой монархіи съ Рюрика же утверждается система феодальная, помѣстная или удѣльная, образовавшаяся въ силу обычая, общаго германскимъ народамъ и занесеннаго къ намъ варягами ¹⁾. Народъ покорялся монархической власти князей, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности и въ дѣлахъ важныхъ сходился на общій совѣтъ (вѣче), бывшій древнимъ обычаемъ и доказывавшій участіе гражданъ въ управленіи. Правленіе основывалось на двухъ уставахъ — самовластія и вольности. Князья единодержавные (первой эпохи—феодальной монархіи ²⁾, существовавшей до Ярослава) повелѣвали народомъ, — народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Съ раздѣленіемъ государства (при Ярославѣ, преобразовавшемъ его въ удѣльную монархію) народъ, видя слабость князей, хотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы княжеской власти или

¹⁾ Мысль о феодализмѣ на Руси впервые высказана *А. Л. Шлецеромъ* (въ его «Несторѣ» II, 7).

²⁾ Новую постановку вопроса о феодализмѣ въ древней Руси находимъ въ работахъ *Н. П. Павлова-Сильванскаго*. *Ред.*

противился ея дѣйствию. Но старый порядокъ (самовластія) не отмѣнялся окончательно: князья налагали дань, судили, наказывали и пр., хотя и народъ, пользуясь свободою вѣча, вмѣшивался въ дѣла и распоряженія князей, а иногда, какъ высшій законодатель, рѣшалъ судьбу государей.

Воззрѣнія Карамзина и Полевого ¹⁾ находимъ затѣмъ у всѣхъ современныхъ историковъ. Всѣ имѣли передъ глазами монархію Рюрика, верховную неограниченную власть князей, разграниченіе двухъ политическихъ системъ — южно-русскихъ монархическихъ княжествъ и новгородской республики и пр. (стр. 203—205).

Итакъ,... формула государственной теоріи слѣдующая: славяне, сознавшіе необходимость «основанія государства», призвали въ половинѣ IX столѣтія князей, которые затѣмъ приняли надъ ними верховную власть, какъ государи надъ своими подданными, за исключеніемъ сѣверныхъ областей — Новгорода и Пскова, гдѣ развился другой порядокъ — народоправство, съ верховною властью народа или вѣча.

Прежде всего замѣтимъ, что призваніе князей «княжить и владѣть» еще не означало призванія принять верховную власть, управлять въ смыслѣ государственномъ. Путемъ призванія князей, безъ другихъ, болѣе важныхъ и существенныхъ условий, не создается еще государственная власть, не основывается государство. У славянъ, насколько запомнить исторія, были постоянно въ общинахъ рядники, постоянно призывались старшины, вла-

¹⁾ См. его «Исторію русскаго народа». М. 1830 — 1833. *Ред.*

дыки, жупаны и князья, которые также «володѣли», княжили, вели нарядъ «по праву». Даже больше: княжили и володѣли вожди кочевыхъ родовъ и племень; но едва ли можно сказать, что они княжили во имя высшей государственной идеи. Не нужно забывать, что фактъ призванія нарядниковъ самъ по себѣ, безъ другихъ условій, еще не много значить. Исторія нерѣдко представляетъ примѣры того, что государства создаются иногда безъ всякаго призванія князей, когда есть налицо другія обстоятельства, понуждающія народъ силою вещей къ созданію государственнаго быта. Съ другой стороны, несмотря на постоянные призывы княжить, тѣмъ не менѣе, не возникаетъ государство; народъ продолжаетъ жить по-старому, дробясь на автономическіе союзы, безъ всякаго сознанія необходимости въ государственномъ единствѣ. Нельзя считать исторически вѣрнымъ мысль о томъ, что, призывая князей, славяне «отказались отъ всѣхъ притязаній на управленіе, предпочли *безопасное подданство* опасной свободѣ» (*Эверса*, «Предварит. критич. изслѣдованія», 51). Исторія, напротивъ, ясно свидѣтельствуетъ, что славяне вовсе не думали отказываться отъ своего внутренняго наряда и «опасной свободы». Борьба изъ-за вольностей и пошлинъ наполняетъ всю нашу исторію вплоть до московской эпохи, когда эта борьба въ корнѣ ослабила старую «волю» общинъ, и когда поэтому начала дѣйствительно крѣпнуть въ народномъ сознаніи мысль о государственномъ единствѣ, а съ нею—и мысль объ «основаніи» государства. Въ виду этого, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что славянамъ не было никакой надобности

призывать князей для внутренней управы и наряда, так какъ въ этомъ отношеніи на Руси были собственные посредники, изстари существовалъ прочный и сильный нарядъ, устройство, власть и управа, не нуждавшаяся въ помощи сторонняго посредника (*Лешкова*, «Общинный бытъ древней Россіи» въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.», т. ХСІ, стр. 148 и слѣд.). Въ князьяхъ, дѣйствительно, нуждались; но эта потребность вовсе не имѣла государственнаго характера, — коренилась вообще въ условіяхъ стараго общиннаго быта.

Историки Карамзинской эпохи видятъ въ первыхъ же Рюриковичахъ «государей-монарховъ», съ верховною властью надъ подданными, — воззрѣніе, котораго держались и нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ. Страшная политическая сила и неограниченная власть князей видна, по словамъ одного изъ нихъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ Олега, Игоря и другихъ властелиновъ, дѣйствовавшихъ совершенно независимо отъ народа, какъ полные политическіе самовластцы относительно своего земства: «Обладатель множества народовъ, Олегъ, самовластно распоряжается и внутри своихъ владѣній: назначаетъ въ города своихъ мужей-посадниковъ, устанавливаетъ дани, заключаетъ договоры съ сосѣдними государствами, надъ однимъ изъ городовъ произноситъ свое повелительное: «се буди мати градомъ русскимъ». Это ли не сильный князь? Возьмите послѣдующихъ князей: Владимира святого и Ярослава I. Одинъ задумалъ переимѣнить государственную религію, другой — формулировать обычныя формы права въ положительный законъ — и «бысть тако» (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.», т. СХLVI,

стр. 100). Дѣло въ томъ, что страшная политическая сила князей сама по себѣ еще не служитъ доказательствомъ дѣйствительнаго значенія князей, какъ государей, представителей «государственной» власти. Политическимъ могуществомъ и силою, съ строгимъ военно-деспотическимъ характеромъ, владѣли и родовые вожди кочевниковъ; дикія орды связывались по преимуществу страшною политическою силою ихъ предводителей. Самая необузданность грубой, матеріальной силы, не умѣряемой никакимъ нравственнымъ началомъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ отсутствія въ ней государственнаго элемента. Нужно знать, что въ условіяхъ стараго общиннаго быта заключались всевозможныя проявленія силы и власти, общиннаго наряда. Еще у древнихъ славянъ князь, который былъ «любъ» землѣ, жилъ съ нею въ «одинокствѣ», дѣйствительно пользовался неограниченною властью (см. *Бестужева-Рюмина*, «Русск. Ист.», I, 49); но эта власть была проявленіемъ политической силы и могущества не князя лично, а земли, которая его поддерживала и придавала ему, какъ своему вождю, страшную политическую силу и значеніе. Такъ нужно смотрѣть и на дѣйствія такихъ князей-властелиновъ, какъ Олегъ «вѣщій», Владимиръ «красное солнышко» или Мономахъ, «добрый страдалецъ за русскую землю». Безъ поддержки и единенія съ землею князь въ старое время ничего не значилъ, — былъ такимъ же «изгоемъ», какъ и всякій членъ общины, лишившійся ея довѣрія, изгнанный ея изъ своей среды. Изгойство князей нисколько не мирится со взглядомъ на нихъ, какъ на представителей верховной власти. Кромѣ политической силы князей, исто-

рики обращаютъ вниманіе также на другую сторону вопроса—на молчаніе лѣтописей о вѣчахъ въ Кіевѣ и другихъ южно-русскихъ земляхъ,—и отсюда заключаютъ о томъ, что здѣсь вовсе не былъ развитъ вѣчевой бытъ. Но, по справедливому замѣчанію Костомарова («Начало единодерж.», 21), лѣтописи, говоря по преимуществу о вѣшнихъ событіяхъ, выходившихъ изъ уровня обыденной жизни, не считали нужнымъ замѣчать такихъ незанятельныхъ для нихъ, простыхъ явленій, какъ сходбища людей на совѣщанія о своихъ дѣлахъ. Древнѣйшая Русская Правда такъ же скупа на извѣстія о вѣчахъ, какъ и о другихъ предметахъ, напримѣръ, хоть о наслѣдованіи; но историкъ-юристъ не считаетъ себя въ правѣ заключать отсюда, что и въ жизни вовсе не было наслѣдственнаго права,—онъ ищетъ его въ обычномъ правѣ. Тамъ же слѣдуетъ искать и почву вѣчевого быта древнихъ русскихъ земель.

Ни старые князья, ни самыя волости и земли не сознавали государственной идеи, не имѣли мотивированнаго сознанія ни о государственномъ единствѣ народа, ни о верховномъ, правительственномъ назначеніи князя или вѣча, какъ представителей государственнаго порядка. Власть ихъ существовала и создавалась не въ принципѣ, а въ практикѣ: безъ власти, наряда немыслимо вѣдь какое общезжитіе людей. Не было сознанія о свойствахъ власти; она принадлежала князю или вѣчу не въ силу сувереннаго права, создаваемого лично (монархія) или коллективно (республика), но просто потому, что кто-нибудь да долженъ вести нарядъ, не выходя только изъ сферы обычаевъ предковъ, установив-

шихся съ незапамятныхъ временъ. Государственное сознаніе было совершенно невысказано у русскихъ славянъ эпохи Рюриковичей, какъ ихъ рисуютъ летописи и другіе несомнѣнные историческіе источники. Предъ византійскимъ императоромъ, окруженнымъ всѣми атрибутами верховной власти, былъ почти ничто Святославъ, русскій князь, суровый дружинникъ - колонизаторъ, привыкшій проводить ночи подъ открытымъ небомъ, на конскомъ потникѣ, да ходить «въ путь» для сбора дани и добычи. Предъ этимъ княземъ греки могли смиряться, но такъ, какъ смирялись предъ всякою необузданною силою природы...

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что политическій бытъ древней Россіи начался не съ государства, какъ полагалъ Карамзинъ и его современники, но, какъ и у другихъ народовъ, — съ родовой или общинной формы жизни. Въ пользу рѣшенія вопроса въ смыслѣ первой проблемы говорить теорія Соловьева; въ пользу второй — теорія славянофиловъ (стр. 194—199).

II. ТЕОРИЯ РОДОВОГО БЫТА ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ФОРМѢ.

(С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Т. I. М. 1851).

Что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ о немъ слѣдующее извѣстіе: «Подем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Мы теперь почти потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ; мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи, но предки наши не знали семьи¹⁾, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой и потому употребляли слово родъ также въ

¹⁾ Семья (отъ со-имаю) означала первоначально *жену, супругу* (со-прягаю, со-имаю), потомъ уже стала означать и происшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ; жены въ письмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: *семьница твоя така-то; семьянитъся* значило *соединяться*; въ крестоприводныхъ грамотахъ налагалась обязанность не семьянитъся ни съ кѣмъ на государя. — По Аксакову «названіе жены семьницею есть не уменьшительная, а личная форма» (семьяннѣ, семьница).

смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа ¹⁾); для означенія родовыхъ линій употреблялось слово *племя*. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили разныя названія—старцевъ, жушановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у славянъ русскихъ, и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства ²⁾). Существуютъ различные взгляды на родовой бытъ: одни представляютъ его въ идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключитель-

1) «И избрашася 3 брата с роды своими, и поша по собѣ всю Русь», «ти суть людье новгородци отъ рода варяжска, преже бо бѣша словѣни», «мы отъ рода рускаго» — *Лаврент. жит.*

2) К. Аксаковъ пишетъ по поводу этого мѣста: «Въ словахъ автора есть или противорѣчіе или неясность. Сказавъ, что предки наши *не знали* семьи, что родъ есть совокупность и близкихъ и дальнихъ степеней родства (опредѣленіе довольно ясное), авторъ потомъ ставитъ рядомъ «старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства»,—какъ будто это одно и то же! Отецъ семейства еще не былъ родоначальникомъ: если же бы каждый отецъ семейства былъ родоначальникомъ, то родъ не могъ бы состоять изъ дальнихъ и близкихъ степеней родства (при чемъ могло бы быть и много отповъ семействъ) и не переходилъ бы предѣлы обыкновенной семьи. Итакъ, принимая вышеприведенное опредѣленіе Соловьева, мы должны сказать, что родоначальникъ не то, что отецъ семейства, значеніе котораго много ослабѣваетъ при родовомъ бытѣ» (стр. 68). См. далѣе третью рубрику (стр. 22—47). Насколько Соловьевъ согласенъ былъ съ возраженіями Аксакова, видно изъ позднѣйшаго примѣчанія его къ приведенному здѣсь отрывку изъ *Исторіи Россіи*; это примѣчаніе читатель найдетъ далѣе, послѣ изложенія статьи К. Аксакова, на стр. 48 — 58.

ное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, напротивъ, смотря на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе родственниковъ отношеній правительственными, при чемъ приводятъ въ примѣръ семью римскую и германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родового быта идиллически; нельзя забывать о первобытномъ младенческомъ состояніи народа, котораго движенія, страсти мало чѣмъ обуздываются; не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды; что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ неопредѣленность, случайности. Но съ другой стороны, мы не можемъ вполне раздѣлять и противоположнаго взгляда: правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти, но не знаемъ, въ правѣ ли мы будемъ допустить совершенное подавленіе родственниковъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій; не имѣемъ ли мы права предположить, что родственныя отношенія, въ свою очередь, смягчали отношенія правительственныя? Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? Владимиръ имѣетъ право казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ; но входитъ малютка-сынъ — и мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, пода-

влялись ли родственныя отношенія правительственными, но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія. Мы не должны только по своимъ христіанскимъ понятіямъ судить о поступкахъ языческихъ грубыхъ народовъ. Такъ, напримѣръ, отецъ въ семьѣ германской и литовской осуждалъ на гибель новорожденныхъ дѣтей своихъ, если семья была уже многочисленна или если новорожденные были слабы, увѣчны; но такое поведеніе отцовъ, приводящее насъ въ ужасъ, проистекало у язычниковъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми; язычники смотрѣли на жизнь человѣка съ чисто матеріальной стороны; при господствѣ физической силы человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ несчастнымъ, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигомъ состраданія. Доказательствомъ тому служить обязанность дѣтей у германцевъ и литовцевъ убивать своихъ престарѣлыхъ, лишенныхъ силъ родителей. Эти обычаи велись преимущественно у племенъ воинственныхъ, которыя не терпѣли среди себя людей лишнихъ, слабыхъ и увѣчныхъ, не могшихъ оказывать помощи на войнѣ, защищать родичей, мстить за ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смерти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у народа, относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ; такъ не встрѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ славянъ: лѣтописецъ, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ обычаяхъ. Даже у

славянъ померанскихъ, которые по воинственному характеру своему и по сосѣдству съ племенами германскими и литовскими являются болѣе похожими на послѣднихъ, даже и у этихъ славянъ съ престарѣлыми и слабыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чѣмъ у германцевъ и литовцевъ. Вообще же должно остерегаться дѣлать точныя опредѣленія первоначальному родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.

Отношенія родоначальника къ родичамъ понятны, когда родъ состоитъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ умираетъ, то какимъ образомъ поддержится единство рода? Оно поддерживалось возстановленіемъ отеческой власти: одинъ изъ старшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто. Старинная чешская пѣсня ¹⁾ говоритъ: «Когда умереть глава рода, то всѣ дѣти сообща владѣютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ рода своего владыку». Такъ теперь у южныхъ славянъ, удержавшихъ черты древняго быта, часто деревня состоитъ изъ одного рода, который управляется самимъ собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, *старшины*. Этотъ старшина не всегда бываетъ физически старшимъ въ родѣ: онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе *посадить князя*. Избранный старшина управляетъ всѣми работами,

¹⁾ Соловьевъ ссылается здѣсь на Краледворскую рукопись, подложность которой въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію.

хранить общественную казну, взносить подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи владыки рода, какъ жреца, потому что, окруженный всѣми родичами, кадитъ иконы. Послѣдующая исторія Рюрикова княжескаго рода показываетъ, что и въ бытѣ нашихъ восточныхъ славянъ имѣли мѣсто тѣ же самыя явленія: старшій братъ обыкновенно заступалъ мѣсто отца для младшихъ. Къ старшинству послѣдняго родичи привыкали еще при жизни отца: обыкновенно въ семьѣ старшій сынъ имѣетъ первое мѣсто по отцѣ, пользуется большей довѣренностью послѣдняго, является главнымъ исполнителемъ его воли; въ глубокой старости отца заступаетъ совершенно его мѣсто въ управленіи семейными дѣлами; отецъ при смерти обыкновенно благословляетъ его на старшинство послѣ себя, ему поручаетъ семью.

Такимъ образомъ, по смерти отца старшій братъ естественно наследуетъ старшинство, — становится въ отца мѣсто для младшихъ. Младшіе братья ничего не теряли съ этою переменною: старшій имѣлъ обязанность, блюсти выгоды рода, думать и гадать объ этомъ, имѣть всѣхъ родичей какъ душу; права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему какъ старшему; къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось: онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды, онъ судилъ и наказывалъ... Но всѣ эти распоряженія получали силу только при общемъ согласіи, когда всѣ видѣли, что старшій поступаетъ съ ними какъ отецъ,

наблюдаетъ строгую справедливость; власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только черезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній. Невозможно, чтобы младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія. Онъ уважалъ старшаго брата какъ отца; но когда этотъ старшій братъ, по его мнѣнію, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не по-родственному, но какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ самымъ родственнѣйшій союзъ, родственныя отношенія между ними рушились,—рушились вмѣстѣ всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ не опредѣленные. Если большинство братьевъ принимало сторону старшаго противъ младшаго, то, разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ, или выйти изъ рода. Но могло очень случиться, что сторону младшаго принимали другіе братья,—отсюда усобицы и распаденіе рода. Если же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю, или выйти изъ рода, который избиралъ другого старшаго. Такіе случаи могли быть не рѣдки, какъ видно изъ послѣдующей исторіи Рюрикава княжескаго рода. Изъ этой исторіи мы знаемъ также, какимъ исключеніямъ подвергался обычай давать княже-

нія всегда старшему въ родѣ; знаемъ, какъ терялись права на старшинство вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, когда, напр., личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго. Могло случиться, что самъ отецъ при жизни своей, будучи недоволенъ поведеніемъ старшаго, отнималъ у него значеніе старшинства, которое передавалъ младшему. Случаи исключенія изъ старшинства, борьба за него должны были происходить чаще, когда родъ дробился все болѣе и болѣе, племена (линіи) расходились, и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо происходила вражда, усобица между членами рода и линиями, отъ нихъ происходившими. Такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторженіемъ нѣкоторыхъ линий отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія мѣста. Но такъ какъ причиною выселенія была вражда, то ясно, что выселившіяся линіи, образовавшись въ особые роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами.

Обширность и дѣвственность населенной восточными славянами страны давали родичамъ возможность выселяться при первомъ новомъ неудовольствіи, что, разумѣется, должно было ослаблять усобицы: мѣста было много, — за него, по крайней мѣрѣ, не нужно было ссориться. Но могло случаться, что особенныя удобства мѣстности привязывали къ ней родичей и не позволяли имъ такъ легко выселяться; это особенно могло случаться въ городахъ, мѣстахъ, выбранныхъ родомъ по особенному удобству и огороженныхъ, укрѣпленныхъ общими усиліями родичей и цѣлыхъ поколѣній; слѣдовательно,

въ городахъ уособицы долженствовали быть сильнѣе. О городской жизни восточныхъ славянъ изъ словъ лѣтописца можно заключать только то, что эти огороженные мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ. Кіевъ, по лѣтописцу, былъ жилищемъ рода («и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ... се Кий княжаше в родѣ своемъ»). При описаніи междоусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ («и вѣста родъ на родъ»); изъ этого ясно видно, какъ развито было общественное устройство, — видно, что до призванія князей оно не переходило еще родовой грани. Первымъ признакомъ общенія между отдѣльными родами, живущими вмѣстѣ, должны были быть общіе сходки, совѣты, вѣча; но на этихъ сходкахъ мы видимъ и послѣ однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что эти вѣча — сходки старшинъ, родоначальниковъ — не могли удовлетворить возникшей общественной потребности — потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизмъ, — доказательствомъ служатъ уособицы родовыя, кончившіяся призваніемъ князей. Несмотря на то, первоначальный славянскій городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городова жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ, была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ; въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя уособицы должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала. Остается вопросъ: какое отношеніе было между этими горо-

дами и народонаселеніемъ, внѣ ихъ живущимъ,—было ли это народонаселеніе независимо отъ города или подчинено ему? Естественно предположить городъ первымъ пребываніемъ поселенцевъ, откуда народонаселеніе распространялось по всей странѣ: родъ являлся въ новой странѣ, селился въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для большей безопасности и потомъ уже, вслѣдствіе размноженія своихъ членовъ, наполнял и всю окрестную страну. Если предположить выселеніе изъ городовъ младшихъ членовъ рода или родовъ, тамъ живущихъ, то необходимо предположить связь и подчиненіе, разумѣется, родовое, младшихъ старшимъ. Ясные слѣды этого подчиненія мы видимъ позднѣе въ отношеніяхъ новыхъ городовъ или пригородовъ къ городамъ старымъ, откуда они получили народонаселеніе. Но, кромѣ этихъ родовыхъ отношеній, связь и подчиненность сельскаго народонаселенія городскому могли скрѣпляться и по другимъ причинамъ: сельское народонаселеніе было разбросано, городское совокуплено, и потому послѣднее имѣло всегда возможность обнаруживать свое вліяніе надъ первымъ; въ случаѣ опасности сельское народонаселеніе могло находить защиту въ городѣ, необходимо примыкало къ послѣднему и по этому уже самому не могло сохранить равнаго съ нимъ положенія. На такое отношеніе городовъ къ окружному народонаселенію находимъ указанія въ лѣтописи: такъ говорится, что родъ основателей Кіева держалъ княженіе среди полянъ («и по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе въ Поляхъ»). Но съ другой стороны, мы не можемъ предполагать большой точности, опредѣленности въ этихъ отношеніяхъ, ибо и послѣ,

въ историческое время, отношеніе пригородовъ къ старшему городу не отличалось опредѣленностью, и потому, говоря о подчиненіи сель городамъ, о связи родовъ между собою, зависимости ихъ отъ одного центра,—мы должны строго различать эту подчиненность, связь, зависимость въ дорюриковское время отъ подчиненности, связи и зависимости, начавшихъ утверждаться мало-по-малу послѣ призванія князей варяжскихъ. Если сельчане считали себя *младшими* относительно горожанъ, то легко понять, въ какой степени признавали они себя зависимыми отъ послѣднихъ, какое значеніе имѣлъ для нихъ старшина городской. Городовъ, какъ видно, было немного: знаемъ, что славяне любили жить разсѣянно, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ. На всемъ пути изъ Новгорода до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города—Смоленскъ и Любечъ. У древлянъ упоминаются города и кромѣ Коростеня; на югѣ должно было находиться больше городовъ: здѣсь болѣе было нужды въ защитѣ отъ нашествія дикихъ ордъ, да и потому, что мѣсто было открытѣе. У тиверцевъ и угличей были города, сохранившіеся и во времена лѣтописца; въ средней полосѣ—у дреговичей, радимичей и вятичей — не встрѣчается упоминанія о городахъ.

Кромѣ преимуществъ, которыя городъ (т.-е. огороженное мѣсто, въ стѣнахъ котораго живетъ одинъ многочисленный или нѣсколько отдѣльныхъ родовъ) могъ имѣть надъ окружающимъ разсѣяннымъ народонаселеніемъ, могло, разумѣется, случаться, что одинъ родъ, сильнѣйшій матеріальными средствами, получалъ преимущество передъ другими

родами, что князь, начальникъ одного рода, по своимъ личнымъ качествамъ получалъ верхъ надъ князьями другихъ родовъ. Такъ, у южныхъ славянъ, о которыхъ византийцы говорятъ, что у нихъ много князьковъ и нѣтъ единого государя, иногда являются князья, которые по своимъ личнымъ достоинствамъ выдаются впередъ, какъ, напр., знаменитый Лавритасъ. Такъ и у насъ, въ известномъ разсказѣ объ Ольгиной мести, у древлянъ сначала на первомъ планѣ является князь Малъ; но замѣтимъ, что здѣсь нельзя еще принимать Мала непремѣнно княземъ всей древлянской земли: можно принимать, что онъ былъ князь коростенскій только. Что въ убіеніи Игоря участвовали одни коростенцы подъ преимущественнымъ вліяніемъ Мала, остальные же древляне приняли ихъ сторону послѣ, по ясному единству выгодъ,—на это прямо указываетъ преданіе: «Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣ е бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ, а Древляне затворишася въ градѣ, и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати». Малу, какъ главному зачинщику, присудили и жениться на Ольгѣ. На существованіе другихъ князей, другихъ державцевъ земли, указываетъ преданіе въ словахъ пословъ древлянскихъ: «а наши князи добри суть, иже распасли суть деревьску землю, да поиди за князь нашъ за Малъ»; объ этомъ свидѣтельствуется и молчаніе, которое хранитъ лѣтопись относительно Мала во все продолженіе борьбы съ Ольгой.

Родовой бытъ условливалъ общую, нераздѣльную собственность, и, наоборотъ, общность, нераздѣль-

ность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, — выдѣленіе условливало необходимо и расторженіе родовой связи. Извѣстная уже чешская пѣсня¹⁾ говоритъ: «Когда умретъ родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода». Общее владѣніе родоюю собственностью необходимо заставляло родичей возстановлять значеніе отца, выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣдовательно, возобновленіе прежнихъ отношеній, какъ они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе. Должно замѣтить, что родовую связь и общую, нераздѣльную собственность поддерживала простота быта, малочисленность нуждъ, легко удовлетворяемыхъ общими первоначальными занятіями²⁾ родичей (книга I, стр. 49 — 59 по изд. товарищества «Общественная Польза»).

¹⁾ См. выше примѣчаніе на стр. 13.

Ред.

²⁾ О родовомъ бытѣ у славянъ, кромѣ своихъ писателей, свидѣтельствуютъ также иностранные: Прокопій говоритъ, что они не повинуются одному властителю, но изначала живутъ при народномъ правленіи; это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія, который говоритъ, что у славянъ много царьковъ, ибо, съ одной стороны, князья, старшины родовъ могутъ являться съ характеромъ правителей, съ другой — равенство этихъ родоначальниковъ другъ передъ другомъ, общія ихъ сходки или вѣча, представлялись для грека демократією; такъ Маврикіій, упоминая о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что славяне не знаютъ правительства; Прокопій прибавляетъ, что у славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. — Срв. это примѣчаніе С. Соловьева съ тѣмъ, что по поводу него пишетъ К. Аксаковъ и что приведено далѣе на стр. 28.

III. ТЕОРІЯ ОБЩИННАГО БЫТА ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ФОРМѢ.

(К. С. Аксаковъ. «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности. По поводу мнѣній о родовомъ бытѣ», *Московский Сборникъ*, Т. I. М. 1852).

Теорія общиннаго быта въ ея первоначальной формѣ развилась въ прямомъ противоположеніи съ вышеизложенной родовой теоріей. Литературный представитель общинной теоріи К. Аксаковъ съ двухъ точекъ зрѣнія напалъ на своихъ противниковъ: 1) онъ находилъ невѣрности и внутреннія противорѣчія въ данномъ ими опредѣленіи родового быта; 2) онъ доказывалъ неуспѣшность ихъ попытокъ вскрыть начала родового быта въ древнерусскихъ историческихъ свидѣтельствахъ.

1) Соловьевъ и Кавелинъ—два главнѣйшіе представителя родовой теоріи—весьма сбивчиво и противорѣчиво рисуютъ намъ взаимныя отношенія членовъ родового союза. Изъ мнѣній Соловьева,—говоритъ Аксаковъ,—мы извлекаемъ, что родъ былъ совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ, и управлялся однимъ избираемымъ по необходимости родоначальникомъ (семья и отецъ семейства имѣютъ дру-

гое значеніе); потомъ, что родоначальникъ имѣлъ высшую власть, противъ которой, однако, могъ быть протестъ каждаго, и вслѣдствіе протеста вмѣшательство и судъ родичей, но что, по крайней мѣрѣ, родоначальникъ былъ главнымъ распорядителемъ» (по изд. М. 1889. Т. I, стр. 70).—«Здѣсь является противорѣчіе,—говорить К. Аксаковъ.—Если надъ родоначальникомъ нѣтъ высшей власти, то какъ же одно мнѣніе младшаго, что старшій поступаетъ съ нимъ не по родственному, разрушало родственныя связи? Правда, авторъ (т.-е. Соловьевъ) находитъ здѣсь нужнымъ судъ остальныхъ родичей, но, тѣмъ не менѣе, старшій могъ каждую минуту подлежать этому суду».

Кавелинъ¹⁾ развилъ это противорѣчіе въ еще болѣе рѣзкой и категорической формѣ. Если, по Соловьеву, нарушенія власти родоначальника происходятъ лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, то, по воззрѣнію Кавелина, эти нарушенія не были случайностью и вытекали изъ основныхъ особенностей родового быта, какъ явленіе совершенно равносильное и параллельное неограниченной власти родоначальника: родоначальникъ являлся верховнымъ жрецомъ, воплощенной судьбой для всѣхъ родичей, и въ то же самое время домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависѣлъ отъ всѣхъ членовъ родового союза. Такая противорѣчивость явленій, характери-

¹⁾ Аксаковъ въ своей статьѣ, полемизируя съ Кавелинымъ, имѣетъ въ виду обширную рецензію послѣдняго на книгу А. Терещенка (Спб. 1848); она перепечатана въ четвертой части «Сочиненій К. Кавелина» (М. 1859): взгляды Кавелина на древнѣйшій общественный и домашній бытъ славянъ изложены здѣсь на стр. 80 — 95.

зующая родовой бытъ, объяснялась, по мнѣнію Кавелина, тѣмъ обстоятельствомъ, что общественность того времени вообще не была построена и управляема такъ, какъ теперешнія человѣческія общества: патриархальный бытъ отличался совершенной неопредѣленностью первоначальныхъ родственныхъ отношеній. Родственные начала не были возведены въ юридическія опредѣленные начала: они существовали на фактъ, но не въ сознаніи, и потому произвольно соблюдались, но произвольно и нарушались, когда какія-нибудь причины къ этому побуждали.

К. Аксаковъ совершенно отрицаетъ возможность совмѣщенія такихъ противоположностей: «Что-нибудь одно: или была власть родоначальниковъ или ея не было. Если была, то случаи неповиновенія, не уничтожая основного начала или обычая, являютъ только исключенія и поѣтому важнаго значенія не имѣютъ, ибо подобныя нарушенія встрѣчаются въ исторіи и при всѣхъ формахъ государственныхъ. Если же эти противорѣчащія явленія не исключительныя и параллельныя, равносильныя (какъ, видно, принимаетъ Кавелинъ), то названіе родового быта здѣсь не у мѣста. Если есть какой-нибудь бытъ, то противорѣчащія явленія суть только исключенія; какъ скоро же противорѣчія не суть исключенія, слѣдовательно, равносильны; какъ скоро всѣ проявленія *случайны, временны*, — то здѣсь нѣтъ вовсе никакого быта: это просто первоначальный хаосъ, о которомъ не помнить исторія, о которомъ можно дѣлать предположенія, и который родовымъ, да и никакимъ бытомъ назваться не можетъ» (стр. 74—75). Неправильно изобразивъ внутренній строй ро-

дового союза, представители родовой теоріи допустили, по мнѣнію Аксакова, и другую погрѣшность: они не провели въ своемъ изображеніи рѣзкой разграничительной черты между родомъ и семьей, то противопоставляя понятія рода и семьи, то подставляя эти термины другъ подъ друга, какъ выраженія синонимическія. «Взглядъ Кавелина, — утверждаетъ Константинъ Аксаковъ (стр. 78), — сходенъ весьма со взглядомъ Соловьева. Родовой бытъ и родоначальниковъ признаютъ они оба; оба смѣшиваютъ родъ и семью. Соловьевъ видитъ нарушеніе власти родоначальниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; Кавелинъ признаетъ противорѣчащія этой власти явленія, какъ равносильныя. Но, несмотря на нѣкоторую недосказанность у перваго и на неопредѣленность у втораго, оба, не безъ противорѣчій самимъ себѣ, все-таки признаютъ родовой бытъ, вмѣстѣ съ родоначальниками, у древнихъ славянъ. Разница главная въ томъ, что Соловьевъ, не считая родовой бытъ особенностью славянъ, признаетъ, что онъ начинаетъ исчезать уже при Ярославѣ, а Кавелинъ доводитъ родовой бытъ въ Россіи до Петра Великаго» (стр. 78).

Въ противовѣсъ разобраннѣмъ воззрѣніямъ Аксаковъ даетъ затѣмъ слѣдующее опредѣленіе родового быта:

«Естественное, и только естественное, состояніе, лишенное всякаго сознанія, — не есть бытъ; о такомъ первомъ естественномъ состояніи исторія не помнитъ, и рѣчи объ немъ бытъ не можетъ. Бытъ является тогда, когда естественный порядокъ вначалѣ замѣченъ человѣкомъ, когда онъ въ него вѣрится и старается его удержать, когда является обы-

чай и преданіе. Первоначальный видъ общества и первоначальный бытъ есть, безспорно, родовой (отвергать его существованія мы никогда и не думали). Размножившаяся семья исчезаетъ, и является родъ, поглощающій семью, значеніе семьи: ибо здѣсь владыка рода есть *не отецъ, а родоначальникъ*; отношенія дѣтей къ своему отцу *смищены* вліяніемъ и значеніемъ общаго родоначальника, безусловнаго владыки рода. Любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей своей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патріархъ всего рода. Такое отношеніе, замѣненное человѣкомъ, вначалѣ кажется ему истиннымъ—и онъ старается его поддерживать. Когда жизнь родоначальника оказывается короче жизни рода—родоначальникъ *избирается*, и ему передается все значеніе перваго родоначальника; иногда званіе это наследственно. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь уже, при подобномъ устройствѣ, извѣстное начало (принципъ), порядокъ жизни, бытъ, именно бытъ родовой. По мѣрѣ размноженія рода, родъ получаетъ болѣе общественное, гражданское значеніе. Родовыя отношенія, оставаясь еще родовыми, получаютъ смыслъ гражданскій, а родоначальникъ становится властителемъ и судьей этого родового общества. Значеніе родоначальника, даже въ самомъ началѣ, какъ скоро онъ признается какъ родоначальникъ, носитъ ужь въ себѣ зародышъ гражданственности».

«Вотъ родовой бытъ. Что же мы въ немъ видимъ? Мы видимъ, во-первыхъ, что семья въ немъ исчезаетъ, ибо поглощена единствомъ рода и единствомъ родоначальника; во-вторыхъ, что отношенія

родовыя не остаются въ своей чистотѣ, а немедленно получаютъ значеніе гражданское, не переставая быть родовыми. Состояніе напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны семью, съ другой—*гражданственность*. Гражданственность смущаетъ родовыя отношенія; родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ».

«Такимъ образомъ *семья* и *родъ*, семейное и родовое начало, не только не одно и то же, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго, или оно слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родового или патріархальнаго, или же оно находится на слабой степени. Патріархальное и семейное начала образуютъ двѣ противоположности, хотя, повидимому, истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу.

«Родовой бытъ былъ первою общественною ступенью, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы; но одни только прошли черезъ него, не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ большими или меньшими подробностями, особенностями и оттѣнками» (стр. 80—82).

2. Отъ этихъ общихъ опредѣленій К. Аксаковъ переходитъ затѣмъ къ разбору прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. «Былъ ли родовой бытъ у славянъ? Былъ ли онъ для нихъ ступенью, черезъ которую они только прошли, или же онъ у нихъ продолжался нѣкоторое время? Можемъ ли мы только предполагать, что онъ былъ когда-то, единственно

опираясь на убѣжденіе, что всѣмъ народамъ слѣдовало черезъ него пройти, или есть на то какія-нибудь историческія данныя, до насъ дошедшія?»

Древнѣйшія извѣстія византійскихъ писателей о бытѣ славянъ свидѣлствуютъ не о родовомъ, а о семейно-общинномъ строѣ.

«Проконій говоритъ, что славяне не повинуются одному мужу, но изначала живутъ при народномъ правленіи (*ἐν δημοκρατία*). Это свидѣтельство говоритъ ясно противъ родового быта, ибо демократическое устройство такому быту противорѣчить.

«Маврикій, говоря, что у славянъ много царьковъ, въ то же время утверждаетъ, что они не знаютъ правительства.

«Соловьевъ соглашаетъ эти противорѣчія и разумѣетъ подъ царьками родоначальниковъ, говоря, что грекъ могъ принять родоначальниковъ за царьковъ, а родовыя отношенія младшихъ членовъ не могли быть для него понятны, ибо онъ привыкъ къ отношеніямъ государственнымъ и потому имѣлъ поводъ сказать, что славяне живутъ въ демократіи.

«Такое объясненіе ¹⁾ есть объясненіе заранѣе принятой мысли. Что выборные начальники или старшины, которые во всякой демократіи бываютъ, могли показаться царьками,—это дѣло возможное; но чтобы отношенія родовыя младшихъ къ старшимъ могли быть названы демократическими,—это болѣе нежели сомнительно» (стр. 82—83).

«Другое свидѣтельство Проконія объ обычаяхъ славянъ совѣщаются вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ ярко указываетъ на народное или общинное устройство. Соловьевъ видитъ въ этихъ общихъ совѣщаніяхъ —

¹⁾ Срв. выше примѣчаніе на стр. 21-ой.

собрания однихъ родоначальниковъ; даже и при такомъ толкованіи мы должны допустить существованіе общиннаго устройства, хотя бы только среди однихъ родоначальниковъ, которое все-таки оттъсняло на задній планъ значеніе отдѣльныхъ, обособленныхъ родовъ. Но прямыя свидѣтельства указанныхъ писателей вовсе не подсказываютъ непременно подобнаго толкованія: они прямо говорятъ намъ объ общихъ сходкахъ, объ отсутствіи чьей-либо единоличной власти. Къ этимъ извѣстіямъ примыкаютъ позднѣйшія указанія Дитмара мерзбургскаго; касающіяся вѣча у лутичей, гдѣ всѣ совѣщаются о дѣлахъ своихъ, не повинуюсь одному, и гдѣ дѣла рѣшаются единогласіемъ, которое было необходимо. «Все это, кажется, достаточно говорить въ пользу общественнаго быта у древнихъ славянъ и, сверхъ того, быта вѣчевого. Что же касается до царьковъ, то это были или старшины, бывающіе при демократическомъ правленіи, или князья на всей волѣ народа, каковы потомъ были въ извѣстныя времена князья новгородскіе, но родоначальниками ихъ почитать нѣтъ никакой причины» (стр. 85).

Рядъ другихъ позднѣйшихъ указаній на особенности древняго быта, въ которыхъ отыскивали проявленія родовыхъ началъ, рисуетъ намъ въ сущности не родъ, а семью. Сюда относится чешская пѣсня «Судъ Любуши»¹⁾.

«Содержаніе пѣсни есть судъ по вопросу о наслѣдствѣ. Хрудошъ и Стяглавъ Кленовичи враждуютъ

¹⁾ Современный читатель долженъ имѣть въ виду, что въ настоящее время доказана подложность Краледворской рукописи, въ которой находится разбираемая Аксаковымъ пѣсня. См. выше на стр. 13-ой. Ред.

объ отцовской дѣдинѣ. Княжна Любуша собираетъ снемъ (сеймъ, сонмъ, сходку) изъ кметовъ, леховъ и владыкъ и призываетъ также обоихъ враждующихъ братьевъ. На снемѣ она предлагаетъ всѣмъ на оный созваннымъ рѣшить эту вражду, выражая въ то же время свою мысль, что, по закону въкожизненныхъ боговъ, братья или должны владѣть вмѣстѣ или раздѣлиться поровну. «Собери голоса, славная княжна, по своему народу», говоритъ ей Лютоборъ. Собрали голоса и объявили рѣшеніе въ народъ, собранный на снемъ къ разсужденію. Рѣшеніе заключалось въ томъ, чтобы оба брата владѣли вмѣстѣ. Хрудошъ съ яростію говоритъ, что наслѣдство надо дать первенцу, и грубо отзывается о Любушѣ. Любуша передъ всѣми свидѣтельствуешь о своемъ оскорбленіи. Ратиборъ встаетъ и говоритъ противъ Хрудоша, объявляя, что «не хвально намъ въ вѣмцахъ искать правды: у насъ правда по закону святому, которую принесли отцы наши». Сюда относится отрывокъ пѣсни, находящейся безъ связи въ началѣ и, безъ сомнѣнія, долженствующій стоять на концѣ; въ немъ, очевидно, излагается правда, о которой говоритъ Ратиборъ. Вотъ она: «Всякой отецъ воеводитъ (предводитъ на войну) свою челядь (челядинъ, домочадецъ). Мужики пахутъ, женщины шьютъ одежды, и какъ скоро умираетъ глава челяди, то дѣти всѣ владѣютъ вмѣстѣ наслѣдствомъ, выбирая себѣ владыку изъ рода, который для пользы ходитъ въ славные снемы, ходитъ съ кметами, лехами, владыками. Встали кметы, лехи и владыки, похвалили правду по закону».

«Соловьевъ подтверждаетъ эту пѣсню — и именно мѣстомъ объ избраніи владыкъ — догадку свою, что

на сходку ходили одни родоначальники. Если допустимъ пока опять догадку Соловьева, то, однако, и здѣсь можетъ онъ признавать родовой быть лишь на второмъ планѣ, а на первомъ (хотя бы и изъ него вытекающій) быть общинный. Сверхъ снема, мы видимъ уже общую для всѣхъ княжескую власть, созывающую этотъ снемъ; стало, кромѣ сходки, здѣсь еще при родоначальникахъ (если принимать ихъ съ Соловьевымъ) — власть князя, становящая, въ свою очередь, родовое устройство на второмъ планѣ» (стр. 85, 86).

Но пѣсня, сверхъ того, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что сеймъ составлялся не изъ однихъ родоначальниковъ: рядомъ съ владыками поставлены кметы и леги.

Что же здѣсь разумѣется подъ родомъ, который выбираетъ себѣ владыку? Сущность разобраннаго на сеймѣ спора убѣждаетъ, что родъ означаетъ здѣсь только семью. Въ спорѣ о наслѣдствѣ тягнутся только два брата. Между тѣмъ при родовомъ бытѣ всѣ родичи должны были бы участвовать въ спорѣ, такъ какъ всѣ они имѣли бы право на общее владѣніе. Трудно предположить такую случайность, чтобы весь этотъ родъ не имѣлъ другихъ представителей, — былъ весь, кромѣ двухъ, уничтоженъ. Остается другой, гораздо болѣе естественный выводъ: это былъ вопросъ не родовой, а чисто семейный. Передъ нами только два брата — семья, выдѣлившаяся изъ рода, а рода уже нѣтъ. Значитъ, и тотъ «древній обычай», по которому сеймъ рѣшаетъ дѣло, есть обычай семейный, предполагающій древнее семейное, а не родовое устройство. Этотъ выводъ, добытый изъ рассмотрѣнія на-

родной пѣсни, подтверждается и народными юридическими обычаями. Имущество у древнихъ славянъ принадлежало всѣмъ вмѣстѣ, всему семейству, но не всему роду: по смерти дѣтей оно считалось уже выморочнымъ и переходило къ князю или вообще къ правителю. Лишь позднѣе и по установленіи правительственной власти, какъ полагаетъ К. Аксаковъ, оно стало переходить въ этомъ случаѣ къ боковымъ родственникамъ. Юридическіе акты указываютъ намъ далѣе на то, что только тѣ дѣти имѣли общее право на отцовское наслѣдство, которыя не покидали отцовскаго дома, жили съ отцомъ въ семейномъ единствѣ. Отдѣлившіеся сыновья теряли свои права на семейное наслѣдство. Съ другой стороны, если могли отчуждаться отъ семейства, то могли и входить въ составъ семейства лица, породнившіяся съ нимъ: зятья, золовки, какъ скоро они жили въ семьѣ. Такъ, семья могла сжиматься и расширяться, смотря по желанію и произволу членовъ, постоянно оставаясь на своей тѣсной, только семейной основѣ.

«Итакъ, мы видимъ, что рода у древнихъ славянъ не было, а была семья.

«Семья эта была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея нѣтъ и признака родоначальническаго патріархальнаго характера. Напротивъ, мы видимъ, что всѣ члены въ ней имѣютъ голосъ въ вопросѣ собственности. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Если бы общество было построено на основѣ родового, патріархальнаго быта, такъ, чтобы въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта,—мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ въ народѣ

(напримѣръ, въ Китаѣ). Но когда передъ нами явленіе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала, какъ можемъ мы тутъ найти родовой бытъ?

«Что же вообще была славянская семья?

«Она была семья; но какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся община), то она, стороною къ этому вопросу, становилась сама общиною. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась общиною, и отъ нея шель представитель: или старшій или избираемый ею (какъ въ «Судѣ Любуши»). Кто изъ дѣтей отдѣлялся отъ семьи и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и не наследовалъ ей, — семья сжималась въ числѣ. Съ другой стороны, она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ родившихся съ нею и даже постороннихъ, но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно *хозяйства*: собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомнимъ выморочное наследство), но общимъ было *пользованіе имуществомъ*, во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно, имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ тѣ, кого она приняла въ составъ свой. Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась какъ община, имѣли голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятая въ семью. Но здѣсь является вопросъ: при такомъ общинномъ значеніи

семьи, въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ даже дѣти имѣли голосъ, не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное?—Нисколько.

«Семейное чувство и семейный бытъ крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности. На это доказательствъ такъ много, и прошедшихъ и современныхъ, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать. Семейное начало, конечно, было твердо и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ мы говоримъ,—и было твердо оно, какъ начало чисто нравственное; оно жило въ нравственной свободѣ, въ любви, въ духѣ человѣка; оно было вполне чисто у славянъ, ибо съ нимъ не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось въ житейскихъ подпоркахъ. Да и кто мѣшалъ семейной общинѣ свободно и любовно исполнять волю отца? Изъ этого объясненія видимъ мы, какъ свято и нравственно понята была славянская семья, какъ всякій расчетъ былъ удаленъ отъ святого семейнаго чувства. Чисто-нравственная, чисто-духовная сила семейнаго начала (каково оно у славянъ) всего болѣе ручается за существованіе, глубину и вѣковѣчную прочность онаго. А чувство семейное и семейное начало, повторяемъ, глубоко и неразрывно соединены съ существомъ славянина.

До сихъ поръ изъ изслѣдованій нашихъ видимъ мы, что у славянъ родового быта не было, а выступаютъ опредѣленно—*семья* и *община*» (стр. 94—95).

Къ тому же выводу приводитъ разборъ и нашихъ русскихъ историческихъ свидѣтельствъ. Вездѣ, гдѣ въ нихъ встрѣчается слово «родъ», оно означаетъ не «родовой союзъ», а или «семью», или «рожденіе»,

или «происхожденіе» въ самомъ общемъ смыслѣ. Сюда относятся всѣ соответствующія мѣста начального лѣтописнаго свода. Въ извѣстномъ мѣстѣ о полянахъ: *«Подем же живисмъ особѣ и володѣюще смъ роды своими, иже и до сеѣ братьѣ бяху Поляне, и живяту каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ»*, — подѣ «каждый» не слѣдуетъ разумѣть родоначальника, который владѣлъ, т.-е. управлялъ своими родичами, — а подѣ «родомъ» здѣсь не слѣдуетъ разумѣть предметъ владѣнія, подобно тому, какъ выраженіе «играли толпами» не означаетъ, что предметомъ игры были толпы (стр. 96—97; см. далѣе со стр. 48-ой до 58-ой возраженіе Соловьева).

Лѣтописное выраженіе означаетъ только, что каждый полянинъ жилъ и владѣлъ вмѣстѣ съ своимъ родомъ, т.-е. вмѣстѣ съ своей семьей. Несомнѣнно, «родъ» означаетъ «семью» въ лѣтописномъ сказаніи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ. Эти три брата расселились особо каждый на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ три брата не могли быть тремя родоначальниками и раздѣлить родъ на трое, — родовое устройство такого дѣлежа не допускаетъ. Если уже у каждаго изъ нихъ былъ свой собственный родъ, то значить только, что подѣ «родомъ» здѣсь разумѣется именно семья. Въ такомъ случаѣ выраженіе лѣтописи: «Кій княжаше в родѣ своемъ», точно такъ же получаетъ свое объясненіе помимо всякихъ предположеній о родовомъ бытѣ. Это значить не то, что Кій былъ старѣйшиной надъ своимъ родомъ, а только то, что Кій первый изъ своего рода сдѣлался княземъ, послѣ же него стала княжить династія его потомковъ. Здѣсь слово «родъ» опять-

таким употреблено въ смыслѣ потомковъ или дѣтей въ обширномъ смыслѣ. Есть и еще важное доказательство такого словоупотребленія рода. Лѣтописецъ приписываетъ образъ жизни отдѣльными родами однимъ полянамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ только у однихъ полянъ, по его словамъ, существовалъ бракъ. Эти два сообщенія, очевидно, соединены причинной связью: только у нихъ былъ бракъ, потому-то только они и жили «родами», т.-е. семьями.

«Соловьевъ въ старцахъ, нѣсколько разъ упоминаемыхъ въ началѣ Несторовой лѣтописи, видитъ родоначальниковъ или князей. «По всѣмъ вѣроятностямъ,—говоритъ онъ, т.-е. Соловьевъ,—сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ князьяхъ мы не видимъ вѣчей, но старцы, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы исчезаютъ, и являются вѣча общенародныя, — знакъ ослабленія родового быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ рассказъ лѣтописца о бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при кн. Владимирѣ по случаю осады Бѣлгорода печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться. Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, и когда узналъ о его рѣшеніи, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые *одни имѣютъ власть перемѣнять рѣшенія вѣча, не созывая новаго*».

«Здѣсь явное противорѣчіе, — пишетъ К. Аксаковъ. — Если старцы одни участвуютъ на вѣчахъ, то нѣтъ ничего особеннаго и удивительнаго, что они перемѣняютъ свое же собственное рѣшеніе. Какого вѣча имъ созывать, когда они одни на немъ участвуютъ, и они опять собрались? Если принять послѣднія слова Соловьева, то по смыслу ихъ мы должны предположить, что на вѣчѣ участвовали и другіе, слѣдовательно, не одни старцы, что прямо противорѣчитъ первымъ его словамъ. Приходится принять либо то, либо другое. Но оставимъ Соловьеву самому разрѣшить противорѣчіе; обратимся къ примѣру, которымъ онъ подтверждаетъ свое мнѣніе. На вѣчѣ, при описаніи котораго лѣтопись ни слова не говоритъ о старцахъ («и бѣ гладь великъ, и створиша вѣче в городѣ... и тако совѣтъ створиша»), рѣшено было сдаться. Одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, спросилъ, чего ради было вѣче («что ради створиша вѣче *людье*», въ списокѣ Ипатьевскомъ), узналъ его рѣшеніе, послалъ за градскими старѣйшинами («бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ, и въпраша... и людье повѣдаша ему... се слышавъ, посла по старѣйшины градскыя, и рече имъ...») и убѣдилъ ихъ не *перемѣнить рѣшеніе вѣча*, какъ говоритъ Соловьевъ, а *отложить исполненіе на три дня*. Это совершенно измѣняетъ дѣло: это, такъ сказать, мѣра административная, а не законодательная. Да и почему знаемъ мы, что вѣче рѣшило сдаться немедленно? Оно могло и вовсе не опредѣлять срока. Потому въ странѣ, какова Русь, гдѣ формальности не было почти вовсе, если бы, послѣ рѣшенія вѣча, кто бы ни было придумалъ полезный совѣтъ, измѣняющій рѣшеніе вѣча, и совѣтъ этотъ сдѣлался

бы извѣстенъ, то народъ, нашедши его полезнымъ, согласился бы съ нимъ, не требуя созванія новаго вѣча, соблюденія одной формы. Если народъ, имѣющій голосъ, узнавъ объ измѣненіи, допустить оное, то это значить, что онъ его одобряетъ. Примѣръ бѣлгородскаго вѣча, очевидно, не подкрѣпляетъ Соловьева, но противорѣчить ему, выставляя старцевъ вовсе не тѣмъ, что онъ предполагаетъ: въ Ипатьевскомъ спискѣ (который весьма уважается) именно сказано «людскъ», что, какъ извѣстно, употребляется въ лѣтописи въ смыслѣ народа. На чемъ же основываетъ Соловьевъ мнѣніе свое, что одни старцы прежде участвовали на вѣчахъ? Неизвѣстно, — по крайней мѣрѣ, мы рѣшительно этого не знаемъ. Онъ говоритъ, что старцы призывались на совѣтъ, что они участвовали въ важныхъ рѣшеніяхъ, — это правда. Есть мѣсто въ лѣтописи, гдѣ говорится, что, когда Владимиръ сталъ приносить жертвы кумирамъ, «старци и бояре», сказали: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ». Владимиръ созываетъ старцевъ и бояръ для совѣта о вѣрѣ, созываетъ ихъ опять, когда возвращаются посланные для испытанія вѣры. Но развѣ это вѣче? Князь созываетъ *своихъ совѣтниковъ*, — похоже ли это на народное совѣщаніе? Мы совершенно согласны, что были старѣйшины въ городѣ или въ народѣ, — это можетъ быть при самомъ демократическомъ устройствѣ; что старцы пользовались уваженіемъ къ своимъ лѣтамъ, — это бываетъ всегда и вездѣ; для этого не нужно родового быта. Но чтобъ старѣйшины или старцы одни участвовали въ рѣшеніяхъ на вѣчѣ; чтобъ они имѣли права или вѣсъ,

кромѣ простаго уваженія, или же не какъ обыкновенные старосты, а какіе-то родоначальники, — откуда это слѣдуетъ, этого мы рѣшительно не видимъ. Напротивъ того, участіе и значеніе старцевъ даже слишкомъ маловажно. Рѣшенія старцевъ не самостоятельны, не важны, да и рѣшеній этихъ такъ немного. Не старцы призываютъ Рюрика, не старцы шлютъ пословъ къ Ольгѣ; мы не говоримъ уже о болѣе позднѣйшихъ проявленіяхъ народной воли, которыя и Соловьевъ считаетъ народными, начиная съ вѣча, созваннаго Ярославомъ. Для поясненія отношеній старцевъ обратимся къ современному русскому народу — къ крестьянскому быту. У нашихъ крестьянъ есть: общая сходка и сходка стариковъ. Общая сходка собирается въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ, другая — въ дѣлахъ менѣе важныхъ (преимущественно по разбору жалобъ и т. п.). Эти старики (такъ они называются) и эта общая сходка могутъ имѣть соотвѣтствіе со старцами и вѣчемъ. Старцы *созываются* обыкновенно княземъ. Сходка стариковъ тоже *созывается* помѣщикомъ¹⁾ или кѣмъ бы то ни было (даже и самими крестьянами, если имъ будетъ угодно); общая сходка можетъ быть созвана, можетъ и сама собраться въ какихъ-нибудь случаяхъ для рѣшенія; но невозможно, чтобы сами собрались старики и объявили свое рѣшеніе всѣмъ остальнымъ» (стр. 102—104).

Въ полномъ согласіи съ лѣтописью о томъ же семейномъ, а не родовомъ бытѣ свидѣтельствуетъ и древнѣйшій юридическій сборникъ—Русская Правда.

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду время написанія статьи К. Аксакова (1852 г.), въ которой невольнo отразилась формулировка крѣпостной эпохи. Ред.

Здѣсь весьма важны статьи о родственной мести и порядкѣ наслѣдованія. Перечисляя законныхъ мстителей, Русская Правда ясно очерчиваетъ предѣлы семьи, а не рода; братъ, отецъ, сынъ, племянникъ съ братниной или сестриной стороны — вотъ всѣ законные мстители. Ни изъ чего не видно, чтобы это были лишь остатки прежняго, болѣе обширнаго круга мстителей, обнимавшаго цѣлый рядъ и затѣмъ уже суженнаго до предѣловъ семьи. Тотъ же чисто семейный союзъ вскрывается и въ статьяхъ о наслѣдствѣ. По Русской Правдѣ, наслѣдство смерда, какъ скоро у него нѣтъ дѣтей, переходитъ къ князю, считается, слѣдовательно, выморочнымъ, если нѣтъ сыновей, а есть дочери, то дочерямъ незамужнимъ выдается часть. Наслѣдство боярина, въ противоположность наслѣдству смерда, не идетъ за князя и тогда, когда нѣтъ сыновей, а есть одиѣ дочери. Итакъ, вся разница въ пользу дочерей, и наслѣдство остается въ предѣлахъ только семьи, дѣтей, при отсутствіи которыхъ идетъ за князя, считается выморочнымъ. Свидѣтельство Русской Правды ясно указываетъ на семью и опровергаетъ родовой бытъ. Наконецъ, помимо свидѣтельства историческихъ памятниковъ, къ тѣмъ же выводамъ могутъ привести данныя народнаго обычая и языка.

«Новобрачныхъ называютъ у насъ и до сихъ поръ: князь и княгиня. Соловьевъ видитъ въ этомъ доказательство своей мысли, «потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода» (какъ будто домовладыка и родоначальникъ одно и то же). Если есть родовое устройство, то новая семья, являющаяся въ роду, не можетъ быть

новымъ родомъ, и молодые супруги — родоначальниками; иначе каждая новая семья отдѣлялась бы отъ рода и составляла особый родъ, а молодымъ пришлось бы быть родоначальниками будущихъ родоначальниковъ, ибо дѣти ихъ также могутъ вступить въ брачный союзъ, дававшій наименованіе князя и княгини. Если же это такъ, если всякая семья есть новый родъ, то гдѣ же родъ самый, какъ понимаютъ его гг. защитники родового быта? Его нѣтъ: предъ нами отдѣльныя семьи, каждая сама по себѣ. Итакъ, наименованіе новобрачныхъ княземъ и княгиней, что бы оно ни значило, очень явственно противорѣчитъ мнѣнію о родовомъ бытѣ...

«Извѣстенъ и доселѣ въ полной силѣ существующій обычай въ Россіи всякаго называть отчествомъ, именемъ отца; это видимъ и въ глубокой древности. Но въ то же время, при необходимости названія по отцу, мы рѣшительно не видимъ въ древности названія по *роду*: родовыхъ прозвищъ нѣтъ. Ихъ нѣтъ и теперь у народа, у крестьянъ, сохранившихъ древній свой бытъ. Исключенія чрезвычайно рѣдки и легко объясняются вліяніемъ такъ называемыхъ образованныхъ классовъ. У крестьянъ есть личныя прозвища — ихъ видимъ и въ древности — и только. Необходимость названія по отцу и отсутствіе названія по роду рѣшительно указываютъ, съ одной стороны, на силу начала и быта семейнаго, съ другой — на отсутствіе начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быта родового.

«Русскій народъ, такъ богато обставившій словами всѣ отношенія семейныя (деверь, золовка, невѣстка, шуринъ и пр.), не имѣетъ слова для grand oncle или petit neveu. Здѣсь, какъ видно, для него уже кон-

чались предѣлы родства. Въмѣсто cousin употребляетъ народъ составное слово: *братъ двоюродный*, т.-е. двухъ родовъ» (стр. 109). «Что значить *двоюродный*? Здѣсь мы легко открываемъ двойное число: *двою роду*, то-есть: *двухъ родовъ*; итакъ, двоюродный братъ значить братъ *двухъ родовъ*, то-есть *двухъ семей*. Братъ родной значить братъ одной семьи, односемейный; братъ двоюродный — братъ двухъ семей, двусемейный, что такъ и есть» (стр. 102). «Чтобы опредѣлить односемейнаго брата, говоритъ онъ: *братъ родной*,—это было бы очень недостаточно, если бы слово родной имѣло общее значеніе рода; очевидно, что это значить: братъ семьи, то-есть одной семьи (одного рода). Это объясняется выраженіемъ: братъ двоюродный, братъ двухъ родовъ, двухъ семей. А *родня*? — скажутъ намъ. Родня означаетъ единство происхожденія; кромѣ того, слово это могло означать родство семейное. Но мы употребляемъ слово родня въ болѣе обширномъ смыслѣ? Да; но это употребляемъ мы, классы преобразованные, — это уже наше дѣло,—и все-таки родня не имѣетъ у насъ значенія, придаваемого роду послѣдователями Эверса¹⁾. Родство означаетъ у насъ родственныя связи, которыя всегда и вездѣ имѣютъ мѣсто. О самомъ словѣ родъ надобно сказать, что въ современномъ языкѣ нашего преобразованнаго общества родъ употребляется въ болѣе обширномъ и вмѣстѣ неопредѣленномъ генеалогическомъ смыслѣ; но даже

¹⁾ Дерптскаго профессора, перваго провозвѣстника у насъ теоріи родового быта, который въ 1826 г. издалъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе «Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи», оказавшее огромное вліяніе на Соловьева и опредѣлившее его взгляды на древнѣйшій русскій бытъ.

и здѣсь не значитъ онъ совокупности родичей, не значитъ *колына*: это патріархальное значеніе придано ему нашими учеными. Родовыя понятія, если они есть у насъ (въ нашемъ преобразованномъ обществѣ), — явленіе позднѣйшее.

Выраженія: *въ родъ и родъ* и *въ роды и роды*, изъ *рода въ родъ* опять противорѣчатъ взгляду гг. послѣдователей Эверса. Эти выраженія показываютъ рядъ семей, и такъ какъ здѣсь говорится вообще, то *родъ* и принимается въ смыслѣ поколѣнія (генерациі).

Соловьевъ думаетъ, что слово племя употреблялось для означенія родовыхъ линій. Итакъ, племя есть подраздѣленіе рода, относится къ роду, какъ часть къ цѣлому, какъ нѣчто къ болѣе широкому, ибо Соловьевъ говоритъ: «Единство рода, связь *племенъ* поддерживалась единымъ родоначальникомъ». Слѣдовательно, родоначальникъ былъ начальникъ одного рода и нѣсколькихъ племенъ. Но мы не можемъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ племени. По крайней мѣрѣ, употребленія словъ *рода* и *племени* показываютъ, что, напротивъ, *родъ* имѣлъ значеніе болѣе тѣсное, а *племя* — болѣе широкое. Самое выраженіе: *родъ-племя, ни роду, ни племени* — показываетъ это. Если бы *племя* было частью *рода*, то, сказавши, что нѣтъ *роду*, вовсе не было нужды прибавлять, что нѣтъ *племени*. Слѣдовательно, *племя* понимается въ обширнѣйшемъ значеніи, и въ выраженіи: *ни роду, ни племени* это такъ ощутительно, что всякій русскій иначе и не пойметъ; другими словами, выраженіе это значитъ: не только нѣтъ *роду*, но и *племени*. Это еще видно въ постановленіяхъ церковныхъ о бракѣ: «ни въ *роду*, ни въ *племяни*», и въ вѣчныхъ памятяхъ также:

«и ты бѣ про нихъ обыскалъ, чтобъ ни въ роду, ни въ племяни, ни въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ», или же: «чтобъ ни въ роду, ни въ племяни, ни въ крестномъ братствѣ, ни третьимъ бракомъ»¹⁾. Здѣсь ясно видно, что если бы племя имѣло болѣе тѣсное значеніе, чѣмъ родъ (а оно, по мнѣнію Соловьева, есть отдѣлъ рода), то не нужно было бы его и упоминать, — достаточно было сказать «въ роду»; но здѣсь упомянуть родъ, и, сверхъ того, упомянуто *посль* рода племя. Очевидно, что оно имѣло болѣе широкое значеніе: поэтому запрещалось жениться не только въ роду, но и въ племени. Гдѣ же оканчивался родъ? Тамъ, гдѣ начиналось племя; а племя начиналось близко: дѣти брата или сестры уже были *племянниками*. Въ русскихъ пѣсняхъ тетка называетъ племянницу: ты послушай, мое племячко. Итакъ, это слово «племя» опредѣляетъ границы рода, границы семейныя, въ отношеніи ихъ къ другому родственному роду, какъ къ родственной семьѣ. Особеннаго родового какого-нибудь значенія племя у насъ не имѣетъ, и самое слово встрѣчается не часто, такъ что не на немъ основано зданіе родового быта нашими учеными.

Мы полагаемъ (на основаніи вышеприведенныхъ доказательствъ), что *родъ* въ собственномъ, опредѣленномъ значеніи значить *семью*. Какое же значеніе имѣетъ слово *семья*? Мы думаемъ (такъ же, какъ и Соловьевъ), что *семья* происходитъ отъ соиматься, но выводимъ изъ этого словопроизводства не значеніе супруга и супруги (какъ вывести онъ), а другое. По мнѣнію нашему, *семья*, происходя отъ соимать, соиматься, согласно и съ дру-

¹⁾ Акты Истор., I, 274 и Акты Юридич., стр. 425.

гими подобными производными, означает *союз, соймъ, сеймъ, снемъ*. Это слово ясно указываетъ на общинный характеръ, который имѣла у насъ семья: оно выражаетъ такъ ощутительно общинную сторону семьи. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ изъ Судебника Ивана IV употребленіе слова семья: «и въ обыскахъ многіе люди джуть семьями и заговоры великими»; такъ же: «чтобы семьями и заговоры стакався въ обыскахъ, не по дѣломъ не говорили»; такъ же: «кто семьями и заговоры въ обыскахъ говорятъ неправду»; такъ же: «и не учнутъ къ государю на тѣ семья и заговоры отписывати». Здѣсь семья поставлена рядомъ съ заговоромъ: очевидно, семья употреблена въ значеніи согласія, стачки, союза. Въ подтвержденіе этому, въ одномъ изъ списковъ Судебника поставлено вмѣсто семьи — *артели*. Археографическая комиссія ставитъ подлѣ этого слова знакъ вопроса; но, по нашему мнѣнію, такое замѣненіе вполне понятно и многое объясняетъ. Примѣры, нами приведенные, кажется, достаточно подтверждаютъ то, что семья означаетъ собраніе, сеймъ или соймъ, выражая такимъ образомъ общинную свою сторону, что такъ согласно со всѣми извѣстіями, приведенными выше» (стр. 110—112).

Среди явленій древне-русской жизни есть только два, «гдѣ сколько-нибудь (хотя не въ томъ видѣ, какъ желаютъ гг. послѣдователи Эверса) можно отыскать слѣды родового начала. Это родъ Рюриковъ, съ его спорами о правахъ, и мѣстничество. И оба явленія—не туземныя, по крайней мѣрѣ, въ основаніи: родъ Рюриковъ — призванный; мѣстничество было у людей, наслѣдниковъ княжой дружи-

ны, пополнявшейся пришлецами. И въ обоихъ явленіяхъ земля или народъ (настоящіе туземцы) не принималъ никакого участія» (стр. 108). «Какимъ же образомъ мѣстничество, — замѣчаетъ К. Аксаковъ, — въ которомъ (хотя едва ли справедливо) находятъ слѣдъ родового начала, но въ которомъ есть хотя начало родословное, — мѣстничество было только у бояръ, у потомковъ дружины, наследниковъ ея духа и устройства, и, наконецъ, у людей служилыхъ, *государевыхъ*, а земля, народъ, все, что внѣ дружины, его и не знали? — Это обстоятельство также говорить сильно противъ мнѣнія гг. защитниковъ родового быта».

Уже приведенныя выше свидѣтельства древнихъ, пѣсня о судѣ Любуши, наконецъ, устройство самой семьи показали намъ, какъ семейный бытъ соединялся съ бытомъ общиннымъ, съ существованіемъ народной общины, имѣвшей самостоятельный, свободный голосъ. Къ этимъ указаніямъ можно присоединить рядъ другихъ, представляемыхъ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. Въ лѣтописи встрѣчаемъ рядъ политическихъ событій, въ которыхъ принимаютъ участіе вся земля, весь народъ. Въ договорахъ съ греками посольство правится отъ великаго князя, князей, бояръ, купцовъ и всей земли. Бытъ вполне общественный, прямо противорѣчащій родовому началу. Въ разсказѣ объ отношеніяхъ Игоря къ древлянской землѣ выступаютъ всѣ древляне, вся древлянская земля: «*Древляне... сдумавше со княземъ своимъ Маломъ...*» «*посла ны дервьска земля*» — говорятъ древлянскіе послы. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ дальнѣйшемъ повѣствованіи выступаетъ кievское вѣче,

заявляющее князьямъ свою самостоятельную волю, мы должны видѣть указаніе на народную общину. Здѣсь дѣйствуютъ «всѣ кіяне», собраніе всѣхъ безъ различія свободныхъ людей, которое разумѣлъ и Святополкъ съ Владимиромъ, когда въ 1096 г. послали сказать Олегу: «пойди Киеву, да порядъ положимъ о русьствѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили русьскую землю отъ поганыхъ». Наконецъ, кромѣ отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ, лѣтопись даетъ намъ и общее наблюденіе о господствѣ въ древней Руси общиннаго быта въ слѣдующихъ въ высшей степени важныхъ и замѣчательныхъ словахъ: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (т.-е. волости, земли), якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригорода стануть» (Лаврен., 358). Эти слова указываютъ прямо на общинное устройство во всей русской землѣ.

«Изъ изслѣдованій нашихъ выводимъ заключеніе: русская земля есть изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля» (стр. 123).

Статья К. Аксакова, изъ которой заимствовано приведенное выше изложеніе, вызвала замѣчанія Соловьева въ одномъ изъ примѣчаній къ первому тому второго изданія его *Истории Россіи*. Не упоминая имени Аксакова, Соловьевъ рѣшительно и рѣзко оспариваетъ доводы своего оппонента, не уступая ему ни одной черты своей теоріи. Соловьевъ начинается

это примѣчаніе объясненіемъ значенія слова *князь* и помѣщаетъ въ той части своего текста, которая приведена у насъ выше на страницѣ 10-ой. Приводимъ названное примѣчаніе цѣликомъ, какъ безусловно необходимое для уясненія основныхъ оттѣнковъ въ борьбѣ представителей теорій родового и общиннаго быта въ первоначальной формѣ (стр. 50—53 первой книги по изданію товарищества «Общественная Польза»).

«Слово *князь* или *князь*, — пишетъ Соловьевъ, — происходитъ отъ корня *кнъ* — предѣлъ, граница, вершина, начало; корень же *кн* есть санскритскій — *джан* — рождать, и *князь* въ санскритскомъ имѣетъ себѣ соответственные: *джанака*, *джанатри*, откуда латинское *genitor* (см. изслѣдованіе Э. И. Буслаева «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», стр. 164). Отсюда, древнее названіе новобрачныхъ *князь* и *княгиня*, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр.: «Се Кий княжаше в родѣ своемъ... И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княжене въ Поляхъ». Или: «Наши князи добри суть, иже распасли суть деревьску землю». Слово *князь* имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца *семейства*. Этимъ *лексиконнымъ* опредѣленіемъ слова нѣкоторые возражатели (читай: Аксаковъ) воспользовались для того, чтобы обвинить меня въ смѣшеніи рода и семьи! Но прежде, подъ предлогомъ смѣшенія, возражатели должны были объявить непозволительнымъ всякое

объясненіе слова сопоставленіемъ нѣсколькихъ близкихъ другъ къ другу, по значенію, словъ. Если бѣ означенное лексиконное объясненіе слова князь было единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ бы я высказалъ свои понятія о родѣ, то, конечно, для отстраненія всѣхъ возможныхъ придирокъ, я измѣнилъ бы это мѣсто; но если сами возражатели признаются, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи моемъ «семья и родъ различены ясно» (см. у Аксакова I, стр. 70 и 71 по изд. М. 1889), то я не считаю себя обязаннымъ дѣлать подобныя измѣненія. Далѣе у меня сказано: «Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти». Возражатель (читай опять: Аксаковъ и т. д.) говоритъ, что «здѣсь, для устраненія противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства родоначальника; иначе, если бѣ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго должно быть не одно семейство, не имѣлъ бы никакого смысла» (Аксаковъ I, 68—69). Но зачѣмъ же возражатель не потрудился выписать всей статьи, къ которой относится упомянутое мѣсто? — тогда бы каждый читатель увидѣлъ, что здѣсь нѣтъ ни смѣшенія, ни противорѣчія, что здѣсь именно говорится объ отцѣ семейства, а не о родоначальникѣ,—объ отцѣ семейства, который былъ правителемъ внутри собственной семьи, имѣлъ право надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, право, при пользованіи которымъ надъ нимъ не было высшей власти,—власти родоначальника.

Возражатель имѣетъ свое понятіе о родовомъ бытѣ; онъ говоритъ (I, 81), что «любовь дѣтей къ роди-

телямъ не можетъ являться во всей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патриархъ всего рода». Этого мы уже никакъ понять не можемъ, не можемъ понять, почему дѣти Мономаха не могли сохранять любви къ отцу своему во всей чистотѣ, когда старшимъ въ родѣ считался двоюродный дядя ихъ Святополкъ Изяславичъ¹⁾. По мнѣнію возражателя выходитъ, что въ нашихъ семьяхъ дѣти не могутъ какъ должно любить отца при существованіи дѣда! Такъ отрѣшенно отъ всякой дѣйствительности составленныя положенія рушатся при первомъ появленіи живого событія, живыхъ отношеній. Такъ же составилось положеніе возражателя, что «при родовомъ устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо, никакая община не возможна, никакое общее совѣщаніе не возможно» (I, 83); изъ этого положенія прямо слѣдуетъ, что между отдѣльными независимыми государствами невозможно никакое общее совѣщаніе, конгрессъ. Такъ же составилось положеніе возражателя, что если предположить сходку «въ отдѣльномъ родѣ, то тогда совершенно уничтожается родовое устройство» (I, 84): мы видимъ сѣзды, совѣщанія князей — родичей, принадлежащихъ къ одному роду, — и родовыя отношенія между ними отъ того не рушатся.

Для объясненія родового устройства я привелъ извѣстную старую чешскую пѣсню о Любушиномъ судѣ. Возражатель (I, 87—88) говоритъ, что здѣсь «судебный вопросъ этотъ былъ не родовый, а чисто семейный... на сценѣ семья, выдѣлившаяся изъ рода, а рода нѣтъ». Умираетъ отецъ, оставляетъ

¹⁾ Срв. выше на стр. 26 и ниже на стр. 72.

двоихъ сыновей, законъ принуждаетъ обоихъ братьевъ владѣть нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, — и здѣсь возражатель видитъ вопросъ семейный, а не родовой. Что же, по его мнѣнiю, будетъ семья, и что родъ? до какихъ поръ будетъ простираться семья, и гдѣ долженъ начинаться родъ? Если братья по смерти отца составляютъ семью, а не родъ, то это все равно, что назвать зеленое желтымъ и утверждать, что зеленого нѣтъ. Возражатель самъ чувствовалъ невыгоду своего положенiя, и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкѣ. «Но, скажутъ намъ: тутъ рѣчь идетъ просто о томъ, — говоритъ онъ (т. е. К. Аксаковъ), — что всѣ дѣти наследуютъ отцу и что *въ первую минуту наследованiя* они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наследствомъ, что потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться». Но откуда взялась эта *первая минута*? гдѣ о ней говорится? За натяжкой слѣдуетъ неправильное толкованiе текста пѣсни: возражатель говоритъ, что братьямъ «Любуша предлагаетъ или общее владѣнiе или ровный раздѣлъ» — оба по старому закону, закону вѣкожизненныхъ боговъ; но Любуша говоритъ: рѣшите по закону вѣкожизненныхъ боговъ, владѣть имъ сообща наследствомъ или раздѣлиться поровну? Если старый законъ говорилъ и то и другое, то нечего было бы и рѣшать, а просто отдать на выборъ тяжущимся; Любуша должна была бы сказать тогда только: «вотъ что говоритъ законъ!» Ясно, что снемъ не имѣлъ права одному положенiю закона давать преимущество передъ другимъ, когда оба предлагались на выборъ. Кромѣ стараго закона, Любуша придумала еще новое средство рѣшить споръ равнымъ раздѣленiемъ наследства и предлагаетъ снему рѣшить, что лучше. Но

намъ не нужно вдаваться ни въ какія разсужденія, ибо одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пѣснѣ, Ратиборъ, цитуетъ намъ этотъ старый законъ: по нему дѣти должны сообща владѣть имѣніемъ, — о раздѣлѣ ни слова ¹⁾).

Что же касается явленій, приводимыхъ изъ позднѣйшаго времени, изъ времени послѣ Рюрика въ Россіи, послѣ основанія государствъ вообще у славянскихъ народовъ, то эти явленія не идутъ къ нашему вопросу, ибо я признаю полное господство родового быта только до половины IX вѣка, а послѣ являются условія, которыя нарушаютъ эту полноту. *Нарушаютъ полноту*, говорю, и только: ибо и послѣ Рюрика явленія изъ родового быта такъ могущественны въ русской исторіи, что должны быть поставлены на первое мѣсто; таково, на примѣръ, господствующее явленіе въ древней нашей исторіи — родовыя княжескія отношенія. Какъ же разсуждаетъ о нихъ возражатель? Вотъ какъ: «замѣчательно, что если гдѣ можно, *хотя отчасти (!)* найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призваномъ, не туземномъ». И такъ, по мнѣнію возражателя, родовыя княжескія отношенія были у насъ явленіемъ не славянскимъ, а варяжскимъ, т.-е. скандинаво-германскимъ; но въ такомъ случаѣ возражателю слѣдовало начать вопросъ именно съ этого, показать прежде всего господство родового быта у скандинаво-германскихъ племенъ и отвергнуть его у славянскихъ. Но любопытнѣе всего здѣсь то, что

¹⁾ См. въ книгѣ А. Стороженко «Очеркъ литературной исторіи рукописей Зеленогорской и Краледворской» (Кіевъ. 1880) мнѣніе о Судѣ Любуши, какъ подлѣлкѣ подъ народный эпосъ.

возражатель писалъ свои возраженія тогда, когда статья моя «О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ славянъ» (въ сборникѣ «Комета» 1851 г.) была давно уже извѣстна; возражатель, однако, заблагодарасудилъ умолчать о ней,—заблагодарасудилъ умолчать о томъ, что такія же родовыя княжескія отношенія существовали у другихъ славянскихъ народовъ, а у другихъ иноплеменныхъ народовъ не существовали! «Неужели можно сдѣлать такое предположеніе, — говоритъ возражатель (I, 108), — что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, исчезло совершенно изъ русской земли?—Несообразность такого предположенія очевидна» (стр. 108). Но кто же говоритъ, что оно исчезло? Въ мѣстничествѣ оно очевидно, ибо голословное, въ скобкахъ поставленное выраженіе: «хотя едва ли справедливо» (см. выше на стр. 46)—ни для кого не можетъ имѣть силы. Кто знакомъ съ источниками нашей древней исторіи, съ лѣтописями, тотъ знаетъ, что это—лѣтописи княжескія, говоряція преимущественно, исключительно почти о княжескихъ отношеніяхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба страны; даже о вельможескихъ отношеніяхъ изъ лѣтописей мы почти ничего узнать не можемъ; подробности вельможескихъ отношеній, мѣстничества, мы узнаемъ изъ особеннаго позднѣйшаго источника,—изъ книгъ разрядныхъ. Но если о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ мы узнаемъ изъ лѣтописей, ибо отъ этихъ отношеній зависѣла судьба страны; если родовыя отношенія людей служилыхъ записаны въ разрядныхъ книгахъ, ибо эти отношенія имѣли близкую связь съ государственнымъ интересомъ, съ государственною службою: то въ какихъ лѣтописяхъ и въ ка-

кихъ разрядахъ мы найдемъ подробности о бытѣ, о родовыхъ отношеніяхъ остальнаго народонаселенія? Изъ отсутствія же источниковъ, въ которыхъ мы могли бы видѣть подробности быта остальнаго народонаселенія, имѣемъ ли право заключать, что здѣсь тѣхъ или другихъ отношеній не было?

О дорюриковскомъ родовомъ бытѣ восточныхъ славянъ самое ясное указаніе находимъ въ извѣстныхъ словахъ лѣтописца: «Живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ». Возражатель, отвергающій родовой бытъ, объясняетъ эти выраженія такъ, что *родомъ своимъ* будетъ отвѣчать не на вопросъ: *чѣмъ?* а на вопросъ: *какъ?*, и приводитъ два примѣра: они играли толпами, пришли вѣмъ народомъ. Но, во-первыхъ, въ приведенныхъ примѣрахъ глаголы *играть* и *придти* имѣютъ среднее значеніе, какого не можетъ имѣть глаголь *владѣть* у лѣтописца: каждый полянинъ владѣлъ (какъ?) родомъ, но чѣмъ же онъ владѣлъ? Во-вторыхъ, любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель, желая опровергать родовой бытъ, доказываетъ его: онъ говоритъ, что, по словамъ лѣтописца, поляне «владѣли (безъ предмета владѣнія) цѣлыми своими отдѣльными родами, *по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ*», «каждый владѣлъ не одинъ, а цѣлымъ родомъ совокупно». Но если поляне владѣли по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ цѣлымъ родомъ совокупно, если каждый родъ составлялъ отдѣльное совокупное *владѣніе*, то, спрашивается, какой же можетъ быть здѣсь другой бытъ, кромѣ родового? Да воспользуются этимъ урокомъ тѣ, которые стараются сдѣлать спорнымъ предметъ, не допускающій спора!

Доказательство противъ родового быта возража-
тель находить въ преданіи о трехъ братьяхъ, строи-
теляхъ Кіева, ибо здѣсь говорится, что братья жили
на разныхъ мѣстахъ «всѣ трое жили особо, на сво-
ихъ мѣстахъ» (I, 97). Мы согласились бы еще съ воз-
ражателемъ насчетъ раздѣльности братьевъ, если бы
одинъ жилъ на Деснѣ, а другой — на Припети; но
никакъ не согласимся потому только, что одинъ
жилъ на Щековицѣ, а другой — на Хоревѣ, ибо
никакъ не думаемъ, чтобы для поддержанія родо-
вого единства всѣ родичи должны были жить ря-
домъ въ одномъ домѣ, который, при многочислен-
ности членовъ рода, долженствовалъ быть чѣмъ-ни-
будь въ родѣ хрустальнаго дворца.

По мнѣнію возражателя, употребляемое въ лѣто-
писи слово *родъ* означаетъ семью; онъ говоритъ: «Въ
значеніи современной совокупности живыхъ роди-
чей, въ духѣ родового быта, предполагаемаго по-
слѣдователями Эверса, или, другими словами, въ
значеніи *колѣна*,—слово «родъ» не употребляется»
(стр. 100—101). Въ отвѣтъ раскроемъ лѣтопись:
подъ 1148 годомъ Изяславъ Мстиславичъ говоритъ
овоюродному брату своему Ростиславу Юрьвичу:
«всѣхъ насъ старѣй отецъ твой, но съ нами не
умѣеть жити, а мнѣ дай Богъ васъ, *братію свою*, всю
имѣти и весь *родъ* свой въ правду, ако и душу свою;
нынѣ же аче отецъ ти волости не далъ, а язъ ти
даю». Здѣсь Изяславъ *родомъ* своимъ называетъ со-
временную совокупность всѣхъ живыхъ родичей
своихъ, всѣхъ князей—Ярославичей, противопоставляя
эту совокупность ближайшимъ Мономаховичамъ,
которыхъ называетъ братьею своею.

Возражатель не хочет согласиться и съ опредѣленіемъ слова *племя*, какъ подраздѣленіемъ рода; по мнѣнію возражателя, *племя* имѣеть обширнѣйшее значеніе, чѣмъ родъ, чему доказательствомъ служить позднѣйшее выраженіе: *ни роду—ни племени*. Но когда дѣло идетъ о древнемъ бытѣ, о древнихъ понятіяхъ, то слова должны быть принимаемы въ томъ значеніи, какое они имѣли въ старину, а не въ томъ, какое имѣють теперь, ибо извѣстно, какъ слова перемѣняютъ значеніе. Мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичъ *родомъ* своимъ называетъ совокупность всѣхъ родственниковъ, всѣхъ Ярославичей; но когда нужно было изъ этого рода назвать различныя линіи, противопоставая ихъ одна другой, напримѣръ, Мономаховичей Ольговичамъ, то употреблялось слово *племя*. Напр., подъ 1140 годомъ новгородцы говорятъ великому князю кievскому Всеволоду Ольговичу: «Не хотимъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотимъ племени Володимеря». Возражатель на томъ основаніи, что въ извѣстномъ выраженіи: «ни роду—ни племени» *племя* стоитъ послѣ рода, заключаетъ, что оно должно имѣть значеніе обширнѣйшее; но мы представимъ ему изъ начала XV в. примѣръ, гдѣ *племя* стоитъ прежде рода: «А кто ли почнетъ вступатися въ таа дѣла въ монастырская, или мірскыи челоуѣкъ почнетъ чего взыскивати умершаго черныца, или *племя* или *родъ* общежителева, а тѣмъ того не искати» (Акты Истор. I, № 24). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XV же вѣка *племня* употребляется исключительно въ значеніи рода, родства, отчего является выраженіе: *ближнее племя*; *племянникъ* означаетъ просто родственника (Псковская

Судная грамота). Когда два слова, не исчезая изъ языка, теряють свое прежнее различіе, начинаютъ употребляться одно вмѣсто другого, то бываетъ, что они складываются другъ съ другомъ, составляютъ двойственные слова съ однимъ значеніемъ, какъ: *родъ—племя, травка—муравка*. Примѣръ употребленія сложнаго слова *родъ—племя*: «У Ивашки ¹⁾ у Жоглова родъ племя» (Крымскія дѣла, № 1, стр. 116). Не должно забывать настоящаго значенія слова *племя*, съ которымъ употребляется теперь оно: это приплодъ. Извѣстное выраженіе: оставить на *племя*; отсюда понятно, почему въ древнихъ памятникахъ *племя* означаетъ въ родѣ линіи, рядъ нисходящихъ отъ извѣстнаго члена рода, его приплодъ, такъ сказать; ясно также, почему въ извѣстномъ выраженіи «ни роду — ни племени» племя поставлено позади рода: чѣмъ больше родъ, тѣмъ больше силы и чести, по старымъ понятіямъ; чѣмъ меньше родъ, тѣмъ человекъ бѣднѣе, безпомощнѣе; человекъ самый бѣдный и несчастный есть тотъ, у

¹⁾ Въ отпускахъ въ Крымъ къ Менгли гирею отъ 23 марта 1486 г. (8994 г.) ведѣно, между прочимъ, крымскому царю сказать: «нашъ торговецъ Ивашко Жегловъ былъ за моремъ, да пришелъ изъ заморья въ твою орду, да тутъ его в животѣ не стало въ твоей ордѣ... и духовною грамотою написал о своемъ животѣ... а сказывалъ дея твой человекъ Халель, что тотъ его животъ весь поималъ на тебя, яво здѣсь у того у моего человека у *Ивашки у Жоглова родъ-племя*, и послалъ еси къ тебѣ брата его Мишка Жоглова, и ты бы велѣлъ того моего человека Ивашковъ Жоглова животъ весь отдать брату его Мишку Жоглову» — въ Москов. главн. архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ Крымскія книги № 1, за 6982—7007 годы, л. 116.

котораго нѣтъ не только рода, обширнаго круга родственниковъ разныхъ степеней, но даже нѣтъ близкихъ, нѣтъ племени.

Наконецъ возражатели хотятъ найти спасеніе въ выраженіи: *двоюродный братъ*, т. е. братъ двухъ родовъ, при чемъ родъ долженъ означать семью. Но пусть возражатели найдутъ это выраженіе въ какомъ-нибудь древнемъ памятникѣ; это слово позднѣйшее, ибо при господствѣ родового быта, въ древнее время, всѣ—и двоюродные, и троюродные, и т. д.—братья называются просто: братья по единству рода; общество, въ языкѣ котораго находимъ такое явленіе, есть общество родовое.

IV. ТЕОРИЯ РОДОВОГО БЫТА ВЪ ПОЗДНѢЙШЕЙ ПЕРЕРАБОТКѢ.

(Л. И. Никитскій, «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». Спб. 1873).

Представленія о древнемъ бытѣ Россіи ¹⁾ распадаются, главнымъ образомъ, на два направленія, двѣ школы: объективную и субъективную. Первая изъ нихъ, главою которой является С. Соловьевъ и которая нашла продолжателя въ Б. Чичеринѣ, утверждаетъ, что въ древнѣйшее время на Руси господствовалъ естественный, кровный родъ, подобный тому, какой представляется намъ князьями Рюрика дома, и въ этомъ утвержденіи доходитъ до парадоксальнаго положенія, отрицающаго въ древней Руси даже простое существованіе естественной семьи: семьи патриархальная жизнь не знаетъ, а знаетъ только родъ.

Субъективная школа, обязанная своимъ началомъ критическому уму К. Аксакова и имѣвшая талантливаго, хотя, въ смыслѣ школы, и непослѣдовательнаго представителя въ Н. Костомаровѣ, на ко-

¹⁾ Въ предлагаемомъ изложеніи заимствованія сдѣланы изъ введенія въ книгѣ А. Никитскаго, озаглавленнаго *Взглядъ на родовую бытъ въ древней Руси* и первоначально появившагося въ № 8 «Вѣстника Европы» за 1870 г. Ред.

тораго поэтому и не могут быть строго распространяемы особенности субъективной школы, ударила въ противоположную сторону и отрицанію всякой собственно общественной (не кровной) связи, въ свою очередь, противопоставила подобное же рѣшительное отрицаніе связи родовой: рода древнерусская жизнь не знала, ибо родомъ въ древности называлось не что иное, какъ семья. И хотя, вопреки этому утверженію, самаго существованія семьи у всѣхъ древнерусскихъ племенъ, за исключеніемъ полянъ, субъективная школа тоже страннымъ образомъ не признала, тѣмъ не менѣе, въ ея дальнейшей теоріи, семьи, слагаясь въ высшія единицы, образуютъ общины, которыя отъ обыкновеннаго государства отличаются существенно тѣмъ, что представляютъ собою воплощеніе внутренней правды: демократическая община — вотъ характеристическій типъ древнерусскаго общественнаго строя.

Противоположныя утвержденія, въ которыя характеристично впали обѣ стороны—и объективная и субъективная, стремилась примирить и сгладить смѣшанная теорія Кавелина¹⁾ и Тюрина. Къ сожалѣнію, избранный для этого путь привелъ не къ желанному примиренію и соглашенію, а только къ

¹⁾ Авторъ здѣсь особенно имѣетъ въ виду извѣстную статью Кавелина: *Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи*, появившуюся въ первой книжкѣ *Современника* за 1847 г. и перепечатанную въ первой части *Сочиненій К. Д. Кавелина*: см. стр. 321—327. Въ новомъ изданіи «Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина» (Спб. 1897) статья эта помѣщена на 5—66 стр. перваго тома. Срв. выше примѣчаніе на стр. 23. Тюрину, котораго затѣмъ упоминаетъ Никитскій, принадлежитъ книга *Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси*. Спб. 1850. Ред.

соединенію заблужденій первыхъ двухъ школъ въ третью: ибо смѣшанная теорія, воспользовавшись совершенно внѣшнимъ средствомъ, рядомъ съ естественнымъ, кровнымъ родомъ, признаннымъ ею за низшую единицу общежитія, поставила, какъ высшее цѣлое, чисто политическую общину. Но противорѣчія примиряются и побѣждаются не сопоставленіемъ ихъ рядомъ или другъ надъ другомъ, а отысканіемъ новаго начала, способнаго все примирить, все сгладить. Такимъ всепримиряющимъ началомъ, способнымъ очистить патріархальную теорію отъ ея внутреннихъ противорѣчій и сдѣлать неоспоримымъ господство ея и въ древней Руси, представляется намъ мысль о *фигтивномъ или политическомъ родѣ*, — мысль, говорящая, что, съ одной стороны, родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, а фиктивнымъ, съ другой же — община была не чисто политическою, т.-е. мѣстною, а родою. Въ разницѣ между политическимъ и кровнымъ, естественнымъ родомъ и вытекающими отсюда слѣдствіями и заключается отличіе нашего мнѣнія отъ представленія объективной школы.

Сравнительная исторія показываетъ, что въ предѣлахъ индо-европейской отрасли народовъ родъ обыкновенно заключалъ въ себѣ, кромѣ лицъ, связанныхъ между собою узами родства, и постороннихъ членовъ; что даже тѣ примѣры, которыми обыкновенно доказывается существованіе естественнаго рода, какъ, напримѣръ, кельтійскій кланъ или кланъ горной Шотландіи, въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ оказываются не совсѣмъ чуждыми посторонней примѣси, которая характеризуетъ другія подобныя явленія. Такъ индійскіе общественные

союзы основываются не на одной только одинаковости происхождения, но и на допущении въ свою среду людей, совершенно постороннихъ. Относительно греческихъ родовъ уже Аристотель и Дикархъ отрицали существованіе строгой родственной связи; новѣйшіе историки Греціи также не задумываются считать греческіе роды отчасти искусственными. Въ римской жизни какъ семья постоянно наполнялась посторонними лицами (*adoptio*), такъ точно и другія высшія единицы. Въ древней Германіи второй фиктивный элементъ рода характеризовался названіями: *sui*, *vicini* или *gegyltan*. Однако русская наука какъ бы не замѣчала этихъ аналогій и, имѣя постоянно въ виду мысль объ одномъ только естественномъ родѣ, никакъ не могла выпутаться изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя ей приходилось впадать при объясненіи дѣйствительныхъ фактовъ. Какъ бы разнообразны ни были мнѣнія, которыя возникали въ средѣ науки относительно древнѣйшаго быта на Руси, какъ бы значительно ни удалялись они одно отъ другого, къ какимъ бы страннымъ слѣдствіямъ ни приводили эти мнѣнія: для всѣхъ партій представленіе о родѣ, какъ естественномъ, кровномъ явленіи, было несомнѣннымъ; всѣ партіи сходились въ томъ, что подѣ семьей нужно разумѣть отца семьи съ его нисходящими, тогда какъ подѣ родомъ—и боковыхъ родственниковъ съ ихъ нисходящими, и такимъ образомъ второстепенный, случайный признакъ возводили на степень характеристическаго, существеннаго. А между тѣмъ исторія славянъ представляетъ такія несомнѣнные доказательства существованія фиктивныхъ семей еще въ XV сто-

лѣтѣм, какія въ соотвѣтственной ясности и полнотѣ врядъ ли найдутся въ исторіи другихъ европейскихъ народовъ. Полицкій статутъ, состоявшійся въ 1400 году въ далматской общинѣ Полицѣ, въ своихъ постановленіяхъ касательно устройства полицкой верви наглядно раскрываетъ предъ нами какъ характеръ, такъ и всѣ элементы фиктивной семьи у славянъ. Полицкая вервь представляетъ по статуту, относящему ее къ исконнымъ учрежденіямъ, явные слѣды своего чисто родового происхожденія, такъ какъ члены верви называются прямо братьями; отсюда понятно, что у другихъ славянъ (сербовъ) слово «врѣвникъ» получило значеніе родственника. Но этотъ родовой союзъ имѣлъ не естественное, кровное значеніе, а фиктивное; братство основывалось на фикціи, такъ какъ между братьями различались братья ближніе или присные, дальніе или не премприсные и вервные,—въ составъ братства, слѣдовательно, входили не только семья и дальніе родственники, но и братья вервные или сосѣди (сусиди). Точно такъ же и въ древней Руси родовой союзъ, о которомъ неоднократно свидѣтельствуютъ первыя страницы лѣтописи, имѣлъ не кровное, а фиктивное значеніе: въ этомъ всего лучше убѣждаетъ насъ существованіе вымышленныхъ родоначальниковъ, подобныхъ Кію, Радиму и Вятку, отъ которыхъ вели свое происхожденіе древнерусскіе роды и племена ¹⁾).

¹⁾ Срв. въ статьѣ *С. И. Леонтовича* «О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому статуту сравнительно съ задругой юго-западныхъ славянъ» *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1867 г., т. СXXXIV. «Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ А. Никитскій (стр. 8), ссылаясь на эту статью,—мы принуждены сознаться, что вы-

Но сказать, что родъ былъ явленіемъ фиктивнымъ, значитъ сдѣлать только половину дѣла. Ибо въ родовомъ бытѣ не только всѣ отношенія регулируются родовымъ началомъ, но послѣднее, если выражаться строго, даже совсѣмъ исключаетъ начало территориальное, мѣстное и сообщаетъ ему второстепенное значеніе: въ то время всѣ общественныя дѣла опредѣляются не принадлежностью членовъ общества къ извѣстной мѣстности, къ извѣстному округу, а единственно принадлежностью къ извѣстному роду. Второстепенное значеніе территориальнаго или мѣстнаго принципа особенно ярко высказывается, съ одной стороны, въ преобладаніи патронимическихъ именъ, какъ, напр., Кривичи, Дреговичи, Вятичи, Радимичи, Увѣтичи, Хвалимичи, въ названіяхъ племенъ и поселеній и въ отсутствіи именъ топическихъ, мѣстныхъ; съ другой же — въ кочеваніи населенія, положившемъ основаніе тому

годы, дѣлаемые въ ней авторомъ (т.-е. Ѳ. Леонтовичемъ), совершенно не соотвѣтствуютъ фактамъ и что она вообще страдаетъ отсутствіемъ строгаго развитія понятій. Идея семейной общины, которой ищетъ Леонтовичъ въ Полицкой верви, довольно распространенное, конечно, въ настоящее время (т.-е. въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка) понятіе; но ближайшее знакомство съ послѣднимъ показываетъ, что семейная община есть или не что иное, какъ родъ, или же относится къ разряду немислимыхъ понятій». Болѣе новый изслѣдователь А. Прѣсняковъ («Княжое право въ древней Руси», стр. 4) по поводу той же статьи Леонтовича говоритъ, что «Леонтовичъ отвлеченное понятіе — врьь од бащине—линія родства по отцу—принялъ за названіе землевладѣльческой общины, заключая изъ тождества названій о тождествѣ явленій на Руси и у западныхъ славянъ». Отождествленіе съ задругой верви Русской Правды представляется А. Прѣснякову совершенно неудачнымъ. Ред.

явленію средних вѣковъ, которое извѣстно каждому подъ именемъ великаго переселенія народовъ. Въ этотъ періодъ цивилизаціи отдѣльные народцы, хотя и знаютъ уже мѣсто жительства и родину, но не прикованы къ ней и легко оставляютъ ее, особенно при скоромъ истощеніи воздѣлываемыхъ полей, что обусловливалось низкимъ состояніемъ земледѣлія.

Замѣчанія, высказанныя выше о характерѣ фиктивной семьи или рода, даютъ право сдѣлать нѣкоторыя общія соображенія о томъ новомъ основаніи, которое вводилось въ жизнь фикціею родства. Намъ уже извѣстно, что родъ образуется не чрезъ умноженіе числа людей, не чрезъ естественное размноженіе семьи, приобретающей все новыхъ и новыхъ членовъ и расширяющей затѣмъ, сообразно съ новыми потребностями, свой бытъ; напротивъ, родъ создается посредствомъ фикціи, распространяющей узы родства и на постороннія лица. Цѣль подобной фикціи заключается не въ томъ, чтобы новому обществу дать благозвучное имя, торжественное богослуженіе и неопредѣленное чувство общности, а въ томъ, чтобы съ помощью ея получить руководную нить для организаціи всѣхъ новыхъ общественныхъ отношеній. Иначе: если въ родѣ вся жизненная дѣятельность и облекается въ формы семьи, тѣмъ не менѣе, такое общество столь же трудно счесть за естественный продуктъ, въ противоположности съ юридической или политической общиной, какъ трудно видѣть естественное явленіе въ мѣстной общинѣ. Семья превращается въ родъ единственно лишь тѣмъ, что она уже перестаетъ довольствоваться физическими и нрав-

ственными отношеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ приобретаетъ сознаніе о юридическомъ или политическомъ принципѣ жизни и сообщаетъ этому принципу обязательное или объективное значеніе. Поэтому получаемая черезъ усиленіе юридическаго сознанія новая общественная единица, родъ, есть не что иное, какъ государство; новое начало, сообщаемое жизни фикціей родства, есть начало государственное: при разсмотрѣніи родового быта историкъ присутствуетъ при зарожденіи государства. Родовое или патриархальное государство такимъ образомъ основывается не на территориальномъ или мѣстномъ принципѣ, а на кровномъ, при чемъ территориальный занимаетъ только второстепенное мѣсто; съ другой же стороны, придаетъ кровному принципу не столько дѣйствительное, сколько фиктивное, мнѣшеское значеніе. Если второй признакъ устраняетъ всякое смѣшеніе естественнаго, кровнаго рода съ родовымъ государствомъ или полагаетъ между ними рѣзкую границу, то первый дѣлаетъ невозможнымъ смѣшеніе фиктивной семьи съ позднѣйшею общиной, представленія о которой въ русской наукѣ отличаются еще меньшею опредѣленностью, чѣмъ представленія о родѣ. Если подъ общиной разумѣть только, какъ оно на самомъ дѣлѣ и слѣдуетъ, второстепенный политическій организмъ, то въ этомъ смыслѣ и роды, когда надъ ними есть высшая политическая единица, могутъ быть названы общинами. Но когда общинный бытъ противопоставляется родовому, тогда подъ общиной разумѣется нѣчто совершенно иное, чѣмъ второстепенный политическій организмъ: община тогда представляется мѣстною. Въ этомъ случаѣ родъ составляетъ пол-

ную противоположность общинѣ и смѣшать ихъ нѣтъ никакой возможности, ибо родовое начало со-всѣмъ исключаетъ начало мѣстное.

Къ сожалѣнію, скудость, собственно, русскихъ источниковъ не допускаетъ дальнѣйшаго разъясненія мысли объ общемъ родовомъ владѣніи въ древней Руси; если и извѣстно, что владѣніе было общее, по родамъ, зато трудно сказать что-либо положительное насчетъ того, какую форму имѣло родовое совладѣніе, дѣлилась ли земля на отдѣльные участки или же обрабатывалась сообща, и затѣмъ уже полученный продуктъ распредѣлялся между всѣми домовладыками. За первое предположеніе говоритъ господствующая до настоящаго времени ¹⁾ на Руси общинная система пользованія землею, представляющая разительное сходство съ описаніемъ Германіи у Тацита, но замѣчаемая только въ новѣйшемъ періодѣ русской исторіи и выросшая, по всему вѣроятію, подъ вліяніемъ фискальных со-ображеній правительства; за второе же мнѣніе, заслуживающее полнаго предпочтенія,—аналогія славянской жизни. Дѣйствительно, не только въ древнѣйшее время славяне сообща обрабатывали свои земли и сообща пользовались ихъ продуктами, но даже и по настоящее время быть славянь, населяющихъ Австрію и Турцію, представляетъ ясныя примѣры какъ общаго пользованія сельскими продуктами, такъ даже и совмѣстнаго жительства въ одномъ домѣ.

Съ общимъ владѣніемъ поземельною собственности тѣсно связано другое явленіе, очень ярко ха-

¹⁾ Слѣдуетъ помнить, что статья А. Никитскаго впервые была напечатана въ 1870 г.

рактизирующее родовой бытъ и сообщавшее его учрежденіямъ прочное единство: мы разумѣемъ круговую поруку. Такъ какъ землю владѣли союзы, роды, а не отдѣльныя лица, то естественно, что только одни союзы могли и должны были принять на себя отвѣтственность за преступленія своихъ членовъ, ибо только у однихъ союзовъ было въ обладаніи землей достаточное ручательство за исполненіе возложенной на нихъ отвѣтственности. Порука, которою обязывались родовые союзы, характеризуется слѣдующими чертами, которыхъ никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, для того, чтобы не смѣшать родовой поруки съ позднѣйшею. Какъ и вообще родовыя учрежденія, союзная порука обнимала только членовъ, принадлежавшихъ къ роду, то-есть основывалась на кровномъ, дѣйствительномъ или фиктивномъ союзѣ; позднѣйшая же круговая порука исходила изъ территоріальнаго или мѣстнаго начала, которое отличается легко отъ родового тѣмъ, что въ основаніи поруки полагаетъ принадлежность лица не къ извѣстному роду, а къ извѣстной мѣстности, которое принимаетъ за исходный пунктъ существованіе въ извѣстной мѣстности слѣдовъ преступления и солидарность обитателей этой мѣстности въ отвѣтственности за преступленіе, слѣдовъ котораго они не могутъ отклонить отъ себя, то-есть своего округа. Съ другой стороны, родовая порука отличается еще и тѣмъ характеромъ, что обязанность, налагаемая ею, состоитъ не столько въ представленіи преступника на судъ, сколько въ отвѣтственности за самое преступленіе, въ несеніи цѣлымъ союзомъ наказанія на ряду съ преступникомъ или даже вмѣсто него.

Круговая порука, замѣчаемая на Руси въ историческое время и распространявшаяся не только на убійство, но и на нѣкоторыя другія, второстепенныя преступленія, какъ, напр., кражу, соединяетъ въ себѣ отличительныя черты обоихъ періодовъ развитія, какъ принадлежность къ извѣстной мѣстности, такъ и солидарность въ отвѣтственности за самое преступленіе, и такимъ образомъ является совершенно естественнымъ дальнѣйшимъ фазисомъ въ развитіи родовой поруки. Хотя, съ одной стороны, она и основывается на территориальномъ принципѣ, на существованіи слѣдовъ преступленія въ извѣстной мѣстности, верви; зато съ другой — члены верви не ограничиваютъ своей дѣятельности одной выдачей преступника, но отвѣчаютъ и за самое преступленіе. Только со времени Ярослава замѣчается стремленіе къ стѣсненію поруки за самое преступленіе, къ снятію съ верви всякой отвѣтственности тогда, когда преступникъ былъ налицо, къ ограниченію законныхъ штрафовъ только тѣми случаями, когда вервь не хотѣла или не могла исполнить возложенной на нее обязанности, не представляла на судъ человѣка, совершившаго преступленіе.

Уже одно простое существованіе поруки, отвѣчающей за самое преступленіе, можетъ быть удовлетворительно объяснено единственно предположеніемъ, что въ жизни раньше господствовала сильная родовая связь, предпочитавшая скорѣе принять на себя слѣдствія преступленія, чѣмъ подвергать своего сочлена всѣмъ шансамъ кровной мести, владычествовавшей въ то время; что позднѣйшая мѣстная порука есть только видоизмѣненіе родовой, — видо-

измѣненіе, вызванное къ жизни измѣненіемъ въ характерѣ общества.

Характеръ первоначальной общественной цивилизации, раскрывающійся въ несуществованіи въ то время трудно примиримыхъ частныхъ интересовъ, въ простотѣ и незначительности большей части дѣлъ, наконецъ, въ ограниченности размѣра политическихъ организацій (родовыхъ союзовъ), не только не требовалъ созданія особенныхъ общественныхъ органовъ, обыкновенно вызываемыхъ развѣтвленностью интересовъ, а напротивъ, позволялъ ограничиться одними только средствами, представляемыми семьею. Поэтому, сообразно съ характеромъ первоначальной культуры, единственнымъ общественнымъ органомъ въ родовомъ союзѣ, какъ и въ дѣйствительной семьѣ, былъ родоначальникъ, извѣстный у славянъ подъ многоразличными именами дѣда, ота, отца, отчика, бати, старѣйшины, владыки, воеводы, князя, леха, кмета и т. д. Большая часть этихъ именъ, очевидно, заимствована отъ естественныхъ, семейныхъ отношеній; да и тѣ изъ нихъ, которыя на первый взглядъ какъ бы отдаляются отъ этого источника, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются вышедшими изъ того же самаго круга понятій. Такъ напр., названіе князь, древ.-верхн.-нѣм. *chuninc*, древн.-ф. *kuning*, англ.-сак. *cyning*, древ.-сѣв. *konúngr*, *kóngr*, происходитъ вмѣстѣ съ *kuní*, родъ, отъ корня *kap*, первоначал. — рождать ¹⁾). Однако, хотя власть родоначальника и создана по образцу власти семейной, тѣмъ не менѣе, ея никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ послѣд-

¹⁾ Срв. выше на стр. 48.

ней. Въ семьѣ вся власть исходитъ отъ отца семейства и не нуждается въ признаніи со стороны подчиненныхъ: отецъ, приобретающій себѣ все новыхъ и новыхъ потомковъ, естественно получаетъ надъ ними власть, какъ творецъ надъ своими произведеніями. Иное дѣло въ родовомъ союзѣ. Тамъ вся власть исходитъ изъ рода, опирается въ своемъ происхожденіи на нѣмомъ или явномъ договорѣ всѣхъ потомковъ,—короче, основывается на выборѣ. Патриархальный характеръ родоначальнической власти сказывается въ той обширной комбинаціи, соединеніи званій, какую представляла особа родоначальника. Такъ какъ въ первоначальный періодъ развитія человѣчества различіе между частнымъ правомъ и правомъ общественнымъ, такъ сказать, только чувствовалось смутно, систематически же проводимо быть не могло, то вслѣдствіе этого обстоятельства въ обязанность родоначальника входили такіа занятія, которыя вполнѣ принадлежали къ сферѣ частной жизни и были бы приличны для одного развѣ дѣйствительнаго отца семейства,—напримѣръ, заботы по женитьбѣ и выдачѣ замужъ членовъ рода. Такъ какъ, далѣе, первоначальная культура не достигла еще до абстрактнаго различія между личнымъ и вещественнымъ правами и постоянно смѣшивала вещи съ лицами, то родоначальникъ соединялъ въ своей особѣ разные виды общественной дѣятельности,—не только судъ, но и управленіе: онъ былъ жрецомъ, судьей и воеводой—представителемъ рода какъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, такъ и предъ богами.

Съ сосредоточеніемъ такихъ разнообразныхъ званій въ особѣ одного родоначальника возникаетъ серьезная опасность превращенія отеческой власти

перваго въ деспотическую, такъ какъ родовая власть лишена того чувства любви, которое связываетъ отца съ его семьей¹⁾. Отсутствие этого чувства дѣлаетъ возможнымъ проявленіе со стороны родоначальника самыхъ рѣшительныхъ несправедливостей; поэтому давнишнимъ предметомъ русской науки былъ до сихъ поръ еще нерѣшенный вопросъ о томъ, какимъ характеромъ отличалась родовая власть — была ли она деспотическою или нѣтъ? Форма происхожденія патриархальной власти уже сама по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что явленіе, свойственное по природѣ одной семейной области, отнюдь не распространялось на другую область — родовую. Родъ былъ не простою расширенною семьей, а политическимъ союзомъ; родовая власть не возникла естественно, а основывалась на выборѣ; поэтому, если власть отца семейства является по своей сущности неограниченною, то власть родоначальника, наоборотъ, доступна для всякаго ограниченія, и ни при какихъ обстоятельствахъ, пока родовой принципъ остается въ силѣ, эта характеристическая черта родовой власти не уступаетъ своего мѣста деспотизму. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что, хотя власть родоначальника и была обширною, тѣмъ не менѣе, истинный центръ тяжести власти находился не въ рукахъ родоначальника, а въ рукахъ родовыхъ союзовъ. Если родоначальникъ и былъ жрецомъ, тѣмъ не менѣе, между славянами, какъ и въ Германіи, никогда не водворилась теократія; родоначальникъ былъ воеводою, но всѣмъ извѣстно, какую слабою властью пользовался и въ

1) Срв. выше на стр. 26 и 50.

позднѣйшее время на Руси воевода относительно своихъ подчиненныхъ; родоначальникъ, наконецъ, былъ судьбою; но на судѣ ему принадлежало только руководство, рѣшительная же власть всегда оставалась за союзами.

Если въ русской наукѣ всѣ партіи, какъ бы различно онѣ ни относились къ вопросу о господствѣ родового быта въ древней Руси, сходились въ положеніи, что родъ былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, то еще болѣе всѣ стороны убѣждены были въ томъ, что родовой бытъ и исчерпывается устройствомъ естественнаго рода; что дальше за родомъ не было никакихъ политическихъ учрежденій, а если и были, то происхожденіемъ своимъ обязывались необходимости, какъ думали одни, или же учрежденія отличались совершенно инымъ общиннымъ, а не родовымъ характеромъ, какъ думали другіе. Въ дѣйствительности же за родомъ патриархальныя учрежденія чуть-чуть ли не начинались. Явленіе круговой поруки очень убѣдительно показываетъ, что родовой бытъ не ограничивался однимъ только устройствомъ простаго рода, но что за предѣлами послѣдняго создавалъ новыя, гораздо обширнѣйшія единицы общежитія. Дѣйствительно, если только родъ ручался въ отвѣтственности за преступленія своихъ сочленовъ, то необходимо предположить, что была какая-либо высшая общественная единица, которая налагала на отдѣльные роды обязанность подобной поруки: ибо, въ противномъ случаѣ, кто бы могъ ручаться, что справедливыя требованія обиженнаго будутъ удовлетворены, и что снова не явится потребность въ кровной мести? Точку опоры новое общежитіе находило въ *городѣ*.

Патріархальная цивилизація была вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизаціею догородскою: она совсѣмъ не имѣла понятія о городѣ, не только въ томъ видѣ, въ какомъ городъ представляется нашимъ глазамъ, но даже не знала города, какъ мѣста общаго, совокупнаго сожительства многихъ людей, какъ это замѣчается въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за родовымъ бытомъ. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего страннаго. Въ патріархальное время каждый родъ составлялъ особенное цѣлое и жилъ на особомъ мѣстѣ; слѣдовательно, въ принципѣ жизни не было побудительныхъ причинъ къ соединенію людей въ такія значительныя группы, какія представляются городами. Однако, небезопасность жизни, протекавшая изъ сильнаго разъединенія и необузданнаго произвола личности, побуждала родовые союзы къ совокупному созданію такихъ мѣстопрібѣжищъ, которыя бы своими удобствами превосходили естественныя мѣста защиты, доставляемыя окрестною природою, именно—лѣса, воды и горы. Такія мѣстопрібѣжища, сооруженіе которыхъ было однимъ изъ первыхъ проявленій возникавшей между отдѣльными родами связи, состояли не въ чемъ иномъ, какъ въ огороженномъ стѣнами пустомъ пространствѣ, и назывались *городами*. Въ эти-то огороженные мѣста и укрывались, въ случаѣ нападенія какого-либо врага, соединенные въ одно цѣлое роды вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, состоявшимъ, главнымъ образомъ, изъ скота. Такой характеръ первоначальнаго города доказывается какъ значеніемъ слова *городъ*, такъ и нѣкоторыми чертами его дѣйствительнаго устройства. Названія города въ разныхъ языкахъ указываютъ или на защиту: городъ, городить, ого-

рода, подобно тому, какъ агх одного корня съ *agsege*, *Burg* съ *bergen*, или же на возвышенность мѣста, на которомъ городъ естественно воздвигался, какъ укрѣпленіе: *акга*, *capitolium*, вышгородъ. Характеръ же города отражалъ главное назначеніе послѣдняго тѣмъ, что въ немъ не было жилого населенія, что города были обыкновенно незначительнаго размѣра, достаточнаго только для того, чтобы дать возможность укрыться соединеннымъ вмѣстѣ родамъ¹⁾. Если же съ теченіемъ времени населеніе и примыкало къ городу, то все-таки селилось не внутри стѣнъ, а около послѣднихъ; и это обстоятельство объясняетъ намъ, почему кремль (кремь, кромъ, городъ кромный), который можетъ быть принять за образецъ древняго города, и въ позднѣйшее время обыкновенно не имѣлъ почти никакого населенія. Такимъ образомъ, древнѣйшія мѣста убѣжища не были городами въ собственномъ смыслѣ, а только основаніями для будущихъ городовъ, образовавшихся впоследствии чрезъ присоединеніе зданій къ городскимъ стѣнамъ и, въ свою очередь, защищавшихся новыми стѣнами, *острогомъ* (стерегу, подобно тому, какъ *urbs* родств. съ *curvus*, *orbis* — кругъ, ограда). Въ новѣйшее время остатки такихъ пустыхъ городовъ, называющихся у славянъ городищами (городище значитъ мѣсто бывшаго города), превратились въ совершенныя загадки. И подобно тому, какъ запустѣлыя городскія стѣны мѣстности Эквикуловъ въ Италіи возбуждали удивленіе въ римскихъ и новѣйшихъ археологахъ и заставляли первыхъ помѣщать тамъ своихъ аборигеновъ, а

¹⁾ Срв. выше на стр. 19 замѣчанія Соловьева.

вторыхъ — своихъ пелазговъ; такъ точно и у славянъ городища вызвали вниманіе со стороны археологовъ, которые, какъ, напримѣръ, Ходаковскій, считали себя въ правѣ видѣть въ нихъ не что иное, какъ языческія святилища. Но, хотя древнѣйшіе города и были обыкновенно мѣстомъ сооруженія жертвенниковъ и храмовъ, и поэтому тамъ легко могутъ быть находимы жертвенные остатки, тѣмъ не менѣе, первоначальное значеніе ихъ было оборонительное, а незначительная величина ихъ указываетъ не на святилища, а только на то, что въ нихъ не было жилья.

Возможность образованія изъ отдѣльныхъ родовъ новаго, обширнѣйшаго общежитія, опиравшагося на городъ, доставляла та же самая фикція, на которой основывался и простой родовой союзъ. Во время миеического періода фикція родства распространялась не только на членовъ каждаго рода, но и на цѣлыя племена, которые считали себя, подобно радимичамъ и вятичамъ, происшедшими отъ какого-либо общаго родоначальника («Радимичи бо и Вятчи отъ Ляховъ: бѣста бо 2 брата в лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятчи»); даже самые родоначальники отдѣльныхъ союзовъ, какъ, напр., Кій, Щекъ и Хоривъ («И быша 3 братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Сѣдѣаше Кій на горѣ, идѣже нынѣ оувозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣаше на горѣ, идѣже нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третей, отъ него же прозвася Хоривица», Лаврен., 8), Радимъ, и Вятко были прово-

дими въ родственную связь и объявляемы братьями, подобно тому, какъ въ Кабуль малики ближайше связанныхъ афганскихъ улусовъ смотрѣли на своихъ родоначальниковъ, какъ на братьевъ и сыновей героя, отъ котораго племя и въ особенности его ханъ считали себя происшедшими. Такимъ образомъ, родовой бытъ основывался, собственно, на двойной фикціи или лучше на фикціи двойного родства: во-первыхъ, членовъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ между собою, а затѣмъ уже представителей родовъ, родоначальниковъ. На основаніи перваго родства созидался, собственно, простой родъ, на основаніи второго — высшія родовыя единицы. Можно даже составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ путемъ и въ какой формѣ созидались новыя патріархальныя цѣлыя. Между ближайше обитавшими родами выдвигался одинъ какой-либо членъ (родовой союзъ) и фактически пріобрѣталъ власть, но фактически пріобрѣтенною властью пользовался не иначе, какъ въ формахъ старѣйшинства; въ ряду другихъ родовъ онъ возводился на степень старѣйшаго, а черезъ это самое и родоначальникъ его естественно становился на мѣсто родоначальника цѣлаго племени или князя. Такимъ образомъ, во время родового быта старшинствомъ считались не только въ предѣлахъ рода, но и родовые союзы между собою, и эти родовые счеты, въ приспособленной къ измѣнившимся обстоятельствамъ формѣ, сохранились до позднѣйшаго времени въ пригородномъ началѣ, въ порядкѣ старшинства городовъ, изъ которыхъ одни считались старѣйшими, другіе же — молодшими или пригородами. Порядокъ старшинства между родами и городами составляетъ поэтому не противорѣчіе

основному принципу патриархальной теории, какъ думалъ Кавелинъ¹⁾, а, напротивъ, совершенно законное слѣдствіе, дальнѣйшее примѣненіе его къ тогдашней жизни. Мысль о такихъ счетахъ старшинствомъ нисколько не страдаетъ отъ отсутствія въ ней юридической мѣрки, опредѣлявшей старшинство: старшинство не было простымъ юридическимъ титуломъ, на который опирались лица или роды, старавшіеся захватить власть въ свои руки; напротивъ, оно было нормой, по которой устраивались общественныя отношенія, когда власть уже фактически была приобретена. Въ періодъ развитія человѣчества, когда такъ мало было основныхъ зиждательныхъ элементовъ, мысль о старшинствѣ служила единственной путеводной нитью при организаціи общественныхъ отношеній.

Хотя возвышеніе какого-либо родового союза на степень старѣйшаго, сообразно съ чѣмъ и родоначальникъ его получалъ относительно другихъ родовъ соотвѣтственную власть, т.-е. дѣлался княземъ, старѣйшиною цѣлаго племени, первоначально и связывалось съ подчиненіемъ остальныхъ родовъ, которое ничѣмъ не отличалось отъ полной зависимости, тѣмъ не менѣе, такое положеніе дѣлъ, по характеру времени, долго продолжаться не могло. Съ теченіемъ времени, при ближайшемъ столкновеніи интересовъ, и подчиненные получили вліяніе на дѣла новаго союза, получили право, наравнѣ со старѣйшими, участвовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ избраніи общаго родоначальника, князя, хотя за старѣйшимъ родомъ все-таки оставалось то преиму-

¹⁾ Срв. *Сочиненія* I, 332 и II, 463—467.

щество, что князь избирался только изъ среды этого союза. Княжескую власть въ высшей родовой единицѣ нужно поэтому представлять, съ одной стороны, наследственной, такъ какъ право быть избираемымъ ограничивалось предѣлами одного только рода, съ другой же — выборною, такъ какъ въ самомъ родѣ князь обыкновенно избирался, при чемъ въ случаѣ надобности могли принять участіе и члены всѣхъ остальныхъ родовъ. Такое высшее патріархальное общезитіе, полученное посредствомъ расширенія фикціи родства, называлось на Руси *княженъемъ*. Патріархальными княженіями была покрыта вся Русь: княженья встрѣчаются у полянъ, древлянъ, дреговичей, новгородцевъ, полочанъ. Преданіе даже сохранило намъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ князей, какъ, напримѣръ, имя Мала, князя древлянскаго, жившаго и дѣйствовавшаго уже въ историческое время.

Между тѣмъ какъ въ однихъ типахъ государственной жизни, напримѣръ, въ государствѣ, основанномъ на военномъ владычествѣ, внутренняя сила государства возрастаетъ пропорціонально расширенію его границъ, въ то время въ родовомъ устройствѣ замѣчается совершенно противоположное явленіе: внутренняя сила государства ослабляется сообразно съ увеличеніемъ его объема, сообразно съ расширеніемъ господства родового принципа по болѣе значительной территоріи. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ узы родства, чѣмъ дальше онѣ будутъ удалены отъ своего первоначальнаго источника — семьи, тѣмъ меньше будутъ заключать въ себѣ внутренней силы¹⁾. Чувство родства, ува-

1) Срв. съ тѣмъ, что говорится далѣе на стр. 89. Гед.

женіе къ власти родоначальника могутъ сохранить полное значеніе только въ незначительныхъ размѣрахъ рода; но если только фикція родства расширяется, если создается новая, обширнѣйшая политическая единица, то тотчасъ же является потребность въ религіозномъ или политическомъ суррогатѣ, который, однако, больше извращаетъ первоначальный бытъ, чѣмъ сообщаетъ ему новую силу. Поэтому, между тѣмъ какъ въ простомъ родѣ члены связываются между собою подчиненіемъ власти родоначальника, общою поземельною собственностью, обязанностью круговой поруки, въ то время въ высшей родовой единицѣ, княженіи, общественная связь распространяется только на подчиненіе нѣкоторымъ общимъ учрежденіямъ, къ числу которыхъ относятся народное собраніе, вѣче, совѣтъ старѣйшинъ и княжеская власть; послѣдняя, впрочемъ, встрѣчается не всегда, временами дѣло обходилось и безъ личной власти.

Расширеніе родовой власти на болѣе обширную территорію или образованіе новаго цѣлаго посредствомъ соединенія нѣсколькихъ родовъ не могло совершиться безъ соотвѣтственнаго ослабленія самой власти, безъ привлеченія къ участию въ ней самихъ подчиненныхъ. На этомъ-то привлеченіи къ власти и основывалась возможность подчиненія представителю цѣлаго племени, князю, простыхъ родоначальниковъ, которые въ предѣлахъ родовыхъ союзовъ пользовались полною самостоятельностью. Ибо въ совѣтъ, который являлся на ряду съ княземъ во всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, родоначальники находили полное вознагражденіе за свое подчиненіе княжеской власти. Уже одно на-

звание членовъ родового совѣта старѣйшинами указываетъ отчасти на происхожденіе сената; еще болѣе убѣждаетъ въ томъ же самый характеръ старѣйшинъ. Старѣйшинами были лучшіе люди, которые держали землю или управляли ею, т.-е. имѣли въ ней власть; а власть по характеру того времени могла принадлежать въ землѣ, кромѣ князя, только родоначальникамъ. Родовой сенатъ основывался такимъ образомъ не на предположеніяхъ вещественнаго или личнаго права, не на величинѣ землевладѣнія или знатности происхожденія, а на общественномъ положеніи старѣйшинъ, которое они уже раньше занимали въ отдѣльныхъ родовыхъ союзахъ.

Если власть князя связывалась необходимымъ содѣйствіемъ совѣта родоначальниковъ, то она еще болѣе, равно какъ и самый сенатъ, ограничивалась народнымъ собраніемъ, *въчемъ*: и это совершенно естественно, такъ какъ родовая власть не была властью семейною, получила начало не отъ расширенія семьи, естественно подчиняющейся авторитету главы семейства, а отъ родовыхъ союзовъ, основывалась на договорѣ, на избраніи родоначальника членами союзовъ. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать свидѣтельства иностранцевъ¹⁾, утверждающихъ, что славяне жили въ демократіи. Народное собраніе патріархальнаго періода можетъ быть названо первобытнымъ собраніемъ (*Urversammlung*), *въчемъ*, такъ какъ оно основывалось не на представительствѣ какихъ-либо политическихъ союзовъ, а на непосредственномъ, личномъ участіи всѣхъ членовъ патріархальнаго княженія. Такое собраніе совершенно соотвѣт-

¹⁾ Срв. выше на стр. 28. Здѣсь Никитскій имѣетъ въ виду свидѣтельство Прокопія въ его *De bello gothico*, *Рсд.*

ствовало всѣмъ условіямъ древнѣйшей цивилизаціи. Такъ какъ родовые союзы, княженья, всѣ были большею частью незначительнаго размѣра, то понятно, что посѣщеніе вѣча было доступно для всего населенія въ княженьи; что въ извѣстные дни, -- у вагровъ, напримѣръ, въ понедѣльникъ, -- жители селъ и деревень, входившихъ въ составъ союза, могли утромъ явиться въ городъ, исполнить тамъ свои торговыя дѣла, принять участіе въ народномъ собраніи, если оно было, а затѣмъ къ вечеру разойтись спокойно по своимъ мѣстожительствомъ. Но съ расширеніемъ предѣловъ государства и съ появленіемъ трудно-примиримыхъ интересовъ, первобытное собраніе теряетъ смыслъ и превращается, какъ показываютъ примѣры Рима и Великаго Новгорода, въ господство главнаго города, если не черни послѣдняго. Мѣсто народнаго собранія, совпадавшее обыкновенно съ торгомъ, имѣло посрединѣ деревянный помостъ, иногда распадавшійся на отдѣльныя пирамиды, или трибуну, со ступеней которой говорили къ народу правительственныя лица: такія трибуны, естественно требуемыя собраніемъ, происходящимъ подъ открытымъ небомъ, встрѣчаются какъ у поморянъ, такъ и въ позднѣйшее время на Руси, напримѣръ, во Псковѣ, гдѣ трибуна называлась *степенью*.

Пренія, возникшія въ русской наукѣ относительно характера древнѣйшаго быта славянъ, распространялись не на одни только принципы, но повторялись на каждомъ частномъ вопросѣ, между прочимъ, и на вопросѣ о народномъ собраніи. Одни, какъ, напримѣръ, Соловьевъ, въ народномъ собраніи видѣли не что иное, какъ сходку старѣйшинъ,

родоначальниковъ, собственно же народное участіе въ вѣчѣ ограничивали пассивною ролью «принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ». Другіе же, какъ, напримѣръ, К. Аксаковъ, старались низвести самыхъ старѣйшинъ, владыкъ, до уровня простыхъ отцовъ семей, чтобы только имѣть возможность счесть народное собраніе за непосредственную сходку, вѣче, противорѣчащее яко бы основнымъ началамъ родового быта ¹⁾). Для патріархальной теоріи эти пренія не имѣютъ особеннаго интереса, такъ какъ и то, и другое явленіе нисколько не противорѣчитъ патріархальному принципу, требующему, чтобы на вѣче являлись одни только члены родовыхъ союзовъ. Положительная исторія показываетъ, что, хотя на вѣчѣ обыкновенно и участвовали всѣ члены родовыхъ союзовъ, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ расширенія предѣловъ княженія, посѣщеніе народнаго собранія естественно должно было ограничиться одними родоначальниками. Такъ, между тѣмъ какъ на Руси и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ земляхъ вѣче было сходкою всего народа, въ то время въ Чехіи народное собраніе составлялось изъ однихъ только родоначальниковъ, служившихъ представителями какъ цѣлыхъ племенъ (леховъ), такъ и отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ (владыкъ); но вмѣстѣ съ измѣненіемъ снema естественно измѣнялось и значеніе совѣта, который въ Чехіи изъ рукъ простыхъ родоначальниковъ перешелъ въ руки кметовъ. Характеръ чешскаго снema показываетъ, что перво-

¹⁾ Мнѣніе С. Соловьева см. выше въ выдержкѣ на стр. 17 и 36, К. Аксакова — на стр. 37 — 39.

бытное собраніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и судебнымъ собраніемъ, или, если выразаться языкомъ Гримма, народное собраніе было большимъ судомъ, судъ же — малымъ вѣчемъ. Судебная сторона вѣча всего лучше поясняетъ отношенія между главными элементами общественной жизни — княземъ и народомъ. Какъ показываетъ примѣръ Чехіи, князь въ судебномъ собраніи являлся руководителемъ засѣданія, предлагалъ вопросы на обсужденіе и указывалъ на способы, которыми первые могли быть рѣшены. Рѣшеніе устанавливалось самимъ народнымъ собраніемъ, которому, какъ только что замѣчено, принадлежалъ и авторитетъ суда. Отношенія же между вѣчемъ и совѣтомъ старѣйшинъ состояли въ томъ, что совѣтъ образовалъ при князѣ, какъ показываетъ исторія поморянъ, совѣщательное собраніе, на которомъ предварительно разсматривались дѣла, переходившія затѣмъ на утвержденіе народнаго собранія, гдѣ совѣтъ игралъ также не маловажную роль. Но, подобно тому, какъ совѣтъ не всегда прибѣгалъ за содѣйствіемъ къ народному собранію, точно такъ же и вѣче нерѣдко дѣлало свои постановленія и приводило ихъ въ исполненіе совершенно независимо отъ совѣта старѣйшинъ. Въ этомъ отношеніи характеръ поморской жизни тѣсно граничитъ съ новгородской, гдѣ также каждая толпа, случайно попавшая на Ярославовъ дворъ, тотчасъ же принимала на себя роль самодержавнаго вѣча; однако въ Великомъ Новгородѣ постановленіе вѣча только тогда получало полную юридическую силу, только тогда Новгородъ принималъ на себя отвѣтственность за рѣшенія, принятыя вѣчемъ, когда онъ далъ на эти рѣшенія свое *новгородское слово*, т. е. когда рѣ-

шенія состоялись при участі новгородскаго совѣта и съ благословенія новгородскаго владыки, — благословенія, служившаго торжественнымъ выраженіемъ новгородскаго ¹⁾ слова.

Такимъ образомъ и вторая патріархальная единица, княженъе, отличается тѣми же чертами, какъ и простая первоначальная ячейка, т.-е. родовой союзъ. И здѣсь форма государства была монархической, власть сосредоточивалась въ рукахъ князя, сущность же, тѣмъ не менѣе, оставалась демократическою, такъ какъ народное собраніе являлось источникомъ всякой власти. Разница возникала развѣ только въ томъ случаѣ, когда образовавшіеся изъ отдѣльныхъ родовъ союзы не подчинялись личному повелителю, т.-е. или еще не успѣли усвоить себѣ княжеской власти, или же утратили ее вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ; когда, слѣдовательно, власть распредѣлилась между народнымъ собраніемъ и совѣтомъ, составленнымъ изъ старѣйшинъ, когда цѣлое представляло не столько государство, сколько союзъ государствъ. Въ этомъ случаѣ, встрѣчаемомъ въ исторіи лютичей, сущность государства оставалась прежнею, демократическою, форма же измѣнялась въ аристократическую, такъ какъ на челѣ правленія становился совѣтъ старѣйшинъ, а совѣтъ вообще есть принадлежность аристократіи. Однако всѣ эти разнообразныя зачатки государственной жизни, какъ монархическій, такъ и демократическій, не могли создать въ княженъи ни прочнаго вну-

¹⁾ См. въ Новгородской лѣтописи по синодальному списку подъ 1266-мъ годомъ: «ѣздѣша изъ Новогграда люди молодыи на Волгу безъ новгородьскаго слова».

твеннаго порядка, ни сильнаго внѣшняго единства. И немудрено. Если родовые союзы, входившіе въ составъ княженъ, были ничѣмъ инымъ, какъ государствами въ незначительномъ масштабѣ, то естественно ожидать, что государственный характеръ союзовъ будетъ препятствовать имъ входить второстепенными членами въ высшія единицы, княженъ. Дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда роду приходилось взойти въ составъ новаго цѣлаго, за нимъ все еще оставалась обширная, совершенно независимая сфера дѣйствія, въ которой онъ былъ полнымъ господиномъ; такимъ образомъ, родъ представлялъ въ подобномъ случаѣ какъ бы государство въ государствѣ. Это существованіе лѣстницы государствъ, имѣющихъ опредѣленные, вполне самостоятельные круги дѣйствія, составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ родового быта: между тѣмъ какъ въ современной намъ жизни, напримѣръ, въ англійскомъ самоуправленіи, сфера общины строго опредѣляется и внутри ея предѣловъ подчиняется общимъ законамъ, въ то время въ родовомъ строѣ союзы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма немногочисленныхъ отношеній къ высшей единицѣ, тѣхъ именно, которыя касались не одного рода, а цѣлаго союза родовъ, во всемъ остальномъ были предоставлены вполне самимъ себѣ. Отсюда-то возникали тѣ противогосударственныя стремленія, которыя заставляли родъ искать самостоятельности не въ активной свободѣ, не въ принятіи ревностнаго участія въ общественной дѣятельности, а въ пассивной, въ возможно большемъ отстраненіи отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ; отсюда-то вытекала вражда родовъ между собою, которая замѣ-

чается при началѣ ¹⁾ русской исторіи. Еще менѣе возможно было сильное внѣшнее единство. За предѣлами двухъ незначительныхъ патріархальныхъ союзовъ, на Руси не существовало дальнѣйшихъ, болѣе обширныхъ и крѣпкихъ политическихъ организацій, даже не существовало простой связи между княженьями, если только исключить нѣкоторые случайныя явленія и ихъ необходимыя слѣдствія, какъ, напримѣръ, подчиненіе сѣверной Руси варягамъ, а южной — козарамъ. За княженьями замѣчается одна только національная связь, основывавшаяся на общности языка, нравовъ и религіи.

На основаніи свѣдѣній, разсѣянно сообщенныхъ въ предшествующемъ изложеніи, можно составить себѣ окончательное представленіе о патріархальномъ бытѣ. Если, съ одной стороны, родовой бытъ представляетъ ту отличительную особенность, что при господствѣ его всѣ политическіе порядки облекаются въ формы семьи, — при чемъ все равно, будутъ ли состоять эти порядки въ простыхъ родовыхъ союзахъ или же въ патріархальныхъ княженіяхъ; если поэтому при такомъ бытѣ понятія частнаго права и права общественнаго, понятія семьи и государства строго не различаются, а постоянно смѣшиваются одно съ другимъ; если, съ другой, размѣръ родовыхъ учрежденій является, несмотря на то, все же значительнымъ, — то, въ виду такой противоположности, совершенно естественно возникаетъ

¹⁾ См. въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 862-мъ годомъ: «Изгнана варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ влодѣти, и не бы в нихъ правды, и воста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицы, и воевати почаша сами на ся». См. выше стр. 17 — 18. Ред.

вопросъ о значеніи патріархальныхъ организацій: относятся ли послѣднія къ разряду государствъ или же составляютъ принадлежность доисторическаго періода цивилизаціи человѣчества?

Нельзя не сознаться, что существованіе нѣкоторыхъ политическихъ понятій при такомъ бытѣ неоспоримо. Если уже въ основаніи власти родоначальника и частнаго права на пользованіе или обладаніе поземельною собственностью лежитъ понятіе о высшей власти, служившей этимъ явленіямъ не только простымъ дополненіемъ, а дѣйствительнымъ, необходимымъ предположеніемъ, то еще менѣе можно отрицать присутствіе той же высшей власти въ явленіяхъ общественнаго міра, изгойства (изверженія изъ среды общества), круговой поруки или замѣны кровной мести въ извѣстныхъ случаяхъ денежными пенями, вирами (*wergeld*): всѣ эти явленія положительно переходятъ предѣлы простой семейной и общинной жизни и ясно свидѣтельствуютъ о государственности родовыхъ учреждений.

Такимъ образомъ, смѣшеніе понятій семьи и государства достаточно опредѣляютъ рангъ патріархальныхъ организацій и ихъ значеніе въ древней жизни. Еще болѣе затрудненій возникаетъ отъ этого смѣшенія понятій относительно дальнѣйшаго развитія цивилизаціи. Если и нельзя сказать, что народъ не могъ сбросить съ себя родовыя формы и собственными средствами создать иное, высшее общежитіе, — примѣръ противнаго замѣчается на Скандинавіи, — тѣмъ не менѣе, родовой бытъ, взятый въ его истинномъ характерѣ, не представлялъ, какъ политическая форма, зародышей къ дальнѣйшему развитію политической мысли. Развивающіяся потребности обще-

ства требовали расширения государственных предѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованія сильной центральной власти: соединеніе же этихъ двухъ явленій при господствѣ родового быта было совершенно немислимо, ибо въ этотъ періодъ исторіи расширеніе въ размѣрѣ государства сопровождалось пропорциональнымъ ослабленіемъ центральной власти. Тяжесть вопроса о причинахъ, вызвавшихъ паденіе родового быта, русская наука нерѣдко пыталась обойти тѣмъ соображеніемъ, что въ родовомъ строѣ лежатъ естественные зародыши распаденія, состоящіе въ дробленіи родовъ на вѣтви и въ отдаленіи этихъ вѣтвей ¹⁾ другъ отъ друга. При этомъ, однако, упускается изъ виду то обстоятельство, что простое существованіе разрушительныхъ элементовъ нисколько не ручается за прогрессъ въ обществѣ, за переходъ его въ иную форму общежитія,—напротивъ, оно свидѣтельствуетъ скорѣе о томъ, что общество еще долго проживетъ въ старомъ строѣ: если отъ родовъ и отдѣляются особенныя вѣтви, то врядъ ли прямо можно утверждать, что эти отдѣлившіяся вѣтви съ теченіемъ времени сами не станутъ новыми родами, и на практикѣ онѣ всегда дѣйствительно становятся таковыми. Короче: каждая

¹⁾ «Всякая родовая община,—читаемъ у Кавелина,—сама въ себѣ носитъ зародышъ своего разрушенія. Это основано на непреложномъ законѣ распаденія рода на линіи, отрасли, которыя съ теченіемъ времени утрачиваютъ всякое единство и вступаютъ во вражду между собою» («Сочиненія» II, 36; ср. I, 323—324). Ср. ниже на стр. 96 слова Э. И. Леонтовича относительно роли родового сознанія и выше на стр. 79 замѣчаніе самого А. Никитскаго, а на стр. 16—С. Соловьева.

форма жизни падаетъ не вслѣдствіе какихъ-либо отрицательныхъ элементовъ, а напротивъ, подъ вліяніемъ зиждительныхъ, смѣняется только высшею и уступаетъ послѣдней мѣсто только вслѣдствіе ея превосходства,—превосходства идеи новой жизни. Поэтому распаденіе родового быта должно обусловливаться какою-либо высшей идеей, совершаться при помощи какихъ-либо новыхъ механическихъ средствъ.

V. ТЕОРИЯ ОБЩИНАГО БЫТА ВЪ ПОЗДНѢЙШЕЙ ПЕРЕРАБОТКѢ.

(*Ө. И. Леонтовичъ. «Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи». «Ж. М. Н. Пр.» 1874 г., № 6—8).*

Соловьеву и его послѣдователямъ принадлежитъ заслуга перваго внесенія въ русскую историческую науку, если не органической теоріи, то органическаго метода. Соловьевъ¹⁾, дѣйствительно, открылъ первичную общественную клѣточку, изъ которой развилась и окрѣпла еще въ доисторическое время общественность русскаго народа. Онъ и его послѣдователи старались выяснитъ подмѣченное ими начало во всѣхъ его проявленіяхъ, опредѣлитъ общій характеръ и значеніе открытой ими общественной клѣточки, моменты ея развитія и перерожденія въ другой, высшій организмъ. Въ этомъ отношеніи теорія Соловьева имѣетъ видъ довольно логически построенной научной системы, чѣмъ объясняется ея вліяніе и значеніе въ нашей исторической литературѣ. Но школа эта на первыхъ порахъ не подмѣтила, что родовая клѣточка и основанная на ней общественная организація въ жизни русскаго народа вполнѣ завершила свой кругъ, реорганизовалась въ иную клѣточку съ другою, болѣе слож-

¹⁾ Подъ вліяніемъ Эверса; см. выше примѣчаніе на стр. 42.

ною, организаціей еще въ темную эпоху доисторическихъ временъ. На глазахъ исторіи, и то лишь на первыхъ порахъ, задержались едва замѣтные слѣды и остатки (похищеніе и сожженіе женъ, патронимическія имена и проч.) отъ старой родовой организаціи, въ видѣ окаменѣлостей, потерявшихъ всякую органическую связь съ народнымъ бытомъ. Новыя историческія формы быта школа Соловьева безразлично смѣшиваетъ съ такими доисторическими окаменѣлостями, съ дезорганизованными остатками отъ стараго родового порядка и не замѣчаетъ между ними глубокой пропасти, которую не въ силахъ наполнить и сгладить никакія усилія послѣдователей родовой теоріи. Идея кровнаго (племеннаго, родового) единства—основное начало родового быта — исключительно господствуетъ только у племенъ неосѣдлыхъ—у кочевниковъ, ведущихъ стадную, боевую жизнь въ формѣ бродячихъ, военныхъ дружинъ и цѣлыхъ ордъ. Такъ ли было у славянъ въ историческое время, то-есть явились ли они на сцену исторіи въ видѣ военно-кочевыхъ ордъ и, слѣдовательно, съ родовымъ типомъ всей ихъ общественной жизни?

Кочеваніе населенія въ тѣхъ его видахъ и формахъ, въ какихъ оно являлось въ родовую эпоху, вовсе не имѣло мѣста въ историческомъ быту славянъ. По свидѣтельству всѣхъ древнихъ историковъ, славяне стали раньше германцевъ заниматься земледѣліемъ на нынѣшнихъ ихъ осѣдлостяхъ¹⁾... Исторія застаётъ славянъ въ пору полнаго развитія коло-

¹⁾ Далѣе г. Леонтовичъ повторяетъ возраженія К. Аксакова и другихъ противниковъ родовой теоріи. *Ред.*

низационнаго движенія. Общины семейныя и территориальныя — верви, задруги, села, грады, цѣлыя земли, волости и жупы — образовались у славянъ еще въ доисторическую пору. Историческимъ народомъ они являются уже на вторичной, общинной ступени культуры. На глазахъ исторіи они не кочуютъ ради военной добычи, хищничества. Историческій типъ славянина — по преимуществу типъ мирнаго хлѣбопашца-колонизатора, уже освоившаго спокойное мѣсто осѣдности. Колонизационное движеніе, начавшееся еще за предѣлами исторіи, является на его глазахъ фактомъ совершившимся, развивается затѣмъ дальше, сообразно съ мѣстными условіями жизни каждаго отдѣльнаго народца и племени. Последніе приобрѣли уже территориальную фізіономію, даже чисто мѣстныя имена — полянъ, древлянъ и проч. Колонизація движется быстрѣе или медленнѣе, смотря по мѣстнымъ удобствамъ; отсюда и различія въ самомъ быту народцевъ, напримѣръ, полянъ, колонизовавшихся болѣе прочнымъ образомъ, усвоившихъ ¹⁾ «кроткіе и тихіе нравы», и древлянъ, радимичей и другихъ лѣсныхъ народцевъ, которые, по выраженію начальнаго лѣтописнаго свода, («а древляне) живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица... И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху:

¹⁾ «Поляне бо, читаемъ въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ, своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнне имѣху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней что владуче».

живяху въ лѣсѣхъ, якоже и всякій звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословье въ нихъ предъ отъци и предъ снохами, и браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на бѣсовская игрища, и ту умыхаху жены собѣ, с нею же кто свѣщашесе». Это уже не стадное кочеваніе родовъ и ордъ, но болѣе или менѣе прочныя ступени колонизаціонной дѣятельности народа. Вездѣ являються поселенія сельскія и городскія, стягивающіяся въ обширныя територіальныя общины—волости, земли и пр. Словомъ, славяне на первыхъ же историческихъ порахъ являються уже съ тѣмъ общественными формами, съ какими застаеть ихъ позже, спустя нѣсколько вѣковъ, эпоха перехода въ государственнй бытъ. Во времена Рюриковичей эти формы только окончательно выяснились, приобрѣли законченнй политическй характеръ. Весь этотъ рядъ крупныхъ фактовъ идетъ положительно въ разрѣзъ съ родовой теоріей, которая или вовсе игнорируетъ ихъ, или даетъ имъ произвольныя, натянутыя объясненія, нисколько не оправдываемыя дѣйствительнымъ смысломъ историческихъ явленій.

Въ историческомъ развитіи всѣхъ народовъ, обладавшихъ органическою способностью къ политически самобытной жизни, высказывался всегда и вездѣ одинъ и тотъ же неизмѣнный законъ образованія цѣлаго политическаго тѣла изъ сочлененія и осложненія основныхъ политическихъ клѣточекъ. Каждый народъ, какъ политическй организмъ, проходилъ опредѣленныя стадіи развитія. На каждой изъ нихъ возникалъ и укоренялся въ теченіе долгаго историческаго процесса одинъ изъ основныхъ, неразложимыхъ и неотъемлемыхъ элементовъ поли-

тической жизни: элементъ личный, физиологическій (народъ), элементъ мѣстный, территоріальный (пространство, мѣсто осѣдлости народа) и элементъ связующій, правящій, — элементъ общаго порядка (верховная власть). Укорененіе каждаго изъ этихъ элементовъ вызывало особыя политическія формы народной жизни — особыя политическія клѣточки, въ которыхъ организовывался и укоренялся тотъ или другой изъ означенныхъ основныхъ элементовъ, по порядку органической послѣдовательности и постепенности въ развитіи элементовъ личныхъ, территоріальныхъ и связующихъ. Отсюда въ исторіи чело-вѣчества обозначились и установились три основныя политическія формаціи, каждая съ свойственною ей основною клѣточкой: *родъ* съ его организаціей физиологическаго элемента, *община* съ ея организаціей территоріальнаго элемента и *государство* съ его организаціей элемента связующаго.

Родъ, община и государство — три самостоятельныя, можно сказать, исключаютія одна другую основныя политическія клѣточки, каждая съ своими особыми свойствами, отправленіями и организаціей, — клѣточки, лежація въ основѣ большихъ политическихъ организмовъ — *племенъ, народностей* и всего *человѣчества*.

Родъ, по своему основному органическому характеру и назначенію, представляетъ подвижную племенную клѣточку, органическое начало кочевого племени; *община* — осѣдлую клѣточку территоріальной народности; *государство*, въ отличіе отъ рода и общины, является въ органическомъ отношеніи космополитическою клѣточкой, органическою силой всего чело-вѣчества, разсматриваемаго какъ цѣлостный политическій организмъ.

Первичною формою человѣческаго общежитія является жизнь *племенная, кровная*. Родъ организуется по принципу кровному, физиологическому. Единство рода, какъ политически самобытнаго, органическаго тѣла, коренится въ кровномъ происхожденіи его членовъ отъ общаго главы рода; крѣпкихъ связей территоріальныхъ, помимо физиологическихъ опредѣленій, не существуетъ въ родовомъ быту. Отсюда родовая замкнутость и исключительность первичныхъ союзовъ, недоступныхъ для чужеродцевъ.

Для рода, какъ первичной клѣточки, постоянно движущейся, не осѣдающей на одномъ мѣстѣ, объединяемой исключительно *кровными* связями, не существуетъ *территоріальныхъ* границъ, которыя навсегда опредѣляли бы мѣсто его дѣятельности. Отсюда основная черта родового быта—*кочеванье* родовъ и племенъ, бродячій номадный, стадный характеръ всего быта племенъ и родовъ, отличающихся въ отношеніи къ территоріи, къ мѣсту ихъ кочевокъ, такъ сказать, безличнымъ, космополитическимъ характеромъ. Идея кровнаго единства исключительно преобладаетъ у племенъ неосѣдлыхъ, у кочевниковъ.

Другая отличительная черта родового быта заключается въ *военно-дружинномъ* характерѣ родовой организаціи. Военная организація необходима и для хищническихъ набѣговъ ради добычи и для самозащиты противъ враждебныхъ нападеній другихъ родовъ. Потому родовое устройство проникалось строгой военной дисциплиной, установлявшей между членами рода аристократически родовую іерархію съ безусловнымъ главенствомъ и полновлстіемъ старшаго надъ младшими. Значеніе и сила главы

рода зависѣли не столько отъ родового, сколько отъ военнаго характера его власти.

Слѣдуетъ замѣтить ¹⁾, что родовой бытъ держится болѣе или менѣе долго, смотря по свѣжести и живучести *родового сознанія*, памяти объ общемъ происхожденіи и связи родичей. Организованный родовой бытъ требуетъ, чтобы съ разрастаніемъ поколѣній не угасало въ нихъ живое и ясное сознаніе родовой связи, чтобы въ самомъ быту были обстоятельства, которыя постоянно поддерживали и освѣжали бы родовое сознаніе.

Иными чертами отличается *община* — вторичная политическая формація быта, переживаемая каждымъ историческимъ народомъ. Политическая роль общины выражается въ томъ, что она собственными творческими силами организуетъ второй неразложимый элементъ политической жизни — элементъ *мѣстный, территориальный*, укореняетъ отношеніе народа къ пространству, мѣсту его осѣлости и этимъ выясняетъ понятіе о народной территоріи, безъ котораго немислимо позднѣйшее образованіе государства. Народъ этой формаціи слагается изъ самобытныхъ частей, общинъ семейныхъ и территориальныхъ, связанныхъ между собою пространственно, какъ въ силу колонизаціоннаго принципа сожительства на однихъ мѣстахъ осѣлости, такъ и въ силу единства бытовыхъ и территориальныхъ интересовъ общинъ. Прочнаго связующаго порядка съ общимъ характеромъ не было въ обществѣ общинной эпохи, — въ сферѣ общихъ политическихъ отношеній народа не было союзнаго начала, которое

1) Срв. выше примѣчаніе на стр. 80.

обнимало бы весь народъ, отличалось государствен-
нымъ характеромъ. Но зато была федеративность
мѣстная, волостная, имѣвшая силу и значеніе
въ сферѣ чисто общинныхъ отношеній. Здѣсь
федеративное начало являлось могучею террито-
риальною силой, стягивавшею отдѣльные союзы въ
группы, федераціи, самобытныя извнѣ и цѣлостно-
автономическія внутри, каждая съ своимъ мѣстнымъ
центромъ, съ своими областными интересами и со-
знаніемъ своей отдѣльности и политической само-
бытности.

Общинный порядокъ, подобно родовому, опредѣ-
лялся организаціей, свойствами и характеромъ основ-
ной общественной клѣточки, имѣвшей за собою
преимущества колонизаціоннаго старѣйшинства, дав-
ности происхожденія, выработавшей начало, которое
затѣмъ регулировало все внутреннее устройство
общинныхъ союзовъ. Такою клѣточкой является въ
эту эпоху *семейная община*. Она имѣла огромное исто-
рическое значеніе въ средневѣковой жизни всѣхъ
европейскихъ народовъ и, какъ всякое, великое,
исторически-культурное начало, долго удерживалась
въ жизни, даже въ то время, когда ея историческое
назначеніе кончилось, и народный бытъ перешелъ
на высшую ступень общественнаго развитія.

Община семейная встрѣчается въ одинаковыхъ
формахъ у всѣхъ народовъ общинной культуры. Она
была общею принадлежностью славянской исторіи;
у славянъ южныхъ она доселѣ сохраняется въ
первобытныхъ формахъ. Такая же община была
извѣстна на всемъ средневѣковомъ Западѣ. Что у
славянъ называлось дымомъ, дворомъ, огнищемъ,
родомъ, братчиной, вервью или вервною дружиной,

задругой¹⁾, заединомъ и пр., то у франковъ X-го и слѣдующихъ вѣковъ извѣстно было подъ именемъ *pot, feu, sel, chateau, gentium, communauté familial, société rustique des frères, serfs, roturiers* и пр.

Въ славянскихъ общинахъ, въ которыхъ рано утвердились княжескіе роды и династіи, устройство послѣднихъ также основывалось на семейно-общинныхъ порядкахъ. Существованіе задружныхъ порядковъ въ средневѣковой жизни европейскихъ народовъ мотивировалось и постоянно поддерживалось общими бытовыми условіями того времени.

Кочевые роды осѣдали по составнымъ своимъ частямъ отдѣльными семьями, въ которыхъ нужно видѣть первые зародыши задругъ. При дальнѣйшемъ нарастаніи семей, члены ихъ продолжали жить сообща, общиной, «заединомъ», какъ въ силу экономическихъ условій — цѣлесообразности и выгоды труда общими силами, такъ и въ силу условій социальныхъ — ради самозащиты, по началу круговой поруки.

1) «*Домашняя община* составляетъ основную ячейку родового устройства. Среди ученыхъ эта община извѣстна болѣе подъ названіемъ *задруги*. Но сами мѣстные славяне чаще всего называютъ домашнюю общину иначе: или *складные* (т.-е. сложившіеся, по нашему древнему выраженію — *складники*), неотдѣленные *братья*, или просто *велика куча* (т.-е. большой домъ, большая семья). Какъ видно уже изъ этихъ названій, *домашняя община* есть размножившаяся семья, оставшаяся нераздѣльной послѣ смерти родоначальника». «Составляющіе общину кровные родственники живутъ въ одномъ дворѣ, владѣютъ общей собственностью, пользуются равными правами другъ съ другомъ и подчиняются распоряженіямъ представителя семьи, выбираемаго всѣми ея членами съ общаго согласія» — стр. 86 статьи П. Н. Милюкова «*Древнѣйшій бытъ у славянъ*» (стр. 83—101), напечатанной въ «*Книгѣ*

Въ задруги могли затѣмъ соединяться путемъ общихъ браковъ или простого уговора и чуждыя между собою семьи и отдѣльныя лица («во всякомъ случаѣ чужіе люди составляютъ исключеніе въ кучь», какъ замѣчено у П. Милюкова, стр. 86), ради тѣхъ же экономическихъ и социальныхъ цѣлей и интересовъ (отсюда, напримѣръ, чешскія задруги назывались «*stupky, spolky*» — отъ «ступаться», вступать въ союзъ, соединяться въ общину, или «заединъ», какъ выражаются теперешніе сербы или хорваты).

Въ задругѣ все ново; нѣтъ ничего общаго съ старымъ родомъ. Семья, поглощавшаяся въ кочевую эпоху родомъ, теперь получаетъ самостоятельное значеніе, является «инокоштиной», лицомъ юридическимъ. Въ составѣ задруги семьи и отдѣльныя лица не безправны, какъ въ старомъ родѣ. Возникающія впервые въ задругѣ, болѣе прочныя отношенія къ землѣ, къ вещному міру, приурочиваются къ цѣлой задругѣ: она — первый пахарь и вмѣстѣ съ тѣмъ первый вотчинникъ, землевладѣлецъ; въ ней заново организуется земельное владѣніе и собственность — понятія, немыслимыя въ родовомъ быту

Для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленной кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова. (Выпускъ первый. М. 1896). Названная статья, равно какъ двѣ другія статьи того же автора «Разселеніе славянъ» (стр. 67—82) и «Религія славянъ» (стр. 102—117), напечатанныя въ той же «Книжкѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ», являются извѣстнымъ дополненіемъ къ первому отдѣлу нашего сборника, представляя собой научно-популярное изложеніе вопроса о древнихъ славянахъ. См. также статью М. В. Ключкова «Къ вопросу о складникахъ» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1901 г., т. СССХХХVIII и выше на стр. 67, также примѣчаніе на стр. 64. Ред.

кочевниковъ. Общій строй задруги вездѣ былъ одинъ и тотъ же. Задруга — союзъ лицъ и семей, живущихъ на одномъ огнищѣ (осѣдлости), однимъ или нѣсколькими домами (дымами), — союзъ, связанный не столько кровнымъ единствомъ, сколько связями территоріальными и экономическими, сожительствомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, бывшей въ общемъ обладаніи общины. Такія ассоціаціи земледѣльческія управлялись автономически, по общей думѣ, совѣту, уговору и наряду, подъ ближайшимъ завѣдываніемъ отца или выборнаго старшины (славянскій старѣйшина, владыка, домачинъ — *domacin*, — господарь или хозяинъ соответствуетъ французскому *major, maistre* или *chef de communauté*, какъ и славянская хозяйка и домачица — *domasica* — соответствуетъ французской *majorissa, maitresse*).

Старѣйшинство опредѣлялось давностью рожденія или принадлежностью къ старшей (по времени возникновенія или приселенія къ союзу) семьѣ въ задругѣ или зависѣло отъ ряда и избранія общины, а иногда просто добывалось захватомъ (при молчаливомъ согласіи на то другихъ членовъ общины).

Равноправіе и солидарность всѣхъ членовъ общины было основнымъ началомъ задружнаго устройства.

Задружные распорядки вліяли на всю дальнѣйшую колонизацію и устройство территоріальныхъ общинъ. Задруга передала имъ развитый ею принципъ общиннаго сожительства и земельного владѣнія, старѣйшинства и колонизаціонной іерархіи общинъ, наряда и управы по общей думѣ и уговору и пр. Всѣ эти основы общиннаго быта получили свое развитіе прежде всего въ задругѣ, явившейся раньше

другихъ формъ общинныхъ, и затѣмъ расширялись дальше, вмѣстѣ съ разрастаніемъ задругъ въ общины территориальныя, которыя, по замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина («Русская Исторія», I, 41), и «могли создаваться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ».

Задруги, соединенныя пространственно, сводились общими бытовыми интересами въ болѣе обширные союзы — *общины, часто территориальныя*, представлявшія по своему устройству не больше, какъ разросшіяся задруги. Генезисъ территориальной общины кроется въ первичной задругѣ, старѣйшей по времени колонизаціи. Первичная задруга, по мѣрѣ нарастанія членовъ и семей, возникавшихъ въ ней или приселявшихся къ ней въ силу уговора или общихъ браковъ, разрасталась съ теченіемъ времени въ починокъ, деревню, село, посадъ, городъ (пригородъ принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей колонизаціи земель и волостей), удерживая на всѣхъ этихъ ступеняхъ типическія черты первоначальнаго своего устройства и только примѣняясь къ болѣе широкимъ и сложнымъ условіямъ жизни территориальной общины. Подобная же колонизація повторяется и въ другихъ задругахъ. Такъ, путемъ постепенной колонизаціи, разрастанія старыхъ задругъ и выселенія новыхъ, возникалъ рядъ общинъ, пространственно, географически связанныхъ, въ видѣ нашихъ погостовъ, юго- и западно-славянскихъ общинъ (очкинъ, оптинъ, опѣинъ), *obes, osad* или *oro* и старогерманскихъ марокъ (*mark*). Но задруги и погосты не исчерпывали всѣхъ формъ общиннаго быта. Путемъ добровольнаго единенія (главнымъ образомъ, ради самозащиты), также путемъ добы-

ванія новыхъ территоріальныхъ частей, путемъ колонизаціоннымъ и пр., они расширялись въ новые, еще болѣе широкіе союзы—общины земельныя, волостныя подъ разными названіями—оптинъ, жупъ, земель, волостей или областей, кнежत्वъ или княжествъ, Gau, Hwagf и проч. Не вездѣ общинная колонизація достигала полнаго своего развитія. Въ однихъ мѣстахъ задруги оставались въ своей первичной формѣ; въ другихъ развитіе не шло далѣе села,—именно тамъ, гдѣ природныя средства защиты (въ мѣстностяхъ горныхъ, лѣсныхъ, болотистыхъ и т. п.) не вызывали необходимости въ устройствѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, городовъ (такова горная хорватская жупа Полица ¹⁾) или наши старыя волости, стоявшія рядомъ съ городскими округами и бывшія до XVI вѣка въ управленіи особыхъ правителей—волостелей); наконецъ, въ третьихъ мѣстахъ колонизація достигала образованія широкихъ союзовъ—погостовъ, земель и жупъ. Все здѣсь зависѣло отъ мѣстныхъ условій, отъ накопленія общинами богатства, матеріальной силы и могущества, какъ и отъ другихъ обстоятельствъ, дававшихъ общинамъ большую или меньшую возможность разрастаться, раздвигать территоріальные предѣлы, колонизовать новыя поселенія и достигать полной политической независимости и самобытности.

Какъ въ задругахъ всѣ отношенія и связи построились путемъ колонизаціонной іерархіи, такъ и отношенія между общинами волостными опредѣлялись по началу давности поселенія, старѣйшинства колонизаціи. Между старыми и новыми общинами

¹⁾ Срв. выше на стр. 63.

устанавливались федеративныя отношенія метрополіи къ колоніямъ. Городъ главный, старѣйшій, возникшій изъ первичнаго, старѣйшаго села и задруги, служилъ общимъ выраженіемъ цѣлаго волостного союза, составлялъ средоточіе жупы, волости или земли, стоялъ, въ силу своего старѣйшинства, во главѣ всего общиннаго наряда, въ центрѣ федераціи семейныхъ и территоріальныхъ общинъ одной волости. «На что же старѣйшины сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ» — общая формула ¹⁾ колонизаціоннаго подчиненія общинъ одна другой. Сила и могущество волостной федераціи общинъ отражались прежде всего въ силѣ и могуществѣ ея центра, старѣйшаго города. Принадлежность къ такой федераціи, подчиненіе іерархіи и старѣйшинству главнаго города, а съ нимъ и цѣлой федераціи, обуславливались единеніемъ, уговоромъ, согласіемъ между всѣми федеративными частями. Какъ задруга распалась, если нарушался «уговоръ», такъ и община территоріальная, при несгодѣ, раздѣлялась на новыя самобытныя части. Какъ въ задругѣ каждый членъ, при несгодѣ съ нею или при желаніи завести свой особый очагъ, огнище, инокоштину (если были у него всѣ нужныя для того условія), всегда могъ отдѣлиться въ особую семью или задругу, такъ и каждый членъ волостной федераціи могъ, смотря по силамъ и средствамъ, также обособиться въ самостоятельную общину, волость. Изъ условій задружнаго быта вытекало и начало общиннаго единенія, федеративности и начало волостной обособленности общинъ.

¹⁾ Срв. выше на стр. 47 замѣчаніе К. Аксакова.

Отсюда объясняется характеръ и направленіе *общиннаго наряда*. Общины преслѣдуютъ иныя цѣли и задачи, чѣмъ старые роды и племена; нарядъ общинный не имѣетъ ничего общаго съ нарядомъ родовымъ. Нарядъ общины носить по преимуществу характеръ территориальный, областной. Здѣсь опять находимъ отраженіе задружныхъ порядковъ. Какъ въ задругѣ все направлено на общее обладаніе *своею* землей, на добываніе и умноженіе своего хозяйства, такъ и въ территориальной общинѣ нарядъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ укорененіи и регулированіи отношеній народа къ *его* территоріи, въ добываніи имъ для себя территориальной силы и могущества. Другихъ болѣе общихъ, высшихъ интересовъ, выходящихъ изъ узкой мѣстной сферы, общинный нарядъ не знаетъ; интересы этого рода вполнѣ сознаются народомъ только на высшей государственной ступени развитія.

Нарядъ общинный развивается и движется параллельно съ территориальнымъ развитіемъ и расширеніемъ самыхъ общинъ. Онъ сопутствуетъ ихъ колонизаціи, идетъ по ея слѣдамъ и путямъ, въ видахъ внутренняго и внѣшняго береженія возникающихъ общинъ и земель, расширенія ихъ территориальной власти и значенія. Словомъ, политическая цѣль и назначеніе наряда общинной эпохи состоитъ, главнымъ образомъ, въ спокойномъ развитіи общинной колонизаціи, въ политическомъ укорененіи союзовъ на отдѣльныхъ территориальныхъ частяхъ.

На первыхъ порахъ общины сами являются нарядниками, сами колонизируются своими собственными силами и средствами, своимъ собственнымъ

внутреннимъ нарядомъ. Форма общиннаго наряда вездѣ была одна и та же. Начало задружнаго *старшйшинства* и *общей думы*, единенія, уговора — главное основаніе наряда задруги — перешло и въ волостное устройство, высказалось въ организациіи выборнаго старшйшинства общинъ и въ устройствѣ вѣчь—сходокъ всѣхъ членовъ общины или только домохозяевъ, то-есть главъ, старшинъ семейныхъ и территоріальныхъ общинъ. Начало старшйшинства и начало вѣчвое цѣликомъ коренятся въ устройствѣ первичныхъ задругъ.

Съ усложненіемъ и выясненіемъ территоріальныхъ отношеній и самобытности общинъ, когда онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ сплачиваться въ болѣе широкіе союзы — жупы, земли и волости, нарядъ общинный, дробный, частичный начинаетъ оказываться все болѣе и болѣе несостоятельнымъ. Требовалась болѣе сосредоточенная и организованная сила колонизациіи путемъ призыва и учрежденія особыхъ нарядниковъ-колонизаторовъ, которые вели бы дальше и регулировали бы колонизацию волостную и земельную. Потребность въ такихъ нарядникахъ не вездѣ, впрочемъ, высказывается одинаково, не всегда даже имѣетъ всеобщій характеръ. Общины, болѣе сильныя или болѣе удаленныя, обособленныя естественными крѣпкими предѣлами (напримѣръ, горами и пр.) отъ главныхъ центровъ общинной колонизациіи, нерѣдко до самаго перехода въ государственный бытъ остаются при одномъ общинномъ нарядѣ, не нуждаются и не ищутъ особыхъ нарядниковъ (напримѣръ, наша Вятка, хороватская горная община Полица и пр.).

Въ роли общинныхъ нарядниковъ - колонизаторовъ являются особые княжескіе роды, задруги, дружины, династіи (Рюриковичей, Неманичей, Пястовичей и пр.). Они призываются общинами, чтобы болѣе успѣшно вести колонизаціонное движеніе и нарядъ общинъ. Въ князьяхъ общинно-волостныхъ проглядываетъ не типъ стараго главы рода, съ абсолютнымъ военно-родовымъ могуществомъ, и также не типъ позднѣйшаго государя, съ его верховною государственною властью, но типъ первичнаго колонизатора, общиннаго дружинника — старѣйшины, домачина семейной общины. Какъ домашинъ знаетъ только свое хозяйство, только интересы своей задруги и въ рѣдкихъ случаяхъ идетъ на общій рядъ, совѣтъ (вѣче) по дѣламъ своей территориальной общины, такъ и волостной князь ведетъ нарядъ только по интересамъ своей общины и волости. Общимъ дѣломъ князей являлось береженіе общинъ отъ внѣшняго врага, устраненіе препятствій къ упроченію волостной колонизаціи народа; но и этотъ нарядъ слабѣетъ, какъ уже замѣчено, въ эпоху полной обособленности общинъ, когда территориальная колонизація приходитъ къ концу. Княжескіе роды и династіи организуются по тѣмъ же началамъ, какъ и простыя задруги, — по старшинству лѣтъ, принадлежности къ старшей (по времени происхожденія) семьѣ рода, по роду князей и избранію общинъ, по добыванію, захвату и пр. Старшій князь имѣлъ значеніе домачина княжескаго рода, относился къ другимъ его членамъ по началу задружнаго старшинства, вообще дѣйствовалъ какъ простой домашинъ, хозяинъ задруги, по общей думѣ и уговору съ другими князьями, — отсюда и княжескіе

ряды и сѣзды получали характеръ простыхъ задружныхъ совѣтовъ. Княжескій родъ былъ задругой, общою для всего народа, для всѣхъ волостей. Пока шло колонизаціонное движеніе общинъ, князья не осѣдаютъ на однихъ мѣстахъ, но постоянно движутся, мѣняютъ точки колонизаціонной дѣятельности, переходятъ изъ одной волости въ другую, вездѣ преслѣдуя одну задачу общиннаго наряда — территориальнаго укорененія народа путемъ земельной организаціи общинъ и волостей.

Колонизаціонное направленіе общинно-волостного наряда объясняетъ важное значеніе въ немъ *военно-дружиннаго элемента*; какъ могучей колонизирующей силы общинъ и волостей. Если въ родовомъ бытѣ этотъ элементъ является разрушительнымъ началомъ, преслѣдовавшимъ по преимуществу хищническія цѣли, то общинная культура облагораживаетъ его, снимаетъ съ него строгій разрушительный характеръ, приспособляетъ его къ колонизаціоннымъ стремленіямъ и интересамъ общинъ, дѣлаетъ его однимъ изъ главныхъ орудій общинной колонизаціи. Въ отличіе отъ рода, въ цѣломъ своемъ составѣ организовавшагося по военно-дружинному типу, община принимаетъ характеръ мирнаго союза, безъ спеціально-разрушительныхъ стремленій, — союза, выдѣляющаго изъ себя въ видахъ колонизаціонныхъ особую военную дружину — главный органъ и проводникъ общиннаго наряда, въ особенности въ отношеніи къ береженію общины отъ хищническихъ, враждебныхъ набѣговъ кочевниковъ. Во главѣ такой дружины стоитъ князь, какъ главный дружинникъ-колонизаторъ всей общины. Въ отношеніи къ дружинѣ князь былъ ея домашникомъ, ничего не

предпринимавшимъ безъ ея совѣта и думы. Родъ княжескій и дружина представляли, такимъ образомъ, какъ бы одну задругу, стоящую во главѣ колонизаціоннаго наряда общинъ.

Тѣми же задружными началами опредѣляется отношеніе князей къ общинамъ. Задружный принципъ общей думы, единенія, уговора домашина съ задругарями, отца съ дѣтьми, даже хозяини съ слугами, одинаково лежалъ въ основѣ вѣчевыхъ и княжескихъ отношеній. Волостной князь, подобно задружному старшинѣ, распоряжается, хозяйничаетъ, «володѣеть» волостью, но не въ силу собственнаго, личнаго права, а въ силу своего значенія волостного нарядника, по ряду съ общинами, на основаніи единенія съ вѣчемъ, — при довѣрїи народа (когда онъ «любъ» ему) дѣйствуетъ въ своей волости и жупѣ точно такъ же неограниченно, какъ и излюбленный домашинъ въ своей задругѣ. Съ другой стороны, какъ въ задругѣ домашинъ смѣшался, если онъ хозяйничалъ неразумно, не по уговору съ задругарями, такъ и волостной князь удалялся общиной, если онъ становился ей «не любъ», если нарушалось единеніе князя съ волостью. Какъ въ задругѣ отдѣльный членъ, лишившійся ея довѣрїя, изгонялся, выходилъ изъ нея какъ «худой», «изгой», такъ и волостной князь становился изгоемъ, если онъ вслѣдствіе нарушенія единенія съ властью или другими князьями терялъ волость, а съ нею и значеніе волостного нарядника-колонизатора. Изгойство, возникшее первоначально на почвѣ задружныхъ отношеній, распространилось затѣмъ и въ сферу отношеній общинно-волостныхъ.

Такова первоначальная роль и значеніе князя общинной эпохи. Домачинъ въ своей волости, дружинникъ - колонизаторъ внѣ ея, волостной князь, вмѣстѣ съ дружиной и общинами, развиваетъ, организуетъ волостной нарядъ, раздвигаетъ его за предѣлы волости, ведетъ борьбу съ враждебными силами, заводитъ съ народомъ новыя общины и волости и т. д. Въ эпоху общиннаго наряда князь и общины сослужили народу трудную службу: они упрочили территоріальную силу и значеніе народа, уничтожили въ населеніи остатки отъ военно-родового порядка—бродячіе, стадные, хищническіе элементы и инстинкты, регулировали ихъ путемъ мѣстной колонизаціи, вообще содѣйствовали своимъ нарядомъ къ выясненію территоріальной личности, волостной силы и могущества отдѣльныхъ народныхъ частей.

Такъ было въ эпоху развитія колонизаціоннаго движенія общинъ. Иной порядокъ зарождается съ тѣхъ поръ, какъ предѣлы колонизаціи опредѣлились, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно обозначились и окрѣпли группы общинъ, освоившихъ народныя территоріи. Съ этого момента начинается осѣданіе князей, раздѣленіе одной, такъ сказать, обще-волостной княжеской задруги на нѣсколько новыхъ, самостоятельно осѣдающихъ по волостямъ, которыя, въ свою очередь, окончательно группируются въ отдѣльныя политически самобытныя области, каждая съ своимъ самостоятельнымъ нарядомъ, обычаями, законами. Князья вступаютъ съ этихъ поръ въ болѣе близкія и постоянныя отношенія къ общинамъ, постепенно обрасываютъ съ себя типъ колонизаціоннаго нарядника-домачина волости и расши-

ряютъ свой нарядъ на весь внутренній бытъ общинъ. Въ однѣхъ земляхъ удерживается старое равновѣсіе и единеніе власти княжеской и вѣчевой, являющихся въ это время равносильными, такъ сказать, параллельными органами общиннаго народоправства, — порядокъ, болѣе или менѣе точно и опредѣленно констатируемый путемъ формальныхъ договоровъ и соглашеній князей съ народомъ. Въ другихъ областяхъ княжескій элементъ постепенно усиливается на счетъ вѣчевого, въ силу стремленія князей къ преобладанію, къ добыванію для себя территоріальнаго могущества, являющагося по большей части результатомъ завоевательной силы и гнета (у насъ, между прочимъ, монгольскаго ига). Отсюда, какъ и подъ влияніемъ ученія духовенства о верховности князей и о безусловномъ подчиненіи и подданствѣ имъ, зарождается въ народномъ сознаніи новое возрѣніе на князя, какъ «господина», «государя», съ властью, не зависящею отъ народа, съ назначеніемъ, идущимъ за узкіе предѣлы общиннаго наряда. Съ выясненіемъ такого возрѣнія, окончательно разрушается прежняя солидарность и единеніе князя съ общиной, и обозначается поворотная точка въ развитіи всего политическаго быта народа. Изъ ряда волостей и княжескихъ задругъ выступаетъ на первый планъ болѣе сильная и могущественная волость и княжеская задруга; онѣ берутъ территоріальный перевѣсъ и господство надъ другими менѣе сильными волостями и развиваютъ первые зародыши новаго порядка — государственнаго. Здѣсь-то заводится новая культурная клѣточка; съ ея организаціей народъ переходитъ на высшую государственную ступень политическаго быта.

Не все народы одинаково прошли все ступени¹⁾ политических формаций, да и те, которые проходили их, развивали их не одинаковым образом. Самое нормальное политическое развитие оказали народы романо-германские и славянские. У них правильно и последовательно развились политические формы быта — родовая, общинно-волостная и государственная, хотя и у них историческое значение имели, главным образом, последние две формации. У славян и отчасти у германцев родовой быт развился еще в доисторическое время и тогда же реорганизовался в быт общинный; на глазах истории замечались лишь одни остатки от первичного порядка (у германцев больше, у славян меньше). Некоторые славянские племена, южные по преимуществу, доселе стоят на общинной ступени развития, но не столько по национальной неспособности к усвоению высших общественных форм жизни, сколько в силу внешнего гнета, задержавшего дальнейшее развитие этих племен. Другие народы и племена, повидимому, окончательно остановились на низших ступенях развития, родовых или общинных, и собственными силами не могут достигнуть государственной культуры. Таковы в настоящее время роды и общины дикарей, как и родовые и общинные «государства» всех восточных народов. Они застыли на одной ступени развития, представляют собой то же, что окаменелости в физической природе. Застывшие общественные формы принадлежат к политической

¹⁾ Срв. выше на стр. 27 замечание К. Аксакова.

патологіи. Вѣковые болѣзненные осложненія и на-
росты не даютъ возможности ставить эти формы въ
параллель съ родами, общинами и государствами,
органически возникавшими у народовъ арійскихъ,
съ ихъ широкимъ историческимъ развитіемъ ¹⁾).

¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что статья Ѳ. Леонтовича на-
писана въ началѣ 70-ыхъ годовъ прошлаго вѣка; приведен-
ныя въ текстѣ его замѣчанія о *восточныхъ* государствахъ и
пріоритетѣ арійской расы требуютъ и оговорокъ и попра-
вокъ. Ред.

VI. ТЕОРИЯ СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ ЗАДРУЖНАГО ТИПА ВЪ НОВѢЙШЕЙ ОБРАБОТКѢ.

(*А. Е. Пръсьяковъ*. «Княжое право въ древней Руси». Очерки по исторіи X—XII столѣтій. Спб. 1909).

Многообразно значеніе изученій древняго славянскаго семейнаго права для исторической науки. Не говоря объ ихъ обще-историческомъ значеніи, въ виду тождества основъ этого права съ тѣми, на какихъ выросъ гражданскій бытъ другихъ арійскихъ народовъ, они даютъ, въ связи съ особенностями разселенія и хозяйства славянскихъ народовъ, ключъ къ пониманію исторіи ихъ землевладѣнія; въ нихъ же надо искать исходныхъ положеній исторіи народнаго права славянскаго. На очереди прежде всего вопросъ объ отраженіи этого права въ политическомъ быту славянскихъ народовъ древняго періода ихъ исторіи. Для западно-славянской литературы мысль о повтореніи въ отношеніяхъ славянскихъ князей, не исключая и русскихъ, къ волости-княженію обычно-правовыхъ отношеній частныхъ лицъ къ владѣемой ими землѣ—представляется общепринятой; въ организаціи и внутреннихъ отношеніяхъ княжескихъ династій у чеховъ и поляковъ, какъ и южныхъ славянъ, изслѣдователи видятъ черты того же семейнаго права, какое господствовало въ на-

родномъ быту. Въ русской исторической литературѣ установленное было «теоріей родового быта» единство въ представленіи обычно-правового уклада общественнаго быта съ одной и порядковъ княжого владѣнія—съ другой стороны рушилось съ паденіемъ этой теоріи въ ея цѣломъ, оставивъ лишь обломки прежнихъ обобщеній въ литературной традиціи. Но эти обломки или пережитки сохранили и сохраняютъ свое вліяніе въ ученіи о древне-русскихъ междукняжескихъ отношеніяхъ, какъ оно излагается и доселѣ ¹⁾ въ трудахъ общаго характера.

Такъ, въ «Курсѣ русской исторіи» (часть I, лекція XI) В. О. Ключевского находимъ теорію о «лѣтвициномъ восхожденіи» князей съ одного стола княжого на другой ²⁾. Подобное представленіе, унаслѣдованное отъ теоріи родового быта, получаетъ совсѣмъ новое содержаніе въ изложеніи В. О. Ключевского, такъ какъ онъ уже не можетъ объяснить происхожденія родового порядка княжескаго владѣнія «вліяніемъ частнаго туземнаго быта на политическій строй земли», по крайней мѣрѣ, безъ «нѣкоторой оговорки», именно, что «родовыя понятія и отношенія у туземцевъ находились уже въ состояніи разрушенія, когда князья начали устроить ихъ». Не пробуетъ В. О. Ключевскій объяснить родовой порядокъ и какъ пережи-

¹⁾ Писано въ 1908 г.

Ред.

²⁾ «Всѣ наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣтвицу. Точно такъ же вся русская земля представляла лѣтвицу областей по степени ихъ значенія и доходности. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соответствіи ступеней обѣихъ этихъ лѣтвицъ, генеалогической и территориальной, лѣтвицы лицъ и лѣтвицы областей»—на стр. 208—209, по изд. 1904 г.

токъ разрушающихся родовыхъ понятій. Остается искать объясненія въ «исключительномъ положеніи династій» и разсматривать очередной порядокъ какъ крайне своеобразное, небывалое явленіе. И полагая, что оно наблюдается въ древней Руси, В. О. Ключевскій строить весьма сложное объясненіе изучаемаго явленія, въ которомъ есть еще одна черта, также характерная, какъ слѣдъ вліянія теоріи родового быта, а именно: аналогія между княжескими отношеніями древней Руси и позднѣйшимъ московскимъ мѣстничествомъ. Естественная у И. Е. Забѣлина, полагавшаго мѣстническія понятія въ основу всей характеристики древне русскаго общественнаго и политическаго быта, она служитъ В. О. Ключевскому ¹⁾ не только для освѣщенія «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ» мниха Іакова, что «Ярославъ оставилъ наслѣдниками и преемниками своего престола не всѣхъ пятерыхъ своихъ сыновей, а только троихъ старшихъ», но прежде всего для конструкціи вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ, древнѣйшаго понятія «отчины» и связаннаго съ нимъ «изгойства». Свое по-

¹⁾ I, 205 по изд. 1904 г. Срв. въ «Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ» И. Е. Забѣлина, часть I, по изд. 1908 г. на стр. 583: «Вообще понятіе о значеніи личности отца, какъ родового корня, содержало въ себѣ представленіе о какой-то троичности; эта троичность сопровождается его и со стороны сыновей... (три скинскихъ брата по Геродоту, три кіевскихъ брата, три варяжскихъ брата). По уложенію позднѣйшаго мѣстничества, каждый первый сынъ отъ отца — четвертое мѣсто... Значить, лицо отца, его достоинство заключало въ себѣ три мѣста, иначе сказать, въ лицѣ отца, какъ родителя и основателя рода, содержалось понятіе о трехъ сыновьяхъ или, собственно, о трехъ братьяхъ. По всему видно, что три сына или три брата составляли идею рода».

нате «генеалогической отчины», унаследованное от родовой теории, В. О. Ключевский называет «чисто-математическим»; оно, действительно, столь отвлеченно, что едва ли могло бы быть усвоено конкретным мышлением древне-русского князя. Оно необходимо В. О. Ключевскому для того, чтобы сохранить традиционное представление о порядке княжого владения в древней Руси в новой редакции, оторвавшей его от реальной почвы древне-русского общественного быта и народного обычного права. В этой редакции учение о древне-русских между княжеских отношениях придало своему объекту весьма искусственный и сложный характер. И между временем до Ярослава I и следующим, для которого развернута картина «очередного» порядка, не установлено никакой исторической связи, тем более, что отношение В. О. Ключевского к завещанию Ярослава нерешительно: то он считает его «отечески задушевным, но очень скудным политическим содержанием» (стр. 204), то, с помощью комментарий к нему из Иакова мниха и одного позднейшего места ¹⁾ летописи (о смерти Всеволода под

¹⁾ Летописный текст, упоминаемый автором, представляется весьма характерным и в Лаврентьевском своде (стр. 209) читается так: Всеволодъ «любимъ бѣ отцемъ своимъ (т.е. Ярославомъ I), яко глаголати отцю к нему: «сыну мой! благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуяся, яко ты покоиши старость мою; аще ти подасть Богъ прияти власть стола моего, по брати своей, с правдою, а не с насильемъ, то егда Богъ отведеть ти отъ житья сего, да ляжеша, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче брати твоее». Се же сбытсѣя глаголь отца его, якоже глаголашъ бѣ, сему приимши послѣ же всея братья столь отца своего, по смерти брата своего».

1093 г.), находить, что «Ярославъ отчетливо представлялъ себѣ порядокъ, какому послѣ него будутъ слѣдовать его сыновья въ занятіи кievскаго стола».

Потерявъ свою первоначальную стройность, родовая теорія въ редакціи В. О. Ключевскаго страдаетъ внутренней несогласованностью, перестаетъ быть цѣльной «теоріей», ставя тѣмъ самымъ на очередь задачу пересмотра фактическихъ данныхъ относительно древне-русскаго княжескаго владѣнія и обобщенія заново, независимо отъ тѣхъ или иныхъ пережитковъ стараго воззрѣнія, котораго сила и слабость была именно въ послѣдовательно проведенной мысли о строго опредѣленномъ строѣ всего древняго быта.

Соперницы родовой теоріи—общинная и задружная—не выставили сколько-нибудь разработанныхъ ученій о порядкахъ древне-русскаго княжого владѣнія и прошли безслѣдно для этого вопроса. Э. И. Леонтовичъ, увлекшись возведеніемъ «задружныхъ началъ» въ роль конструктивнаго принципа всего древне-русскаго политическаго быта, а не междукняжескихъ только отношеній, пришелъ къ фантастическому представленію, что «княжескій родъ былъ задругой, общею для всего народа, для всѣхъ волостей», увидѣлъ ихъ проявленіе и въ княжескихъ договорахъ и въ вѣчовомъ избраніи князя, чѣмъ лишилъ свою мысль, плодотворную въ иной постановкѣ, всякаго реального значенія. И рядомъ съ изложеніемъ В. О. Ключевскаго стоитъ, собственно, одно ученіе В. И. Сергѣевича о господствѣ въ междукняжескихъ отношеніяхъ древней Руси «договорнаго начала» и объ отсутствіи въ ней какого-либо опредѣленнаго преемства столовъ, распредѣ-

дѣвшихся между князьями подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ: народнаго избранія, распоряженія князя-предшественника, началъ отчины и старѣйшинства. Догматичность системы изложенія В. И. Сергѣевича, посвященнаго описанію дѣйствовавшихъ въ изучаемомъ обширномъ періодѣ «началъ», кои иллюстрируются примѣрами за время съ X по XV вѣкъ, объясняетъ намъ, какъ «историческіе очерки» 1867 года ¹⁾ обратились въ отдѣлъ «юридическихъ древностей» ²⁾. Такая система изложенія, не устанавливая и не сохраняя исторической перспективы, сама по себѣ дѣлаетъ необходимымъ пересмотръ выводовъ В. И. Сергѣевича путемъ историческаго изученія. Тѣмъ болѣе, что эта система, несомнѣнно, повліяла на нихъ, создавая иллюзію, что разъ сложившіяся нормы отношеній удерживаются въ той же силѣ съ XI—XII вв. до XV и XVI-го, что XV в. повторяетъ зады XII-го, что подъ тождественной словесной формулой документовъ въ разныхъ историческія эпохи мыслилось тождественное содержаніе. Разрѣшеніе, по мѣрѣ возможности, вопроса, что «возникло вновь изъ соглашенія, и что имѣетъ въ своемъ основаніи бытовую подкладку», а также, что новаго вносила жизнь въ смыслъ повторявшихся иной разъ изъ вѣка въ вѣкъ формулъ, возможно лишь на иныхъ путяхъ изслѣдованія, чѣмъ избранные В. И. Сергѣевичемъ.

¹⁾ Имѣется въ виду изслѣдованіе «Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе во время князей Рюриковичей». Ред.

²⁾ Имѣется въ виду позднѣйшій трудъ «Русскія юридическія древности».

Итакъ, разсыпанная хранина древне-русской исторіи требуетъ систематическаго пересмотра. Но едва ли такой пересмотръ можетъ ставить себѣ задачей, подобно знаменитымъ теоріямъ старой классической литературы русской исторіи, найти одно основное начало — родовое, общинное или иное, — чтобы изъ него объяснить всѣ существенныя особенности древняго быта. Разочарованіе въ прежнихъ стройныхъ теоріяхъ, вполне законное само по себѣ, не должно вести къ скороспѣлому разрыву научной традиціи. Напротивъ, выдѣленіе изъ завѣщанныхъ ими результатовъ того, что можетъ и должно быть принято, — естественный и исходный пунктъ упомянутого необходимаго пересмотра вопросовъ древне-русской исторіи.

Однимъ изъ такихъ результатовъ нельзя не признать понятія «задруги» или «семейной общины», выдвинутаго Ѳ. И. Леонтовичемъ для объясненія древне-русскаго быта. Несомнѣнную заслугу Ѳ. И. Леонтовича составляетъ привлеченіе юго-славянскаго и западно-славянскаго матеріала для выясненія основъ семейнаго быта и гражданскаго права древней Руси. Но мысль его, подъ влияніемъ этихъ цѣнныхъ аналогій, направилась въ иную сторону — къ созданію теоріи, пытавшейся изъ найденнаго «задружнаго» начала объяснить¹⁾ весь складъ древне-русской жизни: «задружный принципъ общей думы, единенія, уговора» оказался лежащимъ «въ основѣ вѣчевыхъ и княжескихъ отношеній» и, такимъ образомъ, перенесенный въ несвойственную ему сферу, не могъ не потерять значительную долю

¹⁾ Срв. выше на стр. 102, 106—109 и 118

не только своего научнаго значенія, но и своего реального содержанія, превращаясь въ растяжимое и мало опредѣленное начало общинности, подъ которое подводятся самыя разнохарактерныя явленія. Въ частности, стремленіе объяснить изъ «задруги» происхожденіе территоріальныхъ общинъ, образовавшихся будто бы простымъ разрастаніемъ «первичной задруги», привело къ неудачному отождествленію съ задругой верви «Русской Правды».

Съ другой стороны, то же расширеніе понятія «задруги», даващаго столь драгоценный ключъ къ пониманію процесса какъ старо-славянской, такъ и позднѣйшей колонизаціи въ связи съ изученіемъ формъ дворишнаго расселенія, хозяйства и землевладѣнія, привело у нѣкоторыхъ изслѣдователей къ преувеличенному подчеркиванію экономической, трудовой основы старой земледѣльческой семьи, затушевавшему различіе «семейной общины» отъ позднѣйшихъ явленій сѣбровства, складничества, искусственной договорной семьи и т. п.: кровная связь, лежащая въ основѣ такъ называемаго «задружнаго начала», стала представляться второстепенной чертой, — чуть ли не случайнымъ элементомъ стараго семейнаго быта, особенно въ виду социальнаго-экономическихъ аналогій съ иными формами земледѣльческаго быта, такъ богато развившимися на русской почвѣ.

Воззрѣніе, согласно которому исходнымъ пунктомъ исторіи гражданскаго права славянскихъ народовъ (точнѣе, вообще народовъ арійскаго корня) надо признать семейное право задружнаго типа, можно назвать прочно установленнымъ. Какъ бы ни были разнообразны бытовыя судьбы славянской семьи, въ за-

висимости отъ тѣхъ или иныхъ условій расселенія, колонизаціи и хозяйства, политической и соціальной организаціи; какъ бы, съ другой стороны, ни разрѣшился въ наукѣ сложный и спорный вопросъ о происхожденіи этой семьи изъ иныхъ доисторическихъ формъ племенного быта, — представляется существеннымъ отчетливо установить основныя черты того семейнаго обычнаго права, которое составляетъ, въ границахъ доступнаго историческому наблюденію прошлаго, древнѣйшій моментъ исторіи славянскаго права. Исходить въ характеристикѣ этого права изъ отрицанія всякаго качественного различія въ правовомъ отношеніи между многолюдной семейной общиной и малой семьей, между задругой и инокоштинной, признавая ихъ правовой строй тождественнымъ, безъ существенныхъ оговорокъ нельзя.

Полное тождество семейно-имущественныхъ отношеній въ союзѣ отца и дѣтей, съ одной, и болѣе сложныхъ семейно-общинныхъ организацій, съ другой стороны, едва ли можетъ быть установлено съ достаточнымъ основаніемъ для какого бы то ни было историческаго періода. Но и настаивая на ихъ различіи, мы не придемъ къ отрицанію неразрывной внутренней связи между правомъ индивидуальной семьи и такъ называемыхъ «семейныхъ общинъ». Напротивъ, разсмотрѣніе ихъ характерныхъ чертъ ведетъ къ признанію ихъ органической и генетической взаимной связи, вскрывая общую имъ обычно-правовую и историческую основу. Она выясняется на анализѣ, во-первыхъ, отношенія семейнаго права къ вопросу объ имущественныхъ правахъ членовъ семейнаго союза, о владѣніи, распоряженіи и наслѣдованіи, и, во-вторыхъ, формъ семейной организаціи. Такъ, из-

слѣдователи задружнаго быта единодушно настаиваютъ на первоначальномъ отсутствіи наслѣдованія въ задружномъ имуществѣ. Смерть главы задруги не вела къ открытію наслѣдства: возникалъ лишь вопросъ о замѣнѣ усопшаго старѣйшины другимъ, если только не происходило распаденія задруги съ раздѣломъ, а не наслѣдованіемъ ея имущества. Этой формулы нельзя примѣнить къ древней индивидуальной семьѣ.

По мнѣнію нѣмецкаго изслѣдователя Гирке, исходнымъ пунктомъ права наслѣдованія была у германцевъ, какъ и у всѣхъ арійскихъ народовъ, семейная община (Hausgenossenschaft), и германское право наслѣдованія основано на представленіи о продолженіи домашняго союза при отпаденіи его главы. При смерти домовладыки не возникаютъ вполнѣ новыя права наслѣдниковъ на семейное имущество, а лишь расширяются уже существовавшія права членовъ семейнаго союза. Въ имущественномъ правѣ союза отца и дѣтей есть Einhand отца, и со смертью послѣдняго возникаетъ дѣйствительное наслѣдованіе (отчины). Что же касается до общаго владѣнія (Gesammthand), то оно возникаетъ лишь при веденіи совмѣстнаго нераздѣльнаго хозяйства сонаслѣдниками, при чемъ смерть одного изъ нихъ не создаетъ наслѣдства и доля его остается въ обладаніи семейной общины, изъ которой одинъ членъ выбылъ. Если признать, что отецъ при жизни былъ единственнымъ субъектомъ владѣнія имуществомъ, то нельзя говорить о простомъ расширеніи имущественныхъ правъ членовъ семейнаго союза при смерти отца: возникаетъ наслѣдство, хотя бы и нераздѣльное,

возникаетъ общее владѣніе, новое право, новый типъ обычно-правовыхъ соотношеній. Этого *новый типъ* и есть основное и характерное для древнеславянскаго права явленіе, отмѣченное въ его терминологіи словами: братство, *skladna brata*, родъ, *nedil, nedilni bratri* и др. Что же касается нераздѣльныхъ семей, разросшихся и усложненныхъ сожителствомъ ряда поколѣній и семей, какъ и введеніемъ въ ихъ составъ свойственниковъ, то между такимъ союзомъ и элементарной формой нераздѣльной семьи различіе явно лишь количественное, а не качественное, не мѣняющее существа правовыхъ отношеній. Болѣе сложныя по составу семейныя общины (задруги) вырастаютъ изъ нераздѣльной семьи въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ экономическихъ, социальныхъ и культурно-историческихъ условий, поддерживающихъ тенденцію къ жизни и хозяйству вкупѣ, въ болѣе или менѣе людныхъ селахъ, кучахъ, дворищахъ. Но правовая основа ихъ остается той же, что и въ ихъ ячейкѣ—простой нераздѣльной семьѣ братьевъ-сонаслѣдниковъ. Поэтому, быть-можетъ, лучше избѣгать термина задруга—пока рѣчь идетъ объ обычно-правовыхъ отношеніяхъ—и говорить о нераздѣльной семьѣ, какъ основномъ явленіи славянскаго быта и права, различая два момента въ ея бытіи: семью отцовскую, патриархальную, и семью братскую, съ ихъ, особенно послѣдней, въ правовомъ отношеніи несущественными, осложненіями въ личномъ составѣ.

Наиболѣе существеннымъ явленіемъ быта нераздѣльной семьи надо признать общее владѣніе имуществомъ и общее хозяйство. И то и другое, первоначально, въ самомъ полномъ смыслѣ слова. Жить

нераздѣльно—значить жить на единомъ хлѣбѣ.⁵ И законодательства, которымъ приходилось считаться съ явленіями, вытекавшими изъ древняго склада семейнаго быта, стремятся признавать правовой единицей семейный союзъ только при полной общности въ имущество и хозяйство (см., напр., Законникъ Стефана Душана или Законъ Винодольскій). Что касается владѣнія общимъ имуществомъ, то оно охватываетъ одинаково и движимое и недвижимое имѣніе, право распоряженія которымъ принадлежитъ въ братской или болѣе сложной семьѣ всей совокупности ея членовъ, а не старѣйшинѣ. Для инокоштинъ это не есть исконная черта общаго значенія: скорѣе тутъ сказалось вліяніе на инокоштину болѣе сложныхъ формъ семейнаго быта. Но для сложной семьи единство владѣнія и распоряженія несомнѣнно.

Наконецъ, яркій свѣтъ на строй нераздѣльной семьи проливаютъ условія ея ликвидаціи — раздѣла. Надо думать, что первоначально «задружное» право знало лишь выключеніе отдѣльнаго члена изъ задруги за кару или отреченіе его отъ нея, безъ права для задругаря требовать, чтобы ему была выдѣлена часть изъ общаго имущества. Характерно прежде всего довольно большое разнообразіе условій, на какихъ происходитъ полный раздѣлъ. При раздѣлѣ обычно различаютъ наследственное имущество (недвижимое: отчину, дѣдину, старую баштину) отъ новопріобрѣтеннаго (при жизни дѣлящихъ). Последнее обыкновенно дѣлится поголовно, но съ нѣкоторой надбавкой въ пользу старшаго поколѣнія, какъ дольше участвовавшего въ работѣ; поголовно дѣлится и движимое имущество.

Что касается вотчины, то относительно нея рѣдокъ поголовный раздѣлъ; преобладаетъ дѣленіе по колѣнамъ или линіямъ отъ общаго предка, дѣлежъ поровну, но не между всѣми наличными членами семьи, а либо между членами старшаго ихъ поколѣнія, покрывающихъ, такъ сказать, своихъ нисходящихъ, либо по предкамъ-дѣдамъ, прадѣдамъ наличныхъ участниковъ, т.-е. по первымъ нераздѣльнымъ братьямъ, сонаслѣдникамъ перваго отца, основателя данной разросшейся нераздѣльной семьи. Этотъ преобладающій обычай какъ бы наглядно подтверждаетъ двѣ мысли: 1) что сложныя нераздѣльныя семьи происходятъ отъ братской семьи сонаслѣдниковъ, и что 2) древнее семейное право не знало полноправія взрослыхъ сыновей при отцѣ въ составѣ инокоштины. Иногда при всѣхъ формахъ раздѣла послѣдній старѣйшина получаетъ нѣкоторый лашекъ (старѣйшинство, изврштина; «на старѣйшій путь», сказали бы на Руси).

Выдѣлъ и раздѣлъ ведутъ къ образованію новыхъ единицъ, которыхъ названія разнообразны: инокоштина, особеньякъ и т. д. Раздѣлъ окончательно разрушаетъ семейный союзъ, если, конечно, раздѣлъ полный. Подобно тому, какъ выдѣлъ отдѣльнаго члена окончательно разрывалъ его правовую связь съ прежней семьей, такъ и полный раздѣлъ устраняетъ такую связь между вновь возникшими единицами. Выроставшее изъ принадлежности къ нераздѣльной семьѣ право на часть ея имущества при наслѣдованіи или раздѣлѣ, не могло повести къ возникновенію права на наслѣдованіе имущества, оставшагося по смерти раздѣльно жившихъ и ведшихъ обособленное хозяйство родственниковъ.

Основная черта семейной организаціи—въ значеніи и положеніи главы нераздѣльной семьи, называемаго старѣйшиной, старостой, домашнимъ, главаремъ, господаремъ и т. п. И въ этомъ вопросѣ необходимо провести различіе между отцовской (дѣдовской) семьей и нераздѣльной семьей болѣе сложнаго состава. Повидимому, въ рукахъ «прирожденнаго старосты» была значительная власть въ дѣлѣ выдѣла и раздѣла между дѣтьми—въ формѣ «ряда», устанавливаемаго имъ и осуществляемаго либо при его жизни, либо по смерти. Мало того, славянское обычное право знаетъ и случаи назначенія (точнѣе номинаціи или десигнаціи) «прирожденнымъ старостой» преемника при переходѣ патриархальной семьи въ сложную нераздѣльную братскую семью, при чемъ, обычно, этому назначенію предшествуетъ замѣстительство намѣченнымъ преемникомъ престарѣлаго главы въ функціяхъ старѣйшинства. При смерти главы семьи, первоначально, если не происходитъ раздѣла, вся отчина переходитъ нераздѣльно ко всѣмъ дѣтямъ. Сохраняя нераздѣльность, братская семья сохраняетъ и организацію, во главѣ которой стоитъ старѣйшина. Такая нераздѣльность владѣнія, хозяйства и организаціи можетъ сохраняться, при благопріятныхъ условіяхъ, въ теченіе ряда поколѣній. Въ сложной нераздѣльной семьѣ единство владѣнія не оставляетъ мѣста для возникновенія наслѣдованія. Со смертью даннаго старѣйшины на очередь ставится вопросъ лишь о преемствѣ во власти главы даннаго союза. И рѣшается онъ въ обычномъ правѣ крайне разнообразно. Точнѣе; быть-можетъ, было бы сказать, что славянское обычное право не выработало сколько-нибудь общей

нормы въ этомъ отношеніи, допуская различныя варианты на практикѣ. Кромѣ номинаціи предшественникомъ встрѣчается и естественный переходъ старѣйшинства къ наиболѣе вліятельному, и узурпація, и избраніе членами нераздѣльной семьи. Часто домашникомъ становится старшій изъ сыновей умершаго отца или старшій изъ братьевъ предыдущаго старѣйшины; но возможно и признаніе старѣйшинства за младшимъ, какъ болѣе способнымъ и вліятельнымъ. Предпочтеніе старшихъ по возрасту, независимо отъ ихъ генеалогическаго положенія, естественно, въ виду ббльшаго ихъ авторитета и опытности. Наконецъ, нерѣдки явленія избранія, ничѣмъ, кромѣ личнаго мнѣнія, повидимому, не обусловленнаго. Собранный изслѣдователями обширный сравнительно историческій матеріалъ ведетъ къ заключенію, что въ обычно-правовомъ сознаніи славянства не установилось твердыхъ представленій о какомъ-либо правильномъ порядкѣ перехода старѣйшинства, разъ оно не прирожденное — патріархальное, отъ одного лица къ другому.

Изложенныя замѣчанія имѣютъ цѣлью показать, съ одной стороны, необходимость пересмотра нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ древне-русской исторіи, а съ другой — направленіе, которымъ слѣдуетъ итти, приступая къ такому пересмотру.

VII. СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ И БОЛЬШАЯ РУССКАЯ СЕМЬЯ.

(Н. Н. Харузинъ. «Этнографія». Лекціи. Выпускъ II. «Семья и родъ». Спб. 1903.)

Въ то время, какъ у большинства славянскихъ народностей сознательныя воспоминанія о существовавшемъ родовомъ строѣ уже давно исчезли, такъ что возстановить древній бытъ у большинства изъ нихъ возможно только на основаніи сохранившихся переживаній, часть южныхъ славянъ до послѣдняго времени сохранила живую родовую организацію, духомъ которой проникнуты и право ихъ, и общественныя отношенія. Что этотъ строй, дающій возможность извлечь множество неоцѣненныхъ данныхъ для науки и прослѣдить какъ развитіе, такъ и упадокъ родового быта, сохранился дольше всего именно въ Черногоріи и Герцеговинѣ, объясняется обособленностью занятыхъ ими географическихъ районовъ. Въ свою очередь, военный бытъ и постоянныя войны лишь поддерживали древнюю организацію и помогли ей продержаться до новѣйшаго времени, когда замиреніе страны быстро начало подтачивать нормы, выработавшіяся при другихъ, чѣмъ въ настоящее время, условіяхъ.

Если численное возрастаніе членовъ рода привело къ развитію племени дошедшаго почти до полити-

ческаго организма, то, съ другой стороны, эта же причина, въ связи съ экономическими условіями, привела къ распаденію братствъ на меньшія единицы—семейныя общины.

Эти послѣднія входятъ въ составъ братствъ, образуютъ ихъ, какъ и сами братства образуютъ племя; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значеніе племени и братствъ утратилось въ большей или меньшей степени, семейныя общины приобрѣтаютъ все большее значеніе самостоятельныхъ единицъ. Сравнительное изученіе ихъ позволяетъ прослѣдить исторію ихъ постепеннаго отпаденія отъ большихъ родовыхъ организацій, расцвѣта ихъ и постепеннаго упадка и въ то же время даетъ много матеріала для пониманія русской семейной общины.

Семейная община представляетъ организацію, состоящую изъ живущихъ совмѣстно нѣсколькихъ поколѣній, ведущихъ общее хозяйство. Число членовъ ея иногда доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ.

Она состоитъ или изъ дѣда, вокругъ котораго группируются его женатые сыновья и внуки, или изъ братьевъ, сыновья и внуки которыхъ женаты, но не отдѣлены въ хозяйственномъ отношеніи. Положеніе отдѣльнаго лица въ такой семейной общинѣ не вездѣ одинаково у южно-славянскихъ народовъ: семейная община или *задруга* (подъ этимъ именемъ преимущественно она извѣстна въ литературѣ) представляетъ то большія, то меньшія личныя и имущественныя права своимъ членамъ. Въ стадіи упадка задруга скорѣе походитъ на артель¹⁾, чѣмъ на семью,

¹⁾ Срв. выше на стр. 45 замѣчаніе К. Аксакова и ниже на стр. 134—135 и 140.

такъ какъ экономическое начало въ опредѣленіи правъ и обязанностей ея членовъ выступаетъ на первое мѣсто сравнительно съ принципомъ кровнымъ. Такая задруга, гдѣ даже посторонній: приемышъ ¹⁾, приемный зять и проч., пользуется одинаковыми правами съ кровными родственниками, не можетъ считаться первоначальной. Что она есть продуктъ дальнѣйшаго развитія семейной общины, доказывается тѣмъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились у южныхъ славянъ наиболѣе рельефные слѣды родовой организаціи, задруга основана на принципѣ кровнаго родства, лишь поддерживаемымъ въ жизни общностью экономическихъ интересовъ.

Задруга является естественнымъ слѣдствіемъ распада родоваго строя ²⁾, когда бывшій нѣкогда общимъ для сородичей коммунизмъ въ имуществѣ сосредоточивается въ меньшихъ группахъ, которыя по формѣ своего устройства, по нормамъ, регулирующимъ взаимныя отношенія членовъ, представляютъ лишь сколокъ формъ родовой общины.

Если въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ существуютъ задруги, въ которыхъ отдѣльные члены имѣютъ право на индивидуальную собственность, заработанную личнымъ трудомъ, то въ тѣхъ семейныхъ общинахъ, которыя хранятъ слѣды большей первобытности, напримѣръ, въ Черногоріи и Герцеговинѣ, членъ задруги является, по мѣткому замѣ-

¹⁾ Срв. не рѣдкое сравнительно употребленіе этого термина въ писловыхъ книгахъ Московскаго государства 20-хъ годовъ XVII вѣка. Срв. выше на стр. 100. *Ред.*

²⁾ Срв. выше на стр. 95 и 98—99 замѣчанія Ѳ. Леонтовича. *Ред.*

чанію Крауса ¹⁾, лишь даровымъ работникомъ на пользу общины. Въ прежнее время отдѣльныя лица не обладали правомъ имѣть личное имущество, и всѣ ихъ заработки поступали въ общую казну семейной общины. Въ настоящее время задруга имѣеть, съ одной стороны, имущество общее—наслѣдіе отъ прежнихъ поколѣній, такъ называемое дѣдина, старина и, съ другой, имущество, заработанное лицами на сторонѣ. Право распоряженія послѣднимъ принадлежитъ собственникамъ его; общее же семейное имущество неотчуждаемо безъ согласія общаго совѣта. Оно управляется главою—домачиномъ, личность котораго въ настоящее время опредѣляется обыкновенно выборомъ, при чемъ имѣются въ виду его способности вести хозяйство; избранный домачинъ можетъ быть, при неспособности исполнять свои обязанности, низложенъ.

Часто выбора не происходитъ, и домачиномъ становится при молчаливомъ согласіи членовъ общины тотъ, кто при жизни прежняго домачина уже выказалъ свои способности къ правленію. При строгой подчиненности младшихъ членовъ общины старшимъ власть, естественно, переходитъ обыкновенно въ руки старшихъ, хотя право первородства въ настоящее время и не соблюдается: въ видѣ исключенія домачиномъ иногда дѣлается и младшій членъ. Домачинъ распоряжается хозяйственными работами мужчинъ; его жена, домачиха—работами женщинъ и внутреннимъ домашнимъ хозяйствомъ. Члены задруги обязаны исполнять всѣ приказанія главъ хозяйства; личные интересы отдѣльнаго лица отходятъ на вто-

¹⁾ Sitte und Brauch bei den Südslawen. Wien. 1885.

рой планъ. Внося весь свой трудъ на пользу своей общины, членъ задруги получаетъ право на столъ и одежду, о которой заботятся домачиха и женщины, работающія подъ ея руководствомъ; но онъ лишенъ всякой инициативы. Его женитьба (часто въ задругѣ строго соблюдается очередь для вступленія въ бракъ старшихъ и младшихъ членовъ), выборъ невѣсты зависятъ отъ задруги. Браки, похороны и проч. совершаются на средства общины. Въ возникшей изъ обломковъ родового быта семейной общинѣ не можетъ быть рѣчи о самостоятельности женщинъ. Ихъ положеніе крайне принижено. Привилегіи, которыми пользуется домачиха, проявляются только въ отношеніи къ остальнымъ женщинамъ и младшимъ членамъ семьи. Передъ своимъ мужемъ и она болѣе или менѣе безправна. Мужчины первые садятся за столъ, женщины не имѣютъ права раздѣлять съ ними трапезу; лишь послѣ того, какъ мужское населеніе насытится, женщины садятся за столъ доѣдать оставшееся. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины имѣютъ право голоса въ общихъ семейныхъ собраніяхъ; это объясняется характеромъ вопросовъ, поднимаемыхъ на этихъ собраніяхъ: или чисто-хозяйственныхъ или чисто-семейныхъ, напримѣръ, о женитьбѣ или замужествѣ членовъ задруги. Домачинъ и домачиха, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, имѣютъ значеніе лишь распорядителей хозяйственной жизнью семейной общины. Они, какъ и другіе члены, не могутъ имѣть особаго имущества, а въ мѣстностяхъ, гдѣ послѣднее разрѣшается, имъ не дается привилегіи сравнительно съ другими членами семьи. Домачинъ не имѣетъ права самостоя-

тельно распоряжаться семейнымъ имуществомъ: онъ не можетъ ни продать, ни вымѣнить его безъ согласія семейнаго совѣта, который мѣстами состоитъ изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ, мѣстами только изъ женатыхъ.

Такимъ образомъ, всѣ члены задруги являются совершенно равноправными какъ въ отношеніи обязанностей, личныхъ и имущественныхъ, такъ и въ отношеніи правъ на семейное имущество. Ограниченный во власти семейнымъ совѣтомъ домашинъ оказывается скорѣе старшиной обширной хозяйственной артели, гдѣ всѣ члены, объединенные общностью экономическихъ интересовъ, работаютъ на пользу и преуспѣваніе своей хозяйственной группы. Права взысканія съ взрослыхъ членовъ семьи со стороны домашина также точно опредѣлены обычаемъ, и они обыкновенно не идутъ дальше замѣчаній неисправному члену. Удалить изъ общины имѣетъ право только семейный совѣтъ, предѣтелемъ котораго, естественно, является домашинъ. Онъ же представляетъ задругу на судѣ, въ братствахъ и проч. При изученіи задруги не надо упускать изъ виду значенія ея, какъ хозяйственной единицы; но нельзя также экономическое значеніе, съ которымъ выступаетъ въ настоящее время южно-славянская семейная община, выдвигать исключительно на первый планъ ¹⁾. Не слѣдуетъ забывать, что права домашина, въ настоящее время ограниченныя, въ прежнее время являлись болѣе обширными; что, наоборотъ, права членовъ семьи прежде, когда домаши-

¹⁾ Срв. выше на стр. 100, 121 и ниже на стр. 140 замѣчаніе Н. Харузина о роли трудового начала.

номъ являлся старшій по возрасту родственникъ, были гораздо уже. Коренясь въ своей основѣ въ родовомъ бытѣ, задруга выработалась въ большинствѣ мѣстностей въ хозяйственную артель съ общимъ имуществомъ всѣхъ членовъ. Въ этомъ отношеніи она ушла значительно впередъ передъ семейными общинами, среди которыхъ воспоминанія о бывшемъ нѣкогда родовомъ патріархальномъ устройствѣ сохранились съ большей жизненностью.

Типъ семейной общины, составляющей какъ бы промежуточную форму между родовымъ бытомъ, еще ярко выраженнымъ у южныхъ славянъ, и задругой, значительно отошедшей въ своемъ развитіи видѣ отъ устоевъ родовой организаціи, представляетъ русская *большая семья*.

Слѣды господствовавшаго прежде родового быта въ такъ называемой большой семьѣ среди русскихъ крестьянъ мѣстами выражены гораздо живѣе, чѣмъ въ южно-славянской задругѣ. Имѣя съ послѣдней много общихъ чертъ: въ объемѣ правъ и обязанностей отдѣльныхъ членовъ въ семейной общинѣ и въ отношеніи ихъ другъ къ другу, въ роли, которая отводится хозяину въ распоряженіи семейнымъ имуществомъ и пр., русская большая семья представляетъ отъ нея прежде всего слѣдующее отличіе. Въ южно-славянской задругѣ въ томъ періодѣ развитія ея, когда хозяйственный принципъ выступаетъ на первый планъ, въ составъ задруги «входятъ и постороннія лица, не связанные съ ея членами узами родства и свойства, напримѣръ, работники», наемныя служанки; русская такъ называемая большая семья всегда состоитъ изъ кровныхъ родственниковъ, объединенныхъ общностью происхожденія.

Въ семью принимаются или зятья, которые входятъ въ семейную общину какъ свойственники или приемыши, которые дѣлаются членами ея путемъ обрядоваго или фактическаго усыновленія. Исключенія изъ этого общаго правила являются результатомъ дальнѣйшаго развитія; но они встрѣчаются пока только спорадически и не измѣняютъ существенной черты русской большой семьи. Такимъ образомъ кровное начало, дающее право считаться членомъ семейной общины, въ русской большой семьѣ проведено рѣзче, чѣмъ въ славянской задругѣ. Отсюда вытекаютъ и нѣкоторыя другія нормы, налагающія на большую семью печать большей первобытности, чѣмъ на современную задругу.

Слѣдуетъ, однако, оговориться, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ лишь о томъ типѣ семьи, въ которомъ сохранились архаическія черты; формы, которыя принимаетъ большая семья подъ влияніемъ новыхъ условій, какъ вслѣдствіе измѣненій въ экономическомъ бытѣ, такъ и вслѣдствіе развивающихся этическихъ началъ, пока оставлены въ сторонѣ. Это ограниченіе необходимо, если желаешь намѣтить слѣды древняго быта въ современномъ строѣ¹⁾ русскаго крестьянина. Итакъ, большая семья въ ея типичной формѣ представляетъ группу родственниковъ, живущихъ въ общемъ помѣщеніи и ведущихъ совмѣстными силами общее хозяйство. Во главѣ ея стоитъ зачастую дѣдъ, власть котораго объединяетъ его непосредственныхъ потомковъ: женатыхъ сыновей и внуковъ. Въ силу простаго авторитета роди-

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду литературныя данныя 70-хъ годовъ прошлаго вѣка.

тельской власти ему безпрекословно подчинены его дѣти, внуки и ихъ жены. Въ случаѣ смерти дѣда— родоначальника, главой семьи становится обыкновенно его старшій сынъ, т.-е. старшій братъ по отношенію къ другимъ сыновьямъ дѣда и старшій дядя въ отношеніи къ его внукамъ. Въ случаѣ смерти его, главой, большакомъ, дѣлается слѣдующій по возрасту братъ и т. д. Здѣсь такимъ образомъ проводится строго право старѣйшинства, низведенное до минимума въ задругѣ. Отклоненія отъ этого общаго правила допускаются и въ русской большой семьѣ, но лишь въ качествѣ исключеній: въ случаѣ, напримѣръ, дряхлости члена общины, которому по праву принадлежитъ должность большака. Выборное начало начинается сказываться только въ тѣхъ случаяхъ, когда семья разрастается, когда утрачивается взаимная связь. Хотя, въ общемъ и въ указанныхъ случаяхъ, если семья не дѣлится и господствуетъ стремленіе выбрать наиболѣе способнаго, въ дѣйствительности сила традиціи заставляетъ искать большака между болѣе старшими членами семейной общины.

Глава семьи весьма часто является не только распорядителемъ семейнаго имущества, но и собственникомъ его: онъ можетъ закладывать его и продавать по усмотрѣнію. Фактически онъ ограниченъ въ настоящее время семейнымъ совѣтомъ; въ случаѣ плохого веденія хозяйства взрослые члены могутъ требовать раздѣла. Но семейный совѣтъ не является ограниченіемъ юридическимъ, въ особенности въ случаяхъ, когда большакъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отецъ или дѣдъ членовъ семьи.

До настоящаго времени народное правосозрѣніе разрѣшаетъ, напримѣръ, отцу, если семейная община распадается при его жизни, ничего не выдать тому или иному изъ своихъ сыновей, выгнать даже его изъ дома, ничѣмъ не надѣливъ. Эти же патріархальные взгляды сказываются и въ личныхъ отношеніяхъ: глава семьи не только имѣетъ право располагать трудомъ каждаго ея члена, но и его личностью. Онъ можетъ подвергать его взысканіямъ, и народный судъ, строго преслѣдуя непочтительное отношеніе младшихъ къ старшимъ, относится обыкновенно снисходительно къ злоупотребленію послѣднихъ своей властью, особенно, если дѣло касается отношеній родителей и дѣтей. Большакъ выбираетъ невѣсту своему сыну, выдаетъ свою дочь замужъ, часто не справляясь объ ихъ согласіи. Всѣ заработки на сторонѣ по общему правилу должны идти въ семейную кассу; лишь то можетъ быть частной собственностью, что не нужно семьѣ или что разрѣшаетъ братъ-большакъ. Такая семья, основанная на патріархальныхъ началахъ, проведенныхъ съ чрезвычайной рѣзкостью, при хозяйственной общности стѣсняетъ, иногда совершенно подавляетъ личность членовъ. «Отдѣльной собственности у членовъ семьи почти нѣтъ,—замѣчаетъ Пахманъ¹⁾);—взрослые женатые сыновья состоятъ подъ главенствомъ отца или иныхъ старшихъ лицъ въ семьѣ, жены подчинены не только мужьямъ, но въ общей семьѣ и ихъ родителямъ, личный трудъ женщины не идетъ вовсе въ расчетъ при выдѣлахъ и раздѣлахъ семейнаго имущества и т. п.». Эта непривлекательная, тяжелая картина

¹⁾ «Обычное гражданское право Россіи». 1877—1879 гг.

въ дѣйствительной жизни значительно смягчается. При изложеніи исторіи развитія собственности приходится неоднократно указывать, что приведенной характеристикой не исчерпывается картина большой семьи у великоруссовъ; практика выработала *modus vivendi* и въ личныхъ и въ имущественныхъ отношеніяхъ членовъ семейной общины. Но приведенныя черты выражаютъ правильно міровоззрѣніе крестьянина на власть большака-отца или дѣда, которая проявляется и теперь еще въ дѣйствительной жизни, а въ недавнее время примѣнялась значительно чаще. Изъ разсказовъ крестьянъ о недалекомъ прошломъ легко составить себѣ картину, насколько члены такой патриархальной общины были безправны передъ отцомъ или дѣдомъ-большакомъ. Еще свѣжи воспоминанія о бракахъ малолѣтнихъ съ взрослыми, о снохачествѣ, о приниженномъ положеніи замужней женщины въ семьѣ, о злоупотребленіяхъ родительской властью и т. д.

Въ казацкой семьѣ, писалъ М. Н. Харузинъ, «отецъ имѣетъ право признать ¹⁾ или не признать своимъ новорожденного ребенка. Онъ властенъ сейчасъ же послѣ рожденія или же впослѣдствіи отдать его «въ дѣтища» въ чужую семью и прекратить съ нимъ всякую связь. Нерѣдко бѣдные казаки «продаютъ» богатымъ своихъ дѣтей. Точно такъ же казакъ-отецъ имѣетъ право отдать дѣтей въ наемъ, въ работники, лишить наслѣдства, прогнать отъ себя».

Вообще «отецъ, по словамъ самихъ казаковъ, что хотить (*sic*) изъ дѣтей выгадываетъ». Такъ, казакъ, подрядясь на какую-либо работу (напримѣръ, хлѣбъ

¹⁾ «Казацкія общины на Дону». М. 1885.

возить), вмѣсто себя нерѣдко посылаетъ сына или же, задолжавъ кому-нибудь, за уплату долга посылаетъ сына въ работники къ заимодавцу. Извѣстны случаи, что отецъ, отдѣливъ сына и давъ ему долю въ семейномъ имуществѣ, поссорившись, отбираетъ у него его долю. Къ этимъ фактамъ можно присоединить отдѣльные случаи обмѣна женъ, продажи ихъ мужьями, отдачи въ закладъ и уступки ихъ по письменному договору,—факты, извѣстные изъ описаній отдаленнаго и современнаго быта крестьянъ,—и яснымъ станетъ типъ основанной на рѣзкихъ патриархальныхъ началахъ группы. Рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что въ крестьянскомъ быту обращается вниманіе и на долю труда, вложеннаго въ общее семейное хозяйство при опредѣленіи имущественныхъ правъ отдѣльныхъ членовъ семьи, въ особенности при раздѣлахъ, заставило Оршанскаго («Журн. Гражд. и Уг. Пр.», 1875) и А. Я. Ефименко выставить теорію, что русская крестьянская семья построена на артельныхъ началахъ¹⁾. Оба изслѣдователя освѣтили многія неясныя стороны правовозрѣнія русскаго крестьянина, но неправильно выставили свои основныя положенія. Какъ бы значительна ни была роль такъ называемаго трудового начала, крестьянская большая семья, состоящая иногда изъ 30—40 и болѣе членовъ, прежде всего группа, основанная на союзѣ родственномъ. Право участія въ наслѣдствѣ покоится исключительно на родствѣ. Ближайшіе родственники устраняютъ собою дальнихъ. Размѣръ долей зависитъ, какъ общее правило, отъ принадлежности по крови къ семейной группѣ.

¹⁾ Срв. выше на стр. 45, 130 и 134—135.

Если бы въ древнихъ русскихъ юридическихъ памятникахъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ бывшаго нѣкогда родового быта, и не было даже извѣстно объ обязанности, напримѣръ, кровной мести въ извѣстныхъ степеняхъ родства, предписанной Русской Правдой; если бы, наконецъ, сравнительное изученіе древняго славянскаго права не свидѣтельствовало о томъ, что и русскіе славяне пережили нѣкогда родовой бытъ, — одно отношеніе современнаго русскаго крестьянина къ роднѣ, къ своему роду-племени ¹⁾, запечатлѣвшееся и въ народномъ творествѣ, заставило бы признать, что современная большая крестьянская семья является лишь обломкомъ прежде болѣе обширныхъ родовыхъ союзовъ. Изученіе современныхъ формъ ея, представляющихъ въ различныхъ мѣстностяхъ много специальныхъ чертъ (то приближающихъ ее къ устройству родовыхъ общинъ, то сближающихъ ее съ артельной семьей, съ хозяйственнымъ соединеніемъ ради экономическихъ интересовъ), даетъ возможность прослѣдить постепенное преобразование основныхъ, древнихъ нормъ и, что самое важное, раскрыть причины этихъ видоизмѣненій.

¹⁾ Срв. выше на стр. 43—44 и 56—57 полемику К. Аксакова и С. Соловьева по вопросу о значеніи термина *родъ-племя*.
Ред.

ОТДѢЛЪ ВТОРОИ.

РАЗВИТІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ РОССИИ.

VIII. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕОРІЯ.

А. Родовая теорія междукняжескихъ отношеній С. М. Соловьева.

I.

(С. М. Соловьевъ. «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». М. 1847).

Мы ¹⁾ привыкли къ выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, исчезновеніе удѣловъ при Иванѣ III, при сынѣ его Василіи, при Иванѣ IV. Употребляя эти выраженія, мы необходимо даемъ знать, что Россія, начиная отъ смерти Ярослава I до конца XVI вѣка, была раздѣлена, ставимъ *удѣлы* на первомъ планѣ, даемъ ему главную роль; за удѣлъ идутъ всѣ борьбы, около удѣла вращается вся исторія, если періодъ называется удѣльнымъ, если господствуетъ удѣльная система.

Но раскроемъ лѣтописи отъ временъ Ярослава I до XIII вѣка: идетъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ?

¹⁾ Отрывокъ изъ вступленія къ диссертациі Соловьева на степень доктора русской исторіи.

Встрѣчаемъ ли выраженіе удѣльный князь и великій? Происходить ли борьба за удѣлъ, за распространеніе, усиленіе одного удѣла на счетъ другого, раздѣлена ли, наконецъ, Россія? Нисколько: всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣльную родовую собственность; идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, — за это всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполне подчиненъ интересу родича. вмѣсто раздѣленія, которое необходимо связано съ понятіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ единство княжескаго рода: развѣ борьба Святославичей съ Мономаховичами есть борьба удѣловъ, борьба Чернигова съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Суздалемъ? Это борьба за единство Ярославова рода, за общность, нераздѣльность владѣнія: «мы внуки одного дѣда», говорятъ Святославичи и потому помогаютъ Кіева. Начинается вторая борьба въ семьѣ Мономаха—между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ, и опять не за удѣлы, но за старшинство. Наконецъ, третья усобица между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ также не за удѣлы, но за родовыя отношенія: Ростиславичи требуютъ, чтобы старшій князь поступалъ съ младшими какъ съ братьями, а не какъ съ подручниками. Гдѣ же

удѣлы? Въ лѣтописи вы не находите отношеній великаго князя къ удѣльнымъ, — вы находите только отношенія отца къ сыновьямъ, старшаго брата къ младшимъ, дядей къ племянникамъ; даже самое слово *удѣлъ* мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи; если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то не могло быть и слова для его выраженія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе объ отдѣльной собственности, то явился и удѣлъ; до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова: *во-лость* и *столъ*. Такимъ образомъ, выраженіе: удѣльный періодъ, удѣльная система, приводятъ къ совершенно ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла, владѣнія, отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности.

Но я уже сказалъ, что третья борьба между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ за то, что первые хотятъ поддержать родовыя отношенія противъ стремленія сѣверныхъ князей, которые хотятъ обходиться съ родичами, какъ съ подручниками, стать самовластцами въ землѣ своей. Это стремленіе служить уже яснымъ признакомъ ослабленія родовой связи, родовыхъ отношеній. И точно, скоро мы видимъ, что единство Ярославова рода рушится, и Русь дѣлится впервые на нѣсколько княжествъ, каждое съ своимъ великимъ княземъ, потому что великій князь означаетъ только старшаго въ княжескомъ родѣ, и если родъ Ярослава раздробился на нѣсколько особыхъ родовъ, то каждый родъ долженъ былъ имѣть особаго старшаго: явилось нѣ-

сколько великихъ князей. Начинается борьба между отдѣльными княжествами; цѣль этой борьбы — приобретене собственности, усиленіе одного княжества на счетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ княжествъ одному сильнѣйшему: борьба оканчивается усиленіемъ княжества московскаго, подчиненіемъ ему всѣхъ остальныхъ. Но во время этой борьбы между отдѣльными великими князьями, или старшими родовъ, внутри каждаго княжества, въ каждомъ родѣ идетъ борьба между старшимъ княземъ и младшими, теперь уже *удѣльными* князьями, — борьба также за собственность и за государственныя отношенія противъ родовыхъ: каждый великій князь хочетъ уничтожить удѣлы, привести удѣльныхъ князей въ подданническое къ себѣ отношеніе; послѣдніе ратуютъ во имя старыхъ родовыхъ отношеній, старыхъ правъ. Эта внутренняя борьба въ другихъ княжествахъ оканчивается вмѣстѣ съ подчиненіемъ ихъ московскому; въ послѣднемъ же оканчивается только съ пресѣченіемъ Рюриковой династїи. Такимъ образомъ, исторія княжескихъ отношеній распадается на два главные отдѣла: въ *первомъ* отъ Рюрика до Андрея Боголюбскаго мы видимъ исключительное господство родовыхъ отношеній; во *второмъ*, начиная съ Боголюбскаго, является попытка смѣнить родовыя отношенія государственными, которыя вступаютъ въ борьбу съ родовыми и, наконецъ, торжествуютъ надъ ними.

Но что же вызвало государственныя отношенія, и что дало имъ торжество надъ родовыми? Естественное раздробленіе Ярославова рода вслѣдствіе умноженія и расхожденія княжескихъ линий? Родъ Ярослава раздѣлился на семь, которыя, преслѣдуя каждая свои

интересы, вступили другъ съ другомъ въ борьбу, окончившуюся усиленіемъ одной семьи надъ всѣми прочими. Такъ легко, повидимому, объяснить различіе, обнаружившееся въ явленіяхъ нашей древней исторіи въ XIII вѣкѣ. Но если родъ распадается на семьи, то семьи необходимо стремятся опять развиться въ роды, съ прежними родовыми отношеніями. Такъ, на югѣ, въ старой Руси, являлось стремленіе нарушить единство Ярославова рода, раздѣлиться на семьи: Мономаховичи хотѣли раздѣлиться съ Ольговичами, но между тѣмъ семья Мономаха на югѣ, раздѣлившись съ Ольговичами, сама развилась въ родъ со всѣми прежними родовыми отношеніями. Но на сѣверѣ отдѣльныя княжескія семьи не развивались въ роды; какъ скоро одинъ князь, отдѣлившись отъ рода и поработивъ родичей въ пользу семьи своей, раздѣлить при смерти свое владѣніе между сыновьями, то тотчасъ же начинается борьба между ними, при чемъ сильнѣйшій князь подчиняетъ себѣ слабѣйшихъ. Этотъ сильнѣйшій князь снова при смерти дѣлитъ свое владѣніе между сыновьями, и снова имѣетъ мѣсто то же явленіе, та же борьба, съ тѣми же слѣдствіями, т.-е., что семья никогда не развивается въ родъ, ибо нѣтъ условія, при которомъ только было возможно такое развитіе,—именно, нѣтъ болѣе понятія объ общности, нераздѣльности владѣнія.

Итакъ, для насъ важно здѣсь не то, что родъ раздѣлился на семьи, но то, что семьи не могутъ болѣе развиваться въ роды; для насъ важно здѣсь условіе постояннаго раздѣленія и постоянной борьбы между княжествами, которое даетъ сильнѣйшему возможность подчинить себѣ слабѣйшія;

эта возможность основывается на понятіи объ отдѣльной собственности, которая исключала родовое единство, исключая понятіе объ общности, нераздѣльности владѣнія; понятіе же объ отдѣльной собственности явилось на сѣверѣ вслѣдствіе преобладанія тамъ городовъ новыхъ, которые, получивъ свое бытіе отъ князя, были его собственностью¹⁾. Несмотря, однако, на то, что, начиная съ XIII вѣка, Русь точно раздѣляется на нѣсколько особыхъ княжествъ, и, при господствѣ понятія объ отдѣльной собственности, объ удѣлѣ встрѣчаемъ частое упоминовеніе, являются отношенія между удѣльными князьями и великими, возникаетъ борьба между ними, стремленіе великихъ князей уничтожить удѣлы, — несмотря на все это, и здѣсь названіе: удѣльный періодъ, удѣльная система, опредѣленіе дѣятельности Ивана III или сына его Василія уничтоженіемъ удѣловъ, не могутъ имѣть мѣста, ибо Русь раздѣляется не на удѣлы, а на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей, и отношенія между великими князьями играютъ столь же важную роль, какъ и отношенія великихъ князей къ ихъ удѣльнымъ; слѣдовательно, названіе удѣльнаго періода и удѣльной системы и здѣсь также не вѣрно, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ княжескихъ отношеній. Вотъ причины, которыя заставляютъ исключить названія: удѣльный періодъ и удѣльная система, изъ исторіи

¹⁾ См. объ этомъ изслѣдованіе «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». М. 1845 г., стр. 26 и слѣд. (диссертация Соловьева на степень магистра русской исторіи).

княжескихъ отношеній и вмѣсто того принять выраженія опредѣленнѣйшія: отношенія родовыя и отношенія государственныя.

Но если несправедливо названіе: удѣльный періодъ, то еще менѣе справедливо названіе монгольскаго періода. Это названіе можетъ быть допущено только тогда, когда мы беремъ одну внѣшнюю сторону событій; но слѣдя за внутреннимъ государственнымъ развитіемъ Россіи, мы не имѣемъ никакого основанія ставить монгольскія отношенія на первомъ планѣ, приписывать азіатской ордѣ такое сильное вліаніе на развитіе европейско-христіанскаго общества ¹⁾. Мы видѣли, что стремленіе замѣнить родовыя отношенія государственными началось съ Андрея Боголюбскаго, слѣдовательно, гораздо прежде монголовъ; это стремленіе вызвало сильную борьбу между родовыми и государственными отношеніями, условія для которой были приготовлены прежде монголовъ. Правда, когда отдѣльныя княжества, явившіяся вслѣдствіе разрыва родового единства и преобладанія понятія объ отдѣльной собственности, начинаютъ борьбу другъ съ другомъ, то монголы принимаютъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, помогаютъ войскомъ то тому, то другому князю или княжеству; но здѣсь они дѣйствуютъ безотчетно, бессознательно, точно такъ, какъ прежде дѣйство-

¹⁾ Это замѣчаніе С. Соловьева представляется въ настоящее время не столько любопытнымъ по существу, сколько характернымъ для историческаго міровозрѣнія автора, отличающагося въ то же время исключительно словесной рѣзкостью и ненаучностью формулировки. Срв. выше на стр. 111.

вали половцы, помогавшіе одному князю противъ другого въ ихъ родовыхъ спорахъ; однако никто не вноситъ въ русскую исторію половецкаго періода. Возразятъ: половцы не порабощали Руси своимъ игу, не налагали дани, не давали ярлыковъ князьямъ нашимъ, не казнили ихъ въ степяхъ своихъ; но монголы, несмотря на свое видимое владычество, не имѣютъ никакого понятія о княжескихъ отношеніяхъ, поддерживаютъ, даютъ ярлыки тѣмъ изъ князей, которые дадутъ имъ больше денегъ...

Ханы казнили русскихъ князей въ Ордѣ. Не ханы казнили ихъ, но русскіе князья посредствомъ ханскихъ палачей истребляли другъ друга,—ханы служили здѣсь только орудіемъ для цѣлей чуждыхъ, которыхъ они совершенно не понимали. Для насъ важно не то, какъ, посредствомъ кого князья истребляютъ другъ друга, но по какимъ началамъ дѣйствуютъ, какія цѣли преслѣдуютъ въ своей борьбѣ; а эти начала, эти цѣли явились независимо отъ татаръ и прежде нихъ. Ханъ могущественно способствовалъ усиленію и обогащенію великаго князя, сдѣлавъ его своимъ приказчикомъ, сборщикомъ податей, но какого великаго князя разумѣютъ здѣсь? Московскаго? Но кромѣ московскаго, были другіе великіе князья, которые въ своихъ областяхъ были также приказчиками хана, собирали дань съ своихъ удѣльныхъ и могли также обогащаться и усиливаться на счетъ послѣднихъ. Узбекъ помогъ Москвѣ восторжествовать надъ Тверью; но развѣ половцы не давали побѣды князьямъ нашимъ? Итакъ, названіе монгольскаго періода должно быть исключено изъ русской исторіи, потому что мы не можемъ

приписать монголамъ самаго сильнаго вліянія на произведеніе тѣхъ явленій, которыми отличается наша исторія, начиная съ XIII вѣка: новый порядокъ вещей начался гораздо прежде монголовъ и развивался, естественно, вслѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ были и монгольскія отношенія, но не подъ исключительнымъ ихъ вліаніемъ...

II.

(С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ»
Т. II. М. 1852.)

Ярославъ I, который является общимъ родоначальникомъ почти всѣхъ княжескихъ линий XI вѣка, передъ смертью сказалъ, согласно разсказу ¹⁾ начального лѣтописнаго свода, своимъ сыновьямъ слѣдующее: «се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои! Имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете в любви между собою, Богъ будетъ в васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающа, то погыбнете самі, и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ; но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю в себе мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будетъ в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолинескъ». [И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу:] «аще

¹⁾ Лаврен. лѣт. по изд. Слб. 1872, стр. 157.

кто хочет обидѣти брата своего, то ты помогай, егоже обидать». [И тако уряди сыны своя пребывати въ любви]».

Вотъ всѣ наставленія, всѣ права и обязанности! Князья должны любить другъ друга, слушаться старшаго брата, какъ отца; ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны; выставляются на видъ однѣ связи родственныя, однѣ обязанности родственныя; о государственной связи, государственной подчиненности нѣтъ помину. Любите другъ друга и не ссорьтесь, говоритъ Ярославъ сыновьямъ, потому что вы дѣти одного отца и одной матери; но когда князья не будутъ больше дѣтьми одного отца и одной матери, когда они будутъ двоюродные, троюродные, четверюродные и т. д. братья, то по какимъ побужденіямъ будутъ они любить другъ друга и не ссориться? Когда связь кровная, родственная ослабѣетъ, исчезнетъ, то чѣмъ замѣнится она? Замѣны нѣтъ, но зато родовая связь крѣпка: не забудемъ, что Ярославичи среди тѣхъ племенъ, которыя такъ долго жили подъ формами родового быта, такъ недавно стали освобождаться отъ этихъ формъ. Пройдетъ вѣкъ, полтора вѣка, князья размножатся, племена (линіи) ихъ разойдутся — и, несмотря на то, всѣ они будутъ называть себя братьями, безъ различія степеней родства; въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о княжескихъ отношеніяхъ мы не встрѣтимъ названій: двоюродный или троюродный братъ, — русскій языкъ до сихъ поръ не выработалъ особыхъ названій для этихъ степеней родства, какъ выработали языки другихъ народовъ. Князья не теряютъ понятія

о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ быть всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ; слѣдовательно, каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи.

Такимъ образомъ, родъ князей русскихъ, несмотря на все свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью — отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописнаго свода, изъ словъ самихъ князей, какъ они въ немъ записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей¹⁾, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ²⁾, раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ-

1) Такъ Ростиславичи въ 1195 году говорили Всеволоду III «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о русской землѣ и о своей чести и о нашей». Поли. Собр. Русск. Лѣт. по изд. Спб. 1843, II, 145; Ипат. лѣт. по изд. Спб. 1871, стр. 461.

2) «А ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди», говорятъ въ 1149 г. Ростиславъ Юрьевичъ Изяславу Мстиславичу. Тамъ же, стр. 41; Ипат. лѣт., стр. 261.—Мстиславъ Владимировичъ въ 1130-мъ г. «поточи полотскіи князѣ, съ женами и съ дѣтьми, въ греки, еже преступиша хрестыное цѣлованіе... зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовишеть въ рускую землю въ помощь». Тамъ же, стр. 12 и 15; Ипат. лѣт., стр. 211 и 217.—Святополку Изяславичу, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ родичей наказать Давида Игоревича: «И начаша межѣ собою мужи слати и умиришася на семь, яко рѣша Святополку: яко се Давыдова

дочерей княжескихъ замужь ¹⁾). Младшіе князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду ²⁾ и ходить въ его послушаньи, являться къ нему по первому зову ³⁾, выступать въ походъ, когда велить ⁴⁾. Для обозначенія отношеній младшихъ князей къ старшему употреблялись слѣдующія выраженія: младшій ѣздилъ подлѣ стремени старшаго ⁵⁾, имѣлъ

сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и; Святополкъ же емься по се, и цѣловаша крестъ межю собою, миръ створше». Лаврен. лѣт. на стр. 255 подь 1097 г.

¹⁾ Поля. Собр. Русск. Лѣт., II, 20: въ 1144 г. «Всеволодь (Ольговичъ) отда двѣ Всеволодковнѣ, Володимери внуцѣ, едину за Володимира за Давыдовича, а другу за Ярославича, за Дюрдя, обѣ одной недѣлѣ».

²⁾ Тамъ же, стр. 85: подь 1159-мъ г. «оже мя въ правду зовете съ любовію, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити».

³⁾ Тамъ же, стр. 8: «И наказавъ его (Ярослава Святополчича) Володимеръ о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову, и тако въ мирѣ разидошася каждо въ свояси» подь 1117-мъ г.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 94: «Посла Ростиславъ къ братья своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всемъ съѣзкупитися у себе съ всеми полкы своими» подь 1168-мъ г.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 73: «Нынѣ, отце, кланяются, прими мя яко сына своего Мъстислава такоже и мене, ать ѣздитъ Мъстиславъ подлѣ твой стремень по одной сторонѣ тебѣ, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣздю, всеми своими полкы» подь 1162-мъ г. См. тамъ же, стр. 32, 39. Съ этимъ выраженіемъ: *ѣздитъ подлѣ стремени*, должно сравнить древнѣйшее: *ходить по комъ*, которое также означало сыновное отношеніе младшаго къ старшему; такъ объ Игорѣ подь 943-мъ г.: «Игоревн же възрастъю, и хожаше по Олзѣ и

его господиномъ, былъ въ его волѣ ¹⁾, смотрѣлъ на него ²⁾.

Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: младшій долженъ былъ имѣть старшаго отцомъ въ правду, слушаться его какъ отца; старшій обязанъ былъ любить младшаго какъ сына; имѣть весь родъ какъ душу свою: «всѣхъ насъ старѣй отецъ твой,—говоритъ Изяславъ Мстиславичъ двоюродному брату своему Ростиславу Юрьевичу,—но съ нами не умѣетъ жить, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, ако и душу свою; нынѣ же аче отецъ ти волости не далъ, а язъ ти даю»; всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственной любовью съ обѣихъ сторонъ, родственной любовью между четвероюродными, на-примѣръ. Но какъ скоро это условіе исчезло, то

слушаше его, и привелоша ему жену отъ Пскова, именемъ Олгу» (стр. 28 Лаврент. лѣт.).

¹⁾ Тамъ же, стр. 75: «Вячеславъ же видѣвъ Ростислава сына своего, и обрадовася радостью великою и рече ему: «сыну! се уже въ старости есмь, а рядовъ всѣхъ не могу рядити; а, сыну, даю тобѣ, якоже братъ твой держалъ и рядилъ, такоже и тобѣ даю; а ты мя имѣй отцемъ и честь на мнѣ держи, якоже и братъ твой Изяславъ честь на мнѣ держалъ и отцемъ имѣлъ; а се полкъ мой и дружина моя, ты рди». Ростиславъ же то слышавъ, и поклонися отцю своему Вячеславу, и рече ему: «Велми радъ, господине отце, имѣю тя отцемъ господиномъ, якоже и братъ мой Изяславъ имѣлъ тя и въ твоей воли былъ» подъ 1154-мъ г. Тамъ же, стр. 88, 202.

²⁾ Тамъ же, стр. 79: «Они же вси (рязанскіе князья) вряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ» подъ 1155-мъ г. Тамъ же, стр. 149.

вмѣстѣ рушилась всякая связь, всякая подчиненность, потому что никакого другого отношенія, кромѣ родового, не было; младшіе слушались старшаго до тѣхъ поръ, пока имъ казалось, что онъ поступаетъ съ ними какъ отецъ; если же замѣчали противное, то вооружались: «ты намъ братъ старшій,—говорили они тогда, — но если ты насъ обижаешь, не даешь волостей, то мы сами будемъ искать ихъ»¹⁾; или говорили: «онъ всѣхъ насъ старше, но съ нами не умѣетъ жить». Однажды старшій князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ волостей, отъ него полученныхъ; тѣ послали сказать ему: «Ты насъ гонишь изъ русской земли безъ нашей вины... Мы до сихъ поръ чтили тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, но какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣми²⁾»,—и прибѣгаютъ къ суду Божию, т. е. къ войнѣ, къ открытому сопротивленію. Въ этихъ словахъ выразилось ясно сознаніе тѣхъ отношеній, какихъ наши древніе князья хотѣли между собою и своимъ старшимъ, потому что здѣсь они противоположаютъ эти отношенія другимъ, какихъ они не хотятъ: обращайся съ нами какъ отецъ съ дѣтьми,

¹⁾ Тамъ же, стр. 18, 19: «Они же рѣша: ты намъ братъ старшій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати» подъ 1142-мъ г.

²⁾ Тамъ же, стр. 109: «Мы тя,—говорять Ростиславичи Андрею Суздальскому,—до сихъ мѣсть акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякими рѣчами прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту челоувѣку,—а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ» подъ 1174-мъ г.

а не какъ верховный владѣтель съ владѣтелями подчиненными себѣ, съ подручниками; здѣсь прямо и ясно родовыя отношенія противопоставляются государственными. Такъ высказывали сами князья сознание своихъ взаимныхъ отношеній.

Теперь посмотримъ, какъ выражалось понятіе о княжескихъ отношеніяхъ въ остальномъ народонаселеніи, какъ выражалъ его лѣтописецъ, представитель своихъ грамотныхъ современниковъ. Однажды младшій князь не послушался старшаго, завелъ съ нимъ вражду: лѣтописецъ, осуждая младшаго, говоритъ, что онъ не исполнилъ своихъ обязанностей; но какъ же понимаетъ онъ эти обязанности? «Дурно поступилъ этотъ князь,—говоритъ онъ,—поднявши вражду противъ дяди своего и потомъ противъ тестя своего»¹⁾. Въ глазахъ лѣтописца князь дурно поступилъ, потому что нарушилъ родственныя обязанности относительно дяди и тестя,—и только.

Въ случаяхъ, когда выгоды младшихъ не затронувались, то они обходились очень почтительно съ старшимъ; если старшій спрашивалъ совѣта у младшаго, то послѣдній считалъ это для себя большою честью и говорилъ: «Братъ! ты меня старше; какъ рѣшишь, такъ пусть и будетъ, я готовъ исполнять

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт., II, стр. 9. «И бысть велика помощь божия благовѣрному князю Володимеру, съ своими сыньми, за честное его житие и за смиреніе его, оному бо (т. - е. Ярославу) младу суцю и гордящися противу строеви своему, и пакн противу тьсти своему Мьстиславу. Вишьте, братіе, коль благъ Богъ и милостивъ, на смиренныя и на праведныя призирая и мьщая ихъ, а гордымъ господь богъ противится силою своею, а смиреннымъ даетъ благодать» подъ 1123-мъ г.

твою волю; если же ты дѣлаешь мнѣ честь, спрашиваешь моего мнѣнія, то я бы такъ думалъ»¹⁾, и проч. Но другое дѣло, когда затрогивались выгоды младшихъ князей; если бѣ старшій вздумалъ сказать: вы назвали меня отцомъ, и я, какъ отецъ, имѣю право наказывать васъ, то, разумѣется, младшій отвѣчалъ бы ему: развѣ хорошій отецъ наказываетъ безъ вины дѣтей своихъ? объяви вину и тогда накажи. Такъ, узнавши объ ослѣпленіи Василька Ростиславича, Владимиръ Мономахъ и Святославичи Давыдъ и Олегъ послали сказать Святополку, своему старшему: «Что се зло створилъ еси в русьстѣй земли, и ввергль еси ножъ в ны? Чему еси ослепилъ братъ свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и предъ нами, и упрѣвъ бы и, створилъ ему; а нынѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси» (Лаврен. лѣт. подъ 1097 г., на стр. 253). Старшій раздавалъ волости младшимъ; когда онъ былъ дѣйствительно отецъ, то распоряжался этою раздачею по произволу, распоряжался при жизни, завѣщавалъ, чтобъ и по смерти было такъ, а не иначе; но когда старшій былъ только отецъ названный, то онъ не могъ распоряжаться по произволу, потому что при малѣйшей обидѣ младшій считалъ себя въ правѣ вооруженною рукой доставить себѣ должное. Вообще старшій не предпринималъ ничего безъ совѣта съ младшими,

¹⁾ Тамъ же, стр. 38: «Ростиславъ же отвѣща брату своему Изяславу, рече: «Брате! кланяютиса, ты еси мене старшій, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь; аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ быхъ, брате, тако рекль: рускыхъ дѣла земля и хрестьянъ дѣла, то язъ люблю, брате, миръ лѣпле» подъ 1148-мъ г.

по крайней мѣрѣ, съ ближайшими къ себѣ по старшинству; этимъ объясняются множественныя формы въ лѣтописи: *посадили, вынали* и проч., которыми означаются распоряженія цѣлаго рода; обыкновенно старшій князь, по занятіи главнаго стола, *дѣлалъ рядъ* съ младшей братьею касательно распредѣленія волостей¹⁾. Князья собирались также думать вмѣстѣ о земскихъ уставахъ²⁾; опредѣляли извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться въ своемъ поведеніи³⁾. Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство запутались, то иногда князья условливались: если кто-нибудь изъ нихъ получить

1) Тамъ же, II, 74, 122: «Вячеславъ же посла по Святославу по Всеволодича, река ему: «Ты еси Ростиславу сынъ любимый, также и мнѣ, а поѣди сѣмо ко мнѣ, перебуди же у мене Кіевъ, доколѣ же придетъ Ростиславъ, а тогда рядъ вси учинимъ» подѣ 1154-мъ г. Или: «Иде Святославъ къ Любю и призва къ собѣ братью свою. Ярослава, Игоря, Всеволода; ряды ему дѣюще, сдѣ же удѣяся велико зло въ Кіевѣ» подѣ 1180-мъ г.

2) Русская Правда: «По Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячъко, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша оубиеніе за голову, но кунами ся выкупати; а ино все якоже Ярославъ судилъ, также и сынове его оуставиша». — «Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, Кіевско тысячьского, Прокопю, Бѣлогородьского тысячьского, Станислава, Переславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, *О.гова мужа*, и оуставили до третьяго рѣза», и проч.

3) Полн. Собр. Русск. Лѣт., II, 119: «Молвяше же Романови Святославъ: «Брате! я не ищю подѣ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужъ у голову; а Давыдъ виноватъ. Онъ же того не створи» подѣ 1177-мъ г.

старшинство, то долженъ отдать другому какую-нибудь волость ¹⁾).

Единство княжескаго рода поддерживалось тѣмъ, что каждый членъ этого рода, въ свою очередь, надѣялся достигнуть старшинства и соединеннаго съ старшинствомъ владѣнія главнымъ столомъ кievскимъ. Основаніемъ старшинства было старшинство физическое, при чемъ дядя имѣлъ преимущество передъ племянниками, старшій братъ предъ младшими, тестъ передъ зятемъ, мужъ старшей сестры передъ младшими шурьями, старшій шурицъ предъ младшими зятьями ²⁾), и хотя во время господства родо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 110: «Вниде Ярославъ въ Киевъ, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего. Святославъ же поча слати къ Ярославу съ жалобою, река ему: «На чѣмъ еси цѣловалъ крестъ, а помани первый радъ; рекль бо еси, оже я сяду въ Киевѣ, то я тебе надѣлю, пакы ли ты сидеши въ Киевѣ, то ты мене надѣли; нынѣ же ты сѣлъ еси, право ли, криво ли—надѣли же мене» подъ 1174-мъ г.

²⁾ Тамъ же, стр. 125: «Рюрикъ же... размысливъ, съ мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старшій лѣты, и урядився съ нимъ съступися ему старшійшинства и Києва, а собѣ взя всю рускую землю» подъ 1180-мъ г. Тамъ же, стр. 50: «А се ми есть яко отецъ стрый свой» подъ 1150-мъ г.; тамъ же, стр. 61, 77.—Касательно преимущества старшаго брата слова Бориса: «не буди мнѣ възнати руки на брата своего старшійшаго; аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто» въ отвѣтъ на убѣжденія отцовской дружины: «се дружина у тебе отъвѣя и вои; понди, сяди Киевѣ на столѣ отни» (Лавр. лѣт. подъ 1015-мъ г. на стр. 129), также см. выше на стр. 128, 137 и на стр. 152 слова Ярослава I сыновьямъ.—Касательно старшинства тестя передъ зятемъ см. выше на стр. 158 слова лѣтописца о винѣ Ярослава Святополковича передъ тестемъ своимъ Мстиславомъ; Мстиславъ Мстиславичъ Удалой доводился племянникомъ Ярославу Всеволодовичу, и между тѣмъ называетъ его своимъ сыномъ, какъ зятя: «и посла князь

выхъ отношеній между князьями встрѣчаемъ борьбу племянниковъ отъ старшаго брата съ младшими дядьми, однако племянники при этомъ никогда не смѣли выставлять своихъ родовыхъ правъ, и притязанія ихъ, основывавшіяся на случайныхъ обстоятельствахъ, должны были, исключая только одного случая, уступать правамъ дядей самыхъ младшихъ. Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родового старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему? Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ, онъ становился отцомъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно, его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было

Мстиславъ съ новгородци къ Ярославу... попа Гюргя... и свои мужъ пусти: *сыну*, кланяютися; мужъ мой и гость пустъ, а самъ съ Торожьку поиди, а съ мною любовь възми», Пол. Собр. Рус. Лѣт., III, 33.—О правѣ старшаго зятя предъ меньшими шурьями Изяславъ Мстиславичъ говорить: «Братъ! Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старшаго, занеже ми братъ и зять старѣй мене яко отецъ; а съ сими како ми богъ дастъ и сила животворящаго креста, да любо си голову положю передъ вами, любо си налѣзу столъ дѣда своего и отца своего» подъ 1146-мъ г. Ипат. лѣт., стр. 230.—Король воегерскій, женатый на младшей сестрѣ Изяслава Мстиславича, не иначе зоветъ послѣдняго, какъ отцомъ (1152 г.); тамъ же, стр. 66.

болѣ дѣда, старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ; и точно, дядя называютъ ихъ братьями. Но другіе ихъ двоюродные братья оставались попрежнему внуками, малолѣтними (внукъ—унукъ, юнукъ, малолѣтній по преимуществу), потому что надъ ними попрежнему стояли двѣ степени: старшій дядя считался отцомъ ихъ отцамъ, слѣдовательно, для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда. Умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцомъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственныя дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтнихъ въ совершеннолѣтніе, и, такимъ образомъ, мало-по-малу, всѣ молодые князья черезъ старшинство своихъ отцовъ достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, несовершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда понятно теперь, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода. Такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: «Какъ пра-дѣды наши лѣствицею¹⁾ восходили на великое княженіе кievское, такъ и намъ должно достигать его лѣстичнымъ восхожденіемъ». Но когда въ этой

¹⁾ Срв. выше на стр. 115. Вся эта цитата, приводимая С. Соловьевымъ, въ данномъ случаѣ лишена всякаго значенія, какъ доказательство: она взята изъ «Русской Лѣтописи по Никонову списку», представляя собою риторіку или своего рода ученую теорію очень поздняго происхожденія. Срв. А. Е. Прѣсняковъ указ. соч., стр. 124—126. *Ред.*

лѣстницѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князя считались въ числѣ *изгоевъ* ¹⁾.

Каждый членъ рода княжескаго, при извѣстныхъ условіяхъ могъ достигать старшинства, получать старшій столъ кievскій, который такимъ образомъ находился въ общемъ родовомъ владѣніи; но другія волости оставались ли постоянно въ наслѣдственномъ владѣніи извѣстныхъ племенъ княжескихъ или, соотвѣтствуя различнымъ степенямъ старшинства, переходили къ князьямъ различныхъ племенъ, при ихъ движеніи къ старшинству лѣстничнымъ восхожденіемъ? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ, какъ поступали князья въ началѣ, когда различныя случайныя обстоятельства не нарушали еще чистоты ихъ отношеній. Когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Воляни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей и движенія князей изъ одной

¹⁾ «Изгой трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣть, холопъ и съ холопства выкупится, купецъ одождаетъ, а се четвертое изгойство и къ себе приложимъ, аще князь осиротѣтъ» — классическое мѣсто объ изгояхъ въ *Уставѣ великаго князя Всеволода о церковникѣхъ судахъ и о людяхъ и мирялахъ торговыхъ*, напечатанномъ въ 1-мъ выпускѣ «Хрестоматіи по исторіи русскаго права» М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Срв. выше на стр. 88 и на стр. 109 замѣчанія г. Леонтовича объ изгояхъ. Новое толкованіе термина изгой см. у А. Е. Прѣякова въ книгѣ «Книжное право въ древней Руси». Спб. 1909 на стр. 47—49.

волости въ другую, по старшинству, дѣвственнымъ восхожденіемъ; потомъ, когда Святославъ Ярославичъ, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ кievскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ. Извѣстная волость могла сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ какой-нибудь одной княжеской линіи только въ томъ случаѣ, когда князь, по вышеизложеннымъ причинамъ, терялъ возможность двигаться къ старшинству дѣвственнымъ восхожденіемъ: тогда, получивъ отъ родичей какую-нибудь волость, онъ и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переходъ изъ одной волости въ другую условливался возможностью движенія къ старшинству, не существовавшею для *изгоевъ*. Такъ ¹⁾ образовались особыя волости: Полоцкая, Галицкая, Рязанская, послѣ Туровская; линія второго Ярославича, Святослава, извѣстная больше подъ племеннымъ названіемъ Ольговичей, также влѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ подверглась было тяжелой участи изгойства, и поэтому самому Черниговская волость принимала было характеръ особнаго, выдѣленнаго княжества; но Ольговичамъ удалось, наконецъ, принудить Мономаховичей признать свои права на старшинство, и необходимымъ слѣдствіемъ этого признанія было возстановленіе родовой общности приднѣпровскихъ

¹⁾ Срв. у А. Е. Прѣякова указ. соч. главу «Строй княжого владѣнія въ отдѣльныхъ земляхъ» (полоцкой, черниговской, муромо-рязанской, галицкой, волынской, смоленской, турово-пинской и суздальской, на стр. 117—153). *Ред.*

волостей для обѣихъ линій. Ольговичъ съѣлъ въ Кіевѣ, а Мономаховичъ—на его мѣсто въ Черниговѣ.

Несмотря на то, однако, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи слово — *отчина*; князья, не исключенные изъ старшинства, употребляютъ это слово для означенія отдѣльныхъ волостей; въ какомъ же смыслѣ они употребляютъ его? Въ настоящемъ ли его смыслѣ, какъ наследственнаго владѣнія, или въ другомъ какомъ-либо? Въ 1097 году князья—внуки Ярославовы — собрались вмѣстѣ и рѣшили, чтобъ каждый изъ нихъ держалъ свою отчину: Святополкъ — волость отца своего Изяслава Кіевъ, Владимиръ Мономахъ — отцовскую волость Переяславль, Святославици — Черниговъ; но мы никакъ не поймемъ этого распоряженія, если станемъ принимать слово *отчина*¹⁾ въ смыслѣ наследственнаго владѣнія для одной линіи, потому что Кіевъ былъ столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всѣхъ остальныхъ князей: и Всеволодъ и Святославъ княжили въ немъ.

1) Лавр. лѣт., стр. 247: «Придоша Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и Давыдъ Святославичъ, и братъ его Олегъ, и сняшася Любичи на устроенье мира, и глаголаша к собѣ, рекуще: почто губимъ русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже между нами рати; да нынѣ отселѣ имееся по единому сердцу, и блюдежъ рускыѣ земли, кождо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожоу, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю; а имже роздаялъ Всеволодъ города, Давыду Володимеръ, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теревовль Василкови. И на томъ цѣловаша крестъ: да аще кто отселѣ на кого будетъ, то на того будемъ вси и крестъ честный; рекоша вси: да будетъ на нь крестъ честный и вся земля русьская; и цѣловашеся поидоша своояси» — подъ 1097 г.

Но если здѣсь Кіевъ называется отчиною Святополка не въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія исключительно для него и для потомства его, то не имѣемъ никакого права и Переяславль и Черниговъ считать отчинами Мономаха и Святославичей — въ другомъ смыслѣ. Еще примѣръ на восточной сторонѣ Днѣпра: въ 1151 году Ольговичи — дядя Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодовичъ — говорятъ Изяславу Давыдовичу: «Брате! миръ стоять до рати, а рать до мира; а нынѣ, брате, братья есмы собѣ, а прими насъ къ собѣ; а се отчинѣ межи нама двѣ: одна моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда; а ты, брате, Давыдовичъ, а язь Олговичъ: ты же, брате, прими отца своего Давыдово, а што Олгово, а то нама дай, ать вѣ ся тѣмъ подилвѣ» (подѣлимся) — вслѣдствіе чего Давыдовичъ остался въ Черниговѣ, а Ольговичамъ отдалъ Сѣверскую область. Но для Святослава Всеволодовича Черниговъ былъ точно такъ же отчиною, какъ и для Давыдовича, потому что отецъ его Всеволодъ Ольговичъ княжилъ въ Черниговѣ, и когда Давыдовичъ получилъ Кіевъ, то Черниговъ, отчину свою, уступилъ Святославу Ольговичу. Итакъ, что же такое разумѣлось подъ отчиною? Отчиною для князя была та волость, которою владѣлъ отецъ его и владѣть которою онъ имѣетъ право, если на родовой лѣствицѣ занимаетъ ту же степень, какую занималъ отецъ его, владѣя означенной волостью, потому что владѣніе волостями условливалось степенью на родовой лѣствицѣ, родовыми счетами.

Теперь остается вопросъ: въ какомъ отношеніи находились волости младшихъ князей къ старшему? Мы видѣли, что отношенія между старшимъ и млад-

шимъ были родовыя; младшіе князья хотѣли быть названными сыновьями и нисколько не подручниками старшаго, а такое воззрѣніе должно было опредѣлять и отношенія ихъ къ послѣднему по волостямъ: не допуская подручничества, они никакъ не могли допустить дани, какъ самаго явственнаго знака его, не могли допустить никакого государственнаго подчиненія своихъ областей старшему въ родѣ князю; послѣдній поэтому не могъ имѣть значенія главы государства, верховнаго владыки страны, князя всея Руси, который выдѣлялъ участки земли подчиненнымъ владѣльцамъ во временное или наследственное управленіе. Волости находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ Кіева, являются отдѣльными землями и въ то же время составляютъ одно нераздѣльное цѣлое вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, вслѣдствіе того, что князья считаютъ всю землю своею отчиною, нераздѣльнымъ владѣніемъ цѣлаго рода своего.

Б. ВОТЧИННАЯ ТЕОРИЯ К. Д. КАВЕЛИНА.

(«Сочиненія К. Кавелина». Часть вторая. М. 1859.)

Вся ¹⁾ русская исторія, какъ древняя, такъ и новая, есть по преимуществу *государственная, политическая*, въ особенномъ, намъ однимъ свойственномъ значеніи этого слова ²⁾). Областная, провинціальная жизнь еще не успѣла сложиться, когда стало зачинаться и расти государство. Его возникновеніе опредѣлилось, какъ и слѣдовало, тогдашнимъ мѣстнымъ развитіемъ. Какъ послѣднее было бѣдно и слабо, видно, съ одной стороны, изъ шаткости внутренняго быта тѣхъ немногихъ общинъ, которыя вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ долго не были вовлечены въ общую жизнь и на просторѣ, безъ помѣхи, продолжали свое особенное существованіе, съ другой — изъ быстрого уничтоженія ихъ «старинны» вслѣдъ за уничтоженіемъ ихъ политиче-

¹⁾ Въ предлагаемомъ изложеніи заимствованія сдѣланы изъ обширной рецензіи К. Кавелина на докторскую диссертацию Соловьева, первоначально напечатанной въ *Современникѣ* за 1847 г.; см. тамъ же перепечатанную изъ *Отечественныхъ Записокъ* 1846 г., кн. 12 рецензію на магистерскую диссертацию того же автора (II, 19 — 38). Въ «Собраніи сочиненій К. Д. Кавелина» первая напечатана на стр. 277—414, а вторая — на стр. 153—270 перваго тома (Спб. 1897). *Ред.*

²⁾ Срв. ниже, на стр. 200, слова Б. Чичерина.

ской самостоятельности. Тѣмъ полнѣе, шире, безграничнѣе развивалось государство. Конечно, нѣтъ христіанской страны, гдѣ бы оно принесло себѣ столько жертвъ; нѣтъ новой исторіи, которая бы представляла такое цѣлостное поглощеніе провинціализма государственными интересами.

Во всемъ этомъ давно уже согласились знатоки русской исторіи. Еще Карамзинъ, руководимый вѣрнымъ чувствомъ, назвалъ свое сочиненіе «Исторіей Государства Россійскаго». Дѣйствительно, политическій, государственный элементъ представляетъ покуда единственно живую сторону нашей исторіи, и если въ послѣднее двадцатилѣтіе ¹⁾ и были попытки открыть въ ней другія живыя стороны, то это не столько было вызвано самимъ предметомъ, сколько выражало новыя требованія нашего времени. Не въ русской исторіи, а въ насъ лежали вопросы, которые мы ей задавали. Вотъ почему попытки и кончились ничѣмъ: онѣ принесли большую отрицательную пользу, но не внесли въ науку новаго содержанія.

Теперь важная задача представилась нашему ¹⁾ времени. Дойдя до отрицательныхъ результатовъ относительно всѣхъ сторонъ древней русской жизни, исключая государственной, политической ²⁾, мы, естественно, должны были спросить себя: какое же было ея движущее начало,—что въ ней развивалось? Все

¹⁾ Писано въ 1847 году.

²⁾ Необходимо имѣть въ виду, что все это введеніе К. Кавелина въ его знаменитую въ свое время рецензію *совершенно не соответствуетъ* современнымъ научнымъ представленіямъ; интересъ его нынѣ только исторіографическій и никакой другой.

сказанное объ этомъ доселѣ или было слишкомъ недѣло, или слишкомъ обще, прикладывалось ко всѣмъ государствамъ въ мѣрѣ и именно потому несколько не поясняло русской исторіи. Сентенціи въ родѣ такихъ: «каждый народъ, развиваясь, образуетъ государство», и подобныя могли ли подвинуть насъ въ уразумѣніи нашего прошедшаго? Онѣ не разрѣшали, какъ же именно это сдѣлалось, какія были причины, создавшія такое-то, а не другое государство съ такимъ, а не другимъ характеромъ, и потому нигде не годились. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ требовало и предполагало спеціальныя знанія. Къ нему и стали всѣ склоняться сознательно и безсознательно. Какая-то усталость мысли, возрастающей перевѣсъ фактическаго изученія надъ теоретическимъ, довѣренность къ историческимъ даннымъ, сначала вслѣдствіе нравственнаго утомленія и безсилія, — обозначали переходное время отъ непосредственнаго приближенія общихъ началъ науки къ дѣйствительному, живому пониманію нашей исторіи. Не станемъ теперь разбирать различныя направленія и теоріи, болѣе или менѣе вѣрныя, которыя отсюда вытекали. Скажемъ только, что это исключительное предрасположеніе къ фактамъ, имѣвшее тоже свои дурныя стороны и вредныя послѣдствія, не могло удержаться навсегда. Оно только приготовило матеріалы для новыхъ взглядовъ, которые теперь опять появились, и притомъ многочисленнѣе, разнообразнѣе, чѣмъ когда-либо. Главное ихъ отличіе отъ прежнихъ состоитъ въ томъ, что они, исходя изъ общихъ началъ, наполнены положительнымъ содержаніемъ и, слѣдовательно, гораздо ближе къ дѣйствительности. Они уже не прикладываютъ такъ непосредственно,

наивно общих началъ къ фактамъ, какъ прежде; начала теперь служатъ основой, путеводной нитью и окончательной повѣркой историческихъ изысканій. Такъ готовится мало-по-малу коренное преобразование нашей исторической литературы. Это уже замѣтно во многомъ. Не только мы обогатились новыми историческими данными, но и самые вопросы русской исторіи переродились и поставляются теперь совершенно иначе, чѣмъ прежде; а известно, что правильно поставить вопросъ значить уже вполнѣ рѣшить его ¹⁾).

Вмѣстѣ съ другими переродился и вопросъ о государственномъ, политическомъ элементѣ въ древней Руси. Отчего онъ больше развивался, а другіе менѣе; какой его характеръ и отношенія къ другимъ сторонамъ жизни; по какимъ законамъ онъ развивался,—словомъ, какая его роль и значеніе въ русской исторіи? За всѣ эти вопросы принялись совершенно иначе. Принявъ въ основаніе мысль, что каждый народъ есть живой, цѣльный, саморазвивающійся организмъ, котораго различныя стороны не распадаются на безсвязныя или только механически между собою соединенныя части, а всѣ вытекаютъ изъ единой народной жизни,—нельзя уже было разсматривать нашу государственную жизнь отдѣльно отъ другихъ сторонъ. Теперь на нее взглянули, какъ на одно изъ выраженій народнаго орга-

¹⁾ Напоминая еще разъ, что эти общія разсужденія Кавелина писаны были болѣе 60 лѣтъ тому назадъ, предлагаемъ сопоставить ихъ съ 1—3 и 19 стр. введенія къ книгѣ П. Н. Миллюкова «*Очерки по исторіи русской культуры*» (Спб. 1896 Часть первая. Изданіе редакціи журнала *Миръ Божій*).

низма; слѣдовательно, имѣ, а не чѣмъ-либо постороннимъ и сверхъестественнымъ, надо было ее объяснить. Событія, извнѣ и случайно вошедшія въ нашу народную жизнь, не внесли въ нее новыхъ элементовъ и, стало-быть, не измѣнили ея, а остались на ея поверхности и были ею переработаны; слѣдовательно, они имѣютъ лишь второстепенный голосъ въ опредѣленіи нашей исторіи.

Этотъ взглядъ, послѣдній результатъ европейской науки, имѣлъ огромное и рѣшительное вліяніе на уразумѣніе нашего древняго быта. Если развивалась только государственная, политическая жизнь, а другія стороны нѣтъ, то, значить, въ ней сосредоточились всѣ силы и соки народной жизни; слѣдовательно, измѣненія первой были измѣненіями послѣдней ¹⁾. Послѣ того оставалось только понять, такъ сказать, почву, элементъ, въ которыхъ совершалась государственная жизнь, и уловить законы ея развитія—и дѣло было сдѣлано, задача рѣшена, взглядъ на русскую исторію созданъ.

Историческіе элементы русской жизни не трудно было отгадать. Давно ужъ, хотя и бессознательно, называли Русь патріархальной, но этому слову не давали того глубокаго, всеобъемлющаго значенія, которое оно дѣйствительно имѣетъ въ приложеніи къ намъ. Сверхъ того, всѣ русскіе древніе политики прямо или косвенно тоже указываютъ на патріархальность. А что такое патріархальность? Формулируя это слово ученымъ образомъ, мы найдемъ, что она заключается въ преобладаніи естественныхъ, прирожденныхъ, слѣдовательно, на кровномъ родствѣ

¹⁾ Срв. выше примѣчаніе на стр. 170.

основанныхъ отношеній надъ юридическими и личными. Общество, въ которомъ начальникъ или господинъ является какъ бы отцомъ, а равные какъ бы братья между собою по крови, — такое общество есть патриархальное. Такъ какъ родственныя отношенія по времени первыя въ исторіи, то во всѣхъ обществахъ, у всѣхъ народовъ, патриархальный бытъ ¹⁾ предшествуетъ всякому другому. Главная отличительная его черта—совершенная неопредѣленность взаимныхъ отношеній между людьми, и вслѣдствіе этого страшный произволъ, бессознательность и необеспеченность всѣхъ и каждаго. Человѣку невыносимо жить подъ гнетомъ вѣчной, неотвратимой случайности, которая царитъ въ патриархальномъ обществѣ, худо прикрываясь мнимой наивностью и ничѣмъ не охраняемымъ, слѣдовательно, пяткимы обычаемъ: по природѣ своей человѣкъ стремится къ опредѣленному, извѣстному, постоянному быту, въ которомъ можно ориентироваться и найтись. Вотъ что выводитъ патриархальное общество въ юридическій, гражданскій бытъ. Конечно, въ періодъ исключительнаго и односторонняго развитія, юридическій бытъ является слишкомъ строгимъ, угловатымъ и прозаическимъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, даетъ человѣку хоть какія-нибудь точки опоры, очерчиваетъ хоть грубо кругъ его дѣятельности, не переступая

¹⁾ Срв. выше на стр. 27 и 112. Гораздо позднѣе поднять былъ вопросъ о болѣе древнемъ бытѣ славянъ восточно-европейской равнины—матриархальномъ. См., напр., лекціи проф. М. М. Ковалевскаго «*Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности*» (Спб. 1896. Изд. Фл. Павленкова). Срв. наложеніе даннаго вопроса у К. Н. Старке «*Первобытныя семья, ея возникновеніе и развитіе*». Спб. 1901.

котораго можно дѣйствовать безъ насилія: Патріархальное общество не представляетъ даже и этой скудной выгоды. Отсюда, по мѣрѣ того, какъ народъ живетъ, патріархальныя отношенія смѣняются въ немъ юридическими и гражданскими, кровный союзъ сначала опредѣляется юридически, потомъ уступаетъ мѣсто другому, болѣе широкому гражданскому союзу, въ которомъ человекъ, прежде зависѣвшій отъ кровныхъ отношеній, преобразуется мало-по-малу въ самостоятельнаго дѣятеля, котораго мѣсто и значеніе опредѣляется личными качествами, талантомъ и доблестями, а не одними природными условіями рожденія.

Если государственный элементъ дѣйствительно поглотилъ и сосредоточилъ всю русскую народную жизнь, то его развитіе должно представлять это постепенное перерожденіе патріархальности въ юридическое устройство и гражданственность. Другими словами: въ нашей государственной жизни должны были сначала преобладать кровныя родственныя начала, а потомъ изъ нихъ, постепенно, выработаться юридическія и гражданскія.

Диссертація Соловьева самымъ блистательнымъ образомъ подтвердила этотъ выводъ а priori. И до нея говорили, что съ Ивана III началось у насъ государство, что въ періодъ удѣловъ князья считались между собою родствомъ, кто кого старше; но на этомъ всё и останавливались. Это были безсвязныя замѣтки—не болѣе; отъ недостатка систематическаго взгляда эти замѣтки не послужили ни къ чему; факты, бросающіеся въ глаза, оставались незамѣченными; въ суммѣ, несмотря на многія изслѣдованія, русская исторія ничего не выиграла.

Обладая огромнымъ фактическимъ знаніемъ предмета,—чему убѣдительноѣйшимъ доказательствомъ служить книга,—Соловьевъ прежде всего обратилъ вниманіе на живую связь между отдѣльными событіями русской исторіи, на начало, дающее имъ органическую цѣлость, единство. Въ короткой, но замѣчательной рѣчи, произнесенной имъ съ кафедры ¹⁾ передъ началомъ публичнаго диспута, онъ ясно высказалъ свое отношеніе къ предшественникамъ на томъ же поприщѣ. Мы не упомянемъ самыхъ словъ, но мысль была вотъ какая: до сихъ поръ заботились особенно о томъ, какъ раздѣлить русскую исторію; теперь надо стараться, напротивъ, соединить ея части въ одно цѣлое, связать раздробленное и неправильно противопоставленное ²⁾; надо возсоздать наукой живой организмъ русской исторіи, а онъ самъ ужъ укажетъ на раздѣленіе необходимое и естественное.

Результатомъ этого совершенно новаго приема, до сихъ поръ не виданнаго въ русской исторической литературѣ, былъ новый взглядъ на древне-русскую государственную жизнь, которая составляетъ главную тему диссертациі. На основаніи этого взгляда

¹⁾ Докторскій диспутъ Соловьева происходилъ 6 іюня 1847 г.

²⁾ Срв. слова Соловьева въ предисловіи къ первому тому *«Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»*: «Не дѣлать, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодействіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинять вышнему влиянію. Вотъ обязанность историка въ настоящее время» (1861 г.).

исчезаютъ всё представленія, заслонявшія естественный, органический ходъ событій и внутреннюю связь между эпохами. Удѣлы и удѣльный періодъ, которые, судя по нашимъ учебникамъ, неизвѣстно какъ и откуда вдругъ являются въ нашей исторіи, по мнѣнію Соловьева, до XIII вѣка вовсе не существовали, да и послѣ не играли первой роли. Монгольское иго, которому доселѣ приписывали рѣшительный, полный переворотъ въ нашей исторіи, тоже не имѣло такого великаго ¹⁾ значенія. Оно сильно на насъ вліяло—это правда, но было одной изъ дѣйствующихъ причинъ, а не исключительно дѣйствовавшей. Такимъ образомъ, исчезаетъ все внесенное извнѣ въ русскую исторію, поле изслѣдованій очищено отъ всего ему чуждаго, и ничто уже не препятствуетъ событіямъ, эпохамъ предстать въ томъ свѣтѣ, съ тѣмъ значеніемъ, которые имъ дѣйствительно принадлежатъ и свойственны. Разрѣшивъ эту первую отрицательную половину своей задачи въ предисловіи, авторъ рѣшаетъ и вторую, положительную. Изслѣдованіе ея наполняетъ всю остальную часть диссертации. Государственная исторія Россіи за все время господства Рюриковой династіи, по мнѣнію автора, сначала представляетъ господство родовыхъ отношеній, которыя мало-по-малу смѣняются государственными; послѣднія, наконецъ, берутъ рѣшительный верхъ надъ первыми и совершенно упраздняютъ ихъ въ окончательной кровавой борьбѣ Ивана IV съ вельможествомъ. Съ этимъ торжествомъ государственнаго начала надъ родовымъ совпадаетъ пре-

¹⁾ Срв. выше на стр. 111, 149—150.

кращеніе Рюриковой династіи, и Россія вступаетъ въ новый фазисъ историческаго существованія.

Это общія черты новаго взгляда Соловьева на древнюю государственную Русь. Взглянемъ теперь на подробности.

Сначала, до XIII вѣка, всѣ князья суть члены одного княжескаго рода, вся Россія есть его нераздѣльная родовая собственность въ общемъ его владѣніи. При такомъ состояніи невозможно понятіе о частной собственности князей, понятіе объ удѣлѣ; какъ члены одного рода, всѣ князья владѣютъ, но не на основаніи права собственности; слѣдовательно, ихъ отношенія только личныя, опредѣленныя родственными, кровными связями; князья считаются между собою старшинствомъ, которое даетъ имъ высшее или низшее мѣсто въ общей родовой іерархіи, и потому то или другое владѣніе. Эпоха, въ продолженіе которой удерживается этотъ порядокъ вещей, имѣетъ свои подраздѣленія. Съ начала такъ называемаго періода удѣловъ—отъ Ярослава I до смерти Мстислава I—столкновенія и распри между князьями происходятъ вслѣдствіе исключенія изъ общаго владѣнія племянниковъ дядями; съ этого времени до Боголюбскаго возникаетъ уже борьба между князьями за старшинство, дающее право на такое или другое владѣніе, и преимущественно Кіевомъ. Андрей открываетъ новое начало порядка вещей. Этотъ князь господствуетъ на сѣверѣ, гдѣ новыхъ городовъ несравненно больше, чѣмъ на югѣ и западѣ; новые города, основанные самими князьями, находятся къ нимъ въ отношеніяхъ вотчинъ, полной собственности, чѣмъ не могли быть древніе вѣ-

чевые города ¹⁾). Такъ на сѣверо-востокѣ возникаетъ понятіе объ удѣлѣ, частной княжеской собственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и взглядъ на между-княжескія отношенія долженъ былъ измѣниться. Андрей, воспитанный на новыхъ началахъ, какъ собственникъ, явно стремится къ единовластію и самодержавію и силится упразднить прежній родовой порядокъ вещей, поддерживаемый южно-русскими князьями ²⁾). Отсюда борьба между нимъ и послѣдними, продолжавшаяся и при преемникѣ его замысловъ и владѣній Всеволодѣ III. Въ этомъ князѣ уже предчувствуются московскіе великіе князья, особенно Иванъ III.

Послѣ Всеволода мало-по-малу утверждаются и развиваются новыя между-княжескія отношенія, которыхъ основаніемъ было уже понятіе о собственности. Князья дѣлили свою вотчину, княженія, между дѣтьми; каждый старался усилить и умножить ее на счетъ другихъ, не уважая или мало уважая родовыя права, служившія прежде главной нормой въ опредѣленіи ихъ взаимныхъ отношеній. При такихъ обстоятельствахъ, одной княжеской линіи, а именно московской, удалось усилиться надъ всѣми прочими. Слѣдствіемъ этого было отнятіе

¹⁾ Срв. ниже на стр. 195—199.

²⁾ Въ настоящее время мнѣніе о томъ, что Юрій Владимировичъ Долгорукій являлся представителемъ старыхъ киевскихъ традицій и тенденцій въ противоположность своимъ сыновьямъ Андрею и Всеволоду, надо признать рѣзко ограниченнымъ. Если сыновья остались на сѣверо-востокѣ и не пошли на югъ, то явленіе это, говоритъ А. Е. Прѣсняковъ (стр. 104—105), „обусловлено не столько противоположностью цѣлей, какія ставили себѣ эти князья, сколько иными условіями, въ какихъ привелось имъ дѣйствовать“.

владѣній у прочихъ князей и ихъ подданническое служебное отношеніе къ московскому; наконецъ, независимые князья совершенно исчезли въ Россіи, и она обратилась въ московское государство. Это государство, окончательно основанное Иваномъ III и IV, стало на развалинахъ прежняго удѣльнаго родового порядка вещей; разумѣется, онъ не вдругъ отказался отъ своихъ правъ и непрестанно напоминалъ о своемъ существованіи въ лицѣ бояръ и вельможъ, живыхъ представителей такъ называемаго удѣльнаго періода. Отсюда борьба между ними и московскими государями, особенно ярко и въ послѣдній разъ обнаружившаяся при Иванѣ IV. Она заключила нашу древнюю, до-государственную исторію и открыла новый періодъ—періодъ московскаго царства.

Этотъ взглядъ, безспорно, гораздо глубже, цѣльнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе. Онъ набрасываетъ живую, связную картину государственной жизни древней Руси, чего мы до сихъ поръ не имѣли,—точка отпращиванія поразительно вѣрна. Несмотря на все это, мы думаемъ, однако, что Соловьевъ, поставивъ новое начало, не провелъ его до конца и какъ будто остановился на полудорогѣ. Развитие новой мысли у него не вполне послѣдовательно; постараемся доказать это.

Родовыя отношенія между русскими князьями поставлены у автора первыми по времени. Это начало, точка отпращиванія. Ихъ преобладаніе, чтобъ не сказать исключительное господство, въ древнѣйшей русской государственной исторіи, несомнѣнно, очевидно, ясно. Подъ конецъ, когда раздробленныя части Россіи стали соединяться въ одно цѣлое, ро-

довья отношенія удерживались уже только какъ форма безъ содержанія, какъ предлогъ, скрывавшій совсѣмъ другіе замыслы. Князь изъ члена рода сталъ вотчинникомъ, землевладѣльцемъ и больше всего думалъ, какъ бы ему нажитья и увеличить свое имѣніе, будущее наслѣдство дѣтей. Этой главной задушевной цѣли онъ жертвовалъ родовыми и кровными связями. Между княземъ—членомъ рода, и княземъ—хозяиномъ разстояніе такъ велико, что ихъ почти нельзя сравнить; однако послѣдній былъ потомокъ перваго. Какъ же совершилось это перерожденіе? Какими ступенями пройденъ путь, начало и конецъ котораго такъ несходны?

Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя сначала съ ними боролись и, наконецъ, ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда взялись государственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми,—этого онъ не объясняетъ или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно. Во-первыхъ, онъ не показываетъ естественной преемственности быта юридическаго послѣ родового; во-вторыхъ, взглядъ его не вполне отрѣшился отъ преувеличеній, которыя такъ изукрасили древнюю Русь, что ее нельзя и узнать. Правда, его взглядъ несравненно простѣе, естественнѣе; но надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы довершить полное высвобожденіе древней русской исторіи отъ несвойственныхъ ей представленій; а его-то Соловьевъ и не сдѣлалъ. Этимъ и объясняется, почему авторъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ остроумной, но невѣрной гипотезѣ о различіи новыхъ княжескихъ городовъ отъ древнихъ вѣчевыхъ,

для объясненія новаго порядка вещей, народившагося въ сѣверо-восточной Россіи. Представляя себѣ въ нѣсколько неестественныхъ размѣрахъ владимирскую и московскую Русь, Соловьевъ увидѣлъ въ нихъ то, чего онѣ или вовсе не представляли, или представляли, но не въ томъ свѣтѣ, который имъ придаетъ авторъ. Оттого у Соловьева между Русью до и послѣ XIII вѣка цѣлая пропасть, которую наполнить можно было чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, не лежавшимъ въ органическомъ развитіи нашего древнѣйшаго быта. Такимъ вводнымъ обстоятельствомъ является у автора система новыхъ городовъ; вывести эту систему изъ родовыхъ началъ, наполнившихъ своимъ развитіемъ государственную исторію Россіи до Ивана III, нѣтъ никакой возможности. Объяснимся.

Мы уже сказали, что государственный, политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси. Если этотъ элементъ выразился въ родовыхъ патріархальныхъ формахъ, ясно, что въ то время онѣ были высшей и единственной возможной формой быта для древней Руси. Никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можно а priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патріархальнаго, родового быта. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею русскою землею. Такую картину пред-

ставляетъ до-общественный, до-историческій быть всякаго человѣческаго общества. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою, только по родству, старшинствомъ. Впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли — областью или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжается еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало-быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество—ни болѣе, ни менѣе какъ княжеская вотчина, наследственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распоряжаться безусловно. Когда эта мысль, конечно, безсознательно, наконецъ, укрѣпилась и созрѣла, территоріальные, владѣльческіе интересы должны были одержать верхъ надъ личными, то-есть по тогдашнему кровными и родственными.

Вотъ какимъ образомъ князья мало - по - малу утратили живое сознаніе, что они члены одного рода, кровные между ¹⁾ собою. Они стали относиться между собою, какъ владѣльцы, собственники, у которыхъ владѣльческіе интересы на первомъ планѣ. Родъ княжескій чрезъ это превра-

¹⁾ Срв. выше примѣчанія на стр. 89 и 99.

тился въ множество отдѣльныхъ, независимыхъ владѣльцевъ. Здѣсь лежитъ первый, хотя и слабый, зародышъ гражданскаго общества. Оно нестройно и безсвязно, потому что не судъ, не верховная власть опредѣляли ихъ отношенія, а произволь и сила оружія. Одному изъ такихъ князей-собственниковъ удалось, наконецъ, съ помощью разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, усилиться на счетъ другихъ. Онъ и его преемники усердно, правдой и неправдой, прибирали владѣнія послѣднихъ къ своимъ рукамъ. Такъ образовалась огромная вотчина, въ которой исподволь стали появляться первые зачатки государства; но и они—замѣтимъ это хорошенько—условливались не степенью нашего тогдашняго развитія, а, такъ сказать, громадностью факта, физическими средствами владѣльца. Этотъ порядокъ вещей продолжался два съ половиною вѣка, пока, наконецъ, въ началѣ XVIII-го, московское царство дѣйствительно преобразовалось въ политическое, государственное тѣло и стало державой въ настоящемъ значеніи слова.

Отсюда мы выводимъ вотъ какіе результаты: дѣйствуя на первобытной, дѣвственной почвѣ, на которой никто не оставилъ слѣдовъ другого, болѣе развитого быта, предоставленные самимъ себѣ, мы сначала принуждены были сами собою открывать и вырабатывать всѣ первичныя—гражданскія и общественныя—начала, составляющія азбуку общежитія, и едва ли есть другая исторія, которая такъ живо, какъ русская, сохранила картину этого незапамятнаго до-историческаго развитія человѣческаго общества. Даже понятіе о собственности мы должны были изобрѣсти сами, и честь этого открытія у насъ принад-

лежитъ князьямъ; въ частный бытъ оно проникло спустя еще два вѣка. То же должно сказать и о гражданскомъ бытѣ. Первыми его дѣятелями и представителями были князья, а въ частномъ быту давно ли разрушено родовое начало? Да и разрушено ли оно вполне даже теперь, полтора ста лѣтъ спустя послѣ ¹⁾ реформы? Если такъ, спрашивается, могла ли въ XIII вѣкѣ быть хоть тѣнь государственныхъ отношеній между князьями? Зародышъ гражданскихъ, нѣчто на нихъ похожее—да, безспорно, но никакъ не государственныхъ. Послѣднія предполагаютъ высокую степень общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія, о которомъ въ древней Руси не было и помину. Это доказывается и прямыми, фактами и косвенно родовымъ, кровнымъ распорядкомъ, непосредственно предшествовавшимъ такъ называемымъ государственнымъ отношеніямъ. Оттого, что Соловьевъ не назвалъ явленія его именемъ, произошли всѣ неправильные и непослѣдовательные выводы, ошибочныя воззрѣнія и натянутыя толкованія.

Читатели теперь сами видятъ, что отдѣльная собственность образовалась весьма просто, сама собою, вслѣдствіе развитія родового быта. Соловьеву была нужна гипотеза о различіи старыхъ и новыхъ городовъ. Она не нужна и, прибавимъ еще, весьма неправдоподобна. Дѣйствительно ли различались новые города отъ старыхъ? Авторъ блистательно изложилъ гипотезу въ своей магистерской диссертациі ²⁾ объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, но не

¹⁾ Писано въ 1847-мъ г.

²⁾ См. стр. 16 — 24 по изданію 1846 года. См. ниже на стр. 195 — 199.

подтвердилъ ее никакими доказательствами ¹⁾. Потомъ онъ на нее ссыдался какъ на аксіому. Мы съ своей стороны тщетно перебирали въ памяти историческіе факты, напрасно пересматривали лѣтописи: ни одно данное не приводитъ къ ней. Во-первыхъ, въ устройствѣ старыхъ и новыхъ городовъ мы не находимъ рѣшительно никакой разницы; вольныя общины отличались особенной организаціей — это правда; но если всѣ вольные города древней Руси были старые, то далеко нельзя сказать наоборотъ, что всѣ старые города были вольные. Напротивъ, лѣтописи представляютъ намъ множество старыхъ городовъ, которые безусловно повиновались князьямъ, приходившимъ къ нимъ безъ призванія, и множество новыхъ городовъ, построенныхъ князьями, и въ сѣверо-восточной Россіи, которые не повиновались князьямъ и своевольствовали. Различіе между тѣми и другими невозможно провести, потому что устройство городовъ древней Руси не имѣло никакой опредѣленности, правильности, постоянства, которыя, при возмужалости народа, кладутъ особенную, неизмѣнную печать на всю исторію города и глубокими чертами отличаютъ ее отъ исторіи и быта всѣхъ другихъ городовъ. И

¹⁾ Въ рецензіи на эту диссертацию Кавелинъ (*Сочиненія* II, 34) оспариваетъ гипотезу о различіи старыхъ и новыхъ городовъ гораздо менѣе рѣшительно, отзываясь о ней какъ «безспорно новой, оригинальной и во многихъ отношеніяхъ вѣрной». Срв. выше на стр. 178 и 182, 194 и 195. Сжатый отвѣтъ Соловьева на приведенныя въ текстѣ мѣста изъ рецензіи Кавелина см. въ дополненіи ко 2-му тому «*Исторіи Россіи*» (по изданію товарищества «Общественная Польза». Книга первая, стр. 651 — 656). Ред.

теперь внутренніе города Россіи, даже большіе, чрезвычайно между собою сходны. Отчего это? Оттого, что нѣтъ провинціализма, мѣстнаго развитія, а ихъ нѣтъ потому, что гражданственность у насъ еще въ зародышѣ, едва только начинается¹⁾. Тѣмъ болѣе такъ было въ древней Россіи, не имѣвшей никакой гражданственности. Исторія нашихъ городовъ въ древности служить этому неопровержимымъ доказательствомъ. Тѣ только изъ нихъ сохраняютъ самостоятельность, которые удалены отъ главной сцены дѣйствія русской исторіи; придетъ съ ними въ соприкосновеніе сильный князь — они отдаются ему «на всей его волѣ», конечно, не безъ сопротивленія, но все-таки отдаются: князь налицо—городъ исполняетъ его волю, нѣтъ—тогда городъ начинаетъ дѣйствовать, собираться на вѣче, распоряжается. Ослабѣютъ князья — города ихъ не слушаются и заключаютъ съ ними условія, усилились они—города опять замолкли. А когда утвердилось московское единовластіе, достаточно было ста лѣтъ, чтобъ сравнить какой-нибудь Новгородъ со всѣми другими городами, — Новгородъ, который до конца XV вѣка составлялъ цѣлое государство съ огромной территоріей; а тогда еще не было и помина о тѣхъ административныхъ средствахъ совершеннаго угнетенія, которыя изобрѣтены уже въ новѣйшее время.

Что можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ фактовъ? Не говорятъ ли они, что тогда города сами по себѣ ничего не значили, что ихъ муниципальныя права не были правами, а обычаями, не имѣв-

¹⁾ Писано въ 1847 году.

шими даже юридическаго характера, потому что эти права не были признаны и усвоены, и только въ отсутствіе или при слабости князей предъявляли свое существованіе. Стало-быть, не изъ характера новыхъ городовъ развилось понятіе объ отдѣльной княжеской собственности. Оно не имѣло никакого историческаго прототипа, а, напротивъ, само родившись впервые въ государственной сферѣ, послужило первообразомъ частной гражданской собственности. Итакъ, объясненіе Соловьева рушится само собою.

Объясненіе происхожденія отдѣльной собственности лежитъ гораздо ближе, въ самыхъ условіяхъ родового быта. Если онъ послѣ XIII вѣка началъ переходить въ гражданскій, а не государственный, какъ думаетъ Соловьевъ, то органическую связь между обоими угадать весьма не трудно. Она скрывается въ *вотчинномъ* семейственномъ началѣ, тоже основанномъ на кровномъ родствѣ, слѣдовательно, тоже патріархальномъ, но которое тѣмъ существенно отличается отъ родового, что гораздо тѣснѣе его и находится къ нему постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ. Семья разлагаетъ родъ на части и, когда она беретъ верхъ, послѣдній необходимо падаетъ. О *вотчинномъ* семейномъ началѣ, игравшемъ такую важную роль въ древней Россіи, Соловьевъ совсѣмъ не говоритъ въ своей диссертациі; онъ его какъ бы обходитъ¹⁾. На диспутѣ многіе, отправляясь,

1) Срв. слова Кавелина въ рецензій на магистерскую диссертацию Соловьева: «Вообще на это племенное, родовое, семейственное, — словомъ, кровное начало Соловьевъ мало обратилъ вниманія, говорить о немъ какъ будто мимоходомъ, тогда какъ оно было главное, почти исключительно игравшее роль».

впрочемъ, отъ различныхъ точекъ зрѣнія, сошлись въ возраженіяхъ на эту слабую сторону разсужденія ¹⁾. Авторъ защищался очень ловко и искусно, но побѣда осталась не на его сторонѣ. Такъ какъ этотъ предметъ весьма важный въ русской исторіи, то мы позволимъ себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Одно изъ главныхъ, коренныхъ отличій родового союза состоитъ въ томъ, что какъ бы ни расширился родъ, какъ бы ни стали многочисленны его вѣтви, онѣ непременно находятъ въ немъ извѣстное мѣсто; каждое лицо, по линіи, старшинству или меньшинству, классифицируется въ родѣ, и никто на основаніи родовыхъ началъ не изъять изъ этой классификаціи. Таковъ родъ по самому своему началу; если оно не всегда строго выдержано въ примѣненіи къ тому или другому лицу, то все же, пока родъ существуетъ и силенъ, никто не можетъ высвободиться изъ родового союза, съ удержаніемъ какихъ-нибудь правъ. Это заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя выйти, не переставши суще-

¹⁾ Т. Н. Грановскій замѣтилъ, что въ диссертациі Соловьева начало родовое проведено съ такой исключительностью, которая не допускаетъ вліянія начала семейнаго, и что этотъ средній терминъ какъ бы опускается Соловьевымъ въ излагаемой имъ борьбѣ начала родового съ началомъ государственнымъ. Отчина, право собственности занимаетъ первое мѣсто въ княжескихъ междоусобіяхъ: это доказывалъ О. М. Бодянский въ противовѣсъ Соловьевской крайности. Т. Н. Грановскому принадлежитъ характерная для исторіи судебъ теоріи родового быта на русской почвѣ статья «О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ», напечатанная въ 1855 г. Н. В. Калачовымъ и посвященная авторомъ С. М. Соловьеву и К. Д. Кавелину (см. *Сочиненія*. М. 1892. 3-е изд. Т. I, стр. 119—144). Ред.

ствовать физически или граждански. Какое же мѣсто занимаетъ каждое лицо въ родѣ и какъ опредѣляются его отношенія къ другимъ? Это зависитъ исключительно отъ рожденія. Кто родился прежде, тотъ и старше, кто позднѣе, тотъ моложе. На этомъ основаніи, совершенно сообразно съ законами естественнаго рожденія, дяди считались въ чисто-родовомъ союзѣ старше своихъ племянниковъ. Если юридическая казуистика родового начала и видоизмѣнила это общее положеніе, то это не было отступленіемъ, а напротивъ, ближайшимъ приноровленіемъ родового старшинства къ естественному. Положеніе младшаго въ родовомъ союзѣ вообще было очень незавидно. Онъ былъ обязанъ уважать, почитать, любить и слушаться старшаго, хотя бы старшій былъ въ десять разъ его ограниченнѣе, чтобы не сказать глупѣе, хотя бы онъ не заслуживалъ ни малѣйшей любви и почтенія. Повиновеніе старшимъ влечетъ за собою множество мелкихъ, тягостныхъ обязанностей и послугъ; еще въ недавнее время, которое быстро уходитъ, считалось непремѣнной обязанностью дѣлать визиты или писать форменныя письма по праздникамъ, наружно уважать, спрашивать совѣта даже въ такихъ дѣлахъ, которыя ни до кого не касаются, о которыхъ не хочешь никому говорить и т. д. Какъ же пусто и, главное, безлично должно было быть общество, когда такое устройство и такія несообразныя съ здравымъ смысломъ отношенія не возбуждали ничего противодѣйствія, когда никто ими не тяготился, а напротивъ, всякій вмѣнялъ себѣ въ особенную заслугу безусловное и буквальное выполненіе родовыхъ обязанностей! Такой порядокъ вещей не могъ продол-

жаться вѣчно. Но разложеніе его у насъ началось не протестомъ лица во имя своихъ вѣчныхъ, неотъемлемыхъ правъ, ибо о личности въ древнѣйшей Руси не было и помину; упадокъ родового устройства пришелъ совсѣмъ съ другой стороны, откуда бы его, кажется, всего менѣе можно было ожидать, а именно—отъ семьи *вотчиннаго* начала. Это сдѣдалось вотъ какимъ образомъ.

Братья между собою считались старшинствомъ, и такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами, но дѣти каждаго изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное къ роду. Для нихъ ихъ семейные интересы были главное и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ такъ живо, всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновеніе съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линіи еще недалеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что жъ должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія, — когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, къ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всѣ должны были охлаждѣть. Вслѣдствіе чего же? Вслѣдствіе того, что *вотчинное*, семейное начало, нисходящія разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независящія части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти

роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно. Его поддерживало нѣсколько времени значеніе княженій, которыя сначала носили на себѣ какую-то тѣнь, призракъ государственныхъ владѣній, составлявшихъ политическое цѣлое; но этотъ призракъ скоро разсѣялся, ибо они все дробились и дробились, такъ что владѣнія князей, наконецъ, измельчали до крайности и стали просто частною собственностью. Тогда семейное начало, въ лицѣ нисходящихъ, открыто стало оспаривать первенство у родового, представляемаго старшими боковыми родственниками. Семья стала главнымъ движущимъ принципомъ, а не родъ; не къ дядямъ умершаго лица стали переходить права и владѣнія, а къ сыновьямъ его. Послѣдніе сдѣлались старшими, а первые—младшими, и родъ исчезъ.

Когда нисходящіе получили старшинство передъ боковыми, родъ не могъ уже организовать и родовое начало—быть источникомъ правъ. Отъ него удержалась лишь форма безъ всякаго содержанія. Мало этого: только съ его паденіемъ и полнымъ торжествомъ семейнаго начала могъ появиться типъ землевладѣльца, *вотчинника*, который въ нашей государственной жизни дѣйствительно смѣнилъ типъ дружиноначальника, сначала преобладавшій между князьями и лежавшій въ основаніи ихъ власти. Родъ князей-помѣщиковъ, или «хозяевъ», какъ называетъ ихъ Соловьевъ, не только тянется черезъ всю московскую исторію до Ивана III, но даже всѣ послѣдующіе московскіе цари, до самого Петра Великаго, проникнуты тѣмъ же характеромъ, удерживаютъ еще тѣ же самыя формы, хотя и съ измѣненіями.

Но рядомъ съ этимъ типомъ, еще въ концѣ XIV вѣка, возникаетъ, сначала смутно, едва замѣтно, мысль о государствѣ. Развиваясь медленно, она мало-по-малу вытѣсняетъ типъ владѣльца, *вотчинника*, наконецъ, одерживаетъ надъ нимъ первую блистательную побѣду въ лицѣ и реформѣ Петра Великаго. Это появленіе новой идеи, какъ намъ кажется, не довольно рѣзко отмѣчено въ разсужденіи Соловьева. Правда, онъ особенно останавливается на томъ, что Димитрій Донской первый отказалъ старшему сыну гораздо большую часть, въ сравненіи съ прочими, и тѣмъ выразилъ, что столько же, и еще больше, заботился о сохраненіи цѣлости московскаго великаго княжества, сколько о семейныхъ интересахъ. Со всѣмъ тѣмъ, объ этомъ въ высокой степени важномъ явленіи въ нашей исторіи не сказано у Соловьева ни слова въ общемъ обзорѣни предмета. Господство семейнаго начала и появленіе начала государственнаго слиты авторомъ въ одно, подъ общимъ названіемъ государственныхъ отношеній. Мы уже видѣли, какъ это неправильно. Прибавимъ, что именно оттого, что авторъ не отличилъ *семьи* и *вотчины* отъ государства, и выходитъ у него какъ бы скачокъ въ нашемъ развитіи — пустое мѣсто, не наполненное ничѣмъ. Введеніемъ семейнаго начала этотъ пропускъ исчезаетъ, и ходъ исторіи является чрезвычайно естественнымъ и послѣдовательнымъ:

родъ и общее владѣніе,
семья и вотчина, или отдѣльная собственность,
лицо и государство.

Вотъ въ заключеніе общій выводъ изъ всего нами сказаннаго.

Главная заслуга Соловьева состоитъ въ томъ, что онъ открылъ и показалъ какъ основной движущій принципъ нашей древней исторіи — родовое начало. Ни одинъ изъ его предшественниковъ не успѣлъ въ этомъ такъ блистательно, какъ онъ. Поэтому, несмотря на то, что многіе, — Фверсъ, Рейцъ, Погодинъ, отчасти даже Карамзинъ, — вертѣлись около этой мысли, мы не усомнимся приписать Соловьеву честь безспорно величайшаго открытія¹⁾ въ русской исторіи. Въ нашей исторической литературѣ онъ поднялъ новое знамя и является основателемъ новаго воззрѣнія, богатаго выводами и послѣдствіями. Но онъ не вполне вѣрно и послѣдовательно развилъ свою мысль; это произошло, какъ намъ кажется, оттого, что онъ недовольно глубоко вникъ въ законы естественнаго, органическаго развитія родового начала. Отсюда:

Во-первыхъ, въ первомъ появленіи гражданственности, да и то только въ политической сферѣ, между князьями, авторъ видитъ уже государственныя отношенія; во-вторыхъ, *семейственное, вотчинное* начало, развившееся изъ родового и подготовившее появленіе государства, вовсе не обратило на себя его вниманія; въ-третьихъ, оттого и первые зачатки государственности не играютъ въ его сочиненіи той важной роли, которая имъ по всей справедливости принадлежала; они какъ-то сливаются съ предыдущимъ и послѣдующимъ, потому остаются въ тѣни, едва мимоходомъ замѣченные; въ-четвертыхъ, появленіе отдѣльной собственности объяснено ничѣмъ не доказанной и вдобавокъ вовсе не правдо-

¹⁾ Срв. выше на стр. 91 замѣчанія Э. Леонтовича.

подобной гипотезой, тогда какъ оно весьма просто объясняется естественнымъ развитіемъ родового быта и устройства.

Въ предложенномъ сейчасъ извлеченіи изъ рецензіи Кавелина на докторскую диссертацию Соловьева читатели видятъ, насколько отрицательно относится первый къ столь извѣстной въ русской исторической литературѣ гипотезѣ послѣдняго о различіи между старыми и новыми городами древней Руси. Она не нужна съ точки зрѣнія Кавелина, который промежутокъ между родовымъ и государственнымъ началами заполняетъ началомъ семейнымъ (вотчина); она невѣроятна въ своихъ подробностяхъ и для автора договорной теоріи В. И. Сергѣевича (срв. «Русскія Юридическія Древности» II, 103), который не можетъ признать отсутствія вѣча въ новыхъ городахъ сѣверо-восточной Руси. Для отчетливаго уясненія разногласій знакомство съ сущностью этой чрезвычайно искусственной гипотезы представляется необходимымъ. Вотъ какъ впервые она изложена была Соловьевымъ въ его магистерской диссертаци.

«Безпрерывное движеніе, непрерывная смѣна князей вслѣдствіе родовыхъ отношеній воспрепятствовала развитію княжеской власти въ *старыхъ городахъ*, привыкшихъ къ вѣчевому народовластію, и дала даже имъ возможность опредѣлять иногда свои отношенія къ князьямъ въ свою пользу; во все продолженіе такъ называемаго удѣльнаго періода въ *старыхъ городахъ* власть князя и власть вѣча находятся другъ подле друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностью

всѣхъ *городовъ старыхъ*. Но подлѣ этихъ городовъ, изъ которыхъ многіе существовали еще гораздо прежде прихода князей варяжскихъ и привыкли къ вѣчевому народовластію, основалось впоследствии множество другихъ, *новыхъ*. Семейныя славянскія понятія, отразившіяся на отношеніяхъ князей, отразились также и на отношеніяхъ городовъ, вслѣдствіе чего города новопостроенные вошли къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, т.-е. должны были находиться въ волѣ послѣднихъ; отсюда младшіе города или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта ¹⁾ и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тїуна. Ясно, что въ этихъ *младшихъ городахъ*, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, княжеская власть могла развиваться гораздо свободнѣе; ясно, что въ этихъ-то городахъ долженъ былъ родиться новый порядокъ вещей, должно было произнѣчь самодержавіе. Но этотъ новый порядокъ вещей изъ *городовъ новыхъ* не могъ произойти на югѣ, ибо здѣсь старыхъ городовъ было такъ много, что они могли пересиливать вліяніе младшихъ; въ *старыхъ городахъ* старшіе князья утвердили свои столы и тѣмъ сообщили имъ вѣсь и знаменитость; съ распространеніемъ членовъ княжескаго семейства *новые города* начали отдаваться въ младшіе удѣлы младшимъ членамъ; приобрѣтши чрезъ это независимость отъ старшихъ, они не могли не слѣдовать ихъ близкому примѣру, ибо вступали въ подобныя

¹⁾ Срв. выше на стр. 47 выдержку изъ Лаврен. лѣт.

же отношенія къ своимъ князьямъ; эти князья при своей неосѣдлости ждали только случая покинуть младшій удѣлъ для старшаго и не имѣли ни времени, ни охоты пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ въ *новыхъ городахъ*.

Не такъ было на сѣверѣ.

Въ обширной области Ростовской, въ этой суровой и почти дикой странѣ, возвышался только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода варяговъ: то былъ Ростовъ Великій, около котораго стали возникать *города новые*. Такимъ образомъ, Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ. Такое преобладаніе младшихъ городовъ не могло оставаться безъ послѣдствія, особенно если обратить вниманіе на то, что всѣ они были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью. Такимъ образомъ, на сѣверѣ вокругъ старыхъ вѣчниковъ князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ. Развитію этого полновластія въ области Ростовской благоприятствовали и другія обстоятельства. Сынъ Юрія Долгорукаго Андрей, охотно принятый ростовцами вмѣсто самыхъ младшихъ сыновей перваго, утвердилъ свое пребываніе не въ Ростовѣ, даже не въ Суздаль, но въ *городахъ новыхъ*—Владимирѣ и Боголюбовѣ, предпочитая второй, какъ новѣйшій; онъ сложилъ съ себя характеръ полководца, сталъ правителемъ; его дружина стала дворомъ. Однимъ словомъ, въ областяхъ Андрея все принимаетъ совершенно другой видъ, чѣмъ на югѣ, все принимаетъ характеръ осѣдлости,

прочности, постоянства. Этотъ новый ¹⁾ характеръ произошелъ изъ природы *новыхъ родовъ*, господствовавшихъ по числу своему на сѣверѣ, изъ природы ихъ отношеній къ князю; эти города по своему происхожденію, смотрѣли на князя какъ на господина полновластнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ какъ на собственность неотъемлемую; отсюда понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя - владѣльца, имѣющаго право располагать имъ, начинаетъ господствовать на сѣверѣ въ противоположность господствующему на югѣ понятію общности, нераздѣльности владѣнія; на сѣверѣ является въ первый разъ завѣщаніе ²⁾, знакъ, что князь завѣщающій имѣетъ собственность, которою можетъ располагать произвольно, чего не могло быть на югѣ, гдѣ великій князь не имѣлъ ничего собственно ему принадлежащаго; вся страна была въ общемъ владѣніи рода, и при каждой смѣнѣ великаго князя новый, какъ старшій въ родѣ, дѣлалъ рядъ съ млад-

¹⁾ Срв. выше на стр. 179.

²⁾ Соловьевъ отвергалъ, какъ извѣстно, подлинность завѣщанія Ярослава I, приведеннаго выше на страницѣ 152; срв. стр. 159; Кавелинъ—*Сошкенія*, II, 484, 506—509—настоячиво выступилъ противъ этой догадки Соловьева, высказанной въ *«Исторіи откошеній между князьями Рюрикова дома»*, стр. 21, 71 и сл.—и уже не повторенной во второмъ томѣ *«Исторіи Россіи»*: «завѣщанія въ древней Руси существовать не могло, ибо завѣщаніе показываетъ, что завѣщатель имѣетъ право располагать собственностью по произволу». Въ настоящее время не можетъ быть вопроса о подлинности или неподлинности завѣщанія Ярослава, которое надлежитъ понимать въ смыслѣ *ряда*, договора умирающаго князя съ своими сыновьями, имѣющаго къ тому же аналогіи въ исторіи славянскихъ народовъ.

шей братьею, чѣмъ кому владѣть, или вѣрше сказать, чѣмъ кому кормиться. На сѣверѣ же членъ княжескаго семейства, получивъ удѣлъ, смотритъ на него, какъ на собственность неотъемлемую; пусть получитъ онъ великое княженіе, онъ не поѣдетъ жить въ столичный городъ, но останется въ своемъ родовомъ, отчинномъ городѣ, въ своемъ наследственномъ удѣлѣ, гдѣ онъ всѣхъ знаетъ, и его всѣ знаютъ, и всѣ къ нему привержены; здѣсь собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями. «Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимірѣ, и по признаніи себя старѣйшимъ въ родѣ или великимъ княземъ, начинаетъ новый періодъ, — періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ; начало этой борьбы обозначалось борьбою *старыхъ городовъ съ новыми*».

В. ЧАСТНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ Б. Н. ЧИЧЕРИНА.

(Б. Н. Чичеринъ. «Духовныя и договорныя грамоты ¹⁾ великихъ и удѣльныхъ князей».)

Когда возникло русское государство? Это — вопросъ первостепенной важности въ нашей исторіи, которой существенное значеніе состоитъ въ развитіи государства ¹⁾. Съ перваго взгляда кажется, что здѣсь и не можетъ встрѣтиться затрудненіе; однако въ нашей литературѣ этотъ вопросъ подвергался противоположнымъ рѣшеніямъ. Причина заключается,

¹⁾ Эта статья В. Чичерина помѣщена въ книгѣ его «*Опытъ по исторіи русскаго права*» (М., 1858) и впервые появилась въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*» за 1857 годъ. Въ предисловіи къ «*Опытамъ*» авторъ говоритъ объ этой статьѣ слѣдующее: «я имѣлъ въ виду не только разобрать обстоятельно происхожденіе государства въ древней Россіи, но показать и самую методу, которой я слѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ. Читатель, надѣюсь, убѣдится, что не возрѣніе, принесенное извнѣ, а фактическое изученіе предмета по дошедшимъ до насъ источникамъ легло въ основаніе моихъ выводовъ. Для меня *господство частнаго права* въ удѣльный періодъ не подлежитъ сомнѣнію; оно совершенно очевиднымъ образомъ открывается изъ подробнаго разбора нашихъ древнихъ памятниковъ». Авторъ выражаетъ дадѣе твердую надежду, что его взглядъ не можетъ найти документальнаго опроверженія. Срв. выше примѣчаніе на стр. 198. Ред.

²⁾ Срв. выше, на стр. 169, слова Кавелина.

можетъ-быть, въ томъ, что подъ словомъ государство одни разумѣютъ одно, другіе—другое, можетъ-быть, и въ томъ, что при фактической разработкѣ предмета не разъяснены до очевидности самыя простыя юридическія понятія.

Извѣстно, что внутреннее право, на которомъ зиждется гражданская жизнь каждаго общества, раздѣляется на государственное, гражданское и уголовное. Изъ нихъ послѣднее не имѣетъ самостоятельнаго значенія; оно служитъ только освященіемъ существующихъ законовъ посредствомъ наказанія ихъ нарушителей. Первые же два имѣютъ цѣлью опредѣлить юридическія отношенія между людьми, принадлежащими къ одному обществу. Каждое изъ нихъ носитъ, однако, свой характеръ, который зависитъ отъ различія содержанія, отъ различія отношеній, входящихъ въ тотъ или другой разрядъ. Гражданское или частное право разсматриваетъ отдѣльныхъ людей въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ окружающему міру. Здѣсь разсматривается лицо въ его частной сферѣ, съ его отношеніями имущественными, родственными, договорными и наследственными.

Совсѣмъ другое имѣетъ въ виду право государственное. Оно разсматриваетъ не отдѣльныя лица въ ихъ частной сферѣ, съ ихъ взаимными отношеніями, а всю совокупность лицъ, соединенныхъ въ единый, неразрывный союзъ — государство. Общество составляетъ здѣсь единое тѣло, имѣющее единую волю, и представителемъ этого единства является правительство. Послѣднее облечено верховною властью въ обществѣ, ибо всѣ частныя воли должны подчиняться волѣ общественной. Отсюда понятіе о

подданствѣ. Подданный подчиняется верховной власти не на основаніи договора, какъ онъ подчиняется частному лицу, къ которому онъ вступаетъ въ извѣстные обязательства, а на основаніи постоянныхъ государственныхъ законовъ, исходящихъ отъ самой верховной власти. Законъ же, а не договоръ, зависящій отъ случайной перемѣны лицъ, опредѣляетъ права и устройство верховной власти и органовъ, черезъ которые она дѣйствуетъ. Такимъ образомъ общество, организованное какъ государство, представляетъ собою индивидуумъ, который живетъ своею жизнью, несмотря на смѣну поколѣній и на различныя отношенія, которыя устанавливаются между членами. Поэтому верховная власть, какъ представительница общественнаго единства, не можетъ дѣлиться, дробиться и отчуждаться, какъ частное имущество. Поэтому недѣлима и самая государственная территория, какъ принадлежность цѣлаго общества. Она можетъ быть расторгнута насильственнымъ образомъ вслѣдствіе отношеній къ сосѣдямъ или внутреннихъ междоусобій, но въ нормальномъ положеніи она недѣлима.

Изъ этого ясно, что государственное право ¹⁾ и гражданское представляютъ намъ двѣ противоположныя области: исходною точкою одного есть лицо съ его частными отношеніями, исходною точкою другого—общество, какъ единое цѣлое.

Вглядываясь въ историческія явленія, мы видимъ нѣкоторыя общества, въ которыхъ сильно развито

¹⁾ При чтеніи этого отрывка читатели, конечно, будутъ имѣть въ виду, что теоретическія воззрѣнія Б. Чичерина въ сферѣ государственнаго права высказаны были болѣе 50 лѣтъ тому назадъ. Ред.

сознаніе общественнаго единства, и вслѣдствіе этого преобладаетъ государственная форма. Въ другихъ, напротивъ, нѣтъ такого сознанія: верховная власть, а равно и земля, на которой живетъ общество, дѣлятся и дробятся по наслѣдству, какъ частное имущество; отношенія верховной власти къ подчиненнымъ опредѣляются либо частными обязательствами, либо личною зависимостью; сословія или разряды лицъ, существующихъ въ обществѣ, основаны на понятіи о наслѣдственной знатности, о наслѣдственныхъ занятіяхъ; однимъ словомъ, гражданское право опредѣляетъ всѣ отношенія, какъ общественныя, такъ и частныя. Очевидно, что мы не можемъ смѣшивать этихъ двухъ совершенно различныхъ формъ общественной жизни. Если первую, въ которой мы видимъ учрежденія, исходящія изъ сознанія объ общественномъ единствѣ, назвали государствомъ, то второй мы должны дать другое названіе. Такъ какъ въ немъ господствуетъ гражданское право, то назовемъ его гражданскимъ обществомъ.

Теперь спрашивается: какая изъ этихъ двухъ формъ общегитія существовала въ древней Руси? Какія въ ней были юридическія понятія? Управлялась ли она на основаніи идеи общества, какъ единого цѣлаго, или на основаніи частнаго права? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ обратимся къ духовнымъ и договорнымъ грамотамъ великихъ и удѣльныхъ князей.

Далѣе (на стр. 237—276) Б. Чичеринъ подробно разбираетъ форму и содержаніе духовныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей сѣверо-восточной Руси, отмѣчая попутно появленіе признаковъ новаго порядка вещей. При полномъ господствѣ

личной воли завѣщателя старшій сынъ начинаетъ получать несравненно большее пространство областей, нежели младшіе, такъ что удѣльные князья не въ состояніи уже сопротивляться великому: въ этомъ нельзя не признать стремленія къ установленію единодержавія, т. - е. извѣстнаго государственнаго порядка. Иванъ III завѣщаетъ Москву съ округомъ уже *одному* старшему сыну, выдѣляя младшимъ только отдѣльныя права и преимущества. Постепенно затѣмъ великимъ княженіемъ начинаетъ называться не Владимирская область, а удѣлъ старшаго сына завѣщателя, т. - е. выражается стремленіе перевести территориальное значеніе великокняжескаго достоинства въ значеніе личное, династическое. Въ результатѣ разбора получаютъ такіе выводы.

Первый выводъ заключается въ томъ, что наследованіе у московскихъ князей происходило по *частному праву*, при чемъ, такъ же какъ и въ наследованіи частныхъ лицъ того времени, преобладающимъ началомъ является личная воля завѣщателя.

Второй выводъ, который непосредственно слѣдуетъ изъ перваго, но который, сверхъ того, самъ по себѣ открывается изъ источниковъ, состоитъ въ томъ, что тогда не дѣлалось различія между имуществомъ государственнымъ и частнымъ княжескимъ. Все, что принадлежало князю, принадлежало ему, какъ собственность (неограниченная или ограниченная правами другихъ лицъ) по *частному праву*, а не по государственному. Нигдѣ въ грамотахъ мы не видали ни малѣйшаго намека на такое различіе. Всѣ отдѣльные разряды имущества: города, волости, села, доходы, пути, движимое, холопы, стада—стоятъ

рядомъ и передаются наслѣдникамъ совершенно на одинакомъ основаніи. Удѣль, которымъ владѣлъ князь, называется его вотчиною, такъ же какъ имѣніе частныхъ лицъ. Князь распоряжается имъ какъ своею собственностью; удѣлы отдаются въ наслѣдство женѣ, дѣтямъ, родственникамъ, дѣлятся, продаются, покупаются совершенно на томъ же основаніи, какъ и отдѣльныя села, какъ всякое частное имущество.

Такъ какъ собственность князя зачастую была ограничена правами другихъ лицъ, то это столкновение множества вотчинныхъ правъ производило необыкновенную неопредѣленность и запутанность, къ которымъ присоединялась крайняя чрезполосность земель, указывающая опять-таки на частный характеръ владѣній. Господство *частнаго права* было причиною и крайняго измельчанія княжескихъ удѣловъ. Рядомъ съ князьями болѣе или менѣе видными существовало множество князей самыхъ ничтожныхъ, которыхъ исторія даже не знаетъ, и которыхъ имена сохранились только въ родословныхъ. Вслѣдствіе частнаго порядка въ наслѣдованіи удѣловъ явились, наконецъ, князья, которые владѣли однимъ только городомъ, волостью или даже селомъ, а между тѣмъ они были такіе же верховные владѣльцы¹⁾ своихъ земель, какъ и князья московскіе. Немудрено, что при такомъ ничтожествѣ они совершенно исчезли съ историческаго поприща и скоро поглощены были болѣе могущественными

¹⁾ Срв. выше на стр. 192. См. картинное описаніе резиденціи мелкаго удѣльнаго «державца» начала XV вѣка въ I-ой части «Курса русской исторіи» В. О. Ключевского по изд. 1904 г., стр. 438 (лекція XX).

сосѣдями. Такимъ образомъ, частный способъ наслѣдованія разрушалъ самъ себя, уничтожая въ окончательныхъ своихъ результатахъ всякую самостоятельность наслѣдниковъ. Крайнее измельчаніе владѣній дало возможность усилиться тѣмъ изъ князей, которымъ обстоятельства болѣе или менѣе благопріятствовали; оно же показало князьямъ необходимость, во что бы ни стало, увеличить свое могущество, чтобы оставить дѣтямъ какую-нибудь независимость; оно же, наконецъ, повело къ установленію новаго порядка наслѣдованія, когда всѣ другія средства оказались недостаточными для уничтоженія зла.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Мы перебрали всѣ духовныя грамоты древнихъ нашихъ князей; мы видѣли, что князья вездѣ распоряжаются удѣлами, какъ своею собственностью, дѣлятъ ихъ между наслѣдниками по частному праву. О землѣ, какъ объ общественной единицѣ, о народѣ, нигдѣ нѣтъ и помину. Князья получаютъ волости, какъ имѣніе, а не распределяются по нимъ, какъ правители¹⁾, исполняющіе извѣстную общественную должность. Изъ этого ясно, что понятіе о землѣ, въ противоположность государству, которое нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей²⁾ приписываютъ древней Руси, составляетъ одно изъ тѣхъ историческихъ представленій, которыя не выдерживаютъ повѣрки съ фактами.

¹⁾ Срв. выше на стр. 183, 185.

²⁾ К. Аксаковъ и вообще славянофилы. Срв. также статьи А. П. Щапова, затрогивающія въ той или другой формѣ вопросы о древне-русскихъ областяхъ и общинѣ въ первомъ томѣ «Сочиненій А. П. Щапова». Спб. 1906. Изд. М. В. Пирожкова.
Ред.

Князья собрали воедино разрозненные славянскія племена, князья *по частному праву* наследованія раздробили это приобретенное ими состояніе, князья же впоследствии соединили въ одно тѣло разрозненные части. Тогда явилось и понятіе о государѣ и землѣ; государь былъ верховный правитель, а земля составляла его государство. Въ первыя же времена самое слово: русская земля, означавшая владѣнія пришлаго племени руссовъ, употреблялось обыкновенно въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Сначала, при первомъ призваніи князей, оно означало область новгородскую, потомъ, съ переходомъ дружины на югъ, этимъ именемъ стала называться земля кievская, такъ что русская земля противопоставалась землѣ смоленской, суздальской, новгородской. Общее единство этихъ областей поддерживалось еще сознаниемъ о единствѣ княжескаго рода, безпрестанными переходами князей, которые смотрѣли на землю, какъ на общее свое достояніе, и охотно мѣнялись волостями. Но какъ скоро князья сдѣлались осѣдлыми, какъ скоро линіи разошлись, и разрушилось внутреннее единство рода, такъ уничтожилось и единство земли. Нравы, обычаи, вѣрованія могли остаться болѣе или менѣе сходными, но каждая вотчина составляла отдѣльное общественное тѣло, съ отдѣльнымъ своимъ владѣльцемъ, который часто находился съ другими въ отношеніяхъ враждебныхъ, или соединялся съ ними связью родственною, то-есть личною, *частною*, а отнюдь не принадлежностью къ единому отечеству и народу. Однимъ словомъ, государственные перегородки не строились надъ землею, но самая земля соединялась князьями и раздѣлялась

между ними, какъ частное имѣніе, при чемъ о народѣ не было и рѣчи.

Скажемъ еще въ заключеніе, что, несмотря на имѣніе, выраженное Соловьевымъ¹⁾, мы все-таки думаемъ, что вотчинныя права князей коренились въ *завоеваніи*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ первый періодъ, рядомъ съ *вотчиннымъ началомъ*, мы видимъ и начало общинное, договорное, которое иногда стѣсняло и нарушало первое, хотя надобно замѣтить, что въ продолженіе около полутора вѣка послѣ завоеванія общины не играютъ никакой роли въ южной Россіи, поэтому усиленіе ихъ должно приписать ослабленію власти княжеской, вслѣдствіе безпрерывныхъ междоусобій. Нѣтъ сомнѣнія также, что сначала вотчинныя права, по причинѣ неосѣдности князей, не могли получить полнаго развитія, что родственные интересы въ первое время брали верхъ надъ имущественными, что понятіе объ общей родовой собственности преобладало надъ понятіемъ объ отдѣльной собственности каждаго члена княжескаго рода. Но очевидно также, что съ самыхъ первыхъ временъ князья дѣляютъ по наслѣдству приобрѣтенную ими землю, какъ свою собственность, на томъ же основаніи, какъ они дѣлаютъ это впоследствии. Каковъ былъ способъ надѣла, каково было отношеніе отдѣльнаго владѣнія къ владѣнію родовому—это вопросы второстепенные; главное то, что земля дѣлится *по частному праву*, какъ собственность князей. А если это дѣлается съ первыхъ временъ, то мы не можемъ не видѣть основанія такому

¹⁾ Въ статьѣ «Споръ о сельской общинѣ», напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1856-й годъ.

взгляду на общественный бытъ въ первоначальномъ завоеваніи.

Таковы главные наши выводы относительно наслѣдственныхъ и вотчинныхъ правъ великихъ и удѣльныхъ князей. Теперь обратимся къ отношеніямъ князей-владѣльцевъ между собою.

До позднѣйшаго времени въ духовныхъ грамотахъ устанавливаются между наслѣдниками отношенія чисто-семейныя, родственныя. О подданствѣ, о государственномъ подчиненіи нѣтъ и помину; все ограничивается увѣщаніями, чтобы дѣти жили въ любви, въ согласіи, слушались бы матери и старшаго брата, а въ духовной Семена Ивановича, чтобы слушались митрополита и старыхъ бояръ. Последнее находится также въ завѣщаніи Донского, напечатанномъ въ Никоновскомъ сборникѣ. Изъ всѣхъ этихъ постановленій ясно, какого рода юридическія воззрѣнія господствовали въ то время: родственныя отношенія входятъ въ составъ права частнаго или гражданскаго; слѣдственно, мы здѣсь находимъ тѣ же самыя начала, которыя видѣли въ наслѣдственныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ князей.

Остановимся на этомъ выводѣ и скажемъ по этому поводу нѣсколько словъ о родовыхъ отношеніяхъ, которыя, какъ извѣстно, по мнѣнію новѣйшихъ ¹⁾ изслѣдователей, составляютъ главный отличительный признакъ историческаго развитія древней Россіи. Для нашей цѣли эти объясненія необходимы, ибо въ этомъ отношеніи мы нѣсколько уклоняемся отъ мнѣнія ученыхъ, которыхъ мы считаемъ своими учителями по русской исторіи. Намъ кажется, что

1) Писано въ 1857 году.

родовымъ отношеніямъ придано уже слишкомъ много значенія въ средневѣковой Руси. Такъ всегда бываетъ при разработкѣ новыхъ сторонъ жизни: историки устремляютъ на нихъ главное свое вниманіе и вслѣдствіе этого обыкновенно даютъ имъ слишкомъ видное мѣсто. Нельзя не согласиться, что въ древнѣйшую эпоху мы видимъ исключительное господство кровныхъ союзовъ; на это указываютъ всѣ тѣ скудныя извѣстія лѣтописца, которыя относятся къ тому времени, и всякая попытка опровергнуть эти свидѣтельства не можетъ не быть безуспѣшной. Но съ появленіемъ дружины, съ развитіемъ новыхъ жизненныхъ элементовъ, старинная кровная связь разрушается, и въ средніе вѣка родовыя отношенія, по нашему мнѣнію, далеко не имѣютъ того значенія, какое имъ придаютъ наши изслѣдователи.

Прежде всего мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что родовыя отношенія составляютъ особенность историческаго развитія нашего отечества. Первоначально и германцы и славяне жили подъ формами родового быта; въ этомъ состояніи застаетъ ихъ исторія. Впослѣдствіи у тѣхъ и у другихъ эти формы распались подъ вліяніемъ новыхъ началъ; но въ областяхъ, занятыхъ германцами, такъ же, какъ у насъ, родъ остался, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ гражданскаго общества ¹⁾.

Такимъ образомъ, если въ этомъ не трудно убѣдиться изъ нѣкоторыхъ явленій средневѣковой жизни на Западѣ, то мы не въ правѣ признавать ро-

¹⁾ Срв. выше слова К. Аксакова на стр. 25, 27 и г. Леонтовича на стр. 95 и 112.

довыя отношенія за особенность исторіи славянскихъ племенъ. Можно бы еще сказать, что у насъ родовой союзъ, вслѣдствіе нравственнаго сознанія родственнаго единства, имѣлъ болѣе крѣпости, нежели въ другихъ странахъ; но и этой особенной крѣпости мы не видимъ. Если она первоначально существовала въ большей степени, нежели у другихъ современныхъ народовъ, то съ измѣненіемъ быта, въ средніе вѣка, мы замѣчаемъ здѣсь ту же шаткость, какая господствовала во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ, ту же шаткость, какая была и на Западѣ, прежде нежели утвердились феодальные союзы, основанные на постоянной осѣдлости и на наследственности отношеній. Тамъ новыя начала гражданского общества и завѣщанный римлянами юридическій тактъ скрѣпили и упрочили прежніе кровные элементы; у насъ же гражданственность была гораздо менѣе развита, и родовыя отношенія, предоставленныя естественному ходу, сталкиваясь съ другими элементами, представляютъ удивительную неопредѣленность. Только подъ вліяніемъ возникшаго государства, въ мѣстническихъ счетахъ, они получили болѣе правомѣрный¹⁾ характеръ; прежде же того, сознаніе родства и соблюденіе родственныхъ правъ и обязанностей было до крайности шатко. Главный родъ, который у насъ въ продолженіе исторіи всегда остается на виду, есть родъ княжескій. Но какое зрѣлище представляетъ онъ намъ? Замѣчаемъ ли мы въ немъ крѣпость родственнаго союза? Напротивъ, исторія его открывается нѣсколькими братоубійствами, за которыми слѣдуетъ

1) Срв. выше на стр. 116, 45, 46 и 53; ниже на стр. 216.

безпрерывный рядъ междуособій. Если въ родѣ устанавливается иногда что-то похожее на единство, то это дѣлается благодаря сильному князю, который личнымъ своимъ могуществомъ умѣетъ сдержать остальныхъ. Много толкуютъ князья о родственной любви, о родственныхъ отношеніяхъ; но этимъ выражается только желаніе, надежда на братское согласіе, которое въ дѣйствительности не существуетъ. У каждаго князя на первомъ планѣ стоитъ личный его интересъ; достаточно припомнить Олега Святославича, Всеволода Ольговича, Владимирка Галицкаго и другихъ. И чѣмъ далѣе подвигается исторія, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ сознаніе родственнаго союза. Поэтому и отношенія князей опредѣляются не столько правилами родства, сколько добровольнымъ, большею частью временнымъ ихъ согласіемъ, договорами. Договорное начало, то-есть элементъ личности¹⁾, едва ли не занимаетъ большаго мѣста даже внутри одного княжескаго рода, нежели отношенія родовыя. Такія соглашенія князей мы видимъ съ самаго начала удѣльнаго періода; отъ позднѣйшаго времени, отъ московскаго періода, до насъ дошли и подлинныя памятники. Къ нимъ-то мы теперь обращаемся.

Прежде всего остановимся на формѣ. Что такое договоръ? Это юридическое отношеніе между двумя лицами, выражающими свою волю относительно какого-нибудь взаимнаго обязательства. Отсюда ясно, что договоромъ могутъ опредѣляться только такія отношенія, въ которыхъ оба лица не находятся въ зависимости другъ отъ друга. Договоры

¹⁾ Срв. выше слова Кавелина на стр. 191.

могутъ быть между различными государствами, между гражданами одного и того же государства, между казною и частными лицами, ибо даже въ послѣднемъ случаѣ каждая сторона имѣетъ свое отдѣльное, независимое отъ другого имущество. Но сынъ не можетъ опредѣлить договоромъ своихъ сыновнихъ отношеній къ отцу, ибо въ такомъ случаѣ отношенія его станутъ уже не сыновними, а договорными; они будутъ имѣть корень не въ родственномъ союзѣ, а въ свободной волѣ лица. Точно такъ же и рабъ не можетъ вступать въ обязательства съ своимъ господиномъ; договоръ между ними можетъ существовать, или когда рабъ еще свободенъ, или когда онъ перестаетъ быть рабомъ. Наконецъ, и отношенія правительства къ подданному не могутъ опредѣляться договорами. Каждый членъ общества подчиняется верховной общественной волѣ не на основаніи личныхъ условій или частнаго обязательства, а на основаніи общихъ законовъ, которые опредѣляютъ его положеніе, какъ подданнаго или гражданина. Договоръ есть форма не государственнаго права, а гражданскаго или международнаго, ибо въ послѣднемъ государства разсматриваются какъ свободныя, независимыя другъ отъ друга нравственныя лица. Поэтому, если мы видимъ, что отношенія удѣльныхъ князей къ великому опредѣляются договорами, то мы уже изъ этого обстоятельства въ правѣ заключить, что великій князь—не государь, а удѣльные не подданные. Это свободныя лица, соединенныя довольно шаткою родственною связью и вступающія въ добровольныя взаимныя обязательства.

Изучая существо этихъ обязательствъ, Б. Чичеринъ перечисляетъ прежде всего *общія выраженія* для нихъ: оказывается, что изъ всѣхъ общихъ выраженій, которыми въ договорныхъ грамотахъ обозначаются отношенія князей между собою, нѣтъ ни одного, которое бы указывало на отношенія государственныя. Вездѣ мы видимъ степени родства, большій или меньшій почетъ, личный перевѣсъ одного князя надъ другимъ, но отнюдь не видимъ государственнаго подданства, подчиненія членовъ общества единой верховной власти. Изъ пониженія чести младшихъ князей передъ старшимъ, изъ попытокъ замѣнить служебнымъ подчиненіемъ отношенія чисто-родственныя, разовьется впоследствии государство; сильный покоритъ себѣ всѣхъ слабѣйшихъ, создастъ единое общественное тѣло и станетъ его главою. Но пока еще тѣло не сложилось, отношенія князей являются личными, гражданскими.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ и разборъ *отдѣльныхъ условій* договорныхъ грамотъ относительно внутренняго управленія удѣловъ и вышнихъ сношеній. Что касается внутренняго управленія удѣловъ, то въ главныхъ городахъ мы видимъ странную смѣсь общаго владѣнія и раздѣльнаго, съ большимъ или меньшимъ перевѣсомъ одного князя надъ другимъ; въ удѣлахъ же князья являются совершенно независимыми владѣльцами своихъ вотчинъ. Только Иванъ III въ своемъ завѣщаніи постановилъ ограниченія власти удѣльныхъ князей, которыя показываютъ уже государственныя стремленія: онъ запретилъ младшимъ сыновьямъ самимъ чеканить монету и отдавать денежное дѣло на откупъ. Но это позднѣйшее ограниченіе, и ясно, какъ день, что не можетъ быть

рѣчи о государственномъ подчиненіи удѣльныхъ князей великому. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли вообразить, чтобы верховная власть отказалась отъ всякаго вліянія на владѣнія подданнаго, чтобы она обязалась ни подъ какимъ видомъ не высылать туда своихъ чиновниковъ, не покупать тамъ земель, не держать закладчиковъ, не судить, не обирать податей? И замѣтите, это даже не льгота, а обоюдное обязательство на совершенно равныхъ правахъ. Наконецъ, въ этихъ ограниченіяхъ права, которыя по существу своему имѣютъ характеръ общественный, и права совершенно частныя находятся въ полномъ безразличіи: рядомъ съ обязательствомъ не высылать даянчиковъ и приставовъ находится запрещеніе покупать земли и держать закладчиковъ, при чемъ условіе о земляхъ распространяется и на бояръ. Послѣдняго рода вторженія въ чужую область считались даже опаснѣе первыхъ; ибо условія насчетъ ихъ повторяются въ большемъ числѣ грамотъ, даже въ договорахъ между князьями, совершенно независимыми другъ отъ друга, каковы были тверскіе и московскіе. Каждый князь старался расширить свою власть не столько государственными притязаніями, сколько частными приобрѣтеніями, почему первымъ дѣломъ при занятіи чужой области было закупить или набрать земель и закабалить за себя какъ можно больше людей. Противъ такихъ-то частныхъ способовъ приобрѣтенія старались оградить себя другіе князья, которые хотѣли остаться полными хозяевами своихъ имѣній.

Но если такимъ образомъ князья были совершенно независимы другъ отъ друга въ своихъ вла-

дѣнiahъ, то какія же между ними существовали обязательства?

Характеръ всѣхъ этихъ условий внѣшнихъ сношеній князей очень ясенъ. Когда державы заключаютъ между собою союзъ, вниманіе устремляется преимущественно на вопросы, существенные для государства: опредѣляется количество и родъ помощи, случаи, въ которыхъ она должна оказываться и т. п. Здѣсь же все это вопросы второстепенные; на первомъ планѣ стоитъ опредѣленіе личныхъ отношеній между князьями, ихъ *мѣстническихъ* расчетовъ. Въ какихъ случаяхъ князь долженъ сѣсть на коня самъ, когда онъ долженъ послать брата, сына, племянника, воеводу — все это становится предметомъ заботливаго попеченія, ибо въ этомъ выражается большее или меньшее личное превосходство одного князя надъ другимъ. Такъ дядя не соглашается итти безъ ослушанія по приказанію племянника; двоюродный же братъ можетъ принять на себя подобное обязательство. И здѣсь, впрочемъ, родственныя отношенія не опредѣляютъ исключительно положенія членовъ въ союзѣ. Такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ, мѣсто зависитъ столько же отъ личнаго могущества того или другого князя, сколько отъ степени, которую онъ занимаетъ въ родственной лѣстницѣ.

Если бъ мы захотѣли подвести отношенія князей-вотчинниковъ подъ одну изъ категорій, существующихъ въ настоящее время, то мы поставили бы себя въ затруднительное положеніе. Это не государственныя отношенія, ибо мы не видимъ здѣсь верховной власти и подданныхъ; каждый князь дѣйствуетъ какъ полный, самостоятельный хозяинъ своей вот-

чины, и союзныя отношенія имѣютъ мѣсто только относительно внѣшнихъ друзей и враговъ. Это не союзъ государствъ, ибо въ послѣдней формѣ общественнаго устройства существуютъ постоянныя общія положенія, обязательныя для всѣхъ и опредѣляющія дѣйствія союза, какъ единого цѣлаго; здѣсь же мы видимъ договоры чисто-личныя, непрерывно измѣняющіеся вслѣдствіе личныхъ отношеній отдѣльныхъ князей между собою. Наконецъ, мы не можемъ приложить здѣсь даже понятія объ отношеніяхъ международныхъ; удѣльный князь относится къ великому не только какъ самостоятельный владѣлецъ къ самостоятельному владѣльцу, но и какъ родственникъ. Будучи сыновьями одного отца или внуками одного дѣда, они черезъ это самое находятся уже въ извѣстныхъ отношеніяхъ, которыя входятъ, какъ опредѣляющій элементъ, и въ установленіе ихъ союзныхъ обязательствъ. Различныя великіе князья точно такъ же входятъ между собою въ извѣстныя отношенія родства. Физическое или родовое старшинство лица опредѣляетъ и его отношенія къ другимъ; съ измѣненіемъ родственныхъ отношеній измѣняются и союзныя обязательства. Наконецъ, международныя отношенія, по нынѣшнимъ понятіямъ, предполагаютъ общія нормы права, которыя вырабатываются изъ взаимнаго общенія государствъ; между отдѣльными державами устанавливаются отношенія болѣе или менѣе прочныя, и договоръ считается постояннымъ обязательствомъ, которое не имѣетъ нужды въ непрерывномъ возобновленіи. Въ древней же Россіи мы видимъ хаотическій беспорядокъ, въ которомъ всѣ отношенія опредѣляются случайнымъ положеніемъ и столкновениями князей.

Дѣло въ томъ, что всѣ эти новыя понятія предполагаютъ существованіе государства, а потому неприложимы къ такому быту, въ которомъ сознаніе о государствѣ еще не развилось. Намъ не для чего и прилагать ихъ: мы должны ограничиться выводомъ изъ фактовъ тѣхъ отношеній, которыя господствовали въ то время. Отношенія эти были родственныя, имущественныя, договорныя, наслѣдственныя, то-есть чисто гражданскія, вращающіяся въ области *частнаго* права. Одинъ князь могъ быть старше, сильнѣе другого, и чрезъ это получалъ перевѣсъ надъ послѣднимъ; но всѣ эти преимущества входятъ въ разрядъ того же юридическаго воззрѣнія, которое опредѣляло основныя начала жизни и при разнообразіи столкновеній могло проявляться въ весьма различныхъ формахъ.

Развитіе гражданского права въ древней Россіи имѣетъ свою исторію. Періодъ, предшествующій той эпохѣ (XIV—XV вв.), которую мы теперь рассматриваемъ, отличался нѣсколько отъ послѣдней. Въ то время, особенно въ юго-западной Россіи, сознаніе родства было сильнѣе между князьями; каждый изъ нихъ, какъ потомокъ общаго прародителя, получалъ долю въ общемъ наслѣдствѣ и становился такимъ образомъ на ряду со всѣми другими. Князья еще не успѣли прочно усѣсться на мѣстѣ, мало дорожили своими владѣніями и обращали главное вниманіе на ступень, которую они занимали въ родственномъ союзѣ. Впослѣдствіи сознаніе родства¹⁾ стало болѣе и болѣе пропадать: линіи разошлись такъ далеко, что не имѣли уже почти ничего общаго между со-

¹⁾ Срв. выше на стр. 16, 79, 89, 97 и 191—192.

бою. Даже близкіе родственники стали мало уважать родственныя отношенія. *Имущественные* интересы выступили на первый планъ; каждый князь сталъ стремиться къ тому, чтобы усилить себя на счетъ другихъ, ибо для всѣхъ сдѣлалось очевиднымъ, что самый почетъ пріобрѣтался не столько положеніемъ на родственной лѣстницѣ, сколько силою, а сила зависѣла отъ количества владѣній ¹⁾).

Такимъ образомъ русская земля, собранная первыми князьями и, несмотря на раздѣльность владѣній, считавшаяся общимъ достояніемъ рода, разбилась на множество мелкихъ княжествъ, которыхъ владѣльцы имѣли въ виду каждый только собственный свой инте-

¹⁾ Изучая моментъ 1132—1169 гг., К. Кавелинъ («Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина», т. I, стр. 347) говоритъ, что въ это время «рядомъ съ родовыми, кровными интересами развивались и другіе, *владѣльческіе*, которые впоследствии мало-по-малу вытѣснили всѣ другіе». «Мы,—оговаривается затѣмъ Кавелинъ,—позволимъ себѣ даже пойти далѣе и утверждать, въ противность мнѣнію Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать, сдерживались, и потому-то борьба за старшинство, которою авторъ характеризуетъ между-княжескія отношенія въ эту эпоху,—не что иное, какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которое князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ». Эти «въ сѣверо-восточной Руси владѣльческіе интересы князей,—говоритъ Кавелинъ нѣсколько дальше въ томъ же разборѣ докторской диссертациі Соловьева (I, 370),—сначала робко высказывавшіеся подъ родовыми формами, наконецъ, выступили на первый планъ и измѣнили нашъ политическій бытъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самый характеръ между-княжескихъ отношеній». Соловьевъ не оставилъ этихъ замѣчаній безъ отвѣта: «Отвѣчаемъ,—писалъ онъ (по изд. «Общественная Польза», I, стр. 656),—историку нѣтъ дѣла до владѣльческихъ интересовъ, отрѣшенно взятыхъ; ему дѣло только

ресъ, враждебный другимъ. Это былъ порядокъ вещей самый противоположный государственному, какой только можно вообразить. Но онъ-то и повелъ къ установленію государства. Чтобы остаться цѣлымъ и невредимымъ, чтобы сохранить свое мѣсто, каждый князь долженъ былъ необходимо стремиться къ умноженію своей силы, къ увеличенію своихъ владѣній. Отсюда стараніе подчинить себѣ все окружающее,—стараніе, въ которомъ скрывался зародышъ будущаго государственнаго подданства, но которое находило себѣ значительное препятствіе въ *господствѣ частнаго права*. Какъ скоро одинъ князь усиливался на счетъ другихъ, онъ, какъ частный владѣлецъ, снова дѣлилъ свое владѣніе между дѣтьми, и снова могущество исчезало, сила раздроблялась, положеніе дѣлалось непрочнымъ. Князья начали понимать, что значеніе и могущество иначе нельзя сохранить, какъ усиливъ одного наследника на счетъ другихъ. Но какъ скоро одинъ получилъ несравненно большую силу, нежели прочіе, онъ естественно сталъ покорять себѣ слабѣйшихъ, чтобы

до того, какъ выражались эти владѣльческіе интересы, какъ владѣютъ князья, что даетъ имъ возможность владѣть тѣми или другими волостями, какъ эта возможность опредѣляется ими самими и цѣлымъ современнымъ обществомъ, потому что только эти опредѣленія характеризуютъ извѣстный вѣкъ, извѣстное общество, а эта-то характеристика прежде всего и нужна для историка». Соловьевъ нападаетъ, такимъ образомъ, на отвлеченность юридическаго построенія Кавелина, явно пронизывающую и построенія Чичеряна. Форма и выраженія часто живутъ гораздо дольше конкретныхъ явленій; дѣйствительность можетъ быть уже совершенно иной по существу, а эта переиѣна по внѣшности все еще маскируется отжившей, но не исчезнувшей терминологіей.

Ред.

тѣмъ положить предѣлъ всякому сопротивленію. Этимъ путемъ начали собираться раздробленныя массы, и создалось, наконецъ, единое тѣло, съ единымъ главою, который, сдѣлавшись единодержавцемъ, мало-по-малу снялъ съ себя прежній типъ вотчинника и сталъ сознавать себя государемъ. Такимъ образомъ, крайнее развитіе личнаго начала ¹⁾ повело къ водворенію начала совершенно противоположнаго—начала государственнаго. Это діалектичeskій процессъ историческихъ явленій, который мы здѣсь не выводимъ а priori, а наблюдаемъ на дѣлѣ. Внутреннее противорѣчіе одной жизненной формы ведетъ къ установленію новой, высшей формы; частности, распадаясь врозь, необходимо вступаютъ между собою въ столкновение, въ борьбу, и эта анархическая ихъ дѣятельность становится причиною возникновенія общаго порядка, который всѣ частности сдерживаетъ въ своемъ единствѣ.

Подробное разсмотрѣніе главныхъ памятниковъ, которые намъ оставила древняя Русь о своей общественной жизни, — разборъ по очереди отдѣльныхъ юридическихъ сферъ, о которыхъ имѣются въ нихъ свидѣтельства, приводятъ Б. Чичерина къ рѣзкому выраженію взгляда о полномъ господствѣ въ древнѣйшей Руси началъ *частнаго права*. Нужно ли послѣ этого, — говоритъ онъ (стр. 365), — спрашивать, какая форма общественнаго союза существовала въ то время — гражданское общество или государство? Это до такой степени очевидно, что трудно предположить какое-нибудь сомнѣніе. Форма

¹⁾ Срв. выше на стр. 191 замѣчанія Кавелина.

гражданскаго общества въ извѣстную эпоху была общимъ достояніемъ всѣхъ новыхъ народовъ; въ средніе вѣка мы видимъ ее на Западѣ точно такъ же, какъ у насъ.

Гражданское общество составляетъ вторую ступень въ историческомъ развитіи нашего отечества. Въ первую эпоху, на зарѣ исторіи, мы видимъ союзъ кровный; затѣмъ является союзъ гражданскій, наконецъ, союзъ государственный ¹⁾. Первый составляетъ первоначальное, естественное проявленіе ²⁾ человѣческаго общества. Человѣкъ—существо общежительное; внѣ общества онъ никогда не жилъ и не можетъ жить. Но это стремленіе къ общественности выражается въ немъ сначала безсознательнымъ образомъ; оно лежитъ въ немъ, какъ естественное опредѣленіе его природы, и проявляется въ союзѣ, данномъ самою природою. Это союзъ кровный, происшедшій изъ нарастанія семьи. Люди связаны здѣсь сознаниемъ объ единствѣ происхожденія; личности еще не выдѣлились и составляютъ массу, имѣющую одни нравы, одно нарѣчіе, одни вѣрованія, и расчленяющуюся внутри себя по естественнымъ, фізіологическимъ опредѣленіямъ: семья, родъ, колѣно, племя. Этотъ первоначальный союзъ имѣетъ пѣлую исторію, проходитъ черезъ множество видоизмѣненій, отъ блуждающихъ разсѣянныхъ родовъ и семействъ до высокоразвитыхъ государствъ, гдѣ различные кровные союзы представляются, какъ формы общежитія, которыя могутъ допускать въ

1) Срв. выше на стр. 96 и на стр. 193; у К. Аксакова — стр. 27—родъ, семья (община), государство.

2) См. на стр. 174.

себѣ разнообразныя элементы. Определить въ точности, какой изъ этихъ видовъ кровнаго союза господствовалъ въ известномъ народѣ, — въ этомъ состоитъ задача изслѣдователей; успѣшное ея разрѣшеніе зависитъ отъ достаточнаго количества сохранившихся источниковъ. При скудости извѣстій, сообщаемыхъ нашимъ лѣтописцемъ, мы должны сказать только, что у насъ, какъ и вездѣ, существовалъ союзъ кровный, и что преобладающею его формою была особенность родового быта.

Этотъ союзъ, основанный на сознаниіи естественнаго происхожденія, долженъ, однако, распасться при болѣе или менѣе частыхъ столкновеніяхъ съ другими народами, при вторженіи чужестранныхъ элементовъ, которые достаточно крѣпки, чтобы не поддаться силѣ кровнаго быта, наконецъ, при развитіи человѣческой личности. Такое разложеніе совершилось у насъ съ появленіемъ варяжской дружины, основанной на договорѣ лицъ свободныхъ ¹⁾). Прине-

¹⁾ Срв. выше на стр. 207—208 замѣчаніе Чаичерина, что «отчинныя права князей коренились въ *завоеваніи*». Соловьевъ наставляетъ на *призваніи*. В. Ключевскій пытается усмотрѣть въ фактѣ преданія два момента: наемный договоръ съ иноземцами о внѣшней оборонѣ и насильственный захватъ власти надъ туземцами («Курсъ русской исторіи», часть I, стр. 166 по изд. 1904 г.). Всѣ упомянутые авторы, а равно Кавелинъ и Погодинъ, видятъ въ варягахъ чужестранный элементъ. Иначе осмотрятъ на вопросъ И. Е. Забѣлинъ, по мнѣнію котораго «основная истина ученія о славянствѣ Руси настолько вѣрна въ самой себѣ, что безъ малѣйшихъ противорѣчій способна объяснить всякое историческое дѣло нашей древности; основная истина славянскаго ученія заключается въ томъ, что Русь старобытна на своемъ мѣстѣ, и народомъ и самымъ именемъ»... «исторія мнѣній о норманствѣ Руси въ сущности изображаетъ только отрицающее созерцаніе нашей образо-

сенные ея элементы, смѣшавшись съ прежними, образовали порядокъ вещей, совершенно отличный отъ предыдущаго. Общественное единство, которое коренилось въ сознаниі кровной связи, рушилось; личности, не сдержанныя болѣе въ своихъ стремленіяхъ тяготѣніемъ общаго, господствующаго обычая, предалися частнымъ своимъ интересамъ; отношенія родственныя, договорныя, имущественныя, — однимъ словомъ, частное право, сдѣлались основаніемъ всего быта, точкою зрѣнія, съ которой люди смотрѣли на всѣ общественныя явленія. Такъ произошелъ союзъ гражданскій, образовавшійся изъ столкновеній и отношеній личностей, вращающихся въ своей частной сферѣ. Общественною связью служило либо имущественное начало — вотчинное право землевладѣльца, либо свободный договоръ, либо личное порабощеніе одного лица другимъ. Общественныя

ванности о собственной ея русской исторіи». Разматривая мысль о норманствѣ Руси, какъ результатъ «непреодолимаго общаго потока общественныхъ воззрѣній», Забѣлявъ признаетъ, что «варяги нашей первоначальной дѣтописи въ собственномъ смыслѣ суть балтійскіе славяне, жившіе между Вислою и Травою по всему южному берегу Балтійскаго моря», и что «отъ новгородскаго сѣвера и до черноморскаго и каспійскаго юга, какъ и на западъ отъ Урала и до границы Германіи, наша равнина отъ глубокой древности (первые вѣка до Р. Х. и по Р. Х.) была заселена гдѣ густо, гдѣ рѣдко славянскимъ племенемъ, скрываемымъ для исторіи многими чуждыми именами» («Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ» по 2 изд., стр. 124, 127, 193, 486—487). Такимъ, образомъ скифы, сарматы, роксоланы, гуны и пр. — все это славяне! Въ настоящее время методологическая элементарность и отсутствіе разносторонней эрудиціи у Забѣляна представляются особенно рѣзкими, несмотря на всю патріархальную красоту его книги. *Ред.*

единицы то слагались, то разлагались снова, по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ, напирьмъ, по большему или меньшему числу княжескихъ дѣтей. Въ обществѣ появились сословные элементы, происшедшіе отъ наслѣдственности занятій и наслѣдственности чести. Вслѣдствіе господства силы, образовалось между людьми безконечное неравенство. Положеніе человѣка опредѣлялось не заслугами, которыя онъ оказалъ обществу, а частными, случайными, даже виѣшними его преимуществами. Война сдѣлалась главною цѣлью владычествующихъ слоевъ общества, а внутреннее управленіе превратилось въ аренду для накормленія знатныхъ воиновъ. Однимъ словомъ, личность во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности лежали въ основаніи всего общественнаго быта и должны были вести къ господству силы, къ неравенству, къ междоусобіямъ, къ анархіи, которая подрывала самое существованіе союза и дѣлала необходимымъ установленіе новаго высшаго союза — государства. Только въ государствѣ можетъ развиваться и разумная свобода и нравственная личность; предоставленныя же самимъ себѣ, безъ высшей, сдерживающей власти, оба эти начала разрушаютъ сами себя. Необузданная свобода ведетъ къ порабощенію слабаго сильнымъ; личность, выражающаяся въ преимуществахъ чисто-индивидуальныхъ, ведетъ къ уничтоженію внутренняго достоинства человѣка. Таковъ діалектическій процессъ ¹⁾ различныхъ общественныхъ элементовъ.

¹⁾ Срв. выше на стр. 221.

Государство есть высшая форма общежитія, высшее проявленіе народности въ общественной сферѣ. Въ немъ неопредѣленная народность, которая выражается преимущественно въ единствѣ языка ¹⁾, собирается въ единое тѣло, получаетъ единое отечество, становится народомъ. Въ немъ верховная власть служить представительницею высшей воли общественной, каковъ бы, впрочемъ, ни былъ образъ правленія — наслѣдственная ли монархія, народное ли представительство, или то и другое вмѣстѣ. Эта общественная воля подчиняетъ себѣ воли частныя и устанавливаетъ такимъ образомъ твердый порядокъ въ обществѣ. Ограждая слабого отъ сильнаго, она даетъ возможность развиться разумной свободѣ; уничтожая всѣ преимущества случайныя, не имѣющія для общества никакого вѣса, она производитъ уравненіе между людьми; оцѣняя единственно заслуги, оказанныя обществу, она возвышаетъ внутреннее достоинство человѣка; заставляя всѣхъ подданныхъ удѣлять часть своихъ средствъ для общественной пользы, она содѣйствуетъ осуществленію

1) Народность, съ точки зрѣнія Б. Чичерина (стр. 369), отнюдь не «выражается въ единствѣ вѣрованій, ибо это противорѣчиво бы всѣмъ существующимъ фактамъ». Христіанство по самой своей природѣ есть религія общечеловѣческая, возвыщавшаяся для всѣхъ народовъ; народность является принадлежностью лишь языческихъ религій; говорить же о воззрѣніи христіанскомъ, какъ о воззрѣніи народномъ, нельзя. Срв. выше на стр. 87 замѣчаніе А. Никитскаго. Черты давно отжившаго гегельянскаго идеализма, апоэозъ государства, антиисторическое представленіе христіанства звучатъ у Чичерина такъ выразительно, что едва ли надо рѣзко подчеркивать устарѣлость приведенныхъ разсужденій.

тѣхъ разнообразныхъ человѣческихъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты только въ обществѣ, при взаимной помощи, и для которыхъ существуютъ гражданскіе союзы. Человѣкъ перестаетъ быть вольною птицею, которая несется туда и сюда, случайно останавливаясь тамъ, гдѣ находитъ болѣе пищи; онъ перестаетъ смотрѣть на свою личность, какъ на единственную цѣль своихъ стремленій, противоположную и часто враждебную другимъ. Онъ примыкаетъ къ прочному порядку, становится звеномъ общей цѣпи, дѣятелемъ общаго дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, что при такомъ только общеніи, пожертвовавъ необузданною свободою, трудясь на пользу другихъ, онъ можетъ достигнуть и полнаго развитія личныхъ своихъ интересовъ¹⁾.

¹⁾ Для болѣе отчетливаго усвоенія и критическаго отношенія къ теоріи Б. Чичерина необходимо знакомство съ современными воззрѣніями на государство, для чего рекомендуемъ ознакомиться съ введеніемъ къ книгѣ проф. Н. М. Коркунова *Русское государственное право*. Т. I. (2-е изданіе, Спб. 1893) и съ имѣющеюся въ рускомъ переводѣ книгой: Еллинекъ *Право современнаго государства*. Ред.

IX. ЗЕМСКАЯ ТЕОРИЯ.

(Н. И. Костомаровъ. «Начало единой державы въ древней Руси».)

Въ наукѣ¹⁾ существовало и частью до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что развитіе монархическаго принципа слѣдуетъ видѣть во всемъ ходѣ русской исторіи, съ водворенія княжескаго варяжскаго рода, или такъ называемаго основанія русскаго государства. Выводили монархію изъ того родового быта, въ которомъ пребывали славяне въ незапамятныя времена, такъ что послѣдующая эпоха царскаго самодержавія представлялась естественнымъ продолженіемъ того, что возрастало послѣдовательно и непрерывно многіе вѣка, и весь смыслъ нашей политической исторіи, главнымъ образомъ, заключается въ постепенномъ построеніи единой державнаго государства. Такой взглядъ, съ видоизмѣненіями въ подробностяхъ, высказывали многіе дѣятели русской исторической науки и, сообразно такому взгляду,

¹⁾ Предлагаемое изложеніе заимствовано изъ статьи, первоначально появившейся въ *Вѣстникъ Европы* за 1870-й годъ и перепечатанной въ XII томѣ «*Историческихъ монографій и изслѣдованій*» (Спб. 1872) Костомарова. См. на стр. 59 — 60 замѣчаніе А. Никитскаго.

они не признавали за татарскимъ завоеваніемъ ¹⁾ ничего важнаго, ничего такого, что бы измѣнило нашъ общественный бытъ и наши понятія объ устройствѣ государственнаго тѣла. Татарское завоеваніе, по ихъ мнѣнію, отразилось только разореніями и народными бѣдствіями; но и безъ татарскаго завоеванія на Руси вышло бы то же самое, что вышло путемъ непрерывнаго развитія на непреложномъ основанія историческихъ законовъ.

Въ древнія доисторическія времена славяно-русскій народъ разбивался на народцы: каждый имѣлъ свое особое названіе, свои обычаи, свою исторію и свою генеалогію; послѣднее показывается лѣтописцемъ о радимичахъ и вятичахъ, производившихъ себя отъ родоначальниковъ Радима и Вятка; мы думаемъ, что и вообще названіе народа на «ичи», вѣроятно, означало происхожденіе ²⁾ отъ родоначальника. По словамъ нашего стараго лѣтописца, каждый изъ этихъ народцевъ отличался «своимъ нравомъ и обычаемъ»; («имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ», Лаврент., 12); несогласно жили они между собой, напротивъ, вели междоусобныя войны, какъ показываетъ вражда,

¹⁾ Срв. выше на стр. 111 замѣчаніе Θ. Леонтовича и на стр. 149 слова Соловьева. Еще Кавелинъ отмѣтилъ односторонность взгляда Соловьева на роль монгольскаго владычества въ древней Россіи («Сочиненія» II, 478—479): «начала, развиваемыя древней Русью, не были нисколько измѣнены татарскимъ владычествомъ; но нельзя отрицать, что оно очень неблагоприятно подѣйствовало на характеръ и духъ народа. Историческое повѣрье, приписывающее татарамъ столько дурного въ насъ, имѣетъ основаніе, которымъ нельзя пренебрегать». Срв. выше на стр. 177.

²⁾ Срв. выше стр. 64, 65 и 76.

существовавшая между полянами и древлянами. Такая рознь славянскихъ племенъ, жившихъ на русскомъ материкѣ, не изгладила, однако, между ними сознанія общаго для всѣхъ племенного единства, и оттого-то они всѣ легко усвоили названіе русскихъ.

Если нѣсколько народцевъ могли додуматься до взаимнаго избранія единой власти надъ собою, а другіе болѣе или менѣе легко усвоивали объединяющее начало, то это одно показываетъ, что, при разности обычаевъ и нравовъ, между славяно-русскими народами было сознаніе ихъ связи, склонявшее всѣхъ къ единенію. При такой наклонности къ единству, вмѣстѣ съ существованіемъ собственныхъ нравовъ и обычаевъ въ каждомъ народцѣ отдѣльно, зародышъ федераціи лежалъ въ первобытномъ строѣ общественнаго быта. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ о тѣхъ первоначальныхъ признакахъ, которые какъ ростки указываютъ на будущее растеніе, а не воображаемъ себѣ существованія какихъ-либо формъ общественной связи, способныхъ быть численными къ видамъ федераціи.

Каждый изъ народцевъ составлялъ уже до нѣкоторой степени политическую единицу подъ названіемъ «земли». Слово это, въ полномъ его значеніи, мы встрѣчаемъ при описаніи покоренія древлянъ Ольгою. Послы, прибывшіе въ Кіевъ сватать Ольгу за князя своего Мала, объявляли ей, что ихъ послала вся деревская земля. Такимъ образомъ видно, что понятіе о землѣ, какъ о политической единицѣ, совмѣщавшей въ себѣ самовластіе народа,—понятіе, которое мы встрѣчаемъ развитымъ и укорененнымъ въ болѣе позднія времена, существовало и въ отдаленныя эпохи. Гдѣ была земля, тамъ необходимо

должно было быть и собраніе «земли», иначе безъ этого собранія деревская земля не могла бы послать отъ себя пословъ; слѣдовательно, тогда уже были вѣча, — слово, означающее совѣщательное собраніе земли. Кромѣ вѣча, у земли были и начальники—князья. Впослѣдствіи мы ясно видимъ, что гдѣ была земля, тамъ было и княженіе, а иногда и нѣсколько княженій; то же было и въ болѣе отдаленное время; изъ нашего же стараго лѣтописца мы узнаемъ, что еще до прибытія варяговъ у cadaго изъ народцевъ было, кромѣ своей земли, еще и свое княженіе: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе в Поляхъ, а в Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Подотѣ, иже Полочане». Здѣсь княженіе совпадало съ землею. Какого роду были эти князья—мы не знаемъ; были ли то родоначальники, дѣлавшіеся князьями по рожденію и по праву родового старѣйшинства, или же то были князья, выбранные на совѣщаніи земли, — лѣтописцы объ этомъ молчатъ. Едва ли есть какіе-нибудь положительные признаки, по которымъ можно заключить такъ или иначе. Мы также не знаемъ, куда дѣлись эти князья съ ихъ родами, послѣ прибытія варяговъ съ ихъ родомъ, и какъ они исчезли. Несомнѣнно только то, что съ половины IX вѣка другой родъ, призванный извнѣ (если только на слово вѣрить лѣтописнымъ сказаніямъ), начинаетъ замѣнять прежнихъ князей ¹⁾ славяно-русскаго материка. Подробности, съ какими совершалась эта замѣна у русско-славянскихъ племенъ, отъ исторіи ускользнули, кромѣ деревской земли.

¹⁾ Срв. выше примѣчаніе на стр. 223.

Древнія понятія объ автономіи земель и ихъ самоуправленіи продолжали существовать, не вытѣсняемыя новыми элементами—варяжскими князьями и византійскимъ христіанствомъ. Случилось только такое измѣненіе: старинныя наименованія этнографическаго свойства—древлянъ, сѣверянъ, радимичей, кривичей и т. п., стали замѣняться названіями по главнымъ городамъ земель. Стали говорить: земля полоцкая, земля смоленская, земля русская (кіевская), земля черниговская, земля рязанская, земля суздальская, земля новгородская и т. д.

Перемѣна эта произошла, вѣроятно, во-первыхъ, вслѣдствіе усилившейся тяги къ городамъ, гдѣ при власти кіевскихъ князей былъ центръ собиранія дани; во-вторыхъ, оттого, что этнографическія наименованія не сходились въ точности съ понятіями о землѣ, и одна и та же народная вѣтвь могла разбиваться на нѣсколько земель: такъ, еще въ глубокой древности, при Рюрикѣ и Олегѣ, кривичи были и въ Полоцкѣ и въ Смоленскѣ, но составляли два различныхъ центра и, слѣдовательно, двѣ разныя земли.

Подъ главнымъ городомъ состояли другіе города, иначе пригороды, которые, смотря по благоприятнымъ обстоятельствамъ, иногда возвышались болѣе другихъ, и къ нимъ тянула ихъ собственная территория, носившая также названіе земли по имени своего города: такъ, въ землѣ рязанской была земля пронская, въ землѣ полоцкой земля витебская; иногда такія возникшія земли со своими городами продолжали пребывать частями общей земли, иногда стремились къ выдѣленію и обособленію. Гдѣ городъ, тамъ земля; гдѣ земля, тамъ городъ. *Земля—*

то была совокупность населенія, связаннаго сознаниемъ своего ближайшаго пункта единенія, что не препятствовало этому населенію сознавать свое единство, болѣе далекое, съ другими землями. Земля была община, имѣвшая средоточіе въ городѣ, а, при размноженіи князей, и своего князя въ томъ городѣ. Автономія земли выражалась часто повторяемыми въ нашихъ лѣтописяхъ фразами: «сошлась вся земля, двинулась вся земля». При понятіи о землѣ существовали понятія о *волости* и *княженіи*. Волость не то, что земля, и не то, что княженіе, хотя эти понятія нерѣдко совпадали одно съ другимъ. Волостью называлась совокупность территорій, состоящихъ подъ единою властью, будь эта власть городъ или князь. Это мы ясно видимъ изъ договоровъ Новгорода съ князьями, гдѣ пересчитываются новгородскія волости, т.-е. территоріи, принадлежащія Великому Новгороду: Вологда, Югра, Терскій берегъ, Пермь, Двина, Волокъ-Ламскій; всѣ онѣ отличаются отъ собственно новгородской земли, которая впоследствии является разбитою на пятинны и въ эпоху независимости Великаго Новгорода въ его договорныхъ грамотахъ никогда не поминается въ числѣ волостей. Точно такъ же Кіевъ владѣлъ доревскою или древлянскою землею, то была его волость, но не земля; у Кіева была своя земля, которой средоточіемъ или выраженіемъ служилъ онъ самъ. Въ томъ же смыслѣ понятіе о волости, прилагаясь къ князьямъ, различалось отъ понятія о землѣ. По раздѣленіи Руси между сыновьями Ярослава I, сынъ его Всеволодъ получилъ Переяславль близъ Кіева и суздальскую землю; Переяславль и Суздаль составляли одну волость по отношенію къ

князю, но не составляли одной земли. Часто волость и земля совпадали между собою, такъ что одна и та же территория была въ одномъ объемѣ и волостью и землею. Но волостью она была по принадлежности или подчиненію, а землею по автономіи и по самоуправленію.

Волость иногда совпадала и съ княженіемъ, такъ какъ съ понятіемъ князя соединялось понятіе и о власти; но не всегда существовало такое совпаденіе; въ одной волости, по ея принадлежности верховному городу, и въ одной землѣ, по ея автономіи, могло разомъ существовать нѣсколько княженій. Такъ въ кievской землѣ, напримѣръ, мы видимъ по нѣскольку князей разомъ, а, слѣдовательно, и нѣсколько княженій, и всѣ они находились въ одной землѣ. То же самое мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе во всѣхъ земляхъ. Княженіе не давало права на образованіе новой земли; не потому была земля, что тамъ былъ князь, а скорѣе князь являлся именно тамъ, гдѣ была уже земля.

Гдѣ земля, тамъ должно быть *вѣче*¹⁾—земское собраніе; ни волость, ни княженіе не условливали непремѣннаго бытія вѣча, хотя и часто случалось, что на вѣче сходились люди, составлявшіе одну волость, одно княженіе; понятіе о вѣчѣ, однако, принадлежало исключительно только понятію о землѣ. *Вѣче* было выраженіемъ автономіи послѣдней, — а не волости, не княженія.

Вѣча существовали въ незапамятныя времена. Варяжскіе князья не уничтожили этого коренного признака славянорусской жизни, да и не могли и не

¹⁾ Срв. выше на стр. 230—232.

старались его уничтожить въ ту эпоху, когда власть княжеская ограничивалась собираемъ дани; понятіе о подвластности только и выражалось платежомъ дани, когда вопросъ, влагаемый лѣтописцемъ одному изъ древнихъ князей: «кому дань даете?» былъ равносильнъ вопросу: «кому вы подвластны?» Поэтому неудивительно, что по принятіи христіанства и по раздѣленіи на княжескіе удѣлы краевъ, прежде платившихъ дань Кіеву, мы видимъ полное господство вѣчевого начала во всѣхъ земляхъ¹⁾.

Вообще древняя славянщина не любила точныхъ формъ; неопредѣленность, отсутствіе ясныхъ рубежей составляетъ характеръ славянской жизни, а русская отличалась этимъ въ особенности. Поэтому и понятіе о вѣчѣ имѣло ту же неопредѣленность и подъ этимъ именемъ разумѣлось вообще всякое народное сходбище, какъ бы оно ни составилось, если только оно думало изображать собою выраженіе воли земли или части земли, сознававшей до извѣстной степени въ данное время за собою автономію. Мы сказали, что средоточіемъ земли былъ городъ; когда понималась земля независимая и состоявшая изъ частей, изъ которыхъ каждая носила въ мѣстномъ смыслѣ названіе земли, то средоточіемъ такой сборной земли былъ старѣйшій городъ, и въ немъ собиралось вѣче, выражавшее собою всю землю; подъ старѣйшимъ городомъ были пригороды, села и волости: въ каждомъ изъ пригородовъ могло быть

¹⁾ Далѣ Костомаровъ, послѣ нѣкоторыхъ подробностей о древне-русскомъ вѣчѣ, въ доказательство повсемѣстности обычая вѣчевого совѣщанія ссылается на извѣстное мѣсто лѣтописнаго свода, которое приведено у насъ выше на стр. 47. Срв. выше на стр. 17, 36—39, 82—83, 85.

также свое вѣче, т. е. совѣщаніе той части сборной земли, которой ближайшимъ средоточіемъ былъ пригородъ; наконецъ, вѣче, какъ народное сходбище, могло быть и въ каждомъ селѣ, какъ скоро это село имѣло общіе свои интересы и члены его имѣли причину сходиться на совѣщаніе о дѣлахъ своего села. Но пригороды и всякія поселенія въ землѣ зависѣли отъ старѣйшаго города въ томъ смыслѣ, что части земли, взятыя каждая отдѣльно, зависѣли отъ цѣлой земли, — иначе, всё вмѣстѣ зависѣли отъ себя вполне: потому-то вѣче пригорода не имѣло полномасштабнаго и зависѣло отъ вѣча старѣйшаго города.

Отношеніе пригородовъ къ старѣйшимъ городамъ, иначе пригородныхъ или малыхъ вѣчъ къ вѣчу большому въ главномъ городѣ — одна изъ важнѣйшихъ жизненныхъ сторонъ въ древней Руси. Къ сожалѣнію, по скудости матеріаловъ этотъ вопросъ остается мало разъясненнымъ и обработаннымъ. Мы поневолѣ должны допускать предположенія на основаніи немногихъ данныхъ, иногда обособутолкуемыхъ. Прежде всего надо уяснить себѣ, что такое *городъ* и какъ онъ возникъ въ русской славянщинѣ?

Въ глубокой древности славяне жили дворами. Съ развѣтвленіемъ семей дворы размножились. Ихъ соединяла сначала родовая связь. Дворы, соединенные между собою, составляли села. Частыя опасности отъ иноземцевъ вызывали потребность самозащиты и самосохраненія. Это поневолѣ сближало и соединяло жителей отдѣльныхъ селъ. Необходимы оказались центры такого соединенія. И вотъ жители расположенныхъ близко между собою селъ строили укрѣпленныя мѣста, принадлежавшія всѣмъ имъ вмѣ-

ствѣ, и для всѣхъ въ равной степени служившія въ случаѣ надобности убѣжищемъ.

Такія укрѣпленныя мѣста назывались градами¹⁾ или, по русскому нарѣчію, городами. Вообще *городъ* означалъ мѣсто, обведенное оградой, напр., частоколомъ или плетнемъ, и это слово однозначно со словомъ «огородъ». Построить городъ значило вначалѣ обвести загороду. Простыя загороды были въ древности достаточнымъ мѣстомъ защиты, и туда прятались славяне, когда слышали о нашествіи непріятеля. Туда уносили они съ собою все, что было драгоцѣннаго въ ихъ простой жизни, а жилища свои оставляли на произволь судьбы: въ случаѣ разоренія возобновить ихъ было нетрудно при обиліи лѣсовъ и несложности постройки. Естественныя условія помогали защитѣ; мѣстоположенія для городовъ выбирали такія, которыя были сами по себѣ недоступны; кромѣ того, деревянныя загороды по надобности обносились еще и рвами, называемыми въ древности гроблями²⁾. Обычай убѣгать изъ своихъ жилищъ въ города сохранялся очень долго даже въ такіе вѣка, когда жизнь значительно усложнилась; такъ на Руси въ XVI и XVII вѣкахъ, жители съ приближеніемъ непріятеля убѣгали въ городъ «въ осаду», покидая свои жилища.

Городъ—мѣсто самосохраненія и сбереганія имуществъ—естественно сдѣлался скоро мѣстомъ сход-

¹⁾ Срв. выше на стр. 19, 74—75 и 104.

²⁾ См. Лаврент. лѣт. (стр. 73) подъ 977-мъ годомъ: «побѣди Ярополкъ Ольга: побѣгъшю же Ольгу с вой своими въ градъ, рекомый Вручый, бяше чересъ *гроблю* мость ко вратомъ граднымъ, тѣснячеся другъ друга цихаху въ *гроблю*, и спехуша Ольга с мосту в дебрь, падаху людье мнози, и удавиша кони челоѡци».

бищъ и совѣщаній тѣхъ, которые строили этотъ городъ, а также и мѣстомъ управленія, когда внутреннія безладицы заставили ихъ додуматься до необходимости имѣть управленіе надъ собою. Окрестность стала тянуть къ городу. Естественно было желать селиться ближе къ городу, чтобы, въ случаѣ опасности, можно было скорѣе поспѣть въ убѣжище, и потому-то около городовъ стали возникать поселенія; они назывались посадами. Посадъ становился многлюднѣе, чѣмъ были прочія села, и дѣлался мѣстомъ всякихъ сношеній, пунктомъ обмѣна произведеній или торговли. Въ самомъ городѣ, т.-е. укрѣпленіи, помѣщалось начальное лицо края, признаваемое жителями, тянувшими къ городу, а при немъ собиралась и ратная сила, державшая порядокъ и защиту.

Такъ создавались города жителями кружка селеній, почувствовавшихъ сначала нужду въ самозащитѣ, а потомъ и въ постоянномъ, общемъ для нихъ, управленіи. Эта совокупность селеній по отношенію къ связи между ними носила самое простѣйшее названіе — земля, обозначая не только пространство, на которомъ всѣ жили и которое всѣ считали своимъ, но и тѣхъ, которые на немъ жили. Понятно, что *земля* и *городъ* были равнозначительны, ибо городъ не значилъ ничего, кромѣ той же земли, нашедшей для себя средоточіе. Въ городѣ сходилась земля, и потому словомъ *городъ* стали замѣнять слово *земля*, и въ силу такой однозначительности, вмѣсто земля сѣверская, стали говорить — земля черниговская или просто Черниговъ, вмѣсто земля — словенъ-ильменскихъ, стали говорить — земля новгородская или просто Новгородъ

и т. д. Но земля, какъ собраніе людей, расширялась, захватывались новыя пространства, дѣлались выселки изъ старыхъ поселеній, основывались и возрастали новыя. Жители новыхъ по мѣсту жительства отдалялись отъ своего города; трудно и неудобно имъ было для самозащиты поспѣшать туда, и вотъ явилась необходимость строить другіе центры защиты, и они строили ихъ; но такъ какъ они были обязаны родовой связью съ тѣми, которые строили большой старѣйшій городъ, то они съ своими новыми городами продолжали оставаться въ прежнемъ неразрывномъ единеніи съ городомъ старымъ, служившимъ общимъ выраженіемъ той земли, которой принадлежали ихъ дѣды и отцы и они сами. Такимъ образомъ, построенные ими новые города находились въ зависимости у старѣйшаго города и въ отличіе назывались меньшими или пригородами. Пригороды строились по распоряженію всей земли, т.-е. по рѣшенію вѣча въ старѣйшемъ городѣ, въ видахъ защиты земли, обыкновенно тамъ, гдѣ наиболѣе могла угрожать внѣшняя опасность. Иногда пригороды съ ихъ территоріями населялись переселенцами прямо изъ старѣйшаго города; такъ было, между прочимъ, въ двинской землѣ, куда переселялись новгородцы съ промышленными цѣлями; чаще же ихъ ставили жители окрестныхъ поселеній по волѣ всей земли или старѣйшаго города. Но бывали случаи, когда изъ старѣйшаго города жители выходили на новоселье вслѣдствіе недоразумѣній и волненій, и тогда построенные ими новые города стремились не оставаться пригородами стараго, а хотѣли быть независимыми. Такой примѣръ представляетъ намъ Вятка; эта новгородская колонія

никогда не хотѣла повиноваться своей метрополіи, сдѣлалась главою особой земли и имѣла свои собственные пригороды. Были еще пригороды иного рода: тѣ, которые основывали князья и населяли разнаго рода пришельцами и переселенцами. Такъ поступалъ Владимиръ, когда строилъ въ кievской землѣ города и населялъ разнаго рода людомъ— и словенами новгородскими, и кривичами, и чудью. Такъ возникли нѣкоторые города въ сѣверо-восточной Руси, между прочимъ Владимиръ-на-Клязьмѣ; къ тому же разряду слѣдуетъ, вѣроятно, отнести Москву, а на югѣ образчикомъ построения такихъ городовъ можетъ служить Холмъ, основанный Даниломъ Романовичемъ. Такіе города, населенные пришельцами отовсюду, находясь на почвѣ, принадлежавшей извѣстной землѣ, считались на этомъ основаніи пригородами старѣйшаго города; но не связанные со старѣйшимъ городомъ узами происхожденія болѣе другихъ, они показывали стремленіе къ самостоятельности, а при благоприятныхъ условіяхъ покушались стать выше старѣйшихъ городовъ и сдѣлаться главою земли. Такъ-то вывился Владимиръ изъ-подъ зависимости Ростова и сдѣлался старѣйшимъ городомъ ¹⁾.

Степень зависимости пригородовъ отъ городовъ опредѣляется въ общихъ чертахъ словами Суздальской лѣтописи: «на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди стануть». Но здѣсь не разумѣлось такого рабскаго подчиненія, при которомъ жители пригородовъ были бы не болѣе, какъ безглас-

¹⁾ Срв. съ гипотезой Соловьева о различіи старыхъ и новыхъ городовъ древней Руси, выше, на стр. 195—199.

ные исполнители воли своихъ господъ. Пригороды должны были сообразоваться съ постановленіями старѣйшаго города не потому, чтобы старѣйшій городъ былъ ихъ владыка, а потому, что старѣйшій городъ изображалъ средоточіе всей земли, и его вѣче было собраніе не горожанъ, а земляковъ, членовъ земли, которой часть составлялъ пригородъ. Если житель пригорода находился въ послушаніи у старѣйшаго города по своей принадлежности къ пригороду, то въ то же время онъ былъ полноправный участникъ вѣча по своей принадлежности къ землѣ, какъ землякъ. Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать тѣ извѣстія, когда, повѣствуя о вѣчахъ, собиравшихся въ старѣйшемъ городѣ, лѣтописцы говорятъ: «сошлась вся земля».

Не должно думать, чтобы вѣче само по себѣ, какъ сходбище, знаменовало какую-нибудь верховную власть: оно было только ея выраженіемъ; верховная власть по внутреннему смыслу оставалась не за вѣчемъ, а за землею. Это понятіе о самоуправленіи земли является еще въ глубокой древности, переживаетъ многіе вѣка, противныя обстоятельства и невзгоды, уцѣлеваетъ при иномъ государственномъ строѣ страны. Такъ же, какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала земля, такъ въ смутное время московскаго государства, въ началѣ XVII вѣка, московскіе послы подѣ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала ¹⁾ земля съ своимъ приговоромъ и они

¹⁾ Срв. статью А. Щапова отъ 1861 г. «Великорусскія области и смутное время» въ 1-мъ томѣ его «Сочиненій» (Спб., 1906 г. Изд. М. В. Пирожкова), гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ (стр. 662—663): «Всѣ великорусскія области представляли нѣ-

сами могутъ быть только слѣпными исполнителями ея воли. Между тѣмъ въ это время земля уже составляла совокупность тѣхъ частей, изъ которыхъ каждая считала себя нѣкогда самостоятельной землей, и притомъ уже въ смыслѣ единодержавнаго тѣла. Дѣло защиты отечества противъ иноземцевъ и возстановленіе престола совершилось именемъ всей

сколько особыхъ, самостоятельныхъ, федеративныхъ группъ, образовавшихся путемъ колонизаціоннаго самоустройства, большею частію по рѣчнымъ системамъ. Каждая федерація и въ ней каждая мѣстная община стремились къ территориальной особности, не прерывая федеративной связи между собою, основанной на колонизаціонной общности, союзности. Вслѣдствіе первоначальнаго земскаго самообразования путемъ колонизаціи на отдѣльныхъ рѣчныхъ системахъ, областныя общины стремились къ земско-народной самобытности, къ дальнѣйшему территориальному саморасширенію, къ земскому общественному самоустройству и самоуправленію». Статья Костомарова появилась въ свѣтъ въ 1870 г., статья Щапова—въ 1861 г.; въ томъ же 1861 г. появилась и статья Костомарова «Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси», включавшаяся такими словами: «Начала, соединяющія земли между собою, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо отъ другихъ, но не настолько были сильны, чтобы заглушить всякое мѣстное проявленіе и слить всѣ части въ одно цѣлое. И природа и обстоятельства историческія—все вело жизнь русскаго народа къ самобытности земель съ тѣмъ, чтобы между всѣми землями образовалась и поддерживалась всякая связь. Такъ Русь стремилась къ федерации, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться. Татарское завоеваніе сдѣлало крутой поворотъ въ ея государственной жизни» («Основа», кн. I). Появленіе указанныхъ теорій Щапова и Костомарова въ одномъ и томъ же 1861 г. представляется характернымъ для русской исторіографіи, подвергавшейся всегда сильному вліянію общественныхъ теченій.

Ред.

земли. Несмотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю земли, которой управляли. Только съ преобразованіемъ Россіи на иной образецъ забылось значеніе земли подѣ влияніемъ новой бюрократіи, не имѣвшей съ землей ничего общаго по роду происхожденія.

Въ до-татарскій періодъ Русь только чувствомъ, а не размышленіемъ понимала единство своего бытія и не додумалась до какого-нибудь вѣча вѣчь — сходбища всѣхъ земель, выраженія ихъ федеративной связи. Земли, повидимому, стремились не къ соединенію, а къ раздробленію: въ земляхъ возвышались города, которые со своими территоріями имѣли если не въ настоящемъ, то въ будущемъ задачу обособленія. Но зато начало духовнаго единенія не только не умирало, а развивалось и укрѣплялось съ распространеніемъ христіанства при отсутствіи вотчиннаго права въ княжескомъ управленіи.

Тѣ заблуждались, которые воображали, что древніе князья были вотчинники или владѣльцы своихъ удѣловъ, точно такъ же, какъ невѣрно думаютъ тѣ, которые въ дѣлѣ преемства князей придаютъ большее значеніе родовому старѣйшинству между членами Рюрикава дома ¹⁾.

Всматриваясь въ дѣло безъ предвзятыхъ заранѣе мнѣній, окажется, что между князьями не существовало никакого юридическаго старѣйшинства, кромѣ того, которое неизбѣжно указывала природа, да и

¹⁾ Срв. изложенныя выше мнѣнія Соловьева, Кавелина, Чичерина.

то выражаемо было въ неопредѣленныхъ чертахъ, которымъ можно придавать теперь различный смыслъ. Тотъ князь, который былъ старѣе другихъ по лѣтамъ, назывался старѣйшимъ между князьями и имѣлъ право быть названнымъ такимъ именемъ, а у насъ стали подобныя наименованія принимать за нѣчто юридическое, независимое отъ возраста, за нѣчто такое, что давало бы этому князю право на званіе старѣйшаго даже и тогда, когда бы этотъ князь былъ моложе другихъ. Понятіе о старѣйшинствѣ имѣло и переносное значеніе: кого признавали сильнѣе, умнѣе и вліятельнѣе другихъ князей въ данное время, о томъ выражались, что онъ старѣе другихъ. Наконецъ, было еще естественное семейное старѣйшинство: дяди надъ племянникомъ, какъ брата отца и, слѣдовательно, равнаго отцу, старшаго брата надъ меньшимъ, какъ старѣйшаго по лѣтамъ между равными; такія отношенія внушали извѣстнаго рода уваженіе младшихъ къ старшимъ. Случаямъ такого естественнаго въ семейномъ быту уваженія у насъ пытались придавать юридическое значеніе ¹⁾. Отецъ, умирая, скажетъ сыновьямъ: «ты,

¹⁾ Еще Кавелинъ въ рецензій на докторскую диссертацию Соловьева замѣтилъ (*Сочиненія*, II, 494): «Вообще стараніе для каждаго дѣйствія тогдашнихъ князей приискать правомѣрное основаніе не только кажется намъ безплоднымъ, но даже положительно вреднымъ, потому что искажаетъ настоящій характеръ событій. Отсутствие твердой обозначенности, опредѣленности въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ есть такая же характеристическая черта, какъ и всякая другая». Соловьевъ и грѣшитъ тѣмъ, что «не ограничивается изслѣдованіемъ главныхъ движущихъ историческихъ началъ, но еще придаетъ имъ отъ себя юридическій характеръ, котораго они не имѣли; всякое явленіе онъ разсматриваетъ непременно съ точки

старшій братъ, будь вмѣсто меня отцомъ меньшимъ, а вы, меньшіе, почитайте старшаго, какъ отца». Такія фразы говорились повсемѣстно и теперь еще говорятся въ семейномъ быту, но въ сущности такія фразы принадлежатъ къ разряду тѣхъ нравственныхъ сентенцій, которыя безпрестанно повторяются и рѣдко исполняются; никакъ нельзя выводить изъ нихъ юридическихъ обычаевъ или измѣрять ими смыслъ юридическихъ событій,—такъ точно, какъ на томъ основаніи, что въ разные времена старики говорили: «не должно лгать, любите другъ друга, не будьте корыстолюбивы», нельзя полагать, чтобы тѣ, которые слушали подобныя нравоученія, исполняли ихъ; даже и тотъ, кто произносилъ ихъ, часто совсѣмъ былъ не таковъ въ своихъ поступкахъ, каковъ на словахъ. Прямое, дѣйствительное старшинство князей являлось тогда, когда князь княжилъ въ старѣйшемъ городѣ, и въ такомъ случаѣ насколько городъ, въ которомъ онъ сидѣлъ, считалъ себя старѣйшимъ по отношенію къ другому городу, настолько и князь его былъ старѣйшимъ по отношенію къ князю, сидѣвшему въ меньшомъ городѣ или пригородѣ.

Право земли и ея верховная власть надъ собою высказывается повсюду въ до-татарское время. Земля должна была имѣть князя; безъ этого ея существованіе, какъ земли, было немыслимо. Гдѣ земля, тамъ вѣче, а гдѣ вѣче, тамъ непременно будетъ и князь: вѣче непременно изберетъ его. Земля была

вѣрнѣе права. Отсюда ведутъ начало многія насильственные объясненія фактовъ въ его книгѣ». Срв. выше стр. 235. Аналогичныя замѣчанія см. у А. Е. Прѣснякова *Княжеское право въ древней Руси*.
Ред.

власть надъ собою; вѣче выраженіе власти, а князь— ея органъ ¹⁾). По словамъ начальнаго лѣтописнаго свода, въ половинѣ IX вѣка, сѣверные народцы ²⁾ говорили призываемымъ варягамъ: «земля наша велика и обилна, а наряда (т.-е. порядка) въ ней нѣтъ, да пойдѣте княжить и володѣти нами» (по праву); то же фактически повторялось въ каждой землѣ при каждомъ вступленіи князя на княженіе. Если призваніе ³⁾ варяжскихъ князей выдуманно, то оно выдуманно невольно, по естественному свойству человѣческой природы переносить на отдаленныя времена признаки современнаго быта: что дѣлалось въ XII вѣкѣ, то переносилось воображеніемъ на IX-й. На Руси сложилось такое понятіе: безъ князя въ землѣ ни порядка, ни охраненія, ни суда, ни правды; безъ князя начнется беспорядокъ, сильнѣйшіе будутъ обижать слабѣйшихъ; роды и семьи передерутся между собой; не будетъ единодушія ко взаимной защитѣ; набѣгутъ чужіе и разорять землю; ратная сила не будетъ повиноваться началь-

¹⁾ Срв. выше на стр. 234.

²⁾ См. выше примѣчаніе на стр. 87. «И рѣша сами в себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. И идоша за море къ варягомъ, к Русі, сице бо тѣмъ звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся сѣне, друзии же урмане, англѣяне, друзии гѣте, тако и си. Рѣша Руси чюдь, и словѣни, и кривичи, и вси... (см. текстъ). И избрашася 3 братья с роды своими, и пояша по собѣ всю Русь». Подобныя легенды извѣстны и западно-европейской хроникѣ; срв., напр., слова бриттовъ, призывавшихъ Генгиста и Горзу: «terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam» и т. д. См. у Забѣлина *Исторія русской жизни*, т. I по 2-му изд., стр. 202—203 и у Куника въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, т. VI, приложение № 2, стр. 60.

Ред.

³⁾ См. выше на стр. 223.

нику, если этимъ начальникомъ не будетъ князь. Князь призванъ володѣть, т.-е. держать власть, править, защищать; но онъ не былъ вотчинникомъ земли. Володѣть на древнемъ языкѣ совсѣмъ не значило то, что впослѣдствіи. Князь не былъ государемъ, онъ былъ только господиномъ. Оттого Новгородъ, удержавшій долѣе другихъ земель древнія формы быта, не хотѣлъ въ XV вѣкѣ назвать московскаго великаго князя государемъ, а давалъ ему по старинѣ только титулъ господина; для новгородцевъ государемъ былъ Великій Новгородъ, т.-е. сама земля новгородская; князь же былъ только господинъ, т.-е. призванный владѣть по праву, иначе— по волѣ земли. Князя выбирала земля потому, что онъ для земли былъ нуженъ.

Съ незапамятныхъ временъ у славянъ были князья, они были и въ славяно-русскихъ земляхъ до прихода варяговъ. Кіевскіе князья приучали народы къ дани посредствомъ дружины, составленной изъ разнаго сброда. Прежнихъ князей замѣнили въ земляхъ князья Рюрикова рода. Сыновья Ярослава, назначенные отцомъ князьями въ разныя земли, конечно, вначалѣ держались тамъ также посредствомъ дружины, но скоро освоились съ земскою жизнью, а пришлая дружина слилась съ мѣстными жителями; съ одной стороны, пришельцы дѣлались землевладѣльцами и членами земли, съ другой—въ княжескую дружину входили мѣстные жители. Старое вѣчевое выборное начало вошло въ прежнюю колею тѣмъ легче, что и до того времени земли платя кіевскимъ князьямъ дань, внутри не покидали старыхъ обычаевъ; теперь князья, не ограничиваясь уже однимъ собираніемъ дани, а сдѣлавшись по хри-

стіанскимъ понятіямъ правителями, судьями и защитниками земли, сроднились съ народными правами и обычаями, и при такомъ сродствѣ образовалось понятіе, что во всѣхъ земляхъ, по всей Руси должны быть выборные землею князя, но непременно изъ одинаго Рюрикова рода. Притомъ же князя умножались, и выборъ былъ большой; трудно было отважиться гдѣ-нибудь на избраніе князя изъ другого рода: такой князь не усидѣлъ бы, какъ и случилось разъ въ Галичѣ, гдѣ вокняжился Володиславъ, но тотчасъ же слетѣлъ съ княжескаго стола. Какъ только гдѣ-нибудь осмѣлилась бы одна партія замѣстить мѣсто, принадлежавшее Рюриковичу, лицомъ не Рюрикова дома, тотчасъ составила бы другая, противная партія и призова бы князя Рюриковича; чувство оскорбленія цѣлаго рода соединило бы между собою многихъ князей, хотя безъ того они жили между собой несогласно. Всѣ они признавали въ одинаковой степени за своимъ родомъ право княжить на Руси. «Мы не ляхи и не угры,— говорили они,—мы одинаго дѣда внуки». Сознавая это право, они, однако, не иначе могли получать его, какъ черезъ признаніе землею—какъ бы ни добывалось это признаніе: основывалось ли оно на добровольномъ выборѣ, на полномъ согласіи земли, или же князь возводила одна партія, пересилившая другую, или же, наконецъ, князь съ постороннею силою овладѣвалъ городомъ и его землей. Въ вѣкъ, когда военная удача внушала уваженіе, часто бывало, что князь силой заставлялъ землю признавать свою власть, и земля признавала князя потому, что не могла сопротивляться. Такимъ образомъ, все-таки дѣло рѣшалось признаніемъ, хотя бы невольнымъ.

Впрочемъ, если князь и насиліемъ получалъ въ землѣ княженіе, то все-таки долженъ былъ, ради прочности, ладить съ жителями и заслужить ихъ расположеніе: иначе, при первой возможности призывали другого князя, съ посторонней силой, а его прогоняли.

Родовыя отношенія князей нерѣдко принимались во вниманіе землями при выборѣ князей, но не такъ, какъ юридическое право, а какъ нравственное соображеніе, основанное вообще на понятіяхъ о старшинствѣ въ семейномъ быту; оно было не на столько сильнымъ, чтобы вытѣснить соображенія иного рода ¹⁾. Такимъ образомъ дядя, споря съ племянникомъ, могъ подобрать себѣ партію, которая поддерживала его, ставила ему въ достоинство то, что онъ былъ дядя—старшій по семейнымъ линіямъ; но такъ же точно и племянникъ находилъ себѣ партію, которая ни во что ставила старшинство дяди и стояла за племянника, когда находила его лучше дяди по личнымъ достоинствамъ. Уваженіе къ старшимъ издавна существовало у славянъ; его поддерживало христіанство ²⁾, но оно отнюдь не обратилось въ такой законъ, передъ которымъ должны были умолкнуть иного рода выгоды и соображенія.

Изученіе вѣчевого строя древней Руси и порядка преемственности княжескихъ столовъ показываетъ, что въ до-татарскій періодъ не выработалось никакихъ основъ для будущаго единодержавія въ Россіи, а тѣмъ болѣе, не могло быть сознательнаго стремленія къ нему. Въ удѣльно-вѣчевомъ строѣ

¹⁾ Срв. выше на стр. 204.

²⁾ Срв. выше оговорки на стр. 87, 149 и 226; см. также стр. 243.

этого періода не видно никакихъ признаковъ, которые приводили бы необходимо къ единодержавному порядку. Русь дробилась болѣе и болѣе, но не теряла только духовнаго единства, и тогдашній общественный складъ могъ скорѣе вести къ федераціи земель, а никакъ не къ единому монархическому государству. Съ татарскимъ завоеваніемъ произошелъ быстрый и крутой ¹⁾ переворотъ.

Татарское нашествіе совершилось внезапно. Неволя охватила свободолюбивую Русь вдругъ; никто не предвидѣлъ, никто не предчувствовалъ этого удара. Вліяніе, которое это событіе имѣло на послѣдующую жизнь Руси, зависитъ не столько отъ свойствъ и характера завоевателей, сколько отъ способа самаго завоеванія и отъ обстоятельствъ, его сопровождавшихъ. Кто бы ни завоевалъ Русь— для нея важно было именно то, что она была завоевана.

Условія, въ которыя стали завоеватели къ покореннымъ, должны были неизбежно сразу парализовать вѣчевую жизнь. Прежде надъ Русью не было единаго господина,—теперь онъ явился впервые въ особѣ грознаго завоевателя, хана. Русь, покоренная его оружіемъ, стала его военною добычею, его собственностью; всѣ русскіе отъ князя до холопа стали его рабами безъ исключенія. Въ этомъ-то рабствѣ Русь нашла свое единство, до котораго не додумалась въ періодъ свободы.

Періодъ порабощенія Руси подъ властью монголовъ разбивается на двѣ половины: въ первой образуются изъ прежнихъ земель княжескія владѣнія,—рядъ князей и государей съ старѣйшимъ кня-

¹⁾ Срв. выше на стр. 177 и 149, также стр. 229 и 111.

земь на челѣ ихъ,—всѣ въ безусловной зависимости отъ верховнаго государя, татарскаго хана, истиннаго собственника русской земли; во второй половинѣ усиливается власть старѣйшаго князя, а власть хана слабѣетъ, и, наконецъ, старѣйшій князь замѣняетъ собою хана со всѣми его атрибутами верховнаго государя и собственника русской земли.

Въ первой половинѣ Русь начала представлять изъ себя подобіе съ феодальнымъ ¹⁾ порядкомъ, чего прежде не было. Вскорѣ послѣ завоеванія, уцѣлѣвшіе отъ бойни князья стали ѣздить къ хану на поклонъ, и ханъ отдавалъ имъ ихъ княженія въ вотчину. Князья сразу поняли, что теперь ихъ княженія зависятъ отъ воли хана, ихъ государя, какъ прежде зависѣли отъ согласія земли или отъ собственной силы и ловкости. И ходили они въ Орду «про свою вотчину». Здѣсь-то начался *великій переломъ въ русской исторіи*. Прежде князь не считалъ и не могъ считать своего княженія вотчиною, т.-е. собственностью; политическій складъ Руси былъ таковъ, что ему и въ голову не могло прійти подобнаго стремленія; онъ правилъ землею, какъ правитель: если подчасъ, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ позволялъ себѣ и произволь и насиліе, то это все-таки дѣлалось въ качествѣ правителя земли, а не въ значеніи государя, не собственника. Земля ему не принадлежала, земля была сама себѣ государь, а князь—господинъ, которому она сама себя довѣряла и отдавала на рядъ и управу. Если князь произвольно распоряжался землею, то онъ былъ въ такомъ значеніи, въ какомъ, на примѣръ, можетъ быть въ монархическомъ государствѣ, при слабомъ

¹⁾ См. выше на стр. 2.

государѣ, ловкій министръ, безусловно властвующій надъ государствомъ: онъ силенъ, но онъ все-таки не государь. Теперь земля перестала быть самостоятельною единицею; мѣсто ея заступилъ князь; она спустилась до значенія вещественной принадлежности. Такъ было въ порядкѣ вещей. Иначе и быть не могло. Монголы не имѣли задачи истреблять вѣру, обычаи и нравы покоренныхъ народовъ; непокорныхъ они избивали, и тогда вѣра, обычаи и нравы пропадали сами собою вмѣстѣ съ людьми, но пока живы были монголамъ принадлежащіе люди, оставались съ ними живы и ихъ признаки настолько, насколько сами люди покорялись. Монголы застали на Руси земли и князей. Съ землями имъ нельзя было входить въ непосредственныя сношенія и сдѣлки: нельзя же было вѣчамъ являться къ хану для принятія отъ него милостей и закона. То было физически невозможно. Хань могли имѣть дѣло только съ отдѣльными личностями, которыя бы отвѣчали за земли, а такими личностями были князья. Для удержанія господства надъ страной, ханамъ не представлялось иного средства, какъ возложить на этихъ князей отвѣтственность за покорность, а это возможно было только при расширеніи власти князей, при отдачѣ имъ въ собственность земель, которыми они управляли. Монгольскіе завоеватели поступали съ побѣжденною страной въ извѣстномъ смыслѣ льготнѣе, чѣмъ, напримѣръ, варвары, завоевавшіе провинціи западной римской имперіи: послѣдніе раздавали земли во владѣніе своимъ людямъ; монголы почти не дѣлали этого и, вмѣсто своихъ, жаловали чужихъ, требуя отъ нихъ того, что другіе возлагали на своихъ. Хань принимали

покорныхъ князей радушно, милостиво, требовали отъ нихъ только безусловной покорности; кто показывалъ духъ неповиновенія, съ тѣмъ расправлялись жестоко; черниговскій князь заплатился жизнью, отказавшись исполнить обрядъ, который счелъ за нарушеніе своей религіи, но который былъ только знакомъ покорности. Князь Данила Романовичъ попытался было медлить поѣздкою къ хану, и за то его волость потерпѣла разореніе, а князь спасся только тѣмъ, что, скрѣпя сердце, долженъ былъ ѣхать къ своему владыкѣ и подвергнуться у него чести, которая злѣе зла показалась современному русскому лѣтописцу, еще не утратившему свободной души предковъ.

Ханы хорошо понимали, что покорность князей невольная. Надъ князьями нуженъ былъ надзоръ, и монголы въ этомъ случаѣ воспользовались тѣмъ, что нашли въ обычаяхъ страны. Существовало званіе старѣйшаго князя, званіе неопредѣленное, въ послѣднее время не принадлежавшее никому по какому-либо праву и даваемое другими тому, кто былъ сильнѣе другихъ и внушалъ къ себѣ уваженіе. Ханы подняли его, дали ему власть, почетъ и силу. За этимъ званіемъ стали гоняться князья, какъ за цѣлью вышшаго честолюбія, а оно получалось однимъ путемъ—поклонами и угодничествомъ владыкѣ. Прежде существовало первенство старѣйшихъ городовъ земли надъ пригородами; и въ старѣйшихъ городахъ и въ пригородахъ были князья; теперь и тѣ и другіе князья сдѣлались собственниками, и отношенія городовъ перешли на нихъ: князья низшіе стали находиться въ болѣе опредѣленной зависимости отъ высшихъ. Князь въ старѣйшемъ го-

родѣ былъ выше того, кто сдѣлался собственникомъ бывшаго пригорода. Монголы воспользовались и другимъ понятіемъ о старѣйшинствѣ родовомъ: по умершемъ братѣ старѣйшимъ былъ братъ, слѣдовавшій за умершимъ по времени рожденія, за нимъ другой братъ, третій и т. д., а потомъ уже дѣти, племянники и т. д. Меньшой долженъ былъ почитать старшаго и по нравственному чувству уступать ему, но прежде это было только нравственное семейное понятіе, а не юридическое право, и не всегда такъ дѣлалось и отнюдь не считалось необходимымъ, чтобы такъ было. Монголы уважали этотъ нравственный обычай, когда только это имъ было выгодно, и князь, на основаніи такого старшинства получившій власть, былъ крѣпче, чѣмъ былъ бы прежде, когда зависѣлъ отъ произвола земли. Но тѣ же монголы не стѣснялись нарушать этотъ нравственный обычай, точно такъ же, какъ въ бывшее время дѣлали земли, оказывавшія этому нравственному понятію уваженіе до известной степени, но не настолько, чтобы стѣснять имъ свои выгоды; въ этомъ отношеніи, то, что принадлежало землямъ, перешло теперь къ ханамъ. Все это были элементы, послужившіе къ неравенству между князьями при одинаковомъ порабощеніи всѣхъ верховному государю-хану.

Князья скоро испытали, что чѣмъ покорнѣе они будутъ вести себя передъ ханомъ, тѣмъ безопаснѣе усидятъ на своемъ княженіи, и ихъ волости будутъ ограждены отъ разоренія. Раболѣпство передъ завоевателемъ служило единственнымъ ручательствомъ за спокойствіе страны. Всѣхъ лучше понялъ это Александръ Невскій—этотъ первообразъ своихъ правнуковъ и праправнуковъ, московскихъ

князей. Новгородъ не хотѣлъ было допустить ханскихъ численниковъ, и князь, оказавшій передъ тѣмъ услуги Великому Новгороду, выкалывалъ глаза и поролъ носы тѣмъ новгородцамъ, которые подущали народъ не повиноваться завоевателямъ. За это онъ вошелъ въ большую милость у хана и впоследствии могъ быть полезнымъ заступникомъ за Русь. Въ Ростовской области тяжело стало отъ татарскихъ даней: онѣ были на откупѣ, и сами русскіе не считали предосудительнымъ нагрѣвать себѣ руки отъ народной бѣды. Народъ не могъ скоро измѣнить своихъ привычекъ; зазвонили вѣча, стали бить сборщиковъ. По примѣру Ростова то же произошло во Владимирѣ, Суздальѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ, Угличѣ и отдаленномъ Устюгѣ. Александръ Невскій тотчасъ же поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ утишить гнѣвъ хана. Его вся дѣятельность клонилась къ тому, чтобы охранить русскій народъ отъ печальныхъ слѣдствій, которыя могла на него навести татарская месть за вспышки неповиновенія. Онъ умѣлъ подладиться къ завоевателямъ; ему довѣряли, ради него прощали другимъ. Такая ловкость и умѣнье уживаться съ завоевателями не только укрѣпили его власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ подняли и возвысили значеніе старѣйшаго князя, которое потомъ продолжило путь къ единодержавію.

Въ татарскій періодъ точно такъ же сложились и установились нравственныя и экономическія условія, подготовившія народную громаду къ тому, чтобы сдѣлаться превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI вѣкѣ московская монархія. Татарское завоеваніе дало Руси толчокъ и крутой поворотъ къ такой монархіи.

Х. КОМБИНИРОВАННЫЯ ТЕОРИИ.

А. ТЕОРИЯ В. И. СЕРГЬЕВИЧА.

(В. И. Сергѣевичъ. «Русскія юридическія древности». Т. II. «Власти». Выпускъ I. «Вѣче и князь». Сиб. 1893).

Взглядъ на развитіе государственнаго строя древней Руси впервые развитъ былъ В. Сергѣевичемъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи *Вѣче и князь. — Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей*, появившемся въ 1867 году и тогда же нашедшемъ обстоятельную критику въ статьѣ А. Д. Градовскаго *Государственный строй древней Россіи*, по которой и изложенъ далѣе взглядъ этого автора. Договорная теорія, развитая здѣсь В. Сергѣевичемъ, не осталась у него безъ переработки, и ея видоизмѣненіе всего удобнѣе наблюдать при текстѣ перваго выпуска втораго тома его *Русскихъ юридическихъ древностей*, вышедшаго въ свѣтъ въ 1893 г. съ подзаголовкомъ *Вѣче и князь*. Такъ какъ со старымъ взглядомъ В. Сергѣевича читатель болѣе или менѣе ознакомится изъ критики А. Д. Градовскаго, то, не давая выдержекъ изъ диссертациі *Вѣче и князь*, полагаемъ достаточнымъ ознакомить читателя, во-первыхъ, съ новѣйшей Сергѣевичевской критикой родовой теоріи Соловьева и, во-вторыхъ, съ послѣднимъ его изложеніемъ вопроса о распредѣленіи волостей между князьями.

I.

КНЯЖЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ И ПОРЯДОКЪ ПРЕЕМСТВА СТОЛОВЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ТЕОРИИ РОДОВОГО ¹⁾ БЫТА.

Историческая наука давно уже отмѣтила тотъ фактъ, что всѣ культурные народы прошли чрезъ стадію родового или патріархальнаго быта. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что русскіе славяне не представляютъ ²⁾ въ этомъ отношеніи исключенія. Но вопросъ въ томъ, какъ долго сохранился у нихъ этотъ бытъ, какія черты его наблюдаются въ историческое время, и какое вліяніе оказалъ онъ на княжескія отношенія X, XI и XII вѣковъ?

Нѣкоторые изслѣдователи нашей старины отводятъ чрезвычайно видное мѣсто вліянію родового быта на нашу древнюю историческую жизнь. Первое мѣсто среди писателей этого направленія безспорно принадлежитъ Соловьеву, такъ много потрудившемуся въ области изслѣдованія историческихъ судебъ нашего отечества. Господство родового быта въ Россіи продолжается, по его мнѣнію, до XII вѣка, только со «второй половины XII вѣка» замѣчаетъ

¹⁾ Это—«глава дополнительная» въ цитованной выше книгѣ В. Сергѣевича (стр. 320—336). Срв. выше на стр. 118—119.

²⁾ См. выше на стр. 27, 112 и 174.

онъ «начало перемѣны» въ этомъ исконномъ порядкѣ вещей. Господство родового быта не ограничивается частной, семейной сферой, а съ меньшей силой проявляется и въ государственномъ устройствѣ русской земли. Вотъ какъ изображаетъ онъ отраженіе началъ родового быта въ княжескихъ отношеніяхъ: «Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ; слѣдовательно, каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей русскихъ, несмотря на свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью—отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописнаго свода, изъ словъ самихъ князей, какъ они въ немъ записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ-дочерей княжескихъ замужъ. Младшіе князья обязаны были оказывать глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду и ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велить» ¹⁾.

¹⁾ Срв. выше стр. 153—155, особенно *приличія* въ виду дальнѣйшихъ словъ В. Сергѣевича.

Соловьевъ—большой знатокъ источниковъ нашей исторіи и ничего не утверждалъ, чего нельзя было бы подтвердить ссылкой на подлинныя выраженія памятниковъ. Выписанное мнѣніе онъ также подтверждаетъ ссылками на памятники; но въ данномъ случаѣ пользованіе памятниками нельзя назвать правильнымъ, потому, во-первыхъ, что нѣкоторыя выраженія источниковъ взяты отрывочно, вѣтъ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла; во-вторыхъ, частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты авторомъ за обычаи родового быта.

Разсмотримъ каждое изъ приведенныхъ выше положеній въ отдѣльности.

Старшій князь, утверждаетъ Соловьевъ, имѣлъ обязанность думать и дѣйствовать за младшихъ князей. Чтобы существовала обязанность думать и дѣйствовать за кого-либо, необходимо, чтобы извѣстное лицо само не имѣло права думать и дѣйствовать за себя, и чтобы другому была предоставлена власть думать и дѣйствовать за него; въ противномъ случаѣ неизбежно столкновеніе двухъ думъ и двухъ дѣйствій. Изъ фактовъ, которыми изобилуютъ лѣтописи, мы знаемъ, что каждый князь думалъ и дѣйствовалъ самъ за себя, кромѣ того случая, когда онъ по договору обязывался быть въ чьей-либо волѣ, что, впрочемъ, относилось къ одной только внѣшней политикѣ. Теорія родового быта разумѣетъ не это подчиненіе одного князя волѣ другого, возникающее изъ *договора*, а подчиненіе всѣхъ князей волѣ одного, старшаго, и не въ силу договора, а въ силу обычаевъ родового быта. Чѣмъ

же доказывается существованіе такихъ обычаевъ? Въ подкрѣпленіе высказанному положенію авторъ «Исторіи Россіи» приводитъ только одно мѣсто источниковъ, слова Ростиславичей въ 1195 г. Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о руской земли и о своей чести, и о нашей». Дѣйствительно, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи обратились съ приведенными словами къ Всеволоду Юрьевичу. Но чтобы судить объ ихъ отношеніяхъ къ этому князю и дѣлать заключеніе о характерѣ княжескихъ отношеній вообще, приведеннаго мѣста мало. Для этого надо было взять и другія свидѣтельства, характеризующія взаимныя отношенія тѣхъ же Ростиславичей къ тому же Всеволоду, если таковыя есть. По счастью, мы имѣемъ два такихъ свидѣтельства; они не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно дѣйствительнаго смысла приведенныхъ словъ. За указаннымъ обращеніемъ Ростиславичей ко Всеволоду послѣдовала война этихъ князей съ черниговскими Ольговичами. Въ 1196 г. Всеволодъ вознамѣрился заключить съ ними миръ, но безъ сношенія съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. По мнѣнію Соловьева, онъ могъ это сдѣлать, ибо былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ. Но могъ ли въ дѣйствительности? Давыдъ Ростиславичъ, дѣйствовавшій заодно со Всеволодомъ, пытается удержать его отъ такого односторонняго дѣйствія, напоминая ему рядъ его съ Рюрикомъ. Слова Давыда заключаются слѣдующимъ знаменательнымъ предостереженіемъ: «онъ же нынѣ воюется с ними и волость свою зажегль тебе дѣля, а нынѣ безъ его думы (т.-е. безъ думы Рюрика) хотимъ миритися; а, брате, повѣдаю ти, сего

ти мира зде не улюбить брать мой Рюрикъ»¹⁾. Рюрикъ, дѣйствительно, не улюбилъ этого мира и въ наказаніе отнялъ у Всеволода тѣ города въ русской землѣ, которые были вынуждены дать ему въ 1195 г. Повторяемъ нашъ вопросъ: могъ ли Всеволодъ думать и дѣйствовать за Ростиславичей? Конечно, нѣтъ, ибо Ростиславичи ясно сознаютъ свое право—думать и дѣйствовать самимъ за себя; Всеволода же, наоборотъ, они считаютъ обязаннымъ дѣйствовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, не иначе, какъ по думѣ и по соглашенію съ ними. Итакъ, примѣромъ Всеволода нельзя доказать того положенія, что старшій князь былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ остальныхъ.

Какой же дѣйствительный смыслъ того мѣста лѣтописи, которое дало поводъ къ этому неправильному заключенію? Въ 1195 г. Рюрикъ Ростиславичъ только что занялъ кievскій столъ по смерти Святослава черниговскаго. Опасаясь, чтобы братъ Свято-

¹⁾ Надо, впрочемъ, замѣтить, что ранѣе въ лѣтописи говорится такъ: «Давыдъ же не любящеть мира, но поущашеть и (т.-е. Всеволода) пойти к Чернигову, река ему: како еси былъ умолвилъ с братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною, аже совокупитися у Чернигова всемъ, да любо быхомъ умирилися вси, на всей волѣ своей; ты же нынѣ ни мужа своего еси послалъ ко брату своему Рюрикови, и ни своего прихода повѣдаеши ему, ни моего; а умолви с нимъ мужемъ своимъ, а переже весны доспѣвъ сѣдѣти и воеватися со Олговичи, а вѣсти отъ тебе ждати правоѣ» (Ипат., стр. 469). Далѣе рѣчь продолжается словами, которыя приводитъ В. Сергѣевичъ въ текстѣ. И Сергѣевичъ (срв. выше стр. 259), и Соловьевъ равно грѣшатъ методологически, выхватывая изъ источника фразу безъ надлежащаго разсмотрѣнія ея на фонѣ контекста. Форму *вышшняго* текстуальнаго доказательства надо признать въ корнѣ ложной.

слава, Ярославъ, не сталъ искать подъ нимъ Кіева, Рюрикъ заключилъ оборонительный союзъ со Всеволодомъ. Вскорѣ за тѣмъ зять Рюрика, Романъ, обиженный тестемъ, перешелъ на сторону черниговскихъ князей и сталъ звать Ярослава Всеволодовича на кіевскій столъ. Такимъ образомъ, для Рюрика возникъ поводъ требовать отъ Всеволода условленной помощи. Свое требованіе Рюрикъ облечаетъ въ возможно вѣжливую форму, какъ и подobaетъ между добрыми друзьями. «Ты старѣй насъ всѣхъ во Владимировѣ племени, говоритъ онъ ему (т.-е. старѣй лѣтами), а думай, гадай о русской землѣ и о своей чести и о нашей!» Итакъ, это не что иное, какъ вѣжливое обращеніе къ старшему лѣтами и притомъ къ человѣку, который нуженъ и можетъ помочь въ бѣдѣ.

О томъ, чтобы Всеволодъ былъ старшій членъ въ цѣломъ родѣ Рюриковичей (собственно Ярославичей), здѣсь нѣтъ и рѣчи; здѣсь говорится только о старшинствѣ Всеволода въ Володимировомъ племени. Старшій же въ цѣломъ родѣ былъ, по всей вѣроятности, Ярославъ Всеволодовичъ черниговскій, правнукъ Святослава, второго сына Ярослава, противъ котораго и былъ направленъ союзъ Владимировичей, потомковъ третьяго сына Ярослава, Всеволода, или Юрій Ярославичъ (если только онъ былъ живъ въ это время), старшій правнукъ старшаго сына Ярослава, Изяслава, почти вовсе лишенный участія во владѣніи русской землей.

Далѣе Соловьевъ утверждаетъ, что старшій князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ. Въ доказательство того, что старшему князю принадлежало право суда надъ младшими, онъ приво-

дигъ только одно мѣсто источниковъ, а именно— слова, сказанныя Ростиславомъ Юрьевичемъ Изяславу кievскому: «а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди». Если изъ этого мѣста можно вывести чѣлибо право суда, то одного только Изяслава надъ Ростиславомъ, а никакъ не старшаго въ цѣломъ родѣ надъ всѣми остальными. Изяславъ Мстиславичъ, къ которому обращены эти слова, не только не былъ старшимъ въ цѣломъ родѣ, но даже и не считалъ себя за такового: «всихъ насъ старѣй, говоритъ онъ Ростиславу Юрьевичу, отецъ твой, но не умѣеть с нами жити». Итакъ, изъ указаннаго авторомъ мѣста ровно ничего нельзя вывести о правѣ старшаго въ цѣломъ родѣ Рюриковичей князя. «Старѣе» — сказано здѣсь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; Изяславъ былъ только старѣе Ростислава, который говоритъ ему: «ты меня старѣй». Надъ Изяславомъ же поднималась еще цѣлая лѣстница князей, изъ которыхъ одинъ былъ старѣе другого. Старѣй Изяслава былъ его дядя Юрій, старѣй Юрія—его старшій братъ Вячеславъ. Еще старѣе этихъ князей, правнуковъ Ярослава отъ третьяго сына Всеволода, были, по всей вѣроятности, его правнуки отъ втораго сына, Святослава, Владимиръ и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Ольговичъ, также находившійся въ живыхъ.

Какой же смыслъ приведеннаго извѣстія? Ростиславъ былъ многимъ обязанъ Изяславу: онъ получилъ отъ него волость, а во время войны Изяслава съ отцомъ Ростислава, Юріемъ, былъ оставленъ имъ на югѣ «стеречь русской земли». По возвращеніи изъ этого похода, Изяславъ узнаеть, что въ его отсутствіе Ростиславъ замышлялъ на него и хо-

тѣль овладѣть Кіевомъ. Пригласивъ его къ себѣ, Изяславъ напомнилъ Ростиславу все добро, которое ему сдѣлалъ, и затѣмъ передалъ взводимое на него обвиненіе. На это обвиненіе Ростиславъ отвѣчалъ: «Брате и отче! ако ни во умѣ своемъ, ни на сердци ми того не было; пакы ли на мя кто молвить, князь ли который, а се яз к нему, мужъ ли который въ хрестьяныхъ или в поганныхъ, а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди» (Ипат., стр. 261, подъ 1149 г.). Все, что можно вывести изъ этихъ словъ, заключается въ слѣдующемъ: Ростиславъ признаетъ надъ собой въ данномъ случаѣ судъ Изяслава—и только. Основаніе подсудности въ этомъ случаѣ заключается въ личной волѣ Ростислава, а не въ томъ, что Изяславъ его старѣе; иначе пришлось бы допустить, что право суда принадлежало каждому князю *относительно старшему* лѣтами, надъ всѣми другими, которые *его моложе*.

Но мы имѣемъ и положительное доказательство въ пользу того, что даже старшему въ цѣломъ родѣ князю не принадлежало право суда надъ всѣми остальными. Въ 1097 г. такимъ старшимъ былъ Святополкъ-Михайль кievскій. Вмѣстѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ онъ ослѣпилъ Василька. Узнавъ объ этомъ, младшіе князья посылаютъ сказать ему: «чему еси ослепилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и *предъ нами*». Итакъ, младшіе не признаютъ за старшимъ права суда, а говорятъ, что онъ долженъ былъ явиться въ качествѣ обвинителя предъ ихъ судомъ.

Что касается до права старшаго въ цѣломъ родѣ князя наказывать остальныхъ, то, поскольку это право есть необходимое слѣдствіе права суда,

оно также не принадлежало старшему князю, какъ и это послѣднее. Но такъ какъ въ случаѣ нарушенія договоровъ князь, пострадавшій отъ этого нарушенія, подвергалъ виновниковъ его такимъ неудобствамъ, какимъ только могъ, то если только такіе случаи можно разсматривать какъ проявленіе права наказывать,—право это принадлежало каждому князю: младшему наравнѣ съ самымъ старшимъ. Мы только что привели случай наказанія старшаго князя младшимъ: Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ у Всеволода Юрьевича данную ему волость за неисполненіе договора. Соловьевъ, въ подтвержденіе высказаннаго положенія о правѣ старшаго въ цѣломъ родѣ князя наказывать остальныхъ, приводитъ два мѣста источниковъ. Одно изъ нихъ (о Мстиславѣ Владимировичѣ, поточившемъ полоцкихъ князей въ греки) относится къ случаямъ саморасправы за неисполненіе договора и совершенно уравнивается подобнымъ примѣромъ такой же саморасправы младшаго князя со старшимъ. Впрочемъ, и эта ссылка автора выбрана не совсѣмъ удачно. Въ данномъ случаѣ наказываетъ не старшій въ цѣломъ родѣ князь. Наказываетъ Мстиславъ Владимировичъ, а старѣе его были правнуки Ярослава отъ второго сына, Ольговичи и Давыдовичи; еще старѣе тѣхъ и другихъ были правнуки старшаго брата Ярослава, Изяслава полоцкаго, Давыдъ, Ростиславъ и Святославъ Всеславичи. Именно эти-то Всеславичи, самые старшіе изъ Рюриковичей, и потерпѣли въ данномъ случаѣ наказаніе отъ Мстислава. Второе мѣсто, приводимое Соловьевымъ, вовсе не относится къ наказанію старшихъ, а только къ исполненію *притвора* младшихъ кня-

зей, возложеннаго ими на старшаго, при чемъ старшій исполняетъ волю младшихъ.

Далѣ Соловьевъ утверждаетъ, что старшій въ цѣломъ родѣ князь раздавалъ волости. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ не приводитъ ни одной ссылки. Такъ какъ старшимъ былъ всегда *одинъ* въ цѣломъ родѣ, то выписанное положеніе надо понимать такъ: старшій въ цѣломъ родѣ князь держалъ въ своихъ рукахъ все русскія волости и по своему усмотрѣнію раздавалъ ихъ, кому хотѣлъ. Въ источникахъ, дѣйствительно, нѣтъ ни одного мѣста, которое оправдывало бы такой взглядъ. Но можно утверждать, что князья вообще, какъ старшіе, такъ и младшіе, по требованію обстоятельствъ, уступаютъ другъ другу свои волости. Такъ, напри- мѣръ, младшій князь Рюрикъ Ростиславичъ уступилъ въ 1195 г. старшему князю, Всеволоду Юрьевичу, волость въ русской землѣ, а въ 1196 г. отнял ее у него.

За перечисленіемъ правъ старшаго въ цѣломъ родѣ князя, Соловьевъ переходитъ къ перечисленію соотвѣствующихъ имъ обязанностей младшихъ князей. Въ доказательство обязанности младшихъ князей являться на зовъ старшаго дѣлается ссылка на требование Владимира Мономаха, обращенное къ Ярославу Святополчичу и основанное на только что заключенномъ этими князьями мирномъ договорѣ; такимъ образомъ, частному случаю, возникнувшему изъ договора между двумя данными князьями, дается значеніе общаго обычая родового быта. Въ доказательство обязанности младшихъ ходить въ послушаніи старшаго приводится *же- ланіе* Ростислава, чтобы *извѣстные* князья ходили

въ его послушаніи: такимъ образомъ, то, что только желательно и чего еще нѣтъ, но что можетъ возникнуть въ силу соглашенія между извѣстными князьями, принимается за дѣйствующій и общій обычай. Въ доказательство обязанности младшихъ князей выступать въ походъ по приказу старшаго приводится слѣдующее мѣсто лѣтописи: «Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, *веля имъ всимъ съзъкупитися у себе съ всеми полкы своими*». Лѣтописцы, передавая обращеніе одного князя къ другому, весьма нерѣдко облакаютъ это обращеніе въ повелительную форму. Дѣлать отсюда заключеніе о правѣ, по началу родового старшинства, того князя, который «велить» приказывать, и объ обязанности того, кому приказываютъ, подчиняться приказу — это большое заблужденіе. Повелительная форма есть только способъ выраженія, свойственный тому времени, и ничего болѣе. Изъ нея нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ праву повелѣвать.

«Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей, — такъ продолжаетъ авторъ послѣ сдѣланной выше выписки, — точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава,..... всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственной любовью съ обѣихъ сторонъ...».

Въ Ярославовомъ завѣщаніи не говорится ни слова о *правахъ* старшаго князя надъ младшими. Тамъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на право Изяслава *судить* своихъ младшихъ братьевъ, *наказывать ихъ*, *распредѣлять между ними русскія волости по усмотрѣнію*, *приказывать выступать въ походъ* и пр., а потому его нельзя приводить въ поясненіе

высказаннаго авторомъ взгляда. Въ завѣщаніи говорится, правда, о послушаніи младшихъ братьевъ старшему, но тамъ же говорится и о послушаніи ихъ другъ другу и, слѣдовательно, о послушаніи старшаго младшимъ. Въдѣ послѣ изложенія содержанія Ярославова завѣщанія Соловьевъ самъ же восклицаетъ: «ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны...» Дѣйствительно, ни слова, и понятно почему: государя всей страны еще не было.

Неправильное представленіе о старшемъ князѣ богато послѣдствіями: оно повело къ неправильному представленію о порядкѣ перехода столовъ, о князьяхъ-изгояхъ и проч.

Такъ какъ старшій князь является главою всего рода Рюриковичей, и онъ одинъ на всю Россію, то, понятно, преемство столовъ есть вопросъ не отдѣльныхъ волостей, а цѣлой Россіи, а потому долженъ существовать одинъ общій порядокъ, благодаря которому князья достигали старшинства. Родовая теорія думаетъ, что она открыла этотъ порядокъ. Передадимъ, въ чемъ состоитъ онъ, собственными словами автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»: «...когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ея начинаютъ господствовать родовыя отношенія, тѣмъ болѣе, что родъ Рюрика, какъ родъ владѣтельный, не подчинился вліянію никакого другого начала. Князья считаютъ всю русскую землю въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, при чемъ старшій въ родѣ, великій князь, сидитъ на старшемъ столѣ; другіе родичи, смотря

по степени своего старшинства, занимають другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто-родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что когда умретъ старшій, или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, при чемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Такія отношенія въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственнаго начала къ дружинѣ и къ остальному населенію, однимъ словомъ—находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время». Эта картина, взятая изъ предисловія къ первому тому, дополняется во второмъ томѣ еще слѣдующими штрихами: «Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родового старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему. Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ; онъ становился отцомъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно, его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ

сыновья, потому что надъ ними не было болѣе дѣда, — старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ; и точно, дядя называютъ ихъ братьями; но другіе ихъ двоюродные братья оставались попрежнему внуками, малолѣтними, потому что надъ ними попрежнему стояли двѣ степени: старшій дядя считался отцомъ ихъ отцамъ, слѣдовательно, для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда; умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцомъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственныя дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтнихъ — въ совершеннолѣтніе и, такимъ образомъ, мало-по-малу, всѣ молодые князья, чрезъ старшинство своихъ отцовъ, достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, несовершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда понятно теперь, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству. Они говорили: «Какъ прадѣды наши лѣствицею восходили на великое княженіе кievское, такъ и намъ должно достигать его лѣстничнымъ восхожденіемъ». Но когда въ этой лѣстницѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ изгоевъ»¹⁾.

¹⁾ См. выше на стр. 162—164.

Это — цѣлая теорія преемства княжескихъ столовъ, чрезвычайно послѣдовательно проведенная. Кіевъ—единный центръ русской земли. Тамъ княжить всегда старшій въ родѣ. Если онъ умираетъ, мѣсто его занимаетъ слѣдующій за нимъ братъ, а при отсутствіи брата,—старшій сынъ умершаго. Передъ тѣмъ этотъ второй старшій въ родѣ занималъ второй по старшинству столъ въ русской землѣ. Съ переходомъ его на первый, на второй столъ перемѣщается третій по старшинству родственникъ, уступая свое мѣсто четвертому и т. д.; такимъ образомъ, всѣ князья дѣлаютъ шагъ впередъ по направленію къ старшинству. Старшій сынъ, занявшій мѣсто отца, становится отцомъ для младшихъ братьевъ и т. д. Считать кого-либо себѣ «въ отца мѣсто»—это не почетное только наименованіе, а дѣйствительное отношеніе, имѣющее силу перемѣстить родственниковъ одной степени, низшей, на высшую, изъ внуковъ, напримѣръ, возвести ихъ въ сыновья, т.-е. изъ третьей во вторую степень.

«Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей,—говоритъ Соловьевъ въ предисловіи къ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ»,—мы замѣчаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь, на сѣверѣ, новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей,—замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ другихъ линій и подчинить себѣ послѣднія уже въ государственномъ смыслѣ».

Итакъ, ослабленіе родовой связи замѣчается только со второй половины XII вѣка; съ этого времени начинаютъ проявляться эгоистическія стремленія ¹⁾ князей къ увеличенію своихъ силъ (т.-е. владѣній) на счетъ другихъ, и, слѣдовательно, возникаетъ пертурбація въ порядкѣ преемства, а до сихъ поръ все идетъ согласно родовой теоріи.

Любопытно взглянуть на факты: укладываются ли они въ рамки этой стройной теоріи? Если только съ половины XII вѣка начинается ослабленіе родового быта, то, конечно, чѣмъ далѣе въ глубь вѣковъ отъ XII вѣка, тѣмъ безпрепятственнѣе долженъ былъ проявляться въ жизни порядокъ преемства по началу лѣстичнаго восхожденія къ старшинству, тѣмъ большимъ признаніемъ долженъ былъ онъ пользоваться какъ со стороны старшихъ, такъ и со стороны младшихъ князей. Такъ ли это было въ дѣйствительности?

Начнемъ нашу провѣрку съ самаго древняго времени.

По смерти Святослава старшій его сынъ получаетъ Кіевъ; младшіе—одинъ Древлянскую волость, другой—Новгородъ. По теоріи, Ярополкъ дѣлается отцомъ своихъ братьевъ,—младшіе его братья, Олегъ и Владимиръ,—его сыновьями. Но дѣйствительныя отношенія этихъ князей совершенно не соотвѣтствуютъ такому предположенію. Ярополкъ начинаетъ войну съ Олегомъ и присоединяетъ волость брата къ своимъ владѣніямъ. За этимъ Владимиръ начинаетъ войну съ Ярополкомъ, измѣннически приказываетъ его убить при входѣ въ свой дворецъ и

¹⁾ См. выше на стр. 219—220.

завладѣваетъ всѣми его владѣніями. Это ли господство родового быта въ средѣ князей, это ли общее нераздѣльное владѣніе русской землей цѣлымъ родомъ Рюриковичей? По смерти Владимира, старшій его сынъ, Святополкъ, дѣлается кievскимъ княземъ и также вступаетъ въ братоубійственную борьбу съ братьями изъ-за владѣній. Гдѣ же тутъ отецъ и дѣти? Побѣдителемъ выходитъ Ярославъ. Онъ переживаетъ всѣхъ своихъ братьевъ, за исключеніемъ Судислава. Но и онъ не можетъ терпѣть подлѣ себя брата, а по родовой теоріи—сына. Онъ заключаетъ его въ тюрьму и раздаетъ всѣ свои обширныя владѣнія сыновьямъ, ничего не оставляя брату, тогда какъ, по теоріи, брату слѣдовало дать первое мѣсто. Отчего же устраненъ Судиславъ отъ общаго, нераздѣльнаго владѣнія русской землей? Можетъ-быть, онъ изгой въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово родовая теорія? Нѣтъ, его отецъ сидѣлъ въ Кіевѣ, и съ точки зрѣнія теоріи онъ имѣлъ несомнѣнное право на старѣйшинство послѣ Ярослава. Онъ устраненъ былъ потому, что наши древніе князья и не подозрѣвали о существованіи теоріи родового распределенія столовъ.

Свое мнѣніе о князьяхъ-изгояхъ, какъ исключенныхъ изъ старшинства, потому что отцы ихъ умерли, не будучи старшиною рода, теорія подкрѣпляетъ ссылкой на мѣсто изъ устава, приписываемаго новгородскому князю Всеволоду, и толкуетъ совершенно произвольно. Уставъ причисляетъ къ изгоямъ всѣхъ князей-сиротъ, и очень понятно почему ¹⁾.

¹⁾ Относящійся сюда текстъ изъ устава новгородскаго князя Всеволода (отъ 1125—1136 г.) см. выше въ примѣчаніи, на стр. 164; см. также стр. 109 и 88. Для выясненія тер-

Князья-сироты въ эпоху господства въ междукняжескихъ отношеніяхъ политики эгоизма находились въ жалкомъ положеніи, а потому и могли быть приравнены къ изгоямъ. Родовая же теорія разумѣетъ подъ князьями-изгоями только такихъ князей, отцы которыхъ умерли, не княживъ въ Кіевѣ. Къ такому ограничительному толкованію нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Изъ неправильнаго положенія—и слѣдствія выводятся неправильныя: «Отсюда понятно,—говоритъ теорія,—почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству»¹⁾. Но Всеволодъ Ольговичъ достигъ же старшинства, хотя отецъ его и никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ? Съ согласія князей Владимировичей Всеволодъ княжилъ въ Кіевѣ до своей смерти и даже передалъ свое кіевское княженіе брату Игорю, отецъ котораго тоже никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ. На эту передачу согласились и князья, и граждане Кіева. И это не единственный случай. Въ Кіевѣ сидѣлъ и Изяславъ Давыдовичъ, отецъ котораго никогда не былъ старѣйшиной въ смыслѣ родовой теоріи. Права его были признаны не только черниговскими князьями, но и Мономаховичами, кіевскими отчичами и дѣдичами. Стало-быть, и этого правила родовой теоріи никто не зналъ въ древности.

Чѣмъ же доказываетъ родовая теорія лѣгствичное восхожденіе къ старшинству? Доказательства ея

мина изгой необходимо имѣть въ виду стр. 263—267 перваго тома «Русскихъ Юридическихъ Древностей» В. Сергѣевича (по изд. Спб. 1890).

¹⁾ Срв. выше на стр. 163.

очень немногочисленны и не сильны. Первое доказательство такое: «когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославику, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей и движенія князей изъ одной волости въ другую по старшинству, лѣтвичнымъ восхожденіемъ». Фактъ перевода Игоря изъ Владимира въ Смоленскъ несомнѣненъ; но почему это сдѣлали старшіе братья, — лѣтописецъ не объясняетъ. Родовая теорія пользуется этимъ фактомъ въ свою пользу. Это было бы еще до нѣкоторой степени возможно въ томъ случаѣ, если бы мы точно знали, кто четвертый, кто пятый сынъ Ярослава, а мы этого не знаемъ. Начальный лѣтописный сводъ записалъ ¹⁾ только годъ рожденія Вячеслава; онъ относитъ его къ 1036-му г. Годъ рожденія Игоря сообщаетъ Татищевъ: онъ относитъ его къ 1036-му, а рожденіе Вячеслава къ 1034-му. Это свидѣтельство трудно принять за несомнѣнное, такъ какъ оно противорѣчитъ начальному лѣтописному своду. Другое основаніе для опредѣленія старшинства двухъ младшихъ Ярославичей, это — порядокъ, въ какомъ они перечислены въ завѣщаніи Ярослава. Но въ большинствѣ списковъ имя Игоря опущено; только въ Троицкомъ онъ упомянуть, но не на пятомъ мѣстѣ, какъ бы нужно было для родовой теоріи, а на четвертомъ; по этому

¹⁾ Лаврент. подъ 1036 г. на стр. 147: «Иде Ярославъ Новгороду, и посади сына своего Володимера Новгородѣ, епископа постави Жидяту; и в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ».

свидѣтельству онъ старше Вячеслава ¹⁾. Если принять свидѣтельство Троицкой лѣтописи, то будетъ доказано совершенно противное тому, чего желаетъ родовая теорія: старшій братъ окажется переведеннымъ на мѣсто младшаго, и получится движеніе не къ старшинству, а въ обратную сторону. Можно ли что-нибудь основывать на такихъ шаткихъ данныхъ? Но мы поставимъ такой вопросъ: можно ли видѣть въ сыновьяхъ Ярослава вѣрныхъ проводниковъ патриархальныхъ началъ жизни и всякое дѣйствіе ихъ объяснять стремленіемъ къ выполнению правилъ родовой теоріи? Это очень сомнительно. Святославъ и Всеволодъ не затруднились же прогнать изъ Кіева своего старшаго брата и овладѣть его княженіемъ. А этотъ старшій братъ, въ союзѣ со Всеволодомъ, не затруднился обобрать своихъ племянниковъ, сыновей Святослава и Вячеслава. Въ виду этихъ хищническихъ свойствъ сыновей Ярослава, мы склонны думать, что они перевели младшаго брата въ Смоленскъ вовсе не для того, чтобы открыть ему радужныя перспективы кіевского княженія, а чтобы подѣлиться его волостью, а его самого удовлетворить наслѣдіемъ малолѣтняго Бориса Вячеславича, который явился въ этомъ случаѣ изгоемъ въ настоящемъ смыслѣ слова, ибо по малолѣтству совершенно былъ обобранъ своими дядями.

¹⁾ Срв. выше на стр. 152 текстъ завѣщанія Ярослава, приведенный по новому изданію Лаврентьев. лѣт.; срв. текстъ того же завѣщанія на стр. 585 книги А. А. Шахматова. *Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ*. Спб. 1908. Имя Игоря, несомнѣнно, входило въ лѣтописный оригиналъ.

«Потомъ,—продолжаетъ теорія родового быта свои доказательства,—когда Святославъ Ярославичъ, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ кievскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ». Въ доказательство господства преемства по родовому старшинству берется фактъ вопіющаго нарушенія этого старшинства. Два младшихъ брата прогоняютъ изъ Кіева старшаго, т. е. своего отца, и производятъ новое между собой распредѣленіе и добычи и прежнихъ своихъ владѣній, и это хищничество должно служить намъ примѣромъ патріархальныхъ порядковъ родового быта!

Этимъ ограничиваются доказательства, и Соловьевъ переходитъ къ объясненію условій, при которыхъ возникаютъ наследственные владѣнія въ княжескихъ линіяхъ.

Самое выраженіе «лѣствичное восхожденіе» не выдуманно авторомъ теоріи родового быта,—оно взято имъ изъ Никоновской лѣтописи и принадлежитъ XVI вѣку. Неизвѣстный намъ составитель Никоновской лѣтописи не ограничивается простой передачей того лѣтописнаго матеріала, который онъ нашелъ въ старыхъ спискахъ лѣтописей. Онъ заинтересованъ смысломъ описываемыхъ событій и иногда не можетъ отказать себѣ въ попыткѣ объяснить эти событія. Но онъ дѣлаетъ это не со стороны, не отъ своего имени,—онъ влагаетъ свои объясненія въ уста дѣйствующихъ лицъ. Вотъ именно въ такомъ-то сочиненномъ самимъ составителемъ мѣстѣ и идетъ рѣчь о лѣствичномъ восхожденіи. Составителя Никоновской лѣтописи заинтересовалъ и насъ зани-

мающій вопросъ о томъ, на какомъ основаніи происходило въ древности преемство столовъ. Онъ началъ вдумываться въ него и рѣшилъ, что они достигаютъ Кіева лѣтвичнымъ восхожденіемъ ¹⁾. Но онъ не написалъ объ этомъ особаго изслѣдованія, какъ сдѣлали бы люди нашего времени. Онъ воспользовался приводимымъ въ старой лѣтописи споромъ князей изъ-за обладанія Кіевомъ и заставилъ черниговскаго князя въ своемъ отвѣтѣ кіевскому высказать свою собственную мысль о древнемъ порядкѣ преемства. Составитель лѣтописи, конечно, былъ совершенно убѣжденъ въ правдивости своего объясненія, а потому и не затруднился замѣнить старый текстъ, по всей вѣроятности, мало ему понятный, своимъ сочиненіемъ. Если Соловьевъ отдаетъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе тексту Никоновскаго списка передъ списками болѣе древними, — это прискорбное недоразумѣніе и только.

Корень ошибочнаго толкованія источниковъ родовой теоріей заключается въ томъ, что она отправлялась отъ предположенія надличности строго выработаннаго и притомъ чрезвычайно сложнаго порядка ²⁾ преемства столовъ для такого времени, когда люди дѣйствовали не столько по правиламъ, сколько въ мѣру своей силы. Родовая теорія заплатила этимъ дань своему времени. Мы понимаемъ пользу правового порядка. Мы говоримъ: всякій законъ лучше

¹⁾ Срв. выше примѣчаніе на стр. 163. Соответственный отрывокъ изъ Никоновской лѣтописи приведенъ А. Прѣсняковымъ въ примѣчаніи на стр. 126. См. далѣе замѣчанія Градовскаго на стр. 307.

²⁾ Срв. выше на стр. 45 и 235, также стр. 244.

произволя. Мы думаемъ, что безъ закона жить нельзя. Родовая теорія перенесла эти воззрѣнія въ отдаленную древность. Она была не въ состояніи представить себѣ жизнь безъ точныхъ правилъ, а наша древность не была еще въ силахъ выработать эти правила ¹⁾).

¹⁾ При чтеніи приведеннаго отрывка изъ книги В. Сергѣевича читатели припомнятъ выдержку изъ Соловьева на стр. 168—152 нашего сборника.—Для подробнаго изученія вопроса необходимо проглядѣть въ диссертациі В. Сергѣевича *Въче и князь*, стр. 44—50—«замѣтка о значеніи слова родъ», и стр. 265—272—«замѣтка по поводу мнѣнія о родовомъ бытѣ князей». — Упомянутая выше на стр. 275—276 нашего сборника Троицкая лѣтопись сохранилась не въ оригиналѣ, а лишь въ отрывкѣ, напечатанномъ въ 1804 г. Чеботаревымъ и Черепановымъ.

II.

Распредѣленіе ¹⁾ волостей между князьями.

Нашей древности былъ совершенно неизвѣстенъ какой-либо опредѣленный порядокъ преемства столовъ. Столы распредѣлялись подѣ влияніемъ весьма разнообразныхъ началъ: народнаго избранія, распоряженія правящаго князя, начала отчины и даже старѣйшинства, но ни одно изъ этихъ началъ не было настолько сильно, чтобы могло осуществиться само собой и наперекоръ другимъ. Для проведенія одного изъ этихъ началъ въ дѣйствіе необходимо было, чтобы другіе содѣйствовали ему или, по крайней мѣрѣ, не мѣшали. Въ противномъ случаѣ между разнородными началами возникала борьба, и торжествующимъ выходило то, представители котораго въ данномъ случаѣ были фактически сильнѣе.

Реальная сила этихъ началъ была далеко неодинакова. Народное избраніе и распоряженіе правящаго князя всегда имѣли за собой нѣкоторую дѣйствительную силу. Но и они могли встрѣтиться съ болѣе мощною силою и быть вынужденными

¹⁾ Изъ второго тома «Русскихъ Юридическихъ Древностей», стр. 291—301. См. выше на стр. 118—119 нашего сборника замѣчанія А. Е. Прѣснякова о договорной теоріи В. Сергѣевича.

уступить ей. Въ 1146 году Изяславъ Мстиславичъ занялъ Кіевъ по народному избранію; но въ 1149 году, когда обстоятельства измѣнились и Юрій началъ одолѣвать Изяслава, тѣ же кіевляне стали просить своего избранника уступить Кіевъ Юрію. Дѣдъ этого Изяслава, Владимиръ Мономахъ, еще при жизни своей сдѣлалъ распоряженіе о преемствѣ своихъ владѣній: старшему сыну его, Мстиславу, въ Кіевѣ долженъ былъ наследовать второй сынъ, Ярополкъ; а сыновья Мстислава должны были получить Переяславль. Владимиръ былъ силенъ и могъ приказывать своимъ дѣтямъ. Но исполнять волю его пришлось послѣ его смерти. Младшій его сынъ, Юрій, не подчинился волѣ умершаго отца и прогналъ племянниковъ изъ Переяславля. Ярополкъ хотѣлъ настоять на исполненіи воли завѣщателя, но это ему тоже не удалось, и онъ уступилъ Переяславль Юрію.

Вслѣдствіе этого народу и правящимъ князьямъ мало было выразить свою волю,—имъ надо было скрѣпить ее предварительнымъ согласіемъ наибольшаго числа другихъ факторовъ нашей древней политической жизни. Такъ Всеволодъ Ольговичъ черниговскій, желая по смерти своей передать кіевскій столъ брату своему Игорю, заручается предварительнымъ согласіемъ кіевлянъ и князей, въ числѣ которыхъ были лица, имѣвшія даже болѣе правъ на Кіевъ, чѣмъ Игорь.

Начало отчины и старѣйшинства имѣетъ за собой еще менѣе реальной силы, чѣмъ воля народа и воля правящаго князя. Можно представить себѣ отчича въ пеленкахъ. Какіе же у него шансы осуществитъ свои отчинныя права? Сами по себѣ права

эти не дѣйствуютъ, а суда, передъ которымъ можно было бы искать признанія ихъ, не было. Положеніе такихъ князей-сиротъ было въ древности такъ мало обезпечено, что ихъ приравнивали къ изгоямъ. У старѣйшины также нельзя предполагать непременно наличность необходимой реальной силы для осуществленія какихъ-либо наслѣдственныхъ притязаній. У Вячеслава была дружина, но совершенно отсутствовала энергія. Это всѣ знали, и когда Юрію пришла въ голову мысль уступить ему Кіевъ, княжіе мужи возстали, указывая на то, что послѣдствіемъ этого будетъ утрата Кіева и ничего больше. Отчичи и старѣйшины для осуществленія своихъ желаній нуждались еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ народъ и правящіе князья, въ наличности такихъ благопріятныхъ условій, какихъ дѣйствительность могла и не представить.

Такимъ образомъ, тѣ четыре начала, подъ вліяніемъ которыхъ происходило распредѣленіе столовъ, въ дѣйствительности нерѣдко нарушались, и князья занимали столы не въ силу этихъ началъ, а наперекоръ имъ. Такъ Святославъ Ярославичъ, прогнавъ изъ Кіева брата Изяслава, нарушилъ этимъ не только распоряженіе отца, но и начало старѣйшинства; Владимиръ Мономахъ, занявъ Кіевъ по народному избранію, нарушилъ распоряженіе дѣда и постановленіе Любецкаго съѣзда, признавшаго начало отчины; тѣ же начала нарушилъ и Всеволодъ Ольговичъ, изгнавшій изъ Чернигова дядю Ярослава, и пр., и пр., и пр.

Какъ же разсматривались у насъ въ древности такіе случаи?

Случай эти неодинаковы. Лучшіе изъ нихъ тѣ, когда князь, занимая извѣстный столъ, имѣлъ за себя хотя бы одно изъ четырехъ началъ, опредѣлявшихъ распредѣленіе столовъ; худшіе—когда онъ ничего не могъ привести въ свою пользу, кромѣ насилія и хищенія.

Наша древность легко примирялась даже съ худшими. Вопіющій примѣръ представляетъ Всеволодъ Ольговичъ, изгнавшій дядю Ярослава Святославича изъ Чернигова въ Рязань. Ярославъ былъ отчичемъ Чернигова и находился въ спокойномъ обладаніи этимъ городомъ, который онъ наслѣдовалъ по смерти старшаго брата Давыда. Всеволодъ, съ точки зрѣнія того времени, не имѣлъ никакихъ законныхъ притязаній на Черниговъ, которыя давали бы ему право искать этотъ городъ подъ дядею. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ всѣми признанъ черниговскимъ княземъ. Еще менѣе правъ имѣлъ онъ на Кіевъ, но также былъ всѣми признанъ кіевскимъ княземъ, княжилъ тамъ до смерти и получилъ согласіе даже отчичей Кіева на передачу этого княженія своему брату Игорю. А многимъ ли лучше этого Всеволода былъ Святославъ Ярославичъ, прогнавшій своего старшаго брата изъ Кіева? Если ему дѣйствительно угрожала опасность со стороны Изяслава, тогда онъ находился въ состояніи обороны и, конечно, могъ сдѣлать то, что сдѣлалъ. Но былъ ли онъ въ состояніи обороны? Это ничѣмъ не доказано и представляется весьма сомнительнымъ.

Наши старыя лѣтописцы хотя очень робко, но осуждаютъ такіе хищническіе захваты волостей. Осужденіе это проявляется въ томъ, что они иначе и объяснить ихъ не могутъ, какъ дьявольскимъ

внушеніемъ. Описанію распри Ярославичей началь-
ный лѣтописецъ предпосылаетъ такое замѣчаніе:
«въздвиге дьяволъ котору въ братьи сей Яросла-
вичихъ» (подъ 1073 г. въ Лавр. лѣт.). Такъ же точно
измѣну союзниковъ Мстислава Изяславича лѣтопи-
сецъ объясняетъ тѣмъ, что «искони вселукавый дья-
волъ, не хотяй добра всякому христіанину и любви
межи братьею» и т. д. Но политика того времени
легко мирилась со всѣми этими насиліями и хище-
ніями. Мирилось съ ними даже и духовенство, ко-
торое брало на себя грѣхъ клятвопреступленія. Оно
руководствовалось при этомъ самими лучшими по-
бужденіями ¹⁾, но не могло устранить роковыхъ по-
слѣдствій примиренія съ неправдой. А послѣдствія
эти состояли въ томъ, что всякій неправильный за-
хватъ послѣдовавшимъ за тѣмъ примиреніемъ съ
заинтересованными въ немъ лицами обращался въ
правильно прибрѣтенное владѣніе; возможность же
такого способа расширенія своихъ владѣній разжи-
гала хищническіе инстинкты ²⁾ князей и подталкивала
ихъ къ насиліямъ. Распредѣленіе князей по столамъ
переходило, такимъ образомъ, въ борьбу князей изъ-
за волостей ³⁾. Эту борьбу должны были вести даже и

¹⁾ Приведеннаго въ текстѣ положенія авторъ почему-то
не считаетъ необходимымъ подтверждать какими-либо сообра-
женіями. Срв. далѣе на стр. 319. *Ред.*

²⁾ Срв. выше примѣчаніе на стр. 219—220 и стр. 272.

³⁾ Авторъ «Исторія отношеній между князьями Рюрикова
дома» (Соловьевъ) отлично зналъ лѣтописи, тѣмъ не менѣе
онъ утверждаетъ, что захватъ волости, благодаря силѣ и
удачѣ, есть новое московское явленіе. Этому трудно повѣрять,
но такъ у него написано. Разсуждая (на 439 стр.) о захватѣ
сыновьями Юрія Москвы, онъ говоритъ: «ихъ право не было

тѣ князья, которые имѣли на своей сторонѣ одно или даже нѣсколько изъ указанныхъ выше законныхъ притязаній на столъ. Изяславъ Мстиславичъ былъ отчичемъ Кіева и Переяславля и народнымъ избранникомъ, но и ему пришлось воевать изъ-за обладанія этими городами и съ черниговскими князьями, и съ Юріемъ Владимировичемъ. Изяславъ самъ понималъ, что онъ сдѣлался обладателемъ этихъ городовъ не столько въ силу права, сколько въ силу умѣнья, а потому онъ и говоритъ о себѣ: «добылъ есмь головою своею Кіева и Переяславля». Но добыть Кіевъ можно было и безъ всякихъ законныхъ основаній, однимъ умѣньемъ. Такъ добылъ его Всеволодъ Ольговичъ черниговскій. Эта свободная дѣятельность «добыванія» столовъ проходитъ чрезъ всю нашу исторію и выражается въ различныхъ терминахъ. Кромѣ слова «добывать», было еще въ употребленіи выраженіе «искать». Всеволодъ Ольговичъ черниговскій, овладѣвъ Кіевомъ, долженъ былъ подѣлиться съ своими родными братьями, но не умѣлъ прійти съ ними въ этомъ отношеніи къ соглашенію. Они хотѣли получить прирѣзку къ своимъ владѣніямъ въ Черниговской волости, а онъ предлагалъ имъ кіевскіе города. Они отвѣчали ему такъ: «Ты намъ братъ старшій, аже ны не даси, а намъ самимъ о собѣ поискати».

И затѣмъ между братьями началась война—этотъ обыкновенный способъ исканія волостей.

Въ этомъ же смыслѣ употреблялось и слово «налѣзать». Владимиръ Мономахъ съ такою рѣчью обращается къ Олегу Святославичу: «Аще бы тогда старинное право старшинства, но *право новое, право силы и удачи*».

свою волю створилъ, и Муромъ надѣзлъ, а Ростова бы не занималъ...»

И вотъ въ такомъ-то хаотическомъ состояніи и находился вопросъ о распредѣленіи столовъ между князьями во все до-московское время и перешель въ московское. Наше древнее право въ Москвѣ переродилось, но рассматриваемый вопросъ подвергся въ ней сравнительно небольшимъ измѣненіямъ. Самое крупное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что съ исчезновеніемъ вѣча избраніе народное отпало. Но затѣмъ московское правительство не регулировало преемства никакимъ общимъ закономъ и осталось при старыхъ средствахъ, распоряженіяхъ на отдѣльный случай. При возросшей власти московскихъ государей распоряженія эти имѣли, конечно, большую силу, чѣмъ распоряженія кievскихъ князей; но и московскіе государи еще при жизни своей договаривались съ сосѣдями о будущемъ своемъ преемникѣ. Условіе такого рода находимъ въ договорѣ Димитрія Ивановича съ серпуховскимъ княземъ, Владимиромъ Андреевичемъ: «Тебѣ, брату моему молодшему и моему сыну, князю Володимеру Ондрѣвичу, держати ти подо мною и подъ моимъ сыномъ, подъ княземъ подъ Василюемъ, и подъ моими дѣтьми княженіе мое великое честно и грозно».

Такое договорное признаніе наслѣдника встрѣчаемъ даже въ правленіе великаго князя московскаго Ивана Васильевича, въ самомъ концѣ XV вѣка.

Благодаря цѣлому ряду счастливыхъ случайностей, начало отчины въ прямой нисходящей линіи получаетъ въ Москвѣ почти безпрепятственное при-

мѣненіе. Но причина этого заключалась не въ работѣ новыхъ началъ преемства, неизвѣстныхъ до-московской Россіи, а единственно въ отсутствіи конкурентовъ-отчичей. Какъ только появились такіе конкуренты, московскіе князья оказались совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ нерѣдко бывали и ихъ отдаленные предшественники, князья кievскіе. Великаго князя московскаго, Василия Димитріевича, пережили сынъ и родные братья, отчичи великаго княженія. По примѣру предковъ своихъ, онъ хотѣлъ оставить свой столъ сыну. Но какъ обезпечить за нимъ великое княженіе отъ притязаній братьевъ? Въ его рукахъ были только тѣ же средства, какими пользовались князья кievскіе. Для этого надо было или устранить конкурентовъ, или войти съ ними въ соглашеніе.

Василій Димитріевичъ избралъ послѣдній путь, но не могъ склонить на свою сторону всѣхъ братьевъ. Съ нимъ согласились только Андрей и Петръ, которые и заключили договоръ на условіи не искать подъ Василиемъ и его дѣтьми того, чѣмъ благословилъ ихъ отецъ. Юрій и Константинъ не присоединились къ такому соглашенію. Въ первой духовной грамотѣ Василия Димитріевича, въ которой онъ передаетъ свою отчину сыну, находимъ такое мѣсто: «А о своемъ сынѣ и о своей княгинѣ покладаю на Бозѣ и на своемъ дядѣ, на князи на Володимерѣ Ондрѣевичѣ, и на своей братьи, на князи на Ондрѣѣ Дмитреевичѣ и на князи на Петрѣ Дмитреевичѣ по dokonчанью, какъ ся имуть печаловатися».

Какъ Мстиславъ кievскій около 300 лѣтъ тому назадъ передаетъ заботу о своихъ дѣтяхъ брату Ярополку, такъ и московскій князь поручаетъ сына

печалованію братьевъ и дяди. Причина—та же, соглашеніе, къ которому присоединился на этотъ разъ и дядя, Владимиръ Андреевичъ. Во второмъ завѣщаніи, написанномъ, послѣ смерти старшаго сына Ивана, въ пользу слѣдующаго за нимъ Василія, печалованіе возложено и на младшаго брата Константина; старшаго же, Юрія, и здѣсь нѣтъ. Ясно, онъ продолжалъ упорствовать, не желая признать правъ племянника на великое княженіе и считая себя отчичемъ. Онъ занялъ совершенно то же положеніе, какъ и отдаленный его родичъ и соименикъ Юрій Владимировичъ, не хотѣвшій признать правъ сыновей Мстислава сперва на Переяславль, а потомъ и на великое княженіе кievское. Послѣ смерти Василія Димитріевича, Юрій Димитріевичъ обнаружилъ свои замыслы, началъ войну съ племянникомъ изъ-за обладанія великимъ княженіемъ московскимъ. На сторонѣ Василія Васильевича стояли союзники, доставленные ему еще покойнымъ отцомъ, родные дяди, Андрей, Петръ и Константинъ, и дѣдъ по матери, литовскій князь Витовтъ. Силы Юрія были слабѣе силъ его противниковъ; въ 1428 году онъ былъ вынужденъ заключить съ Василіемъ миръ, по которому, наконецъ, обязался не искать подъ нимъ наслѣдія его отца. Но Юрій недолго оставался вѣренъ этому вынужденному соглашенію. Въ концѣ 1430 года онъ возобновилъ споръ о великомъ княженіи, возвратилъ Василію крестную грамоту и поѣхалъ въ Орду, думая привлечь на свою сторону татаръ.

Русскій лѣтописецъ называетъ ордынскаго хана ¹⁾ царемъ. Русскіе князья изъ рукъ этого царя полу-

¹⁾ Срв. выше на стр. 251 и слѣд., также стр. 150.

чали свои владѣнія и били ему челомъ обо всякихъ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли управиться. Такъ поступилъ теперь и князь Юрій: онъ билъ челомъ царю о великомъ княженіи. Царь нарядилъ судъ изъ своихъ князей и повелѣлъ имъ судить князей русскихъ. Истець, князь Юрій, и отвѣтчикъ, великій князь Василій, находились налицо и защищали свои интересы предъ татарскимъ трибуналомъ. «И многа прѣ бысть межъ ими», говоритъ лѣтописецъ. Къ сожалѣнію, онъ передаетъ пренія сторонъ въ слишкомъ краткомъ изложеніи: «князь велики,— читаемъ у него,— по отчеству и дѣдству искаше стола своего; князь же Юрьи лѣтописци и старыми списки и духовною отца своего, великого князя Дмитрея».

Великій князь ссылается въ свою пользу на то же основаніе, на какое ссылались и князья XII вѣка. Юрій, съ своей стороны, тоже ничего не приводитъ новаго: онъ ссылается на старыя прецеденты, записанные въ лѣтописцы, и старыя списки. Мы уже знаемъ, что тамъ были записаны и случаи перехода отчинъ отъ брата къ брату, съ устраненіемъ племянниковъ. Эти случаи, конечно, и приводилъ въ свою пользу Юрій. Итакъ, въ XV вѣкѣ вопросъ о наслѣдованіи въ княжескихъ отчинахъ такъ же былъ споренъ, какъ и въ XII-мъ и разъяснялся прецедентами стараго времени.

Кромѣ ссылки на старину, Юрій приводитъ въ свою пользу и завѣщаніе отца. Распредѣливъ владѣнія свои между дѣтьми, Димитрій Ивановичъ въ своей духовной грамотѣ написалъ: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему

князь Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ (т.-е. удѣломъ второго сына) подѣлитъ ихъ моя княгиня».

Эта статья дѣйствительно говорить въ пользу Юрія. Великій князь Василій Димитріевичъ умеръ, за нимъ слѣдоваль Юрій, онъ и долженъ получить великое княженіе. Такъ написано.

Но въ самомъ ли дѣлѣ Димитрій Ивановичъ хотѣлъ такъ написать? Это очень трудно допустить, ибо результатъ получается совершенно несогласный съ обычаями старины и самъ по себѣ нелѣпный. Юрій переходитъ на великое княженіе, а его удѣлъ дѣлится между братьями,—что же получаютъ сыновья Василя? Ровно ничего, точно такъ же, какъ и сыновья Юрія, если бы и онъ умеръ на великомъ княженіи, ибо, по аналогіи, слѣдующій за нимъ братъ получилъ бы великое княженіе, а удѣлъ этого слѣдующаго раздѣлился бы между другими братьями и т. д. Въ концѣ-концовъ, великое княженіе и всѣ остальные владѣнія Димитрія Ивановича, или почти всѣ, сосредоточились бы въ рукахъ того изъ младшихъ его сыновей, который пережилъ бы своихъ старшихъ братьевъ, и его потомства съ полнымъ устраненіемъ потомства старшихъ сыновей, умершихъ ранѣе этого младшаго. Такого порядка вещей не могъ желать Димитрій Ивановичъ. Почему его внуки отъ старшихъ сыновей должны были лишиться всякаго участія въ наслѣдствѣ? Очевидно, въ завѣщаніи описка. Димитрій Ивановичъ, оставляя послѣ себя очень еще молодыхъ сыновей, думалъ о бездѣтной ихъ смерти. Его мысль слѣдовало выразить такъ: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего Василя, а не будетъ у него дѣтей, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой» и т. д.

Надо полагать, однако, что аргументъ Юрія, основанный на буквѣ завѣщанія, показался совѣтникамъ Василія весьма опаснымъ, потому что они перемѣнили тактику и отъ прецедентовъ обратились къ лести ордынскому царю. «И тогда,—продолжаетъ лѣтописецъ,—рече бояринъ великаго князя Василія Дмитреевича царю и княземъ его, сие глаголя: «Государь, волный царь, ослободи молвити слово мнѣ, хололу великаго князя! Нашъ государь, великій князь Василій, ищетъ стола своего, великаго княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью и по твоимъ дѣстеремъ и арлыкомъ. А се твое жалованье передъ тобою. А господинъ нашъ, князь Юрій Дмитреевичъ, хочетъ взяти великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, волного царя. А ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого всхощешь жаловати на твоей воли! А государь нашъ, князь великій Василей Дмитреевичъ, великое княженіе далъ своему сыну, великому князю Василію, по твоему жалованію волнаго царя; а уже, господине, которой годъ сѣдитъ на столѣ своемъ, а на твоемъ жалованіи, тебѣ, своему государю, волному царю, правяся, а самому тебѣ вѣдомо».

Васидій Дмитріевичъ выигралъ дѣло и получилъ великое княженіе; но какою цѣной? Цѣной лести и отказа отъ всей старины.

Въ только что приведенной рѣчи бояринъ его, извѣстный И. Д. Всеволожскій, вовсе не настаиваетъ на наслѣдственныхъ правахъ своего государя, и рѣшеніе спора ставитъ въ зависимость исключительно отъ воли царя; даже завѣщаніе дѣда своего государя называетъ онъ мертвой грамотой! Этого не слѣдуетъ, конечно, принимать буквально. Рѣчь боя-

рина есть образчикъ судебнаго краснорѣчія XV вѣка — и только. При спорности вопроса съ точки зрѣнія прецедентовъ и буквы завѣщанія обращеніе къ безусловной волѣ царя, который какъ бы уже одобрилъ переходъ великаго княженія къ сыну покойнаго князя, представлялось весьма ловкимъ ораторскимъ пріемомъ. Въ данномъ случаѣ побѣдила не идея наследственности, дѣйствительно упрочившаяся въ Москвѣ, а признаніе абсолютной власти хана ¹⁾).

Но въ московское время начало отчины дѣлаетъ успѣхи не въ одной Москвѣ, а также и въ удѣлахъ московскихъ и въ другихъ великихъ княженіяхъ. Оно торжественно гарантируется самими великими князьями московскими въ многочисленныхъ договорахъ, заключенныхъ ими съ сосѣдними великими и удѣльными князьями. Какъ же случилось, что эти наследственные владѣнія соединились всѣ съ Москвой? Въ силу древняго начала добыванія, для котораго въ московское время возникаетъ новое названіе «примысла». Московскіе государи примышляютъ себѣ и московскіе наследственные удѣлы, и сосѣднія наследственные великія княженія. Примышляли и кievскіе князья, но ихъ примыслы по смерти ихъ всегда распадались на свои составныя части. Димитрію Ивановичу московскому принадлежитъ великая заслуга: онъ вводитъ начало нераздѣльности великаго княженія. Этому новому началу мы и обязаны образовавіемъ недѣлимаго государства.

¹⁾ Срв. выше на стр. 253—254.

Б. ТЕОРІЯ А. Д. ГРАДОВСКАГО.

(А. Д. Градовскій. «Государственный строй древней Россіи»¹⁾
Спб. 1868).

Самое заглавіе книги, «Вѣче и Князь», показываетъ, что В. Сергѣевичъ признаетъ «два одинаково существенныхъ элемента древне-русскаго общественаго быта»: народъ и князя; дѣятельность

¹⁾ Предлагаемое изложеніе взято изъ отчета Градовскаго о книгѣ В. Сергѣевича *Вѣче и Князь*, перепечатаннаго въ сборникѣ: *Политика, исторія и администрація. — Критическія и политическія статьи А. Градовскаго*. Спб. 1871 (на стр. 50—87). При изученіи приведеннаго здѣсь отрывка читатели должны имѣть въ виду, что книга В. Сергѣевича «Вѣче и Князь» — догматическое изложеніе началъ древне-русскаго государственнаго устройства, въ которомъ историческое движеніе остается совершенно въ сторонѣ. Это изображеніе государственнаго быта княжеской эпохи съ точки зрѣнія покоя является, по мнѣнію Градовскаго, основнымъ недостаткомъ книги В. Сергѣевича. Но и самъ Градовскій, подобно многимъ старымъ писателямъ, не дѣлаетъ еще вполне рѣзкаго разграниченія между Русью кievской и сѣверо-восточной. Основная точка зрѣнія на этотъ счетъ выражалась въ литературѣ конца прошлаго вѣка такъ: «Древній періодъ нашей исторіи, *кievскій*, отдѣленъ отъ послѣдующей исторіи не только хронологически, но и реально. Сравнительно съ послѣдующимъ временемъ это—совсѣмъ разныя обстановка, различныя отдѣлы русскаго народности и *совсѣмъ различныя историческія процессы*. Можно сказать, что русская народность, достигнувшая значительныхъ успѣховъ исторической жизни на югѣ, на сѣверѣ должна была начать всю историческую работу сначала».

Ред.

княжеской власти и формы народнаго быта одинаково вліяли на образованіе государства. Это важный шагъ впередъ въ русской юридической наукѣ.

До настоящаго времени ¹⁾ большинство представителей науки признавали за народомъ исключительно пассивную роль. Въ ихъ глазахъ это была инертная масса, въ которой лишь постепенно, съ большими усиліями со стороны правительства и при нерѣдко упорномъ сопротивленіи со стороны общества, прививались государственныя формы и другіе продукты «цивилизациі». Варяжская дружина начала это воспитаніе; Иванъ III и Иванъ IV продолжали его; Петръ Первый закрѣпилъ ихъ дѣло. Формы же народнаго быта являлись антигосударственнымъ началомъ; онѣ не укладывались подъ «цивилизацию». Народъ, державшійся за нихъ, уходилъ въ казаки, въ вольницу, въ расколъ. Государственная одежда, сотканная искусными руками западныхъ просвѣтителей, постепенно облекала грубое тѣло русскаго казака. Каждый успѣхъ цивилизациі былъ въ то же время и торжествомъ русскаго государства надъ антигосударственными началами. Успѣхъ русскаго государства обусловливался побѣдою надъ русскимъ народомъ! Таковы чудовищные результаты, порожденные невинною школою родового быта черезъ примѣненіе ея началъ къ народному быту древней Россіи.

Книга В. Сергѣевича рѣшаетъ этотъ вопросъ просто и ясно: государство русское было произведеніемъ народа (вѣче) и правительства (князя). Въ половинѣ IX вѣка народъ не представлялъ инертной

¹⁾ Писано въ 1868 г.

массы населенія, разрозненнаго родовымъ бытомъ; призванные князья не были силою, внезапно упавшею съ неба, прекратившею хаосъ и сотворившею русскую землю. Потребность государственнаго порядка давно уже сознавалась славянскими общинами. Князья и были представителями государственнаго порядка и именно для этого «порядка» призывались въ каждую волость. Подобно тому, какъ лѣтописное¹⁾ призваніе 862 года не было первымъ призваніемъ, оно не было и послѣднимъ. Въ нашей исторіи оно имѣетъ значеніе не фикціи, подобно идеѣ договора въ теоріи Гоббеса и Руссо, но дѣйствительнаго факта, ибо непрерывно повторялось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Начало призванія вполне опредѣляетъ отношенія, существовавшія между народомъ и княземъ; то, что въ 862 году ильменскіе славяне сдѣлали для цѣлой Россіи, впоследствии каждый городъ дѣлаетъ для себя. Каждая волость призываетъ или принимаетъ князя для правленія ею.

Итакъ, князь и призвавшій или принявшій его народъ—вотъ существенные элементы древняго государственнаго быта. Форма, въ которой проявлялась народная дѣятельность, называлась «вѣчемъ». Присутствіе князя въ каждой волости и обуславливалось волею вѣча. Необходимость вѣча заключалась въ организаціи древне-русскаго общества. Безъ анализа организаціи этого общества нѣтъ возможности понять и вѣче.

У В. Сергѣевича имѣется подобное изслѣдованіе о составѣ древняго общества²⁾. Вотъ выводы В. Сергѣевича относительно этого предмета.

¹⁾ Срв. выше на стр. 245 — 247. Срв. также стр. 223—224.

²⁾ См. въ книгѣ *Вѣче и Князь*, стр. 31—40—раздѣлъ подъ заголовкомъ «Населеніе волости».

Все населеніе древней «волости» состоитъ изъ равноправныхъ домохозяевъ, которые не раздѣлены еще на сословія или «чины» московскаго государства. «Древняя Россія не знала сословій... Въ княжескую эпоху все населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами». «Различій по занятіямъ не существуетъ: отъ князя до послѣдняго свободнаго человѣка всякій можетъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами. Каждый имѣетъ право на все, но одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется, какъ человѣкъ «лучшій»; кто остался позади всѣхъ, характеризуется эпитетомъ «меньшого человѣка» (стр. 31). Различіе этихъ слоевъ, какъ фактическое, не было наследственно. Замкнутыхъ корпорацій, подобно сословіямъ Западной Европы, не было. Кто былъ сегодня «меньшимъ» человѣкомъ, завтра могъ попасть въ разрядъ «лучшихъ» людей. Даже служилые люди, какъ земскіе, не выдѣлялись изъ состава населенія волости. Они выдѣлялись изъ него лишь временно, когда поступали на службу. При смѣнѣ князя и появленіи новаго съ своими служилыми людьми, они снова смѣшиваются съ населеніемъ волости. Результатомъ такого состоянія общества, по нашему мнѣнію, были слѣдующіе факты:

а) Въ средѣ его не могло образоваться особаго правительственнаго класса, въ силу своихъ особыхъ правъ предназначеннаго для управленія общественными дѣлами; всѣ свободные люди были полноправными членами общества и имѣли равное право участія въ общественныхъ дѣлахъ. в) Не было

лицъ или класса лицъ, заслонявшихъ другихъ отъ верховной власти. Между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ феодалы первой степени одни были непосредственными подданными короля и заслоняли отъ него вассаловъ второй степени, вассалы второй степени—вассаловъ третьей, а вся масса землевладельцевъ заслоняла собою низшее народонаселеніе,—въ Россіи каждый свободный «человѣкъ» имѣлъ дѣло съ государственною властью, участвовалъ въ призваніи князя и «рядѣ» съ нимъ. Единственное ограниченіе правъ свободныхъ лицъ, приводимое В. Сергѣевичемъ, заключалось въ отеческой ¹⁾ власти: «при жизни отцовъ дѣти не участвуютъ въ народныхъ собраніяхъ» (стр. 43). Затѣмъ каждый «домохозяинъ», то-есть самостоятельный глава семьи, былъ членомъ вѣча. Другими словами, въ древнерусскомъ обществѣ была возможна только непосредственная демократія.

«Народъ,—говоритъ Сергѣевичъ (стр. 52),—участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому «мужу» права устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились

¹⁾ Этотъ выводъ основанъ В. Сергѣевичемъ на двухъ мѣстахъ Ипат. лѣтописи: отъ 1147 и 1159 г. г. Оба приведены на стр. 53 перваго выпуска второго тома *Русскихъ Юридическихъ Древностей*: 1) «Князе же рекоша (т.-е. Изяславу Мстиславичу): княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя руки възнати; оня же Олговичъ зотя и с дѣтми» (Ипат., с. 243); 2) «Дрючане же ради быша ему (т.-е. Рогволоду Борисовичу),... рекуче: поѣди, княже, не стряпай, ради есме тобѣ; аче ны ся и сз дѣтми бия ва та, а ради оя бьемъ ва та». (Ипат., стр. 339).

общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью».

Отсюда сами собой вытекаютъ слѣдующіе признаки вѣчевого быта. Во-первыхъ, такъ какъ право участія въ народныхъ собраніяхъ есть *личное* право каждаго, то народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ поголовно, а не черезъ представителей. Во-вторыхъ, въ собраніи каждый отдѣльный членъ дѣйствуетъ только отъ своего имени, представляетъ только себя; поэтому рѣшеніе можетъ составиться только при согласіи *всѣхъ*; если этого согласія нѣтъ, собраніе распадается на части. Третьй выводъ, по нашему мнѣнію, только условно связанъ съ предыдущими; онъ состоитъ въ томъ, что народъ въ такомъ собраніи не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія; онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Этотъ выводъ обуславливается именно смѣшеніемъ общественныхъ дѣлъ съ «собственными дѣлами» каждаго мужа. По мѣрѣ того, какъ общественныя дѣла начали выдѣляться изъ другихъ, самое право народнаго собранія должно было ограничиться.

Опредѣливъ такимъ образомъ условія нашего вѣчевого быта, В. Сергѣевичъ приступаетъ къ изслѣдованію его формъ, тѣсно связанныхъ съ вышеозначенными условіями. Остановимся на приведенныхъ фактахъ и сдѣлаемъ для себя нѣкоторые выводы.

Во-первыхъ, вѣче само по себѣ есть форма *собраній* народныхъ, но не есть форма *быта* народнаго. Сказать, что элементы непосредственной демократіи въ древней Россіи выражались въ вѣчевомъ устрой-

ствѣ, значить сказать половину. Съ такимъ же основаніемъ можно сказать, что сходка есть форма нашего крестьянскаго быта. Сходка, собраніе, есть форма, проявленіе этого быта, но не самый бытъ. Для того, чтобы вполнѣ выяснитъ значеніе вѣчевого порядка, нельзя останавливаться на однихъ *личныхъ* правахъ членовъ русскаго общества. Въ отношеніи своихъ личныхъ правъ древній русскій народъ имѣетъ сходство со многими другими древними и современными народами. Непосредственная демократія не есть исключительное произведеніе древней русской жизни. Начала ея въ самыхъ разнообразныхъ формахъ проявлялись у различныхъ народовъ. Условія, дѣлавшія изъ вѣча явленія *русской* жизни, заключались не въ началахъ личной свободы и не въ слабости княжеской власти, какъ говоритъ В. Сергѣевичъ (стр. 52), а въ формѣ общественнаго быта. *Личной* свободѣ, индивидуализму, можетъ соответствовать и централизація, и народное представительство, и муниципія, и корпораціи; слабость правительства можетъ породить и феодализмъ, и рабство, и мало ли еще что. Вѣче соответствуетъ не личной свободѣ, а общинному быту. Поэтому оно было выраженіемъ не личной, а общественной свободы, было правомъ не каждаго лица, а цѣлой *общины*. Между тѣмъ В. Сергѣевичъ вовсе не останавливается на этомъ крупнѣйшемъ фактѣ нашей исторіи. Отъ этого *вѣче* не имѣетъ у него никакой прочной основы. Отъ этого проистекаетъ и неясность его представленія объ отношеніяхъ князя и народа, о правахъ вѣча и предметахъ его дѣятельности и т. д. Вѣчевыя собранія были правомъ не личности, а общины. Поэтому съ общины и слѣдовало автору начать свое

изслѣдованіе. Между тѣмъ онъ открываетъ свое разсужденіе объ устройствѣ вѣчевыхъ собраній съ волости, которую отождествляетъ съ княженіемъ (стр. 23 и слѣд.). Волость, говоритъ В. Сергѣевичъ, «въ древнѣйшее время обозначала или цѣлое княженіе, или его подраздѣленіе; въ томъ и другомъ случаѣ волость включаетъ въ себя одинъ или нѣсколько городовъ». Отказываясь спорить о томъ, соотвѣтствовала или нѣтъ волость княженію ¹⁾, Градовскій спрашиваетъ, чѣмъ опредѣлялся объемъ волости и княженія, которыя по В. Сергѣевичу составляли округъ вѣчевыхъ собраній. Вопросъ этотъ очень существенный и поставленъ въ тѣни у В. Сергѣевича. Волость, читаемъ у Градовскаго далѣе, означала округъ, подчиненный той или другой политической власти. Возникаетъ вопросъ: какою властью опредѣлялся объемъ волости: властью ли князя или чѣмъ-нибудь другимъ? Если бы подъ именемъ волости разумѣлась территорія, принадлежащая одному княжескому роду или одной княжеской линіи, то пришлось бы признать осѣдлость князей; но ея въ древней Россіи рѣшительно не было. Князья мѣняли столы, волости мѣняли князей; послѣдніе вообще не имѣли постоянной связи съ княжествомъ. Князья призывались волостями, которыя и давали имъ власть надъ территоріей, имъ самимъ принадлежавшею. Объемъ волости зависѣлъ, слѣдовательно, отъ пространства владѣній того города или тѣхъ городовъ, куда князь былъ призванъ. Князь не могъ образовать своей волости ни путемъ наслѣдства, ни пу-

¹⁾ Срв. выше стр. 233—234: по Градовскому термины *земля*, *волость* «совершенно различны».

темъ завоеванія; онъ получалъ власть не самъ собою, а черезъ города, и получалъ ее настолько, насколько имѣли ее послѣдніе. Поэтому волость есть прежде всего округъ общины. Это значеніе ея сохраняется во всей русской исторіи.

Если община имѣла политическое значеніе, то и волость означала княженіе, политическій округъ; въ противномъ случаѣ она означала подраздѣленіе самостоятельнаго княженія, административный округъ, волость московскую. Волость состояла изъ города, изъ пригородовъ и волостей, тянувшихъ къ городу и пригородамъ. Это была цѣль общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями. Города были старшими общинами, за ними села, слободы, деревни, починки, соединявшіеся въ волости. Они составляли одно цѣлое, призывавшее князя. Если бъ В. Сергѣевичъ остановился на этой общинной основѣ ¹⁾ волостного дѣленія, онъ могъ бы съ большею ясностью изложить значеніе вѣчевыхъ порядковъ для волости, отношеніе волости къ князю и т. д.

Прежде всего представляется вопросъ, насколько волость составляла одно политическое цѣлое. Если бъ единство волости опредѣлялось тѣмъ, что она была однимъ «княженіемъ», то-есть принадлежала одному князю, то вопросъ и могъ бы быть разрѣшенъ весьма скоро и удовлетворительно. Но дѣло въ томъ, что волость могла составлять одно цѣлое при строгомъ соблюденіи іерархическихъ отношеній между городомъ, пригородами и волостями. «Волость,—говоритъ В. Сергѣевичъ (стр. 25),—составлявшая народ-

¹⁾ Срв. выше стр. 232—233.

ное собраніе, есть не что иное, какъ отдѣльное княженіе, въ составъ котораго входило обыкновенно нѣсколько различныхъ по своему значенію пунктовъ поселенія». Въ силу чего же входили эти различные пункты въ составъ волости? Чѣмъ обуславливалось и въ чемъ выражалось различное ихъ значеніе? Волости не были завоеванной территоріей. Города и пригороды входили въ составъ волости, пока они не могли составить своей особой волости. Различное значеніе этихъ пунктовъ обуславливалось ихъ фактическимъ преобладаніемъ или зависимостью другъ отъ друга. Единство волости въ принципѣ зависѣло отъ согласія и единодушія всѣхъ ея городовъ, на практикѣ — отъ силы главнаго города. Лѣтописецъ, характеризуя порядокъ вѣчевыхъ собраній, говоритъ: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть» ¹⁾. Если пригороды не хотѣли стать на «томъ же», волости угрожало междоусобіе; если они вовсе не хотѣли и *могли* вовсе не думать съ старшимъ городомъ, волость распадалась. Итакъ, положеніе В. Сергѣевича, что волость была округомъ вѣчевыхъ собраній, можно принять только съ большими ограниченіями. Прочитывая четвертую главу его сочиненія — «объясненіе взаимныхъ отношеній городовъ къ пригородамъ на основаніи вѣчевыхъ порядковъ» (стр. 86 и слѣд.), нельзя не убѣдиться, что авторъ располагалъ всѣмъ матеріаломъ для выясненія всей шаткости волостныхъ отношеній. Но увлекаясь своимъ «догматическимъ

¹⁾ Срв. выше на стр. 47, 104.

изложеніемъ съ историческими примѣрами», онъ употребилъ этотъ матеріалъ для выясненія формы вѣчевыхъ собраній больше, чѣмъ для выясненія важнаго вопроса, указаннаго выше ¹⁾).

Отношенія между городами и пригородами не могли быть особенно прочными, такъ какъ пригороды не были завоеванными волостями городовъ. Пригороды обязаны своимъ происхожденіемъ не завоевательнымъ стремленіямъ главной волости, а по большей части ея колонизаціонному ²⁾ движенію. Авторъ ищетъ причины возникновенія пригородовъ въ разбросанности поземельной собственности горожанъ главнаго города. «Раскинутость поземельной собственности горожанъ далеко за чертой города дѣлала необходимымъ учрежденіе пригородовъ» (стр. 27). Намъ кажется, что это положеніе можетъ быть нѣсколько расширено. Пригороды строились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было поземельной собственности у горожанъ. Новгородская волость была чрезвычайно обширна, пригороды ея шли далеко на востокъ и на сѣверъ, и трудно предположить, чтобы они возникали исключительно оттого, что въ тѣхъ мѣстахъ у новгородцевъ была поземельная собственность. В. Сергѣевичъ слишкомъ мало остановился на значеніи русской колонизаціи, которая многое можетъ объяснить въ происхожденіи городовъ и волостей. Вся іерархія нашихъ поселеній какъ бы коренится въ этомъ колонизаціонномъ началѣ. Починокъ, деревня, село, слобода, пригородъ, городъ—вотъ ступени, по которымъ проходило почти

¹⁾ См. стр. 235—236, 244, 300.

²⁾ Срв. выше на стр. 104, 236—237, 239—242.

каждое поселеніе ¹⁾. Естественно, что мѣсто каждаго поселенія въ этой «лѣствицѣ» не было опредѣлено разъ навсегда. Поселеніе было пригородомъ, пока само не могло стать городомъ; оно входило въ составъ волости, пока не было достаточно сильно, чтобы самому составить волость. Примѣры этого въ нашей исторіи безчисленны. Псковъ, пригородъ Новгорода, составляетъ особую волость, когда силы позволили ему призвать особаго отъ Новгорода князя; Владимиръ, пригородъ Ростовской волости, получилъ самостоятельное въ ней значеніе. Это факты наиболѣе извѣстные; имъ соотвѣтствуетъ множество другихъ; всѣ они доказываютъ лишь то, что волости не имѣли постоянного значенія, такъ какъ отношенія между городами и пригородами не могли быть постоянно одни и тѣ же. Какъ только городъ подымался до значенія самостоятельной политической власти, онъ могъ призвать себѣ особаго князя. Этимъ обстоятельствомъ лучше всего, сколько

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ своей статьи, говоря о случаяхъ отсутствія князей въ нѣкоторыхъ пунктахъ, Градовскій замѣчаетъ, что «княжескій родъ не могъ послѣть за колонизаціоннымъ движеніемъ народа; вслѣдствіе непрерывнаго движенія русской колонизаціи на востокъ и сѣверъ, часть народа постоянно оставалась внѣ общегосударственной жизни» (стр. 72). Замѣчанія Градовскаго о значенія колонизаціи представляются весьма цѣнными. Срв. статью С. В. Ешевскаго *Русская колонизація сѣверо-восточнаго края*, первоначально появившуюся уже по смерти автора въ *Ит. «Вѣстника Европы»* за 1866 г. и перепечатанную въ книгѣ: *С. В. Ешевскій. Сочиненія по русской исторіи*. М. 1900; см. также у В. О. Ключевскаго въ *Курсъ русской исторіи*. (Часть I. М. 1904): «переселеніе, колонизація страны была основнымъ фактомъ нашей исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стояли всѣ другіе ея факты» (стр. 25). Ред.

намъ кажется, объясняется, съ одной стороны, по-рядокъ замѣщенія волостей, съ другой—причина политическаго раздробленія Россіи.

В. Сергѣевичъ (на стр. 273) говоритъ, что «русскія волости не составляли наследственнаго владѣнія Рюриковичей. Согласно этому, княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наследовались, а добывались». Это положеніе оправдывается почти всѣми фактами нашей древней исторіи. Но намъ кажется, что авторъ недостаточно объяснилъ причины этого явленія. Нельзя не признать важной заслуги В. Сергѣевича въ томъ, что онъ отвергъ объясненіе, нѣкогда господствовавшее въ учебникахъ исторіи, что причина раздробленія Россіи заключалась въ правѣ каждаго сына на равную долю въ наследствѣ своего отца, и что затѣмъ заслуга московскихъ государей состояла въ томъ измѣненіи законовъ о наследствѣ, которое утвердило собою единство Россіи. В. Сергѣевичъ отвергъ идею наследованія столовъ и съ горячностью новатора отрицаетъ ее вездѣ. По нашему мнѣнію, это слишкомъ поспѣшно, да притомъ и бесполезно. Причина того, что столы «не наследовались, а добывались», могла заключаться или въ томъ, что въ самомъ родѣ князей русскихъ не выработались еще понятія о наследствѣ, или въ томъ, что каждая волость имѣла право призывать себѣ князя, «который ей любъ», или, наконецъ, въ томъ и другомъ обстоятельствѣ одинаково.

В. Сергѣевичъ посвятилъ слишкомъ много страницъ своей диссертациі «Вѣче и Князь» для доказательства того, что въ родѣ князей не было никакихъ понятій о правильномъ преемствѣ столовъ (стр. 156—273 по

большей части посвящены этому вопросу, затѣмъ спеціально трактуется о немъ же на стр. 286—327— въ главахъ «Взаимныя отношенія князей» и «Порядокъ распредѣленія волостей между князьями»). Приложение къ VI главѣ (по поводу мнѣнія о родовомъ бытѣ князей) прямо направлено противъ теоріи Соловьева. Мы не видимъ, почему князья не могли имѣть особыхъ правилъ о наслѣдованіи столовъ,—правиль, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ противорѣчили понятіямъ народа и практикѣ самихъ князей. Теорія Соловьева очень проста и мало походитъ на вымышленную теорію. Она заключается въ слѣдующемъ: всѣ волости представляютъ іерархическую «лѣствицу» въ отношеніи старшинства и достоинства ихъ главныхъ городовъ. Былъ старшій столъ—кіевскій, затѣмъ слѣдовали черниговскій, переяславскій и т. д. Кіевскій столъ долженъ былъ замѣщаться старшимъ братомъ, второй—слѣдующимъ за нимъ. На старшій столъ князья переходили постепенно. Послѣ смерти кіевского князя его мѣсто занималъ слѣдующій за нимъ братъ и князь старшей затѣмъ волости, въ эту же волость передвигался князь третьей по достоинству волости и т. д. Такимъ образомъ, каждый братъ постепенно переходилъ въ старшіе князья и достигалъ кіевского стола «лѣстичнымъ восхожденіемъ», какъ говоритъ Соловьевъ и Никоновская лѣтопись ¹⁾. Что этотъ порядокъ существовалъ въ понятіяхъ князей, доказывается распредѣленіемъ столовъ послѣ смерти Ярослава I и тѣмъ, что впоследствии каждый князь, считавшій себя старшимъ братомъ, предъ-

¹⁾ Срв. выше на стр. 163—164, 277—278.

являлъ свои права на кievскій столъ. «Племянники» могли занимать его только фактически, силою, а не по праву. Изяславъ кievскій, знаменитый «племянникъ» и противникъ Юрія Владимировича Долгорукаго, для того, чтобы крѣпче держаться въ Кіевѣ и оградиться отъ притязаній Юрія, призвалъ старшаго брата его Вячеслава и прикрылся его правами. Это нисколько не противорѣчитъ тому, что порядокъ, считавшійся законнымъ, сначала слабо, а потомъ вовсе не примѣнялся къ государственной практикѣ. Слабость и несостоятельность такого порядка Соловьевъ доказалъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой. Законъ былъ несостоятеленъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы его вовсе не было. Мало ли мы видимъ слабыхъ, но существующихъ законовъ? В. Сергѣевичъ говоритъ, что теорія «лѣстичнаго восхожденія» основана на свидѣтельствѣ Никоновской лѣтописи, и что все это свидѣтельство есть сочиненіе позднѣйшаго составителя лѣтописи (см. примѣчаніе на стр. 302). Всякій, кто читалъ исторію Соловьева, припомнитъ, что этотъ историкъ строитъ свою теорію не на основаніи одного этого мѣста Никоновской лѣтописи. Онъ приводитъ его потому, что въ немъ, дѣйствительно, хорошо сформулировано правило, которымъ, по мнѣнію Соловьева, опредѣлялось наслѣдованіе столовъ. Онъ видитъ примѣненіе этого закона во многихъ фактахъ нашей исторіи, независимо отъ словъ лѣтописи. Мы не видимъ далѣе, почему бы составителю Никоновской лѣтописи нужно было «сочинять» подобныя мѣста? Сравненіе свидѣтельства Никоновской лѣтописи съ такимъ же Ипатьевской не доказываетъ ничего особеннаго. Существенный вопросъ заключается въ

томъ, считался ли указанный порядокъ преемства столовъ правиломъ въ родѣ русскомъ княжескомъ и соблюдался ли онъ? На основаніи многихъ фактовъ мы полагаемъ, что понятіе о такомъ порядкѣ существовало, и что онъ примѣнялся каждый разъ, когда это было возможно. В. Сергѣевичъ не станетъ отрицать, что князья Рюриковичи составляли одинъ родъ, связанный преданіями общаго происхожденія и до нѣкоторой степени единствомъ интересовъ; если существовалъ родъ, то существовали и правила, опредѣлявшія отношенія членовъ этого рода между собою. Соловьевъ выставилъ свою теорію. Его противники не выставили никакой¹⁾. Между тѣмъ эта теорія — самая естественная и наиболѣе подходящая къ фактамъ исторіи Рюриковичей²⁾. Нельзя не обратить вниманія В. Сергѣевича на то, что какъ бы ни читать повѣствованія о междоусобіяхъ нашихъ князей, все-таки придется сказать, что въ большинствѣ случаевъ это споръ *старшихъ съ младшими*. Во имя чего же старшіе защищаютъ свои права? Право старшинства для дядей, братьевъ княжескаго рода, всегда было правомъ, противъ котораго племянники могли выступить только во имя одного фактическаго преобладанія. Станетъ ли авторъ отрицать, что самый старшій столъ, кіевскій, по правилу, долженъ былъ занимать самый старшій князь? Гдѣ объясненія того непреодолимаго стремленія быть старшимъ, кіевскимъ княземъ, изъ-за котораго многіе князья сложили свои головы? Мало того; благодаря своему увлеченію, В. Сергѣевичъ

¹⁾ См. выше на стр. 118 замѣчаніе А. Е. Прѣснякова.

²⁾ Писано въ 1868 году.

какъ бы отрицаетъ существованіе кievскаго великаго князя, что можетъ повести къ весьма страннымъ результатамъ. Если ограничиться общимъ замѣчаніемъ, то придется сказать, что теорія Соловьева утратитъ свое значеніе только тогда, когда его противники выработаютъ свою, болѣе удовлетворительную. В. Сергѣевичъ думаетъ замѣнить ее теоріей *добыванія* волостей. Добываніе волостей было фактомъ болѣе или менѣе всеобщимъ, но все-таки только фактомъ. Лучше сказать, оно было однимъ изъ фактовъ, не давшихъ установиться правильному порядку преемства столовъ ¹⁾).

¹⁾ М. А. Дьяконовъ въ *Очеркахъ общественнаго и государственнаго строя древней Руси* (Юрьевъ. 1907). представляющихъ собою университетскій курсъ исторіи русскаго права, относится вполне отрицательно къ мысли, что «столы распределялись по единому началу родового старшинства» и признаетъ, что «вообще не существовало какого-либо единого порядка въ преемствѣ столовъ» (стр. 143). Въ порядкѣ преемства столовъ имѣли значеніе и физическое старшинство, и начало отчины, и народное избраніе, но кромѣ этихъ началъ, говоритъ М. Дьяконовъ (стр. 144), «столы распределялись еще по волѣ занимающихъ ихъ князей, а со времени татарскаго завоеванія еще и по ханскимъ ярлыкамъ, т.-е. по распоряженіямъ хановъ». Категорически отрицая теорію Соловьева (см. на стр. 151), М. Дьяконовъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ вмѣсто подчиненія всѣхъ одному великому или старшему отмѣчаетъ «принципъ равнаго достоинства князей, который нашелъ свое выраженіе въ братствѣ князей»; онъ утверждаетъ (стр. 154), что «въ древней Руси не существовало никакихъ элементовъ политическаго объединенія между обособленными княженіями и отдѣльными князьями, кромѣ междукняжескихъ соглашеній». Вопреки утвержденію Градовскаго, родовая теорія Соловьева пала до выработки какой-либо другой: въ настоящее время она представляется отвергнутой въ наукѣ русской исторіи, что не умалляетъ, конечно,

Начало «лѣствичнаго восхожденія» оказалось несостоятельнымъ по многимъ причинамъ. Однѣ изъ нихъ заключались въ самой организаціи рода русскихъ князей, другія вытекали изъ вѣчевыхъ порядковъ. Причины перваго рода состоятъ въ томъ, что при размноженіи Рюриковичей трудно уже было установить критерій старшинства, отыскать въ данную минуту старшаго князя было почти невозможно. Отсюда *добываніе* старшинства силою. Далѣе, рядомъ съ лѣствичнымъ восхожденіемъ, наслѣдованіемъ брата послѣ брата, постепенно развивается понятіе объ *отчинѣ*, о наслѣдованіи сына послѣ отца. Особенно сильное развитіе получило это начало въ сѣверо-восточной Россіи, гдѣ оно подавило всѣ другія. Такъ, главное правило, дѣйствовавшее въ родѣ князей, не могло примѣняться безъ большого затрудненія, и, кромѣ того, встрѣтилось еще съ другимъ началомъ, постепенно выработавшимся среди тѣхъ же князей. Конечно, всего болѣе ограниченій это начало встрѣтило въ вѣчевыхъ порядкахъ, въ началѣ «прізыванія», которое проходитъ чрезъ всю нашу древнюю исторію. В. Сергѣевичу принадлежитъ честь точнаго и научнаго выясненія этого факта. Начало прізыванія противорѣчитъ началу наслѣдованія. Первое было началомъ народнымъ, вто-

ея высокаго значенія въ нашей исторіографіи. Судьбу родовой теоріи испытало и производное отъ нея ученіе о такъ называемомъ *очередномъ порядкѣ* княжескаго владѣнія. Слѣдуетъ еще замѣтить, что вопреки утвержденіямъ Градовскаго, изложеннымъ въ текстѣ нашего сборника на стр. 306—307, М. Дьяконовъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе В. Сергѣевича, что для теоріи «лѣствичнаго восхожденія» Никоновская лѣтопись не можетъ служить основаніемъ.

Ред.

рое—княжескимъ. Народъ не признавалъ права наслѣдованія столовъ. Каждый князь, съ народной точки зрѣнія, былъ княземъ, призваннымъ или признаннымъ народомъ.

На основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ В. Сергѣевичъ весьма логически строить свою *теорію призванія князей*, которая, главнымъ образомъ, служитъ основою *теоріи добыванія столовъ*. Должно согласиться, что авторъ доводитъ свою мысль до конца. Несмотря, однако, на все множество фактовъ, прослѣженныхъ имъ по лѣтописямъ, нельзя не видѣть другихъ, указанныхъ Соловьевымъ. Самъ авторъ указываетъ на призваніе, какъ на начало *народное*, дѣйствующее рядомъ и нерѣдко въ противоположность другому, *княжескому*. Напримѣръ, на стр. 70 онъ говоритъ: «Народъ осуществляетъ свое право призванія, несмотря ни на взаимныя соглашенія князей, устанавливающихъ между собою тотъ или другой порядокъ преемства волостей, ни на ихъ частныя распоряженія». Слѣдовательно, замѣщеніе столовъ опредѣлялось двумя началами; но, конечно, ни одно изъ нихъ не могло дойти до полнаго господства и совершенно уничтожить другое. Народное начало не могло устранить княжескаго и наоборотъ.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на нашу исторію, все же нельзя отрицать того *факта*, что начало наслѣдованія дѣйствовало въ древней Россіи рядомъ съ началомъ призванія. Наслѣдованіе было началомъ родовымъ, княжескимъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи привело къ единству Россіи; начало призванія было началомъ народнымъ, вѣчевымъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи могло

бы привести къ полному раздробленію Россіи ¹⁾). Оба эти начала еще должны были сразиться между собою, когда центръ государственной жизни перенесся съ юга на сѣверъ. Фактъ «добыванія» столовъ обусловливался силою вѣчевыхъ началъ и слабостью княжескихъ. Лучше сказать, народныя начала имѣли для него положительное значеніе, княжескія—отрицательное. Между тѣмъ В. Сергѣевичъ въ своей теоріи «добыванія» даетъ одинаковое значеніе тому и другому. По нашему мнѣнію, возможность добыванія столовъ тѣсно связана съ началомъ «призванія» князей; добываніе прекращается тотчасъ, какъ исчезаютъ у насъ призванные князья и являются прирожденные, обеспеченные правомъ наслѣдованія. Когда отрицательныя условія, препятствовавшія развитію княжескаго начала въ древней Россіи (смутныя понятія о старшинствѣ, борьба вотчинныхъ понятій съ началомъ родового старшинства, многочисленность князей, обусловливавшая возможность постоянного призванія и изгнанія ихъ), исчезаютъ, — исчезаетъ и призваніе князей, и тѣсно связанное съ нимъ «добываніе», какъ средство замѣщенія столовъ.

«Добываніе» было тѣсно связано съ правомъ каждой волости имѣть своего князя, ею призваннаго или признаннаго. Право это было не волостнымъ вообще, а скорѣе общиннымъ, ибо волостью называлась сумма общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями и находящихся въ общемъ подчиненіи главной общинѣ, старшему городу.

¹⁾ Срв. у М. Дьяконова, *Очерки*, замѣчанія по вопросу о призваніи князей (стр. 129 и 148): «призваніе князя на столъ населеніемъ играло безспорно важную роль въ рѣшеніи вопроса о преемствѣ стола».

Каждая община могла, въ свою очередь, стать волостью и призвать къ себѣ князя, что обусловливалось и многочисленностью князей, между которыми всегда можно было найти охотника на новый столъ.

Община, взятая сама по себѣ, не представляла настоящаго политическаго единства. Оно обусловливается существованіемъ установленія, непрерывно и постоянно представляющаго собою государственную власть и независимаго отъ всѣхъ общественныхъ партій. Такого установленія не было въ составѣ общины. Тѣмъ не менѣе, могло осуществиться политическое единство въ цѣлой волости. Волость была федераціей общинъ. Федерация же общинъ, построенная на вѣчюмъ началѣ, никогда не можетъ составить одинаго политическаго тѣла. При федеративномъ ¹⁾ устройствѣ, съ политическими правами общинъ, возможны два исхода: или общины будутъ пользоваться равными политическими правами, или права эти будутъ не равны для городовъ и пригородовъ.

Въ первомъ случаѣ единство будетъ держаться на соглашеніи городовъ, и соглашеніи добровольномъ, то-есть условномъ и преходящемъ. Борьба партій, разъединявшая каждую общину, должна была еще сильнѣе выражаться въ борьбѣ городовъ съ пригородами. Во второмъ случаѣ, то-есть при неравенствѣ правъ городовъ и пригородовъ, единство обусловливалось тѣмъ, чтобы права городовъ были достаточно велики для подавленія правъ пригородовъ при обсужденіи общеволостныхъ вопросовъ. Такое

¹⁾ См. выше на стр. 241—242.

единство предполагает добровольное или насильственное, но полное подчинение пригородовъ городамъ по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ. Обычай вѣчевой Россіи, очевидно, склонялся къ послѣдней формѣ волостного единства. Это доказывается названіемъ старшихъ и младшихъ городовъ и пригородовъ; доказывается и знаменитымъ мѣстомъ лѣтописи: «На что же старѣйшии судяють, на томъ же пригороди стануть»¹⁾. Пригороды могли стать «на одномъ» со старѣйшими или по добровольному согласію или по принужденію, слѣдовательно, совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ происходило постановленіе вѣчевыхъ рѣшеній въ каждой отдѣльной общинѣ. В. Сергѣевичъ не безъ основанія говоритъ объ этихъ вѣчевыхъ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ слѣдующее: «Разные пункты населенія одной и той же волости находились между собой въ совершенно такихъ же отношеніяхъ, какъ и разные концы или улицы одного и того же города; если между ними господствовало единеніе, они находились въ состояніи мира; если возникала рознь,—въ состояніи размирья или войны. Такимъ образомъ, участіе жителей пригородовъ въ вѣчевой жизни волости опредѣлялось тѣми же нормами, какъ и участіе жителей главныхъ городовъ» (стр. 91). Вслѣдствіе удаленія городовъ отъ пригородовъ и разнообразія ихъ интересовъ состояніе мира было рѣже, а результаты войны хуже, чѣмъ въ каждой отдѣльной общинѣ. Состояніе мира обуславливалось пассивнымъ отношеніемъ пригородовъ къ вѣчевымъ постановленіямъ города. Другого

¹⁾ См. выше на стр. 47, 302.

заключенія мы не можемъ вывести изъ словъ лѣтописца, что пригороды становились на томъ, что становлялись старшіе города. Но такое пассивное отношеніе могли занять только весьма слабые пригороды. Каждый пригородъ, чувствовавшій свое значеніе, сознавалъ въ то же время равноправность своего вѣча съ вѣчемъ главнаго города. Если въ отдѣльной общинѣ каждая партія считала свою сходку «вѣчемъ», то тѣмъ болѣе цѣлый пригородъ долженъ былъ придавать своему собранію значеніе вѣча, со всѣми его правами. Все зависѣло отъ силы пригорода.

«Пригороды слабые, въ случаѣ разногласія съ главнымъ городомъ, оставались въ ничтожномъ меньшинствѣ и по необходимости должны были смолкать; пригороды, обладающіе значительной собственной силой, могли выступать съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ и стараться провести его, несмотря на разногласіе съ главнымъ городомъ» («Вѣче и Князь», стр. 91).

При такихъ условіяхъ вѣчевого быта нѣтъ ничего удивительнаго, если общины не успѣли выработать въ своей средѣ никакой политической власти; другими словами, ни одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ слагался нашъ общинный бытъ, не могъ быть возведенъ на степень верховной политической власти. Результатомъ этого было выдѣленіе нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ въ пользу одного лица, стоявшаго внѣ общины и признаннаго главнымъ представителемъ общественнаго порядка. Вѣче не имѣло уже постояннаго значенія для такихъ вопросовъ: они были исключительнымъ дѣломъ князя. Итакъ, призваніе князя и первоначальный рядъ съ нимъ

были, въ принципѣ, единственными предметами политической дѣятельности вѣча. Всѣ другіе виды участія вѣча въ политической жизни были исключеніемъ, а не общимъ правиломъ ¹⁾. Но этотъ принципъ не былъ доведенъ до конца въ древней Россіи.

Призваніе князя не было самоубійствомъ вѣча. Общинная жизнь выражалась въ административной и экономической дѣятельности общины. Власть князя не уничтожала нѣкоторой автономіи мелкихъ союзовъ, составлявшихъ его волость. Князь былъ посредникомъ не столько между отдѣльными лицами, сколько между общинами. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ имѣлъ дѣло прямо съ отдѣльными личностями. Появленіе государственной власти не превращало, такимъ образомъ, наше общество въ совокупность индивидовъ, подчиненныхъ прямо государству и только государству. Русскій человекъ имѣлъ дѣло съ общиною больше, чѣмъ съ княземъ; община была для него правиломъ, князь—исключеніемъ. Въ этомъ отношеніи власть князя не шла въ глубь русскаго общества; развитіе ея задерживалось существованіемъ общинъ, уступавшихъ ему свои права лишь по нѣкоторымъ вопросамъ. Во всѣхъ дѣлахъ, оставшихся за общиною, она дѣйствовала самостоятельно и отъ нихъ переходила и къ политическимъ вопросамъ. Итакъ, княжеское управленіе было немногосложно не только потому, какъ утверждаетъ В. Сергѣевичъ (стр. 348), что задачи этого управленія «не были развиты», но и потому, что большая часть

¹⁾ Предложенная Градовскимъ характеристика компетенціи древняго вѣча представляется и нѣсколько отвлеченной, и односторонней.

этихъ задачъ оставалась въ рукахъ общинъ. Слѣдовательно, положеніе В. Сергѣевича, что «самоуправленіе не было въ средствахъ общины» (или вѣча, какъ онъ ошибочно выразился на стр. 67), можетъ быть принято только съ большими ограниченіями. Оно не было въ его средствахъ лишь по нѣкоторымъ вопросамъ, для которыхъ и былъ призванъ князь. По другимъ же община дѣйствовала съ прежней силою.

При слабости княжескаго начала, каждый князь былъ порожденіемъ вѣча и дѣйствовалъ подъ его вліяніемъ. Всѣ характеристическіе признаки вѣчевыхъ порядковъ, опредѣлявшіе отношеніе партій, примѣнялись и къ отношеніямъ князя и вѣча. Во-первыхъ, князь рѣдко былъ порожденіемъ цѣлой волости, по большей части онъ призывался на столь извѣстную партію и держался ею; слѣдовательно, ему приходилось проводить и защищать интересы этой партіи. Каждая перемѣна князя сопровождалась различными наградами и повышеніями его «пріятелей». Отнимались волости у «мужей» старой дружины и раздавались мужамъ новой. Новая дружина «заѣзжала» старую, которая должна была пытаться счастья въ другихъ мѣстахъ. Все это нисколько не доказываетъ независимости княжеской власти. Зависимость его отъ вѣча шла дальше. Подобно тому, какъ сила вѣчевыхъ рѣшеній обусловливалась единеніемъ, «одиначествомъ» всѣхъ его членовъ, такъ и сила князя основывалась на единеніи его съ вѣчемъ. Онъ былъ силенъ, пока вѣче было за него. Война, задуманная имъ, и другія его предпріятія могутъ имѣть успѣхъ только въ такомъ случаѣ, когда вѣче думало одинаково съ нимъ. В. Сергѣевичъ приводитъ

много такихъ примѣровъ соглашенія князя съ вѣчемъ. Князья, жившіе въ согласіи съ вѣчемъ, были весьма сильны. Таковы были Владимиръ Мономахъ и не менѣе знаменитый Всеволодъ Юрьевичъ (Большое Гнѣздо). Напротивъ того, «при отсутствіи соглашенія, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга, какъ двѣ самостоятельныя власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ Божиимъ» (стр. 107). Другими словами, въ случаѣ разномыслія князя съ вѣчемъ, между ними начиналась война.

Въ такомъ видѣ княжеская власть не могла сдѣлаться объединяющимъ началомъ. Отношенія между князьями лучше всего доказываютъ это. Понятіе наследственности столовъ не могло развиваться, какъ слѣдуетъ, въ самомъ княжескомъ родѣ; ни понятіе отчины, ни «слѣствичное восхожденіе» не спасли Россію отъ раздробленія; *договоръ* былъ главною формою междукняжескихъ отношеній; враждебныхъ силъ въ княжескомъ родѣ было столько же, сколько князей; начало «добыванія» столовъ всевозможными средствами превратило политику князей нашихъ въ политику эгоизма, въ самой грубой его формѣ. Какимъ же образомъ изъ этой борьбы противоположныхъ элементовъ сложилось русское государство?

Ни одно изъ началъ нашего древняго государственнаго быта не могло получить полнаго развитія. Ни одно изъ нихъ не исключало другого, но каждое противодѣйствовало развитію другихъ. Въ этомъ смыслѣ древняя жизнь представляла рядъ противорѣчій, которыя едва могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія современныхъ намъ государственныхъ

понятій. Это были противорѣчія, порожденныя противоположными началами, которыя въ далекомъ будущемъ должны были послужить основаніемъ прочной государственной системы. Но они не были *внутренними* противорѣчіями древней государственной системы. Во-первыхъ, самой системы этой еще не было. Затѣмъ, терминъ *противорѣчіе* можетъ быть примѣненъ къ древней русской жизни не въ смыслѣ несостоятельности началъ ея: это удѣлъ отживающихъ государственныхъ системъ. Противорѣчія эти порождались именно тѣмъ, что ни одно начало, ни одинъ элементъ этой жизни не получилъ еще настоящаго развитія. Результатомъ этихъ противорѣчій было не паденіе государства, какъ то бываетъ при несостоятельности началъ. Напротивъ того, борьба этихъ различныхъ элементовъ вызвала къ жизни крѣпкій государственный строй. Это соединеніе разнообразныхъ элементовъ древняго быта въ послѣдующемъ русскомъ государствѣ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что всѣ эти элементы еще въ древней Россіи связывались общими представленіями о государственномъ порядкѣ или, лучше сказать, одними и тѣми же государственными идеалами ¹⁾. Эти общія представленія препятствовали князьямъ довести «добываніе» столовъ до грубаго насилія, не сдерживаемаго никакими представленіями о правѣ; они удержали общины отъ полнаго раздробленія государственной территоріи; они дали

¹⁾ Здѣсь необходимо имѣть въ виду отвѣченность изложенія Градовскаго и неудачное указаніе В. Сергѣевичу, что въ его книгѣ «Вѣче и князь» отсутствуетъ изображеніе «государственныхъ идеаловъ» (!?) древней Руси. Срв. выше на стр. 284. Ред.

впослѣдствіи общую и опредѣленную цѣль и народу, и князьямъ—собирателямъ русской земли.

Въ книгѣ В. Сергѣевича мы не видимъ этихъ представлений и идеаловъ, связующихъ древнюю, раздробленную Россію съ централизованной московской; не видимъ и движенія отъ вѣчевой Россіи къ самодержавной; не видимъ вообще никакихъ признаковъ историческаго движенія и развитія элементовъ древняго общества.

Ни въ народномъ сознаніи, ни въ сознаніи князей не было, по мнѣнію В. Сергѣевича, представленій, а тѣмъ болѣе нормъ, опредѣлявшихъ развитіе государственнаго порядка. Иерархія между князьями и городами была фактическая, а слѣдовательно, и всѣ отношенія между ними были построены или на соглашеніи, или на силѣ. Не было порядка, опредѣляющаго, хотя бы въ идеѣ, отношенія между князьями: отсюда добываніе столовъ съ одной стороны, и княжескіе съѣзды и договоры — съ другой; не было никакихъ прочныхъ отношеній между волостями: отсюда отсутствіе центра государственной жизни и дробленіе Россіи.

Всѣ эти факты были бы общимъ порядкомъ древней государственной жизни, если бъ отношенія между княземъ и волостью и князей между собою, въ той формѣ, какъ они выразились первоначально, были доведены до конца и не задерживались представленіями объ идеальномъ устройствѣ русской земли, съ одной стороны, и постепенно развивавшимися началами новаго порядка вещей — съ другой. В. Сергѣевичъ умалчиваетъ о тѣхъ и другихъ; отсюда слабое историческое значеніе его труда.

Избравъ предметомъ своего изслѣдованія государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей, онъ разсматриваетъ это устройство на всемъ пространствѣ нашей исторіи, отъ X до XV вѣка, и на всемъ пространствѣ Россіи такъ, какъ будто нигдѣ и никогда въ нашу государственную жизнь не было внесено новыхъ началъ. На этомъ основаніи онъ подкрѣпляетъ свои положенія о междукняжескихъ договорахъ одинаковыми примѣрами изъ исторіи кіевскаго и московскаго періода. Духовныя грамоты князей имѣютъ для него одинаковое значеніе и въ юго-западной, и въ сѣверо-восточной Россіи. Если безусловно вѣрять автору, между кіевскою и московскою Русью не было никакого переходнаго порядка, никакого посредствующаго звена. Итакъ, никакихъ верховныхъ государственныхъ понятій въ теченіе удѣльно-вѣчевого періода, никакихъ посредствующихъ началъ въ концѣ его.

Не то было на самомъ дѣлѣ. Пока русская государственная жизнь не начала передвигаться на сѣверо-востокъ, центромъ русскаго государства былъ Кіевъ; князья и народъ считали Кіевъ старшимъ городомъ, а его князей—старшинами русской земли не потому только, чтобы князья эти занимали «выдающееся среди другихъ положеніе» (стр. 248). Съ именемъ Кіева и кіевскаго князя было связано нѣчто другое, чего нѣтъ въ книгѣ В. Сергѣевича. Всякій, кто вдумается въ характеристическія особенности удѣльно-вѣчевого періода, невольно остановится предъ слѣдующимъ вопросомъ: почему не раздробилась Россія окончательно, когда и народные обычаи и порядки княжескаго рода способство-

вали тому, когда, слѣдовательно, ни въ правительственныхъ, ни въ общественныхъ элементахъ не было никакого этому противодѣйствія? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія соображенія.

1) Несмотря на разьединеніе волостей, какъ самостоятельныхъ центровъ не только административной, но отчасти и политической жизни, въ народѣ и въ князьяхъ жило сознаніе о единой русской землѣ. Въ столкновеніяхъ съ иностранцами и съ погаными «земля» дѣйствовала, какъ одно цѣлое. Въ иностранныхъ сношеніяхъ не было ни переславскаго, ни черниговскаго князя, а только русскіе князья.

2) Представленіе о единомъ стольномъ князѣ всей Россіи было точно такъ же сильно въ народѣ.

3) Волости были независимы другъ отъ друга въ отношеніи внутренняго управленія; это совершенно справедливо. Но могли ли эти самостоятельныя волости составить нѣсколько самостоятельныхъ націй и національныхъ государствъ? На этотъ вопросъ врядъ ли можно отвѣтить утвердительно. Волости не могли сдѣлаться средоточіемъ самостоятельной національной жизни. Во-первыхъ, ни въ одной волости не было постояннаго, органически связаннаго съ нею княжескаго рода. Въ силу ли «дѣтвичнаго восхожденія» или для добыванія столовъ, родъ князей Рюриковичей бродилъ по русской землѣ. Ни одинъ князь не былъ связанъ съ своею волостью; онъ «или высматривалъ лучшаго стола», или дождался своей очереди занять старшій столъ, или просто странствовалъ по землѣ, предлагая свои

услуги той волости, которая, по его мнѣнію, наиболѣе въ нихъ нуждалась.

Слѣдовательно, раздробленіе Россіи не могло сдѣлаться ¹⁾ феодальнымъ, подобно раздробленію Западной Европы. Раздробленіе это было скорѣе общиннымъ. Но и самостоятельность общинъ не могла упрочить политической самостоятельности волостей. Для самостоятельности нужно прежде всего политическое единство. Разсматривая отношенія городовъ къ пригородамъ, можно убѣдиться, что власть главнаго города не могла удержать волости отъ дальнѣйшаго раздробленія. Каждая община стремилась стать волостью, и стремленіе это было тѣмъ сильнѣе, что власть главнаго города обусловливалась его полнымъ деспотизмомъ надъ пригородами. При стремленіи общинъ къ самостоятельности, при постоянномъ противодѣйствіи ихъ деспотизму городовъ, подчиненіе всѣхъ городовъ одному центру на *равныхъ правахъ* было единственно возможнымъ исходомъ. Словомъ, самостоятельность волостей была такого рода, что она могла привести одинаково и къ безконечному раздробленію Россіи, и къ совершенной централизаціи, при чемъ каждая община тянула бы непосредственно къ общегосударственному центру. Этимъ и разрѣшилось впослѣдствіи противорѣчіе древняго государственнаго быта. Новгородскія волости не хотѣли тянуть къ Новгороду, но потянули къ Москвѣ, на равныхъ правахъ съ Новгородомъ. Только въ такой системѣ могло быть осуществлено равенство всѣхъ русскихъ общинъ.

¹⁾ Срв. выше на стр. 2, 251.

У В. Сергѣевича нѣтъ указаній на это постепенное движеніе нашей политической жизни. Между тѣмъ эти указанія были бы полезны и для его догматическаго изложенія. Начатки новаго порядка могли бы, какъ нельзя лучше, отгнѣнить строй древне-русской жизни, довершить характеристику ея началъ. вмѣстѣ съ тѣмъ В. Сергѣевичъ могъ бы указать и на разницу аналогическихъ явленій въ два совершенно различные періода русской исторіи.

Во-первыхъ, онъ не указываетъ разницы между государственными воззрѣніями русскихъ князей до и послѣ Андрея Боголюбскаго ¹⁾. Разница же эта была весьма велика. Въ древнѣйшей Россіи не было князей, тѣсно связанныхъ съ одною волостью; впоследствии они были. Каждая волость въ сѣверо-восточной Россіи постепенно дѣлается достояніемъ одной княжеской линіи. Это обстоятельство имѣло огромное вліяніе на политику князей и на значеніе волости. Въ прежнее время князья ищутъ себѣ хорошей волости и не стараются о расширеніи той, въ которой они сидятъ, ибо они могутъ оставить ее во всякое время; послѣ они не перемѣняютъ волости, а стараются увеличить свою вотчину на счетъ сосѣдей. *Добываніе* въ этомъ періодѣ имѣетъ не тотъ уже характеръ, что въ предыдущемъ. Прежде были столы и города, старшинство которыхъ было установлено народнымъ сознаніемъ и мнѣніемъ князей; кievскій столъ считался старшимъ, независимо отъ могущества Кіева; великій князь — синонимомъ кievскому князю; новгородскій, переяславскій и черниговскій князья никогда не назывались великими;

¹⁾ См. выше на стр. 149 и особенно примѣчаніе на стр. 179.

напротивъ того, Новгородъ считался вотчиною великихъ князей, и въ принципѣ великій князь давалъ князя Новгороду; новгородцы, желая получить князя, выпрашиваютъ его у старшаго князя русской земли. Въ сѣверо-восточной Россіи не было такого народнаго центра; его должна была создать дѣятельность и ловкость князей; поэтому они стремятся доставить своей волости значеніе старшей, а себѣ названіе великихъ. Понятно, что и самый титулъ великаго князя получаетъ здѣсь совершенно другое значеніе; онъ принадлежитъ здѣсь могущественному князю, князю сильной волости, а не старшему князю всей русской земли. Такъ какъ обладаніе этимъ титуломъ стало зависѣть отъ фактическаго значенія князя, которое можно было добыть силою и ловкостью, то названіе великаго князя дается не одному, а нѣсколькимъ; являются великіе князья тверскіе, рязанскіе, московскіе и другіе. Прежде былъ одинъ главный центръ русской земли, изъ-за обладанія которымъ и боролись разные князья; позже каждый князь хочетъ сообщить такое значеніе своей волости, а потому старается умалить значеніе другихъ волостей, чего прежде не было нужно, ибо каждая волость безъ того считала себя младшею въ сравненіи съ старшею, кievскою. Вслѣдствіе этого государственнымъ центромъ является не волость, за которою было бы признано это значеніе всѣми другими, а князь, который долженъ былъ сообщить свое первенствующее значеніе и той волости, которою онъ владѣетъ. Итакъ, князь добываетъ себѣ не волость, а разныя преимущества для своей волости и для себя, какъ князя ея. Такъ, московскій князь добылъ себѣ право собиранія ор-

дынскаго выхода, право исключительнаго сношенія съ Ордой, добытъ для Москвы митрополита и т. д.

Далѣе, нельзя не замѣтить важнаго обстоятельства, также упущеннаго изъ виду В. Сергѣевичемъ. Въ новое время различіе между великими и другими князьями получаетъ значеніе, несходное съ тѣмъ, какое оно имѣло въ предыдущее время, когда былъ одинъ великій князь, а всякій, кто владѣлъ другою волостью, кромѣ старшей, назывался удѣльнымъ княземъ. Всѣ князья, какъ братья, были равны между собою. Различія между линиями не существовало, ибо всѣ были «одного дѣда внуки», то есть, родъ былъ одинъ. Послѣ, когда обозначилось различіе между княжескими линиями, владѣвшими различными волостями, князьями удѣльными стали называться всѣ младшіе князья одной волости. Въ каждой волости былъ свой старшій князь, и всѣ эти старшіе князья въ разныхъ волостяхъ имѣли титулъ великихъ князей. Итакъ, мы видимъ распределеніе княжескихъ линій по волостямъ, которыя вслѣдствіе этого получаютъ постоянное значеніе и нѣкоторое единство. Принимая во вниманіе это единство волости, можно сказать, что самый терминъ «удѣльный» относится къ этому періоду нашей исторіи. Прежде, при равенствѣ всѣхъ волостей, кромѣ старшей, каждый князь былъ *волостнымъ*. Теперь князья получаютъ *удѣлъ* въ волости, бывшей достояніемъ цѣлой княжеской линіи. Старшему князю давался обширный удѣлъ сравнительно съ младшими, которые, вслѣдствіе этого, были поставлены въ зависимость отъ него; зависимость эта росла съ каждымъ поколѣніемъ и кончилась уничтоженіемъ удѣловъ. Итакъ, въ это время мы

видимъ вмѣсто полнаго юридическаго равенства между волостями, — съ фактическими преимуществами нѣкоторыхъ, преимуществами, утвержденными за ними всеобщимъ сознаніемъ, — нѣсколько неравныхъ волостей, неравенство коихъ создано искусственно, въ видахъ усиленія старшаго князя.

Однимъ изъ могущественныхъ средствъ провести это новое княжеское начало было завѣщаніе. Мы ожидали, что В. Сергѣевичъ нѣсколько больше отъѣнить духовныя грамоты московскихъ князей отъ завѣщаній князей древнѣйшаго періода. А разница эта, особенно если взять (какъ это дѣлаетъ авторъ) весь княжеско-московскій періодъ вплоть до Ивана IV, громадная. Въ древній періодъ личная воля завѣщателя часто оставалась въ области желаній. «Призваніе» и «добываніе» легко могли совершенно измѣнить планъ завѣщателя. Напротивъ, московскіе князья не были уже призванными князьями, а князьями наслѣдственными; съ уничтоженіемъ или, лучше сказать, съ ослабленіемъ татарскаго владычества послѣднее средство добыванія столовъ уничтожилось. Слѣдовательно, тогда завѣщанія сдѣлались проводникомъ новыхъ государственныхъ началъ и должны были завершиться торжествомъ единонаслѣдія и единодержавія.

Точно такъ же и договоры междукняжескіе измѣнили свой характеръ. Авторъ разсматриваетъ и это явленіе на всемъ пространствѣ княжескаго періода, не разграничивая двухъ указанныхъ нами эпохъ. Вслѣдствіе того у него попадаются весьма странныя замѣчанія. Такъ, на стр. 136 и 137, В. Сергѣевичъ говоритъ о содержаніи договоровъ слѣдующее:

«Со стороны содержания договоры могут быть раздѣлены на двѣ большія группы: первую составляютъ тѣ, условія которыхъ относятся къ распредѣленію волостей между князьями; ко второй должны быть отнесены договоры, устанавливающіе политическіе союзы. Эти послѣдніе, въ свою очередь, мы подраздѣляемъ на два вида: первый составляютъ такіе союзы, въ силу которыхъ не возникаетъ никакого ограниченія политической самостоятельности договаривающихся сторонъ; второй — всѣ тѣ, которыми условливается такое ограниченіе для одной изъ нихъ».

Авторъ прежде всего приступаетъ къ разсмотрѣнію договоровъ, которыми устанавливались политическіе союзы. На чемъ основано это дѣленіе политическихъ союзовъ на два вида? Встрѣчается ли оно во всѣ періоды нашей исторіи одинаково? Конечно, нѣтъ. Договоры, имѣвшіе въ виду ограничить одну изъ договаривающихся сторонъ въ пользу другой, встрѣчаются исключительно въ позднѣйшее время княжескаго періода. Этотъ видъ договоровъ необходимо было разсмотрѣть въ связи съ указаннымъ выше различіемъ, установившимся въ сѣверо-восточной Россіи, между великими и удѣльными князьями и между различными видами великихъ князей. Стремленіе каждаго великаго князя состояло въ томъ, чтобы низвести другихъ князей, носившихъ этотъ титулъ, на степень младшихъ, а князей удѣльныхъ совершенно подчинить своей волѣ, на первый разъ по вопросамъ внѣшней политики. Читая же повѣствованіе объ этихъ договорахъ у В. Сергѣевича, невольно спрашиваешь себя, откуда они взялись и какой цѣли удовлетворяли.

По прочтении книги В. Сергеевича читателю невольно представляется вопрос: какимъ образомъ порядокъ, только что изображенный авторомъ, перешелъ въ государственный бытъ московскаго государства? По мнѣнію автора, изъ двухъ силъ, прежде существенно необходимыхъ въ каждой волости, князя и вѣча, осталась только одна — князь. Итакъ, князь отмѣнилъ вѣче. Въ этомъ ему помогла самая жизнь (стр. 20). Но какая же жизнь? Такія выраженія требуютъ точныхъ поясненій. Выраженія «народный духъ», «жизнь», взятыя сами по себѣ, поясняютъ все, что угодно, ибо они ровно ничего не объясняютъ ¹⁾. Въ историко-юридическомъ изслѣдованіи эти смутныя выраженія должны быть переведены на точный языкъ. Изъ причинъ, обусловливавшихъ переходъ вѣчевой Россіи въ единодержавную, авторъ выставляетъ три: вліяніе татарскаго владычества, установленіе помѣстной связи между служилыми людьми и княземъ и объединеніе Россіи.

Намъ кажется, что первая изъ этихъ причинъ чисто-внѣшняя, а двѣ остальные не самостоятельныя, а производныя. Вліяніе татарскаго владычества ²⁾ авторъ опредѣляетъ тѣмъ, что оно перенесло центръ русской политической жизни изъ Россіи въ Орду (стр. 21). Врядъ ли это такъ. Центръ древней Россіи, Кіевъ, утратилъ свое значеніе гораздо раньше татарскаго завоеванія; вся сила политической жизни сосредоточилась въ сѣверо-восточной Россіи. Но долгое время неизвѣстно было, какой городъ

¹⁾ Срв. выше на стр. 319—320 пользование Градовскаго столь же ничего не объясняющимъ терминомъ «государственные идеалы». Ред.

²⁾ Срв. выше на стр. 327, 250, 229, 177, 149 и 111.

или какая волость займет первенствующее положение, принадлежавшее прежде Киеву. Борьба городовъ съ пригородами и князей между собою длилась долго, и татарское завоеваніе застало Россію за этимъ «нерѣшннымъ вопросомъ». Центръ политической жизни и не былъ перенесенъ въ Орду, а постепенно вырабатывался въ самой Россіи. Татарское завоеваніе измѣнило только способъ и средства борьбы. Князья пользовались Ордой такъ, какъ прежде пользовались вѣчевыми партіями, но затѣмъ все зависѣло отъ ихъ ловкости и умѣнья. Московскіе князья взяли верхъ, и Москва стала политическимъ центромъ новой Россіи. Причина паденія вѣча, какъ политической силы, заключается въ самыхъ свойствахъ новаго ея центра. Свойства же эти обуславливались тѣмъ, что въ это время начало призванія совершенно измѣнило свой характеръ. Основная идея призванія уцѣлѣла и въ московскихъ князьяхъ въ томъ смыслѣ, что князь былъ представителемъ государственной власти, созданной для водворенія порядка и суда. Но власть эта перестала призываться или признаваться народомъ при каждой перемѣнѣ князя. Съ усиленіемъ начала престолонаслѣдія, народное призваніе не дѣйствовало, пока былъ князь, наслѣдовавшій по праву. Оно возобновлялось только въ рѣдкихъ случаяхъ, за прекращеніемъ княжескаго рода. Такъ, были «призваны» на престолъ Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, королевичъ Владиславъ, Михаилъ Романовъ. Государственная идея, зародившаяся въ первый моментъ призванія князей, какъ реакція общинному быту, достигла новой, высшей степени развитія. Татарское владычество имѣло для насъ

огромное значеніе въ другомъ отношеніи: оно дало новый толчокъ народному самосознанію и повело къ практическому осуществленію государственнаго единства, которое, подъ вліяніемъ вѣчеваго раздробленія, начало принимать какой-то отвлеченный характеръ.

Идея государственнаго единства передана была Москвѣ древнею Россіей, но въ древнѣйшій періодъ она имѣла мало пракческаго значенія. Раздробленіе волостей ослабляло значеніе государственнаго центра. Волости воспѣвали «святую Русь», но могли тянуть къ нерусскимъ центрамъ. Во-первыхъ, князья призывались не изъ однихъ потомковъ княжескаго рода, но и изъ иноземцевъ. Это было бы еще ничего, но плохо было то, что цѣлыя волости были готовы признать чужеземное владычество и тянули то къ полякамъ, то къ нѣмцамъ. Мы видѣли, что въ древней Россіи единство волости обуславливалось силою главнаго города, вслѣдствіе чего не было положено никакихъ предѣловъ безостановочному ея раздробленію. Политическое единство поддерживалось развѣ тѣмъ, что князья, въ большинствѣ случаевъ, принадлежали къ одному и тому же княжескому роду. Москва сдѣлалась дѣйствительнымъ и обязательнымъ для всѣхъ центромъ, къ которому долженъ былъ тянуть всякій, кто принадлежалъ къ русскому народу. Причина этого заключается въ томъ, что связь между волостями стала поддерживаться не властью старшаго города надъ младшими (Москва была младшимъ изъ всѣхъ городовъ сѣверо-восточной Россіи), а властью московскаго князя. Волости, присоединившіяся къ Москвѣ, подчинялись не ей, а ея князю. Этимъ установилась

возможность дѣйствительнаго политическаго единства. Пока князь былъ произведеніемъ вѣча, волости подчинялись не ему, а старшему городу. Но одна община подчинялась другой только до тѣхъ поръ, пока у послѣдней было достаточно силы, чтобы подчинять, а другая была настолько слаба, что должна была подчиняться. Въ московскій періодъ вопросъ былъ поставленъ иначе; общины не подчинялись болѣе общинамъ, а государственной власти князя. Идея государства, какъ особаго элемента, выдѣленнаго изъ элементовъ общинныхъ, окрѣпла. Прежде «государство» было приурочено къ каждой общинѣ; въ каждой изъ нихъ было свое государство. Теперь русское государство было сосредоточено въ лицѣ московскаго государя. Государи эти весьма рано умѣли поставить вопросъ такъ, что всякая волость, не тянувшая къ нимъ, въ то же время не тянула ни къ русскому государству, ни къ русской землѣ.

В. ТЕОРІЯ В. О. КЛЮЧЕВСКАГО.

(В. О. Ключевскій. «Боярская дума древней Руси». М. 1883).

Что касается взглядовъ В. О. Ключевскаго на государственный строй древнѣйшей Руси, то всего рельефнѣе они изложены въ той части первой главы его *Боярской думы древней Руси* (М. 1883, стр. 18—36), которая, составляя отступленіе отъ основной темы этой главы, даетъ, по словамъ автора, «первоначальную исторію городовъ на Руси». Болѣе подробно и съ изложеніемъ основаній, на которыхъ построенъ читаемый далѣе очеркъ, первоначальная исторія городовъ на Руси изложена В. Ключевскимъ въ №№ 1, 3, 4 и 10 журнала *Русская Мысль* за 1880-й годъ.

Исторія Россіи, говоритъ В. Ключевскій, началась въ VI в. на сѣверо-восточныхъ склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ, на томъ обширномъ водораздѣлѣ, гдѣ берутъ свое начало Днѣстръ, оба Буга, правые притоки верхней Вислы, какъ и правые притоки верхней Припети. Обозначая такъ начало нашей исторіи, мы хотимъ сказать, что тогда и тамъ впервые застаемъ мы восточныхъ славянъ въ общественномъ союзѣ, о происхожденіи и характерѣ котораго можемъ составить себѣ хотя нѣкоторое представле-

ніе, не касаясь труднаго вопроса, когда, какъ и откуда появились въ томъ краю эти славяне. Въ тотъ вѣкъ среди прикарпатскихъ славянъ господствовало воинственное движеніе за Дунай противъ Византіи, въ которомъ принимали участіе и вѣтви славянства, раскинувшіяся по сѣверо-восточнымъ склонамъ этого горнаго славянскаго гнѣзда. Это воинственное движеніе сомкнуло племена восточныхъ славянъ въ большой военный союзъ, политическое средоточіе котораго находилось на верхнемъ теченіи Западнаго Буга и во главѣ котораго стояло съ своимъ княземъ жившее здѣсь племя дуббовъ-волянъ. Остаются неясны причины, разрушившія этотъ союзъ; можно думать только, что это тѣ же причины, которыя повели къ другому еще болѣе важному послѣдствію—къ расселенію восточныхъ славянъ съ карпатскихъ склоновъ далѣе на востокъ и сѣверо-востокъ. Нападенія на Византію взволновали, приподняли славянъ съ насиженныхъ мѣстъ. Нашествіе аваровъ (во второй половинѣ VI в.) на карпатскихъ славянъ, которые то воевали противъ нихъ, то вмѣстѣ съ ними громили имперію, еще болѣе усилило броженіе среди восточныхъ славянъ. Византійскіе писатели VI и начала VII в. застаютъ ихъ въ состояніи такого напряженнаго движенія. Славяне живутъ какъ разбойники, всегда готовые подняться съ мѣста, въ неприступныхъ тущобахъ, поселками, разсѣянными по лѣсамъ и берегамъ многочисленныхъ рѣкъ ихъ страны; такъ описываетъ ихъ Маврикій, а Прокопій замѣчаетъ, что они живутъ въ плохихъ избахъ, разбросанныхъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто переселяются. Слѣдствіемъ этихъ

переселеній и было занятіе славянами области средняго и верхняго Днѣпра съ его правыми и лѣвыми притоками, какъ и съ воднымъ продолженіемъ этой области, съ бассейномъ Ильменя-озера.

Это передвиженіе совершилось въ VII и VIII вв. Днѣпръ скоро сталъ бойкой торговой дорогой для поселенцевъ. Своимъ теченіемъ, какъ и своими лѣвыми притоками, такъ близко подходящими къ бассейнамъ Дона и Волги, онъ потянулъ населеніе на югъ и востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Въ то самое время, съ конца VII в., на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ утвердилось владычество хозарской орды, пришедшей по аварскимъ слѣдамъ. Славяне, только что начавшіе устроиться на своемъ днѣпровскомъ новосельѣ, подчинились этому владычеству. Съ тѣхъ поръ какъ въ Хозарію проникли торговые евреи и потомъ арабы, хозарская столица на устьяхъ Волги стала сборнымъ торговымъ пунктомъ. Покровительствуемые на Волгѣ и на степныхъ дорогахъ къ ней, какъ послушные данники хозарь, днѣпровскіе славяне рано втянулись въ торговые обороты. Арабъ Хордадбе писалъ о Руси въ 860—870 годахъ, т.-е. около того времени, когда по нашей древней *Повѣсти* о началѣ русской земли въ Новгородѣ утверждался Рюрикъ, а въ Кіевѣ—Аскольдъ съ Диромъ; но этотъ арабскій географъ знаетъ уже, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленнѣйшихъ краевъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города, гдѣ византійскій императоръ беретъ десятину съ ихъ товаровъ, что тѣ же купцы ходятъ на судахъ по Волгѣ, спускаются до хозарской столицы, владѣтелю которой также платятъ десятину, выхо-

дять въ Каспійское море и проникають на юго-восточные берега его, даже иногда привозять свои товары въ Багдадъ на верблюдахъ. Нужно было не одно поколѣніе, чтобы съ береговъ Днѣпра или Волхова проложить такіе далекіе и разносторонніе торговые пути. Эта восточная торговля Руси оставила по себѣ выразительный слѣдъ, который свидѣтельствуесть, что она завязалась, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за сто до Хордабѣ. Въ монетныхъ кладяхъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ древней кievской Руси, самое большое количество восточныхъ монетъ относится къ IX и X в. Попадались клады, въ которыхъ самыя позднія монеты принадлежать къ началу IX вѣка, значительное число относится къ VIII в.; но очень рѣдко встрѣчались монеты VII в., и то лишь самаго конца его. Такъ осязательно обозначилась та эпоха нашей исторіи, когда началась усиленная эксплуатація дѣса, который долго питалъ русское народное хозяйство своимъ пушнымъ богатствомъ и бортнымъ пчеловодствомъ, доставляя главныя статьи русскаго вывоза, — мѣха, медь и воскъ.

Къ этому VIII вѣку надобно отнести возникновеніе древнѣйшихъ большихъ городовъ на Руси. Ихъ географическое размѣщеніе довольно наглядно показываетъ, что они были созданиемъ того торговаго движенія, которое съ VIII в. пошло среди восточныхъ славянъ по рѣчной линіи Днѣпра-Волхова на югъ и по ея вѣтвямъ на востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Большинство ихъ (Ладога, Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ) вытянулось цѣпью по этой линіи; но нѣсколько передовыхъ постовъ выдвинулись уже съ

этой линіи далѣе на востокъ; таковы были: Переяславль южный, Черниговъ, Ростовъ. Эти города возникли, какъ сборныя мѣста русской торговли, пункты склада и отправленія русскаго вывоза. Каждый изъ нихъ былъ средоточіемъ извѣстнаго промышленнаго округа, посредникомъ между нимъ и приморскими рынками. Но скоро новыя обстоятельства превратили эти торговые центры въ политическіе, а ихъ промышленные округа въ подвластные имъ области.

Уже въ первой половинѣ IX в. становятся замѣтны признаки упадка хозарскаго владычества въ южной Россіи. Изъ-за Волги сквозь хозарскія поселенія и кочевья проникаютъ къ Днѣпру печенѣги. Эта хищная орда начала загоразивать торговые пути днѣпровской Руси и отрѣзывать ее отъ приморскихъ рынковъ. Лишившись безопасности, какой пользовались днѣпровскіе города подъ покровомъ хозарской власти, они должны были собственными средствами возстановлять и поддерживать свои старыя торговыя дороги. Тогда они начали вооружаться, опоясываться укрѣпленіями, стягивать къ себѣ боевыя силы и выдвигать ихъ на опасныя окраины страны сторожевыми заставами или посылать вооруженными конвоями при своихъ торговыхъ караванахъ. Первое хронологически опредѣленное иноземное извѣстіе о Руси, сохранившееся въ Бертинской лѣтописи, говоритъ о томъ, что въ 839 г. русскіе послы жаловались въ Константинополь на затрудненіе сношеній Руси съ Византіей «варварскими свирѣпыми народами». Одно изъ первыхъ хронологически опредѣленныхъ извѣстій о Кіевѣ, сохранившихся въ нашихъ лѣтописяхъ, го-

ворить о томъ, что въ 867 г. Аскольдъ и Диръ, обороняя этотъ городъ, избили множество печенѣговъ¹⁾).

Торговый вооруженный городъ сталъ узломъ первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточныхъ славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. На карпатскихъ склонахъ у нихъ господствовали родовые союзы, которыми руководили родовые и племенные князья, филархи и царьки,

1) Никон. лѣтопись I, 17. Этого извѣстія нѣтъ въ Начальномъ лѣтописномъ сводѣ по древнѣйшему Лаврентьевскому списку; здѣсь, напротивъ, читаемъ подъ 916 г., что «придоша печенѣзи первое на рускую землю, и сотвориаше миръ со Игоремъ, и придоша к Дунаю» (срв. подъ 920 г. «а Игорь воеваше на печенѣги»). Но это не значитъ, что тогда впервые печенѣги появились въ степяхъ южной Руси. Въ самой лѣтописи есть указанія, не позволяющія придавать ей словаъ такого значенія. Во-первыхъ, она и о второмъ отмѣченномъ ею нашествіи печенѣговъ въ 968 г. говоритъ, что они тогда впервые пришли на русскую землю («придоша печенѣзи на руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци»). Во-вторыхъ, «Повѣсть временныхъ лѣтъ», которой открывается Начальный лѣтописный сводъ, перечисляя народы, нашествію которыхъ подвергались славяне, прямо послѣ обрвовъ ставить печенѣговъ, отчетливо отмѣчая, что послѣдніе пришли раньше угровъ, а угры, по свидѣтельству того же Начального лѣтописнаго свода, прошли мимо Кіева въ 898 г. Византійскіе писатели не обозначаютъ точно времени движенія печенѣговъ изъ-за Волги за Донъ; но и по нимъ видно, что оно произошло еще въ IX в., а изъ извѣстнаго разсказа Кедрена о построеніи Саркада можно заключить, что печенѣги еще въ первой половинѣ IX в. прорывались за Донъ и могли здѣсь сталкиваться съ нашими славянами. Извѣстно, наконецъ, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ Начального лѣтописнаго свода опущено много извѣстій, сохранившихся въ позднѣйшихъ спискахъ, и именно въ Никоновскомъ.

какъ ихъ называли византійскіе писатели. Военный волынскій союзъ, во главѣ котораго стоялъ князь дудѣбовъ, былъ соединеніемъ такихъ родовъ и племенъ. Съ разрушеніемъ этого союза восточные славяне остались раздѣленными «на многія племена и многочисленные роды», которые еще существовали или о которыхъ, по крайней мѣрѣ, помнили на Руси въ половинѣ X в., сколько можно судить о томъ по рассказамъ арабовъ Ибнъ-Даста и Масуди.

Но передвиженіе восточнаго славянства съ карпатскихъ склоновъ разбивало эти племенные и родовые союзы. Одни родичи уходили, другіе оставались; ушедшіе селились на новыхъ мѣстахъ не рядомъ, сплошными родственными поселками, а въ разброску, одиночками, удаленными другъ отъ друга дворами ¹⁾. Къ этому вынуждало тогдашнее состояніе страны, куда направлялась славянская колонизація: каждый выбиралъ для поселенія мѣсто, удобное для лова и пашни, а среди лѣсовъ и болотъ такіа мѣста не шли обширными сплошными пространствами. Такое топографическое удаленіе членовъ рода другъ отъ друга затрудняло практику власти родового старшины надъ всей родней, колебало и затрудняло имущественное общеніе между родственными дворами, помрачало въ родичахъ мысль объ общемъ родовомъ владѣніи, людей разныхъ родовъ дѣлало ближайшими сосѣдями другъ другу. Такъ разрушались юридическія связи рода, и приготовлялся переходъ общезитія на новыя основанія: обязательныя родовыя отношенія превращались въ родословныя воспоминанія или въ требованія родствен-

¹⁾ Срв. выше на стр. 236.

наго приличія, родство замѣнялось сосѣдствомъ. Съ теченіемъ времени успѣхи промысла и торговаго создавали среди разбросанныхъ дворовъ сборные пункты обмѣна, центры *юстыбы* (торговли), *погосты* ¹⁾; нѣкоторые изъ нихъ превращались въ болѣе значительныя торговыя средоточія, въ города, къ которымъ тянули въ промышленныхъ оборотахъ окрестныя погосты, а города, возникшіе на главныхъ торговыхъ путяхъ, по большимъ рѣкамъ, вырастали въ большія торжища, которыя стягивали къ себѣ обороты окрестныхъ городскихъ рынковъ. Такъ племенные и родовые союзы смѣнялись или поглощались промышленными округами. Когда хозарское владычество поколебалось, малые и большіе города начали укрѣпляться и вооружаться. Тогда погосты стали подчиняться ближайшимъ городамъ, къ которымъ они тянули въ торговыхъ оборотахъ, а малые города подчинялись большимъ, которые служили имъ центральными рынками. Подчиненіе вызывалось или тѣмъ, что вооруженный и укрѣпленный городъ завоевывалъ тянувшій къ нему промышленный округъ, или тѣмъ, что населеніе округа находило въ своемъ городѣ убѣжище и защиту въ

1) Такое объясненіе *погоста* не соответствуетъ опредѣленіямъ этого слова у С. М. Соловьева и И. Н. Срезневскаго. А. Е. Прѣсняковъ (*Княжеское право*, стр. 162—163) говоритъ, что самыя раннія тексты ставятъ погостъ въ связь не съ торговлей, а съ оброками и даними. Въ Лаврент. лѣт. подъ 947 г.: «сиде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ *погосты* и дани, и по Лузѣ оброки и даня; и ловища ея суть по всей земли, знамяня, и мѣста, и погосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Диѣпру перевѣсница и по Деснѣ» (подъ 946 г. «устанавлиючи уставы и уроки; и суть становяща ея и ловища»). Срв. далѣе на стр. 351. Ред.

случаѣ опасности, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Такъ экономическія связи становились основаніемъ политическихъ, торговые районы городовъ превращались въ городовыя *волости*. Въ историческихъ памятникахъ XI и XII вв. можно еще замѣтить слѣды всѣхъ этихъ процессовъ; но можно замѣтить и то, что не во всѣхъ мѣстахъ они развивались съ одинаковымъ успѣхомъ и не вездѣ достигли послѣдняго момента къ тому времени, когда преемникъ Рюрика утвердился въ Кіевѣ. Иныя племена, напримѣръ, древляне, даже въ X в., при преемникѣ Олега, оставались раздѣленными на мелкіе округа, средоточіями которыхъ были города, «дѣлавшіе нивы своя и земли своя», и во главѣ которыхъ стояли какіе-то «добрые князья, пасшіе деревскую землю», независимые одинъ отъ другого, хотя иногда и соединявшіеся другъ съ другомъ. Занесенная въ начальный лѣтописный сводъ кіевская былина объ Ольгиной мести запомнила даже имя одного изъ этихъ князей Мала, такъ неудачно посватавшагося къ вдовѣ Игоря. Но Малъ правилъ своимъ Искоростенемъ не одинъ, а съ «лучшими мужами», «старѣйшинами града». Эти древлянскія княжества были, повидимому, небольшія сельскія волости¹⁾, занимавшіяся земледѣліемъ и лѣсными промыслами; образовала ихъ, можетъ-быть, изъ прежнихъ промышленныхъ округовъ, потребность въ оборонѣ отъ внѣш-

¹⁾ Срв. съ характеристикой общинно-волостной формы землевладѣнія въ древней Русѣ въ книгѣ П. А. Соколовскаго *Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей среди крѣпостнымъ правомъ*. Спб. 1878.

нихъ опасностей, наступившихъ для Подиѣпровья въ IX в. Оборонительными и правительственными центрами этихъ волостей служили города, въ которыхъ обыватели «затворялись» въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Изъ этихъ городовъ правили волостями старѣйшины, «лучшіе мужи, иже державу деревскую землю», военная аристократія, которая выдѣлилась изъ разрушавшихся древнихъ родовыхъ союзовъ, и тѣ, кого былина величаетъ князьями деревской земли, были, повидимому, только вождами этой мелкой военной старшины.

Слѣды подобнаго политическаго быта замѣтны и у вятичей даже въ концѣ XI в. Эти мелкія волости были первыми политическими союзами, образовавшимися у восточныхъ славянъ въ эпоху разрушенія древнихъ племенныхъ и родовыхъ связей. Оба названныя племени оставались въ состояніи такого политическаго раздробленія до окончательнаго завоеванія ихъ кievскими князьями. Другія племена рано вышли изъ него благодаря большимъ городамъ. Новгородъ, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ уже въ IX в. успѣли стянуть къ себѣ значительныя области и стать во главѣ ихъ. Но и въ этихъ большихъ городовыхъ областяхъ долго еще хранились остатки мелкихъ округовъ, подобныхъ древлянскимъ, которые нѣкогда были самостоятельными мірами и потомъ примкнули къ тому или другому большому городу. Въ половинѣ XII в. въ Смоленской области находимъ городъ Вержавскъ и рядомъ съ нимъ девять погостовъ, сельскихъ волостей, обозначавшихся общимъ названіемъ «Вержавлянъ Великихъ», а названіе *великихъ* носили въ древней Руси старшіе города, бывшіе самостоятельными

главами своихъ областей, напримѣръ, Ростовъ, Новгородъ. Точно такъ же Любечъ, вошедшій послѣ въ составъ Черниговской области, въ IX и въ началѣ X вѣка является еще независимымъ отъ Чернигова, однимъ изъ главныхъ областныхъ городовъ, наравнѣ съ Киевомъ, Смоленскомъ, Черниговомъ. Эти области старинныхъ большихъ городовъ и легли въ основаніе областного дѣленія, какое видимъ на Руси впоследствии, въ XI и XII вв. Этнографическій составъ этихъ городовыхъ областей и показываетъ, что онѣ созидались на развалинахъ древнихъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ.

Повѣсть о началѣ русской земли пересчитываетъ нѣсколько племенъ, на которыя распадалось восточное славянство до появленія князей въ Киевѣ, и при этомъ довольно отчетливо указываетъ мѣстожителство каждаго племени. Но въ половинѣ IX в. эти племена были уже только этнографическими или географическими группами населенія, а не политическими союзами, хотя, быть-можетъ, и составляли нѣкогда такіе союзы. *Повѣсть* смутно помнитъ, что когда-то у каждаго племени было «свое княженіе», но не запомнила ни одного племенного князя, который въ IX в. руководилъ бы цѣлымъ племенемъ. Областное дѣленіе русской земли при первыхъ киевскихъ князьяхъ, въ основаніе котораго легли городовыя области болѣе ранняго происхожденія, далеко не совпадало съ племеннымъ, какъ его описываетъ *Повѣсть*. Не было ни одной области, которая состояла бы изъ одного цѣльнаго племени: большинство ихъ составилось изъ частей разныхъ племенъ; въ нѣкоторыхъ къ цѣльному племени примкнули части дру-

гихъ племень¹⁾. Племена, части которыхъ, политически разбившись, притянуты были чужеплеменными большими городами, были именно тѣ, которыя и до этого не имѣли политическаго единства, а послѣднее не завязалось среди нихъ потому, что у нихъ не было большихъ городовъ, которые могли бы торгомъ или оружіемъ стянуть къ себѣ разрозненныя части своихъ племень, прежде чѣмъ сдѣлали это большіе города чужихъ племень. Около половины IX в. на длинной рѣчной полосѣ Днѣпра-Волхова между Кіевомъ и Ладогой положеніе дѣлъ, можно думать, было таково: изъ восьми занимавшихъ эту полосу славянскихъ племень четыре (древляне, дреговичи, радимичи и вятичи), жившія нѣсколько въ сторонѣ отъ торговаго движенія по главнымъ рѣчнымъ путямъ и слабо имъ захваченныя, оставались разбитыми на мелкіе независимые одинъ отъ другого округа, кажется, промышленные по происхожденію, но по обстоятельствамъ IX в. устроившіеся въ военные союзы, средоточіями которыхъ были земледѣльческіе укрѣпленные пункты, городки, пахущіе свои нивы; у четырехъ другихъ племень (славянъ ильменскихъ, кривичей, сѣверянъ и полянъ), жившихъ на глав-

¹⁾ *Полоцкая* составлялась изъ вѣтви кривичей съ частью дреговичей, *Смоленская*—изъ другой вѣтви кривичей съ частью радимичей и, кажется, съ нѣсколькими поселками дреговичей и вятичей, *Черниговская*—изъ части сѣверянъ съ другой частью радимичей и съ большинствомъ вятичей, *Кіевская* состояла изъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и части дреговичей, *Новгородская*—изъ племени ильменскихъ славянъ съ изборокской вѣтвью кривичей. Одна *Переяславская* область имѣла одноплеменное славянское населеніе, состоящее изъ южной половины сѣверянъ. Срв. выше на стр. 165.

ныхъ рѣчныхъ путяхъ и принимавшихъ болѣе дѣятельное участіе въ шедшемъ здѣсь торговомъ движеніи, такіе округа уже соединялись подъ руководствомъ большихъ промышленныхъ и укрѣпленныхъ городовъ, образуя шесть или семь крупныхъ городскихъ областей, которыя захватывали значительныя части этихъ племенъ или цѣлыя племена и даже начинали втягивать въ себя ближайшія поселенія четырехъ другихъ племенъ¹⁾. Процессъ образованія этихъ областей и расхищенія ими сосѣднихъ племенъ, не успѣвшихъ объединиться, начался до кievскихъ князей, но завершился уже при нихъ и съ ихъ содѣйствіемъ.

Переходъ на военную ногу, вынужденный внѣшними обстоятельствами IX в., сдѣлалъ большіе города политическими центрами областей; такое политическое значеніе, въ свою очередь, создало въ этихъ городахъ новый правительственный классъ. Мы не знаемъ, какъ хозары собирали дань²⁾ съ подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ, какъ правили

¹⁾ Это были области Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Кіевская и Переяславская, вѣроятно, уже существовавшая въ то время; къ нимъ можно причислить и область Любеча, если только она по своимъ размѣрамъ соответствовала важному торговому значенію этого города въ X в.

²⁾ Лаврен., стр. 16: «сѣдумавше же *поляне* и вѣдша отъ дыма мечь, и несомъ козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ». Подъ 885 г. о *радимицехъ* говорится, что вмѣсто козарь они стали давать дань Олегу: «и вѣдша Ольгові по щялягу, якоже и козаромъ даяху» (стр. 23). Съ *дреллякъ* Олегъ бралъ «дань по чернѣ кунѣ» (подъ 883 г.). Подъ 964 г. *вятичи* говорятъ Святославу о дани: «козаромъ по щялягу отъ рада даемъ».

своими данниками,—посредствомъ ли своихъ или туземныхъ уполномоченныхъ. Во всякомъ случаѣ, вооруженіе города, оборона торговыхъ путей, расширение области и укрѣпленіе власти надъ нею,—все это создавало большому промышленному городу много новыхъ заботъ. Все это были дѣла правительственныя; но они были тѣсно связаны съ торговыми оборотами, и потому руководителями ихъ прежде всего стали люди, въ чьихъ рукахъ сосредоточивались эти обороты. Такъ, въ одно время съ превращеніемъ большихъ городовъ въ политическіе центры промышленныхъ округовъ городской классъ, который держалъ въ рукахъ нити промышленности, пріобрѣлъ власть надъ городомъ и его областью. Одно внѣшнее обстоятельство помогло образоваться этому классу, усиливъ его пришлымъ элементомъ. Въ то время, какъ на южный конецъ торговаго пути Днѣпра-Волхова налегла опасность изъ степи отъ новыхъ кочевниковъ, заставивъ прибрежный торговый міръ запастись ратными людьми, на сѣверномъ концѣ этого рѣчного пути появились или чаще прежняго стали появляться пришельцы другого рода. То были норманны ¹⁾, начавшіе тогда тревожить берега Западной Европы и извѣстные тамъ подъ именемъ дановъ, а у насъ прозванные варягами. Они появлялись на Волховѣ больше для того, чтобы отсюда Днѣпромъ проникнуть въ богатя южныя страны, преимущественно въ Византию, и тамъ поторговать, послужить императору, при

¹⁾ Сжатую характеристику норманнскихъ движеній въ Европѣ см. въ живо и популярно написанной хроникѣ А. Ф. графа фонъ Шакка *Исторія норманновъ въ Сициліи*. Переводъ съ нѣм. Н. М. Соколова. Спб. 1896.—Ред.

случаѣ пограбить. Вооруженный купецъ-варягъ, идущій «въ греки», сталъ тогда обычнымъ явленіемъ на кievскомъ Днѣпрѣ; купца привыкли видѣть въ вооруженномъ варягѣ, шедшемъ изъ Руси, и на балтійскомъ побережьи; когда русскому военному варягу приходилось скрывать свое ремесло подъ наиболѣе вѣроятной маской, онъ и по древнему кievскому преданію и по скандинавской сагѣ (объ Олафѣ) прикидывался купцомъ. Съ тѣхъ поръ рѣчная дорога по Днѣпру-Волхову стала «путемъ изъ варягъ въ греки и изъ грекъ», какъ зоветъ ее древняя *Повѣсть* о началѣ русской земли. Но военноторговныя нужды прибрежныхъ большихъ городовъ доставляли шедшимъ мимо ихъ варягамъ выгодныя занятія и на этомъ пути, заставляя значительную часть ихъ здѣсь осаживаться. Сходство занятій и интересовъ сближало пришельцевъ съ туземными руководителями промышленности по большимъ городамъ: тѣ и другіе были вооруженные торговцы; содѣйствіе первыхъ было полезно вторымъ для расширенія городовыхъ областей и укрѣпленія ихъ за своими городами; тѣ и другіе одинаково нуждались въ безопасныхъ торговыхъ путяхъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Присутствіе этихъ иноземцевъ на Руси становится замѣтно уже въ первой половинѣ IX в., въ одно время съ «варварскими свирѣпыми народами», начавшими грозить сношеніямъ Руси съ Византіей, и эти иноземцы являются на Руси не простыми прохожими, а исполнителями порученій туземной власти; люди, которые въ 839 г., по разсказу Бертинской лѣтописи, въ Константинополѣ объявили себя послами отъ народа Руси, пришедшими «ради дружбы», оказа-

лись потомъ шведами. Съ того времени варяги приливали на Русь въ такомъ изобиліи, что киевское общество XI в., историческія воспоминанія котораго передаетъ *Повѣсть* о началѣ русской земли, наклонно было даже преувеличивать численность этихъ пришельцевъ. Въ XI в. ихъ представляли на Руси такимъ густымъ наноснымъ олоемъ въ составѣ славянскаго населенія, который уже въ IX в. распространился по главнымъ городамъ тогдашней Руси и въ нѣкоторыхъ даже закрылъ собою туземцевъ, «первыхъ насельниковъ»: по мнѣнію автора *Повѣсти*, новгородцы, прежде бывшіе славянами, вслѣдствіе прилива варяжскихъ «находниковъ», стали «людьми отъ рода варяжска», а Кіевъ, по одному преданію, будто бы и основанъ варягами, которые были его первыми насельниками.

Такъ правительственный классъ, взявшій въ свои руки военно-торговья дѣла главныхъ областныхъ городовъ, составился изъ двухъ элементовъ: изъ вооруженныхъ промышленниковъ туземныхъ и заморскихъ. Этотъ классъ создалъ въ большихъ городахъ то военно-промышленное управленіе, которое много вѣковъ оставалось господствующимъ типомъ городского устройства на Руси. Все вооруженное населеніе города раздѣлилось на десять ротъ, или *сотенъ*, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на *десятки*; такимъ образомъ, весь городъ составлялъ полкъ, или *тысячу*. Этой тысячей командовалъ *тысяцкій*, какъ военный управитель города; ему подчинены были предводители частей *тысячи*—*сотскіе*, *десятскіе*. Замѣчательно, что только главные города старинныхъ областей образовали полныя *тысячи*; младшіе города, или пригороды, не были такими цѣльными

полками или тысячами, хотя дѣлились на сотни, подобно старшимъ ¹⁾). Такъ, Псковъ долго былъ новгородскимъ пригородомъ и только съ XIV в. сталъ самостоятельнымъ главой особой волости; онъ также дѣлился на сотни, но во все время своей самостоятельной жизни не составлялъ тысячи и не имѣлъ тысяцкаго въ составѣ своей администраціи ²⁾). Изъ преданій IX в. не запало въ наши древніе памятники ни одного намека на то, какъ эти тысяцкіе,

1) О тысяцкихъ и сотскихъ см. въ книгѣ А. Прѣснякова *Княжеское право въ древней Руси*, стр. 165—173 и 173—190: русскіе источники не даютъ основанія производить понятіе тысячи на русской почвѣ отъ военнаго дѣленія на тысячи, да и вообще нѣтъ основанія говорить о тысячно-сотенной организаціи, какъ о древнѣйшей формѣ военнаго строя; въ сотняхъ нельзя видѣть учрежденія, выросшаго на Руси въ условіяхъ племеннаго быта; ихъ надо признать явленіемъ, возникшимъ въ связи съ развитіемъ городского строя и преобладанія городовъ надъ землями-волостями; сотни—судебно-административныя учрежденія, основная ячейка того, что можно назвать древнѣйшей государственной организаціей.

Ред.

2) Съ пріобрѣтеніемъ самостоятельности Псковъ сталъ выбирать двухъ посадниковъ вмѣсто одного, какъ было въ Новгородѣ; но должность тысяцкаго не была учреждена, потому что Псковъ, какъ бывший пригородъ, не имѣлъ тысячнаго устройства. Впрочемъ, гдѣ правительственный порядокъ установился князьями, а не самимъ городскимъ обществомъ, тамъ и пригороды, становясь стольными великокняжескими городами, устроились въ тысячи: такъ, встрѣчаемъ тысяцкихъ въ двухъ бывшихъ ростовскихъ пригородахъ—во Владимирѣ на Клязьмѣ въ XIII в. и въ Москвѣ въ XIV в. Тысяцкаго имѣлъ и Новгородъ Нижній, когда сталъ великокняжескимъ городомъ. Сторожевое укрѣпленіе въ кѣвской землѣ, Бѣлгородъ, возникшее при Владимирѣ изъ княжескаго дворцоваго села, при Мономахѣ также было тысячей.

сотскіе и другія городовыя власти назначались на свои должности. Но въ послѣдствіи на противоположныхъ окраинахъ русской земли, сѣверной и южной, встрѣчаемъ двѣ правительственныя формы, которыя при всѣхъ своихъ мѣстныхъ особенностяхъ были родственны по происхожденію, обѣ отлились по типу древняго городского устройства: одна была въ Новгородѣ, другая—въ казачествѣ. Тамъ и здѣсь управление было выборное. Но казачество было чисто-военнымъ товариществомъ, и потому казацкій кругъ отличался демократическими привычками: при избраніи войсковой старшины тамъ всѣ выбирали и каждый могъ быть выбранъ. На вѣчевой сходкѣ въ Новгородѣ также выбирали всѣ, но далеко не изъ всѣхъ, а только изъ одного довольно тѣснаго круга лицъ. Это различіе происходило оттого, что военное устройство Новгорода осложнялось дѣйствіемъ торговаго капитала. Собранный на вѣчѣ городъ представлялъ собою верховную власть въ правительственныхъ дѣлахъ; но внѣ вѣча промышленными дѣлами согражданъ руководили крупные капиталисты. Изъ ихъ круга державный городъ обыкновенно и выбиралъ свою правительственную старшину, что сообщало новгородскому управленію аристократическій характеръ.

Правительственный порядокъ въ большихъ русскихъ городахъ IX в., всего вѣроятнѣе, былъ ближе къ позднѣйшему новгородскому, который изъ него прямо и развился ¹⁾. Едва ли тысяцкіе и другія вла-

¹⁾ Б. А. Романовъ въ статьѣ «Смердѣи конь и смердъ» (стр. 24) справедливо замѣчаетъ, что «надо доказать переносимость чертъ новгородскаго устройства на кievское; она еще не доказана». Срв. у А. Прѣснякова, *Княжеское право*, стр. 193—194, 201.

сти этихъ городовъ назначались гдѣ-либо хозарскимъ правительствомъ: съ того времени какъ печенѣги, проникнувъ въ область нижняго Днѣпра, поколебали хозарское владычество въ южной Руси, хозары не могли дѣятельно вмѣшиваться въ управленіе подвластныхъ имъ славянъ, хотя и продолжали нѣкоторое время брать съ нихъ дань.

Такъ, до половины IX в. русскій городъ пережилъ рядъ экономическихъ и политическихъ переворотовъ. Возникнувъ среди разрушавшихся старыхъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ, изъ погоста, изъ незначительнаго, но счастливо помѣщеннаго сельскаго рынка, онъ превращался въ средоточіе нѣсколькихъ такихъ рынковъ, становился сборнымъ пунктомъ обширнаго промышленнаго округа. Успѣхи торговли создавали въ немъ кругъ торговыхъ домовъ, которые вращали оборотами округа, служа посредниками между туземными производителями и иноземными рынками, а внѣшнія опасности заставили его потомъ вооружиться и укрѣпиться. Тогда его торговый округъ превратился въ подвластную ему область, а изъ его главныхъ торговыхъ домовъ, подкрѣпленныхъ вождями заморскихъ варяжскихъ компаній, составила военнo-торговая аристократія, которая взяла въ свои руки управленіе городомъ и его областью. Эту торговую аристократію городовъ Начальный лѣтописный сводъ въ рассказѣ о временахъ князя Владимира и называетъ «нарочитыми мужами», а выходившихъ изъ нея десятскихъ, сотскихъ и другихъ городскихъ управителей—«старцами градскими» или «старѣйшинами по всѣмъ градомъ». Таково было значеніе и происхожденіе городскихъ старцевъ: это

образовавшаяся изъ купечества военно-правительственная старшина торговаго города, который внѣшнія обстоятельства въ IX в. заставили вооружиться и устроиться по-военному.

Но въ концѣ X в., во времена князя Владимира, политическое положеніе городской старшины было уже не то, какъ въ первой половинѣ IX в. До кievскихъ князей классъ, черезъ эту старшину правившій городомъ и его областью, былъ здѣсь единственной правительственной силой. Въ X в. онъ уже долженъ былъ дѣлиться выгодами власти съ соперникомъ, созданію котораго самъ болѣе всего содѣйствовалъ. Это былъ князь съ своей дружиной, выдѣлившіеся изъ той же военно-торговой аристократіи большихъ городовъ. Ходъ этого выдѣленія можно представить въ такихъ общихъ чертахъ. Оно было тѣсно связано съ образованіемъ кievскаго княжества. Волостной городъ по его первоначальному устройству можно назвать вольной общиной, республикой, похожей на Новгородъ и Псковъ позднѣйшаго времени. Имъ управляла мѣстная промышленно-военная знать, у которой примѣсь заморскаго элемента не отнимала характера туземной аристократіи. Но тамъ, куда усиленно приливали вооруженныя компаніи изъ-за моря, пришлый элементъ въ составѣ правительственнаго класса получалъ перевѣсъ, а гдѣ притомъ и внѣшняя опасность чувствовалась сильнѣе, тамъ военные интересы брали верхъ надъ интересами мирнаго промысла. Тогда городъ съ своей областью получалъ характеръ вяржскаго владѣнія, военнаго княжества: изъ центрального рынка округа онъ превращался въ постоянный укрѣпленный лагерь, изъ котораго рѣже

выходили купеческіе караваны, чѣмъ вооруженныя толпы для набѣговъ; вождь города изъ выборнаго тысяцкаго или добраго князя-пастыря, какъ называли древляне своихъ князей, превращался въ военнаго властителя, варяжскаго конунга, а кормъ, который получалъ онъ съ своей дружиной за военныя услуги съ оберегаемой области, замѣнялся данью или окупомъ, какого потребовали въ 980 г. у Владимира посадившіе его въ Кіевѣ варяги, сказавъ князю: «Вѣдь городъ-то нашъ, мы его ¹⁾ взяли». Въ IX в. встрѣчаемъ четыре такихъ варяжскихъ княжества: Рюриково въ Новгородѣ, Труворово въ Изборскѣ, Синеусово въ Бѣлозерской землѣ, Аскольдово въ Кіевѣ; въ X в. являются еще два: Рогволодово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ. Въ *Повѣсти* о началѣ русской земли такимъ же точно фактомъ открывается рассказъ о призваніи князей изъ-за моря. Здѣсь читаемъ, что еще до прихода Рюрика съ

¹⁾ Лаврен. подъ 980 г.: «Посемь рѣша варязи Володимеру: «се градъ нашъ, мы прияхомъ и, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ чловѣка». И рече имъ Володимеръ: «пождѣте, даже вы куны сберуть за мѣсяць». И ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша варязи: «сольстиль еси нами, да покажи ны путь въ греки». Онъ же рече имъ: «идѣте». И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочія же идоша Царюграду въ Греки». См. также Лаврен. подъ 859 г.: «имаху дань *варязи* изъ заморья на чюди и на словѣнехъ, на мери и на всѣхъ, и на кривичѣхъ; а козари имаху на полянѣхъ, и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ, — имаху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма» и подъ 882 г.: «И бѣша у него (т.-е. Олега) *варязи* и словѣни и прочи прозвашася Русью. Се же Олегъ нача города ставити... и устави *варягомъ* давъ даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на дѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославѣ даяше варягомъ». См. выше на стр. 345.

братьями варяги изъ заморья брали дань на славянахъ новгородскихъ, чуди и на другихъ сѣверныхъ племенахъ, которыя потомъ выгнали пришлыхъ властителей и перестали платить имъ дань. Преданіе не помнило, когда и какъ основалось это варяжское владѣніе, кто былъ вождемъ варяговъ, долго ли продолжалось ихъ владычество; но оно помнило послѣдствія вторженія, дань, возстаніе данниковъ и изгнаніе пришельцевъ. Стороннимъ наблюдателямъ эти варяжскія владѣнія на Руси казались дѣломъ настоящаго завоеванія: одинъ изъ нихъ писалъ, что «племена сѣвера», т.-е. норманны, завладѣли нѣкоторыми изъ славянъ и по сіе время обитаютъ между ними, даже усвоили себѣ ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними.

При содѣйствіи этихъ военныхъ варяжскихъ княжествъ оборонительная борьба, какую вели промышленные русскіе города съ степью, перешла въ наступательную: по замѣчанію одной лѣтописи, Рюрикъ съ братьями, какъ только успѣли на своихъ княженіяхъ, «начаша воевати всюду». Рядъ воинственныхъ морскихъ набѣговъ Руси на далекіе черноморскіе и каспійскіе берега, начавшійся еще въ первой половинѣ IX в., закрылъ собою мирныя торговыя сношенія русскихъ городовъ прежняго времени; но онъ имѣлъ тѣсную связь съ этими сношеніями; то были вооруженныя рекогносцировки русскаго купечества съ цѣлью прочистить засорившіеся пути русской торговли и открыть доступъ къ приморскимъ рынкамъ. Исходнымъ пунктомъ этихъ смѣлыхъ предпріятій, сборнымъ мѣстомъ русскихъ витазей (викинговъ) былъ Кіевъ; у этого города, находившагося, по выраженію араба X в. Ибнъ-

Даста, на самой границѣ страны славянъ, сходились главныя рѣчныя дороги Руси; все движеніе русской промышленности прекращалось, какъ скоро перехватывалась врагами ея водная днѣпровская артерія ниже Кіева. Поэтому въ Кіевѣ издавна скопилось много варяговъ; не даромъ одно попавшее въ лѣтописъ преданіе считаетъ ихъ первыми обитателями Кіева, а по словамъ *Повѣсти* о началѣ русской земли, Аскольдъ могъ набрать здѣсь столько варяговъ, что отважился напасть на самый Царьградъ ¹⁾. Поэтому же военно-торговая аристократія другихъ промышленныхъ городовъ готова была поддерживать и издавна поддерживала всякаго вождя, направлявшагося къ Кіеву, чтобы отсюда возстановить старые пути русской торговли. Аскольдъ съ Диромъ, отдѣлившіеся отъ дружины новгородскаго конунга Рюрика, безъ борьбы утвердились въ Кіевѣ, не встрѣтивъ препятствій на своемъ пути; шедшаго по ихъ слѣдамъ преемника Рюрика Олега днѣпровскіе города Смоленскъ, Любечъ и тотъ же Кіевъ также встрѣтили безъ замѣтной борьбы. Конунгъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, держалъ въ своихъ рукахъ нити русской промышленности. Отсюда соперничество между конунгами за этотъ городъ.

Бродячіе искатели торговыхъ барышей, хорошихъ кормовъ за военныя услуги или военной добычи, они перебивали другъ у друга ратныхъ людей, до-

¹⁾ Лаврен. подъ 862 и 866 гг. «Аскольдъ же и Диръ остаеа въ градѣ семь, и многи *варяги* съвокупста, и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же княжашу в Новѣгородѣ... Иде Аскольдъ и Диръ на греки, и придоша въ 14 лѣто Митавла песаря».

ходные города, выгодные торговые пути. Понятія и привычки, питавшія безконечную усобицу русских князей XI и XII вв. за города, за волости, родились еще въ IX в. Кіевъ по своему значенію для русской промышленности болѣе другихъ городовъ вызывалъ это соперничество. Олегъ новгородскій за него погубилъ Аскольда и Дира кіевскихъ; потомъ другой новгородскій конунгъ, Владимиръ, истребивъ конунга полоцкаго Рогволода съ сыновьями, погубилъ другого конунга кіевского Ярополка, собственнаго брата. Изъ этой кровавой усобицы вышла первая русская династія: сперва восторжествовалъ родъ Рюрика, истребивъ или подчинивъ себѣ своихъ соперниковъ, другихъ такихъ же конунговъ; потомъ въ родѣ Рюрика восторжествовало племя младшаго его правнука Владимира. Эта династія, утвердившись въ Кіевѣ и пользуясь экономическимъ его значеніемъ, постепенно стянула въ свои руки разрозненныя дотолѣ части русской земли. Такъ первый опытъ политическаго объединенія русской земли былъ дѣломъ того же интереса, которымъ прежде созданы были независимыя одна отъ другой городовыя области, *дѣломъ влишней русской торговли.*

Можетъ показаться страннымъ такое торговое происхожденіе русскаго государства. Въ другихъ европейскихъ странахъ государства создавались либо естественнымъ сближеніемъ прежде разрозненныхъ частей одного племени, либо насильственнымъ соединеніемъ разноплеменныхъ элементовъ посредствомъ завоеванія. Тотъ и другой процессъ былъ испытанъ и при образованіи двухъ первыхъ политическихъ формъ, возникшихъ на Руси: въ исторіи

той и другой уцѣлѣли слѣды и насильственного и добровольнаго соединенія славянскихъ и финскихъ племень ¹⁾ подъ одною властью. Однако ни ту, ни другую форму нельзя назвать русскимъ государствомъ. Если русское государство прежде всего есть государство русскаго народа, то этого народа въ тѣ вѣка еще не было, а были только элементы, славянскіе и не славянскіе, изъ которыхъ онъ потомъ сложился медленнымъ и труднымъ процессомъ. Необходимо отличать *процессъ* созданія извѣстной политической формы отъ *интереса*, который ее создаетъ. Русское государство, образовавшееся позднѣе, было дѣломъ національнаго интереса; но и въ его созданіи участвовали какъ завоеваніе, такъ и мирное соглашеніе. Государство первыхъ кievскихъ князей не было дѣломъ такого интереса, какъ не были его дѣломъ и городовыя области, изъ которыхъ это государство составилось. Оно потому и разложилось уже въ XI в. на свои составныя элементы, городовыя волости, что интересъ, его создавшій, не былъ достаточно силенъ, чтобы поддержать и укрѣпить его надолго. Это былъ временный интересъ: благодаря довольно случайному сочетанію условій, подъ дѣйствіе которыхъ попали восточные славяне на новыхъ мѣстахъ жительства, въ ихъ хозяйствѣ внѣшняя торговля сдѣлалась господствующей силой, и потому во главѣ общества стали элементы населенія, ею руководившіе, наиболѣе заинтересованные въ ея безопасности и успѣхахъ. Кіевское княжество, какъ и городовыя волости, ему предшествовавшія, имѣло не національное, а со-

¹⁾ Срв. выше на стр. 223.

ціальное происхожденіе, создано было не какимъ-либо племенемъ, а классомъ, выдѣлившимся изъ разныхъ племенъ. Руководившая городскими областями военно-торговая аристократія поддержала самаго сильнаго изъ конунговъ, помогла ему укрѣпиться въ Кіевѣ, а потомъ военными походами и торговыми договорами съ Византіей возстановить и обезпечить торговые сношенія съ приморскими рынками. Это общее дѣло разрозненныхъ дотогѣ волостныхъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ давнихъ успій русскаго промышленнаго міра, которому съ начала IX в. враги начали загоразживать торговые пути къ Черноморью и Каспію. Та же аристократія помогла кіевскимъ князьямъ распространить свою власть изъ Кіева. Этимъ содѣйствіемъ объясняется неодинаковій успѣхъ князей въ подчиненіи разныхъ племенъ. Гдѣ этотъ классъ былъ сосредоточенъ въ большихъ торговыхъ центрахъ, какъ у сѣверянъ черниговскихъ или переяславскихъ, тамъ вся область безъ борьбы или послѣ легкой борьбы подчинялась кіевскому князю, увлекаемая своей старшиной, тянувшей къ нему по единству интересовъ и частію даже по племенному родству. Напротивъ, древлянъ или вятичей, у которыхъ при отсутствіи центрального властнаго города, этотъ классъ былъ разбитъ на мелкія мѣстныя общества, кіевскимъ князьямъ пришлось завоевывать по частямъ, долгой и упорной борьбой. Значитъ, военно-торговая аристократія большихъ городовъ была самою дѣятельною силой въ созданіи политическаго единства Руси, которое тѣмъ и началось, что этотъ классъ сталъ собираться подъ знаменами вышедшаго изъ его среды кіевского князя. Но это поли-

тическое объединение класса было началом его социального разделения. Его прошлое сообщило ему двойственный характер: руководя торговыми оборотами городских волостей, онъ былъ для нихъ и военно-правительственной силой. Теперь его боевые элементы начали переходить въ дружину кievскаго князя, образуя новый правительственный классъ *княжихъ мужей*, получившій уже не мѣстное, а общерусское значеніе. Другіе болѣе мирные люди того же класса оставались на своихъ мѣстахъ, продолжая руководить городскими обществами.

Что касается теории очередного порядка княжескаго владѣнія въ южной Руси XI—XII вѣковъ, то таковая изложена въ XI лекціи «Курса русской исторіи» В. О. Ключевскаго (часть I по изд. 1904, стр. 200—226; см. также XII лекцію). Она сводится къ нижеслѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

Единовластіе до половины XI в. было политической случайностью, а не политическимъ порядкомъ. По смерти Ярослава I власть надъ русскою землею не сосредоточивается болѣе въ одномъ лицѣ. Родъ Ярослава съ каждымъ поколѣніемъ размножается все болѣе, и земля русская дѣлится и передѣляется между подраставшими князьями. Надобно слѣдить за этими непрерывными дѣлежами, чтобы разглядѣть складывавшійся порядокъ и понять его основы. При этомъ слѣдуетъ различать схему или норму порядка и его практическое развитіе. Ярославъ I распредѣлялъ части русской земли между сыновьями, согласуя ихъ взаимное отношеніе по степени старшинства со сравнительной доходностью этихъ частей. Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ лучше и богаче волость

ему доставалась. Раздѣлъ основанъ былъ на согласованіи генеалогическаго отношенія князей съ экономическимъ значеніемъ городскихъ областей. Ярославъ I отчетливо представлялъ себѣ порядокъ, какому послѣ него будутъ слѣдовать его оыновья въ занятіи кіевскаго стола: это порядокъ по очереди старшинства. Факты показываютъ, что князья родичи не являются постоянными, неподвижными владѣльцами волостей, доставшихся имъ по раздѣлу: съ каждой перемѣной въ наличномъ составѣ княжеской семьи идетъ передвижка, младшіе родичи, слѣдовавшіе за умершимъ, передвигались изъ волости въ волость, съ младшаго стола на старшій. Это передвиженіе слѣдовало извѣстной очереди, совершалось въ такомъ же порядкѣ старшинства князей, какъ былъ произведенъ первый раздѣлъ. Въ этой очереди выражалась мысль о нераздѣльности княжескаго владѣнія русскою землей: Ярославичи владѣли ею не раздѣляясь, а передѣляясь, чередуясь по старшинству. Очередь, устанавливаемая отношеніемъ старшинства князей и выражавшая мысль о нераздѣльности княжескаго владѣнія, остается по понятіямъ князей основаніемъ владѣльческаго ихъ порядка въ XI и до конца XIII в. Въ продолженіе всего этого времени князья не переставали выражать мысль, что вся совокупность ихъ, весь родъ Ярослава долженъ владѣть наслѣдіемъ отцовъ и дѣдовъ нераздѣльно—поочередно. Это была цѣлая теорія, постепенно сложившаяся въ политическомъ сознаніи Ярославичей, съ помощью которой они старались ориентироваться въ путаницѣ своихъ перекрещивавшихся интересовъ и пытались исправлять практику своихъ отношеній, когда они чрезчуръ осложнялись. Князь русскій

имѣлъ уже династическое значеніе: это званіе усвоено было только потомкамъ Владимира I. Не было ни единоличной верховной власти, ни личнаго преемства ея по завѣщанію. Ярославичи не дѣлили достоянія отцовъ и дѣдовъ на постоянныя доли и не передавали доставшейся каждому доли своимъ сыновьямъ по завѣщанію. Они были подвижными владѣльцами, которые передвигались изъ волости въ волость по извѣстной очереди. Очередь эта опредѣлялась старшинствомъ лицъ и устанавливала постоянно колебавшееся, измѣнчивое соотношеніе наличнаго числа князей съ количествомъ княжескихъ волостей или владѣній. Всѣ наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣствицу. Точно такъ же вся русская земля представляла лѣствицу волостей по степени ихъ значенія и доходности. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соответствіи ступеней обѣихъ этихъ лѣствицъ, генеалогической и территоріальной, лѣствицы лицъ и лѣствицы областей. На верху лѣствицы стоялъ старшій изъ наличныхъ князей, великій князь кievскій. Это старшинство давало ему, кромѣ обладанія лучшей волостью, извѣстныя права и преимущества надъ младшими родичами, которые «ходили въ его послушаніи». Онъ носилъ званіе *великаго*, т.-е. старшаго князя, названнаго отца всей братіи. *Быть въ отца мѣсто*— эта юридическая фикція поддерживала политическое единство княжескаго рода при его естественномъ распаденіи, восполняя или исполняя естественный ходъ дѣлъ. Великій князь распредѣлялъ владѣнія между младшими родичами, «надѣлялъ» ихъ, разбиралъ ихъ споры и судилъ ихъ, заботился объ ихъ осиротѣлыхъ семьяхъ, былъ

высшій попечитель русской земли, «думаль, гадаль о русской землѣ», о чести своей и своихъ родичей. Такъ великому князю принадлежали распорядокъ владѣній, судъ надъ родичами, родственная опека и всеземское попечительство. Но руководя Русью и родичами, великій князь въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣйствовалъ не одинъ, а собиралъ князей на общій *совѣтъ, снемъ или порядъ*, заботился объ исполненіи постановленій этого родственнаго совѣта, вообще дѣйствовалъ какъ представитель и исполнитель воли всего державнаго княжескаго рода. По его главной основѣ, очереди старшинства, будемъ называть его *очереднымъ* въ отличіе отъ послѣдующаго *удѣльнаго*, установившагося въ XIII и XIV вв.

Въ складѣ очереднаго порядка княжескаго владѣнія надобно различать *право* владѣнія, принадлежавшее цѣлому владѣтельному роду, и *порядокъ* владѣнія по извѣстной очереди, какъ средство осуществленія этого права. Происхожденіе родового порядка княжескаго владѣнія объясняютъ вліяніемъ частнаго туземнаго быта на политическій строй земли: пришлые варяжскіе князья усвоили господствовавшія среди восточныхъ славянъ родовыя понятія и отношенія и по нимъ устроили свой порядокъ управленія страной. Можно принять такое объясненіе происхожденія *права* коллективнаго владѣнія только съ нѣкоторой оговоркой: родовыя понятія и отношенія у туземцевъ находились уже въ состояніи разрушенія, когда князья начали усвоить ихъ. Присутствіе нормъ частнаго семейнаго права въ государственномъ порядкѣ довольно обычное явленіе: таково, напр., въ монархіяхъ преемство верховной власти въ порядкѣ старшинства нисходящихъ или наследственность сослов-

ныхъ правъ. Но родовыми отношеніями не объясняется самый *порядокъ* княжескаго владѣнія по очереди старшинствѣ со владѣльческой передвижкой князей: подобнаго подвижнаго порядка не видимъ въ тогдашнемъ частномъ быту русскихъ славянъ. Вся совокупность князей составляла династію, власть которой надъ русской землей всѣми признавалась. Но понятія о князѣ, какъ территоріальномъ владѣльцѣ, хозяинѣ какой-либо части русской земли, имѣющемъ постоянныя связи съ владѣемой территоріей, еще незамѣтно. Ярославичи въ значительной мѣрѣ оставались еще тѣмъ же, чѣмъ были ихъ предки IX в., рѣчными викингами, которыхъ шедшія изъ степи опасности едва заставили пересѣсть съ лодки на коня. Кормъ былъ политическимъ правомъ князей, оборона земли ихъ политической обязанностью, служившей источникомъ этого права,—и этими двумя идеями, кажется, исчерпывалось все политическое сознаніе тогдашняго князя. Распри князей и вмѣшательство волостныхъ городовъ въ ихъ дѣла давали имъ все живѣе чувствовать всю непрочность политической почвы подъ своими ногами. Ярославичи тягались другъ съ другомъ за богатые города и волости: составляя тѣсный родственныи кругъ, они старались замѣнить случайное и безпорядочное дѣйствіе личной удали или личной удачи обязательнымъ правомъ старшинства, какъ постояннымъ правиломъ, и считали себя блюстителями земли по праву или по наследственному долгу, падавшему на каждого изъ нихъ по степени боевой, оборонительной годности. Эта годности *дѣтей* опредѣлялась волей *отца*, годности *братьевъ* — степенью старшинства среди *родичей*. По степени старшинства князь былъ въ правѣ

получить болѣе или менѣе *доходную* волость; по той же степени старшинства онъ обязанъ былъ охранять болѣе или менѣе *угрожаемую* извнѣ область, ибо тогда степенью старшинства измѣрялись и владѣльческое право, и правительственный авторитетъ, и оборонительная способность князя. Но въ то время степень доходности областей соответствовала степени ихъ нужды во внѣшней оборонѣ, потому что то и другое зависѣло отъ ихъ близости къ степи, къ степнымъ врагамъ Руси и къ лежавшимъ за степью торговымъ ея рынкамъ. Доходность областей была обратно пропорціональна ихъ безопасности: чѣмъ ближе лежала область къ степи, т.-е. къ морю, тѣмъ она была доходнѣе и, слѣдовательно, чѣмъ доходнѣе, тѣмъ открытѣе для внѣшнихъ нападеній. Потому, какъ скоро князь поднимался на одну ступень по лѣствицѣ старшинства, должны были подняться на соответственную высоту и его владѣтельные права, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиться и его правительственные, оборонительныя обязанности, т.-е. онъ переходилъ изъ менѣе доходной и менѣе угрожаемой волости въ болѣе доходную и болѣе угрожаемую. Можно думать, что очередной порядокъ владѣнія былъ указанъ князьямъ этимъ своеобразнымъ сочетаніемъ стратегическаго положенія и экономическаго значенія областей при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ условій. Первымъ поколѣніямъ Ярославичей представлялись ясными и безспорными общія основанія порядка, которыми опредѣлялись простѣйшія отношенія, возможные въ тѣсномъ кругу близкихъ родичей. Этими общими основаніями были совмѣстная власть княжескаго рода надъ всею русскою землею и право каждаго родича на временное владѣніе извѣст-

ной частью русской земли по очереди старшинства владѣльцевъ-родичей. По мѣрѣ того какъ расширился кругъ послѣднихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія родства усложнялись и запутывались, возникали вопросы, рѣшеніе которыхъ не легко было извлечь изъ этихъ общихъ основаній и потому вызывало споры между князьями. Главнымъ источникомъ этихъ споровъ былъ вопросъ о способѣ опредѣленія князей относительно старшинства, на которомъ основывалась очередь владѣнія. Во второй половинѣ XII вѣка трудно даже сосчитать по лѣтописи всѣхъ наличныхъ князей, и эти князья уже не близкіе родственники — отсюда чуть не при каждой перемѣнѣ въ наличномъ составѣ княжескаго рода и рождались споры: 1) о порядкѣ старшинства и 2) объ очереди владѣнія. Старшинство опредѣлялось двумя условіями: 1) порядкомъ поколѣній, т.-е. разстояніемъ отъ родоначальника (старшинство генеалогическое) и 2) порядкомъ рожденій или сравнительнымъ возрастомъ лицъ въ каждомъ поколѣніи (старшинство физическое). Первоначально, въ предѣлахъ простой семьи, то и другое старшинство, генеалогическое и физическое, совпадаютъ: старшій по одному порядку старше и по другому. Но съ расширеніемъ простой семьи, т.-е. съ появленіемъ при отцахъ и дѣтяхъ третьяго поколѣнія — внуковъ, это совпаденіе обыкновенно прекращается. Старшинство физическое расходится со старшинствомъ генеалогическимъ, сравнительный возрастъ лицъ не всегда отвѣчаетъ разстоянію отъ родоначальника. Обыкновенно бывало и бываетъ, что дядя старше племянника, раньше его родился, но далеко не исключается случай, что племянники старше лѣтами сво-

его дяди. Отсюда возникалъ вопросъ: кто выше на дѣйствицѣ старшинства, младшій ли дѣтами дядя или младшій по поколѣнiю, но старшій возрастомъ племянникъ? Большая часть княжескихъ усобицъ XI и XII вв. выходила именно изъ столкновенiя старшихъ племянниковъ съ младшими дядями, т.-е. изъ столкновенiя первоначально совпадавшихъ старшинства физическаго съ генеалогическимъ. Князья не умѣли выработать способа точно опредѣлять старшинство, который разрѣшалъ бы всѣ спорные случаи въ ихъ генеалогическихъ отношенiяхъ. Это недоумѣнiе и вызвало къ дѣйствию рядъ условiй, мѣшавшихъ мирному примѣненiю очередного порядка владѣнiя. Этими условiями были ряды и усобицы князей, мысль объ отчинѣ, выдѣленiе князей-изгоевъ. Разстраивая очередной порядокъ владѣнiя, перечисленные условiя сами вытекали изъ его же основанiй и были средствами, къ которымъ прибѣгали князья для его поддержанiя. Очередной порядокъ разрушалъ самъ себя, не выдерживалъ дѣйстви своихъ собственныхъ послѣдствiй. Порядокъ разрушался также благодаря личнымъ доблестямъ отдѣльныхъ князей и вмѣшательству главныхъ городовъ областей.

Въ продолженiе болѣе чѣмъ полутора вѣка со смерти Ярослава I очередной порядокъ дѣйствовалъ всегда и никогда — всегда отчасти и никогда вполнѣ. До конца кiевскаго перiода онъ не терялъ своей силы, насколько его основанiя были примѣнимы къ запутывавшимся княжескимъ отношенiямъ; но онъ никогда не получалъ такого развитiя, такой практической разработки, которая бы давала ему возможность распутывать эти отношенiя, устранять всякiя столкновенiя между князьями. Эти столкновенiя, не

разрѣшаясь имъ, заставляли отступать отъ него или искажать его, во всякомъ случаѣ, разстраивали его. Дѣйствіе очередного порядка было процессомъ его саморазрушенія, при чемъ однимъ изъ его слѣдствій было двойное политическое раздробленіе Руси, династическое и земское, а именно: 1) постепенное распаденіе владѣтельнаго княжескаго рода на линіи, все болѣе удалявшіяся одна отъ другой генеалогически, и 2) распаденіе русской земли на городовыя области, все болѣе обособлявшіяся другъ отъ друга политически. Другимъ слѣдствіемъ было то, что тотъ же порядокъ создавалъ или вызывалъ къ дѣйствію рядъ связей, сцѣпившихъ части русской земли въ одно, если не политическое, то бытовое, земское цѣлое: 1) взаимное невольное общеніе областей, вынужденное дѣйствіемъ очередного порядка княжескаго владѣнія, 2) общеземскій характеръ, усвоенный высшими правящими классами общества, духовенствомъ и княжеской дружиной, 3) общеземское значеніе Кіева, какъ средоточія Руси не только торгово-промышленнаго, но и церковно-нравственнаго, и 4) одинаковыя формы и обстановка жизни гражданскаго порядка. Разрушивъ политическую цѣльность, государственное единство русской земли, очередной порядокъ княжескаго владѣнія въ то же время содѣйствовалъ пробужденію въ русскомъ обществѣ чувства земскаго единства, зарожденію русской народности. Изъ всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ государства, территорія наиболѣе доступна пониманію; она и служила опредѣленіемъ народности. Потому чувство народнаго единства пока выражалось еще только въ идеѣ *общаго отечества*, а не въ сознаніи

національного характера и историческаго назначенія и не въ мысли о долгѣ служенія народному благу, хотя и пробуждалось уже помышленіе о нравственной отвѣтственности передъ отечествомъ наравнѣ со святыней ¹⁾).

¹⁾ Приведенный отрывокъ требуетъ особенно внимательнаго сопоставленія съ напечатаннымъ выше матеріаломъ, начиная со стр. 143, и прежде всего для характеристики того необыкновеннаго искусства, съ какимъ авторъ комбинируетъ вынесенныя имъ изъ нашей исторіографіи впечатлѣнія не только въ области фактовъ, но и въ области отвлеченно-схематическихъ построеній. Срв. выше на стр. 149, 170, 189, 202, 219—220, 228, 242, 244 и 309—310. *Ред.*

ХІ. НОВѢЙШАЯ ТЕОРІЯ ОТЧИННАГО НАЧАЛА И СТАРѢЙШИНСТВА ВЪ ПОРЯДКѢ КНЯЖЕСКАГО ВЛАДѢНІЯ.

(А. Е. Протсмяковъ. «Княжое право въ древней Руси». Очерки по исторіи X—XII столѣтій. Спб. 1909).

Исторія возникновенія княжого владѣнія русской землей едва ли можетъ быть возстановлена съ достаточной полнотой и основательностью. Древнія преданія, сбитыя и переплетенныя въ составѣ старѢйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, дошли до насъ въ отрывочной и часто ненадежной письменной традиціи. Но пренебрегать данными лѣтописнаго свода не приходится, и попытка извлечь изъ нихъ нѣкоторыя черты для характеристики вполне возможна. Старое семейное право покоилось на нераздѣльности житья и владѣнія. Съ раздѣломъ разрушался семейный союзъ, и обычныя понятія не знали преимуществъ и правъ старшаго брата надъ другими. Понятія эти, господствуя въ междукняжескихъ отношеніяхъ, становились въ рѣзкое противорѣчіе съ политической тенденціей кievскихъ князей создать прочное подчиненіе Киеву подвластныхъ областей. И первый, вытекавшій изъ обстоятельствъ, выходъ изъ дилеммы — стремленіе объединить въ рукахъ кievскаго князя всѣ владѣнія отца, «быть владѣя единому въ Руси». Рознь личныхъ интересовъ и

стремленіе къ независимости, видно, пробуждались тотчасъ, какъ въ руки отдѣльныхъ князей попадала власть надъ тѣми или иными областями. И если ихъ проявленія при жизни отца носили печать бунта противъ отцовской власти, то по его смерти они могли опереться на обычно-правовой фактъ семейныхъ раздѣловъ унаслѣдованной отчины, или вызвать упорную борьбу — вѣтъ всякихъ обычно-правовыхъ нормъ — противъ распада отчины, за сохраненіе ея единства въ рукахъ одного владѣльца. На основаніи лѣтописныхъ данныхъ о характерѣ княжескаго владѣнія до временъ Ярослава I можно сказать: отсутствіе всякихъ чертъ старѣйшинства и, по прекращеніи совмѣстнаго нераздѣльнаго житія княжой семьи въ Кіевѣ подѣ влияніемъ необходимости развернуть всѣ династическія силы для укрѣпленія кіевскаго владычества надъ областями восточнаго славянства, возникновеніе усобиць. Ихъ можно разсматривать, какъ естественное послѣдствіе того, что не было въ обычно-правовыхъ понятіяхъ той эпохи никакихъ способовъ для организаціи семейнаго владѣнія, вѣтъ либо патриархальной родительской власти, либо вполнѣ нераздѣльнаго владѣнія, общаго для сонаслѣдниковъ, которые ничего въ немъ не считали бы своимъ личнымъ. И съ первыхъ шаговъ къ реальному раздѣлу владѣній — въ формѣ посадничества сыновей подѣ властью отца, — какъ только власть эта сметена смертью, передъ молодымъ государствомъ остаются только двѣ возможности: возстановленіе единства и цѣлости владѣнія путемъ борьбы и уничтоженія родичей — или распадъ, дробленіе на рядъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга волостей — княженій. До времени Ярослава I въ русскомъ прошломъ верхъ

взяла первая изъ этихъ возможностей. Но и вторая сказалась на дѣлѣ въ попыткахъ Владимировыхъ сыновей выбиться изъ-подъ власти отца и, стало-быть, выдѣлать въ полное особое владѣніе себѣ то, что получено было лишь въ завѣдываніе, какъ часть общаго цѣлага. Правда, удалось это фактически одному Изяславу (Полоцкъ).

Вопросъ о преемствѣ въ княжомъ владѣніи древнѣйшаго періода колеблется между перспективой раздѣла, распада семейной группы на рядъ отдѣльныхъ линий, общаго владѣнія на рядъ отдѣльныхъ отчинъ, и политической необходимостью единства для интересовъ молодого государства, только что построеннаго усиліями ряда поколѣній. Все, что мы наблюдаемъ въ древней Руси, знакомо исторіи другихъ народовъ — славянскихъ и германскихъ. Кровавыя первыя страницы исторіи всѣхъ молодыхъ государствъ славяно-германскаго міра. И этимъ она обязана не случайнымъ чертамъ нравовъ жестокой, варварской эпохи. Всюду видимъ какъ понятіе наследства, обычно - правовое понятіе семейнаго быта, примѣненное къ княжому владѣнію, ведетъ къ распаду молодой государственности, еще не успѣвшей создать новыя нормы и отношенія, свободныя отъ узкихъ рамокъ частнаго семейнаго быта. Всюду потребность сохранить разъ созданное единство ведетъ къ борьбѣ противъ того, что сознавалось, какъ право, къ семейнымъ злодѣяніямъ, уничтоженію соперниковъ-братьевъ и прочей родни. Рядомъ кровавыхъ опытовъ доходятъ исторически молодыя династіи на зарѣ славянскаго средневѣковья до попытокъ выработать какіе-нибудь компромиссы для

примиренія непримиримыхъ началъ: государственнаго и семейно-династическаго.

Въ русской исторіи такая попытка связана съ именемъ Ярослава, знаменательною чертой «ряда» котораго является стремленіе избѣжать естественнаго послѣдствія раздѣла: распада семейнаго союза. Цѣль завѣта Ярославова — сохраненіе семейнаго союза между его сыновьями ради внутренняго мира и единства въ борьбѣ съ врагами. Въ этомъ «политическое» содержаніе его ряда, попытка согласовать семейный раздѣлъ съ потребностями государственнаго единства. Можно ли назвать рядъ Ярослава попыткой установить новый порядокъ вообще княжого наслѣдованія? На это нѣтъ основаній. И, прежде всего, необходимо отмѣтить, что, разбираясь въ вопросѣ о началахъ преемства въ княжомъ древне-русскомъ владѣніи, слѣдуетъ строго различать наслѣдованіе земель-волостей—съ одной, и преемство въ старѣйшинствѣ надъ всѣми князьями русской земли, съ другой стороны. По существу, эти два вопроса никогда не смѣшивались въ древне-русскихъ княжескихъ отношеніяхъ и, если ихъ раздѣльность не всегда ясно выступаетъ, то лишь потому, что въ теченіе двухъ столѣтій старѣйшинство въ землѣ русской болѣе или менѣе связывалось съ обладаніемъ Кіевомъ. Въ рядѣ Ярослава, какъ онъ намъ переданъ ¹⁾, нѣтъ признаковъ установленія на будущее время порядка преемства во владѣніи княжими волостями и, прежде всего, нѣтъ въ немъ понятія о сохраненіи единаго, общаго и нераздѣльнаго владѣніи русской землей всѣми князьями Ярославова, а тѣмъ болѣе Рюрикова рода. Внуки и

¹⁾ См. его выше на стр. 152.

правнуки Ярослава считали своими отчинами и дѣдинами то, что получили ихъ дѣды отъ своего отца Ярослава. Рядъ Ярославовъ не стоитъ одиноко въ исторіи славянскихъ народовъ (Бретиславъ чешскій и Болеславъ Кривоустый польскій). Распредѣленіе частей русской земли между сыновьями Ярослава не стоитъ въ преимущественной связи съ доходностью волостей, а наводитъ на мысль о политическомъ мотивѣ. Группировка владѣній, восточныхъ и западныхъ, показываетъ, что раздѣлъ по Ярославову ряду не руководился «доходностью» волостей, по крайней мѣрѣ преимущественно, а также и то, что при немъ не только руководились естественнымъ дѣленіемъ владѣній на волости, но и группировали ихъ, уничтожая самостоятельное значеніе тѣхъ или иныхъ. Можно уловить опредѣленную политическую тенденцію къ сохраненію основъ государственнаго единства въ компромиссѣ съ тенденціей семейнаго раздѣла.

По смерти Ярослава русская земля не распалась на рядъ безсвязныхъ владѣній отдѣльныхъ линій Ярославова дома, сохранила нѣкоторое единство политическаго — не владѣльческаго — цѣлаго. Но носителемъ этого единства не сталъ одинъ старшій братъ, не занялъ онъ мѣста отца въ княжеской семьѣ. По смерти Ярослава, при раздѣльности владѣнія, мы видимъ нераздѣльность общихъ дѣйствій по оборонѣ русской земли и по внутреннимъ дѣламъ ея трехъ старшихъ Ярославичей: Изяслава, Святослава и Всеволода. Въ первые моменты практики старшихъ Ярославичей видимъ такую же борьбу за соединеніе всѣхъ волостей въ рукахъ кievскаго правительства, какую наблюдали и въ X-мъ, и въ первой половинѣ XI в., съ той только разницей, что роль «собирателя» земель

играет не одинъ князь, а союзъ трехъ Ярославичей, и перевѣсъ силы на ихъ сторонѣ столь значителенъ, что возможны иныя, менѣе напряженныя приемы борьбы. Въ томъ же направленіи развиваются событія и далѣе, лишь осложненныя раздорами старшихъ Ярославичей и выступленіями кіевского вѣча. Осложненія эти, разбивая централизующія кіевскую Русь силы, привели къ ряду новыхъ явленій въ междукняжескихъ отношеніяхъ, къ ряду новыхъ компромиссовъ между борюшимися тенденціями раздѣла и объединенія. Время продолжительнаго княженія Всеволода (1078—1093 г.) было критическимъ въ исторіи междукняжескихъ отношеній древней Руси. При немъ выяснились основныя противорѣчія въ обычномъ пониманіи началъ княжого владѣнія, и врѣзались они въ жизнь съ большою силой, расшатывая въ конецъ тенденцію къ сохраненію единства русской земли путемъ концентраціи ея волостей въ рукахъ князей, владѣвшихъ Кіевомъ.

Положеніе, создавшееся во второй половинѣ XI вѣка, можетъ быть характеризовано борьбою двухъ противоположныхъ тенденцій: той, что вытекала изъ пониманія каждой волости, выдѣленной тому или иному изъ сыновей Ярослава, какъ отчины его потомковъ, и той, что была вызвана къ жизни самимъ процессомъ созданія кіевского государства и выражалась въ стремленіи князей, владѣвшихъ Кіевомъ, сохранить единство распоряженія силами и средствами всей страны, а для этого и судьбами составныхъ ея частей. Ошибку «родовой», а также «очередной» теоріи древне-русскаго княжого владѣнія можно усмотрѣть въ попыткѣ объяснить явленія, обусловленныя борьбою двухъ указанныхъ противоположныхъ тен-

денцій, во что бы то ни стало, изъ одного принципа. Сливая въ одно вопросы о старѣйшинствѣ въ землѣ русской и о владѣніи княжими волостями, теорія развивалась по пути возведенія въ нормы права всѣхъ наблюдаемыхъ въ древней жизни фактическихъ отношеній и тѣмъ достигла большой искусственности въ построеніяхъ и въ толкованіяхъ текстовъ.

Не различая владѣльческихъ отношеній къ волостямъ отъ преемства въ старѣйшинствѣ, теорія поставила владѣніе территоріальными отчинами въ зависимость отъ «политической карьеры» князя, опредѣляя ее «движеніемъ его отца въ ряду поколѣній»¹⁾ и создала особую «норму», состоящую въ томъ, что «когда у князя отецъ умираетъ раньше дѣда», то

¹⁾ М. С. Грушевскій допускаетъ для Черниговщины систему «лѣстничнаго восхожденія» скорѣе стилистически, какъ терминъ, который «во всякомъ случаѣ хорошо передаетъ этотъ порядокъ перехода столовъ и къ тому же былъ довольно распространенъ въ новѣйшей исторической литературѣ», чѣмъ по существу. По А. Е. Прѣвякову (стр. 125) *лѣстничное восхожденіе* — схема книжнаго происхожденія, отчасти обобщившая факты жизни, подгоняя ихъ подъ такую систематичность, какой они никогда не достигали, отчасти, видимо, осмыслившая ихъ съ точки зрѣнія позднѣйшей мысли, воспитанной на практикѣ мѣсячныхъ счетовъ». Срав. Ипат. лѣт., стр. 463 и соответственное мѣсто Никонов. (подъ 1195—1196 г.). Срв. выше на стр. 163 нашего сборника.

Подобно Черниговщинѣ и кievская земля не распалась на рядъ отдѣльныхъ вотчинъ-княженій. И въ ней наблюдаемъ образованіе мелкихъ княженій, неустойчивыхъ и перемѣнныхъ, путемъ не раздѣла, а надѣла. Но суть отношеній была иная. Не было тутъ ни отчинныхъ раздѣловъ, которые разбили бы землю на отдѣльные княжества, ни общаго раздѣльнаго владѣнія, которое покоилось бы на единствѣ владѣль-

осиротѣлый княжичъ «терять участіе въ очередномъ владѣльческомъ порядкѣ», и тѣмъ самымъ утрачивалъ право на отчину, становился «изгоемъ»¹⁾. Это понятіе княжого изгойства сильно укоренилось въ традиціонныхъ представленіяхъ о древне-русскомъ княжескомъ бытѣ: оно давало выходъ ряду недоумѣній, которыя создались благодаря отрицанію въ этомъ правѣ понятія отчины, какъ наслѣдственнаго семейнаго владѣнія. Укоренилось оно и держится, несмотря на своеобразное происхожденіе какъ самого термина, принятаго въ исторической литературѣ, такъ и связаннаго съ нимъ понятія. Теорія, обоснованная на сопоставленіи княжого сиротства съ изгойствомъ, ученіе о потерѣ не во время осиротѣвшими князьями ихъ отчинныхъ правъ, ввела въ оборотъ понятія, которыя чужды древне-русской жизни. Не только нигдѣ, кромѣ глоссы въ «уставѣ великаго князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о людѣхъ и о мирилѣхъ торговыхъ», нѣтъ примѣненія къ княжичу термина изгой, но нигдѣ въ источникахъ не найти и отрицанія за какими-либо князьями ихъ отчинныхъ правъ, нигдѣ нѣтъ указанія на возможность потери этихъ правъ въ силу какихъ-либо условій родового или иного характера. Всеволодъ не былъ, однако, въ силахъ довести послѣдовательно до конца политику концентраціи волостей и вынужденъ былъ итти на уступки отчичамъ отдѣльныхъ частей земли русской, — уступки, которыя готовятъ постановленія Лю-

ческой группы. Первое обусловило внѣшнюю нераздѣльность Киевщины, второе дробило ее внутри, разлагая ее внутреннюю силу и значеніе кievскаго князя не только въ ряду другихъ князей, но и въ самой землѣ кievской (стр. 130—131).

¹⁾ Ср. выше на стр. 88, 109, 164—165, 273—274 и 366.

бецкаго сѣзда. Въ событіяхъ и отношеніяхъ по смерти Всеволода Ярославича (1093 г.) видимъ не проявленіе «нераздѣльно-поочереднаго» владѣнія, а торжество, отчинныхъ тенденцій и раздѣльности княжихъ интересовъ надъ началомъ старѣйшинства кievскаго князя въ русской землѣ. Въ постановленіяхъ Любецкаго сѣзда видимъ, прежде всего, отсутствіе двухъ представленій: о единствѣ владѣнія князей Ярославова потомства и о старѣйшинствѣ надъ ними кievскаго князя. Зато рѣшительно выражено начало раздѣльнаго, отчиннаго владѣнія, даже Кіевъ названъ Изяславимъ и достается Святополку, какъ его отчина, а не въ силу старѣйшинства среди князей, о которомъ нѣтъ и помину. Отличіе трехъ отчинъ отъ городовъ, розданныхъ Всеволодомъ, является замѣчательной особенностью лѣтописной редакціи Любецкихъ рѣшеній¹⁾. Любецкій сѣздъ не разрѣшилъ споровъ между князьями-отчичами о раздѣлѣ наслѣдія, доставшагося Яро́славимъ внукамъ. Въ ихъ спорахъ пала идея единства и старѣйшинства. И остро стали два вопроса: о владѣніи юго-западными землями, о дальнѣйшихъ судьбахъ Кіева.

Основные черты политики Святополка, хотя и неудачно въ цѣломъ, сводятся къ возстановленію

¹⁾ Въ Лаврент. лѣт. подъ 1097 г. (стр. 247) записано, что князя Святополкъ Изяславичъ кievскій, Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ, Давидъ Святославичъ, Олегъ Святославичъ (въ такомъ порядкѣ они перечислены лѣтописью) «сняшася Любичи на устроенье мира и глаголаша къ собѣ, рекуще» и т. д. см. выше въ примѣчаніи на стр. 166. Это постановленіе Любецкаго сѣзда необходимо сопоставить съ Ярославовымъ ярьдомъ, напечатаннымъ выше на стр. 152—153. Ред.

«отчины Изяславлей», того господства на западъ отъ Днѣпра и въ Новгородѣ, которое было намѣчено для кievскаго князя Изяславомъ Ярославичемъ. Такъ время отъ смерти Ярослава I (1054 г.) до смерти Святополка Изяславича (1113 г.) можно разсматривать, какъ опредѣленный циклъ развитія междукняжескихъ отношеній. Въ основѣ ихъ лежитъ отношеніе къ княжому владѣнію, какъ владѣнію землей по нормамъ обычнаго семейнаго права. Нераздѣльное владѣніе — при нераздѣльности семьи; послѣ раздѣла — полная отдѣльность, самостоятельность владѣнія съ распадомъ семейнаго союза на рядъ отдѣльныхъ, независимыхъ семей, общей дѣдины — на рядъ самостоятельныхъ отчинъ. Дѣйствіе такого обычая, рѣзко противорѣчившаго интересамъ молодого кievскаго государства, привело къ попыткѣ компромисса, какую видимъ въ «рядѣ» Ярослава. Только съ паденіемъ силы «старѣйшинства» кievскаго князя стало возможнымъ то прямолинейное примѣненіе къ Киеву понятія отчины, какое находимъ въ постановленіяхъ Любецкаго съѣзда. Причиной крушенія Ярославова завѣта можно назвать тотъ характеръ нерѣшительнаго компромисса, который лежитъ въ основѣ его содержанія, попытку примирить раздѣлъ владѣній и единство политики призывомъ князей къ братскому единодушію и къ признанію старшаго брата «въ отца мѣсто». Житейски болѣе сильное начало отчинныхъ, владѣльческихъ интересовъ естественно взяло верхъ надъ тенденціей, осуществленіе которой требовало подчасъ отказа отъ сепаратныхъ выгодъ ради общей цѣли. Старѣйшинство, которое, кстати сказать, никогда въ памятникахъ кievской Руси не обозначается терминомъ «великое княженіе», не имѣло реальной основы

въ «общеземскомъ значеніи политическаго средоточія Руси», какое, напр., В. О. Ключевскій приписываетъ городу Кіеву. «Политическимъ средоточіемъ» въ смыслѣ центра политической власти Кіевъ былъ только для небольшой кіевской волости. Остальныя—никогда не управлялись изъ Кіева, даже тѣ, какія принадлежали въ данное время кіевскому князю, сажавшему по городамъ сыновей и наслѣдниковъ. Мало того, все развитіе кіевской жизни за періодъ 1054—1113 г., подъемъ вліянія мѣстныхъ общественныхъ силъ, выразившійся въ значеніи вѣча, какъ самостоятельнаго фактора кіевской политической жизни, надо понять, какъ одно изъ условій паденія старѣйшинства кіевского князя. Иначе было во времена до Ярослава, когда все восточное славянство подчинилось нераздѣльной, хотя и внѣшней власти кіевского князя, и Кіевъ можно было разсматривать, какъ центръ создававшагося государства. Но раздѣлъ владѣній, принесенный эпохой сыновей Ярослава, и затѣмъ индивидуализація кіевскихъ интересовъ пошатнули «общеземское», центральное значеніе кіевского князя. Съ перваго самостоятельнаго выступленія кіевского вѣча (изгнаніе Изяслава, провозглашеніе Всеслава¹⁾), переговоры съ Святославомъ и Всеволодомъ), оно является выразителемъ мѣстныхъ, кіевскихъ, а не общерусскихъ интересовъ. Въ этотъ періодъ заложены основы вліянія кіевского вѣча на политику князей и на преемство кіевского стола. И вліяніе это тѣмъ можетъ быть характеризовано, что

¹⁾ «Всеславъ (т.-е. Брячиславичъ) же сѣде Кыевъ» подл 1068 г.; въ 1069 г. Всеславъ уже «бѣжа... Полотьску», послѣ чего и произошли переговоры князя со Святославомъ и Всеволодомъ (Лаврент., стр. 167—169).

лицо, занимающее столъ кievскій, для кievлянъ—свой, мѣстный князь. Въ связи съ такимъ складомъ кievскихъ отношеній ставятъ какъ противодѣйствіе кievлянъ образованію наслѣдственнаго, династическаго владѣнія Кіевомъ въ одной линіи, такъ и—на первый взглядъ противоположная—ихъ тенденція къ обращенію линіи старшихъ Мономаховичей въ мѣстную кievскую династію: и то, и другое вело къ перевѣсу въ Кіевѣ мѣстныхъ интересовъ надъ общерусскими, къ усиленію мѣстнаго значенія кievскаго князя за счетъ его старѣйшинства въ землѣ русской. Не развившись до государственнаго властвованія въ отдѣльныхъ волостяхъ, въ частности и кievской, княжая власть не могла стать той силой, которая создала бы единое русское государство, преодолѣвъ раздѣльность княжого владѣнія и все нараставшую по мѣрѣ усложненія жизни обособленность русскихъ земель. Намѣченное рядомъ Ярослава старѣйшинство кievскаго князя не имѣло въ складѣ древне-русской жизни реальной основы, на которой оно могло бы вырасти въ силу, организующую единство земли русской. Нельзя свести все содержаніе постановленій Любецкаго съѣзда и выраженныхъ ими междукняжескихъ отношеній къ признанію начала отчиннаго, раздѣльнаго владѣнія. Рѣзко отразилось въ Любецкомъ радѣ это начало, но послѣдовательно оно въ немъ не проведено, такъ какъ отчинами названы лишь владѣнія трехъ старшихъ Ярославичей по отношенію къ ихъ потомству ¹⁾. Рѣзко отразилось въ немъ и паденіе кievскаго старѣйшинства, такъ какъ къ Кіеву примѣнено понятіе отчины, и кievскій князь ничѣмъ,

¹⁾ См. выше на стр. 166 и 377.

кромѣ перваго мѣста для его имени, не выдѣленъ изъ другихъ князей, какъ не выдѣляла его и политическая жизнь слѣдующихъ лѣтъ. Но княжескіе сѣзды конца XI и начала XII в. сохранили въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ наиболѣе сильныхъ князей этого времени традицію о необходимости власти, которая защищала бы землю отъ виѣшнихъ враговъ, объединяя для этого всѣ ея силы, и отъ внутреннихъ раздоровъ, умиряя рознь князей-отчичей.

Борьба за старѣйшинство въ XII в. открывается попытками Владимира Мономаха возродить связанное съ кievскимъ столомъ старѣйшинство въ землѣ русской. Дѣятельность Владимира Всеволодовича Мономаха можно понять, лишь имѣя въ виду борьбу въ исторіи междукняжескихъ отношеній древней Руси двухъ началъ, которыя можно назвать началами отчины и старѣйшинства. Къ этому времени отчинное право — частно-правовое понятіе семейнаго владѣнія и наслѣдованія — претерпѣло въ примѣненіи къ княжому владѣнію два существенныхъ осложненія. Отцовскій раздѣлъ наслѣдства между сыновьями, произведенный Ярославомъ, не могъ руководиться только хозяйственными, экономическими соображеніями, какъ при раздѣлѣ частнаго имущества. Въ немъ замѣтна извѣстная политическая тенденція, сказавшаяся въ группировкѣ западныхъ волостей вокругъ Кіева, восточныхъ — вокругъ Чернигова, но не проведенная послѣдовательно, такъ какъ доля третьяго Ярославича разбивала своимъ существованіемъ цѣльность слагавшейся системы двухъ крупныхъ державъ — право- и лѣвобережной по отношенію къ Днѣпру. Искаженіе и осложненіе простыхъ задачъ семейнаго раздѣла тѣмъ, что можно назвать проявле-

ніемъ въ Ярославовомъ рядѣ политической тенденціи, обусловило и преобладаніе трехъ Ярославичей съ ихъ потомствомъ и борьбу между ними. Десятилѣтія, протекшія со смерти Ярослава, принесли и другое осложненіе условій отчиннаго княжого владѣнія и наслѣдованія. Княжое отчинное право приходитъ въ столкновеніе съ политической силой вѣча. При встрѣчѣ княжого отчиннаго права съ началомъ народнаго избранія слагается тотъ же компромиссъ между ними, какой господствовалъ въ королевствахъ германскаго міра. Право на престолъ принадлежитъ всему составу княжого рода, но безъ определенной послѣдовательности индивидуальнаго наслѣдованія; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ народное избраніе или призваніе «сажаетъ на столъ» того или иного изъ носителей этого «гипотетическаго» права: обычное право очерчиваетъ лишь кругъ возможныхъ наслѣдниковъ. Съ другой стороны, начало старѣйшинства не нашло себѣ сколько-нибудь устойчиваго осуществленія. Въ своеобразномъ сочетаніи съ раздѣльностью владѣній старшихъ Ярославичей оно создало гегемонію трехъ князей, приведя, въ ихъ столкновеніяхъ и соглашеніяхъ, къ возстановленію единовластія Всеволода, быстро, однако, подточенаго борьбой съ младшими отчичами и выродившагося по его смерти въ плохо согласованное властвованіе болѣе сильныхъ князей, рѣшавшихъ общія дѣла по взаимному соглашенію на съѣздахъ. Владимиръ Мономахъ возстановилъ, точнѣе впервые осуществилъ на дѣлѣ идею старѣйшинства въ землѣ русской: его сыну Мстиславу лишь оставалось достроить начатое отцомъ зданіе. Они проводили въ жизнь возрѣніе, что отдѣльные князья держатъ части русской земли съ

обязанностью соединять свои силы на общее дѣло по требованію старѣйшаго, кіевскаго князя, подѣ страхомъ кары, лишенія волости. Рука объ руку съ объединительной политикой идетъ стремленіе Мономаха подвести подѣ непрочную идею старѣйшинства новое династическое основаніе. Отрывочныя лѣтописныя извѣстія даютъ представленіе о послѣдовательно проводимой династической реформѣ закрѣпить за одной изъ линій Мономахова потомства какъ исключительныхъ правъ на владѣніе Кіевомъ, Переяславлемъ и Новгородомъ, такъ и связаннаго съ кіевскимъ столомъ старѣйшинства въ землѣ русской, руководящей роли во всей системѣ русскихъ земель, княженій. Мономахъ и Мстиславъ лишь повторяютъ, въ болѣе сильной степени,— потому что княжескій родъ количественно разросся,—то, что въ свое время удалось старому Ярославу: свести владѣніе ядромъ древней Руси къ владѣнію одной семьи, съ исключеніемъ другихъ, боковыхъ линій. Попытка эта происходила въ условіяхъ иной исторической эпохи, и смыслъ ея долженъ быть ограниченъ указаніемъ на установившіяся избирательныя права населенія. По слѣдамъ Мономаха пытался итти Всеволодъ Ольговичъ (1138—1146 г.). Но даже при жизни Всеволода достигнутые имъ результаты были меньше тѣхъ, какихъ добился Владимиръ. Двѣ возросшія въ силѣ и значенія окраины — Ростово-Суздальская область на сѣверо-востокѣ, Галицкая — на западѣ, остались внѣ сферы его вліянія; полоцкая земля заново обособилась; Новгородъ не былъ орудіемъ его политики. Не менѣе значительна разница внутренней силы старѣйшинства при Всеволодѣ и Мономахѣ. Авторитетъ перваго незначителенъ; переходъ на кіевскій столъ,

на старѣйшинство въ землѣ русской, не только не усиливаетъ его въ средѣ князей черниговскихъ, но лишь отчуждаетъ его отъ нихъ, какъ измѣнника фамильнымъ интересамъ и традиціямъ. Его дѣло оказалось еще болѣе личнымъ, чѣмъ у Мономаха, такъ какъ не получило той династической окраски, какая ярко сказалась у послѣдняго. Всеволодъ Ольговичъ не укрѣпилъ владѣльческаго положенія своей семьи, какъ сдѣлали это Мономахъ съ Мстиславомъ.

Что касается «особности волостей» и «естественнаго» дѣленія на нихъ русской земли, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что они развивались постепенно, по мѣрѣ усложненія мѣстной жизни и, такъ сказать, на глазахъ исторіи. Принципъ раздѣльности владѣнія, имѣющей свою основу въ практикѣ семейныхъ раздѣловъ по обычному праву, могъ послѣдовательно развиваться въ примѣненіи къ княжескимъ владѣніямъ лишь съ полнымъ паденіемъ, если не традицій старѣйшинства, никогда не исчезавшихъ въ теоріи, то ихъ реальной силы и жизненнаго значенія, а также съ развитіемъ обособленности отдѣльныхъ земель-волостей, постепенно замыкавшихся въ своихъ мѣстныхъ интересахъ. Этотъ послѣдній процессъ ¹⁾, естественно раз-

¹⁾ «Процессъ распада, — читаемъ у М. С. Грушевскаго въ его книгѣ *Исторія україни-руси*. Львовъ, 1895 (II², стр. 129), — не ограничился раздѣломъ державы на особыя земли, а проходилъ свои дальнѣйшія стадіи внутри отдѣльныхъ земель. Въ XI в., можно сказать, земля вообще соотвѣтствуетъ княженію; князь чаще всего представляетъ собою цѣлую землю (а иногда и нѣсколько земель). Въ XII в. каждая земля, за немногими исключеніями, превращается въ цѣлую политическую систему, съ цѣлою группою княжений, съ княжими линиями старшими и младшими, съ большими и меньшими политическими центрами, съ различными системами

вившійся болѣе напряженно и быстро въ окраинныхъ земляхъ, жившихъ особою жизнью по самому географическому положенію своему, составлялъ коренную и глубокую основу какъ упадка старѣйшинства, такъ и торжества начала отчины по отношенію къ тому цѣлому, какимъ владѣли Владимиръ и Ярославъ. Онъ одѣлалъ уже столь значительные успѣхи въ половинѣ XII вѣка, что попытка Всеволода Ольговича возродить традицію Мономаха не могла не оказаться безплодной. Въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ княземъ Юріемъ Владимировичемъ Долгорукимъ развертываются новыя послѣдствія. Изяславъ Мстиславичъ, занявъ Кіевъ, опредѣленно стремился не только къ владѣнію этой волостью, но и къ старѣйшинству среди русскихъ князей и къ утверженію его на семейномъ владѣніи главными княженіями. Возстановить во что бы то ни стало разрушавшуюся, въ сущности уже разрушенную, систему, связывавшую вокругъ Кіева всѣ волости земли русской—постоянная тенденція Изяслава, какъ только онъ получаетъ возможность дѣйствовать свободнѣе. Изяславъ и въ трудномъ положеніи своемъ сохраняетъ болѣе широкій политическій кругозоръ. Добываясь Кіева, онъ ищетъ стать во главѣ всѣхъ князей русскихъ, имѣть всю братью свою и весь родъ свой въ правду, чтобы они ѣздили по немъ со своими полками.

княжескихъ отношеній; однимъ словомъ, земля, какъ микроскопъ, повторяетъ въ себѣ складъ политической системы земель русской державы». Основнымъ факторомъ такого дробленія отдѣльных земель было начало отчиннаго раздѣла и владѣнія, въ связи съ стремленіями пригородовъ къ независимости и обособленію.

Юрій не можетъ быть названъ борцомъ за продолженіе Мономаховой традиціи. Первые реальныя требованія, выдвинутыя Юріемъ,—это часть въ русской землѣ черезъ сыновей и прежде всего Городецъ, Посемье, Переяславль. Затѣмъ Юрій началъ наступленіе на новгородскую волю, столь существенное въ политикѣ сѣверныхъ князей. Трудно про него сказать, что онъ, занявъ Кіевъ, вошелъ въ связанныя со столомъ кievскимъ традиціи, хотя онъ и родной сынъ Мономаха, братъ Мстислава. Юрій не умѣлъ жить съ южными князьями; не умѣлъ онъ и ладить съ кievскимъ обществомъ; видимо и не старался «уладиться», «урядиться» съ людьми, приобрести популярность въ связи съ формальнымъ признаніемъ его кievлянами. И въ третье, послѣднее княженіе Юрія въ Кіевѣ, дѣйствительное его вліяніе незначительно. Земли-волости, внѣ границъ кievщины, уже живутъ своею жизнью, не оглядываясь на кievскаго князя. Волинь, составлявшая при Мономаховой системѣ вмѣстѣ съ кievщиной ядро центральныхъ владѣній, при немъ окончательно выдѣляется въ особую, самодовлѣющую единицу. У Юрія не связывалось съ обладаніемъ кievскимъ столомъ какихъ-либо широкихъ положительныхъ задачъ. Характерныя черты южно-русской политики Андрея и Всеволода Юрьевичей, съ ихъ стремленіемъ устранить возможность возрожденія въ Кіевѣ, въ рукахъ потомковъ Мстислава Мономаховича, сильнаго политическаго центра, претендующаго на руководящую роль во всей системѣ русскихъ земель-княженій, выросли на той же почвѣ, какъ и дѣятельность Юрія. Рѣзкое различіе, сказавшееся въ томъ, что Юрій, въ концѣ-концовъ, перешелъ на югъ, а сыновья его оставались на своемъ сѣверо-востокѣ,

обусловлено не столько противоположностью цѣлей, какія ставили себѣ эти князья, сколько иными условиями, въ какихъ привелось имъ дѣйствовать ¹⁾). Во время Юрія исходъ борьбы различныхъ теченій въ древне-русской жизни вполнѣ опредѣлился въ смыслѣ окончательнаго упадка централизованнаго и объединившаго эту жизнь вліянія Кіева. Съ образованіемъ на сѣверо-востокѣ сильнаго суздальскаго княжества, съ обособленіемъ Волыни и турово-пинскаго княжества кіевскій центръ, земля русская въ коренномъ значеніи этого термина, сталъ жертвой своего исключительнаго историческаго положенія, жертвой традиціи старѣйшинства. Въ то время, какъ другія земли перестраивали въ своемъ обособленіи мѣстный бытъ на новыхъ началахъ, кіевщинѣ не было дано сложиться въ особое политическое цѣлое и выработать себѣ прочную внутреннюю организацію подъ управленіемъ своей мѣстной династіи. Кіевское старѣйшинство пало, такъ какъ процессъ децентрализаціи жизненныхъ интересовъ земель-волостей, составлявшихъ древнюю Русь, взялъ верхъ надъ объединеніемъ вокругъ Кіева. По вѣрному замѣчанію В. О. Ключевскаго «княжеское старшинство, оторвавшись отъ мѣста, получило личное значеніе». Во второй половинѣ XII вѣка старѣйшинство получаетъ характеръ личнаго, договорнаго отношенія. Дѣло въ томъ, что оно въ эту эпоху потеряло значеніе принципа, на которомъ князья пытались построить организацію, предназначенную для сохраненія единства Ярославова наслѣдія отъ распада подъ давленіемъ отчиннаго раздѣла. вмѣстѣ съ потерей своего обще-

¹⁾ Срв. выше на стр. 179.

политическаго значенія старѣйшинство теряетъ и свой первоначальный и основной смыслъ учрежденія, предназначеннаго для сохраненія единства въ нѣдрахъ разросшагося семейнаго союза, пока имѣются общіе для всего его сложнаго состава интересы. Оно падало по мѣрѣ нарастанія розни въ интересахъ земель-волостей и въ княжеской средѣ, постепенно теряя всякое значеніе въ землѣ русской, взятой въ ея цѣломъ.

Во второй половинѣ XII вѣка пережили эволюцію и всѣ кровныя отношенія между князьями. По мнѣнію ¹⁾ Я. А. Голяшкина, во вторую половину XII вѣка въ княжескомъ быту разыгрывается глубокій кризисъ, представляющій картину разложенія старыхъ формъ междукняжескихъ отношеній и зарожденія новыхъ; суть перемѣны сводится къ тому, что общество князей-родственниковъ превращается въ общество самостоятельныхъ правителей. Личныя отношенія между князьями все болѣе отрывались отъ традиціи единства. И эволюція эта естественно отразилась на тѣхъ формулахъ, заимствованныхъ изъ области семейнаго быта, которыми князья продолжали пользоваться, въ виду кровнаго родства своего, для выраженія отношеній, содержаніе которыхъ давно отошло отъ условій нехитраго семейнаго строя. Но это перерожденіе терминовъ семейнаго быта въ ихъ примѣненіи къ междукняжескимъ отношеніямъ, конечно, старше второй половины XII вѣка. Лишь съ упадкомъ гегемоніи кievскихъ князей и побѣдой началъ семейнаго, отчиннаго раздѣла, раз-

¹⁾ «Очеркъ личныхъ отношеній между князьями Киевской Руси въ половинѣ XII вѣка» (въ связи съ воззрѣніями родовой теоріи), во II томѣ «Изданія Историческаго Общества».

рушившаго единство и земли русской и рода княжескаго, получаютъ эти термины (отецъ, сынъ, братья, братъ старшій) значеніе личныхъ, индивидуальныхъ отношеній — союза, связаннаго съ покровительствомъ одного болѣе сильнаго союзника другому и зависимостью послѣдняго, болѣе или менѣе неопредѣленной, отъ обязательства «быти за одинъ» до «во всей воли ходити». Для XI и начала XII вѣка «нареченіе» или признаніе чьего-либо старшійшинства связано съ построеніемъ определенной территоріально-политической системы и тенденціей къ созданію началъ политической гегемоніи въ цѣломъ союзѣ князей, а для второй половины XII в.— это лишь условная формула частнаго, личнаго союза подъ старшійшинствомъ одного князя, группы независимыхъ владѣльцевъ вполнѣ обособившихся вотчинъ. Виѣ тенденцій старшійшинства князья называются братьями безъ различія степеней родства. Ислѣдователи славянскаго семейнаго быта не разъ отмѣчали широкое значеніе слова братья, объемлющаго всѣхъ членовъ нераздѣльной семьи. Съ примѣненіемъ той же схемы семейныхъ отношеній къ владѣтельному роду, это слово естественно приняло политическій оттѣнокъ, подчеркивая равенство князей. Въ эпоху, принесшую торжество началу раздѣльнаго отчиннаго владѣнія надъ тенденціями къ единству земли и властвованія, терминъ «братья», дѣйствительно, означаетъ лицъ, просто равноправныхъ, независимыхъ владѣтелей, которыхъ соединяло между собой общее происхожденіе отъ одного родственника. Сознаніе своей монополіи на княжеское достоинство, въ силу принадлежности къ роду владѣтельныхъ князей, — такова та грань, которая обособляетъ князей отъ общества въ данный періодъ.

Братство князей предполагало не только равенство ихъ въ княжескомъ достоинствѣ, но и ихъ союзность. Вся братья, русскіе князи, послушающе брать брата, со старѣйшимъ въ отца мѣсто во главѣ, какъ единая дѣйствующая на Руси сила — таковъ идеалъ Ярославова ряда. Распадъ его наслѣдія привелъ къ дробленію братскаго союза князей на рядъ частныхъ политическихъ союзовъ съ разнородными системами взаимныхъ отношеній. И слово *братъ* пріобрѣтаетъ особое значеніе въ половинѣ XII вѣка: братъ тотъ, съ кѣмъ можно жить въ союзѣ. Это договорное, политическое братство—явленіе того же порядка и той же эпохи, какъ и условное, договорное старѣйшинство. Удѣльный строй, характеризуемый въ политическомъ отношеніи обособленностью волостей-княженій и договорными отношеніями между князьями, явился результатомъ долгаго историческаго развитія, хотя бы оно и опиралось на основахъ, заложенныхъ еще во времена доисторическія, въ эпоху колонизаціи восточно-европейской равнины славянскими племенами и перехода ихъ отъ племенного быта къ городскому и волостному строю. Волости-княженія и междукняжескія отношенія XII и XIII вѣковъ — во всѣхъ существенныхъ историческихъ чертахъ своихъ — не пережитки глубокой древности, а новообразованія. Начало отчины встрѣтило поддержку въ тенденціяхъ самого населенія, созидаая основы удѣльнаго уклада всего русскаго политическаго быта.

Итакъ, обзоръ владѣльческихъ отношеній князей Рюрикава рода къ землямъ и волостямъ приводитъ къ заключенію, что въ основѣ ихъ лежало отношеніе семейнаго владѣнія. До конца изученнаго періода князь не считался владѣльцемъ всей земли: ея окня-

женіе было дѣломъ дальнѣйшаго историческаго развитія. Князь XI—XII столѣтій не былъ государемъ—ни самъ по себѣ, ни тѣмъ болѣе, какъ членъ владѣльческаго рода. Ни о единоличной, ни о коллективной государственной верховной власти древнерусскихъ князей говорить не приходится, если не злоупотреблять словами.

Князья Рюриковичи владѣли волостями. Волости эти слагались въ системы по отдѣльнымъ землямъ, вокругъ главныхъ городовъ, а въ общей суммѣ земли волости составляли древнюю кievскую Русь, русскую землю, въ широкомъ смыслѣ слова. Единство выражалось въ такой совокупности взаимоотношеній, которыя не находятъ выраженія въ терминахъ государственнаго права. Не можемъ подвести древнюю Русь ни подъ понятіе единаго государства, ни подъ понятіе федераціи, ни подъ понятіе суммы суверенныхъ государствъ-волостей.

На всѣхъ волостяхъ русскихъ княжили князья Рюрикава рода. Княженіе это они понимали какъ владѣніе по праву. Право на княженіе въ данной волости пріобрѣталось, прежде всего, наслѣдованіемъ по отцу. Отчинное право самое полное и безспорное, въ сознаніи князя, его право на волость. Князья добиваются столовъ отнихъ и дѣднихъ. Избирая князя, вѣче зоветъ его на столъ отень и дѣдень. Случаи нарушенія этого общаго правила такъ и понимаются, какъ нарушенія. Они могутъ создать новое отчинное право для потомковъ князя, занявшаго столъ, на которомъ не сидѣлъ его отецъ, ни дѣдъ, но такое право не устраняетъ старыхъ отчинныхъ правъ на тотъ же столъ. Въ усобицахъ князей не

разъ видимъ борьбу разныхъ отчинныхъ правъ, конкурирующихъ между собой.

Въ основѣ княжого владѣнія волостями лежитъ понятіе семейнаго владѣнія. Князь-отецъ надѣляетъ сыновей волостями, даетъ имъ города — при жизни ли своей или въ предсмертномъ рядѣ. Это семейный раздѣлъ, такой же, какъ раздѣлъ дома по отцовскому ряду, согласно «Русской Правдѣ». Результатъ раздѣла — распадъ владѣнія и семейной группы на рядъ отдѣльныхъ отчинъ и владѣльческихъ линій. Но практика княжого владѣнія XI—XII вв. заставляетъ сильно ограничить сужденіе, что съ производствомъ раздѣла прекращается всякая правовая связь между отчинами, потомками одного отца по владѣнію (судьба волостей, ставшихъ выморочными). Данный историческій періодъ не знаетъ еще завѣщательныхъ распоряженій княженіями, кромѣ отцовскаго ряда. Они только возникаютъ на нашихъ глазахъ и притомъ въ такой формѣ, что необычность подобнаго явленія выступаетъ съ полной наглядностью. Князь, желающій оставить столъ, напр., брату, притомъ столъ, который этому брату не отчина и не надлежитъ ему по роду отцовскому, прибѣгаетъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ: Всеволодъ Ольговичъ заставляетъ кіевлянъ и братью-князей цѣловать крестъ Игорю при себѣ; это еще не передача по завѣщанію, а передача правъ при жизни. Тутъ договорный политическій актъ долженъ замѣнить отсутствующую возможность завѣщанія. Нормальнымъ представляется возвращеніе волости въ распоряженіе братьевъ, т.-е. того, кто въ ихъ средѣ признается старѣйшиной. Организациа единства княжеской владѣльческой группы, объединенной старѣйшинствомъ, могла стоять въ различ-

номъ отношеніи къ владѣнію волостями: либо комбинируясь съ раздѣльностью владѣнія по отчинному раздѣлу, либо поглощая и устраняя его.

Въ первомъ случаѣ, наиболѣе распространенномъ, старѣйшинство могло бы сыграть свою роль болѣе успѣшно при наличности двухъ, житейски неразрывно связанныхъ условій: прочномъ основаніи своей силы и своего авторитета на опредѣленной матеріальной владѣльческой базѣ и устойчивомъ порядкѣ преемства. Дѣйствиємъ отчинныхъ тенденцій разрушались попытки создать первую, а отсутствіе второго, при общемъ лишь гипотетическомъ, а не строго-индивидуально опредѣленномъ правѣ на княжюю власть и растяжимости понятія о старшинствѣ, подрывало работу отдѣльныхъ дѣятелей древней Руси надъ укрѣпленіемъ правительственнаго строя.

Вторая форма организаціи старѣйшинства опиралась на болѣе прочномъ владѣльческомъ основаніи; на общемъ нераздѣльномъ владѣніи, на поглощеніи наслѣдованія преемствомъ. Логически эта форма вела къ отсутствію у князей понятія — «то мое, а то мое же», къ ихъ «одиначеству», выражавшемуся въ солидарности дѣйствій, во владѣніи по надѣламъ, а не отчинному раздѣлу, съ чередованіемъ на волостяхъ по старшинству или по взаимному соглашенію. Окрѣпнувъ, скристаллизовавшись — если можно такъ выразиться — такой строй междукняжескихъ отношеній привелъ бы къ созданію того «очередного» порядка, какой находитъ въ древней Руси современная историографія. Но сила все тѣхъ же отчинныхъ тенденцій разрушала и этотъ путь развитія. Старѣйшинство само было порожденіемъ двойственности силъ, опредѣлявшихъ княжія отношенія

и разрушавшихъ его своею борьбою. Оно носило въ себѣ первородный грѣхъ всякаго компромисса: невозможность разрѣшить внутреннее противорѣчіе, его породившее, въ какомъ-либо синтезѣ. Разрѣшеніе это принесъ только удѣльный строй, подчинившій политическое преемство владѣльческому наслѣдованію и ставшій колыбелью патримоніальной, вотчинной монархіи. Унаслѣдовавъ задачи старѣйшинства, власть московскихъ государей вынесла изъ вотчинныхъ началъ новыя средства для ихъ разрѣшенія ¹⁾.

¹⁾ Рядъ Всеволода Юрьевича въ Суздальской области (знука Владимира Мономаха; см. Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. X, стр. 63—64 и т. VII, стр. 117) ближе всего напоминаетъ рядъ стараго Ярослава: видимъ въ немъ то же сочетаніе отчиннаго раздѣла съ сохраненіемъ единства въ формѣ старѣйшинства, связаннаго съ отнимъ столомъ. Это владимирское единство пало по смерти Александра Ярославича, но легло въ основу работы московскихъ князей, которые на фундаментѣ все того же семейнаго владѣнія создали зданіе новой государственности, осуществившей на иныхъ началахъ завѣтъ единенія всей земли, унаслѣдованный отъ кievскаго старѣйшинства и попытокъ Юрьевичей, Андрея и Всеволода, подвести подъ него земское основаніе (стр. 150—153).

2.

КІЕВСКАЯ РУСЬ XI—XII ВѢКОВЪ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІИ.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ И СОЦІАЛЬНЫЙ СТРОЙ КІЕВСКОЙ РУСИ.

ХІІ. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДРЕВНЕРУССКАГО ГОРОДА И КНЯЗЯ ВЪ СВЯЗИ СЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕЙ.

(Проф. В. О. Ключевскій. «Курзь русской исторіи». Часть I. М. 1904; его же «Краткое пособіе по русской исторіи». М. 1908).

Обширная восточно-европейская равнина, на которой образовалось русское государство, въ началѣ нашей исторіи не является на всемъ своемъ пространствѣ заселенной тѣмъ народомъ, который доселѣ дѣлаетъ ея исторію. Русская исторія открывается тѣмъ фактомъ, что восточная вѣтвь славянства, которая потомъ разрослась въ русскій народъ, вступаетъ на русскую равнину изъ одного ея угла, юго-западнаго, со склоновъ Карпатъ. Во все продолженіе русской исторіи этого славянскаго населенія было далеко недостаточно, чтобы занять всю равнину; притомъ же распространялось оно по равнинѣ не постепенно путемъ нарожденія, не *разселяясь*, а *переселяясь* ¹⁾. При каждомъ такомъ передвиженіи оно становилось подѣ дѣйствіе новыхъ условій,

¹⁾ Срв. выше на стр. 303—304.

вытекавшихъ какъ изъ физическихъ особенностей занятой страны, такъ и новыхъ внѣшнихъ отношеній, которыя завязывались на новыхъ мѣстахъ. Эти новыя условія и создавали новыя сочетанія общественныхъ элементовъ, сообщая народной жизни особый складъ и характеръ. Такимъ образомъ переселеніе, *колонизація* ¹⁾ страны была основнымъ фактомъ русской исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стоятъ всѣ другіе ея факты.

Но этотъ основной фактъ самъ выходитъ изъ совокупнаго дѣйствія двухъ причинъ: 1) изъ несообразности населенія съ пространствомъ страны и 2) изъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, заставлявшихъ населеніе переноситься изъ края въ край и бывшихъ въ значительной степени дѣломъ той же природы страны. Этимъ сочетаніемъ указанныхъ элементовъ можетъ опредѣляться и самое дѣленіе русской исторіи на періоды: 1) днѣпровскій, 2) верхневолжскій, 3) великорусскій и 4) всероссійскій.

Съ VIII вѣка и приблизительно до конца XII в. масса славяно-русскаго населенія сосредоточивалась на среднемъ и верхнемъ Днѣпрѣ съ его притоками и историческимъ его воднымъ продолженіемъ, областью Ловати-Волхова. Во все это время Русь политически раздроблена на отдѣльныя самостоятельныя волости, въ каждой изъ которыхъ центромъ является большой торговый городъ, первый устроитель и руководитель политическаго быта, потомъ встрѣтившій

¹⁾ Новѣйшее научно-популярное изложеніе вопроса о русской колонизаціи см. въ книгѣ П. Н. Милюкова. *Очерки по исторіи русской культуры*. Спб. 1896 (первый очеркъ первой части).

соперника въ пришломъ князѣ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни является внѣшняя торговля съ вызванными и поддерживаемыми ею лѣсными промыслами, звѣроловствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ). Это Русь *днѣпровская, городова, торгова*. Расселеніе славянъ по восточно-европейской равнинѣ сопровождалось рядомъ послѣдствій юридическихъ, экономическихъ и политическихъ. Не колебля народныхъ вѣрованій и преданій, связанныхъ съ первобытнымъ родовымъ союзомъ, расселеніе должно было въ то же время разрушать юридическую связь рода, замѣняя родство сосѣдствомъ; къ VIII вѣку, какъ результатъ того же расселенія по Днѣпру съ притоками, относятся два факта: 1) развитіе внѣшней южной и восточной, черноморско-каспійской торговли славянъ и вызванныхъ ею лѣсныхъ промысловъ и 2) возникновеніе древнѣйшихъ городовъ на Руси съ тянущими къ нимъ торгово-промышленными округами изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ этой торговли.

Большіе вооруженные города явились какъ разъ среди тѣхъ племенъ, которыя принимали наиболѣе дѣятельное участіе во внѣшней торговлѣ. Города же подчиняли себѣ соплеменные имъ окрестныя населенія, для которыхъ они прежде служили торговыми средоточіями, и образовали изъ нихъ политическіе союзы, области, въ составъ которыхъ втянули частью еще до появленія князей кіевскихъ, а частью при нихъ и сосѣднія поселенія чужихъ племенъ. Образованіе этой политической формы на Руси сопровождалось въ иныхъ мѣстахъ созданіемъ другой, вторичной, формы — *варяжскаго княжества*.

Въ тѣхъ промышленныхъ пунктахъ, куда съ особенной силой приливали вооруженные пришельцы, изъ-за моря, они легко теряли значеніе торговыхъ товарищей или наемныхъ охранителей торговыхъ путей и превращались во властителей. Изъ соединенія варяжскихъ княжествъ и сохранявшихъ самостоятельность городовыхъ областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было *княжество кіевское*.

Общій интересъ, создавшій великое княжество кіевское, — *внѣшняя торговля*, — направлялъ и его дальнѣйшее развитіе, руководилъ какъ внутренней, такъ и внѣшней дѣятельностью первыхъ кіевскихъ князей. Читая Начальный лѣтописный сводъ, мы встрѣчаемъ рядъ полуисторическихъ, полусказочныхъ преданій о князьяхъ кіевскихъ IX и X вѣка, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимирѣ. Вслушиваясь въ эти преданія, можно уловить, однако, основныя побужденія, которыя направляли дѣятельность этихъ князей. Утвердившись въ Кіевѣ, князья съ 882 г. постепенно покорили славянскія племена равнины и начали устанавливать въ подвластной странѣ государственный порядокъ, прежде всего, разумѣется, администрацію налоговъ. Въ подчиненныхъ областяхъ они сажали своихъ намѣстниковъ, «посадниковъ», которыми были либо ихъ дружинники, либо собственные сыновья и родственники. Эти намѣстники имѣли свои дружины, вооруженные отряды, дѣйствовали довольно независимо, стояли въ слабой связи съ государственнымъ центромъ, съ Кіевомъ, были такими же варяжскими конунгами, какъ и князь кіевскій, который считался только старшимъ между ними и въ этомъ смыслѣ назывался *великимъ*

княземъ русскимъ¹⁾; въ договорѣ Олега съ греками 912 г. они прямо такъ и зовутся «свѣтлыми князьями», подручными Олегу. Нѣкоторые изъ этихъ намѣстниковъ, покоривъ то или другое племя, получали его отъ великаго князя въ управленіе съ правомъ собирать съ него дань въ свою пользу: знаменитый Игоревъ воевода Свѣнелдъ, побѣдивъ славянское племя уличей, обитавшее по нижнему Днѣпру, получалъ въ свою пользу дань не только съ этого племени, но и съ древлянъ, такъ что его дружина, «отроки», жила богаче дружины самого Игоря. Главной цѣлью этой администраціи былъ сборъ налоговъ. Олегъ, какъ только утвердился въ Кіевѣ, сталъ хлопотать объ установленіи даней съ подвластныхъ племенъ. Ольга объѣзжала подвластныя земли и также устанавливала «уставы и оброки, дани и погосты», т.-е. сельскіе судебноподатные округа²⁾. Дань получалась двумя способами: или подвластныя племена привозили ее въ Кіевъ, или князья сами ѣздили за нею по племенамъ. Первый способъ сбора дани назывался *повозомъ*, второй—*полюдьемъ*. Полюдье—это административно-финансовая поѣздка князя по подвластнымъ племенамъ. Дань обыкновенно собиралась натурою, преимущественно мѣхами. Впрочемъ, есть извѣстіе, что радимичи въ IX вѣкѣ платили дань хозарамъ «щялягами», т.-е. звонкой монетою³⁾; подъ этимъ нѣмецкимъ названіемъ можно всего вѣроятнѣе разумѣть всякія иноземныя металлическія деньги, обращавшіяся тогда на Руси, преимущественно серебряныя арабскія диргемы, ко-

1) См. выше на стр. 380—381.

2) Срв. выше на стр. 340.

3) Срв. выше на стр. 345 и 353.

торыя путемъ торговли во множествѣ приливали тогда на Русь. Императоръ византийскій Константинъ Багрянородный, писавшій въ половинѣ X вѣка, въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи имперіей» рисуетъ намъ изобразительную картину княжескаго полюдья. Въ началѣ ноября, когда, слѣдовательно, устанавливался зимній путь, князь со всею Русью, т.-е. съ дружиной, выходилъ изъ Кіева εἰς τὰ πολίδια, «въ городки», какъ казалось Багрянородному, а въ самомъ дѣлѣ «на полюдь», о которомъ ему говорили его славяно-русскіе рассказчики. Князь отправлялся для сбора дани къ сѣверянамъ, древлянамъ, кривичамъ и другимъ славянскимъ племенамъ, платившимъ дань Руси, и въ этомъ объѣздѣ проводилъ всю зиму. Это—трудное путешествіе, добавляетъ императоръ. И наша *Повѣсть* (подъ 945 г.), подтверждая это замѣчаніе, рассказываетъ, какъ Игорь былъ даже убитъ древлянами во время одного изъ такихъ полюдій. Между тѣмъ какъ князь съ дружиною блуждалъ по подвластнымъ землямъ, племена, платившія дань Руси, въ продолженіе зимы рубили деревья, дѣлали изъ нихъ лодки и весною въ апрѣлѣ спускали ихъ по рѣкамъ и озерамъ къ Кіеву, вытаскивали ихъ здѣсь на берегъ и дожидались возвращенія Руси. Въ томъ же апрѣлѣ по полоой водѣ съ данью, собранною зимой, Русь возвращалась въ Кіевъ, покупала эти лодки, оснащивала, грузила ихъ и сплавила по Днѣпру въ Константинополь, прихвативъ съ собою торговыя лодки русскихъ купцовъ изъ Смоленска, Новгорода и другихъ городовъ. Читая этотъ рассказъ, легко понять, какими товарами нагружала Русь свои торговые караваны лодокъ, сплавленныхъ лѣтомъ къ Царьграду: это была дань натурой, собранная

княземъ и его дружиною во время зимняго объѣзда. Къ торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простыхъ русскихъ купцовъ, чтобы подъ защитой княжеской дружины дойти до Царьграда. Въ договорѣ Игоря съ греками читаемъ, между прочимъ, что великій князь русскій и его бояре ежегодно могутъ присылать къ великимъ царямъ греческимъ столько кораблей, сколько захотятъ, съ послами и гостями, т. е. съ своими собственными приказчиками и съ вольными русскими купцами.

Этотъ рассказъ византійскаго императора наглядно указываетъ намъ на тѣсную связь между ежегоднымъ оборотомъ политической и экономической жизни Руси. Дань, которую собиралъ кievскій князь, какъ властитель, служила ему въ то же время средствомъ и для торговыхъ оборотовъ; ставъ государемъ, какъ конунгъ, онъ, какъ варягъ, не переставалъ еще быть вооруженнымъ купцомъ. Данью онъ дѣлился со своею дружиною, которая составляла его правительственное орудіе. Этотъ классъ дѣйствовалъ, какъ главный рычагъ въ томъ и другомъ оборотѣ, политическомъ и экономическомъ; зимой онъ правилъ, ходилъ по людямъ, а лѣтомъ торговалъ тѣмъ, что собралъ въ продолженіе зимы. Въ томъ же рассказѣ Константина живо обрисовывается и централизирующее значеніе Кіева, какъ средоточія политической и хозяйственной жизни Руси.

Такъ устроилась *внутренняя* политическая жизнь въ кievскомъ княжествѣ IX и X вв. Легко замѣтить основной интересъ, руководившій этой жизнью. Дань, шедшая князю, питала внѣшнюю торговлю Руси. Этотъ же основной экономическій интересъ

направлялъ и *внѣшнюю* дѣятельность первыхъ кievскихъ князей. Дѣятельность эта была направлена къ двумъ цѣлямъ: 1) къ приобрѣтенію и поддержанію заморскихъ рынковъ; 2) къ расчисткѣ и охранѣ торговыхъ путей, которые вели къ этимъ рынкамъ. Самымъ виднымъ явленіемъ во внѣшней исторіи Руси до половины XI в., по Начальной лѣтописи, были военные походы кievскихъ князей на Царьградъ; до смерти Ярослава ихъ можно насчитать шесть, если не считать похода Владимира на византійскую колонію Херсонесъ Таврической въ 988 году. Достаточно видѣть причину перваго и послѣдняго изъ этихъ походовъ, чтобы замѣтить одно общее побужденіе, которымъ были вызваны всѣ они. Въ 866 году Аскольдъ и Диръ напали на Царьградъ, раздраженные, по словамъ патріарха Фотія, умерщвленіемъ своихъ соплеменниковъ, очевидно, русскихъ купцовъ, послѣ того, какъ византійское правительство отказало Руси въ удовлетвореніи за эту обиду. Въ 1043 году князь кievскій Ярославъ послалъ на грековъ своего сына Владимира съ флотомъ, потому что въ Константинополѣ избили русскихъ купцовъ и одного изъ нихъ убили. Итакъ, всѣ эти походы вызваны были стремленіемъ поддержать или возстановить порывавшіяся торговыя сношенія Руси съ Византіей. Вотъ почему эти походы обыкновенно оканчивались торговыми трактатами. Характеръ такихъ трактатовъ имѣютъ всѣ дошедшіе до насъ договоры Руси съ греками X в. Изъ нихъ дошли до насъ два договора Олега, одинъ Игоревъ и одинъ краткій договоръ или только отрывокъ договора Святославова ¹⁾. Читая эти

¹⁾ *Первый* договоръ въ отрывкѣ подъ 907 г. Лаврен. лѣт. (стр. 30 — 31): въ немъ сказано, что по требованію Олега

договоры, легко замѣтить, какой интересъ связывалъ Русь съ Византіей. Всего подробнѣе и точнѣе опредѣленъ въ нихъ порядокъ ежегодныхъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей: съ этой стороны они отличаются замѣчательной выработкой международнаго права. Ежегодно торговцы Руси являлись въ Константинополь лѣтомъ на торговый сезонъ, продолжавшійся шесть мѣсяцевъ: никто изъ русскихъ не имѣлъ права оставаться въ Константинополѣ на зиму. Русскіе купцы останавливались въ предмѣстьѣ Константинополя у святого Мамы (давно исчезнувшій монастырь св. Мамонта). Императорскіе чиновники отбирали у прибывшихъ купцовъ княжескую грамоту съ обозначеніемъ числа посланныхъ изъ Кіева ко-

греки соглашались «дати уклады на рускыя грады: первое на Кіевъ, таже на Черниговъ, на Переяславль, на Полтѣскъ, на Ростовъ, на Любечъ и на прочая города, по тѣмъ бо городомъ сядяху велиция князи, подъ Олгомъ суще». *Второй* договоръ подъ 912 г. (стр. 32—37) былъ заключенъ послами «отъ Олга, великаго князя рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, святыхъ и великихъ князь, и его великихъ бояръ... похотѣнемъ нашихъ великихъ князь и по повелѣнію отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси». *Третій* договоръ подъ 945 г. (стр. 45—53), по словамъ летописи, былъ записанъ «на харатѣ», начинаясь перечисленіемъ лицъ, заключавшихъ договоръ: «мы отъ рода рускаго съли и госте, Изворъ, содъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и обѣчи сди... послании отъ Игоря, великаго князя рускаго, и отъ всякаго княжья, и отъ всѣхъ людей руския земля». *Четвертый* договоръ подъ 971 г. (повидимому, въ отрывкѣ—стр. 71 и 72 Лаврен. лѣт.): «царь же радъ бысть и повелѣшию писати вся рѣчи Святослави на харатю; нача глаголати содъ вся рѣчи, и нача писецъ писати... азъ Святославъ, князь руский, якоже вдахъся... хочю имѣти миръ и свершену любовь... и иже суть подо мною Русь, бояре и прочии».

Ред.

раблей, переписывали имена прибывших княжеских пословъ и гостей. Эти послы («сли») и гости во время всего своего пребыванія въ Константинополѣ пользовались отъ мѣстнаго правительства даровой баней и даровымъ кормомъ—знакъ, что на эти торговые караваны въ Константинополѣ смотрѣли не какъ на частныя промышленныя предпріятія, а какъ на торговыя посольства союзнаго кіевскаго правительства. Послы получали свои посольскіе оклады, а простые купцы—«мѣсячину», мѣсячный кормъ, который имъ раздавался въ извѣстномъ порядкѣ по старшинству городовъ, сначала кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ, полоцкимъ, ростовскимъ, любецкимъ и прочимъ. Такой порядокъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей установленъ былъ договорами Олега и Игоря.

Другой заботой кіевскихъ князей была поддержка и охраненіе торговыхъ путей, которые веди къ заморскимъ рынкамъ. Тотъ же императоръ Константинъ ярко рисуетъ опасности, которыя долженъ былъ одолѣвать русскій торговый флотъ на своемъ пути въ Византію. Собранные на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ караваны княжескихъ, боярскихъ и купеческихъ лодокъ двигались вмѣстѣ къ порогамъ, загораживающимъ рѣку на протяженіи 70 верстъ между Екатеринославомъ и Александровскомъ. Приближаясь къ нимъ, Русь высаживала на берегъ и выдвигала въ степь вооруженные отряды, которые не допускали бы печенѣговъ до рѣки: съ высокаго днѣпровскаго берега легко было перестрѣлять весь экипажъ торговыхъ лодокъ. Выплывши благополучно въ устья Днѣпра, Русь приносила благодарственную жертву своимъ богамъ, исправляла

судовыя снасти и, держась берега, двигалась моремъ. Приближаясь къ устьямъ Дуная, караванъ опять высылалъ на берегъ сторожевой отрядъ, чтобы отбить поджидавшихъ здѣсь печенѣговъ. Тѣмъ же порядкомъ отъ устьевъ Дуная караванъ вдоль береговъ уже безопасно двигался къ Константинополю. Читая подробное описаніе этихъ русскихъ путешествій у императора, живо чувствуешь, для чего нужна была русской торговлѣ вооруженная охрана при движеніи русскихъ купцовъ къ Константинополю.

Но засарывая степныя дороги русской торговли, кочевники безпокоили и самыя границы русской земли. Отсюда третья забота русскихъ князей—оградить и оборонять предѣлы Руси отъ степныхъ варваровъ; эта забота съ теченіемъ времени становится даже господствующей въ политикѣ кіевскихъ князей, благодаря все усиливавшемуся напору степныхъ кочевниковъ. Олегъ, по разсказу *Повѣсти* о началѣ русской земли, какъ только утвердился въ Кіевѣ, началъ города ставить («нача города ставити и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери») вокругъ него. Владимиръ, ставъ христіаниномъ, сказалъ: «се не добро, еже мало городовъ около Кіева», и началъ строить города по рѣкамъ Деснѣ, Трубежу, Стугнѣ, Сулѣ и другимъ ¹⁾. Эти укрѣпленные пункты заселялись боевыми людьми, которые вербовались изъ

¹⁾ Лаврен. подъ 988 г., на стр. 119: «И рече Володимерь: се не добро, еже мало городовъ около Кіева. И нача ставити города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшиѣ отъ словень, и отъ кривичь, и отъ чюди, и отъ вятичь, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ печенѣгъ, и бѣ воюяся с ними

разныхъ племенъ, славянскихъ и финскихъ, населявшихъ русскую равнину. Съ теченіемъ времени эти укрѣпленные мѣста соединялись между собою валами и застѣками. Такъ, по южнымъ и юго-восточнымъ границамъ тогдашней Руси, на правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра, выведены были въ X и XI вв. ряды земляныхъ окоповъ и сторожевыхъ «заставъ», городковъ, чтобы сдерживать нападенія кочевниковъ. Все княженіе Владимира прошло въ упорной борьбѣ съ печенѣгами, которые раскинули по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра восемь ордями, дѣлившимися каждая на пять колѣвъ. Около половины X вѣка, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, передовыя кибитки печенѣговъ начинались на разстояніи лишь одного дня пути отъ Кіева, т.е. верстахъ въ 40 отъ него. Въ началѣ XI вѣка мы встрѣчаемъ указаніе на успѣхъ борьбы Руси со степью. Въ 1006—7 году чрезъ Кіевъ проѣзжалъ нѣмецкій миссіонеръ Брунонъ, направляясь къ печенѣгамъ для проповѣди евангелія. Онъ остановился погостить у князя Владимира, котораго въ письмѣ къ императору Генриху II называетъ сенъоромъ руссовъ. Князь Владимиръ уговариваетъ миссіонера не ѣздить къ печенѣгамъ, говоря, что у нихъ онъ не найдетъ душъ для спасенія, а скорѣе самъ погибнетъ позорною смертію. Князь не могъ уговорить Брунона и вызвался проводить его до границъ своей земли, которая онъ со всѣхъ сторонъ оградилъ крѣпкимъ частоколомъ на весьма большомъ протяженіи, по причинѣ скитающихъ около нихъ

и одоляя имъ». Подъ 991-мъ г: «Володимиръ заложи градъ Бѣльгородъ, и наруби въ нь отъ нивѣхъ городовъ, и много людей сведе в оны; бѣ бо любя градъ съ».

неприятелей. Въ одномъ мѣстѣ князь Владимиръ провель нѣмцевъ воротами чрезъ эту линію укрѣпленій и, остановившись на сторожевомъ степномъ холмѣ, послалъ сказать имъ: «Вотъ я довелъ васъ до мѣста, гдѣ кончается моя земля и начинается неприятельская» ¹⁾. Весь этотъ путь отъ Кіева до границы пройденъ былъ въ два дня. Мы замѣтили выше, что въ половинѣ X вѣка печенѣжскія кибитки появлялись въ разстояніи одного дня пути отъ Кіева. Значить, въ продолженіе полувѣковой упорной борьбы Русь успѣла пробиться въ степь на одинъ день пути, т.-е. отвоевать еще версть 40, а великій князь Ярославъ ставилъ города ²⁾ еще южнѣе по рѣкѣ Роси.

Такъ первые кіевскіе князья продолжали начавшуюся еще до нихъ дѣятельность вооруженныхъ и торговыхъ городовъ Руси, поддерживая сношенія съ приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси отъ степныхъ ея сосѣдей.

¹⁾ См. въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ (Кіевскихъ)» за 1873 г. статью Н. Н. Оглоблина «Письмо архіепископа Брунона къ германскому императору Генриху II» съ переводомъ этого письма на русскій языкъ по изданію 1864 г. «Monumenta Poloniae historica». *Ред.*

²⁾ Лаврент. подъ 1032-мъ г. (стр. 146): «Ярославъ поча ставити города по Ръси».

ХІІІ. РОЛЬ ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ ВЪ ОБЩЕМЪ СТРОѢ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА КІЕВСКОЙ РУСИ.

(Н. А. Рожковъ. «Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія». Часть I. Спб. 1903 г.).

Первостепенное значеніе внѣшней торговли кievскаго періода русской исторіи, вытекающее изъ всего характера изложенія проф. В. О. Ключевского, встрѣчаетъ возраженія въ новыхъ построеніяхъ древнѣшаго періода русской исторіи. Такъ, по мнѣнію Н. А. Рожкова, цѣлый рядъ свидѣтельствъ источниковъ убѣждаетъ въ томъ, что основною отраслью производства въ кievскій періодъ русской исторіи была добывающая промышленность въ разныхъ ея видахъ ¹⁾.

Важнѣйшимъ изъ этихъ видовъ добывающей промышленности является *охота* или *звѣроловство* и *птицеловство*. Свидѣтельства о первостепенномъ зна-

¹⁾ См. у А. Е. Прѣснякова *Княжеское право* (стр. 162), который, ссылаясь на изслѣдованіе Н. А. Рожкова, говоритъ, что схема В. О. Ключевского «построена на крайнемъ преувеличеніи глубины вліянія торговли на племенной бытъ восточнаго славянства». Слѣдуетъ имѣть въ виду, что книга Н. А. Рожкова построена на основахъ воззрѣній *экономическаго материализма* и, какъ первый опытъ обширнаго построенія русской исторіи на указанныхъ основахъ, отличается значительнымъ схематизмомъ изложенія и рядомъ рѣзко выраженныхъ своеобразно-индивидуальныхъ чертъ. Ред.

ченіи звѣроловства дошли до насъ еще отъ VII, VIII и IX вѣковъ: Кій, Щекъ и Хоривъ, по преданію «Начальной лѣтописи», были звѣроловами; сѣверяне платили дань хозарамъ по шкурѣ бѣлки съ дома; Олегъ, подчинивъ въ 883 году древлянъ, положилъ на нихъ дань по черной куницѣ съ дома; по словамъ арабскаго писателя Ибнъ-Хордадбе, жившаго во второй половинѣ IX вѣка, русскіе вывозили изъ своей страны мѣха выдры и черныхъ лисицъ, т.-е. продукты звѣроловства ¹⁾. Еще болѣе многочисленныя данныя объ охотѣ сохранились отъ X вѣка: въ 945 году Игорь, отпуская отъ себя византійскихъ пословъ, заключившихъ съ нимъ договоръ, одарилъ ихъ тѣмъ, чѣмъ самъ былъ богатъ, главнымъ образомъ, мѣхами; то же самое обѣщала дать въ даръ византійскому императору княгиня Ольга при своемъ крещеніи въ Константинополѣ, ей же приписывается устройство княжескихъ «ловищъ», т.-е. приспособленій для звѣроловства, въ древлянской и новгородской землѣ и «перевѣсищъ», приспособленій для птичьей охоты, по Днѣпру и Деснѣ; древляне, осажденные Ольгой въ Коростѣвнѣ, предлагали ей дань «скорою», т.-е. мѣхами; по словамъ Святослава, однимъ изъ главнѣйшихъ богатствъ Руси были мѣха; рассказывая подъ 975 годомъ о происхожденіи междоусобной борьбы между сыновьями Святослава, Ярополкомъ кievскимъ и Олегомъ древлянскимъ, нашъ начальный лѣтописецъ указываетъ, что поводомъ къ этой борьбѣ было убійство Олегомъ Люта, сына Ярополкова воеводы Свѣнелда: Лютъ охотился, «ловъ дѣялъ», «гна по

¹⁾ Срв. выше на стр. 346, 353 и 401.

звѣри въ лѣсѣ», и заѣхалъ при этомъ во владѣнія Олега ¹⁾). Арабскіе писатели X вѣка — Ибнъ - Даста, Ибнъ-Хаукаль, Аль-Истархи—говорятъ о вывозѣ русскими мѣховъ собольихъ, горностаевыхъ, бѣличьихъ. И въ XI вѣкѣ лѣтопись придаетъ охотѣ первостепенное значеніе, смотритъ на нее не какъ на забаву, а какъ на очень серьезное занятіе: напримѣръ, въ 1091 г. отмѣчено, что «Всеволоду ловы дѣюще звѣриные за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ»; въ краткой редакціи «Русской Правды», составившейся, какъ извѣстно, именно въ XI столѣтіи, находится постановленіе объ уголовной карѣ за кражу охотничьяго пса, а также ястреба и сокола, — птицъ, употреблявшихся, несомнѣнно, для птичьей охоты. Даже XII столѣтіе не ознаменовалось сколько-нибудь замѣтнымъ ослабленіемъ хозяйственной важности охоты въ народномъ производствѣ. Чрезвычайно характерно уже то, что Владимиръ Мономахъ, этотъ живой идеаль древнерусскаго князя, въ своемъ знаменитомъ «Поученіи» ²⁾ на ряду съ военными подвигами и дѣлами управленія ставитъ свою охотничью удалъ и охотничьи удачи и упоминаетъ о ловчихъ, («і в ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держалъ и в конюсѣхъ»), соколахъ и ястребахъ, какъ важной статьѣ княжескаго хозяйства. Еще

¹⁾ Лаврен., стр. 72: «Ловъ дѣюще Свѣналдичю, именемъ Лють, яшедъ бо не Кіева, гна по звѣри в лѣсѣ; и узрѣ и Олегъ, и рече: кто се естъ? И рѣша ему: Свѣналдичь, и вѣхавъ уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ».

²⁾ Лаврент. подъ 1096 г., на стр. 232—247: «а се вы повѣдаю трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ... а се тружахъся, ловы дѣя» (упоминаются кони дикіе, туръ, олень, лось, вепрь, медвѣдь).

въ концѣ XII столѣтія князья отправлялись на охоту надолго, съ женами и дружиной: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать разсказъ Ипатьевской лѣтописи объ охотѣ Давида Ростиславича и Святослава Ольговича въ 1180 году ¹⁾. Въ пространной «Русской Правдѣ» говорится объ охотѣ на бобровъ, и назначается наказаніе за порчу «перевѣса», устроеннаго для птичьей охоты. Въ церковномъ уставѣ новгородскаго князя Всеволода 1135 года упоминается «ловъ княжь» и сборъ доходовъ архіепископомъ съ Заволочья «сорочками», т.-е. сороками мѣховъ; въ литературномъ памятникѣ XII вѣка, вопросахъ Кирика, говорится о ловлѣ птицъ силками. Въ концѣ этого столѣтія Варлаамъ Хутынской даль основанному имъ въ Новгородской области монастырю «ловища гоголиныя», т.-е. гагачьи. Наконецъ по извѣстной жалованной грамотѣ князя Ростислава Мстиславича смоленской епископіи, данной въ 1150 г., епископъ получалъ съ жителей мѣха и имѣлъ «тетеревникъ». Таковы многочисленныя и разнообразныя свидѣтельства объ охотѣ въ кievской Руси.

Не такъ многочисленны, но также очень вѣски свидѣтельства нашихъ источниковъ о другомъ видѣ добывающей промышленности въ кievской Руси,— *пчеловодство* или, какъ оно тогда называлось, бортничество. Игорь и Ольга въ X вѣкѣ давали грекамъ дары тѣмъ, чѣмъ сами были богаты, прежде всего мѣхами; теперь надо прибавить, что въ числѣ этихъ даровъ, по свидѣтельству лѣтописи, былъ и воскъ, продуктъ пчеловодства. Перечисляя пред-

¹⁾ Ипат., стр. 416: «ходяшеть Давыдъ Ростиславичъ по Дыпру в лодяхъ, ловы дѣя, а Святославъ ходяшеть по черниговской сторонѣ, ловы дѣя противу Давыдова».

меты, которыми изобиловала въ его время русская земля, Святославъ на ряду съ мѣхами называетъ медъ и воскъ. Медъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ русскаго вывоза, упоминается арабскимъ писателемъ X вѣка Ибнъ-Хаукалемъ. Другой арабъ того же столѣтiя, Ибнъ-Даста, прямо говоритъ, что русскiе много занимаются пчеловодствомъ. И если нельзя сказать, что къ концу періода охота сдѣлалась менѣе важною отраслью промышленности, то это же приходится повторить и о пчеловодствѣ. Въ XII вѣкѣ князья имѣли особые погреба или «медуши» съ громадными запасами меда; въ одномъ изъ такихъ погребовъ въ Путивлѣ хранилось, напр., 500 берковцевъ, т.-е. 5000 пудовъ меду. Ростиславъ смоленскiй грамотою 1150 года передалъ епископу сборъ меда и далъ ему бортника. По уставной грамотѣ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича церкви св. Ивана на Опокахъ въ Новгородѣ существовало особое товарищество купцовъ, торговцевъ воскомъ. Наконецъ въ пространной редакціи «Русской Правды» встрѣчаемъ рядъ статей о борти, пчелахъ и медѣ: назначенъ штрафъ за срубку бортнаго дерева, за уничтоженіе знака на борти, за перепаживаніе бортной межи, наконецъ, за похищеніе пчель и меда.

Остается отмѣтить важное значеніе третьяго вида добывающей промышленности, *рыболовства*. Археологическія раскопки даютъ несомнѣнныя указанія на рыболовныя занятія народа въ видѣ остатковъ рыбьихъ костей, рыболовныхъ крючковъ, удочекъ, острогъ, грузилъ для сѣтей. По договору Игоря съ греками, русскимъ разрѣшалось ловить рыбу въ устьѣ Днѣпра. Въ «Русской Правдѣ» — краткой и

пространной—говорится о полученіи двумя должностными лицами—вирникомъ и городникомъ—въ постъ съ населенія въ видѣ корма рыбы. Въ половинѣ XII вѣка смоленскій епископъ получиль отъ князя Ростислава рыбныя ловли въ Торопцѣ. Тогда же, наконецъ, св. Антоній Римлянинъ купиль «рыбную ловитву» на Волховѣ, а Варлаамъ Хутынский далъ рыбныя ловли въ основанный имъ монастырь.

Изъ другихъ видовъ добывающей промышленности встрѣчается упоминаніе лишь о *солевареніи*, и то лишь въ XII вѣкѣ и притомъ на крайнемъ сѣверѣ: именно уставная грамота, данная новгородскому Софійскому собору княземъ Святославомъ Ольговичемъ въ 1137 году, опредѣляетъ доходъ съ соляныхъ варницъ «на моря отъ чрена и отъ салгы по пузу» (чрень или прень—сковорода, а салга—котель для выварки соли; пузь—мѣшокъ соли въ 2 четверика).

Необходимо было такъ подробно остановиться на документальномъ обоснованіи той мысли, что добывающая промышленность играла первостепенную, опредѣляющую роль въ хозяйственной жизни кievскаго періода русской исторіи: дѣло въ томъ, что многіе изслѣдователи недостаточно высоко цѣнятъ эту роль, склонны приписывать другимъ отраслямъ производства не меньшее, иногда даже большее значеніе.

Это довольно часто дѣлается по отношенію къ *сельскому хозяйству* и, главнымъ образомъ, къ тому его виду, который называется *земледѣліемъ*. Утверждаютъ, что восточные славяне уже въ VII и VIII вѣкахъ были совершенно земледѣльческимъ народомъ, что земледѣліе было основнымъ ихъ занятіемъ. Слѣ-

дуетъ внимательнѣе присмотрѣться къ нашимъ источникамъ, чтобы правильно оцѣнить это мнѣніе и составить себѣ вѣрное понятіе о предметѣ. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что славяне въ періодъ ихъ расселенія изъ Прикарпатскаго края — въ VI, VII и VIII вѣкахъ — знали земледѣліе: по извѣстію византійскаго писателя, императора Маврикія, у славянъ того времени было много проса и пшеницы; въ сѣверянскихъ и полянскихъ могильникахъ археологами открыты зерна ржи, ячменя, пшеницы и гречихи, а также такое земледѣльческое орудіе, какъ серпъ¹⁾. Но существованіе земледѣлія и его господство не одно и то же, и какъ разъ приходится признать, что земледѣліе не господствовало не только въ эти столѣтія, но и позднѣе. Это явствуетъ изъ того, что, въ числѣ хозяйственныхъ благъ, составлявшихъ главное богатство Руси, ни разу не называется хлѣбъ, а упоминаются только продукты добывающей промышленности—мѣха, медъ и воскъ. Это уподобляетъ насъ не ставить земледѣліе въ кievской Руси въ одинъ рядъ съ охотой и пчеловодствомъ. Въ чемъ можно быть въ этомъ отношеніи увѣреннымъ, это въ томъ, что и тогда уже русскіе не нуждались въ привозномъ хлѣбѣ, потому

1) Сжатый обзоръ матеріала археологическихъ раскопокъ, котораго вообще до настоящаго времени русскіе историки почти не касаются, можно найти въ книжкѣ В. Е. Данилевича *Курсъ русскійхъ древностей*. Кіевъ, 1908 г. и частью въ книжкѣ Д. И. Багалъя *Русская исторія* (курсъ—часть I, главы II—V). Харьковъ, 1909 г. Необходимо прежде всего общее знакомство съ книгой Л. Нидерле. *Человѣчество въ доисторическія времена*. Спб. 1898. Литературныя указанія сравнительно полно подобраны В. Данилевичемъ. Ред.

что имъ хватало своего. Въ самомъ дѣлѣ, въ источникахъ IX, X, XI и XII вѣковъ нѣтъ недостатка въ указаніяхъ на земледѣльческія занятія населенія. Въ IX вѣкѣ упоминается «радо», т.-е. плугъ, у радимичей, въ X-мъ, при Святославѣ и Владимирѣ, у вятичей; въ правленіе Ольги встрѣчаемъ извѣстіе, что древяне «дѣлали нивы своя», но въ то же время арабскій писатель Ибнъ - Даста сообщаетъ, что славяне совершенно не имѣли пашень; впрочемъ, эти слова надо понимать, разумѣется, въ томъ смыслѣ, что земледѣліе было второстепеннымъ занятіемъ славянъ, тѣмъ болѣе, что ниже самъ же Ибнъ - Даста прибавляетъ, что они «болѣе всего сѣють просо». Можно, впрочемъ, замѣтить, что XII столѣтіе— послѣдній вѣкъ изучаемаго періода—ознаменовалось значительными успѣхами земледѣлія, повысившими его экономическое значеніе. Это видно, прежде всего, изъ извѣстнаго лѣтописнаго разсказа о сѣздѣ князей у Долобскаго озера въ 1103 году: здѣсь дружина Святополка указываетъ на неудобство похода на половцевъ весной, когда смерды или крестьяне заняты полевыми работами; стало-быть, земледѣліе разсматривается, какъ одно изъ обычныхъ и важныхъ занятій народа ¹⁾. Затѣмъ, въ лѣтописяхъ XII вѣка на

¹⁾ Лаврен., стр. 263: «И почаша думати и глаголати дружина Святополча: сяко негодно нынѣ веснѣ дѣти, хочемъ погубити смерды и ролью ихъ». И рече Володимерь: «дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, еуже кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и прихавъ подовчинъ ударити и стрѣлюю, а лошадь его поиметь, а в село его хавъ иметь жену его и дѣти, и все его имѣнье? то лошади жаль, а самого не жаль ли?» Въ качествѣ результата предпринятаго Русью похода на половцевъ (стр. 269).

ходимъ свидѣтельства о посѣвахъ пшеницы, овса и проса; у одного стверскаго князя было однажды захвачено 900 стоговъ жита. Въ «Житіи св. Феодосія» упоминаются рожь, ленъ, макъ, въ «Патерикѣ Печерскомъ», т.-е. собраніи житій святыхъ подвижниковъ Кіево-Печерской лавры,—горохъ. Наконецъ въ «Русской Правдѣ» говорится о ратайномъ (т.-е. земледѣльческомъ) старостѣ или тиунѣ, о ролейномъ закуптѣ или земледѣльческомъ рабочемъ, о ролейной или пашенной межѣ, о хлѣбѣ, пшенѣ, житѣ, солодѣ, горохѣ, овсѣ, о хозяйственныхъ приспособленіяхъ, необходимыхъ для земледѣлія, — гумнѣ и ямѣ, гдѣ хранилось жито; наконецъ, о земледѣльческихъ орудіяхъ—боронѣ и плугѣ.

Не всѣ изслѣдователи придають надлежащее значеніе другому виду сельско-хозяйственной промышленности — *скотоводству*: нѣкоторые сѣчаютъ его менѣе важнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Первыя дошедшія до насъ указанія на важность скотоводства у русскихъ относятся къ X вѣку: они заключаются въ свидѣтельствѣ Ибнъ-Дасты и въ лѣтописномъ извѣстіи о бывшемъ у Олега «старѣйшинѣ конюхомъ»: если были конюхи и надъ ними старшій, то были, очевидно, и большія стада. Гораздо обильнѣе данныя XI и XII вѣковъ. Особенно часты указанія на княжескія стада, иногда чрезвычайно многочисленныя: въ 1087 г. упоминаются стада

послѣ Долобскаго съѣзда указано: «взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добыткомъ и с челядью, и заяша печенѣгы и торкы с вежами». Срв. толкованіе текста въ статьѣ Б. А. Романова «Смердѣй конь и смердѣ» въ *Извѣстія гъ отд. рус. языка и словес.* 1908 г., т. XIII, кн. 3.

Ред.

Ярополка Изяславича волынского, въ 1145 г.—конский табунъ изъ 4.000 головъ, принадлежавшій черниговскимъ Ольговичамъ, въ 1149 г. встрѣчаемъ извѣстiе о стадѣ Изяслава Мстиславича, въ 1158 г.—Андрея Боголюбскаго, въ 1169 году—Мстислава. Но всего важнѣе въ данномъ вопросѣ «Русская Правда». Въ этомъ источникѣ упоминаются почти всѣ виды домашняго скота, извѣстные и въ настоящее время—лошади, быки, коровы, вола, телята, овцы, бараны, козы, свиньи, поросята, отмѣчается существованiе конюховъ и даже тiуновъ конюшихъ, говорится о стадѣ, наконецъ — что особенно цѣнно — указаны цѣны на скотъ: переводя эти цѣны на наши деньги, находимъ, что хорошую рабочую лошадь можно было купить въ XI и XII вѣкахъ за 14—16 рублей, вола за 7—8 рублей, корову за 5—6 руб. съ чѣмъ-нибудь; овца стоила отъ 40 до 80 коп., какъ и баранъ, и поросенокъ. Цѣны все очень низкия, что указываетъ на большое количество скота въ то время, т.-е. на важность скотоводства. Это и не удивительно: по своей экономической природѣ скотоводство несравненно ближе къ добывающей промышленности, чѣмъ земледѣлiе, а это обстоятельство, разумѣется, содѣйствовало болѣе сильному развитiю скотоводства.

Зато очень слабо развитымъ надо признать третiй видъ сельско-хозяйственной промышленности—*птицеводство*. Въ «Русской Правдѣ» встрѣчаются указанiя на прирученныхъ и обученныхъ голубей, куръ, утокъ, гусей, журавлей, лебедей, но вся эта птица цѣнится непомерно дорого: голубь отъ 1 р. 25 к. до 2 р. 90 к., столько же стоила курица; утка, гусь, журавль, лебедь оцѣнивались въ 4 р. 20 к.—4 р. 80 к. на наши деньги. Очевидно, это было

большой рѣдкостью въ хозяйственномъ обиходѣ нашихъ предковъ кievскаго періода.

Вопреки мѣнію многихъ археологовъ, *обрабатывающая промышленность* кievской Руси была совершенно ничтожна сравнительно даже съ сельскимъ хозяйствомъ, не говоря уже о преобладавшей въ то время добывающей промышленности. Прежде всего надо замѣтить, что, по археологическимъ даннымъ, лишь въ курганахъ X и XI вѣковъ, не ранѣе, можно найти остатки издѣлій, которымъ можно было бы хотя бы съ нѣкоторою вѣроятностью приписать мѣстное происхожденіе: такъ, въ древлянскихъ и полянскихъ могильникахъ встрѣчаются глиняныя ожерелья и сосуды, желѣзныя части плуга, серпы, косы, молоты, гвозди, ножи, замки, ключи, стрѣлы и, что главное, каменные формы для металлическаго литья; попадаются также остатки шерстяныхъ тканей и холста. Все это, однако, не отличается особеннымъ обиліемъ, хотя и указываетъ на существованіе промысловъ гончарнаго и металлическаго, а также на производство шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій. Мы имѣемъ, впрочемъ, указанія на эти отрасли обрабатывающей промышленности и въ памятникахъ письменности: подъ 992 г. въ новгородской лѣтописи встрѣчается извѣстіе о гончарномъ производствѣ близъ Новгорода; о «своихъ толстинахъ», т.-е. парусахъ изъ грубаго холста, у русскихъ говоритъ «Начальная лѣтопись» въ разсказѣ о походѣ Олега на Константинополь; по «Патерику Печерскому», монахи «копытца (т.-е. чулки) плетяще и клобуки» (т.-е. шапки), а Феодосій прядъ волну «на сплетеніе копытцамъ»; Ибнъ-Даста сообщаетъ, что русскіе выдѣлывали стрѣлы, щиты и

копья. Мало того: мы имѣемъ свѣдѣнія о производствѣ на Руси X вѣка деревянныхъ, кожаныхъ и даже золотыхъ и серебряныхъ издѣлій: такъ, по Ибнъ-Фадлану и лѣтописи, выдѣлывались деревянные изображенія идоловъ, при чемъ Перунъ былъ съ серебряной головой и золотыми усами; по словамъ византійскаго императора Константина Багрянороднаго, выдѣлывались деревянные лодки; подъ 992 годомъ въ Начальную лѣтопись занесено преданіе о силачѣ-кожемякѣ Янѣ Усмошвецѣ; Владимиръ I велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки для своей дружины. Но на ряду со всѣмъ этимъ есть несомнѣнные признаки слабости обрабатывающей промышленности: напр., Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что русскіе покупали такое примитивное гончарное издѣліе, какъ зеленныя бусы изъ глины, и очень дорого притомъ ихъ цѣнили; по словамъ Ибнъ-Дасты, подтверждаемымъ и археологическими данными, кремѣ стрѣлъ, щитовъ и копій, все остальное оружіе было привозное; а развѣ не доказываетъ рассказъ о замѣнѣ Владимиромъ деревянныхъ ложекъ серебряными, что послѣднія были рѣдкостью даже при княжескомъ дворѣ? Можно только замѣтить то же, что въ свое время было сказано о земледѣліи: къ концу періода, въ XII вѣкѣ, обрабатывающая промышленность, сдѣлала нѣкоторые успѣхи, гораздо менѣе, впрочемъ, значительные, чѣмъ земледѣліе: въ XII столѣтіи новгородцы извѣстны были, какъ искусные плотники; производство лодокъ изъ дерева достигло нѣкотораго разнообразія: въ «Русской Правдѣ» различается морская ладья, цѣнившаяся въ 24 р., набойная цѣною въ 16 р., челнъ—около 3 р. и стругъ, цѣнившійся въ 8 р. на наши

деньги; одинъ изъ печерскихъ подвижниковъ Исаія носилъ «свиту вотоляну», т.-е. сшитую изъ собственноручно сотканнаго холста или вотолы; по грамотѣ Ростислава 1150 года, топорчане доставляли смоленскому епископу скатерти и убрusy (платки); лѣтописи указываютъ на запасы желѣза и мѣди у князей XII вѣка и на существованіе кузнецовъ въ Кіевѣ и Курскѣ; къ XII столѣтію относится первое упоминаніе о русскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлѣ мастерахъ: Лазарь Богша сдѣлалъ крестъ св. Евфросиніи Полоцкой, а въ Новгородѣ въ 1200 г. названъ Страшко *серебряникъ*. Наконецъ, въ Кіевѣ найденъ драгоценный кладъ, принадлежавшій, по видимому, кому-либо изъ княжеской семьи и свидѣтельствующій объ успѣхахъ золотого и серебрянаго дѣла, а также и ювелирнаго искусства: тутъ встрѣчаются діадемы, кольца, серьги и рядъ предметовъ съ изображеніями, украшенными перегородчатой эмалью. Этотъ кладъ относится къ самому концу XII вѣка.

Намъ остается теперь рассмотреть очень сложный вопросъ о *торговлѣ* въ кіевской Руси. Этотъ вопросъ тѣмъ сложнѣе и важнѣе, что нѣкоторые очень авторитетные изслѣдователи склонны приписывать *внѣшней* торговлѣ кіевского періода первостепенное значеніе. И на первый взглядъ кажется, что такое мнѣніе подтверждается нашими источниками. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ нѣтъ недостатка въ свидѣтельствахъ о торговыхъ сношеніяхъ Руси съ азіатскимъ Востокомъ, Византіей и нѣмцами, главнымъ образомъ, съ островомъ Готландомъ. Торговля съ арабами и хозарами началась, несомнѣнно, еще въ VIII вѣкѣ, какъ о томъ свидѣлствуютъ найденныеклады съ

серебряными арабскими монетами-диргемами, самыя раннія изъ которыхъ относятся къ послѣднимъ годамъ VII вѣка, не мало монетъ VIII столѣтія, но особенно много диргеми, чеканенныхъ въ IX и X вѣкахъ, потому что этотъ періодъ былъ временемъ наиболѣе оживленныхъ торговыхъ сношеній между Русью и азіатскимъ Востокомъ. Отъ IX и X столѣтій уцѣлѣли и литературныя извѣстія объ этой торговлѣ: арабскій писатель второй половины IX вѣка Ибнъ-Хордадбе рассказываетъ, что русскіе торгуютъ съ хозарами въ ихъ столицѣ Итилѣ при устьѣ рѣки Волги, что они ѣздятъ къ юго-восточной части Каспійскаго моря, иногда доставляютъ свои товары на верблюдахъ даже въ Багдадъ. О такихъ же торговыхъ связяхъ говорятъ въ X вѣкѣ Ибнъ-Фадланъ, Аль-Масуди, Аль-Истархи и Ибнъ-Хаукаль. Но уже въ XI вѣкѣ, съ паденіемъ хозарскаго царства и торжествомъ половцевъ въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ, торговля съ арабами слабѣетъ и, наконецъ, совершенно прекращается, потому что половцы перерѣзываютъ и уничтожаютъ существовавшій раньше путь для этой торговли, такъ называемый *залозмый*, т.-е., какъ обыкновенно объясняютъ, проходившій за лозами или камышами берега Днѣпра и поворачивавшій затѣмъ на востокъ.

Тотъ же Ибнъ-Хордадбе оставилъ намъ извѣстіе о торговлѣ Руси съ Византіей въ IX вѣкѣ. Наша летопись подтверждаетъ это косвенно рассказомъ о походѣ на Царьградъ утвердившихся въ Кіевѣ Аскольда и Дира, которые были, по словамъ патріарха Фотія, раздражены умерщвленіемъ въ Константинополѣ своихъ соплеменниковъ. Очевидно, эти со-

племенники попали въ Византію съ торговыми цѣльми. Временемъ расцвѣта торговли съ Византіей надо считать X вѣкъ, отъ котораго сохранился въ этомъ отношеніи цѣлый рядъ извѣстій: объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ русскихъ съ греками въ X столѣтіи свидѣтельствуютъ арабъ Ибнъ-Хаукаль, наша Начальная лѣтопись, сохранившая извѣстія о походахъ Олега, Игоря и Святослава и даже текстъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ этими князьями съ Византіей, наконецъ, византійскій императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи имперіей». Торговья связи съ греками поддерживались и позднѣе, въ XI вѣкѣ, когда для защиты интересовъ русскаго купечества былъ предпринятъ походъ сыномъ Ярослава Мудраго, Владимиромъ, и въ XII столѣтіи, что доказывается уцѣлѣвшими въ нѣкоторыхъ русскихъ кладахъ византійскими монетами того времени. Въ Византію велъ такъ называемый греческій путь,— это извѣстный уже намъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное.

Наконецъ о торговлѣ съ нѣмецкимъ Западомъ, съ Ригой и, главнымъ образомъ, съ островомъ Готландомъ, свидѣтельствуютъ клады IX, X и XI вѣковъ съ западными монетами, извѣстными въ кievской Руси подъ именемъ шляговъ, сообщеніе Ибнъ-Фадлана въ X вѣкѣ и сохранившійся до нашего времени мирный торговый договоръ новгородцевъ съ о. Готландомъ, заключенный въ 1195 году. Торговая дорога здѣсь шла, во-первыхъ, черезъ великій водный путь по Балтійскому морю, во-вторыхъ, по Западной Двинѣ. Можно еще замѣтить, что существовалъ соляной путь въ Галицію, изъ копей которой,

по Патерику Печерскому, привозилась въ XI вѣкѣ соль въ Кіевъ.

Предметами русскаго вывоза были, по единогласному свидѣтельству всѣхъ источниковъ, мѣха, медь, воскъ и рабы. Ввозились на Русь оружіе, металлическія издѣлія, шелковыя матеріи, вина, плоды, разнаго рода украшенія изъ серебра и глины и, наконецъ, монета: арабскія диргемы, византійскіе солиды, или «золотники», и нѣмецкіе шляги.

Но вся эта многочисленность и обстоятельность свидѣтельствъ источниковъ о внѣшней торговлѣ вовсе не указываетъ на то, что эта торговля была господствующей отраслью производства въ кіевской Руси, а убѣждаетъ лишь въ томъ, что она была замѣтнымъ явленіемъ въ хозяйственной жизни страны, имѣла не первостепенное, но все же значительное вліяніе. Что внѣшняя торговля не играла первенствующей экономической роли въ кіевскій періодъ, — въ этомъ легко убѣдиться, анализируя внимательно два важнѣйшихъ по данному вопросу источника — рассказъ Константина Багрянороднаго и договоры Олега и Игоря съ греками. Съ наступленіемъ зимы, рассказываетъ Константинъ Багрянородный, русскій князь и его дружина отправляются изъ Кіева по подвластнымъ князю славянскимъ племенамъ за сборомъ дани, рѣдко состоявшей изъ денежныхъ платежей, а слагавшейся почти исключительно изъ натуральныхъ продуктовъ, какими изобиловала страна: мѣховъ, меду и воску. Вся зима проходила въ этомъ трудномъ, подчасъ и опасномъ объездѣ, такъ называемомъ «полюдьѣ». Весной князь съ дружиной возвращались въ Кіевъ съ собранною данью. Къ этому времени приготовлялись лодки, которыя осна-

щивались, нагружались всёми тѣми, что было собрано въ видѣ дани, и спускались подъ охраной вооруженныхъ купцовъ Днѣпромъ и Чернымъ моремъ въ Византію. Что было въ Византіи, — объ этомъ сообщаютъ намъ договоры Олега и Игоря съ греками: по пріѣздѣ туда, послы, т.-е. торговые приказчики князей и ихъ дружинниковъ, и гости, т.-е. частные торговцы, представляли греческому правительству опись всёхъ кораблей и людей, прибывшихъ въ Царьградъ, составленную кіевскимъ правительствомъ; они останавливались у св. Мамы (на мѣстѣ, гдѣ былъ прежде монастырь св. Мамонта), получали отъ грековъ мѣсячное содержаніе и снабжались при отъѣздѣ пищей, питьемъ и оснасткой кораблей. Зимовать у св. Мамы русскіе права не имѣли. Всѣ эти данныя, достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ, что внѣшняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имѣющими первостепенную важность чертами: во-первыхъ, торговая дѣятельность была занятіемъ исключительно однихъ общественныхъ верховъ, князей, ихъ дружинниковъ и небольшой группы состоятельныхъ горожанъ, масса же населенія не принимала въ ней никакого участія, потому что не продавала, а отдавала даромъ, въ видѣ дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторыхъ, внѣшняя торговля въ дѣйствительности не затрогивала и настоятельныхъ, насущныхъ, необходимо требовавшихъ удовлетворенія, потребностей даже этихъ руководившихъ ею высшихъ классовъ населенія; все необходимое они получали натурой, отправляя на внѣшній рынокъ лишь избытки и вымѣнивая тамъ только

предметы роскоши. Въ сущности мы наблюдаемъ здѣсь не торгово-промышленный круговоротъ, а отчужденіе продуктовъ, доставшихся даромъ, безъ затраты капитала, безъ предпринимательскихъ заботъ и безъ торговой эксплуатаціи производителей хозяйственныхъ благъ. Слѣдовательно, глубины народного производства оставались нетронутыми внѣшней торговлей, по существу народное хозяйство кievской Руси было чисто *натуральнымъ*, т.-е. такимъ, при которомъ почти каждый работаетъ только на себя и на свою семью, а не для продажи. А если такъ, то можно ли признать внѣшнюю торговлю основною отраслью народного хозяйства въ кievскій періодъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный.

Господство натурального хозяйства выступаетъ на видъ еще явственнѣе при изученіи торговли *внутренней*. Наши источники ясно показываютъ, что эта торговля въ кievской Руси существовала, главнымъ образомъ, въ видѣ продажи небольшого количества продуктовъ на сосѣднемъ базарѣ. Въ этомъ, очевидно, смыслѣ надо понимать извѣстный разсказъ новгородской лѣтописи о томъ, какъ, во время низверженія идола Перуна въ Волховъ, житель подгороднаго Пидебскаго погоста везъ горшки на продажу въ Новгородъ и оттолкнулъ идола отъ берега, къ которому онъ было присталъ. То же можно наблюдать и по Патерику Печерскому, въ которомъ разсказывается о продажѣ монахами на кievскомъ базарѣ собственноручно связанныхъ ими шерстяныхъ «копытцовъ», т.-е. чулокъ, и такихъ же «клобуковъ», или шапокъ. «Торгъ», упоминаемый въ «Русской Правдѣ», равно какъ и торги въ Кіевѣ, Курскѣ,

Торопцѣ и Новгородѣ, о которыхъ говорятъ другіе источники, не что иное, очевидно, какъ именно такіе мѣстные базары, обслуживавшіе очень незначительный окрестный районъ. Но особенно характерны въ этомъ отношеніи статьи пространной «Русской Правды», трактующія о такъ называемомъ «сводѣ». Одна изъ этихъ статей гласитъ: «Если кто-либо узнаетъ свое потерянное или украденное имѣніе, коня ли, или оружіе, или скотину, то не говорить ему: «это мое», но говорить: «пойди на сводъ, гдѣ взялъ»; сведитесь, и кто будетъ виноватъ, на того падетъ обвиненіе въ воровствѣ». Въ другой статьѣ читаемъ: «Если въ одномъ городѣ, то идти истцу до конца того свода; если сводъ будетъ по области, тянущей къ этому городу, то идти ему до третьяго свода; за наличное этому третьему платить деньгами, а съ наличнымъ идти до конца свода». Наконецъ третья статья свидѣтельствуесть: «А изъ своего города въ чужую область свода нѣтъ». Такимъ образомъ, въ случаѣ находки кѣмъ-либо пропавшей у него вещи въ рукахъ у другого, этотъ послѣдній былъ обязанъ указать лицо, у котораго имъ приобрѣтена спорная вещь; лицо, имъ указанное, въ свою очередь, должно было указать продавца и т. д. Это и называлось сводомъ. Но уже тогда, когда сводъ переходилъ изъ города въ его область, онъ сокращался: истецъ шелъ только до третьяго свода; третій продавецъ платилъ истцу деньгами, а затѣмъ сводъ продолжался до конца. Это, конечно, можно объяснить стремленіемъ облегчить положеніе истца, лица, потерявшаго вещь и затѣмъ нашедшаго ее въ рукахъ другого, но уже въ этомъ постановленіи нельзя не видѣть и другой стороны дѣла: при пе-

реходѣ свода изъ города въ область третій продавецъ терпѣлъ убытокъ, уплачивая деньги,—очевидно, на него падало нѣкоторое подозрѣніе. Почему? Потому, конечно, что случаи такихъ продажъ въ области были рѣдки. Но особенно замѣчательно, что сводъ въ чужую землю, въ область другого города прямо не допускался: очевидно, такая продажа въ чужую область признавалась невѣроятною, вслѣдствіе крайней затруднительности и чрезвычайной рѣдкости торговыхъ сношеній между отдѣльными городами и рынками. Но, кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ объ изолированности отдѣльныхъ мѣстныхъ рынковъ, мы имѣемъ еще другое доказательство слабости внутренней торговли въ кievской Руси,— оно заключается въ дороговизнѣ кредита. «Русская Правда», какъ извѣстно, знаетъ договоръ займа, устанавливаетъ форму его заключенія, порядокъ конкурса при несостоятельности и, наконецъ, законную высоту процента, но высота эта была чрезвычайно велика, капиталъ въ то время былъ крайне дорогъ: даже въ XII вѣкѣ Владимиръ Мономахъ, сдѣлавшись великимъ княземъ кievскимъ, установилъ ростъ на два третій, т.-е. 50⁰/₀. Капиталъ былъ дорогъ потому, что былъ рѣдокъ, а рѣдкость его—слѣдствіе слабости мѣновыхъ сношеній. Наконецъ, существуетъ еще и третье доказательство господства натурального хозяйства: наблюденія надъ монетной системою. Несомнѣнно, что и у русскихъ, какъ и у другихъ народовъ, первымъ по времени появленія орудіемъ обмѣна былъ скоть: еще въ краткой «Русской Правдѣ» XI в. и даже въ договорной грамотѣ Новгорода съ о. Готландомъ конца XII в. слово «скоть» употребляется въ смыслѣ денегъ. Но бла-

годаря торговымъ сношеніямъ съ арабами и греками, русскіе рано, еще въ VIII вѣкѣ, познакомились съ иностранною монетою, которая, однако, цѣнилась, главнымъ образомъ, какъ украшеніе, а не какъ мѣновое орудіе; гораздо важнѣе было другое приобрѣтеніе: наши предки уже къ X вѣку приняли византійскую мѣру вѣса. Уже въ договорѣ Олега съ греками встрѣчается литра или византійскій фунтъ, равняющійся $\frac{3}{4}$ современнаго нашего фунта. Изъ литры въ Греціи чеканилось 72 золотыхъ монеты, называвшихся солидами; эти солиды въ договорѣ Игоря называются золотниками (вотъ происхожденіе этой русской мѣры вѣса). Византійскую литру на Руси называли гривной. Гривна и стала основною монетною единицею въ кievской Руси. Но эта монетная единица была не чеканная, а вѣсовая, какъ и ея подраздѣленія: гривна состояла, какъ видно изъ «Русской Правды», въ XI вѣкѣ изъ 25 кунъ, а въ XII изъ 50 кунъ или изъ 20 ногать, 50 рѣзанъ, 480 векшъ. Не трудно замѣтить, что названія нѣкоторыхъ подраздѣленій гривны носятъ на себѣ слѣды той эпохи, когда мѣха звѣрей были орудіемъ обмена: куна — кунца, векша — бѣлка. Итакъ, всѣ эти денежные знаки не имѣли чекана, а принимались по вѣсу. Это возможно лишь тогда, когда торговля ничтожна. При свѣтѣ всѣхъ этихъ данныхъ и соображеній для насъ становится понятенъ смыслъ тѣхъ извѣстій, которыя указываютъ, на первый взглядъ, на оживленныя торговыя сношенія между отдѣльными областями кievской Руси. Когда мы встрѣчаемъ, напр., въ «Русской Правдѣ» указаніе на «гостинець великій», т.е. большую торговую дорогу, или читаемъ въ «Патерикѣ», что св. Θεодо-

сій приѣхалъ въ Кіевъ изъ Курска съ купеческимъ обозомъ, и что печерскій монахъ Исакій былъ въ міру богатымъ торопецкимъ купцомъ, то мы должны все это понимать въ отношеніи, главнымъ образомъ, къ *внѣшней* торговлѣ: по большимъ торговымъ дорогамъ свозили товары въ прирѣчные города, чтобы отправить ихъ черезъ Кіевъ въ Византію или по залозному пути на Востокъ; изъ Курска везли въ Кіевъ продукты, предназначенные также для вывоза на внѣшніе рынки; торопецкіе богатые купцы обогащались тоже отъ иностранной торговли. Конечно, встрѣчались случаи, когда одна область торговала съ другою, но такая торговля обыкновенно возникала опять-таки въ связи съ потребностями внѣшняго обмѣна: напр., въ X вѣкѣ, въ Кіевѣ продавались, по словамъ Константина Багрянороднаго, жителями разныхъ областей лодки, но для чего предназначались эти лодки? для вывоза товаровъ въ Византію; по грамотѣ, данной новгородскимъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ церкви св. Ивана на Опокахъ въ 1135 году, въ Новгородъ привозился воскъ изъ Полоцка, Смоленска и съ верхней Волги; но вѣдь онъ былъ одною изъ важнѣйшихъ статей отпускной торговли. Едва ли не единственнымъ серьезнымъ исключеніемъ изъ всего сказаннаго является доставка приводжскими и поднѣпровскими областями хлѣба на продажу въ Новгородъ, который всегда испытывалъ потребность въ этомъ продуктѣ.

Предшествующее изложеніе освѣтило основной вопросъ, на который необходимо отвѣтить, чтобы понять хозяйственный бытъ изучаемой эпохи, — вопросъ объ относительномъ значеніи разныхъ

отраслей производства. Конечный выводъ будетъ, слѣдовательно, такой: въ кievской Руси съ VI по XII столѣтіе господствовала добывающая промышленность; въ сельскомъ хозяйствѣ, имѣвшемъ меньшее значеніе, преобладало скотоводство надъ земледѣльемъ, которое, особенно къ концу періода, принадлежало, однако, уже къ числу обычныхъ занятій населенія; обрабатывающая промышленность не играла важной роли; торговля была слаба; хозяйство было натуральнымъ, и только внѣшняя торговля имѣла нѣкоторое вліяніе на экономическое положеніе высшихъ слоевъ общества ¹⁾.

¹⁾ Въ заключеніи второй главы (на стр. 42—43) П. А. Рожковъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Рѣдкость населенія при обиліи даровъ природы вызвала преобладаніе въ народномъ хозяйствѣ кievской Руси добывающей промышленности и скотоводства при второстепенномъ значеніи земледѣлія и внѣшней торговли и съ нѣкоторой совершенно уже ничтожной примѣсью внутренней торговли и обрабатывающей промышленности; господство добывающей промышленности и скотоводства повело къ преобладанію вольнаго землепользованія, а примѣсь земледѣлія и внѣшней торговли ограничила вольное землепользованіе предѣлами верви и вызвала къ жизни основанное на идеѣ полной собственности землевладѣніе князей, бояръ и монастырей; вольное землепользованіе на ряду съ преобладаніемъ добывающей промышленности и скотоводства создало семейную форму предпріятій и экстенсивную систему хозяйства» и, въ свою очередь, «произвело и развило рѣзко выраженный процессъ колонизаціи, расселенія русскаго народа по восточно-европейской равнинѣ». Срв. выше на стр. 93, 397—398, также 303 и 304, гдѣ наблюдается иная точка зрѣнія по вопросу о колонизаціи восточно-европейской равнины. *Ред.*

XIV. КИЕВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА И ЕЯ ВЪЧЕ.

(*М. С. Грушевскій. «Очеркъ исторіи кievской земли отъ смерти
Ярослава до конца XIV столѣтія». Кіевъ. 1891).*

Политическій¹⁾ строй кievской земли, сообразно двумъ элементамъ его, можно назвать общинно-дружиннымъ или дружинно-вѣчевымъ: земская автономная, суверенная община, обнимающая собою всю землю, и единоличная власть, опирающаяся на дружину, составляютъ два элемента, два фактора, обусловливающіе этотъ строй. Первый изъ этихъ элементовъ — общинный, вступаетъ въ разсматриваемый періодъ въ состояніи ослабленія, атрофіи. Хотя подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій онъ затѣмъ возвращается къ политической дѣятельности, но не создаетъ для себя опредѣленныхъ, постоянныхъ функцій, а остается въ своей практикѣ, такъ сказать, органомъ экстраординарнымъ, текущее же управленіе вѣдаетъ элементъ дружинный, при чемъ эти два элемента иногда конкурируютъ и сталкиваются. Такое нѣсколько неопредѣленное положеніе общиннаго элемента подало поводъ нѣкоторымъ ученымъ

¹⁾ О политическомъ и общественномъ устройствѣ кievской Руси см. также стр. 106 и слѣд. въ книгѣ М. С. Грушевскаго *Очеркъ исторіи украинскаго народа*. Спб. 1906 г. Изд. второе.

игнорировать его: считая политическую дѣятельность общины за нѣчто ненормальное, революціонное, они признають строй кievской земли за строго монархическій ¹⁾. Несправедливость такого взгляда достаточно ясна при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣятельности обоихъ общественныхъ элементовъ и ихъ взаимнаго отношенія.

Начнемъ съ общиннаго, какъ старѣйшаго, исконнаго элемента; оговоримся только, что свѣдѣнія наши о немъ относятся ближайшимъ образомъ лишь къ землѣ полянъ — русской землѣ. Что элементъ этотъ жилъ и дѣйствовалъ въ разсматриваемый періодъ въ кievской землѣ, это утверждаетъ прежде всего классическое свидѣтельство Суздальской лѣтописи, которое относится ко второй половинѣ XII в. и гласить такъ: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть». Центръ тяжести этого извѣстія — въ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ; лѣтописецъ объясняетъ, почему Владимиръ, младшій городъ, отстываетъ отъ общей нормы и не подчиняется рѣшенію старшихъ городовъ; но онъ въ то же время утверждаетъ существованіе въ эту эпоху въ кievской землѣ вѣча, какъ органа всей земли, притомъ органа воли верховной, такъ какъ тутъ, очевидно, идетъ дѣло о вѣчѣ, собираемомъ населеніемъ по собственной инициативѣ, а не по указанію извѣ; однимъ словомъ, это извѣстіе указываетъ на существованіе въ кievской землѣ суверенной общины и

¹⁾ Срв. выше въ I отдѣлѣ на стр. 3 и 5. *Ред.*

не дѣлаеть въ этомъ отношеніи разницы между Киевомъ и такими политически-развитыми общинами, какъ Новгородъ и Полоцкъ. Это теоретическое утвержденіе сѣвернаго дѣтописца подтверждается конкретными фактами исторіи кievской земли; факты эти были уже болѣе или менѣе обследованы въ литературѣ¹⁾, теперь сведемъ ихъ, распредѣливъ по отдѣламъ, сообразно тѣмъ вопросамъ, которые обсуждались и рѣшались общиною.

На первомъ планѣ среди различныхъ функций вѣча стоитъ избраніе и призваніе князя, принятіе его или утвержденіе, и низложеніе. Къ этой категоріи относится первое проявленіе политической дѣятельности вѣча, когда въ 1068 г. недовольные Изяславомъ кiяне низложили его и посадили на кня-

¹⁾ Въ упомянутомъ выше *Обзорѣ русской исторіи* Н. А. Рожкова (Спб. 1903 г.) указано, что «основной причины не-совершенствъ въ государственномъ строѣ кievскаго періода надо искать въ экономической организаціи, — не въ какой-либо отдѣльной чертѣ послѣдней, а во всѣхъ почти ея сторонахъ» (стр. 96) и что «вѣче» не имѣло ни постоянного состава, ни упорядоченнаго способа рѣшенія дѣлъ, ни разъ навсегда установленнаго мѣста собранія, ни, наконецъ, опредѣленнаго вѣдомства; ясно, слѣдовательно, что *учрежденіе* не въ собственномъ смыслѣ этого слова вѣчевую сходку кievской Руси назвать нельзя ни въ какомъ случаѣ: это былъ лишь первоначальный зародышъ учрежденія». Отмѣчая, что вѣче участвовало «въ избраніи и изгнаніи князей» и приводя рядъ фактовъ, Н. А. Рожковъ говоритъ, что «этотъ рядъ фактовъ очень внушительнъ и, несомнѣнно, указываетъ на весьма важную роль вѣча въ замѣщеніи княжескихъ столовъ, но преувеличивать эту роль, во всякомъ случаѣ, не приходится: *нельзя сказать*, чтобы выборъ и изгнаніе князя принадлежали къ числу постоянныхъ и непререкаемыхъ функций вѣча, невозможно возводить въ принципъ это фактическое участіе вѣча въ распредѣленіи князей по городамъ

женіе («поставиша и средѣ двора кнѣзя») Всеслава¹⁾. Когда Всеславъ бѣжалъ, «люде створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду», призывая ихъ къ себѣ на столъ, но вслѣдствіе отказа ихъ были вынуждены принять назадъ Изяслава. Въ 1113 г. кіяне призывали къ себѣ на столъ Мономаха, и когда онъ не рѣшался принять предложеніе, настояли на своемъ. Въ 1132 г. они призывали на столъ Ярополка Владимировича («люде бо кыяне послаша по нь»). Въ 1146 г., по предложенію Всеволода Ольговича, признали своимъ княземъ («кнѣже! ради ся имемъ») Игоря Ольговича; по смерти Всеволода подтвердили свое согласіе («братъ твой князь и ты»), но затѣмъ, окончательно разочаровавшись въ Игорѣ, призывали на столъ Изяслава; послѣдняго встрѣтили на пути депутаціи отъ старшаго города и отъ пригородовъ съ заявленіемъ признанія («пойди ты, нашъ князь, а Ольговичѣвъ не хотимъ»). Въ 1150 г. Изяславъ, изгнанный Юріемъ, отправился обратно въ Кіевъ, «хотящимъ его кыяномъ»; между тѣмъ Вячеславъ сѣлъ на кіевскій столъ, но кіяне отреклись отъ него и признали своимъ княземъ Изяслава («Вячьславъ сѣдитъ ти въ

и областямъ». Вѣче, замѣчаетъ затѣмъ Н. А. Рожковъ (стр. 74—76), «несомнѣнно, принимало участіе въ дѣлахъ верховнаго управленія, но участіе это не было постояннымъ, систематическимъ, организованнымъ, вѣдомство вѣча отличалось чрезвычайной неопредѣленностью и неустойчивостью: въ сущности, вѣче дѣйствовало лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда положеніе казалось ему ненормальнымъ и требовало вмѣшательства». Ссылаясь на литературу, М. С. Грушевскій не могъ имѣть въ виду построеній Н. А. Рожкова, такъ какъ «Обзоръ» послѣдняго вышелъ въ свѣтъ двѣнадцатью годами позднѣе «Очерка» перваго. *Ред.*

¹⁾ Срв. выше на стр. 379, также стр. 36—37.

Киевъ, а мы его не хотимъ... ты нашъ князь»). Когда Изяславъ долженъ былъ снова ретироваться передъ нападеніемъ Юрія и Володимирка Ростиславича, «княне же убоявъшеся Володимера галичскаго, уведоша князя Дюргя въ Киевъ», но затѣмъ снова «мужи Вячеславлі, и берендѣи, и кяне» «повабиша Изяслава». Въ 1154 г. «посадиша в Киевѣ Ростислава кяне, рекуче ему: якоже и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киевъ твой». Послѣ пораженія Ростислава Изяславъ Давыдовичъ «посла кяномъ река: хощю к вамъ поѣхати... и послаша кяне епископа Демьяна Канѣвскаго, рекуче: поеди Киеву, ать не возмутъ насъ половци; ты еси нашъ князь, а поѣди»; потомъ Изяславъ, оправдываясь предъ Юріемъ, говорилъ: «ци самъ есмь ѣхалъ Киевѣ (взялъ Киевъ)? посадили мя кяне, а не створи ми пакости». Подъ 1157 г. въ новгородской первой лѣтописи читаемъ: «посадиша Изяслава Давыдовиця кяне на столѣ». Въ 1168 г. (1169 г.), по смерти Ростислава, къ Мстиславу Изяславичу были посланы отдѣльныя посольства съ призывомъ на столъ отъ князей, отъ кянъ и отъ черныхъ клобуковъ. Наконецъ въ 1202 г., когда Романъ пошелъ на Рюрика, «чернии клобуци вси совокупшеся ѣхаша к Роману, и что городовъ русскихъ и ис тѣхъ людье ѣхаша к Романови и отвориша ему кяне ворота Подольская».

Весьма важно, что правоспособность общины относительно призванія и утвержденія князей признавалась самими князьями; съ этой стороны любопытно предложеніе Всеволода Ольговича, чтобы вѣче признало своимъ княземъ его брата Игоря, и

вышеприведенное оправданіе Изяслава Давыдовича: «ци самъ есмь ѣхаль Киевѣ? посадили мя княне» ¹⁾. Во-вторыхъ, община «рядилась» съ княземъ, т.-е. предъявляла ему свои требованія и въ зависимости отъ исполненія ихъ ставила обладаніе столомъ. Намъ извѣстно, и то отчасти, содержаніе только двухъ «рядовъ», именно ряда князь съ Игоремъ Ольговичемъ: «а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ, и зъ братомъ (за братомъ) своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави» (или «аще кому до насъ будетъ дѣло какое, да сами насъ судите»), на что Святославъ отвѣчалъ: «язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья никоторого же»; послѣ присяги княне повторили, что признають Игоря княземъ, и цѣловали ему крестъ — послѣднее, очевидно, было обусловлено исполненіемъ требованій. Другой рядъ, уже упомянутый, — съ Ростиславомъ: «якоже и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киевъ твой», — опять исполненіемъ этого условія обуславливалось признаніе кня-

¹⁾ Существуетъ интересный вопросъ относительно того, призывался ли князь лишь на время или нѣтъ; В. И. Сергѣевичъ («Вѣче и Князь», стр. 71 и слѣд.) полагаетъ, что призваніе было временное, но на неопредѣленное время до сохраненія единенія народа и князя. Это предположеніе вполнѣ вѣроятно: оно имѣетъ за себя такія выраженія, какъ, напр., слова киевлянъ Ростиславу: «а до твоего живота Киевъ твой». Наоборотъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ думаетъ, что «избраніе новаго князя каждый разъ являлось какъ бы избраніемъ новой династїи, съ утвержденіемъ на будущее время наслѣдственнаго преемства стола, и признавалось какъ бы явленіемъ случайнымъ, вызваннымъ временною нуждою». («Обзоръ исторїи русскаго права», стр. 38—39).

земь. Кромѣ того, мы имѣемъ еще два случая заключенія рѣды, но безъ объясненія, въ чемъ они состояли, — одинъ подъ 1169, другой подъ 1172 г.; оба были заключены Мстиславомъ Изяславичемъ. Наконецъ, сюда же относится извѣстie, что по смерти Вячеслава дружина совѣтовала Ростиславу вернуться въ Кіевъ и «утвердиться» съ людьми: «да аче стрый придетъ на тя Дюрги, понѣ ты ся с людьми утвердилъ будеши, годно ти ся с нимъ умирити — умиришия, паки ли а рать зачнеши с нимъ». Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о новомъ рѣдѣ съ населеніемъ, котораго требовала перемѣна въ положеніи Ростислава. Нечего и говорить, что правоспособность населенія въ этомъ отношеніи признавалась князьями; заключая рѣдъ съ населеніемъ, князь тѣмъ самымъ признавалъ ее.

Въ-третьихъ, вѣче обсуждало и рѣшало разные текущіе государственные вопросы; такъ, въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька разсказывается, что Святополкъ послѣ поимки Василька созвалъ вѣче («болляръ и кыянь») и сообщилъ ему о намѣреніи Василька убить его и захватить Кіевъ; Святополкъ при этомъ, очевидно, желалъ, чтобы община высказала свое рѣшеніе, но вѣче уклонилось отъ опредѣленнаго заявленія, не желая связывать себя дѣломъ Святополка. Въ 1098 г., когда союзныя войска двинулись на Кіевъ, Святополкъ хотѣлъ бѣжать изъ Кіева, но кіяне не пустили его («не даша ему кыяне побѣгнути»), а отправили отъ себя пословъ къ Мономаху, убѣждая не погубить «русьскыя земли». Ходатайство общины было уважено, и союзники обѣщали окончить дѣло мирно. Весьма характерна въ этомъ разсказѣ подробность, что князья

вели переговоры съ общиною помимо ея князя, котораго община заслоняетъ при этомъ. Фактъ непосредственнаго сношенія князей съ общиною, но въ отсутствіе князя, упоминается и раньше — община сносилась съ Святославомъ и Всеволодомъ въ 1069 г., и князя «утѣшиста кыяне». Въ 1146 г. вѣче обсуждало злоупотребленія княжихъ чиновниковъ и рѣшило принести на нихъ жалобу князю Игорю и потребовать на будущее время гарантіи отъ подобныхъ злоупотребленій. Призвавъ къ себѣ на вѣче князя, оно заключило съ нимъ упомянутый выше ¹⁾ рядъ. Здѣсь кстати будетъ вспомнить также о намѣреніи (1096 г.) Мономаха и Святополка «рядъ учинить о русской земльѣ» съ Олегомъ Святославичемъ въ Кіевѣ, «предъ епископы, игумены и предъ мужи отецъ нашихъ, и передъ горожаны (людьми градскими)».

Въ частности община обсуждала вопросы о войнѣ, особенно если съ этимъ связывался вопросъ о созывѣ земскаго ополченія. Такъ, въ 1068 г. вѣче постановляетъ продолжать войну съ половцами и просить у князя коней и оружія. Въ 1093 году, во время похода на половцевъ, когда обсуждался вопросъ, переходить ли за Стугну или нѣтъ, «кыяне», т.-е. кievское ополченіе, рѣшили перейти, и это рѣшеніе было принято остальными. Въ 1147 г. Изяславъ Мстиславичъ созвалъ вѣче («бояры своя и всю дружину свою, кыяне») и, объявивъ ему свое намѣреніе итти на Юрія, предложилъ также снарядить ополченіе («а вы доспѣвайте»). Кыяне рѣшительно отказались («кыяже! ты ся на насъ не гнѣвай, не мо-

¹⁾ См. выше на стр. 438.

жемъ на Володимире племя руки възнати, она же Ольговичъ хотя и с дѣтми»). И Изяславъ вынужденъ былъ замѣнить народное ополченіе созывомъ охотниковъ¹⁾. Когда же походъ на Юрія неожиданно перешелъ въ походъ на Ольговичей, Изяславъ пригласилъ кіянь исполнить обѣщанное: «нынѣ же, братье кияне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, поидите по мнѣ к Чернигову на Ольговичъ, доспѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣеть конь, кто ли не имѣеть коня, а в лодьи», и созывъ народного ополченія состоялся. Въ 1149 г. Изяславъ опять предложилъ кіянямъ собрать земское ополченіе противъ Юрія, кіяне не соглашались, и только обѣщаніемъ, что походъ будетъ имѣть лишь характеръ демонстраціи, Изяславу удалось добиться желаемого. Онъ не исполнилъ, однако, своего обѣщанія,—кіяне вынуждены были сражаться за него и потерпѣли поражение. Вернувшись въ Кіевъ, Изяславъ освѣдомился, согласна ли община поддерживать его впредь; получивъ отказъ, онъ удалился изъ Кіева. Въ 1150 г., во время похода на Владимирка, кіяне, узнавъ о превосходныхъ силахъ послѣдняго, настаивали на отступленіи («поѣди, княже, прочь»); Изяславъ не соглашался, тогда «кіяне побѣгоша отъ него прочь, и оттолѣ чернии клобуци побѣгоша къ своимъ вежамъ». Въ 1151 г. вѣче, по видимому, по собственной инициативѣ постановило собрать поголовное ополченіе противъ Юрія («ать же пойдуть вси, како можетъ и хлудъ в руци взяти; пакы ли хто не поидеть, намъ же и дай, ать мы сами побьемъ»); ослушникамъ оно при этомъ грозило казнью.

¹⁾ Срв. выше на стр. 297—298.

Пересматривая эти известія летописи, нужно признать, что политическая дѣятельность вѣча не имѣетъ характера революціоннаго, нѣкоторыя дѣйствія его имѣютъ строго легальный характеръ, насколько можно прилагать подобные термины къ неопредѣленнымъ вообще отношеніямъ того времени; правоспособность вѣча признается самими князьями. На ряду съ такими дѣйствіями и тѣ, которыя не облечены въ легальную форму, имѣютъ по внѣшности даже характеръ революціонный (какъ, напр., изгнаніе Изяслава и посаженіе Всеслава въ 1068 г., призваніе Изяслава Мстиславича), должны быть признаны проявленіями того же права общины на государственную дѣятельность, которая сознавалась всегда общиною и признавалась князьями. Государственная дѣятельность общины не имѣетъ также характера чего-либо новаго, какой-нибудь узурпаціи княжескихъ правъ, со стороны князей она не встрѣчаетъ какой-нибудь принципиальной вражды или противодѣйствія (избіеніе кіевлянъ въ 1069 г. было, конечно, личною мстью князя за понесенныя непріятности и убытки, а перенесеніе торговища «възна торгъ на гору» было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы близость княжескаго двора сдерживала народъ въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ). Въ сказаніи объ ослѣпленіи Васильѣа князя (Святополкъ, Мономахъ) обращаются къ вѣчу, какъ нормальному институту, хотя послѣ вепышки 1069 г., притомъ такъ плачевно кончившейся, намъ ничего неизвѣстно о правительственной дѣятельности вѣча, и было бы чрезвычайно странно, если бы князья стали сами будить революціонную силу, такъ мимолетно проявившуюся и снова скрывшуюся. Оче-

видно, мы имѣемъ дѣло оъ элементомъ, не возникшимъ вновь, а существовавшимъ всегда, права котораго на государственную дѣятельность всегда молчаливо признавались князьями.

Функции вѣча, насколько извѣстны онѣ изъ лѣтописныхъ сводовъ, довольно широки: въ приведенныхъ извѣстіяхъ мы имѣемъ, кромѣ утвержденія и изложенія князей, нѣчто въ родѣ законодательной дѣятельности — заключеніе «рядовъ», въ весьма, конечно, примитивной формѣ, такъ какъ этихъ рядовъ нельзя сравнивать съ позднѣйшими новгородскими рядами; далѣе — рѣшеніе вопросовъ внѣшней политики, войны и мира, контроль надъ администраціей и судопроизводствомъ; наконецъ, вѣче вѣдаетъ земское ополченіе. Однако функции эти вовсе не отличаются опредѣленностью и постоянствомъ; возьмемъ самыя главныя — призваніе и утверженіе князей и рядъ съ ними: въ періодъ до монгольскаго нашествія мы имѣемъ около пятидесяти смѣнъ князей на кіевскомъ столѣ и около сорока до 1202 г., къ которому относится послѣднее извѣстіе о дѣятельности кіевской общины. За это время, по нашимъ источникамъ, община принимала участіе въ смѣнѣ князей около четырнадцати разъ; при этомъ кандидатъ получилъ столъ исключительно по иниціативѣ общины три или четыре раза ¹⁾; десять или одиннадцать разъ вѣче подтвердило права кандидата, получившаго столъ по завѣщанію или договору

¹⁾ Въ 1068, 1113, 1146, 1150 гг.; колебаніе въ цифрѣ зависитъ отъ того, причислять ли сюда вокняженіе Изяслава въ 1150 г., когда онъ былъ «повабленъ» на столъ кіевскимъ населеніемъ, или нѣтъ.

князей, или поддержало одного претендента въ борьбѣ противъ другого; только четыре раза вѣче заключило рядъ съ княземъ. Конечно, мы не можемъ положиться на полноту нашихъ извѣстій; на дѣлѣ, быть-можетъ, вѣче выступало и чаще, тѣмъ не менѣе, съ увѣренностью можно сказать, что случаи, гдѣ оно выступало, составляли все-таки меньшинство. Столъ получали князья на основаніи своихъ, принятыхъ въ ихъ сословіи, правъ — на основаніи старѣйшинства, по завѣщанію, договору, или добывали оружіемъ; княжескіе права, договоры ихъ, завѣщанія вѣче считало для себя необязательными. Тѣмъ не менѣе, оно часто предоставляло князьямъ получать столъ на основаніи этихъ правъ, или добывать силою и не принимало активнаго участія въ замѣщеніи его. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда община ничего не имѣла противъ кандидата или, по крайней мѣрѣ, не такъ много, чтобы выступить открыто противъ него и подвергаться непріятностямъ войны, когда она не имѣла подъ рукою иного, болѣе желательнаго кандидата, или не было у ней достаточно средствъ для борьбы. Если претендентъ или данный князь былъ уже слишкомъ немилъ, если подъ рукою былъ болѣе желательный кандидатъ, особенно если борьба не представляла большого риска, тогда только вѣче дѣятельно вмѣшивалось въ княжескія отношенія и вершило дѣло по-своему, не справляясь, кто кого старше, или кто кому обѣщаль столъ. Еще болѣе благоприятныхъ шансовъ требовалось для ряда; община заключить могла его только съ княземъ, который считалъ нужнымъ справляться съ желаніемъ населенія по внимательности своей къ его голосу, или потому, что, чувствуя не-

достатокъ въ силахъ, хотѣлъ заручиться поддержкою общины; съ своей стороны, община едва ли стала бы заключать рядъ, если бы вовсе не имѣла довѣрія къ князю, считала невозможнымъ устроить съ нимъ какой-нибудь *modus vivendi*; наконецъ, она не стала бы входить въ рядъ безъ особыхъ, чрезвычайныхъ поводовъ и съ княземъ, къ которому чувствовала полное довѣріе, на котораго вполне полагалась. Такимъ образомъ, на практикѣ рядъ былъ явленіемъ скорѣе экстраординарнымъ, чѣмъ обычнымъ, хотя, конечно, вполне легальнымъ.

То же можно сказать и объ остальныхъ проявленіяхъ народной воли. Община не имѣла своихъ спеціальныхъ, исключительно ей принадлежащихъ функцій, она была институтомъ контролирующимъ; текущая административная и государственная дѣятельность находилась въ вѣдѣніи князя; община вмѣшивалась въ нее въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность эта расходилась съ ея желаніями, или когда князь оказывался въ какомъ-либо отношеніи несостоятельнымъ. Вѣче служило какъ бы коррективомъ княжого управленія; община могла вмѣшиваться во всякую сферу вѣдѣнія князя, но удовлетворивъ себя тѣмъ или инымъ путемъ, она возвращала эту сферу первоначальному ея хозяину, не внося никакихъ существенныхъ измѣненій. Гарантіи порядка, желаемыхъ отношеній она искала не въ правовыхъ нормахъ, не въ обязательствахъ, а въ личности князя — пріобрѣсти князя, который жилъ бы душа въ душу съ общиною, осуществлялъ бы во всемъ ея желанія—вотъ панацея отъ всѣхъ неурядицъ; поэтому чаще всего практикуемое средство отъ всякихъ золъ—это замѣна одного князя другимъ. Если

же князя нельзя было переменить — оставалось покоряться и ожидать лучших обстоятельств. Такой образ действий, кроме недостатка политического развития, объясняется, с одной стороны, тѣмъ, что кияне были нѣсколько избалованы относительно князей - народолюбцевъ и впоследствии, вмѣсто длинной и трудной выработки правовыхъ гарантій, предпочитали обзавестись какъ -нибудь такимъ княземъ - народолюбцемъ; съ другой стороны, кievскій столъ дѣлался часто добычею сильныхъ князей, опиравшихся на военную силу, съ которыми общинѣ трудно было входить въ компромиссы или добиваться исполненія своихъ требованій.

По отношенію къ князю вѣче является въ приведенныхъ извѣстіяхъ источниковъ то какъ высшая инстанція, контролирующая его или устраняющая, то какъ равносильный общественный элементъ. Въ нашихъ извѣстіяхъ нѣтъ случая, чтобы князь пользовался вѣчемъ, какъ орудіемъ, созывалъ его для выслушанія своихъ распоряженій, или какъ свою думу. Князь не предлагаетъ ему своихъ плановъ, а доводитъ ихъ до свѣдѣнія общины, которая вольна отнестись къ нимъ такъ или иначе, принять свое рѣшеніе. Въ этомъ есть существенная разница между вѣчемъ и, на примѣръ, земскими соборами московскаго государства, съ которыми неудачно сравнивали его нѣкоторые изслѣдователи.

Пересмотримъ теперь извѣстія, относящіяся до устройства и порядка вѣча. Относительно участниковъ его мы имѣемъ только одно извѣстіе лѣтописи: кияне заявляли Изяславу, что готовы идти на Ольговичей «хотя и с дѣтми»; отсюда выводятъ, что рѣшающій голосъ на вѣчѣ принадлежалъ главамъ се-

мействъ¹⁾; собиравось же на вѣче все свободное населеніе «отъ мала и до велика»: «княномъ же всимъ съшедшимся отъ мала и до велика къ святѣй Софьи на дворъ, вѣставшемъ же имъ въ вѣчи...» (подъ 1146 г.). На участіе пригорожанъ въ вѣчѣ нѣтъ указаній, но, конечно, пригорожанинъ, случившійся въ городѣ, имѣлъ право также участвовать въ вѣчѣ. Впрочемъ, по смыслу приведеннаго выше²⁾ свидѣтельства Суздальской лѣтописи о городахъ и пригородахъ, участіе пригорожанъ въ вѣчѣ не было необходимо, даже въ теоріи, для того, чтобы вѣчевое постановленіе имѣло силу и для пригородовъ: «на что же старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть», безусловно³⁾. Представительство не допускалось, или точнѣе о немъ совѣмъ не имѣли понятія въ данномъ случаѣ: всякъ участвовалъ только самъ за себя. Созываетъ вѣче князь; въ единственномъ подробномъ описаніи, которое мы имѣемъ, Изяславъ поручаетъ въ свое отсутствіе созвать вѣче брату своему съ вѣдома митрополита и

¹⁾ Такъ думаютъ В. Сергѣевичъ («Вѣче и Князь», стр. 43), Бестужевъ-Рюминъ («Русская ист.», I, стр. 206—7), М. С. Грушевскій (стр. 311); Соловьевъ, хотя не сомнѣвается въ томъ, что «на вѣчахъ отцы семействъ рѣшали за сыновей, и даже старшіе братья за младшихъ, дядья за племянниковъ», считаетъ, однако, выраженіе лѣтописи фигуральнымъ и потому не придаетъ ему значенія («Исторія Россіи», по изд. товарищ. «Общественная Польза», книга I, стр. 694). Срв. выше на 297—298, 316—318 стр. нашего «сборника».

²⁾ См. выше на стр. 47, 235, 241 и 434.

³⁾ М. Владимірскій-Будановъ («Обзоръ исторіи рус. права», стр. 60) справедливо выражается такъ: «участіе пригорожанъ на вѣчѣ старшаго города возможно, но лишь случайно и не необходимо».

тысяцкаго ¹⁾). Но вѣче можетъ собираться и по собственной инициативѣ, и тогда, вѣроятно, оно собиралось само собою, безъ участія какихъ-либо официальныхъ посредниковъ. Въ одномъ случаѣ сказано, что вѣче было созвано звукомъ трубъ; созывалось оно, вѣроятно, и колокольнымъ звономъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Мѣстами вѣча являются: площадь у св. Софьи, Ярославль дворъ, Угорское (подъ Киевомъ) торговище и площадь у Туровой божницы; въ первыхъ трехъ — у св. Софьи и на княжескихъ дворахъ — собиралось вѣче по зову князя, въ послѣднихъ — на Подольѣ — по собственной инициативѣ; такъ, вѣроятно, оно было и въ другихъ случаяхъ. Любопытно извѣстiе 1146 г.: будучи созвано на Ярославль дворъ, вѣче безпрекословно присягнуло Игорю, но собравшись снова у Туровой божницы, оно рѣшило предъявить свои требованiя и призвало князя къ себѣ сюда; очевидно, на Подольѣ оно чувствовало себя болѣе свободнымъ, чѣмъ на княжескомъ дворѣ; въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоялъ и переводъ торговища съ Подолья «на гору» Изяславомъ Ярославичемъ: конечно, этимъ путемъ Изяславъ думалъ оказывать влiянiе на народныя собранiя ²⁾). Относительно вѣча у св. Софьи

¹⁾ См. Лаврентьев. сводъ подъ 1147 г., по изд. Спб. 1872, стр. 299 — 300: «Изяславъ же... передъ собою посла к брату Киеву к Володимеру и к Лазареви к тысячскому два мужа, Добрыню и Радила, рекъ: брате! ѣди к митрополиту и съзови кыяны все, ать молвита си мужа леть черниговскихъ князей. И ѣха Володимеръ к митрополиту, повабя (и созове) кыяны, и придоша кыянь много множество народа, и сѣдоша у святое Софьи слышати».

²⁾ См. выше на стр. 442.

въ одной лѣтописной версиі стоитъ: «сѣдоша у святое Софьи»; у Туровой божницы вѣчники совѣщались, сидя на коняхъ. Говорить на вѣчѣ могъ, повидимому, всякій. Терминомъ для вѣча служили: «сотворити вѣче», «совѣтъ сотворити», «совѣтъ со-вѣщати», «сдумати». Рѣшеніе принималось, вѣроятно, громаднымъ большинствомъ; вѣче признавало свое рѣшеніе обязательнымъ и для отдѣльныхъ несогласныхъ и считало себя въ правѣ принуждать силою къ исполненію его ¹⁾).

1) Въ новѣйшемъ изслѣдованіи А. Е. Прѣснякова *Княжеское право* роли вѣча въ кievской Руси придается весьма мало значенія, напротивъ, рѣзче подчеркивается роль князя. Авторъ замѣчаетъ, что «отсутствіе указаній на вѣчевую дѣятельность въ древнѣйшія времена стоятъ рядомъ съ преданіями, въ которыхъ ярко выступаетъ организующая и завоевательная дѣятельность князей; чтеніе древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, безъ всякой предвзятой мысли, не даетъ представленія о томъ, что князья-пришельцы нашли готовый и сложный строй городскихъ областей и народныхъ войскъ, а побуждаетъ признать, что они создавали условія своей дѣятельности на болѣе примитивной почвѣ» (стр. 192). Изучая группу явленій, объединенныхъ терминомъ *общественное положеніе князя*, А. Е. Прѣсняковъ вскрываетъ въ нихъ «историческіе корни той личной и независимой отъ вѣча силы князя, которая въ дальнѣйшемъ развитіи, съ паденіемъ вѣчевого строя, привела къ организаціи всѣхъ соціально-политическихъ отношеній на началахъ службы и повинностей, и на личной власти князя надъ всѣми элементами его вотчины-княженія», при чемъ авторъ останавливается далѣе на двухъ явленіяхъ, тѣсно связанныхъ съ разрастаніемъ началъ княжого права, приведшихъ къ смѣнѣ вѣчевого строя древняго государства-волости строемъ *удѣльно-вотчиннымъ*. Явленія эти—церковное и боярское землевладѣніе. Ред.

ХУ. КНЯЗЬ И ДРУЖИНА.

А. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ.

І.

(В. И. Сергѣевичъ. «Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права». Спб. 1883 г., или «Лекціи по исторіи русскаго права». Спб. 1890 г.).

Во всѣхъ русскихъ волостяхъ замѣтна потребность въ единомъ представителѣ власти. Такимъ представителемъ власти является князь. Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что слово князь не русскаго происхожденія, а заимствовано нами у скандинавовъ.

И. И. Срезневскій въ сочиненіи «Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій» (стр. 131—135) раскрываетъ это заблужденіе. Слово князь чисто-славянское и встрѣчается въ различныхъ значеніяхъ. Князь означаетъ господина, владѣтеля, старосту, священника и пр., и теперь еще въ народѣ новобрачныхъ называютъ князь и княгиня. Древнѣйшее значеніе князя — родичъ, отъ слова родъ, происходящій отъ рода и начальникъ рода ¹⁾. Въ вопросѣ о правахъ князя наши изслѣ-

¹⁾ Срв. выше на стр. 40 — 41, 48. Норманскіе вожди въ скандинавскихъ сагахъ называются *конунгами* или *сиккигами*. Оба эти термина, по мнѣнію другихъ, перешли въ нашъ языкъ, получивъ славяно-русскія формы *князя* и *витязя*. См. также въ «Русской исторіи» К. Н. Бестужева-Рюмина I, 45.

дователи также расходятся. Нѣкоторые изъ нихъ переносятъ современные представленія въ старыя времена и говорятъ, что наши князья съ самыхъ первыхъ временъ являются неограниченными государями. Такого мнѣнія держится, напримѣръ, Соловьевъ и др. Въ подтвержденіе ссылаются на выраженія источниковъ, въ которыхъ встрѣчается такое мѣсто: «и бысть (такой-то князь) самовластець русьскѣй земли». Но многія выраженія древнихъ источниковъ нельзя понять, не разобравъ, при какихъ обстоятельствахъ они были употреблены. Это выраженіе встрѣчается два раза, а именно: одинъ разъ лѣтописный сводъ употребляетъ его относительно Ярослава Мудраго, а другой разъ—относительно Андрея Боголюбскаго. Дѣло въ томъ, что слово «самовластець» было употреблено лѣтописцами не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется теперь «самодержецъ». Въ первый разъ самовластцемъ былъ названъ Ярославъ Мудрый, сынъ Владимира, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ первые годы своей жизни Ярославъ не одинъ княжилъ въ русской землѣ, а вмѣстѣ съ братомъ своимъ Мстиславомъ. Мстиславъ прежде былъ въ Тмутаракани, но ему не нравилась эта волость и потому, во время отсутствія Ярослава изъ Кіева (онъ ѣздилъ въ Новгородъ), Мстиславъ подступилъ къ Кіеву и потребовалъ, чтобы кіевляне признали его княземъ. Кіевляне, однако, отказались его принять, и Мстиславъ, не захотѣвши брать Кіевъ силою, отправился въ Черниговъ, гдѣ его охотно приняли, «отворили ворота» и посадили на столъ: «Ярославу сущю Новгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тьмутараканя Къеву, и не прияша его кыяне; онъ же шедъ, сѣде на

столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новгородѣ тогда (1024 г.). Такимъ образомъ, Мстиславъ сдѣлался черниговскимъ княземъ и весьма близкимъ сосѣдомъ Ярослава. Узнавши объ этомъ по возвращеніи своемъ изъ Новгорода, Ярославъ вступилъ въ борьбу съ Мстиславомъ, которая кончилась въ пользу послѣдняго. Но Мстиславъ не захотѣлъ вполне воспользоваться своею побѣдою и оставилъ Ярославу Кіевъ. Такимъ образомъ, Ярославъ сидѣлъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ—въ Черниговѣ: «и раздѣлиста по Днѣпру русьскую землю: Ярославъ прія сю сторону, а Мстиславъ ону» (1026 г.). Мстиславъ умираетъ, и его Черниговская волость переходитъ въ руки того же Ярослава. Вотъ передавая это-то извѣстіе, лѣтописецъ (подъ 1036 г.) и говоритъ: «посемъ же перя власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець русьстѣй земли». Такимъ образомъ, лѣтописецъ употребляетъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что Ярославъ остался одинъ княземъ въ Приднѣпровьи. «Самовластець» характеризуетъ здѣсь власть князя по отношенію къ власти другихъ князей, а не по отношенію къ правамъ народа.

Совершенно въ такомъ же смыслѣ употреблено слово самовластець и въ рассказѣ объ Андрѣѣ Боголюбскомъ. Юрій, умирая, не хотѣлъ, чтобы старшій его сынъ, Андрей, былъ его преемникомъ, и потому просилъ горожанъ, чтобы они признали своими князьями младшихъ его сыновей. Ростовцы и суздальцы обѣщали это сдѣлать, но по смерти Юрія отступили отъ даннаго обѣщанія и признали княземъ старшаго сына его, Андрея. Описывая это событіе подъ 1162 г., лѣтописецъ говоритъ, что «выгна Андрѣй епископа Леона исъ Суздаля, и братью

свою погна Мьстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передни: се же створи хотя самовластець быти всѣй суждальской земли» (Ипат., стр. 356). Въ этомъ мѣстѣ слово «самовластець» употреблено въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно было употреблено по отношенію къ Ярославу. Андрея избирають княземъ, и онъ изгоняетъ своихъ противниковъ, братьевъ и племянниковъ, епископа и мужей отца своего, которые, по всей вѣроятности, раздѣляли мнѣніе Юрія и не любили Андрея; изгоняетъ ихъ для того, чтобы обезпечить свое положеніе. Онъ, естественно, опасался, чтобы его братья и племянники не надѣлали ему хлопотъ, не прогнали его изъ Суздаля, а потому и предупредилъ ихъ. Въ этомъ смыслѣ лѣтописецъ и говоритъ, что это сдѣлалъ Андрей «хотя самовластець быти», т.-е. желая остаться одинъ ¹⁾ въ Ростовѣ и Суздальѣ, а вовсе не въ смыслѣ измѣненія характера его власти по отношенію къ народу. И дѣйствительно, послѣ этого изгнанія свойства власти Андрея нисколько не измѣнились; онъ совѣщался съ народомъ, какъ и прежде.

Въ доказательство той мысли, что князья наши пользовались неограниченною властью, приводятъ еще и другое выраженіе источниковъ, а именно ссылаются на то, что иногда въ источникахъ говорится, что князь сѣлъ въ такомъ-то городѣ *на всей его волю*;

¹⁾ Срв. въ Начальномъ лѣтописномъ сводѣ подъ 977 г.: «Слышавъ же се Володимѣръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольгу, убоявся бѣжа за море; а Ярополкъ (Святославичъ) посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣть единъ в Руси».

такъ, напримѣръ, новгородцы приняли Ярослава «на всей его волѣ», отсюда выводятъ, что народъ принялъ князя какъ абсолютнаго, неограниченнаго государя. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ источниковъ видно, что князья принимаются не только на всей ихъ волѣ, но и на всей волѣ народа. Князь Игорь, братъ Всеволода, изъ рода черниговскихъ князей, былъ принятъ въ Кіевѣ «на всей волѣ кіевлянъ», какъ говоритъ лѣтопись. Неужели послѣднее выраженіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что кіевлянамъ принадлежитъ неограниченная власть, между тѣмъ какъ князь не имѣетъ никакого значенія? Понятно, что нѣтъ.

Изъ предшествующаго должно быть ясно, что не только князь, но и всякій простой человѣкъ, всякій «людинъ» имѣлъ свою волю, и что въ древности нельзя себѣ представить свободнаго человѣка безъ воли,—всякій имѣлъ волю и, на сколько было возможно, осуществлялъ ее. При такомъ порядкѣ вещей нельзя допустить, чтобы князь не имѣлъ своей воли. Слѣдовательно, указанное выраженіе имѣетъ совершенно другой смыслъ. Принять князя «на всей его волѣ» значитъ принять князя на всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыя онъ предложилъ; съ другой стороны, сѣсть «на всей волѣ горожанъ» значитъ сдѣлаться княземъ, принявши безъ измѣненія условія, предложенныя городомъ.

Все социальное положеніе, всѣ условія тогдашняго времени рѣшительно не благоприятствовали образованію абсолютной власти. Пока весь народъ былъ вооруженъ, пока войско не специализировалось и не поступило въ завѣдываніе князя, не могла образоваться абсолютная власть. Народъ составлялъ глав-

ную силу князей, которые поэтому необходимо должны были вступать съ нимъ въ соглашеніе.

Вышняя обстановка жизни древнѣйшихъ князей мало чѣмъ отличалась отъ обстановки окружавшихъ князя людей. Мы имѣемъ любопытное свидѣтельство о Святославѣ, записанное греками. Святославъ велъ войну съ греками и первоначально удачно, но потомъ потерпѣлъ пораженіе и вынужденъ былъ заключить невыгодный миръ. По заключеніи этого мира онъ имѣлъ свиданіе съ Іоанномъ Цимисхіемъ. Вотъ какъ оно описывается: «Они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій явился на конѣ, покрытый своимъ позлащеннымъ вооруженіемъ, а за нимъ слѣдовалъ отрядъ всадниковъ въ блестящихъ доспѣхахъ; Святославъ же прѣхалъ въ ладѣ, въ простой бѣлой одеждѣ и самъ гребъ весломъ, наравнѣ съ другими гребцами. Греки съ удивленіемъ смотрѣли на русскаго князя. Онъ былъ средняго роста и строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую, шею плотную, голубые глаза, брови густыя, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клокъ волосъ въ знакъ его благородства, въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами съ рубиномъ. Императоръ сошелъ съ коня. Святославъ не выходилъ изъ ладьи; онъ черезъ переводчика переговаривалъ съ Цимисхіемъ и затѣмъ отѣхалъ». Въ этомъ свидѣствѣ любопытно, что Святославъ гребъ наравнѣ съ своими спутниками и даже одеждою не отличался отъ нихъ. Вся обстановка жизни Святослава указываетъ на быть, близкій къ быту народа. Вотъ что говорится объ этомъ князѣ въ лѣтописи: «Походы свои онъ совершалъ налегкѣ, ходилъ быстро, подобно барсу;

онъ не имѣлъ ни становъ, ни обозовъ; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей и самъ жарилъ его на угляхъ, презиралъ холодъ и ненастье, не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба; войлокъ подседельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло—изголовьемъ»¹⁾. Это не одинъ примѣръ, на который можно сослаться. То же самое видно и изъ «Поученія» Владимира Мономаха, оставленнаго имъ своимъ дѣтямъ. Относительно домашней жизни Владимиръ Мономахъ говоритъ: «В дому своемъ не лѣнитесь, во все видите; не зрите на тивуна, и на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему» (Лаврент., стр. 237). Князья, значить, входили во всѣ мелочи домашняго хозяйства. Относительно путешествій князей по своей волости для сбора дани и т. п. Владимиръ говоритъ: «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ». Въ поученіи описывается день князя: «Лѣнность бо всему мати: еже умѣть, то забудеть, а егоже не умѣть, а тому ся не учить; добръ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое, говоритъ Владимиръ, к церкви, да не застанеть васъ солнце на

¹⁾ «Князю Святославу възрастшю и възмужавшю, нача вси совокупляти многи и храбры, (и бѣ бо самъ храборъ) и легко ходя, аки пардусъ, (и) войны многи творяше; ходя, возъ по собѣ не возяше, ни котля, ни мясъ варя, но потюку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину (градину) на углехъ испекъ, ядыше, ни шатра имяше, но подкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочии вси его вси бяху; и посылаше къ странамъ, глаголи: «хочю на вы яти»—подъ 964 г.

постели; тако бо отець мой дѣяшесть блаженный и вси добрии мужи свершени, заутренюю отдавше Богу хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и урѣвше солнце, и прославити Бога с радостью». Затѣмъ, говоритъ онъ, садитесь «думати с дружиною, или люди оправливати» (т.-е. производить судъ). Послѣ этого можно отдохнуть «спанье есть отъ Бога присужено полудне, о тѣ чина бо почиваетъ, и звѣрь, и птици, и человекъ». Далѣе Владимиръ Мономахъ говоритъ о княжеской охотѣ: «Если у васъ нѣтъ дѣль, то поѣзжайте на ловы». Охота была однимъ изъ любимѣйшихъ занятій князей. О своей охотѣ Владимиръ Мономахъ передаетъ, что онъ «тружахъся ловы дѣя, .. со отцемъ ловилъ есмь всякъ звѣрь, .. конь дикихъ своимъ руками связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь...». «Тура мя два, — продолжалъ онъ, — метала на розѣхъ и с конемъ, олень мя одинъ боль (бодалъ), а два лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома боль, вепрь ми ѣа бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже..., и с коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, не щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя; на посадники не зря, ні на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и в дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держалъ, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ ж о ястребѣхъ. То же и худаго смерда и убогѣ вдовицѣ не далъ есмь силъ».

нымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призираль». Домашній обиходъ князя еще не имѣлъ царской обстановки.

Въ какомъ же отношеніи находились эти два элемента власти: князь и народъ? Во взаимныхъ отношеніяхъ князя и вѣча проявляется то же общее начало, которое мы наблюдаемъ какъ во взаимныхъ отношеніяхъ составныхъ частей одного и того же вѣча, такъ и разныхъ пунктовъ поселенія одной и той же волости, городовъ и пригородовъ: между княземъ и вѣчемъ должно быть единеніе, одиначество.

По отношенію къ этому началу единенія, или соглашенія народа и князя, необходимо различать два момента: моментъ призванія князя и его послѣдующую дѣятельность. Въ моментъ призванія народъ и князь заключаютъ между собою рядъ, т. е. соглашеніе объ условіяхъ, которыя кладутся въ основаніе будущему княженію. Въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ такихъ соглашеній. Самые могущественные князья нуждались въ нихъ. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что степень могущества князя была въ прямомъ отношеніи съ количествомъ «людей», стоявшихъ на его сторонѣ, бывшихъ съ нимъ въ одиначествѣ, соглашавшихся съ его мнѣніями. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ соглашеній народа и князя.

Князь Владимиръ рѣшается на принятіе христіанства не иначе, какъ испросивши совѣта бояръ сво-

ихъ и старцевъ градскихъ и получивъ согласіе всѣхъ людей. Лѣтописный сводъ (подъ 987 г.) такъ рассказываетъ объ этомъ: «Созва Володимеръ бояры своя и старци градскіи, и рече имъ: «се приходиша ко мнѣ болгаре, рѣкуще: прими законъ нашъ; посемъ же приходиша нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша жидове. Се же послѣ же придоша грѣци, хуляще вси законы, свой же хваляще...» и т. д. Отчетъ свой о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ лицами разныхъ исповѣданій князь Владимиръ заключаетъ такимъ обращеніемъ къ боярамъ и старцамъ: «Да что ума придасте? что отвѣщаете?»—«И рѣша,— продолжаетъ лѣтописный сводъ,— бояре и старци: «вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хоцещи испытати гораздо, то имаша у себе мужи: пославъ, испытай кождо ихъ службу, и кто како служить Богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ». Послы, отправленные согласно этому рѣшенію, дали предпочтеніе греческому исповѣданію, которое и было принято. Та свѣтлая память, которую народныя былины сохранили отдаленнѣйшему потомству о ласковомъ князѣ Владимирѣ, и похвалы, расточаемыя ему лѣтописцемъ, должны быть объясняемы именно тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ этотъ князь относился къ народной волѣ, и его желаніемъ дѣйствовать согласно съ ней. Извѣстно, какой любовью пользовались у киевлянъ правнукъ Владимира I, Владимиръ Мономахъ, и его родъ; объясненіе этой привязанности надо опять искать въ томъ единеніи съ народомъ, которымъ отличались помянутые князья ¹⁾.

¹⁾ Срв. выше на стр. 445—446.

О сознаниі необходимости такого единенія самимъ Владимироу Мономахомъ мы находимъ указанія подъ 1096 годомъ. Желая положить конецъ распрѣ съ Олегомъ черниговскимъ и условиться объ оборонѣ русской земли отъ половцевъ, Владимиръ Мономахъ и Святополкъ Изяславичъ посылають къ Олегу такое приглашеніе: «Понди Киеву, да порядъ положимъ о русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили русьскую землю отъ поганыхъ». Такимъ образомъ, горожане вмѣстѣ съ духовенствомъ призываются къ участию въ рядѣ князей. Князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ необходимо было взаимное соглашеніе.

Для примѣненія этого начала взаимныхъ соглашеній къ ежедневно возникающимъ вопросамъ общественной жизни была необходима значительная доля уступчивости какъ со стороны князя, такъ и со стороны вѣча, умѣренность въ проведеніи собственной воли, готовность отказаться отъ разъ предположенной цѣли, какъ скоро достиженіе ея было невозможно безъ нарушенія существующаго единенія.

Лѣтописи сохранили намъ нѣсколько примѣровъ этой уступчивости. Такъ, про Ярополка Святославича лѣтописецъ рассказываетъ, что онъ любилъ христіанъ, но самъ не крестился «народа ради». Въ 1015 г. Ярославъ обманомъ перебилъ многихъ изъ нарочитыхъ мужей новгородскихъ въ отмщеніе за то, что они участвовали въ осужденіи и казни находившихся у него въ услуженіи варяговъ. Не прошло и дня послѣ этого избіенія, какъ ему понадо-

билась помощь тѣхъ же новгородцевъ для войны со Святополкомъ кievскимъ. Ярославъ созвалъ вѣче, со слезами на глазахъ высказалъ раскаяніе въ своемъ недавнемъ поступкѣ и просилъ новгородцевъ пойти съ нимъ къ Кіеву. На эту рѣчь князя вѣче отвѣчало такъ: «Аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». Такимъ образомъ, новгородцы оказываютъ поддержку Ярославу, несмотря на то, что имѣли противъ него важную причину неудовольствія. Въ 1097 г. владимирскій князь Давыдъ Игоревичъ очень не хотѣлъ выдавать своихъ помощниковъ въ ослѣпленіи Василька, Турыка, Лазаря и Василя, но уступилъ волѣ владимирскаго вѣча, когда оно поставило въ зависимость отъ этой выдачи свое рѣшеніе защищать Давыда отъ угрожавшихъ ему князей. Въ 1102 г. Владимиръ Мономахъ и Святополкъ договорились вывести изъ Новгорода Мстислава Владимировича и посадить тамъ сына Святополка. Новгородцы не согласились на эту смѣну, и князья уступили имъ. Подобно этому, Изяславъ Мстиславичъ, не получивъ поддержки кievскаго вѣча въ войнѣ съ Юріемъ въ 1147 г., отправляется на помощь къ черниговскимъ князьямъ съ одними только охотниками. Въ 1216 г. Юрій Всеволодовичъ, прибѣжавъ во Владимиръ послѣ несчастной для него липецкой битвы, созываетъ вѣче и предлагаетъ, затвориться въ городѣ. Владимирцы, понесшіе большія потери на Липецкомъ полѣ, не находятъ возможнымъ новое сопротивленіе. Князь уступаетъ имъ и проситъ только, чтобы они не выдали его противникамъ, а дали ему самому выйти изъ города. На это владимирцы согласились. Въ 1266 г. Ярославъ, переяславскій и новгородскій князь, прибылъ въ Новгородъ

съ литовскими полками для того, чтобы идти войною на Псковъ, который только что призналъ своимъ княземъ Довмонта литовскаго. Новгородцы не согласились на этотъ походъ, князь уступилъ и отослалъ назадъ свои полки.

При возможномъ столкновеніи вѣча и князя, послѣдній не всегда являлся совершенно одинокимъ: на его сторонѣ могла быть болѣе или менѣе значительная часть вѣча, составлявшая его партію. При слабости собственныхъ силъ князя, столь характеристической для древнѣйшаго періода нашей исторіи, эта возможность опереться на одну изъ вѣчевыхъ партій составляетъ для князя главнѣйшее условіе успѣха. Исходъ борьбы, смотря по отношенію силъ, выпадалъ или въ пользу князя и его партіи, или въ пользу ихъ противниковъ. Но иногда къ военнымъ приготовленіямъ приступали только, какъ къ средству устрашить противника и узнать, есть ли у него рѣшительное желаніе отстаивать свое мнѣніе съ оружіемъ въ рукахъ. Если такое желаніе дѣйствительно оказывалось, сторона, возбудившая рознь, нерѣдко обращалась къ мирнымъ средствамъ и вступала въ новое единеніе. Чрезвычайно любопытный примѣръ этому находимъ подъ 1220 г. Князь Всеволодъ былъ недоволенъ новгородскимъ посадникомъ Твердиславомъ и хотѣлъ смѣнить его, хотя за нимъ и не было никакой вины. По этому вопросу новгородцы раздѣлились: одни стали на сторонѣ князя, другіе — посадника. Такъ какъ никто не хотѣлъ уступить, то противники съѣхались на Ярославовомъ дворѣ, вооруженные какъ на рать, и выстроились другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ. «Князь же, — продолжаетъ лѣтописецъ, — узрѣвъ рядъ ихъ (сто-

ронниковъ Твердислава), оже хотягь крѣпко животь свой отдати, и не поѣха, нѣ присла владыку Митрофана съ всѣми добрыми повѣстьми; и съвѣде и владыка въ любовь, и крестъ цѣлова и князь и Твердиславъ, Богомъ и св. Софією крестъ възвеличягь бысть, а дьяволъ поправъ, а братья вся въкупѣ быша. (Новгород. I, стр. 38). Въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ князя было не мало новгородцевъ, но посадника поддерживали два конца, а потому исходъ вооруженной борьбы могъ быть весьма сомнителенъ, что и заставило князя прекратить миромъ только что возникшую рознь. Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой.

Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча, противной князю, послѣдній лишался стола. Такъ, напр., когда Изяславъ не согласился съ рѣшеніемъ кievскаго вѣча, высказавшагося въ пользу продолженія войны съ половцами, кievляне освободили изъ заключенія полоцкаго князя Всеслава и посадили ¹⁾ его на столѣ; Изяславъ же принужденъ былъ бѣжать. Въ 1136 году новгородцы, недовольные управленіемъ Всеволода, показываютъ ему путь; то же самое дѣлають они съ Ростиславичами въ 1154 г. и съ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ 1270 г. Въ 1175 г. смольняне изгоняють Ярополка; въ 1176 г. владимирцы и переяславцы — Мстислава и Ярополка Ростиславичей и проч.

Изгнаніе, впрочемъ, не всегда было послѣднимъ актомъ враждебнаго столкновенія князя съ вѣчемъ.

¹⁾ Срв. выше на стр. 379.

Изгнанные князья нерѣдко находили поддержку въ другихъ волостяхъ и съ ихъ помощью мстили свои обиды. Эта новая, на этотъ разъ внѣшняя, война приводитъ опять къ новымъ комбинаціямъ, смотря по отношенію силъ.

Личность князя, обыкновенно, оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь между нимъ и вѣчемъ. Самыя крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ временному заключенію. Но это дѣлалось въ видахъ безопасности, до пріѣзда новаго князя или до управы съ другими князьями, поддерживавшими сторону изгоняемаго; если бы князю была предоставлена свобода до окончательнаго установленія новаго наряда, это могло бы повести къ усиленію его партіи.

Нельзя сказать того же объ имуществѣ князя и личности его ближайшихъ приверженцевъ и слугъ. Имущество изгоняемаго князя подвергалось иногда грабежу. Такъ поступили, напр., кіевляне въ 1068 г. съ имуществомъ князя Изяслава: «дворъ жъ княжь разграбиша, бесчисленное множество золота и серебра, кунами и бѣлью». Въ 1158 г. тѣ же кіевляне, въ отмщеніе князю Юрію, съ которымъ они никогда не умѣли ужиться, грабятъ по его смерти дворъ его и избиваютъ приведенныхъ имъ съ собою суздальцевъ.

Изгнаніе было весьма обыкновеннымъ исходомъ борьбы, кончавшейся не въ пользу князя, но не необходимымъ. Потерпѣвъ пораженіе, князь могъ войти въ новое единеніе съ вѣчемъ. Образчикъ этому находимъ подъ 1173 г. Извѣстны смуты, которыя про-

исходили въ Галичѣ по поводу особаго покровительства, оказываемаго княземъ Ярославомъ «Настаськѣ» и «Чарговой чади». Несправедливость князя къ своей женѣ и сыну привела къ разрыву съ народомъ и совершенному торжеству послѣдняго: князь былъ взятъ, Чаргова чадь избита, Настаська сожжена, сынъ ея сосланъ въ заточеніе. Но народъ не пошелъ далѣе того, что было нужно для устраненія причины зла, и снова уладился, по выраженію лѣтописца, съ княземъ Ярославомъ. Новаго единенія съ народомъ хотѣлъ достигнуть и новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, когда противной ему партіи удалось получить перевѣсъ на вѣчѣ и «исписать на грамоту всю вину его». Въ отвѣтъ на требованіе вѣча выѣхать изъ Новгорода, онъ шлетъ къ нему пословъ съ поклономъ и такими рѣчами: «Того всего лишуся (т. е. того, что взялъ несправедливо), а крестъ цѣлую на всей воли вашей». Новгородцы не согласились, и князь принужденъ былъ выѣхать. Эта готовность князей покончить новымъ единеніемъ раздѣлившее ихъ съ народомъ несогласіе, объясняетъ не рѣдкій въ нашей древней исторіи фактъ вторичнаго призванія разъ уже изгнаннаго князя.

Какъ князья не оставались одинокими въ своей борьбѣ съ вѣчемъ и нерѣдко находили опору въ одной изъ партій, на которыя раздѣлялся народъ, такъ точно и вѣче въ борьбѣ съ княземъ нерѣдко находило помощь въ другихъ князьяхъ. Въ 1068 г. кіевляне, оставленные своимъ княземъ Всеславомъ, при вѣсти о приближеніи только что изгнаннаго изъ Кіева Изяслава Ярославича съ польскою помощью составляютъ вѣче и шлютъ приглашеніе къ братьямъ

изгнаннаго, Святославу и Всеволоду ¹⁾). Эти князья, отказываясь от предложеннаго имъ стола, дають такое обѣщаніе кievлянамъ: «Вѣ послевѣ к брату своему: аще поидеть на вы с ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хочеть с миромъ, то в малѣ придеть дружинѣ!» Вѣ надеждѣ на эту помощь кievляне успокоились («и утѣшиста кыяне», Лавр., стр. 169) и приняли Изяслава. Вѣ 1148 г. Изяславъ Мстиславичъ, приидя вѣ Новгородѣ, созываетъ вѣче и держитъ такую рѣчь: «Се братье, сынъ мой и вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидитъ стрый мой, Гюрги, на нь есмь пришелъ сѣмо, оставя рускую землю, васъ дѣля и вашихъ дѣля обидѣ. А гадайте на нь, братье, како на нь поити, а любо с нимъ миръ възмемъ, паки ли с нимъ ратью кончаимы» (Ипат., стр. 259). Новгородцы захотѣли войны, и волость Юрія была опустошена. Подобно этому, Мстиславъ Мстиславичъ приходитъ вѣ 1210 г. на помощь Новгороду, «слышавъ насилье отъ князь». Вѣ 1211 г. Даниилъ, призванный галицкими боярами, противъ которыхъ замышляли недоброе галицкіе князья, Игоревичи, такими рѣчами убѣждаетъ передаться на свою сторону гражданъ Перемышля, еще оставшихся за послѣдними: «Почто стоите при томъ князи, иже обидѣ васъ много? Я вашъ князь, на него придохъ вамъ вѣ помощь».

Такимъ образомъ, вѣ отношеніяхъ князя къ вѣчу проявляются тѣ же начала единенія и розни, которыя проникають всю нашу древнюю жизнь. Для

¹⁾ Срв. выше на стр. 379 и 463.

правильнаго пониманія этихъ отношеній необходимо обратитъ вниманіе на слѣдующее.

Во-первыхъ, война никогда не ведется противъ «князя вообще», какъ формы государственнаго быта; она ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода. Самый же принципъ княжескаго правленія остается неизблемымъ. Нашей исторіи вовсе неизвѣстенъ антагонизмъ князя и народа, стремленіе послѣдняго распространить свои права на счетъ правъ князя. Народъ сознаетъ свою неспособность устроиться безъ князя и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было бы возможно достиженіе цѣлей призванія. Князь есть народная власть.

Во-вторыхъ, при нелюбви древней Россіи къ строго выработаннымъ формамъ ¹⁾, при маломъ пониманіи ихъ важности, въ отношеніяхъ народа къ князю преобладаетъ характеръ добраго довѣрія. Соблюденіе вѣчныхъ порядковъ не представляется настолько необходимымъ, чтобы безъ него не было возможно никакое совокупное дѣйствіе князя и народа. Князь, пользующійся популярностью, можетъ, напр., выступить на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча. Ему довольно посовѣтоваться съ своими боярами и затѣмъ послать биричей звать народъ; если князь пользуется расположеніемъ народа, народъ пойдетъ, хотя бы война преслѣдовала исключительно личныя цѣли князя; тѣмъ болѣе, когда война задумана въ интересѣ самого народа, напр., для отраженія половцевъ и т. под. По существу та-

¹⁾ Срв. выше на стр. 235 и 244.

кая война носить на себѣ характеръ того же единенія народа съ княземъ, которое составляетъ необходимое условіе всякаго совокупнаго дѣйствія ихъ; но со стороны формы народъ является только исполнителемъ чужого рѣшенія. Эта возможность вести войну съ помощью народныхъ силъ, но помимо вѣчевого рѣшенія, давала князю большую свободу дѣйствія и не мало способствовала усиленію княжескихъ усобицъ, которыя, такимъ образомъ, ускользали отъ постоянного контроля болѣе спокойной половины населенія. Призванный для отправленія правосудія, князь не только судилъ, но и устанавливалъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и вирь. Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ, напр., чрезмѣрная высота продажъ и вирь возбуждала протесты вѣча, а иногда приводила къ изгнанію князя. Таковы были отношенія князя къ вѣчу ¹⁾.

1) Выше, въ примѣчаніи на стр. 435—436 приведенъ взглядъ Н. А. Рожкова на роль вѣча. Тотъ же авторъ въ своемъ «Обзорѣ русской исторіи» признаетъ второй политической силой, послѣ вѣча, въ древнѣйшей Руси князя. «Исслѣдованіе порядка княжескаго владѣнія — первая задача при изученіи княжеской власти и ея политическаго значенія». Въ общемъ авторъ стоитъ на почвѣ воззрѣній Соловьева-Ключевскаго — съ одной, и Сергѣевича, съ другой стороны; по его мнѣнію, «обѣ названныхъ теоріи даютъ частичное пониманіе цѣлаго, но выводы ихъ должны быть расположены въ иной перспективѣ», а условія, опредѣлявшія порядокъ княжескаго владѣнія въ кievской Руси, «показываютъ, на какихъ непостоянныхъ, постоянно колебавшихся и взаимно другъ другу

II.

(А. Е. Присяжковъ. «Княжое право въ древней Руси». Очерки по исторіи X—XII столѣтій. Спб. 1909).

Изъ западныхъ источниковъ нельзя извлечь данныхъ для поддержки необоснованной въ русскихъ источникахъ гипотезы о доисторическихъ тысяцкихъ и докняжеской тысячно-сотенной организаціи. Также ни у южныхъ, ни у западныхъ славянъ слѣдовъ тысячи не установлено. Итакъ, гипотезу о доистори-

противорѣчившихъ основаніяхъ покоился въ то время этотъ порядокъ: неопредѣленность и непостоянство являются отличительными чертами порядка княжескаго владѣнія». Что касается вѣдомства князей, то Н. А. Рожковъ находитъ, что *законодательство*, въ очень ограниченномъ смыслѣ этого термина, входило въ кругъ вѣдѣнія князя, что *административная дѣятельность* князей имѣла совершенно ничтожное значеніе и сводилась къ назначенію должностныхъ лицъ разнаго рода, вѣдавшихъ управленіе, и главной отраслью правительственной дѣятельности князя былъ *сборъ налоговъ*, что, наконецъ, внѣшняя дѣятельность князей кievской Руси складывается изъ завоеваній, стремленія защитить русскую землю отъ внѣшнихъ враговъ и заботы о поддержаніи правильныхъ торговыхъ сношеній (завоеванія не были значительны). Итакъ, заключаетъ авторъ (стр. 82—83), княжескую власть въ кievской Руси «трудно признать правильно организован-

ческих народных тысяцких и тысячахъ надо признать необоснованной ни въ русскомъ матеріалѣ, ни въ сравнительно-историческихъ наблюденіяхъ.

Сотни были въ Новгородѣ основнымъ судебно-административнымъ учрежденіемъ для городского населенія и въ то же время формой организациі его торгово-промышленнаго населенія. Никитскій говоритъ о сотняхъ, какъ объ организациі повинностей новгородскаго купечества, предполагая также связь круговой поруки по охранѣ мира чертою сотенъ.

Нѣтъ основанія говорить о тысячно-сотенной организациі, какъ о древнѣйшей формѣ военнаго строя. Въ сотняхъ (съ ихъ подраздѣленіемъ на десятки, гдѣ оно существовало) видимъ судебно-административныя учрежденія, основную ячейку того, что можно назвать древнѣйшей государственной организацией. Она не обнимала массы сельскаго населенія, а типична въ Новгородѣ, какъ, конечно, и въ Кіевѣ, для городского строя. Притомъ въ древней Руси незамѣтно слѣдовъ того порядка, какой замѣчается въ юго-западной Руси позднѣе: даже въ новгородской землѣ, гдѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо развилось господство города надъ областью, повинности и вообще зави-

ной: и порядокъ княжескаго владѣнія и взаимныя отношенія князей отличались неопредѣленностью и непрочностью. отсутствіемъ твердыхъ и нерушимыхъ основаній: дѣятельность князей была мало развита, несложна и провинута была по преимуществу фискальными началами; хотя князья и проявляли болѣе энергичную и постоянную дѣятельность, чѣмъ вѣче, но учрежденіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова княжеская власть не была.

симость смердовъ не стоятъ ни въ какой связи съ сотенной организаціей. На сотняхъ лежитъ печать организаціи, прежде всего, отвѣтственности и повинностей. Ихъ надо признать явленіемъ, возникшимъ въ связи съ развитіемъ городского строя и преобладанія городовъ надъ землями-волостями. Сотни новгородскія — организація торгово-промышленныхъ, демократическихъ элементовъ города подъ властью княжеско-боярской силы.

Чтеніе древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ безъ всякой предвзятой мысли *не* даетъ представленія о томъ, что князья-пришельцы нашли готовый и сложный строй городскихъ областей и народныхъ войскъ, а побуждаетъ признать, что они создавали условія своей дѣятельности на болѣе примитивной почвѣ. Ополченіе воевъ, народное войско — въ древней Руси — созданіе княжой организующей силы. Не иначе обстоитъ дѣло съ городскимъ строемъ и объединеніемъ подъ властью города земель-волостей. Работая надъ созданіемъ и военныхъ силъ, и городского управленія, князья организовали мѣстное населеніе, безъ котораго обойтись не могли, и съ которымъ позднѣе пришлось считаться какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Кіевѣ. Позднее выступленіе и меньшее развитіе вѣчевой жизни въ Кіевѣ тѣсно связаны съ антагонизмомъ между народной массой и представителями городского управленія, правящимъ слоємъ кіевскимъ; тутъ развитію вѣчевого строя въ меньшей степени послужила организація, ставшая въ Новгородѣ изъ княжеской общественной ¹⁾.

¹⁾ Срв. выше на стр. 350.

Столь же существенныя отличія наблюдаются между новгородскимъ Сѣверомъ и кievскимъ Югомъ въ складѣ внутренняго строя городскихъ областей, въ отношеніи между главнымъ городомъ и волостями, составляющими его землю. Въ ростовско-суздальской землѣ зависимость земли-волости и пригородовъ отъ главнаго города основывалась на правительственной организаціи, созданной княжеской властью. Здѣсь сила — боярство, главная опора князей, ставшее самодовлѣющимъ политическимъ факторомъ, опираясь на вѣче главнаго города и давъ тѣмъ самымъ этому вѣчу значительно большій вѣсъ и силу. Напротивъ, въ историческихъ преданіяхъ Кіевщины нѣтъ слѣдовъ, чтобы Кіевъ, какъ городская община, распоряжался судьбою волостей своей земли.

Надо признать за русскими князьями древнѣйшей исторической поры болѣе активную, болѣе творческую роль, чѣмъ та, какая обычно имъ приписывается въ нашей историографіи. Въ основѣ древнѣйшаго городского строя лежала организація, созданная княжой ¹⁾ силой. Признаковъ власти города, какъ такового, надъ пригородами и волостнымъ населеніемъ для древнѣйшей поры наши историческія преданія не указываютъ. Если въ руки общественныхъ властей Новгорода и Пскова эта власть перешла, то какъ наслѣдіе ослабѣвшей и ограничиваемой княжой власти.

Міръ междукняжескихъ владѣльческихъ отношеній стоитъ внѣ области политическихъ задачъ князя, защитника земли и установителя наряда, но въ постоянномъ взаимодействіи съ нею, то въ рѣзкомъ противорѣчій, подчиняя ее своимъ интересамъ, то

¹⁾ На положенія, развиваемыя здѣсь А. Е. Прѣняковымъ, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Срв. выше на стр. 449.

въ попыткахъ согласоваться съ нею въ идеѣ старѣйшинства и союза князей на пользу русской земли. Народное общественно-правовое воззрѣніе признаетъ за членами княжого рода ихъ владѣльческую привилегію, но игнорируетъ княжія семейно-владѣльческія отношенія и соглашенія, стремясь то нарушить, то использовать ихъ, какъ внѣшнее условіе, въ пользу интересовъ данной земли.

Личная и независимая отъ вѣча сила князя, въ дальнѣйшемъ развитіи, съ паденіемъ вѣчевого строя, привела къ организаціи всѣхъ соціально-политическихъ отношеній на началахъ службы и повинностей и на личной власти князя надъ всѣми элементами населенія его вотчины-княженія. Это придаетъ принципу специальной княжеской защиты съ ея послѣдствіемъ — особой властью князя надъ тѣми группами населенія, какія ею охвачены, значеніе главнаго устоя «монархическаго» начала въ древне-русскомъ политическомъ строѣ, какъ обозначилъ В. И. Сергѣевичъ элементъ личной княжой власти въ сложномъ составѣ древне-русской государственности. Исходный пунктъ въ развитіи помянутаго принципа надо искать въ строѣ княжого двора-огнища, постепенно расширившаго свое значеніе не только съ ростомъ княжого хозяйства и землевладѣнія, но особенно съ распространеніемъ его началъ на отношенія между княземъ и общественными группами, стоявшими уже внѣ непосредственной бытовой связи съ княжимъ дворомъ и хозяйствомъ, какъ, съ одной стороны, боярство, съ другой — смерды. Права князя на личную службу и вѣрность перваго, на повинности и дани вторыхъ, сохраняя по принципу связь съ началомъ специальной княжой защиты и особой сферой

«княжого права», прибрѣтають болѣе широкій и общій характеръ, отличный отъ примитивнаго строя отношеній — «огнищнаго» типа. Въ ту же эпоху наблюдаемъ два крупныхъ явленія, тѣсно связанныя съ этимъ разрастаніемъ началъ княжого права, приведшимъ къ смѣнѣ вѣчевого строя древняго государства-волости новымъ, удѣльно-вотчиннымъ. Это — возникновеніе церковнаго и боярскаго землевладѣнія. Княжія земельныя пожалованія надо признать первоначальнымъ источникомъ церковнаго землевладѣнія. Овладѣвая рядомъ земельныхъ имуществъ, путемъ ли вкладовъ сель съ челядью и изгоями, т.-е. съ наложенной уже эксплуатаціей, путемъ ли развитія своего хозяйства на непочатой почвѣ, церковь создавала рядъ социальнo-экономическихъ явленій особаго типа, стоявшихъ внѣ общаго уклада обычно-правовыхъ отношеній народной массы. Населеніе монастырскихъ и вообще церковныхъ сель входило въ составъ «церковнаго общества», обособленнаго церковными привилегіями. На границахъ этого міра замираетъ значеніе общаго права и княжой власти. Тутъ, говоря словами церковныхъ уставовъ, вѣдаетъ между церковными людьми «судъ, или обиду, или котору, или вражду, или задницу» — митрополитъ или епископъ или кому прикажутъ, и «не вступаются княжи волостели въ то, а то вѣдаютъ епископли волостели». Церковное общество въ своемъ обособленномъ строѣ аналогично княжому обществу и тѣсно съ нимъ связано, получая отъ князя, опекуна церкви, особую защиту, рядъ исключительныхъ правъ и привилегій.

Боярское землевладѣніе строилось на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ княжое или церковное. Въ XI—XII в. не видимъ признаковъ связи боярскаго землевладѣнія

съ началами вотчинной юрисдикціи. Время иммунитета, уже народившагося для церкви, было для боярства еще впереди — въ удѣльной эпохѣ. Нѣтъ данныхъ говорить и о княжескихъ земельныхъ пожалованіяхъ, какъ основномъ источникѣ боярскаго землевладѣнія. Отсутствие свидѣтельствъ не означаетъ еще отсутствія самаго явленія, но лишаетъ возможности его установить. Остается допустить, что боярское владѣніе селами и дворами могло возникнуть изъ княжого дара, но могло возникнуть и инымъ путемъ — покупкой, постановкой хозяйства на свободной новинѣ. Конечно, и ставилось и велось такое хозяйство первоначально руками несвободной челяди. Но развитіе боярскаго сельскаго хозяйства еще въ предѣлахъ разсматриваемаго періода переросло условія веденія его исключительно трудомъ челяди. Отсутствие въ рукахъ боярства тѣхъ средствъ, какими располагали князь и церковь для увеличенія числа рабочихъ рукъ въ своихъ селахъ, привело къ возникновенію закупничества. Развитіе закупничества можетъ быть принято какъ свидѣтельство нарастающей потребности болѣе крупныхъ хозяйствъ въ рабочихъ рукахъ, въ частности, хозяйствъ землевладѣльческихъ, вовлекавшихъ въ свой бытъ закуповъ ролейныхъ. Боярское землевладѣніе, подобно княжескому и церковному, строить внутри древне-русскихъ земель-княженій — новый складъ экономическихъ и соціально-правовыхъ отношеній, выходящихъ за предѣлы общаго уклада народнаго быта. Уставъ о закупахъ въ «Русской Правдѣ» и неизбѣжная слабость средствъ для проведенія въ жизнь его мѣропріятій по защитѣ правъ закуповъ ставятъ насъ передъ явленіями борьбы несоизмѣримыхъ силъ, приведшей

позднѣ разными путями къ постепенному закабаленію сельскаго населенія на боярскую работу ¹⁾).

1) Общія построенія А. Е. Прѣонякова, наложенныя въ текстѣ, представляя значительный интересъ, напрашиваются на сопоставленіе съ общими выводами изслѣдователя иного историческаго мышленія. Говоря о закупкахъ и холопахъ, Н. А. Рожковъ (см. его «Обзоръ русской исторіи», I, стр. 62 и слѣд.) пишетъ: «Закупы—явленіе довольно позднее, въ развитомъ состояніи ихъ можно наблюдать только въ XII вѣкѣ; до X и даже до XI вѣка *холоповъ* было немного; наконецъ, съ XI вѣка и особенно въ XII столѣтіи число холоповъ на Руси стало быстро расти. Общество кievскаго времени почти совершенно было лишено сословныхъ началъ, и нѣкоторое значеніе имѣло лишь дѣленіе его на классы, возникшее съ IX вѣка и къ XII вѣку сдѣлавшее нѣсколько шаговъ впередъ. Основнымъ классомъ, наиболѣе многочисленнымъ и вліятельнымъ, притомъ юридически полноправнымъ, были смерды. Общая тенденція социальнаго развитія сводится къ постепенному и медленному возрастанію численности и значенія купцовъ, особенно бояръ. Этому соответствовали образованіе класса закуповъ и развитіе холопства къ концу періода. Окончательная схема социальныхъ явленій въ ихъ связи съ экономическими въ первый періодъ исторической жизни русскаго народа можетъ быть построена такъ. Основнымъ наиболѣе древнимъ и устойчивымъ социальнымъ явленіемъ было тогда господство класса смердовъ, слагающееся подъ совокупнымъ вліяніемъ преобладанія добывающей промышленности и скотоводства, вольнаго землепользованія, домашней формы производства и равномернаго распредѣленія хозяйственныхъ благъ между отдѣльными семьями. Позднѣйшія, менѣе характерныя социальныя явленія — развитіе классовъ бояръ и купцовъ и ростъ числа *холоповъ* и *закуповъ*—вызваны къ жизни прирѣдью внѣшней торговли, зарожденіемъ личнаго землевладѣнія и владѣльческихъ формъ хозяйства и, наконецъ, сосредоточеніемъ денежныхъ капиталовъ въ рукахъ торговащаго меньшинства».

Ред.

В. Составъ и значеніе дружины: дружинники въ роли совѣтниковъ князя и представителей администраціи.

I.

(В. О. Ключевскій. «Боярская дума древней Руси». М. 1883).

Въ боярскомъ совѣтѣ кievскаго князя X вѣка еще сидѣли представители класса, правившаго обществомъ раньше князя съ его боярами. Съ XI вѣка правительственный совѣтъ при князѣ является однословнымъ, боярскимъ: служилый классъ обособляется отъ городского общества. По памятникамъ X—XII вв. можно видѣть, изъ какихъ элементовъ составлялся и какъ обособлялся этотъ служилый классъ. Въ него переходили люди изъ городской знати и даже изъ городского простонародья: извѣстно лѣтописное сказаніе о скорнякѣ, котораго кн. Владимиръ сдѣлалъ «великимъ мужемъ» вмѣстѣ съ отцомъ его за то, что онъ одолѣлъ печенѣжскаго богатыря въ 992 г. Обособленію класса отъ остальнаго общества содѣйствовали прежде всего племенной его составъ. Въ дружину варяжскаго конунга, утвердившагося въ Кіевѣ, въ первое время вступали преимущественно его соотчичи, приливъ которыхъ продолжался почти до половины XI в.; благодаря этому, слово *бояринъ* долго сохраняло у насъ преимущественное значеніе

знатнаго служилаго варяга ¹⁾). Въ лѣтописи сохранилось извѣстiе о вступленiи одного печенѣжскаго князя на службу къ Владимиру въ 992 г. Въ дружинѣ князей XI и XII вв. встрѣчаемъ людей изъ финновъ, угровъ, половцевъ, хозаръ, поляковъ, торковъ. Среди этихъ пестрыхъ по социальному и племенному происхожденiю элементовъ класса уже въ XI в. замѣтны слѣды iерархическаго дѣленiя.

Нося общее неопредѣленное названiе *дружины*, служилый классъ распадался на дружину *старѣйшую* или *большую* и *молодшую*. Первую составляли *княжи мужи*. Если дошедшiй до насъ текстъ договоровъ Руси съ греками точно воспроизводитъ социальную терминологию X в., то старшая дружина уже тогда носила еще названiе *бояръ*; доселѣ не объяснено удовлетворительно этимологическое значенiе этого термина. Въ глазахъ простаго неслужилаго населенiя и младшая дружина считалась мужами, боярами; но

¹⁾ Въ перечняхъ русскихъ пословъ, заключавшихъ договоры съ греками въ X в., рѣшительно преобладаютъ скандинавскiя имена. Въ словѣ о смиренiи, одномъ изъ древнихъ словъ на Четырдесятницу, сохранившихъ признаки принадлежности первымъ временамъ христіанства на Руси, повѣдникъ представляетъ современнаго ему русскаго боярина непремѣнно челоуѣкомъ одного племени съ кiевскими мучениками-варягами. «Не хвались родомъ, благородный, поучаетъ онъ, не говори: отецъ у меня бояринъ, а *мученики Христовы братья мнѣ*». Это намекъ на варяговъ-христіанъ, отца съ сыномъ, пострадавшихъ отъ кiевскихъ язычниковъ при кн. Владимирѣ въ 983 г. и ничего другого значить не можетъ: въ XI в. на Руси было распространено преданiе о мученикахъ-варягахъ, и русская служилая знать любила хвалиться племеннымъ родствомъ съ ними, т.-е. была въ большинствѣ скандинавскаго происхожденiя или, по крайней мѣрѣ, сама такъ думала. Срв. выше на стр. 450 и прим.

лѣтопись XI—XIII вв. называетъ ее въ отличіе отъ настоящихъ бояръ *боярцами*, или боярами *молодыми*. Старшая дружина отличалась отъ младшей не только правительственнымъ и придворнымъ своимъ значеніемъ, но и нѣкоторыми юридическими преимуществами, сообщавшими ей характеръ привилегированнаго сословія. Главное изъ этихъ преимуществъ состояло въ болѣе заботливомъ огражденіи личной безопасности закономъ: за убійство князя мужа законъ грозилъ вдвое болѣе тяжкой вирой, чѣмъ за убійство младшаго дружинника и простолюдина. Съ другой стороны, всякій дружинникъ, старшій и младшій, пользовался нѣкоторыми земельно-владѣльческими привилегіями, если пріобрѣталъ землю въ собственность. Благодаря этимъ разнообразнымъ преимуществамъ, служебнымъ, личнымъ и хозяйственнымъ, принадлежавшимъ не всѣмъ членамъ дружины въ одинаковой мѣрѣ, слово *бояринъ* съ теченіемъ времени перестало быть синонимомъ *князя мужа* и получило различныя спеціальныя значенія въ разныхъ сферахъ жизни. Около половины XI в. еще не было проведено точной и окончательной юридической межи между старшей и младшей дружиной. Такъ, изъ «Русской Правды» знаемъ, что «конюхъ старый у стада», т.-е. староста конюшій князя, впервые причисленъ былъ къ привилегированнымъ княжимъ мужамъ однимъ частнымъ приговоромъ кн. Изяслава Ярославича, присудившаго двойную виру за убійство своего конюха: «а конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ дорогобоудьци» (ст. 21 по Академ. списку). Послѣ Ярослава привилегіей двойной виры пользовались и нѣкоторые тиуны

князя, приказчики по дворцовому хозяйственному управленію. Какъ видно, князья старались распространить права старшей дружины на своихъ дворovýchъ слугъ. Такъ расширенъ былъ первоначальный составъ класса княжихъ мужей, къ которому принадлежали собственно старшіе военные сотрудники князя, а не дворовые слуги, завѣдывавшіе его хозяйствомъ и нигдѣ не являющіеся въ званіи бояръ. Это званіе, напротивъ, сузилось, стало тѣснѣе класса княжихъ мужей: оно усвоено было верхнему слою этого класса, сановникамъ, занимавшимъ высшія военныя и правительственныя должности и преимущественно тѣмъ, которые составляли совѣтъ князя¹⁾. Но получивъ болѣе тѣсное значеніе при княжьемъ дворѣ, званіе боярина расширилось внѣ правительственной сферы: на языкѣ частныхъ гражданскихъ отношеній боярами независимо отъ придворной іерархіи назывались всѣ служилые привилегированные землевладѣльцы и рабовладѣльцы по тѣсной связи тогдашняго землевладѣнія съ рабовладѣніемъ. Такимъ является бояринъ въ «Русской Правдѣ» и съ такимъ же значеніемъ проходитъ это слово по памятникамъ нашего права до самаго XVIII в.

Дума и вѣче представляли собою не параллельныя государственныя вѣдомства и не разныя правительственныя инстанціи, а два общественные класса, двѣ различныя политическія силы, другъ съ другомъ соперничавшія. Эти учрежденія различались между

¹⁾ Въ переводныхъ произведеніяхъ XI—XII вв. терминомъ *бояринъ* передаются греческія или латинскія слова, означающія начальника, правителя, члена государственнаго совѣта (*βραχων*, praefectus, senator): *боярство* — сенатъ и правительственная должность вообще.

собою не столько правительственными функціями, сколько соціально-политическими интересами. Отношенія между обоими классами, интересы которых находили себѣ выраженіе въ думѣ и на вѣчѣ, въ XII в. основывались на взаимномъ соглашеніи, на договорѣ или «рядѣ»¹⁾. Въ старыхъ городахъ кievской Руси этотъ договоръ не успѣлъ развиться въ точно опредѣленные постоянныя условія, которыя вездѣ имѣли бы одинаково обязательное значеніе: они опредѣлялись обстоятельствами, расширялись или стѣснялись, даже иногда совсѣмъ исчезали, смотря по тому, на которую сторону склонялся перевѣсъ силы. Князь, садясь на какой-либо столъ, долженъ былъ прежде всего «утвердиться съ людьми» обоюднымъ крестоцѣлованіемъ: таково было господствующее мнѣніе. По понятіямъ вѣка всѣ отношенія князя должны были держаться на крестномъ цѣлованіи, на договорѣ съ политическими силами времени, среди которыхъ онъ вращался. «Богъ велѣлъ вамъ такъ быть, говорили тогдашнимъ князьямъ: творить правду на семь свѣтѣхъ, по правдѣ судъ судить и въ крестномъ цѣлованіи стоять». Къ числу этихъ силъ принадлежали и старшіе стольные города: князь долженъ былъ «взять рядъ» съ горожанами, чтобы укрѣпить свой столъ подъ собою. Необходимость этого вытекала изъ положенія, какое занимали тогда обѣ стороны, старшіе города и князья со своими дружинами.

Первый опытъ политическаго объединенія русской земли былъ дѣломъ дружныхъ усилій торговаго населенія большихъ городовъ и военнаго класса, соз-

¹⁾ Срв. выше на стр. 438, 444, 458.

даннаго въ его средѣ внѣшними опасностями русской торговли IX в. Но это объединеніе разъединило прежнихъ союзниковъ и поставило ихъ другъ противъ друга. Эта перемѣна тотчасъ отразилась на составѣ правительственнаго совѣта при князѣ: представителей городской торговой знати, въ X в. ездѣвшихъ въ думѣ рядомъ съ боярами, не видимъ тамъ въ XI и XII вв. Но политическая роль этой знати не пала, а только перемѣстилась на другую сцену: переставъ давать князю совѣтниковъ изъ своей среды, этотъ классъ сталъ заправителемъ городского вѣча. Сами князья помогли этому. Политическое единство Руси, созданное совокупными усиліями обѣихъ общественныхъ силъ, но еще не упроченное, стало разрушаться по смерти Ярослава I. Вѣрные привычкамъ и понятіямъ своихъ предковъ IX в., князья и въ XII в. оставались на русскихъ рѣкахъ морскими наѣздниками, викингами, слабо привязанными къ землѣ. Двухвѣковой дѣятельностью въ русскомъ князѣ выработался типъ, завязавшійся въ самомъ ея началѣ: это военный сторожъ земли, точнѣе — ея торговыхъ путей и оборотовъ. Когда князей появилось много, они стали дѣлиться сторожевыми обязанностями и выгодами, сторожевыми кормами, дѣля между собою и мѣняя области по очереди старшинства. Этотъ «очередной порядокъ княжескаго владѣнія» дѣлалъ князя бродячимъ гостемъ области, подвижнымъ витяземъ ¹⁾, какимъ онъ

1) Инымъ является князь въ эпоху «удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія». Оба порядка — очередной (XI—XIII вв.) и удѣльный (XIII—XV вв.) — если держаться взглядовъ В. О. Ключевского, должны быть строго различаемы между собой, что, къ сожалѣнію, не всегда ва-

былъ два вѣка назадъ. Тогда старшіе города остались одни постоянными и привычными руководителями своихъ областей. Политическія отношенія начали локализоваться попрежнему: мѣстные міры, стянутые къ Кіеву князьями X в., опять потянули къ своимъ мѣстнымъ центрамъ; пригороды, опять какъ въ старину, стали послушно принимать то, что рѣшали на вѣчѣ «старѣйшіе» города и этими «старѣйшими», «властями», какъ ихъ называетъ сѣверный владимирскій лѣтописецъ XII в., являются въ разсказѣ послѣдняго тѣ же самые города, которые стояли во главѣ областей до объединенія русской земли кievскими князьями: Новгородъ, Смоленскъ, Кіевъ, Полоцкъ. Но по мѣрѣ того, какъ князья превращались въ подвижныхъ земскихъ сторожей, перебивавшихъ другъ у друга волости, т.-е. волостные кормы, и волостные города, въ свою очередь, все рѣшительнѣе выступали хозяевами-наемщиками, перебивавшими этихъ сторожей другъ у друга, какъ они поступали нѣкогда.

Такъ политическія отношенія XI—XII вв. во многомъ были возвратомъ къ порядку, дѣйствовавшему до основанія великаго княжества кievскаго; по крайней мѣрѣ, въ этомъ порядкѣ надобно искать первоначальнаго источника тѣхъ отношеній. Русская земля первоначально сложилась изъ самостоятельныхъ городовыхъ областей помощью тѣснаго союза двухъ аристократій, военной и торговой. Когда этотъ союзъ

мѣняется въ русской исторической литературѣ. Срв. выше слова примѣчанія на стр. 293 и предисловіе (стр. I—III) къ *Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикава дома.* (М. 1847) Соловьева, См. также выше стр. 145—146, 359—368.

Ред.

земскихъ силъ распался, составныя части земли стали также возвращаться къ прежнему политическому обособленію. Тогда знать торговаго капитала осталась во главѣ мѣстныхъ мировъ, а аристократія оружія съ своими князьями скользила поверхъ этихъ мировъ, едва поддерживая связь между ними. Борьба этихъ двухъ силъ и была основнымъ фактомъ, изъ котораго развивались политическія явленія при Ярославичахъ: то была борьба двухъ правъ, княжескаго и городского, двухъ земскихъ порядковъ, изъ коихъ одинъ объединялъ землю посредствомъ очереднаго княжескаго владѣнія, другой разбивалъ ее на самостоятельныя городовыя волости. При тогдашнемъ положеніи обѣихъ соперничавшихъ силъ договоръ, «рядъ» оставался единственнымъ выходомъ изъ этой борьбы двухъ порядковъ, единственнымъ средствомъ поддержанія разрушавшихся земскихъ связей.

Князь XII в. часто думаетъ съ своей дружиной. Разсказъ лѣтописи объ этихъ «думахъ» даетъ понятъ важное политическое значеніе боярскаго совѣта; но его устройство и значеніе правительственное не раскрывается въ этомъ разсказѣ съ достаточной полнотой. Отношеніе боярскаго думы къ князю ясно; но неясно ея отношеніе къ административному механизму, двигателемъ котораго былъ князь съ боярскою думой. Главная причина этого въ томъ, что мы знаемъ боярскую думу того времени почти исключительно по лѣтописи, а лѣтопись выводитъ боярско-совѣтниковъ почти только въ походахъ князя на враговъ и отношеніяхъ его къ другимъ князьямъ. То были чрезвычайныя, хотя и частныя, случаи, такъ сказать, дѣла внѣшней политики князя. Ходъ внутренняго управленія, теченіе ежедневныхъ адми-

нистративныхъ дѣлъ остаются у лѣтописца въ тѣни, въ глубинѣ сцены, на которой разыгрываются описываемыя имъ событія. Благодаря этому многое въ устройствѣ и дѣятельности боярской думы тѣхъ вѣковъ остается необъяснимымъ.

Обозначая составъ думы, лѣтопись XII в. часто говоритъ, что князь думалъ съ своей «дружиной». Но подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ лѣтописецъ разумѣлъ только верхній слой класса, носившаго такое названіе, «старѣйшую» или «большую» дружину, «переднихъ» или «лѣпшихъ мужей», которые были обычными, постоянными совѣтниками князя. Если князь предпринималъ дѣло, «не повѣдавъ мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея», лѣтописецъ отмѣчалъ это какъ необычное и неправильное явленіе. Въ лѣтописномъ разсказѣ о засѣданіяхъ княжескаго совѣта эти обычные и постоянные совѣтники чаще всего зовутся просто «мужами» или «боярами». Въ исключительныхъ случаяхъ, на походѣ, когда князь спрашивалъ мнѣнія своей младшей дружины, лѣтописецъ точно отличаетъ послѣднюю отъ старшихъ дружинниковъ, замѣчая, что была дума не только съ мужами, но и со *всей* дружиной. Повидимому, *бояринъ* уже тогда получалъ специальное значеніе совѣтника, постоянного княжого «думцы» или «думника»: одинъ князь XII в., герой *Слова о полку Игоревѣ*, отличалъ «бояръ думающихъ» отъ «мужей храборствующихъ», отъ военной дружины, не имѣвшей мѣста въ думѣ. Изъ лѣтописнаго свода (подъ 1169 г.) мы знаемъ, какъ кн. Владимиръ Мстиславичъ, который, несмотря на данную племяннику клятву и безъ вѣдома своихъ бояръ завелъ сношенія съ черными клобуками, поднимая ихъ на Мстислава

Изяславича, пригрозилъ своимъ несговорчивымъ боярамъ возвести въ званіе бояръ своихъ *дѣтскихъ*, людей младшей дружины: «переступи крестъ Володимиръ Мъстиславичъ... и рекоша ему дружина его: «о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». Володимиръ же рече, възрѣвъ на дѣцкы: «а се будутъ мои бояре», и поѣха къ Берендичемъ», но тѣ «начаша въ нь пуцати стрѣлы», такъ какъ пріѣхалъ «однѣи и безъ мужий своихъ». (Ипат., стр. 367). Можетъ быть, князь и не исполнилъ своей угрозы, не возвелъ дѣтскихъ въ бояре; но если онъ грозилъ этимъ, то, значить, считалъ пожалованіе боярскаго сана своимъ княжескимъ правомъ (?). Трудно сказать, чѣмъ руководились князья при этомъ пожалованьи, были ли необходимы какія-либо личныя или генеалогическія качества, чтобы получить это званіе. Очень вѣроятно, что къ концу XII в. на Руси образовался уже кругъ служилыхъ фамилій, члены которыхъ, достигнувъ надлежащаго возраста, служили боярами при многочисленныхъ княжескихъ дворахъ того времени. По лѣтописи извѣстны случаи, впрочемъ, очень рѣдкіе, когда даже въ важной должности кіевскаго тысяцкаго являлись преемственно отецъ и сынъ, старшій и младшій братъ. Но въ составѣ дружины, даже въ числѣ бояръ, по крайней мѣрѣ, галицкихъ, встрѣчаемъ людей и неслужилаго происхожденія, не только изъ духовнаго званія, но и «отъ племени смердя», по выраженію лѣтописца.

Правительственный составъ думы доступенъ изученію не болѣе соціального. Трудно сказать, каково было административное положеніе ея членовъ, занимали ли всѣ они какія-либо должности внѣ думы,

или правительственное значеніе нѣкоторыхъ ограничивалось званіемъ княжихъ совѣтниковъ. Въ старыхъ областяхъ кievской Руси при княжескихъ дворахъ XII и XIII вв. встрѣчаемъ довольно значительный штатъ сановниковъ. То были: *тысяцкій съ сотскими*, обыкновенно командовавшій полкомъ стольнаго города, *дворскій* или *дворецкій*, *печатникъ*, *стольникъ*, *меченоша*, *мечники*, *конюшій*, *сѣдельничій*, *покладникъ*, или *постельничій*, *ловчій*, *ключники* и *тіуны* разныхъ родовъ, *осменикъ* и *мытники*, *биричи*, *подвойскіе*. Нѣкоторые изъ этихъ должностныхъ лицъ были, очевидно, дворцовые слуги невысокаго ранга; другіе, напротивъ, входили въ составъ того, что можно назвать высшимъ центральнымъ правительствомъ въ княжествѣ того времени. Тысяцкій и дворскій принадлежали къ «великимъ боярамъ» и въ разсказѣ лѣтописцевъ иногда являются самыми видными и вліятельными сановниками. Волынскій лѣтописецъ XIII в. причисляетъ къ боярамъ вмѣстѣ съ дворскимъ и стольника, который даже является у него потомъ въ должности дворскаго, а при князѣ Андрѣѣ Боголюбскомъ въ числѣ бояръ и важнымъ дипломатическимъ агентомъ встрѣчаемъ мечника. Печатникъ и меченоша командовали полками, а первый, кромѣ того, является въ одной провинціи Галицкой земли съ порученіемъ отъ князей устроить мѣстныя дѣла и успокоить общество. Тіуны у князей, какъ и у бояръ, служили по домашнему хозяйству въ городѣ при дворѣ и въ княжихъ селахъ; принадлежа къ штату простыхъ дворовыхъ слугъ, они отличались отъ «мужей» родомъ службы, не входили въ составъ ратной дружины, хотя по личнымъ правамъ «Русская Правда» ставить нѣко-

торыхъ изъ нихъ, напримѣръ, тиуна конюшаго («а въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ» — ст. 21), даже наравнѣ съ членами старшей дружины. Но были еще правительственные тиуны, которымъ князь поручалъ судъ и расправу въ городахъ своего княжества, даже въ столицѣ. Эти городовые судные тиуны были важные сановники съ большою властью: кievляне въ 1146 г. жаловались на тиуновъ, поставленныхъ великимъ княземъ Всеволодомъ въ Кіевѣ и Вышгородѣ, говоря, что они неправдами своими «погубили» оба города; идя въ Кіевъ на великокняжескій столъ, князь посылалъ туда напередъ своего тиуна. Если В. Н. Татищевъ, историкъ XVIII столѣтія ¹⁾, въ своемъ повѣствованіи о полоцкихъ событіяхъ въ 1217 г. и о княгинѣ Святохнѣ точно передалъ административную терминологию исчезнувшей лѣтописи, изъ которой заимствованъ этотъ любопытный рассказъ, то въ Полоцкѣ, какъ и въ Новгородѣ, кромѣ тысяцкаго былъ еще *посадникъ*. Мало того: рядомъ съ этими сановниками тамъ въ числѣ знатнѣйшихъ вельможъ и «главныхъ совѣтниковъ князя» является *ключникъ*, называвшійся иначе *казначеемъ*.

Въ думѣ князя XII и XIII вв. имѣли мѣсто важнѣйшія изъ этихъ должностныхъ лицъ, служившихъ органами княжескаго центрального и дворцоваго управления. Это можно сказать о дворскомъ, печатникѣ, стольникѣ, меченошѣ, главномъ мечникѣ, казначеѣ. Участіе тысяцкаго въ княжескомъ совѣтѣ известно по лѣтописи; въ смоленскихъ актахъ 1283 г.

¹⁾ См. о приемахъ его исторической работы въ книгѣ П. П. Милюкова. *Главные теченія русской исторической мысли*. М. 1897. Ред.

боярами - совѣтниками князя являются намѣстникъ, соотвѣтствующій полоцкому посаднику, и *окольничій*, придворный сановникъ, который становится впервые извѣстенъ по одной изъ этихъ грамотъ, а въ другой, излагающей условія торговаго договора съ Ригой, рядомъ съ боярами и другими совѣтниками смоленскаго князя поставленъ «таможникъ ветхій», повидимому, соотвѣтствовавшій кievскому осменику. Почти всѣхъ этихъ сановниковъ центральной и дворцовой администраціи встрѣчаемъ позднѣе и въ совѣтѣ князей сѣверо-восточной удѣльной Руси. Но въ боярской думѣ на юго-западѣ XII—XIV вв. была особенность, которая сближала ее съ польско-литовской радой: это — присутствіе въ ней представителей областной администраціи. Изъ одной статьи «Русской Правды» видимъ, что въ думѣ великаго князя Владимира Мономаха, приговорившей ограничить размѣръ роста по долгосрочнымъ займамъ, присутствовали тысяцкіе переяславскій и бѣлогородскій вмѣстѣ съ кievскимъ. Еще значительнѣе этотъ элементъ въ составѣ думы галицко-волынскаго князя. Впрочемъ, составъ галицко-волынскаго совѣта узнаемъ по памятникамъ довольно поздняго времени, составленнымъ наканунѣ паденія политической самостоятельности княжества.

Эту особенность можно объяснить характеромъ княжескаго хозяйства и связаннаго съ нимъ княжескаго управленія въ древней кievской Руси. Тамъ главными средствами княжеской казны были правительственные доходы князя, дани, судебныя и другія пошлыны. Въ лѣтописяхъ XII и XIII вв. находимъ указанія на дворцовыя княжескія земли, дворы го-

родскіе и загородные, села, цѣлыя волости и даже города, на то, что князья звали «своей жизнью». Но при тогдашней подвижности князей эти недвижимыя дворцовыя имущества не были значительны, не могли стать главнымъ основаніемъ княжескаго хозяйства. Свой дворъ, свою дружину князь содержалъ преимущественно тѣмъ, что онъ получалъ, какъ правитель и военный сторожъ земли, а не какъ личный собственникъ, хозяинъ. Дворецъ еще не былъ такимъ могущественнымъ центромъ управленія, какимъ онъ сталъ потомъ въ удѣльныхъ княжествахъ на верхневолжскомъ сѣверѣ, гдѣ дворцовая хозяйственная администрація слилась съ центральнымъ управленіемъ, поглотила его и провела рѣзкую административную и хозяйственную грань между дворцовыми и недворцовыми землями, взявъ въ свое непосредственное распоряженіе первыя и отдавъ послѣднія въ руки органовъ областной администраціи, намѣстниковъ и волостелей. Въ бродячей правительственной средѣ старой кievской Руси не могло образоваться такое рѣзкое разграниченіе между дворцовымъ центромъ и намѣстничьей провинціей, уѣздомъ. Сѣвъ на новомъ столѣ, князь спѣшилъ рассажать по городамъ и волостямъ княжества своихъ мужей и дѣтскихъ, оставляя нѣкоторыхъ при себѣ для правительственныхъ и дворцовыхъ надобностей. Но общество всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ «посадниковъ» не теряло характера лагеря, разсѣявшагося по княжеству на топлоливый и кратковременный «покормъ» до скорого похода или перемѣщенія въ новое княжество. Совѣтуясь съ своими боярами на походѣ, князь не различалъ между ними дворцовыхъ сановниковъ и об-

ластныхъ управителей; сидя въ своемъ стольномъ городѣ, отдыхая между двумя походами, онъ для рѣшенія важнаго вопроса вмѣстѣ съ сановниками столичнаго правительства призывалъ къ себѣ посадниковъ или тысяцкихъ и изъ пригородовъ, когда было нужно и можно призвать ¹⁾).

¹⁾ Н. А. Рожковъ, говоря въ своемъ «Обзорѣ русской исторіи» (стр. 55 и слѣд.) о княжеской дружинѣ, замѣчаетъ, что у нея незамѣтно «какихъ-либо особыхъ политическихъ правъ личныхъ и корпоративныхъ», но что «невозможно отрицать существованіе зародышей сословнаго строя въ древнѣйшей Россіи» и что «въ кievской Руси едва лишь мелькали слабые зародыши будущаго сословнаго строя, въ сущности же общественный строй почти всецѣло основывался на экономическихъ признакахъ и лишенъ былъ юридическихъ основаній: существовали лишь экономическіе классы, но не было политическихъ сословій». *Ред.*

II.

(А. Е. Пръсьмяковъ. «Княжое право въ древней Руси». Спб. 1909).

Опираясь на свое «одиначество» съ вѣчевой общиной, скрѣпленное взаимнымъ крестоцѣлованіемъ и «рядомъ», князь XII—XIII вв. имѣлъ и внѣ ея иную опору—въ собственной, болѣе или менѣе значительной, дружинѣ. Терминъ *дружина* употребляется и въ широкомъ, и въ узкомъ смыслѣ. Дружина, въ собственномъ смыслѣ слова, выступаетъ сравнительно небольшимъ ядромъ княжескихъ войскъ въ лѣтописныхъ разсказахъ. Болѣе техническое значеніе имѣетъ слово «дружина», когда означаетъ кругъ лицъ, постоянно состоящій при князѣ, живущій при немъ, раздѣляя всѣ его интересы. Интересы дружины и князя сплетены тѣсно. Солидарность дружины съ княземъ сказывалась и въ долѣ и въ недолѣ. Дружина неотдѣлима отъ князя, какъ его домашніе. У насъ, какъ и на Западѣ, дружину можно назвать частно-правовымъ, личнымъ союзомъ, построеннымъ на общности очага и хлѣба господина со слугами,—союзомъ, выдѣляющимся изъ общаго уклада народной общины въ особое самодовлѣющее цѣлое. Она имѣетъ и свой строй, свою организацію, какъ домъ, дворъ господина. Близкая бытовая солидарность князя и дружины постепенно слабѣетъ. Дружинники, мужи княжіе довольно рано отдѣляются «хлѣбомъ и имѣньемъ» отъ своего князя, обзаводятся собственнымъ хозяйствомъ. Такъ, несомнѣнно, надо признать хозяйственную самостоятельность членовъ

дружины явленіемъ не первоначальнымъ. На это указываетъ прежде всего древнѣйшая терминологія для обозначенія личнаго состава дружины: *огнищане* и *триди*. По мѣрѣ развитія и усложненія дѣятельности князя и его положенія въ землѣ-волости усложнялось и значеніе его дружиннаго двора. Дружина должна была разрастаться и въ то же время расширять область своихъ дѣйствій. Рядъ ея элементовъ отрывался отъ княжого двора—на посадничества, на тиунства и т. п. Другихъ разбрасывало по волостямъ развитіе княжого хозяйства и землевладѣнія. Подобно тому, какъ князьямъ пришлось во времена Святослава-Ярослава развернуть всѣ личныя силы династіи для укрѣпленія своей власти надъ землями, составлявшими древнюю Русь, разбивая тѣмъ самымъ единство своего семейнаго союза, такъ необходимость организовать управленіе заставила ихъ развернуть дружинныя силы, тѣмъ самымъ разбивая бытовое единство дружиннаго союза — княжого огнища. Дружина остается источникомъ личныхъ силъ князя. Она стоитъ внѣ строя народныхъ общинъ, дѣйствуя на нихъ какъ внѣшняя, исходящая отъ князя сила, лишь постепенно выдѣляя рядъ своихъ элементовъ земскому обществу, но и втягивая изъ него личныя силы въ свои ряды. Изъ нея вырастаетъ новое боярское сословіе, изъ нея развивается княжая администрація, она—историческое зерно будущаго строя помѣстныхъ военныхъ силъ. Какъ огнище княжое, дружина имѣла свою организацію (княжой кормилецъ—Асмудъ; кормилецъ и воевода — Буды; дядко). Основой политическаго вліянія педагоговъ-нуриторовъ-кормильцевъ надо признать связь искусственнаго родства, придававшую кормильцу по отношенію

къ питомцу вліяніе, аналогичное родительской опекаѣ. Подобное явленіе засвидѣтельствовано и текстомъ Патерика. Стремленіе князей Рюриковичей монополизировать въ своихъ рукахъ княжюю власть не дало на Руси кормильству ¹⁾ развиться въ крупную политическую силу. Не только единоличнымъ вождемъ дружины, но и собственнымъ майордомомъ-дворскимъ выступаетъ передъ нами Мономахъ въ своемъ «Поученіи». Стремленіе высшихъ слоевъ дружины къ независимости отъ княжой власти нашло иной выходъ тамъ, гдѣ они стали во главѣ общественныхъ силъ, какъ вліятельный классъ— боярство. Но вообще дружина, окружавшая князя, имѣла большой вѣсъ въ дѣлахъ земли и внутреннихъ и внѣшнихъ. Внутренняя дифференціація дружинной среды была столь значительна и развивалась въ X—XII вв. столь быстро, что едва ли даже правильно говорить о политическомъ и общественномъ значеніи дружины въ ея цѣломъ. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» огнищанъ вовсе не знаетъ, гридей упоминаетъ только разъ при Владимирѣ I. Ту часть дружины, которая сохранила непосредственную связь съ домашнимъ бытомъ князей и стояла всего неотлучнѣе при нихъ, сближаясь и сливаясь съ несвободной челядью, встрѣчаемъ подъ названіемъ: отрока, дѣтскіе, пасынки. Но дружина не разлагается только на отроковъ и бояръ. Между ними стоятъ «мужи храборствующие». Пораженіе князя вело къ разоренію его дружины въ пользу дружины побѣдителя.

¹⁾ Стр. 233—238, вообще посвященные у А. Е. Прѣсякова кормильству, представляютъ серьезный научный интересъ.

Бытовое обособленіе бояръ-дружинниковъ отъ княжого двора не разрывало ихъ личной связи съ княземъ. Бояре—люди князя. Княжіе мужи не перестаютъ ими быть, ставъ боярами. Они обязаны князю службой и личной вѣрностью, которую безъ согласія князя не долженъ разрывать даже религіозный порывъ (А. Е. Прѣсняковъ безусловно отрицательно относится къ теоріи такъ называемаго земскаго боярства, отличнаго отъ боярства дружиннаго, см. у него стр. 198, 202, 247). Дружинныя отношенія подвергались тяжкому испытанію въ противорѣчіяхъ между интересами боярства и перипетіями княжой борьбы. Добиться ббльшей устойчивости для своей землекняженія стало естественной тенденціей кіевскаго боярства такъ же, какъ высшихъ торговыхъ слоевъ городского общества. Въ боярствѣ кіевскомъ и за нимъ идущихъ зажиточныхъ слояхъ населенія естественно видѣть носителей тенденціи къ обособленію Кіевщины надъ княженіемъ Мстиславовъ — линіи Мономахова дома. Что касается «мужей храборствующихъ», этого поэтического термина, такъ хорошо передающаго основное значеніе древнихъ *гридей*, то въ нихъ надлежитъ видѣть, прежде всего, основной боевой контингентъ личныхъ военныхъ силъ князя; ихъ очень трудно отличить въ текстѣ лѣтописей отъ городскихъ ополченій, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ труднѣе. Причина того—разложеніе и преобразование стараго военнаго строя, начало того процесса, въ концѣ котораго явилась организація помѣстныхъ войскъ. Историческое развитіе ведетъ постепенно къ сближенію элементовъ дружины и городовыхъ подковъ. Съ одной стороны, можно представить себѣ разложеніе старыхъ городовыхъ ополченій, а съ

другой—такое же осѣданіе дружинныхъ военныхъ силъ по городамъ и волостямъ, какое наблюдается и въ судьбахъ старшей, бѣльшей дружины, ставшей боярствомъ.

Слово *бояре* имѣло то болѣе узкое, то болѣе широкое значеніе. Часто объемлетъ оно все, что стоитъ выше престолярной массы и городского купечества. Въ этихъ случаяхъ подъ ними разумѣются не только «бояре думающіе», но и «мужи храборствующіе», весь наличный составъ «княжихъ мужей», кромѣ отроковъ и челяди. Но понятіе о княжой дружинѣ сильно расширилось къ концу XII в. Оно объемлетъ вліятельные верхи общества и всю военную силу княженія. Дружина раздѣлилась на княжой дворъ и боярство, крупное и родовое. Въ дальнѣйшей эволюціи слово *бояре* укрѣпилось въ Московской Руси за высшими разрядами, въ западной—за низшимъ слоемъ военного люда. Но историческій ихъ корень общій—въ княжой дружинѣ.

XVI. ЗАВИСИМОЕ И НЕСВОБОДНОЕ НАСЕЛЕНИЕ: СМЕРДЫ, ЗАКУПЫ И ХОЛОПЫ.

(В. И. Сергѣевичъ. «Русскія Юридическія Древности». Т. I. «Территорія и населеніе». Спб. 1890).

Горожане и княжеская дружина составляли верхи древняго общества кievской Руси, съ извѣстной отчетливостью отразившіеся въ дошедшихъ до насъ памятникахъ. Остальная часть населенія, стоявшая внѣ городскихъ общинъ и дружины, не играла политической роли и выступаетъ по документамъ въ менѣ ясныхъ очертаніяхъ.

Древняя исторія каждаго народа начинается съ неизвѣстнаго нашему времени дѣленія людей на свободныхъ и рабовъ. Это дѣленіе составляетъ принадлежность и нашего древняго права. Все населеніе искони распадалось у насъ на свободныхъ и холоповъ. Сословій въ собственномъ смыслѣ не было ¹⁾. Каждый имѣлъ право на все, но одному удавалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣлялся какъ человекъ «лучшій»; кто оставался позади всѣхъ, тотъ характеризовался эпитетомъ «меньшого» человека. Отличительный признакъ «меньшихъ» людей составляетъ ихъ мѣньшая сравнительно съ «лучшими» людьми экономическая обезпеченность. Отдѣльные разряды «меньшихъ» людей носятъ разныя наименованія, смотря по мѣстностямъ: таковы смерды и закупы. Начнемъ съ первыхъ.

¹⁾ Срв. выше на стр. 491.

I

С М Е Р Д Ы.

Смерды ¹⁾ составляют *свободное* население. Это совершенно ясно изъ «Русской Правды». Перечисливъ цѣны разнаго вида домашняго скота, которыя должны уплачиваться похитителемъ скота въ тѣхъ случаяхъ, когда похищенное животное не могло быть возвращено натурою, «Правда» говоритъ, что (ст. 41) смердь наказывается продажею, а это признакъ свободного человѣка, такъ какъ рабовъ князь продажею не казнить.

Такъ какъ смерды суть свободные люди, то отсюда, само собой, слѣдуетъ, что они пользуются и всѣми правами свободныхъ людей. Не останавливаясь на перечисленіи этихъ правъ, приведемъ только тѣ изъ нихъ, о которыхъ прямо упоминается въ древнихъ памятникахъ.

Смерда, какъ свободного человѣка, никто не можетъ наказывать безъ приказа подлежащей власти:

Или смердь оумочать ²⁾, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны. Акад. 31. Ср. (ст. 71).

¹⁾ Терминъ этотъ въ напечатанномъ далѣе текстѣ «Русской Правды» по Троицкому списку встрѣчается въ статьяхъ 13, 41, 71 и 85. Всѣ цифры въ скобкахъ съ знакомъ ст. означаютъ статьи «Правды» по названному списку. *Ред.*

²⁾ «Мука» — наказаніе, казнь (ст. 71, 72, 81 и 82).

У смердовъ можетъ быть и собственность. «Русская Правда» говоритъ о конѣ смерда (Акад. 25: *за князь конь, иже той съ пятномъ, 3 гривенъ, а за смерды 2 гривенъ*), лѣтописи — о его пашнѣ. Дружина Святополка потому возражала противъ войны съ половцами весною 1103 г., что боялась «погубити смерды и *ролю ихъ*». Пашнею смердовъ можетъ быть, конечно, названа и та пашня, которую они имѣли на владѣльческихъ земляхъ, снимаемыхъ въ аренду. Но если бы дѣло шло только о такихъ земляхъ, то, надо думать, дружина жалѣла бы не объ однихъ только нанимателяхъ, смердахъ, но и о собственникахъ, ибо и они несли убытки. Вотъ почему подъ пашнею смердовъ въ данномъ случаѣ надо разумѣть преимущественно пашню на ихъ собственныхъ, а не на владѣльческихъ земляхъ.

Какъ свободныя лица, смерды несутъ повинности въ пользу государства и съ этой цѣлью образуютъ своеобразныя податныя единицы. Въ Новгородѣ эти податныя единицы носятъ наименованіе погостовъ. Въ новгородскихъ договорахъ съ князьями читаемъ:

Кто купецъ, поидеть въ свое сто, а кто смердъ, тотъ потянетъ въ свой погостъ.

Смерды платятъ князю дань:

Приде князь Михайлъ ис Чернигова въ Новгородъ, по велицъ дни Ѵоиминъ недѣли исходяче... и цѣлова крестъ на всей волю новгородьстны и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, и вда свободу смердомъ на 5 лѣтъ даню не платити, кто сбъжалъ на чужю землю, а симъ повель, кто сдѣ живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань (Новгор. подъ 1229 г., стр. 44—45).

Они носятъ оружіе и входятъ въ составъ войска:

И нача Ярославъ воє свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривенъ, а новгородъчехъ по 10 вѣзмъ, и отпусти я домовъ вся (Новгор. I лѣт. подъ 1016 г.).

Здѣсь смерды различены отъ новгородцевъ. Надо думать, что и въ Новгородѣ, какъ и въ Псковѣ, смерды означали сельскихъ, а не городскихъ жителей, названныхъ новгородцами.

При описаніи ночного нападенія Данила Романовича на Бѣльзъ, читаемъ:

Вся земля поплена бысть: бояринъ боярина плънившє, смердъ смерда, градъ града (Ипат. лѣт. подъ 1221 г., стр. 494).

Смерды составляютъ низшій слой свободнаго населенія, они живутъ трудами рукъ своихъ и, по общему правилу, занимаются земледѣліемъ. Это сравнительно приниженное положеніе ихъ въ обществѣ отразилось и въ древнѣйшемъ правѣ въ разной цифрѣ вознагражденія, полагаемаго за муку, причиненную смерду и человѣку высшаго положенія, каковы были тивуны, мечники, огнищане и др. За муку смерда взыскивалось 3 гривны, за муку человѣка высшаго состоянія — 12. Акад. 31—32. Ср. (ст. 71—72).

Что касается штрафа за убійство смерда, то на этотъ вопросъ можно отвѣтить только предположительно. Согласно первой статьѣ «Правды» смерть изгоя оплачивалась 40 гривнами; изгой же занимали въ древнемъ обществѣ положеніе еще болѣе низкое, чѣмъ смерды. Это даетъ основаніе заключить, что и убійство смердовъ оплачивалось тѣми же 40 гривнами.

Смерды составляютъ низшій слой свободнаго населенія, но это различіе только фактическое; при искусствѣ и удачѣ они могутъ подняться въ самыя высшіе его слои. Лѣтописецъ говоритъ, что «бояре галичѣстии Данила ¹⁾ княземъ собѣ называху, а самѣ всю землю держаху»; среди этихъ бояръ находимъ: Судыча «попова внука» и Лазоря Домажиреча съ Иворомъ Молибожичемъ «два безаконьника отъ племени смерды».

Еще А. Рейцомъ (въ 1829 г.) былъ высказанъ весьма близкій къ правдѣ взглядъ на смердовъ. Онъ называетъ ихъ «простолюдинами», но не входитъ въ разборъ памятниковъ.

Позднѣйшіе изслѣдователи не оцѣнили по достоинству этого вѣрнаго намека и очень затемнили понятіе смерда. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ В. Н. Лешковымъ въ его сочиненіи: «Русскій народъ и государство» (М. 1858). Онъ утверждаетъ, что смерды были *люди князя*, что они принадлежали только ему, подобно тому, какъ холопы и закупы принадлежали другимъ владѣльцамъ.

Это мнѣніе не отличается опредѣленностью. На языкѣ московскихъ памятниковъ выраженіе «чьи-либо люди» означаетъ чьихъ-либо рабовъ. Въ какомъ смыслѣ употребилъ это выраженіе авторъ, остается неяснымъ. Уподобляя смердовъ князя рабамъ другихъ владѣльцевъ, онъ, кажется, хочетъ сказать, что смерды суть рабы князя. Но у него

¹⁾ Ростиславъ Михайловичъ идетъ на Данилу Романовича, «собравше смерды многы пѣшцы». Ипат. подъ 1241 и 1245 г. Вон и здѣсь отлчаются отъ смердовъ-пѣшцевъ. Срв. Ипат. подъ 1159 г. Ред.

же читаемъ: «въ глазахъ общества и предъ закономъ смерды имѣли почти всѣ права свободныхъ». Если у нихъ почти всѣ права свободныхъ, то они, надо думать, не рабы. Отсюда, въ дальнѣйшемъ выводѣ, получается слѣдующій несогласный съ источниками результатъ: князья не имѣютъ рабовъ, такъ какъ смерды, замѣняющіе для нихъ рабовъ частныхъ владѣльцевъ, не суть рабы.

Это не совсѣмъ ясное мнѣніе доказывается ссылкой на противоположеніе княжого коня коню смерда ¹⁾ и на статью, опредѣляющую одинаковое вознагражденіе за убійство ²⁾ холопа и смерда, и словами Яна Вышатича, воеводы Святослава.

Во время голода въ Ростовской волости два волхва, пришедшіе изъ Ярославля на Бѣлоозеро, обманули легковѣрный народъ относительно причинъ голода, послѣдствіемъ чего было убійство имъ въ чемъ невиновныхъ людей. Въ разгаръ этой заматни прибылъ на Бѣлоозеро Янъ Вышатичъ; обманъ волхвовъ для него не подлежалъ сомнѣнію.

Янъ же испытавъ, чья еста смерда (волхвы), и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ео суть, рече имъ: выдайте волхва та съмо, яко смерда еста моего князя (Лавр. лѣт. подъ 1071 г.).

Вотъ эти-то слова Яна «смерды моего князя» и легли въ основаніе неяснаго положенія «смерды суть люди князя». Выраженіе «смерды моего князя» значитъ подданные моего князя. Дѣло, въ данномъ случаѣ, шло о преступленіи, совершонномъ волхвами, и о судѣ надъ ними. Подсудность же опредѣля-

¹⁾ См. выше на стр. 499.

²⁾ См. ниже примѣчаніе къ 13-ой статьѣ текста «Русской Правды».

лась подданствомъ. Вотъ почему Яну и надо было выяснитъ, чьи подданные волхвы.

Этому объясненію совершенно соотвѣтствуетъ и отвѣтъ волхвовъ. Они говорятъ Яну: «нама стати предъ Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже», т.-е. мы должны стать на судъ самого князя; о возвращеніи же къ князю рабовъ его или вообще зависимыхъ отъ него людей здѣсь рѣчи нѣтъ.

Мнѣнію, высказанному Лешковымъ, весьма посчастливилось въ нашей литературѣ. Къ мысли о томъ, что смерды не низшій слой свободныхъ людей, а особый классъ, состоящій въ нѣкоторомъ ближайшемъ отношеніи къ князю, примыкаетъ цѣлый рядъ нашихъ изслѣдователей.

В. Н. Никольскій въ своемъ изслѣдованіи «О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ» (М. 1859) даетъ этой мысли дальнѣйшее развитіе и новую аргументацію; онъ говоритъ, что источники не даютъ прямого отвѣта на вопросъ о томъ, кто были смерды, что, однако, не мѣшаетъ ему нарисовать весьма полную картину положенія смердовъ.

Исходя изъ статьи Правды «о смердѣй задници» (ст. 85), которую онъ беретъ только по одному Карамзинскому списку — ст. 103 —, а слова «безъ дѣтей» переводитъ словами «безъ сыновей», Никольскій заключаетъ, что смерды были люди, *обязанные* князю и непосредственно отъ него *зависимые*, рисуя цѣлую картину этой зависимости. Смерды его составляютъ рабочій безземельный классъ. Они поселяются на княжескихъ земляхъ и, будучи лично свободными, обязаны обрабатывать землю на князя.

Они состоятъ на барщинѣ у князя и работаютъ изъ-за хлѣба. Собственности у нихъ никакой нѣтъ, даже движимости имъ не принадлежать, такъ какъ въ то отдаленное время, по увѣренію автора, домъ, дворъ, домашній скотъ и орудія обработки земли считались принадлежностью земли и составляли собственность князя. Авторъ совершенно не хочетъ знать статей «Русской Правды», которыя говорятъ о конѣ смерда и опредѣляютъ за него иное взыска- ніе, чѣмъ за коня князя.

П. П. Цитовичу принадлежитъ заслуга правиль- наго объясненія начала статьи «о смердѣй задницы», невѣрное чтеніе которой послужило исходнымъ пунктомъ всей аргументаціи Никольскаго. Но и онъ не могъ освободиться отъ вліянія идей Лешкова. Про- тивоположеніе княжого коня коню смерда и для него составляетъ несомнѣнное доказательство осо- бой зависимости смерда отъ князя. Состояніе смерда есть поэтому состояніе зависимости отъ князя и личной ему подчиненности; это—отношеніе наймита къ хозяину («Исходные моменты въ исторіи рус- скаго права наслѣдованія». Харьковъ. 1870). Но въ «Русской Правдѣ» княжой тивунъ противопоставляется тивуну боярскому; авторы, мнѣнія которыхъ мы разсматриваемъ, кажется, не замѣтили этого про- тивоположенія, иначе они должны были бы гово- рить о такой же зависимости бояръ отъ князя, въ какой находились отъ него смерды. Отъ одина- ковой зависимости имъ бы слѣдовало заключить и къ одинаковости соціального положенія смердовъ и бояръ.

Тѣсно къ Никольскому примыкаетъ Никитскій. У него смердъ собственности не имѣетъ и живетъ на

княжеской землѣ (см. «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». С.-Пб. 1873).

Проф. Ключевскій эти княжескія земли превратилъ уже въ государственныя. Онъ считаетъ смерда ¹⁾ государственнымъ крестьяниномъ, жившимъ на землѣ княжеской, въ смыслѣ государственной («Русская Мысль», 1880, № 1, стр. 63).

Слабый отголосокъ идей Лешкова можно найти даже у М. Ф. Владимірскаго-Буданова. «Земли общинныя, — говоритъ онъ, — считались государственными, и смерды, ихъ населявшіе, были смердами князя». За этимъ, какъ доказательство, приводятся слова Яна (см. «Обзоръ исторіи рус. права», стр. 34 по изд. 1888 г.) ²⁾.

¹⁾ По Н. А. Рожкову *смердъ* и *свободный человекъ* — синонимы, смердомъ въ кievской Руси назывался всякій свободный въ противоположность, съ одной стороны, несвободнымъ и полусвободнымъ, съ другой — княжеской дружинѣ и духовенству; корпоративныя политическія права смердовъ не были значительны; смерды давали дань князю и отбывали военную службу (см. «Обзоръ русской исторіи», стр. 44 и слѣд.). У М. А. Дьяконова («Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси», т. I, стр. 95) замѣчено, что «какъ бы ни было различно хозяйственное положеніе смердовъ, они всѣ признавались самостоятельными хозяевами и поэтому были обложены данями; а такъ какъ *смерды* составляли главную массу свободнаго населенія древне-русскихъ земель, то они считались главными плательщиками дани». Смерды же «составляли массу народнаго ополченія» (являлись пѣшими воинами). *Ред.*

²⁾ Въ новѣйшей работѣ А. Е. Прѣснякова «Княжеское право» общая точка зрѣнія на смердовъ такова. Господствующимъ можно назвать мнѣніе, что слово *смерды* означаетъ всю массу

II.

ЗАКУПЫ.

Пространные списки «Русской Правды» служат почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о закупахъ (ст. 52—55, 57, 59).

сельскаго населенія. Общій характеръ всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій не позволяетъ отождествить ополченія смердовъ съ городскими полками или видѣть въ смердахъ основной ихъ контингентъ. Извѣстія XII—XIII в. знаютъ только смерлапѣшца. Смерды новгородскіе не «люди князя», они живутъ по общему земскому праву новгородскому, подъ общей подсудностью. Новгородскіе договоры принимаютъ тщательныя мѣры, чтобы смерды не попали въ особую, личную зависимость отъ князя, не стали его закладными, закладниками, не «позоровали» къ нему. Инымъ было отношеніе между княземъ и смердами въ Кіевщинѣ. По «Русской Правдѣ» имуществу смерда, умершаго безсыновнымъ, по выдѣленіи части на дочерей, если таковыя имѣются, идетъ князю. Нѣтъ у насъ основаній строить объясненіе положенія смерда на отношеніяхъ поземельныхъ. Съ одной стороны, свидѣтельства о смердахъ не говорятъ о томъ, чтобы они сидѣли на княжой землѣ, съ другой,—свидѣтельства о княжихъ дворахъ и селахъ, грамоты о дарованіи земель духовенству не указываютъ смердовъ на земляхъ княжескихъ. Не въ поземельныхъ, а въ отношеніяхъ властной опеки—съ одной, зависимости и повинностей, съ другой стороны, корень вопроса. Смерды—сельское населеніе, земледѣльческое, противопологаемое го-

Недожившее до наших дней и не совсѣмъ понятное намъ слово «закупъ» объяснено въ «Русской Правдѣ» совершенно понятнымъ выраженіемъ «наймитъ».

Продасть ли господинъ закоупа обеля, то наймиту свобода въ всѣхъ коунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажи (изъ ст. 55).

Закупъ, слѣдовательно, есть наемный человѣкъ, наемный работникъ.

Но почему онъ называется закупомъ, и что значить это слово?

Въ старину слово *купить* означало и *наемъ*. А потому, кто хотѣлъ сказать, что онъ не нанялъ, а приобрѣлъ вещь въ собственность, тотъ не ограничивался выраженіемъ «я купилъ», а прибавлялъ «купилъ въ прокъ», «въ дернь», «въ вѣкъ» и пр. Крестьяне Лужскаго уѣзда и теперь нанятые луга называютъ купленными, а глаголъ «покупать, куплять» употребляютъ въ значеніи найма.

Закупъ и закупный человѣкъ (именно такое выраженіе встрѣчаемъ въ Карамзин. списокѣ, ст. 70 «оже за-

рожанамъ. Хозяйственную связь смердовъ съ княжимъ дворомъ осторожнѣе представлять себѣ основанной не на помещельныхъ отношеніяхъ, а на системѣ повинностей, которыми они тянули къ княжому хозяйству, и которая стала источникомъ и исходнымъ пунктомъ позднѣйшаго «окняженія» ихъ земли. Смерды входятъ въ составъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалось особое «княжое общество», социальный организмъ особаго уклада, служившій опорой самостоятельному положенію древне-русскаго князя въ землѣ княженін (срв. стр. 206 — 213 и 278 — 293). При изученіи вопроса о смердахъ необходимо ознакомленіе съ изслѣдованіемъ Б. А. Романова *Смердѣй конь и смердѣ* (см. выше примѣчаніе на стр. 418).

крупными бѣжить отъ господина, то обелъ») обозначаетъ, слѣдовательно, наемнаго человека въ противоположность собственному обелъному холопу¹⁾.

Закупъ получаетъ отъ господина за свой трудъ плату. Наемные рабочіе и теперь нерѣдко получаютъ заработную плату впередъ; то же дѣлалось и въ старину. Въ этомъ смыслѣ и надо понимать выраженіе ст. 73-ей по Карамз. списку: «продать ли господинъ закоупа обелъ, то и наймиту слобода въ всѣхъ коунахъ, а господину платити за обиду 12 гривенъ продажи». Если господинъ продаетъ наймита

1) К. А. Невольнъ (III, 339, пр. 124 и V, 147) утверждаетъ, что слово закупъ означаетъ залогъ или закладъ. «Въ древнія времена,—говоритъ онъ,—заемъ весьма часто былъ обезпечиваемъ личною свободою должника. Занимавшій деньги или другіе предметы становился на время, пока онъ не выплатитъ долга, холопомъ своего заимодавца и долженъ былъ отправлять на него извѣстныя работы или службы, условленныя при самомъ заключеніи договора займа. Въ Русской Правдѣ заемщики этого рода называются закоупами,—словомъ, означавшимъ прежде вообще залогъ или закладъ. Позднѣе встрѣчается для нихъ заимствованное отсюда наименование закладчиковъ или закладней». Въ доказательство онъ ссылается на выраженіе одного документа: «нышъ вотчина очищена вся отъ (такихъ-то) и ни у кого не въ закупѣ и въ закладѣ нѣтъ...» Здѣсь слово «закупъ» противопоставлено «закладу» и, конечно, должно означать что-либо другое, а не тотъ же закладъ. Въ томъ же документѣ, въ мѣстахъ, соответствующихъ приведенному, встрѣчаемъ такое противоположеніе: «не продавать и не закладывать», или «что кому продадимъ или заложимъ». Изъ сопоставленія приведенныхъ мѣстъ слѣдуетъ, что слову «закупъ» соответствуетъ понятіе продажи, а не заклада. Памятникъ, на который ссылается Невольнъ, составленъ во 2-й четверти XVII вѣка. Въ это время слово «закупень» въ московскихъ памятникахъ употреблялось въ значеніи купца, торговаго человека.

въ рабство (выдавъ его обманомъ за своего холопа), то проданный получаетъ «свободу во всѣхъ кунахъ», т.-е. освобождается отъ обязанности уплатить или отработать взятую впередъ плату.

Закупа «Русской Правды» нѣтъ основанія приравнивать къ кабальному холопу. Кабальный холопъ служилъ за проценты съ занятаго капитала; закупъ же служить за наемную плату и погашаетъ свой долгъ, если беретъ плату впередъ, работой.

Статья 105 Троиц. списка не упоминаетъ о закупѣ, но, конечно, говоритъ о послѣдствіяхъ нарушенія договора найма услугъ со стороны работника:

Вда цѣну (изъ списка Мусина-Пушкина вмѣсто: «а въдачь» Тр.) не холопъ, ни по хлѣбъ роботать, ни по придаткъ¹⁾; но оже не доходятъ юда, то ворочати ему милость; отходитъ ли, то не виноватъ есть.

Передъ приведенной статьей въ Правдѣ помѣщены три статьи, въ которыхъ указаны способы установленія рабства. Въ этой, слѣдующей за ними, наоборотъ, указаны случаи, которые не должны вести къ рабству. Эти случаи имѣютъ въ виду рабочихъ, нанимаемыхъ на опредѣленный, годовой срокъ и получающихъ впередъ годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлѣбомъ, придаткомъ къ денежной наемной платѣ, надо думать), или деньгами (вда цѣну). Кто получилъ плату (цѣну) впередъ, тотъ не дѣлается рабомъ, а долженъ или отходить свое время, или возратить милость²⁾.

¹⁾ Срв. въ Новгород. I лѣт. подъ 6736 г. (1228 г.) «Пльско-види же тгда ...тѣхъ, кто ималь *придаткъ* у Ярослава, выгнаша изъ Пльскова». *Ред.*

²⁾ Но и редакция Троицкаго списка «а въдачь не холопъ» допускаетъ совершенно удовлетворительное объясненіе. Слово

Условіе, въ силу котораго выданная цѣна погашается годовой работой, показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о займѣ вообще, такъ какъ не всякій же заемъ можетъ погашаться годичной работой, а о впередъ данной платѣ наймиту, которая натурально соответствуетъ цѣнности годовой работы, а потому и погашается ею.

Закупъ имѣетъ свою собственность и самъ отвѣчаетъ за убытки, причиненные его дѣйствіями нанимателю, какъ видно изъ ст. 53. Общій смыслъ статьи совершенно понятенъ. Она говоритъ объ отвѣтственности закупа за нерадѣніе, причинившее убытки хозяину его. Поэтому, если убытокъ случился въ отсутствіе закупа, происшедшее не по его винѣ, онъ не отвѣчалъ. Понятная въ общемъ, статья представляетъ непреодолимыя трудности въ своемъ первомъ предложеніи. Ролейный (радо—соха, ролья—пашня) закупъ есть наемный земледѣлецъ. Но что значить войскій конь?

Допустимъ, хотя это и трудно, что «войскій» значить «воинскій» (трудность же такого допущенія состоитъ въ малой вѣроятности того, чтобы въ XIII вѣкѣ у насъ обособились уже кавалерійскія лошади отъ упряжныхъ); остается непонятнымъ, почему закупъ, погубивъ своимъ небреженіемъ такого коня, не платилъ убытковъ. Объясненіе Н. И. Ланге (онъ не платилъ потому, что сельскому работнику не слѣдовало поручать наблюденія за кавалерійскою лошадыю,— въ «Исслѣдованіи объ уголовномъ правѣ

«дача» и теперь употребляется въ великорусскомъ языкѣ въ смыслѣ жалованья, содержанія, пайка. Выраженіе же Троиц. списка «а въ дачѣ» имѣетъ варианты: «а въ дачѣ», т.-е. за паякъ не рабъ.

Русской Правды», Спб. 1859) представляется слишком искусственнымъ.

Остается второе предположеніе, по которому вмѣсто «войскій» надо читать «свойскій», т.-е. свой конь, принадлежащій закупу. Хотя та же статья говорить, что закупы получали даже бороны отъ нанимателей, но допустимъ, что между ними могли быть и такіе, которые подражались на сельскія работы на своихъ лошадяхъ. Что будетъ значить, что закупъ не платилъ, погубивъ лошадь своимъ небреженіемъ? Что онъ не платилъ нанимателю за пагубу своей лошади, это само собою разумѣется, потому что лошадь не хозяйская, а его, и объ этомъ нечего было и упоминать въ статьѣ, имѣющей предметомъ убытки нанимателя. Но отъ пагубы лошади, на которой нанять подрядился работать, могъ возникнуть убытокъ для нанимателя: потерявъ или (что то же) тайно продавъ свою лошадь, нанять не вспахалъ поля во-время и тѣмъ причинилъ нанимателю убытокъ. Освобождался ли онъ отъ вознагражденія за такой убытокъ? Это очень трудно допустить. Такимъ образомъ, и при этомъ второмъ предположеніи разсматриваемое правило остается непонятнымъ.

Слѣдующая статья (ст. 54) говорить объ утратѣ хозяйскаго скота небреженіемъ закупа и не представляетъ никакихъ трудностей.

Двѣ указанныя статьи даютъ весьма полную картину экономическаго положенія закупа. Это бѣдные люди, которые ни плуга, ни бороны не имѣютъ. Весь рабочій припасъ получаютъ они отъ нанимателя, живутъ въ его дворѣ, пасутъ его скотъ и исполняютъ всякія его порученія («аже ли госпо-

динъ его отследить на свое орудье»). Такіе наемники, если берутся для пашенныхъ работъ, носятъ наименованіе ролейныхъ закуповъ.

Статья 54 упоминаетъ о «дѣлѣ закупа»: если закупъ погубить господскій скоть, дѣлая свое дѣло («орудья своя дѣя»), то платитъ убытки. Подъ дѣломъ закупа можно разумѣть все то, къ чему онъ былъ обязанъ, какъ работникъ. Онъ портилъ, на примѣръ, хозяйскую скотину во время господской на ней работы и, конечно, платилъ убытки, если былъ виноватъ въ небрежности. Ив. Бѣляевъ (въ «Крестьянахъ на Руси». М. 1860; по 3-му изд. 1891 г., стр. 8, 15—23) слишкомъ уже много прибавляетъ своего къ источникамъ, когда утверждаетъ, на основаніи «орудья своя дѣя», что закупы жили своими семьями, работали на себя господскимъ скотомъ и платили убытки, если повреждали скоть на этой своей работѣ. Если принять это толкованіе, то окажется, что закупъ отвѣчалъ за поврежденіе скота на своей только, а не на господской работѣ, что невозможно.

Какъ свободный человѣкъ, закупъ заключаетъ договоры и имѣетъ право иска даже противъ нанимателя. Явный уходъ со двора господина для займа денегъ и даже побѣгъ для принесенія на него жалобы не ведутъ къ рабству. Изъ (ст. 52) надо заключить, что наниматели пользовались всякимъ случаемъ, чтобы обратить наймита въ обельнаго холопа. Потребовалось оказать закупамъ защиту. Княжескій судъ даетъ имъ эту защиту.

Предоставивъ закупу право иска противъ нанимателя, Правда опредѣляетъ и размѣръ отвѣтственности этого послѣдняго за нѣкоторыя незаконныя

его дѣйствія. (См. ст. 55). Общій смыслъ испорченной переписчиками 55-й статьи совершенно понятенъ. Она перечисляетъ нѣкоторые недозволенные дѣйствія (обиды) нанимателя по отношенію къ закупу и опредѣляетъ наказанія за ихъ совершеніе. Но нѣкоторыя частности неясны и даютъ поводъ толкователямъ далеко расходиться въ мнѣніяхъ.

Закупъ получаетъ наемную плату. Она называется то «купой, копой» (ст. 53), то «цѣной» (ст. 105). Господинъ можетъ не доплатить этой купы или цѣны. Это, кажется намъ, и разумѣетъ статья, говоря: «оувидить (т.-е. увередить) купу его». Совершенно понятенъ, поэтому, вариантъ: «оувередить цѣноу».

Но закупъ, самъ отвѣчающій за причиненныя имъ нанимателю убытки, можетъ, конечно, имѣть и нѣкоторое свое имущество. Въ одномъ памятникѣ 1382 г. *resulium* переведено словомъ «отарица» (*τεκροῦλιον*). Увередить «отарицю», думаемъ, значитъ — отобрать у закупа собственное его имущество.

«Принять на закупѣ кунъ» можетъ значить занять денегъ и въ обезпеченіе долга отдать закупу кредитору.

Закупъ есть тотъ же смердъ, но бѣдный, не имѣющій возможности жить своимъ хозяйствомъ, а потому и поступающій въ качествѣ наемника въ чужой дворъ. Онъ не самостоятельный хозяинъ, а слуга другого человѣка. Это уже переходное состояніе къ обельному холопству. Такихъ свободныхъ слугъ въ старину звали добровольными холопами ¹⁾.

¹⁾ «Существеннымъ признакомъ соціального и юридическаго положенія закупа, по мнѣнію М. А. Дьяконова (стр. 10

Этимъ надо объяснять, что закупы хотя, несомнѣнно, были свободными людьми, но подлежали нѣкоторому ограниченію своихъ правъ. Такъ, къ свидѣтельству на судѣ они допускались только по нуждѣ и въ малыхъ дѣлахъ (ст. 59). Наниматель имѣлъ право наказывать ихъ за дурное исполненіе своихъ обязанностей по собственному усмотрѣнію. безъ суда (ст. 55).

Вопросъ объ отношеніи работниковъ къ нанимателямъ весьма занималъ нашихъ предковъ эпохи «Русской Правды». И въ то время, какъ и въ наше, наниматели не всегда были довольны работниками, а работники—нанимателями и иногда принуждены были уходить отъ нихъ до срока. Древняя практика принимала чрезвычайно рѣшительныя мѣры для огражденія интересовъ нанимателей отъ нарушенія работниками договора найма. Работникъ, ушедшій до срока, терялъ свою свободу (ст. 52). При этихъ условіяхъ, конечно, и сложилась извѣстная и намъ поговорка: «нанялся—продался».

Можно, однако, думать, что эта практика или не была повсемѣстной, или въ XIII в. стала уже выходить изъ употребленія. Приведенная выше (выше на стр. 509) 105 ст. допускаетъ досрочный уходъ годового работника, даже взявшаго впередъ плату, на условіи возвращенія забранныхъ денегъ.

и слѣд. «Очерковъ общественнаго и государственнаго строя»), является то, что у него есть господиѣ». Что касается привлеченія цѣннаго матеріала текстовъ западно-русскихъ памятниковъ XV—XVI вв., какое встрѣчаемъ въ статьѣ М. Н. Ясинскаго *Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права* (Кіевъ. 1904), то авторомъ пока не доказано тождество закуповъ литовскаго права съ закупамъ Кіевщины.

Въ Правдѣ замѣтны два теченія. Наниматели стараются насколько можно стѣснить свободу наемника; они домогаются, обратить добровольнаго холопа въ обельнаго за отлучку со двора ихъ для займа денегъ, или для принесенія жалобы на обиду господина. Князья же берутъ наймитовъ подъ свою защиту. На ихъ судѣ, конечно, и возникли вышеприведенныя огражденія свободы закупа (выше на стр. 512).

Начало 52 статьи, опредѣляющей рабство за бѣгство закупа, и статья 105, допускающая досрочный уходъ годового работника на условіи возвращенія забранныхъ впередъ денегъ, могутъ быть, однако, и совершенно примирены. Статья 52 караетъ холопствомъ *тайное* бѣгство закупа съ намѣреніемъ скрыться отъ нанимателя; статья 105 говоритъ о *явномъ* его уходѣ, при чемъ онъ обязывается уплатить неотработанныя деньги.

Огражденіе правъ нанимателей имѣетъ въ виду и ст. 57. Если закупъ дѣлался должникомъ третьяго лица, то онъ не отвѣчалъ лично, ибо это могло повести къ нарушенію интересовъ нанимателя, а предоставлялся въ полную его власть. Это общее начало выражено въ первой строкѣ 57 ст., но въ казуистической формѣ: *«Аже закупъ выведетъ что (если закупъ что украдетъ, ближайшимъ образомъ, если онъ уведетъ, «выведетъ» домашнюю скотину), то господинъ въ немъ»*, т.-е. господинъ можетъ поступить съ нимъ, какъ заблагоразсудитъ: можетъ, уплативъ причиненный убытокъ, сдѣлать его холопомъ своимъ и можетъ продать его обель для возмѣщенія убытка. Послѣдующія слова статьи содержать только пространное толкованіе этой мысли

Въ своемъ толкованіи Правда отправляется отъ того же конкретнаго случая: закупъ укралъ коня, или вода, или иной товаръ и бѣжалъ. Закупъ могъ быть долженъ господину за порчу его вещей, за впередъ полученную плату и проч. Если бы онъ отвѣчалъ самъ за убытки третьимъ лицамъ, интересы господина его могли бы быть этимъ нарушены. Въ огражденіе ихъ онъ и предоставляется въ полную его власть.

Литература вопроса о закупахъ отличается, сравнительно, большимъ разнообразіемъ мнѣній. Но и здѣсь едва ли не ближе всѣхъ къ истинѣ Рейцъ ¹⁾. Онъ считаетъ закупа нанятымъ работникомъ. Но такъ какъ работа по условію была въ древности въ родѣ неволи, то онъ и относитъ закуповъ къ несвободному населенію.

Иначе взглянули на вопросъ историки - цивилисты—Д. И. Мейеръ («Древнее русское право залога». Казань. 1855) и Неволинъ ²⁾. По ихъ мнѣнію, закупничество не есть договоръ личнаго найма, а заемъ, обезпеченный залогомъ личности должника; это древнѣйшая форма залога. Закупъ, обезпечивающій своимъ лицомъ исправность будущей уплаты, находится въ состояніи временнаго рабства; до уплаты онъ въ работѣ.

Сторонники приведеннаго мнѣнія недостаточно оцѣнили встрѣчающуюся въ «Русской Правдѣ» замѣну слова «закупъ» словомъ ³⁾ «наймитъ», и указаніе

¹⁾ Срв. выше на стр. 501.

²⁾ Срв. выше примѣчаніе на стр. 508.

³⁾ По мнѣнію А. Прѣснякова (стр. 299), встрѣчающееся въ памятникахъ отождествленіе найма съ лихвой дѣлаетъ понятнымъ наименованіе закупа наймитомъ и безъ признанія

этого памятника на плату, получаемую закупомъ отъ господина, и на погашеніе этой платы, если она выдавалась впередъ, годовой работой. Долгъ закупа погашается работой, а не обезпечивается ею до уплаты; притомъ онъ погашается непременно годовой работой, не болѣе и не менѣе. Это, конечно, не заемъ, а плата впередъ; поэтому долгъ этотъ и названъ «милостью».

Вполнѣ примыкаетъ ко взгляду цивилистовъ и Б. Чичеринъ («Опыты по исторіи рус. права», 154), по мнѣнію котораго «закупомъ назывался человѣкъ, который за долгъ отдавался въ работу». Но отъ его вниманія не ускользнуло наименованіе закупа наймитомъ. «Дѣйствительно,—говоритъ онъ,—это былъ родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства» (купы).

«Впослѣдствіи,—продолжаетъ авторъ,—самое это слово (закупъ) исчезаетъ, а вмѣсто его является названіе: закладня, которое, въ свою очередь, превращается, наконецъ, въ названіе кабальнаго холопа». Эта историческая смѣна понятій закупа кабальнымъ холопомъ совершенно послѣдовательна съ точки зрѣнія автора; но въ дѣйствительности такой смѣны не могло произойти по той причинѣ, что закупничество и кабальное холопство — два весьма различныхъ института. Слово «закупъ» дѣйствительно выходитъ изъ употребленія, но личный наемъ остается и доживаетъ до нашихъ дней.

его наемнымъ рабочимъ; въ общественномъ отношеніи закупъ стоитъ на скользкой грани между свободой и рабствомъ; отношенія между закупомъ и господиномъ основаны на договорномъ обязательствѣ.

Ред.

О наймитахъ говорить Псковская Судная Грамота и въ выраженіяхъ, которыя даютъ возможность нѣсколько сблизить ихъ съ наймитами «Русской Правды». Грамота называетъ ихъ «дворными» («а который наймитъ дворной поидеть прочь отъ государя...», ст. 40) и во времена «Русской Правды» они живутъ во дворѣ нанIMATEЛЯ; срокъ найма также годовой. О другихъ вопросахъ, затрогиваемыхъ Правдой, Грамота умалчиваетъ.

Договоръ личного найма извѣстенъ и московскимъ памятникамъ XVII вѣка. О немъ говорить Уложение. Въ его статьяхъ просвѣчиваетъ древность.

Сословность московскаго государства отразилась и на наймѣ личныхъ услугъ. Высшія сословія держать слугъ по служилымъ кабаламъ. Попамъ же, дьяконамъ, причетникамъ, монастырскимъ служкамъ, тяглымъ людямъ и холопамъ Уложение запрещаетъ держать слугъ по кабаламъ; они держатъ ихъ по «жилымъ записямъ» (XX, 104, 105, 116). Жилая запись — это и есть договоръ личного найма. По московскимъ обычаямъ такія записи пишутся на многіе годы. Этотъ порядокъ оставляетъ въ силѣ и Уложение, но только для вольныхъ людей; для тяглыхъ же оно ограничиваетъ сроки найма: тяглые люди могутъ выдавать на себя житейскія или жилыя записи только на 5 лѣтъ¹⁾. По этимъ записямъ наймитъ живетъ во дворѣ своего нанIMATEЛЯ (XX, 44). Если онъ уходитъ до срока, нанIMATEЛЬ имѣетъ право искать бѣжавшаго; а по сыскѣ бѣжав-

¹⁾ XX, 116. Уложение говоритъ о записяхъ тяглыхъ людей не тяглымъ. Нѣтъ ли здѣсь опески или опечатки?

пій, хотя и не обращается въ рабство, какъ въ эпоху «Русской Правды», но обязывается дожить свое время (XX, 45). Въ самую запись вносилось условіе о неуходѣ до срока; но оно, конечно, и само собой разумѣлось въ срочности записи. Наемная плата могла выдаваться тоже впередъ, какъ въ старину; но отъ соглашенія сторонъ зависѣло опредѣлить и другой срокъ платежа. Для обезпеченія нанIMATEЛЯ въ запись вносилось условіе неустойки («зарядъ», XX, 44). Для обезпеченія же неустойки было въ обычаѣ поручительство. Случалось, что нанIMATEЛИ, отыскавъ бѣжавшаго наймита и взявъ его къ себѣ снова во дворъ, предъявляли искъ къ поручителямъ, требуя уплаты неустойки. Уложеніе запрещаетъ такіе иски, предоставляя нанIMATEЛЯМЪ довольствоваться возвращеніемъ наймита (XX, 45).

Уложеніе ничего не говоритъ о правѣ нанIMATEЛЯ наказывать работника. Есть, однако, основаніе думать, что это право въ XVII вѣкѣ такъ же мало подлежало сомнѣнію, какъ и въ XIII-мъ.

Во II томѣ «Актонъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи» (Спб. 1864) напечатанъ любопытный документъ отъ 1686 г. «Государевъ волной человекъ», Федоръ Щепеткинъ (онъ же зоветъ себя «нижегородецъ работной человекъ»), взявъ у посадскаго человека, Федота Сырейщикова, 25 руб. и женился у него на его крѣпостной. За это онъ обязался служить Сырейчикову съ женою 10 лѣтъ («у него... жити во дворѣ... всякая его домовая работа работать»). По прошествіи же 10 лѣтъ, они договорились взять Щепеткину съ хозяина своего «надѣлку» 4 рубля и жить ему на своей волѣ.

Это не служилая кабала, а своеобразная жилая ¹⁾ запись (форма жилой записи не была установлена). 25 руб., полученные при заключеніи сдѣлки, не заемъ, ибо они не возвращаются, а погашаются работою. Это плата за службу, данная впередъ. Къ этому задатку надо прибавить: цѣну крѣпостной (около 50 руб., Уложеніе XX, 27) и четыре рубля наградныхъ. За эти 70—80 руб., большая часть которыхъ взята впередъ, Щепеткинъ долженъ былъ служить 10 лѣтъ. Въ записи находимъ еще условіе. Щепеткинъ предоставляет Сырейщикову «за непослушаніе смирять его по своему хозяйскому разсмотрѣнію». Надо полагать, что это право «смирять» было весьма обыкновеннымъ правомъ нанимателя по отношенію къ наймиту и стоитъ въ преимущественной связи съ допускаемымъ «Русскою Правдою» наказаніемъ закупа «за дѣло».

Къ приведеннымъ взглядамъ на закупа Ив. Бѣляевъ прибавилъ новую черту. Въ его сочиненіи «Крестьяне на Руси» находимъ иногда удивительную смѣсь совершенно вѣрныхъ взглядовъ съ мнѣніями нѣсколько фантастическими. «По Русской Правдѣ,—говоритъ онъ,—закупы ролейные... не ясно отличены отъ закуповъ неролейныхъ... И, кажется, въ самой жизни русскаго общества въ XII вѣкѣ еще не было строгаго различія между этими двумя разрядами закуповъ».

Это совершенная истина. И тотъ и другой закупъ есть наемный работникъ, который жилъ во дворѣ нанимателя. Можно даже сомнѣваться, чтобы

¹⁾ Самъ документъ называетъ себя «жилой записью», а въ распискѣ на немъ подьячаго названъ «служилой записью».

ролейные закупы и неролейные были строго обособлены по занятіямъ. Пашенный работникъ могъ, конечно, въ свободное отъ сельскихъ занятій время быть возницей и исполнять разныя работы по дому.

Но Бѣляевъ приступилъ къ своему труду уже съ готовой мыслью. Эта мысль состояла въ томъ, что ролейные закупы то же, что позднѣе крестьяне, снимавшіе владѣльческія земли; а неролейные то же, что позднѣе кабальные холопы. И вотъ мы находимъ у него такой выводъ: «Такимъ образомъ, мы имѣемъ прямыя и официальные свидѣтельства, что въ XII столѣтіи уже были на Руси ролейные закупы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ съ обязанностью платить за земли работою. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, фактъ историческій».

Что въ XII вѣкѣ были крестьяне, снимавшіе чужія земли, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Но мы отрицаемъ, чтобы такіе крестьяне, сѣмщики земли, и ролейные закупы «Русской Правды» были одно и то же. Какія же это «прямыя и официальные свидѣтельства?»

Это — толкованіе Болтинымъ ¹⁾ слова «отарица», вкладная грамота Варлаама Хутынскому Спасскому монастырю и извѣстіе Новгородской лѣтописи подъ 1229 годомъ.

Болтинъ думаетъ, что «отарица» значитъ участокъ земли, который давался землевладѣльцемъ закупу во временное владѣніе. Мнѣніе Болтина, конечно, не есть «прямое», а еще менѣе «официальное сви-

¹⁾ См. о немъ въ книгѣ, цитованной выше въ примѣчаніи на стр. 488.

дѣтельство». Мы напрасно искали ему какого-либо подтвержденія. Слова: «отарица», «отара» сохранились въ народномъ языкѣ и до нашихъ дней, но не въ томъ смыслѣ, какой необходимъ Болтину. Отара значитъ овечье стадо, отарщикъ — пастухъ, отарица — получаемая имъ мѣсячина (Даль). Теперешній говоръ, слѣдовательно, скорѣе въ пользу принимаемаго нами смысла этого слова. Но онъ не вездѣ одинаковъ. Въ Минской губерніи слово отарица означаетъ оброкъ, получаемый господиномъ. Но это значеніе совсѣмъ не подходитъ къ смыслу статьи (ст. 55). Грамота же вкладная и мѣсто Новгородской лѣтописи подѣ 1229 годомъ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ закупамъ. Грамота упоминаетъ о «челяди» («въдале святомуу спасу и съ челядію, и съ скотиною»), т.-е. рабахъ, а лѣтопись говорить о смердахъ¹⁾. Остается, такимъ образомъ, въ силѣ первое утвержденіе Бѣляева, что между ролейными и неролейными закупамъ не было различія.

Несмотря на малую доказательность мнѣнія, что ролейные закупы были не наемные только сельскіе рабочіе, а сами нанимали чужія земли, оно пустило корни въ нашей ученой литературѣ. Если, — говорить въ «Хрестоматіи по исторіи русскаго права» М. Владимірскій - Будановъ, — ролейный закупъ, т.-е. получившій участокъ земли и взявшій подмогу, теряетъ коня, то не платитъ за это; а въ «Обзорѣ исторіи русскаго права» (стр. 35) того же автора ролейное закупничество опредѣлено какъ временное прикрѣпленіе, которое образуется изъ долгового обязательства смерда землевладѣльцу.

¹⁾ См. выше на стр. 499.

Кромѣ пространныхъ списковъ «Русской Правды», слово закупъ въ другихъ памятникахъ не встрѣчается. Въ одной статьѣ Псковской Грамоты упомянуть «закупенъ». Это слово наводитъ нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль, что «закупенъ» есть закупъ «Русской Правды». Это очень сомнительно. Вотъ мѣсто Грамоты:

А кто по волости ходитъ закупенъ, или скотникъ, а иметъ искати такоже соблюденія, или верши, то исходитъ обыскать правда... 18.

Кромѣ созвучія въ словѣ «закупенъ», эта статья ничѣмъ не напоминаетъ закупа «Русской Правды». Закупенъ «ходитъ по волости», т. е. онъ не живетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ чьемъ-либо дворѣ, а переходитъ съ мѣста на мѣсто. При такихъ переходахъ ему случается отдавать свои вещи на сохраненіе, а затѣмъ искать возвращенія ихъ судомъ. На случай предъявленія такихъ исковъ статья и даетъ процессуальныя опредѣленія.

Проф. Энгельманъ, въ своихъ толкованіяхъ къ Псковской Грамотѣ, уже высказалъ предположеніе, что закупенъ можетъ означать здѣсь торговца, въ какомъ смыслѣ слово это и употребляется въ московскихъ памятникахъ XVII вѣка. Это объясненіе кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ. Закупенъ ходитъ по волости для торговли, а не въ качествѣ предлагающаго свой трудъ для сельскихъ работъ; какъ нанимающійся, онъ и не могъ бы быть названъ закупомъ. Такъ какъ предметомъ торговли можетъ быть скоть, то онъ и названъ «скотникомъ»¹⁾. Но

¹⁾ Въ Псковской губ. и теперь скотопромышленникъ называется *скотникомъ* (Даль).

онъ можетъ торговать и другими предметами, напримѣръ, рыбой. Какъ торгующій рыбой, онъ можетъ имѣть свои рыболовныя снасти, которыя, натурально, и отдаетъ кому-либо на сбереженіе, когда нѣтъ лова. Поэтому статья говоритъ о *верши*.

Со времени выхода въ свѣтъ толкованій ¹⁾ проф. Энгельмана, слово «верша» принято переводить словами: жито, хлѣбъ. Академическій словарь, на который ссылается проф. Энгельманъ, знаетъ два слова: вершь и верша. Верша означаетъ рыболовную снасть, а вершь — жито, хлѣбъ, но не зерно, а растеніе, именно молодой всходъ, побѣгъ, верхъ, вершье (Даль). Въ этомъ смыслѣ вершь не можетъ быть отдана на сбереженіе; на сбереженіе могла быть отдана только снасть рыболовная. Итакъ, статья, несомнѣнно, имѣетъ въ виду человѣка, занимающагося ловлей и торговлей рыбы, у котораго есть своя рыболовная снасть, а не работника, отыскивающаго мѣсто закупа ²⁾.

¹⁾ См. его «Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ». Спб. 1855.

²⁾ Н. А. Рожковъ въ «Обзорѣ русской исторіи» (стр. 58 и слѣд.) примыкаетъ къ мнѣнію, что закупничество возникло изъ договора, обезпеченнаго самозалогомъ: свободный человѣкъ заключалъ заемъ и обязывался его отработать; занявъ деньги и взявъ на себя такое обязательство, онъ становился закупомъ. Закупъ могъ итти искать займа на сторонѣ; его заемъ погашался фактомъ посягательства господина на его свободу: и то, и другое возможно лишь при томъ условіи, если источникъ закупничества—заемъ. Рсд.

III.

Х О Л О П Ы.

(В. Н. Сторожевъ. «Опытъ элементарной постановки вопроса объ отношеніи «Русской Правды» къ современной ей судебной практикѣ». М. 1889).

Холопство, какъ древнѣйшій институтъ права славянъ восточно-европейской равнины, сыграло очень крупную роль въ социально-экономическомъ строѣ Кіевщины. Челядь издавна была предметомъ отпускной торговли славянъ на ряду съ мѣхами, медомъ и воскомъ. Не даромъ, согласно лѣтописному своду подъ 969-мъ г. (Лавр., стр. 66), «рече Святославъ ¹⁾ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: не любо ми есть в Кіевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середѣ земли моеи, яко ту вся благая сходятся: отъ грекъъ злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, — изъ чехъ же, изъ угоръъ сребро и коmoni, — изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь». Вопросъ о бѣгствѣ рабовъ

¹⁾ Подъ 955 г. посолъ византійскаго царя говорилъ княгинѣ Ольгѣ отъ его имени, припоминая ея обѣщаніе: «яко много дарихъ ты; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возвращающа в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воскъ, и скъру и вонъ въ помощь» (Лавр., стр. 61). Подъ 845 г. читаемъ: «Игорь же утвердивъ миръ съ греки, отпусти слы, одаривъ скороу, и челядью, и воскомъ, и отпусти я» (стр. 53).

былъ даже предметомъ международныхъ договоровъ, какъ то видно изъ начальнаго лѣтописнаго свода:

Договоръ съ греками 912-го г.
(Лаврен., стр. 35—36).

Отъ Руси отъ полонении
множайши, отъ коеа любо
страны пришедшимъ въ
Русь и продаемымъ въ
хрестьяны, и еще же и о
хрестьянехъ, о полоненыхъ
отъ коеа любо страны, при-
ходящимъ в Русь, се про-
даемы бывають по 20 зо-
лота, и да придуть въ
грекы.

О томъ, аще украденъ
будеть челядинъ рускый,
или ускочить, или по нужи
проданъ будетъ, и жало-
вати начнуть Русь, да по-
кажетъ ся таковое отъ че-
лядина и да поймутъ и в
Русь. Но и гостие аще
погубиша челядинъ и жа-
луютъ, да ищутъ, обре-
таемое да поймутъ е. Аще
кто искушенъа сего не
дасть створити, местникъ
да погубить правду свою.

Договоръ съ греками 945-го г.
(Лаврен., стр. 48—49).

Аще ускочить челядинъ
отъ Руси, по не же при-
дуть въ страну царствия
нашего и отъ святаго
Мамы аще будетъ, да пой-
мутъ и. Аще ли не обря-
щется, да на роту идуть
наши хрестяне Руси по
вѣрѣ ихъ, а не хрестянии
по закону своему, ти
тогда взимають отъ насъ
цѣну свою, якоже уста-
влено есть преже, 2 паво-
лоци за челядинъ.

Аще ли кто отъ людей
царства нашего, ли отъ го-
рода нашего, или отъ
инѣхъ городъ ускочить
челядинъ нашъ къ вамъ,
и принесеть что, да въспа-
тять и опять. И еже что
принесль будетъ, все цѣ-
ло, и да возьметъ отъ
него золотника два.

Съ XI в. число холоповъ въ кievской Руси рас-
теть очень быстро, являясь необходимѣйшей при-

надлежностью княжескаго, боярскаго и даже монастырскаго хозяйства; переходною ступеню къ холопству было состояніе закуповъ, явившееся сравнительно поздно и ставшее однимъ изъ видныхъ источниковъ холопства. Русская Правда, которая такъ ясно обрисовываетъ обостренность отношеній между экономически сильнымъ общественнымъ классомъ и бѣднотой, прямо говоритъ, что если закупъ бѣжалъ отъ господина и пойманъ, то онъ становится полнымъ холопомъ послѣдняго. Усобицы князей, во время которыхъ порою разсвирѣпѣвшій князь не оставлялъ въ городѣ своего противника ни челядина, ни скотины (самъ Владимиръ Мономахъ записалъ, напримѣръ, въ своемъ Поученіи: «на ту осень идохомъ с черниговци и с половци, с Читѣвичи, къ Мѣнску: извѣхахомъ городъ, и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины»), создавали массу рабовъ путемъ плѣна, который и надо признать вторымъ извѣстнымъ намъ источникомъ холопства, и притомъ весьма обильнымъ. Изъ Новгород. I лѣт. (стр. 15) подъ 1169 г. видно, напримѣръ, что новгородцы въ борьбѣ съ суздальцами захватили столь большой полонъ, что продавали плѣнника за двѣ ногаты. Бракъ полнаго холопа съ рабой («отъ челяди плодъ»), несостоятельность въ уплатѣ долга, уголовное преступленіе¹⁾ также были источниками холопства, помимо тѣхъ трехъ случаевъ, которые перечислены 102—104 стт. Русской Правды по Троицкому списку (продажа лица при свидѣте-

¹⁾ Въ ст. 11 смоленскаго договора съ ямцами отъ 1229 г. есть общее указаніе, что князь, разгнѣвавшись на русина могъ отнять «все, жену и дѣти оу холцпство».

ляхъ, женитьба на рабѣ безъ ряда, принатіе на себя тѣнства или ключничества безъ ряда).

«Русская Правда» довольно рѣзкими штрихами рисуетъ юридическое положеніе холоповъ. Холопъ или раба по «Русской Правдѣ» есть вещь, частная собственность хозяина. За убійство холопа или рабы нѣтъ платежа виры; за убитаго безъ вины холопа убійца уплачиваетъ хозяину «урокъ», т.-е. расплачивается лишь за матеріальный ущербъ, нанесенный послѣднему, и штрафъ въ 12 гривенъ кунъ («продажу») въ пользу князя. Какъ вещь, холопа можно было украсть; хозяинъ украденнаго холопа шелъ на «сводъ», когда открывалъ у кого-либо своего похищеннаго раба. Воръ платилъ за покражу челядина 12 гривенъ кунъ продажи; но самъ челядинъ не отвѣчалъ передъ княземъ продажею за воровство. Княжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ холоповъ «князь продажею не казнить, зане суть несвободни». Какъ вещь, холопъ не можетъ быть субъектомъ права, а потому онъ не можетъ совершать преступленій противъ общества и правительства, ни быть какъ физическое лицо объектомъ преступленія со стороны свободнаго человѣка (ст. 11—13, 14, 33, 34, 42, 52, 56—59, 81, 84, 102—115). Лишенный гражданскихъ правъ, не будучи вовсе членомъ общества, холопъ, разумѣется, не могъ быть послухомъ, показанія котораго вліяли бы на исходъ процесса, не могъ присягнуть. Припомнимъ, что извѣстной части гражданской правоспособности лишался и закупъ, свободный и лишь временно зависимый человѣкъ; на него, какъ на послуха, можно было сослаться только «въ малѣ тяжѣ», да и то «по нужи»; «господинъ» (тотъ же терминъ «Правда» употре-

бляеть и для означенія владѣльца холопа) могъ колотить его «про дѣло» безъ всякихъ ограниченій со стороны закона, не пытающагося обезпечить жизнь ни закупа, ни холопа. Пространные списки «Правды», оговариваясь, что холопъ не есть «скоть» (срв. 33 ст. Троицкаго списка, 34 ст. Карамз. списка «о челядинномъ изводѣ», и 15 ст. Академическаго), отличаетъ нѣкоторыхъ холоповъ отъ прочихъ ихъ собратій. Такъ по нуждѣ «Правда» допускаетъ послушествовать боярскаго тиуна и назначаетъ виру за убійство тиуна княжескаго и боярскаго, что объясняется частью тѣмъ, что тиунами могли быть не одни холопы, а также и свободные люди (ст. 104), частью той крупной ролью, которую вообще могли въ древности играть рабы при княжескомъ или боярскомъ дворѣ.

Таково было юридическое положеніе холоповъ согласно постановленіямъ «Правды»; вѣрное въ общихъ чертахъ, оно не вполне соответствовало дѣйствительности и являлось отраженіемъ того, что хозяйственный строй страны въ значительной мѣрѣ былъ основанъ на рабовладѣніи. Надо думать, что въ XII и XIII вв. взглядъ на раба, какъ на собственность, вещь, уже не проводится въ жизни со всѣми роковыми его послѣдствіями. «Правда» была не болѣе какъ отголоскомъ практики, которую до извѣстной степени можно уловить, пересмотрѣвъ оставленное древнею Русью писаное наслѣдство.

«Законъ Судный Людешъ» — выборка, сдѣланная для практическихъ цѣлей славянскими книжниками-юристами изъ Эклоги Льва Исаврянина и Константина Копронима (VIII в.), Новеллъ Юстиніана, Моисеева закона, — выборка, которая по отношенію къ

практикѣ во многихъ случаяхъ представляетъ *ria desideria* ея писателей, два раза сходится съ «Правдой» въ вопросахъ о холопствѣ.

Такъ, статья Закона Суднаго Людемъ: *a iже аще работаетъ изъ рабы, и същяаетъ цѣну его предъ посылки, да отпущается*,—соотвѣтствуетъ той статьѣ «Правды», которая (ст. 105) запрещаетъ «роботать по придатыцѣ»; точно такъ же другая статья Закона: *крадущему рабу у господина, господинъ аще хоцетъ имѣти, окраденому да искупится, да безо тщеты створитъ; аще ли не хоцетъ имѣти раба того, сего да отдасть въ работу окраденому, да тепуть, или продадутъ, ему же крадя*,—близко подходитъ къ 115 ст. «Правды».

Въ то же время «Законъ» уже дѣлаетъ оговорку относительно убійства холопа господиномъ, чего не дѣлаетъ «Правда»; оговорка эта чрезвычайно характерна, внося извѣстное ограниченіе въ представленіе о рабѣ, какъ о вещи. Въ статьѣ «о битіи рабъ» читаемъ: «аще кто біеть раба своего или рабу свою жезломъ, ти умереть отъ руки, судомъ да ся мститъ; аще пребудеть день или два, да не мститъся: *свое бо есть имѣніе*». Съ другой стороны, «Законъ» не знаетъ положенія «Правды»: «я послушства на холопа не складають», встрѣчаемаго въ Кормчей книгѣ въ главѣ о послухахъ «Володимера князя судъ о послушствѣ» и почти дословно воспроизводящей текстъ «Русской Правды» (ст. 59): «*послушество на холопа не вскладають; аще не будетъ свободнаго, то по нужди сложитися на боярскаго тиуна, а на инѣхъ не вскладати, аже въ малѣ тяжи по нужди сложити на закупа*» (срв. тамъ же статью византійскаго происхожденія *рабъ не послушствуетъ*).

Въ дѣйствительности положеніе древне - русскаго холопа пыталась смягчать церковь¹⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ В. Сергѣевичъ, что улучшение быта рабовъ происходитъ подъ вліяніемъ церкви. Такъ это было и въ Западной Европѣ. Смотри на бракъ, какъ на таинство, западная церковь начинаетъ примѣнять этотъ взглядъ и къ половымъ отношеніямъ рабовъ и добивается, наконецъ, признанія ихъ браковъ. Это уже ограниченіе господской власти. Церковь заботится и о смягченіи властныхъ отношеній господъ по отношенію къ ихъ рабамъ и достигаетъ запрещенія произвольнаго убіенія рабовъ господами. Христіанскія правительства должны были присоединиться къ этимъ усиліямъ церкви. Благодаря соединенному дѣйствію этихъ двухъ факторовъ, за рабами начинаютъ признавать право на приобрѣтенное ими имущество и право наследованія дѣтей послѣ родителей.

Такая же работа церкви и христіанскихъ князей происходила и у насъ, хотя, разумѣется, болѣе, чѣмъ неосторожно утверждать, чтобы соединенное дѣйствіе указанныхъ двухъ факторовъ могло видоизмѣнить положеніе холоповъ. Смягченіе юридическаго положенія послѣднихъ происходило прежде всего вслѣдствіе *экономическаго интереса* господина.

Въ древнѣйшихъ поученіяхъ духовенства находимъ уже слѣды заботливости его о рабахъ. Кириллъ Туровскій, знаменитый проповѣдникъ XII в., внушаетъ господамъ не угнетать рабовъ своихъ.

¹⁾ Срв. характерную статью А. П. Шапова *Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей*, читанную имъ на актѣ казанской духовной академіи въ 1858 году (см. «Сочиненія А. П. Шапова», т. I, Спб. 1906).

Описывая мытарства, которыя должна испытывать душа умершаго, онъ относитъ къ нимъ и «ярость съ гнѣвомъ или на чада, или на рабы, или на всякаго человѣка».

Въ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ Кормчихъ конца XIII вѣка находится поученіе епископа новопоставляемому священнику. Въ немъ воспрещается принимать какія бы то ни было приношенія въ церковь отъ жестокихъ господъ: *Въ церкви не дай повѣстити, и не принеси приноса въ божий жертвенникъ отъ невѣрныхъ, ни отъ еретикъ, ни отъ блудникъ, ни прелюбодѣй, ни отъ татий, и разбойникъ, и грабитель, и властель немилосердъ, ни отъ крчменника и рьзоньца, ротника и клеветника, поклетника и лжи послуха, вѣлхва и потворника, ирца и злобника, или томя челядь свою гладьмъ и ранами: кто боудеть отъ таковыхъ, а не покаются, не емли оу нихъ приноса.*

Жестокіе господа поставлены здѣсь рядомъ съ невѣрными, еретиками и разбойниками. Въ тѣхъ же Кормчихъ находимъ поученіе духовника исповѣдающимся, которое, по мнѣнію А. С. Павлова, «принадлежитъ къ глубокой древности и носить на себѣ явные слѣды русскаго происхожденія». Въ этомъ поученіи читаемъ: *Челядь же свою такоже милуѣй, даждь имъ потребьная; показай же я на добро не яростию, но яко дѣти своя.*

Епископъ новгородскій Лука Жидята въ XI в. училъ: «И своимъ сиротамъ (т.-е. рабамъ) милостивы будете». Одно поученіе XII вѣка, принадлежащее неизвѣстному автору, гласитъ такъ: «Сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготово, потому что это до-

машніе твои нищіе: нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если и холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства (срв. ст. 36), то за кровь ихъ ты отвѣтишь... Ты какъ апостоль въ дому своемъ: научай грозю и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то до 30 ранъ лозю, а больше 30 ранъ не велимъ... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками».

Проповѣдуя гуманность по отношенію къ рабамъ, церковь въ лицѣ опредѣленій Владимирскаго собора 1274 г. предписывала при поставленіи священниковъ узнавать, не обходился ли поставляемый жестоко съ своими рабами, «или челядь дrouchа голодомъ и наготою, страдою насилье творя».

Всѣ приведенныя свидѣтельства, конечно, прямое доказательство тяжелаго положенія холоповъ, которыхъ господа не кормили, не одѣвали, изнуряли непосильной работой, били, увѣчили и убивали. Даже одно изъ поученій предусмотрительно рекомендуетъ не жалѣть лозы на холопа и рабу.

Лѣтопись, такъ близко стоявшая въ древней Руси къ церковному мировоззрѣнію, скоро успѣла усвоить себѣ это направленіе. Такъ, въ Суздальскомъ сводѣ читаемъ слѣдующій возгласъ по поводу извѣстной борьбы князей Юрія и Ярослава Всеволодовичей съ Константиномъ Всеволодовичемъ и Мстиславомъ Удалымъ: «Оле страшно чудо и дивно, братье! по-

идоша сынове на отца, а отци на дѣти, братъ на брата, рабы на господину, а господинъ на рабы».

Если церковь запрещала увѣчить раба, морить голодомъ, то она, несомнѣнно, была и противъ убійства его господиномъ. «Правда» молчитъ объ убійствѣ господиномъ своего холопа, точно такъ же, какъ и объ обратномъ случаѣ. При взглядѣ на холопа какъ на вещь, это вполне понятно: убійство холопа связано было съ экономическимъ урономъ для собственника, такъ что вступаться въ подобные казусы не имѣло смысла для «Правды», которая очень хорошо понимала этотъ экономическій интересъ и довольно ясно въ двухъ статьяхъ намѣтила его. Въ одной она отмѣняетъ убійство холопа-оскорбителя свободного человѣка (ст. 58): «Ярославъ былъ оуставилъ убити и, но сынове его по отци оуставиша на коуны» (очевидно, не текстъ изданнаго закона, а пересказъ установившагося по смерти Ярослава I обычая; любопытное свидѣтельство того, что сами современники пытались вносить въ текстъ «Правды» поправки, выработанныя практикою), потому что убійство холопа сопряжено было съ значительнымъ экономическимъ вредомъ для господина; въ другой устраняетъ выдачу жены и дѣтей холопа, попавшаго въ кражѣ, если они не были въ соучастіи, опять потому только, что такая выдача была бы тяжелымъ экономическимъ урономъ для господина (ст. 115). Даже въ случаѣ ихъ выдачи за соучастіе, статья предоставляетъ право ихъ выкупить: «паки ли а выкупаеть господинъ», такъ же какъ и холопа-вора «любо выкупати, любо выдати». Эти статьи явно составлены въ интересахъ экономическаго благосостоянія рабовла-

дѣльцевъ, если даже въ первой и видѣтъ отчасти вліяніе церкви. Памятники каноническіе, къ сожалѣнію, молчатъ о подобномъ казусѣ, но нѣтъ нужды предполагать, чтобы церковь могла колебаться въ своемъ отношеніи къ нему. Что практика допускала это убійство господиномъ своего холопа, ясно видно изъ текста Закона Суднаго Людямъ («свое бо есть имѣніе», см. выше на стр. 530), изъ словъ Аль-Масуди и Двинской грамоты ¹⁾.

Рабъ, какъ вещь, по «Русской Правдѣ», не могъ быть объектомъ оскорбленія. Иначе было на практикѣ. Слова кротости и милосердія, раздававшіяся и съ церковной кафедры, и въ поученіяхъ священниковъ, и на исповѣди, не могли не оказывать хотя бы нѣкотораго вліянія на отношенія господъ къ рабамъ и

1) А. Н. Гаркави. «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ». Спб. 1870, стр. 127. Аль-Масуди, писатель половины X вѣка, пишетъ, что если у русскихъ холопъ въ чемъ-нибудь провинился, то безъ приглашенія ложился предъ господиномъ, который и колотилъ его, сколько хотѣлъ; но если онъ вставалъ раньше, чѣмъ господинъ кончилъ его колотить, то лишался жизни. Въ Двинской Уставной Грамотѣ 1398 г. читаемъ (Акты А. Э. I, № 13; см. также въ книгѣ «Намѣстничьи, губныя и земскія уставныя грамоты московскаго государства» подъ ред. А. И. Яковлева. М. 1909): «А кто осподарь огрѣшитя, ударитъ своего холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ». Какъ исключительный казусъ нельзя не припомнить такого случая, рассказаннаго въ лѣтописи (Новгор. I, 71): въ 1316 году былъ убитъ нѣкто Давидъ Писцовъ своимъ холопомъ, который остался не наказаннымъ, ибо объявилъ гражданамъ, что его господинъ держалъ перевѣтъ и благопріятствовалъ враждебному князю. Срв. далѣе на стр. 540. Срв. также слова Ибнъ-Даста, что русскіе «съ рабами обращаются хорошо и заботятся объ ихъ одеждѣ, потому что занимаютъ (?) при торговлѣ», у Гаркави, стр. 268.

не могли не оставить своихъ слѣдовъ въ юридическихъ памятникахъ. Древнѣйшее постановленіе, ограждающее рабынь отъ насилія со стороны господъ, находимъ въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами конца XII вѣка, гдѣ читаемъ: *«Оже кто робу повержеть насильемъ, а не соромить, то за обиду гривна: пакы ли соромить, собѣ свободна»*.

Буквальный смыслъ статьи, по словамъ В. Сергѣевича, не возбуждаетъ недоразумѣній: «собѣ свободна» значитъ, конечно, становится свободной. Но какъ объяснить правило, по которому раба, потерпѣвшая насиліе, приобрѣтала свободу? Если это раба третьяго лица, а не того, кто виновенъ въ насиліи, то статья невозможная. При ея дѣйствіи не могло бы удержаться рабство на женщинѣ. Надо думать, что статья имѣетъ въ виду насиліе собственной рабѣ. Подобную же статью читаемъ въ договорѣ съ нѣмцами 1229 года: *«Аже насилуетъ робъ, а будутъ на него послуси, дати ему гривна серебра»*.

Такъ договоры знаютъ извѣстное обезпеченіе женской чести рабы, совершенно незнакомое Правдѣ, которая не заботится объ обезпеченіи чести и свободной женщины¹⁾. Последній договоръ предусматриваетъ также оскорбленіе холопа дѣйствіемъ, наказывая обидчика пенею въ одну гривну кунъ (см. у Карамзина III, прим. 248 и Погодина II, стр. 760). Если приведенныя свидѣтельства относятся къ XII и XIII вв., то можемъ указать на извѣстіе, идущее изъ глубокой древности и подтверждающее предло-

1) Срв., впрочемъ, статьи о безчестіи женщинъ въ дополненіяхъ къ уставу Ярослава и въ первой части Софійскаго Временника (приведены у Н. В. Калачова, *Предв. юрид. създнія*, стр. 247, 255—256).

женный выводъ. Въ житіи Бориса и Глѣба, писанномъ мнихомъ Іаковомъ¹⁾, разсказывается такой случай. Раба, исполнявшая по принужденію госпожи работы въ неурочный день, заболѣла неизлѣчимо сухоткою въ рукѣ; госпожа вмѣсто ставшей неспособной къ труду рабы взяла въ работу ея сына, рожденнаго до холопства. Судъ самъ или по жалобѣ рабы вступился въ дѣло и освободилъ обоихъ на волю. Итакъ, челядь, получавшая увѣче по винѣ господъ, могла освобождаться на волю. По точному смыслу «Русской Правды» всѣ указанные здѣсь случаи ненаказуемы.

Есть основаніе предполагать, что у холоповъ княжескихъ (и боярскихъ?) фактически было право собственности на недвижимость, право входить въ обязательства и право наследованія (по закону). На такое предположеніе наталкиваетъ 12 статья договора съ нѣмцами 1229 года, хотя строгая критика можетъ подразумѣвать въ этой статьѣ холоповъ, пущенныхъ въ торгъ господиномъ (срв. «Рус. Пр.», ст. 111), а потому входящихъ въ обязательства не отъ своего имени, а отъ имени уполномочившаго ихъ господина. Возраженіе парализуется тѣмъ фактомъ, что въ древнѣйшей Руси возможенъ былъ выкупъ холопа на волю; а разъ могъ выкупиться на волю, значить, у него была признанная господиномъ и дѣйствующимъ правомъ личная собственность. Сама «Русская Правда» нигдѣ не говоритъ объ отсутствіи собственности у рабовъ; оно и понятно, потому что, по ея теоріи, рабъ — вещь; однако въ «Русской Правдѣ» не найдется статьи, которая и исключала

¹⁾ По изданію И. И. Срезневскаго, стр. 78.

бы вышеприведенное мнѣніе. Противъ не говорятъ ни 110-ая, ни 113-ая статьи, ибо въ первой рѣчь идетъ о холопѣ, занимавшемъ деньги подъ видомъ свободнаго человѣка, а во второй — объ отнятіи у холопа его добытка въ случаѣ незаконнаго оставленія имъ своего господина. Итакъ, имѣемъ право говорить о существованіи у холоповъ движимой собственности въ древнѣйшей Руси, пользуясь которой они могли выкупаться на волю и вступать въ разрядъ изгоевъ, чего тоже не знаетъ ¹⁾ «Русская Правда». Уставъ великаго князя Всеволода *о церковныхъ судахъ* въ числѣ изгоевъ помѣщаетъ холопа, выкупившагося изъ холопства («холопъ исъ холопства выкупится»).

Можно даже предполагать, что на практикѣ существовалъ выработанный обычаемъ законъ, что холопъ можетъ выкупиться на волю, заплативъ своему господину за себя столько, сколько послѣдній самъ за него заплатилъ. Къ такому заключенію приводитъ вскрываемое по древне-русскимъ памятникамъ злоупотребленіе, извѣстное подъ именемъ *азиманія изгойства*, т.-е. случая, когда господинъ бралъ съ выкупающагося на волю холопа больше, чѣмъ самъ за него заплатилъ, и жестоко осуждаемое церковью.

Вотъ что говорятъ по этому поводу одинъ древнѣйшій церковный памятникъ, изданный А. С. Павловымъ подъ заголовкомъ: *Наставленіе духовнику о принятіи кающихся*: «И се пакы горѣе всего емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы: не

¹⁾ *Изгой* въ первой статьѣ Правды нѣкоторые толкуютъ именно въ узкомъ смыслѣ холопа, выкупившагося на волю; но она нигдѣ не говоритъ ни объ условіяхъ, ни о возможности такого выкупа.

имуть бо видѣти милости, не помиловавше равно себѣ създаннаго рукою Божіею человѣка, (и) иже насытившися цѣною уреченою, и тоже не отъ закона Божія, нѣ и еще прилагающе горе на горе своей души, не токмо своѣ душѣ губяще, нѣ и послухъ, вѣставающихъ, по нихъ и помагающихъ злобѣ ихъ, и еще же приволочаще къ своимъ злѣмъ и судьи многими мздами и великими дары. Аще ли кто въ невѣдѣніи ималь будеть, ти хочеть избыти вѣчноѣ муки, да воротитъ опять тѣмъ, на нихже ималь, и избудеть вѣчныя муки и жизни вѣчнѣй причастникъ будеть съ всѣми святыми. Также иже кто продаетъ целядинъ, да елико на немъ давши, толико и взяти; аще ли лише, то обрѣтается наклады емля и прасоля живыми душами, съ ними же и на судищи передъ Богомъ стати. Также иже кто выкупается на свободу, то толико же дастъ на собѣ, колико же дано на немъ; потомъ же, будя свободенъ, ти добуде(ть) дѣтей, то начнутъ имати изгойство на нихъ: то обрящются продающе кровь неповиньну, и възищется предъ Богомъ на страшнемъ судищи отъ рукъ ихъ кровь та; то луче бы имъ не родитися, (и)еже полѣсти въ непрѣбрдомыя муки».

Ст. 59 и 81 «Русской Правды» безусловно воспрещаютъ придавать послушеству холопа рѣшающее значеніе въ судебномъ процессѣ. Позднѣйшее право, какъ можно предполагать, восприняло этотъ принципъ, неизвѣстный Закону Судному Людямъ. Такъ, въ новгородскихъ грамотахъ читаемъ: «а холопъ или роба начнетъ вадити на господу, тому вѣры не яти», хотя здѣсь, главнымъ образомъ, имѣется въ виду холопскій доносъ, такъ поощрявшійся позднѣе при царѣ Борисѣ. Лѣтопись знаетъ, однако, любо-

пытный случай, когда послушеству (доносу?) холопа придано было рѣшающее судебное значеніе. Въ Новгородской II-й лѣтописи подъ 1055 и 1058 гг. разсказывается, что новгородскій епископъ Лука былъ осужденъ по клеветѣ своего холопа Дудяки. Изъ Новгородской I лѣтописи (стр. 71) знаемъ, что въ 1316 году остался безъ наказанія холопъ, убившій своего господина и объявившій гражданамъ, что послѣдній держалъ перевѣтъ и благопріятствовалъ враждебному князю.

Какъ вещь, рабъ, по «Русской Правдѣ», не отвѣчаетъ предъ княземъ за совершенныя имъ преступленія, а слѣдовательно, и за убійство. Иной взглядъ проводила церковь, которая признавала отвѣтственность предъ нею рабовъ, хотя и не вполне. Епископъ на вопросъ нѣкоего Ильи — «аже въ работѣ суть душегоубци?» — повелѣлъ «на помы дати, и лъжае: не волни бо, рече, суть». Въ этомъ взглядѣ явно стремленіе церкви смотрѣть на холопа, какъ на отвѣтственного предъ нею христіанина; этотъ взглядъ еще рѣзче высказывается въ запрещеніи продавать поганымъ холопа-христіанина. Въ X в. Русь вела большую торговлю челядью. Митрополитъ Іоаннъ II, проводящій это запрещеніе, слѣдуетъ принципу византійскаго права; его слова по этому поводу легко отыскиваются и въ Фотіевомъ номоканонѣ, и во многихъ византійскихъ частныхъ юридическихъ сборникахъ, предназначенныхъ для церковной практики.

«Прашалъ еси о нѣкихъ, иже купяти челядь, створивъшимъ обещныхъ молитвъ, ядше съ ними, послѣди же продаше в поганья, которую симъ прияти

епитемью? И речемъ, якоже речено есть в законѣ: крестьяна человека ни жидовину, ни еретику продати. Иже продасть жидомъ, есть незаконникъ, а не токмо законодавцю, но и Богу претыкается. И се внимай о Самъфирѣ и о Ананьи образа (и) разумѣй: они бо цѣну своего обѣщаша Петромъ, верховнимъ апостоломъ, принести Богу, дажь малу часть оудержавше, смерти осужени бывше, украдше часть, иже обѣщаша Богу принести. Купца же, иже знаменавше знаменье Божие и молитву иже отъ нихъ купленные челяди, иже еси псалъ: «знаменавше (и) молитву давше», такоже и поганымъ продавше, не тайное сѣгрѣшенье, но явлено къ Богу отлученье крадше и чюже собѣ створше, и тако ны ся мнѣ ладно со онѣма сѣгрѣшати, иже гонивъше нашу вѣру и многы отъ вѣры в невѣрство приведше. Имже достоятъ отвреци сего злаго начинанія наоученьемъ и наказаньемъ многымъ; аще не послушаетъ, яко иноязычникъ и мытарь имѣти».

Въ ст. 105 «Русская Правда» запрещаетъ обращеніе въ рабство за прокормъ. Относительно этого постановленія «Русской Правды» можно рѣшительно утверждать, что оно верѣдко противорѣчило практикѣ. Въ лѣтописяхъ не разъ читаемъ о томъ, что родители въ голодное время отдавали въ холопство, въ дернь своихъ дѣтей. Такъ, въ Новгородской I-й лѣтописи подъ 1215 годомъ (также подъ 1230 г.) встрѣчаются замѣчанія, что родители «дѣти своѣ даяхуть одьренъ», или «и даяху отци и матери дѣти свое одьренъ, изъ хлѣба, гостымъ». Замѣтимъ, что, согласно съ «Русской Правдой», порабощеніе за прокормъ запрещаетъ и Законъ Судный Людемъ:

«Аще ся дастъ человекъ у тошна веремяи или жена, дернь ему не надобе; а поидеть прочь, дастъ три гривны, а служилъ даромъ».

Попавшая въ «Русскую Правду» статья (92) о блудѣ съ рабою постановляетъ освобожденіе на волю рабы и ея дѣтей, прижитыхъ съ господиномъ (освобожденіе на волю по смерти послѣдняго). Церковные уставы не предвидяютъ подобнаго случая. Этимъ объясняется, почему 92 статья попала и удержалась въ «Русской Правдѣ». Въ вопросахъ Кирика есть параллельное статьѣ «Русской Правды» мѣсто, гдѣ рѣчь идетъ также о блудѣ съ рабою. «Рѣхъ: владыко, аже поустили свободна? (т. е. рабу, съ которою жилъ господинъ).—Сдѣ, рече, обычай нѣсть таковъ; а лѣпше иного человекъа въскоупити, абы ся и другая на томъ казнила». Если принять сей-часъ приведенное чтеніе, то придемъ къ заключенію, что практика противорѣчила «Русской Правдѣ». Однако такое заключеніе будетъ, по меньшей мѣрѣ, поспѣшнымъ, ибо во всѣхъ другихъ спискахъ вопросовъ Кирика читается *есть* вмѣсто *нѣсть*. Недоумѣніе, быть-можетъ, разрѣшается уставомъ Всеволода, гдѣ встрѣчаемъ такое упоминаніе о робичичѣ:

«И азъ сія самъ вѣдихъ предъ собою и управихъ заповѣдми, по преданію святыхъ отецъ, тяжю промежу первую женою дѣтей со третьєю женою и съ дѣтми, и со четвертою женою и съ дѣтми; яже есть изъ велика живота дати урочная часть по оскуду, а изъ мала живота, како робичичю часть по указу: конь, да доспѣхъ, и покрутъ, — по разсмотренію живота».

Таково соотношеніе, которое въ общихъ чертахъ можно установить между взглядами «Русской Пра-

вды» на холоповъ и современныхъ ей церкви и судебной практики.

«Русская Правда» дошла до насъ во множествѣ списковъ, число которыхъ, по увѣреніямъ П. М. Строева, переходитъ за цифру 300 (см. Н. Л. Дювернуа: *Источники права и судъ въ древней Россіи. Опыты по исторіи русскаго гражданскаго права.* М. 1869, стр. 47). Эти списки далеко не сходны другъ съ другомъ, — они различаются и порядкомъ статей, и ихъ содержаніемъ, и ихъ количествомъ; они носятъ на себѣ смутные слѣды различныхъ вѣковъ и даже различныхъ мѣстностей, какъ утверждаетъ, напр., Дубенскій въ своемъ *Судѣ Ярославля князя* (стр. XIV второй части «Русскихъ Достопамятностей» Общества Исторіи и Древностей. М. 1843). Наличие этихъ списковъ вовсе не изучена, — ихъ анализъ остановился на той точкѣ, на какой оставилъ его Н. В. Калачовъ въ диссертациі *Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды* (М. 1846 и второе изданіе Спб. 1880). Такое значительное количество списковъ «Русской Правды» съ временными и мѣстными особенностями не говорятъ ли о ея широкой распространенности, о ея своеобразной роли въ судебной практикѣ древней Руси? Оно же не мало говоритъ въ пользу того мнѣнія, что Правда вовсе не была закономъ, изданнымъ государственною властью, а была частнымъ юридическимъ сборникомъ, составъ котораго слагался постепенно и видоизмѣнялся сообразно потребностямъ древне-русскаго юриста-практика. Правда вбирала въ себя и законъ, изданный государственной властью, и постановленіе обычнаго права, и судебное рѣшеніе, состоявшееся, если можно такъ

выразиться, инымъ въ образецъ; она отразила на себѣ слѣды закона русскаго и византійскаго и находилась въ очень тѣсной связи съ современной ей судебной практикой, была въ зависимости отъ послѣдней. «Русская Правда,—говоритъ В. И. Сергѣевичъ въ *Лекціяхъ по исторіи русскаго права* (Спб. 1890, стр. 77, 83),—не руководила практикой, а сама составлена по ней, она—отголосокъ практики»,—отголосокъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на полноту и неподвижность своего состава. Про нее можно сказать, что она никогда не дѣйствовала въ цѣломъ (да и что такое цѣлое «Русской Правды»), что она старѣла прежде, чѣмъ тотъ или иной ея составъ появлялся въ извѣстномъ спискѣ, но зато отдѣльныя черты Правды ведутъ свое начало изъ глубочайшихъ временъ или живутъ до позднѣйшихъ. Едва ли можно отрицать, что для наилучшей оцѣнки Правды, какъ юридическаго источника, всего плодотворнѣе изучить ¹⁾, насколько то позволяетъ оставленное намъ древней Русью писаное наследство, отношеніе ея къ современной ей судебной практикѣ, т.-е. сопоставить постановленія, записанныя въ наиболѣе ходячихъ текстахъ «Русской Правды», съ современными ей законодательными или указными актами, отдѣльными казусами и свидѣтельствами церковной письменности. Но что такое современная Правдѣ судебная практика? Это—вопросъ, требующій очень опредѣленнаго отвѣта. Не входя въ подробности, условимся, что XI и XII

¹⁾ Само собою разумѣется, что это изученіе Русской Правды должно стоять въ связи съ данными по изученію варварскихъ правъ Запада. Безъ этого невозможно никакое сколько нибудь серьезное социологическое построеніе.

вѣка — время господства правовыхъ нормъ Правды, ея наибольшаго практическаго значенія и согласія съ текущей дѣйствительностью; въ свидѣтельствахъ, идущихъ изъ X в., можно черпать наиболѣе архаическія черты Правды, а изъ данныхъ XIII в. создавать себѣ представленіе о степени живучести тѣхъ или другихъ ея нормъ и переворота, успѣвшаго тогда произойти въ судебной практикѣ. Въ нашемъ случаѣ историку пришлось бы то и дѣло возиться съ датами списковъ и съ строгимъ различеніемъ ихъ состава и, такъ сказать, физономіи; юристу прости-тельно, какъ кажется, въ предварительномъ опытѣ разсматривать вопросъ въ нѣкоторой неподвижности. Воздерживаясь отъ попытки изобразить послѣдова-тельную смѣну явленій въ древне-русской судебной практикѣ, происходившую въ X—XIII вѣкахъ, можно прослѣдить ходячіе тексты «Русской Правды» въ такомъ порядкѣ: 1) что въ нихъ совершенно сходно съ судебной практикой X—XIII вѣковъ, 2) въ чемъ они болѣе или менѣе несогласны съ послѣдней и 3) что имъ осталось изъ несомнѣнно дѣйствовавшаго на практикѣ неизвѣстнымъ. Работа эта по отношенію къ институту холопства частью и про-дѣлана въ предложенномъ отрывкѣ. Последняя ка-тегорія наблюденій, несомнѣнно, имѣетъ особенную цѣну для полноты нашихъ свѣдѣній въ юридиче-скомъ строѣ древней Руси и характеристики зна-ченія «Русской Правды», какъ юридическаго источ-ника. Не надобно только забывать, что пробѣды «Русской Правды», какъ юридическаго сборника, хорошо знакомы кодексамъ московскаго періода: Судебники, подобно Правдѣ, знаютъ далеко не всѣ нормы, дѣйствовавшія въ ихъ время на практикѣ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.
ЮРИДИЧЕСКІЙ СТРОЙ КІЕВСКОЙ РУСИ.

XV. ТЕКСТЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ ПО ТРОИЦ-
КОМУ СПИСКУ.

Судъ Ярославль Володимѣричь.

Правда Русьская.

1. Аже оубиеть мужъ мужа, то мѣстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо ¹⁾, ли братню ²⁾ сынови.—Аще ли не будетъ кто его мѣстя, то положити за голову 80 гривенъ, аче будетъ княжь моужь или тиоуна княжа.—Аще ли будетъ русинъ, или гридь ³⁾, любо купецъ, любо тивунъ боярескъ, любо мечникъ, любо изгой ⁴⁾, ли словѣнинъ, то 40 гривенъ положити зань.

¹⁾ Читается какъ одно слово: *браточадо* = сынъ брата.

²⁾ Въ Академич. списокѣ ст. 1 стоитъ: «*сестриноу сынови*», каковое чтеніе предпочтительнѣе.

³⁾ *Гридь* = вояня княжескій (отсюда *гридити* = служить въ войскѣ, *гридница* = комната или зданіе, гдѣ собиралась княжеская дружина). *Русинъ* = житель южной, кіевской Руси; *словѣнинъ* = житель сѣверной, новгородской Руси. *Мечникъ* = низшая полицейская должность. Въ Акад. сп. вмѣсто боярскаго тиуна стоитъ «*лбетникъ*», въ Карамз. сп. прибавленъ «*горожанникъ*».

⁴⁾ См. выше примѣчаніе на стр. 164 и стр. 538—539. *Изгой* — это человѣкъ, по доброй волѣ или въ силу обсто-

2. По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, і отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати.—А ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуста-виша.

О оубииствъ.

3. Аже кто оубиеть княжа мужа въ разбон, а головника ¹⁾ не ищють, то вревную платити въ чьем же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ. Паки ль людинъ, то 40 гривенъ.

4. Которая ли вервь начнетъ платити дикую вѣру, колико лѣтъ заплатитъ ту виру, занеже безъ головника имъ платити.—Будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываетъ, того же дѣла имъ помагати головникоу, либо си дикую вѣру. Но сплати имъ вообчи 40 гривенъ, а годовничество ²⁾ самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити исъ дружины свою часть. Но оже будетъ оубилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинынѣ, іже ся прикладывають вирою.

ятельствъ утратившій свое прежнее общественное положеніе и не нашедшій новаго. Можно, слѣдовательно, подразумѣвать здѣсь холопа, выкупившагося на свободу.

¹⁾ *Головникъ*—убійца; *вервь*—община.—Въ Академическомъ спискѣ начало этой статьи читается такъ: 19. «А иже оубьють *огмищанина* въ разбон, или оубица не ищють...» *Огмищанинъ* стоитъ здѣсь въ замѣну «княжа мужа» Троицкаго списка.

²⁾ *Головничество*—вознагражденіе, которое платилъ убійца родственникамъ убитаго; *дружина*—употреблено здѣсь въ смыслѣ «община» (вервь, мръ); *свада*—въ смыслѣ ссоры.

Оже станеть безъ вины на разбои.

5. Будеть ли сталь на разбои безъ всякоя свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадять и всего съ женою і съ дѣтми на потокъ и на разграбление.

6. Аже кто не вложиться въ дикую вѣру, тому людье не помагають, но самъ платить.

7. А се покони ¹⁾ вирнии были при Ярославѣ: вирнику взяти 7 вѣдеръ солоду на недѣлю, же овенъ, либо полоть, либо 2 ногатѣ; а въ среду куна, же сыръ; а въ пятницу такоже; а куръ по двою ему на день; а хлѣбовъ 7 на недѣлю; а пшена 7 оуборковъ; а гороху 7 оуборковъ; а соли 7 голважень. То то вирнику со отрокомъ. А кони 4, конемъ на ротъ сути овесъ. Вирнику 8 гривенъ ²⁾, а 10 кунъ перекладная, а метелнику ³⁾ 12 вѣкшии, а съсадная гривна.

8. Аже будетъ вира во 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

О княжи мужь.

9. Аже въ княжи отроци, іли въ конюсѣ, іли въ поварѣ, то 40 гривенъ.

¹⁾ *Домъ* = мѣра, гравница; *поконъ* = то, что сообразно съ мѣрой или нормой. Срв. по Академ. списку ст. 42:.... «а въ среду рѣзаноу, въ три же сыры, въ пятницу такоже... а вирнику 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици; а передѣ гривна.....тъ всѣхъ коунъ—15 коунъ на недѣлю.....»

²⁾ Изъ сопоставленія съ слѣдующей статьей видно, что здѣсь имѣются въ виду пошлины вирнику въ случаѣ сорокагривенной виры.

³⁾ Терминъ *метелникъ* встрѣчается еще въ ст. 99.

10. А за тивунъ за огнищныи, і за конюшнии, то 80 гривенъ.

11. А въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, или въ ратаннѣмъ, то 12 гривенъ; а за рядовича ¹⁾ 5 гривенъ; также и за боярескъ.

(1) ремесвениць ²⁾ и о ремесвениць.

12. А за ремесвеника и за ремесвеницу, то 12 гривенъ.

13. А за смердии холопъ 5 гривенъ; а за робу 6 гривенъ ³⁾.

¹⁾ По Академ. списку ст. 22: «а въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаннѣмъ 12 гривенъ; а въ *рядовичи* княжѣ 5 гривенъ». *Рядовичъ* — низшій агентъ хозяйственнаго или административнаго управления. Терминъ *рядовичъ* всего только одинъ разъ встрѣчается въ Правдѣ. Б. А. Романовъ въ статьѣ «Смердѣй конь и смердъ» пишетъ, что *рядовичъ* — рабъ, но по ряду; но холопъ не всякій — по ряду; *рядовичъ* и холопъ — понятія, только отчасти другъ друга покрывающія.

²⁾ О ремесвеникѣ.

³⁾ Срв. эту статью въ Карамзинскомъ спискѣ подъ особымъ заглавіемъ «о смердѣ и холопѣ», читающуюся въ такой редакціи: «а за смердъ и холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ»; ст. 23 по Акад. списку: «а въ смердѣ и въ хотѣ 5 гривенъ», которую В. И. Сергѣевичъ читаетъ: *а въ смердѣи хотѣ 5 гривенъ* («Древности», I, 172 — 173), т.-е. здѣсь, стало-быть, идетъ рѣчь, если бы слѣдовать В. Сергѣевичу, о холопахъ смердѣихъ, которыхъ Правда противопоставляетъ холопамъ княжимъ (срв. княжъ конь и смердѣй конь). Чтеніе *а за смердѣ и холопѣ* является предпочтительнымъ. А. Прѣсняковъ (стр. 293) замѣчаетъ, что «существеннымъ остается фактъ взысканія за смерда такого же вознагражденія князю, какъ за холопскую рабочую силу», а стало-быть, смерды — часть населенія, входящая «въ составъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалось особое *княжеское общество*, социальный организмъ особаго уклада, служившій опорой самостоятельному положенію древне-русскаго князя въ землѣ княженія».

14. А за кормилца 12, такоже и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба.

(1) поклепный виръ.

15. Аще будетъ на кого поклепная вира, то же будетъ послуховъ 7, то ти выведуть виру. Паки ли варягъ или кто инъ, *тогда*. А по костехъ и по мертвечи не платить верви, аже имене не вѣдають, ни знають его.

Аже свержетъ вируу.

16. А иже свержетъ виру, то гривна кунъ сметная отроку. А кто и клепаль, а тому дати другую гривну. А отъ виры помечнаго 9 ¹⁾).

17. Искавше ли послуха не налѣзуть, а истьця начнеть головою клепати: тогда дати имъ правду желѣзо. Такоже и во всѣхъ тяжахъ, въ татбѣ и въ поклепѣ, оже не будетъ лица, то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота. Аже ли мнѣ, то на воду, оли то до дву гривень. Аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ куну ²⁾).

18. Аже кто оударить мечемъ, не вынезъ его, или рукоятю, то 12 гривень ³⁾ продажи за обиду.

19. Аже ли вынезъ мечъ, а не оутнеть, то гривна кунъ.

¹⁾ Въ Карамзинскомъ спискѣ ст. 16 заканчивается такъ: «а отъ виры помочнаго 9 кунъ», а въ ст. 15 вмѣсто «тогда» читается «то 2». Срв. далѣе въ ст. 25 «полная видока» (стр. 553).

²⁾ По Карамзинскому списку слѣдуетъ далѣе цѣнная по содержанию статья 18-ая: «А соуднымъ кунамъ росту нѣтъ».

³⁾ Въ договорахъ съ греками 912 и 945 гг. пять литръ серебра «по закону рускому».

20. Аже кто кого оударить батогомъ, либо чашею, либо рогомъ, либо тылѣснию, то 12 гривенъ. Не терпя ли противу тому, оударить мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтъ.

21. Аче ли оутнетъ руку і отпадетъ рука, или оусхнетъ, или нога, или око, или носъ ¹⁾ оутнетъ; то полувирье, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ.

22. Аже персть оутнетъ кии либо, 3 гривны продажѣ, а самому гривна коунъ.

А придетъ кровавъ мужъ.

23. Аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ, или синь, то видока ему не іскати, но платити ему продажю 3 гривны. Аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ: слово противу слова, а кто будетъ почаль, тому плати[ти] 60 кунъ. Аче же и кровавъ придетъ или будетъ самъ почаль, а вылѣзуть послуси, то то ему за платежъ, оже и били ²⁾.

24. Аже оударить мечемъ, а не оутнетъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, же лѣчебное. Потнетъ ли на смерть, а вира.

¹⁾ Чтеніе или носъ принято вмѣсто чтенія Троицкаго списка или не, согласно другимъ рукописямъ, указанымъ Н. В. Калачовымъ въ книгѣ «Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды». Изд. II. Спб. 1880. Выпускъ I, стр. 190.

²⁾ Срв. ст. 28 по Акад. списку: «Аще же придетъ кровавъ мужъ, либо синь, то не іскати ему *послужа*» и ст. 2 того же списка: «Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не іскати емоу *видока* челоувѣкоу томоу; аще не боудеть на немъ знаменія никотораго же, толи придетъ видокъ; аще ли не можеть, тоу томоу конецъ. Оже ли себе не можеть мьстати, то взяти емоу за обидоу 3 гривнѣ, а лѣтцю мьзда».

25. Аче попѣхнеть мужь мужа, любо къ собѣ, ли отъ себе, любо по лицу оударить, ли жердью оударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи. Аже будеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести, и идета на ротоу ¹⁾.

О челяди.

26. А челядинъ скрывается, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и [въ] третини день: то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи.

Аже кто всядеть на чюжь конь.

27. Аже кто всядеть на чюжь конь, не прашавъ, то 3 гривны.

28. Аче кто конь погубить, или оружье, или портъ ²⁾, а заповѣсть на *тору*, а послѣ познаеть въ своемъ

¹⁾ В. И. Сергѣевичъ въ своемъ изданіи Русской Правды (стр. 12) приводитъ интересный вариантъ этой статьи: «Аче ли пхнеть мужь мужа любо къ себѣ любо отъ себя, любо по лицу ударить, или жердію ударить, а безъ знаменія, а видока 2 выведуть, то 3 гривны продажи. Оже будеть варягъ или колобягъ, крещенія не имѣя, а будеть има бон, а видока не будеть, ити има на роту по своей вѣрѣ, а любо на жребій, а виноватый въ продажѣ, во что и обложить».

²⁾ Срв. ст. 17 по Академич. списку: «А иже изломить конь, любо щить, любо *портъ*, а начнеть хотѣти его деръжати оу себе, то приати скота оу него; а иже естъ изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то скотомъ емоу заплатити, колько далъ боудеть на немъ», и также ст. 12: «Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружіе, любо *портъ*, а познаеть въ своемъ *мироу*: то взяти емоу. свое, а 3 гривнѣ за обиду». Срв. далѣе на стр. 554 статью 31-ую.

городъ, свое ему лицомъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны.

29. Аже кто познаеть свое, что будетъ погубилъ, или оукрадено оу него что, и или конь, или портъ, или скотина, то не рци и: се мое; но поиди на сводъ, кдѣ естъ взялъ. Сведитесь, кто будетъ виновать, на того татба сидеть. Тогда онъ свое возметь, а что погубло боудеть съ нимъ, тоже ему начнетъ платити ¹⁾).

30. Аще будетъ коневыи тать — выдати князю на потокъ. Паки ли будетъ клѣтныи тать, то 3 гривны платити емоу.

О сводѣ.

31. Аже будетъ во единомъ городѣ, то ити истцю до конца того свода. Будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода. А что будетъ лице, то тому платити третьему кунами за лице, а съ лицемъ ити до конца своду. А истцю ждати прока. А кдѣ сидеть на конечняго, то тому все платити и продажу.

О татбѣ.

32. Паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или конь, или портъ, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника. Аже начнетъ не знати оу кого купилъ, то ити по немъ тѣмъ видокомъ на роту, а истцю свое лице взяти, а что съ нимъ погубло, а того ему желѣти, а оному желѣти своихъ

¹⁾ По Академич. списку ст. 13: «Аще познаеть кто, не емлетъ его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: пожди на сводъ: гдѣ еси взялъ: или не поидеть, то поручника за пять двѣя»

кунъ, зане не знаетъ оу кого купивъ. Познаеть ли на долзѣ оу кого то купиль, то своѣ куны возметь, і сему платити, что оу него будетъ погибло, а князю продаю.

Аже познаеть кто челядь.

33. Аще познаеть кто челядинъ свои оукраденъ, а поиметь и, то оному вести и по кунамъ до 3-го свода. Пояти же челядина въ челядинъ мѣсто, а оному дати лице, ать ідетъ до конечняго свода. А то есть не скотъ, нѣ лзѣ рчи ¹⁾: оу кого есмь купиль; но по языку ити до конца. А кдѣ будетъ конечнии тать, то опять воротять челядина, а свои поиметь, и проторъ тому же платити.

34. А князю продажѣ 12 гривенъ въ челядинѣ или оукрадше ²⁾.

О сводъ же.

35. А и — своего города въ чюжо землю свода нѣтуть; но такоже вывести ему послухи, любо мытника, передъ кимъ же купивше. То истьцю лице взяти, а прока ему желѣти, что съ нимъ погибло, а оному своихъ кунъ желѣти ³⁾.

О татбъ.

36. Аже оубиють кого оу клѣти іли оу котороѣ татбы, то оубиють во пса мѣсто. Аже ли і додер-

¹⁾ Въ подлинникѣ здѣсь пропущены слова: не вѣдѣ или не вѣдаю. Срв. по Карамз. сп. ст. 34 и по Академ. сп. ст. 15.

²⁾ Въ Карамз. списокѣ статья заканчивается словами: «или оукраденъ, или оуведенъ есть». В. Сергѣевичъ соединяетъ 33-ую и 34-ую статью въ одну (стр. 13 его «Русской Правды»).

³⁾ Карамз. списокъ прибавляетъ «домдѣже напѣзеть».

жать свѣта, то вести на княжь дворъ. Оже ли оубиють и, а оуже боудуть людие связана видѣли, то платити въ томъ 12 гривень ¹⁾).

37. Аже крадетъ кто скоть въ хлѣвѣ или клѣть, то же [оже] будетъ одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будетъ ли ихъ много, всѣмъ по 3 гривны і по 30 кунъ платити.

О татбѣ, иже кто скота взиметь.

38. Аже крадетъ скоть на полн, или овцѣ, или козы, ли свиньи, 60 кунъ; будетъ ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ.

39. Аже крадетъ гумно или жито въ амѣ, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны і по 30 кунъ. А оу него же погибло, то оже будетъ лице. лице поиметь, а за лѣто возьметъ по полугривнѣ.

40. Паки ли лица не будетъ, а будетъ былъ княжь конь, то платити зань 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны ²⁾).

¹⁾ Срв. ст. 38 по Академич. списку: «Аще оубьють тата на своемъ дворѣ, либо оу клѣти, или оу хлѣва, то том оубить. Аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ. А оже ли оубьють, а люди боудуть видѣли связанъ, то платити въ немъ». Въ Ростовскомъ спискѣ прибавлено: «Оже убиенъ татъ, а подымуть ноги во дверѣ, ино убить; оли подымуть ноги за ворота, толи платити въ немъ».

²⁾ В. Сергѣевичъ соединяетъ 39-ую и 40-ую статью въ одну (стр. 14 его «Русской Правды»). О дѣленіи Правды на статьи онъ говоритъ въ предисловіи, при чемъ на стр. XVI замѣчаетъ, что «каждая отдѣльная мысль должна быть выражена въ особой статьѣ; то, что говорится въ ея развитіе, можетъ войти въ ту же статью». Признакомъ единства статьи онъ считаетъ лишь дѣйствительное единство мысли.

А се оуроци скоту.

41. Аже за кобылу 7 кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ, а за третяку 30 кунъ, за доньщину полгривны, за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, за овцю 5 кунъ, за боранъ ногата, а за жеребець, аже не всѣдано нань, гривна кунъ, за жеребя 6 ногатъ. А за коровне молоко 6 ногатъ. То ти оуроци смердомъ, оже платятъ князю продажю.

Аже будутъ холопи татъе, судъ княжъ.

42. Аже будутъ холопи татие, любо княжи, любо боярѣстии, любо чернечъ, ихъ же князь продажею не казнить, зане суть несвободни: то двоиче платить ко истьцю за обиду¹⁾.

Оже кто кунъ взищеть.

43. Аже кто взищеть кунъ на друзѣ, а онъ ся начнетъ закирати, то оже нань выведеть послуси, то ти пойдуть на роту, а онъ возьметъ своѣ куны. Занеже не далъ ему кунъ за много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны.

44. Аже кто купецъ купцю дасть куплю въ куны или въ гостьбу, то купцю предъ послухи кунъ не имати, послуси ему не надобѣ; но іти ему самому ротѣ, аже ся почнетъ закирати.

¹⁾ Срв. ст. 16 по списку князя М. Оболенскаго: «Аже будетъ холопи тати кто,—кто княжъ, ихъ же князь обиду платитъ истцу».

О поклажан.

45. Аже кто поклажан кладеть оу кого любо, то ту послуха нѣсть; но оже начнеть большимъ клепати, тому ити ротѣ, оу кого то лежалъ товаръ: а толко еси оу мене положилъ, занеже ему въ болого дѣль и хоронилъ товаръ того ¹⁾).

О рѣзь.

46. Аже кто даетъ куны въ рѣзь, или наставъ въ медь, или жито во присопъ, то послухи ему ставити: како ся будеть рядилъ, такоже ему имати.

¹⁾ Курсивъ въ этой статьѣ—поправки по другимъ спискамъ вмѣсто пропусковъ оригинала. Любопытный примѣръ употребленія роты въ такомъ случаѣ, въ какомъ она предлагается «Русской Правдой», представляетъ Патерикъ Печерскій. Два мужа, рассказываетъ «О Иоаннѣ и о Сергіи чюдо изрядно», сдѣлались монахами Печерскаго монастыря. Одинъ изъ нихъ Иоаннъ, умирая, поручилъ игумену Никону раздать все имѣніе нищимъ, «а часть сыновню дасть Сергію 1000 гривенъ сребра, а 100 гривенъ злата, предасть же и сына своего Захарью, юна соуща, на съблюденіе другу своему, яко брату вѣрну, заповѣдавъ тому, яко, егда възмужаетъ сынъ мой, дай же ему злато и сребро». Когда послѣдній пришелъ въ совершенный возрастъ (15 лѣтъ) и потребовалъ отцовскія деньги, то Сергій, принявшій ихъ на храненіе, отвѣчалъ, что у него нѣтъ никакихъ Иоанновыхъ денегъ, что умершій Иоаннъ все свое имѣніе роздалъ нищимъ. Захарій настаивалъ на отдачѣ, пошелъ, наконецъ, на сдѣлку, прося отдать сперва половинну, потомъ соглашался на третью и даже десятую часть; но Сергій упорно стоялъ на своемъ. Тогда Захарій потребовалъ, чтобы Сергій пошелъ на роту. Тотъ не выдержалъ роты вполнѣ и принужденъ былъ сознаться, что деньги у него въ клѣтѣ. Изъ этого примѣра ясно видно широкое распространеніе роты; ея не избѣгъ даже монастырь.

О мѣсячнѣхъ рѣзѣхъ.

47. О мѣсячнѣхъ рѣзѣхъ, еже за мало, то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадутъ ему куны въ треть, а мѣсячнѣхъ рѣзѣхъ ¹⁾ погрѣнати. Послуховъ ли не будетъ, а будетъ кунъ 3 гривны, то ити ему про своѣ куны ротѣ. Будеть ли боле кунъ, то речи ему тако: промиловался еси, еже еси не ставилъ послуховъ.

Оуставъ Володимѣръ Всеволодича.

48. Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, киевско тысячьского, Прокопью, бѣлогородьского тысячьского, Станислава, переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и оуоставили до третьяго рѣза, еже емлетъ въ треть куны. Аже кто возметъ два рѣза, то то ему взяти исто; паки ли возметъ три рѣзы, то иста ему не взяти.

49. Аже кто емлетъ по 10 кунъ отъ лѣта на гривну, то того не отмѣтати.

Аже которыи купецъ истопитъся.

50. Аже которыи купецъ, гдѣ любо шедъ съ чюжими кунами, истопитъся, любо рать возметъ, ли огонь: то не насилити ему, ни продати его; но како начнетъ отъ лѣта платити, такоже платитъ занеже пагуба отъ Бога есть, а не виновать есть. Аже ли

¹⁾ Въ «Вопросахъ Кирика...» читаемъ: «боудите милосерди, възмете легко; аще (по) 5 коунъ далъ еси, а 3 коуны възми или 4».

пропнетъся или пробиетъся, а въ безумьи чюжь товаръ испортить, то како любо тѣмъ, чии то товаръ, ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля.

О должъ.

51. Аже кто многимъ долженъ будетъ, а пришедъ господь ¹⁾ изъ иного города или чюжеземець, а не вѣдая запустить занъ товаръ, а опять начнетъ не дати гости кунъ, а первии долже бити начнутъ ему запинати, не дадуче ему кунъ: то вести и на торгъ, продати же и отдати же первое гостинны коуны, а домашнимъ, что ся останеть кунъ, тѣмъ же ся подѣлять. Паки ли будутъ княжи куны: то княжи куны первое взяти, а прокъ въ дѣль. Аже кто много рѣзали, не имати тому.

Аже закупъ бѣжитъ.

52. Аже закупъ [бѣжить] отъ господы, то обель. Идетъ ли искать кунъ, а явлено ходитъ, или ко князю, или къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина: то про то не робять его, но дати емоу правдоу.

О закупъ же.

53. Аже оу господина ролеинны закупъ, а погубить воискии ²⁾ конь, то не платити ему. Но еже

¹⁾ Въ Карамз. списокъ ст. 69 читается *гость*; вмѣсто дальнѣйшаго *долже* читается *должннцъ*. Статья эта косвенно говоритъ объ одномъ изъ источниковъ холопства въ кievской Руси, такъ же, какъ и слѣдующая 52-ая статья о *закупъ*.

²⁾ По Карамзин. списку ст. 71 читается: «.....а погубить *своискы конь*...». Есть также чтеніе «*своискыи конь*», «*своискын конь*». Срв. выше на стр. 510—512.

далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емлетъ, то то погубивше платити. Аже ли господинъ его отселеть на свое орудье, а погибнеть безъ него, то того ему не платити.

О закупъ же.

54. Аже изъ хлѣва выведуть, то закупу того не платити. Но (о)же погубить на поля, и въ дворъ не вженеть і не затворить, кдѣ ему господинъ велить, или орудья своя дѣя, а того погубить: то то емоу платити.

55. Аже господинъ переобидить закоупа, а оувидить купу его или ¹⁾ отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ. Паки ли приметь на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи. Продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ. Аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть; биеть ли не смысла пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнѣмъ платежъ, такоже и въ закупѣ.

56. Аже холопъ обелныи выведеть конь чии любо, то платити занъ 2 гривны.

О закупъ.

57. Аже закупъ выведеть что, то господинъ въ немъ. Но оже кдѣ и налѣзуть, то преди заплатити господинъ его конь или что будетъ ино взялъ, ему

¹⁾ Срв. по Карамз. сп. ст. 73: «..приобидить закоупа, оувѣдеть враждоу и оувередить цѣноу, а введеть вкоупоу его или отарицю».

холопъ обелными. И паки ли господинъ не хотѣти начать платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волю, или за товаръ, что будетъ чюжего взять, а прокъ ему самому взяти собѣ.

А се аже холопъ оударитъ.

58. А се аже холопъ оударитъ свободна мужа, а оубѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдасть, то платити зань господину 12 гривенъ. А за тѣмъ аче и кдѣ налѣзеть оударены ть своего истьца, кто его ударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ.

О послушьствѣ.

59. А послушьства ¹⁾ на холопа не складають; но оже не будетъ свободнаго, но ²⁾ по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати. А въ малѣ тяжѣ, по нужи, възложити на закупа.

О бородѣ.

60. А кто порветъ ³⁾ бороду, а възьметъ знаменне, а вылѣзуть людие, то 12 гривенъ продажѣ. Аже безъ людии, а въ поклепѣ, то нѣту продажѣ.

¹⁾ Срв. выше на стр. 528 и 530.

²⁾ Слѣдуетъ читать: *то*.

³⁾ Срв. Авадем. списка ст. 7-ую: «А во оусѣ 12 гривенъ; а въ бородѣ 12 гривенъ».

О зубъ.

61. Аже выбьютъ зубъ, а кровь видять оу него во ртѣ, а людье выгъзуть, то 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна.

62. Аже оукрадетъ кто бобръ, то 12 гривенъ.

63. Аже будетъ росѣчена земля или знамение, имъ же ловлено, или сѣтъ, то по верви искати татя, ли платити продажю.

Аже кто борть разнаменаетъ.

64. Аже разнаменаетъ борть, то 12 гривенъ.

65. Аже межю перетнетъ бортьную, или ролеіную разореть, или дворную тыномъ перегородить межю, то 12 гривенъ продажи.

66. Аже дубъ подотнетъ знаменьныи или межъныи, то 12 гривенъ продажѣ.

А се наклады.

67. А се наклады 12 гривенъ: отроку 2 гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати со отрокомъ на дву коню; сути же на ротъ овесъ. А мясо дати овенъ любо полоть, а инѣмъ кормомъ что има черево возметь. Писцю 10 кунъ; перекладнаго 5 кунъ; на [а за] мѣхъ двѣ ногатѣ.

А се о борти.

68. Аже борть подѣтнетъ, то 3 гривны продажѣ, а за дерево полгривны.

69. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи, а за медь, аже будетъ пчелы не лажены, то 10 кунъ; будетъ ли олѣкъ, то 5 кунъ.

70. Не будетъ ли татя, то по слѣду женуть. Аже не ¹⁾ боудеть слѣда, ли къ селу, или къ товару, а не отсочать отъ себе слѣда, ни ѣдутъ на слѣдъ, или отбьются, то тѣмъ платити татбу и продажу, а слѣдъ гнати съ чюжими людьми, а съ послухи. Аже погубять слѣдъ на гостиньцѣ на велицѣ ²⁾, а села не будетъ, или на пустѣ, кдѣ же не будетъ ни села, ни людья, то не платити ни продажи, ни татбы.

О смердѣ.

71. Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ.

72. Аже огнищанина мучить ³⁾, то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна.

1) *Здѣсь слово: не, повидимому, лишнее.* Срв. по Карамз. сп. ст. 88: «оже боудеть слѣдъ къ селу или къ товару».

2) *Товаръ*—здѣсь въ смыслѣ лагерь, стоянка торговаго каравана, а «на гостиньцѣ на велицѣ»—на большой дорогѣ.

3) Срв. выше на стр. 548 примѣчаніе къ 3-ей статьѣ Академ. списка ст. 32: «А въ гнищанинѣ, и въ тивоуницѣ, и въ мечниці 12 гривняѣ»; срв. по Карамз. списку ст. 90 и 134. Срв. 18, 19 и 20 статьи Академ. списка: а) «Аще оубьютъ огнищанина въ обиду, то платити зань 80 гривенъ оубици, а людемъ не надобѣ; а въ подѣздномъ княжи 80 гривенъ». б) «Аже оубьютъ огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говада, или оу коровѣ татбы, то оубити въ пса мѣсто; а тоже поконъ и тивоуницоу». По прежнему толкованію *огнищанинъ*—рабовладѣлецъ; въ одной рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ десять словъ Григорія Богослова, черезъ «огнище» предано греческое *αὐθάροδα* = челядь, рабы. Б. А. Романовъ въ статьѣ *Смердѣи конь и смердѣ* (стр. 30) толкуеть такъ: «Огнищанинъ—княжой мужъ, въ дружинѣ князя, близкій князю человекъ; огнище—очагъ, домъ, дворъ; огнищанинъ → человекъ, живущій въ огнищѣ, хозяйствѣ князя, можетъ быть, раздѣляющій общую съ княземъ трапезу; это

73. Аже лодью оукрадетъ, то 60 кунъ продажѣ, а лодию лицемъ воротити, а морскую лодью 3 гривны, а за набойную лодью 2 гривны, за челнѣ 20 кунъ, а за стругъ гривна ¹⁾).

О перевѣсѣхъ.

74. Аже кто подотнетъ вервь въ перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кунъ.

75. Аже кто оукрадетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястребъ ²⁾ или соколъ, то продажѣ 3 гривны, а господину гривна.

первоначальное значеніе слова». «Параллелизмъ въ употребленіи нашими источниками,—пишетъ А. Е. Прѣсняковъ (стр. 230—231),—выраженій *огнищанинъ*—князь мужъ, *огнищане* и *гриди*—бояре и гриди, достаточно освѣщаетъ значеніе перваго изъ этихъ словъ, какъ члена дружины (членъ огнища, дома своего вождя). Онъ могъ бы примѣняться ко всей дружинѣ, но съ нимъ сталъ рядомъ заимствованный и родственнѣй по смыслу терминъ — *гридь*. Огнищане — слово, ставшее спеціально означать высшій, ближайшій къ князю слой дружинниковъ старшихъ. Но и это явленіе вторичное. Въ «Русской Правдѣ» видимъ значеніе огнищанина, какъ вообще княжого мужа. Обращать огнищанина во владѣльца огнища такая же этимологическая несообразность, какъ — честь дворянина — владѣльцемъ двора, а горожанина — города». На югѣ термины *гридь* и *огнищанинъ* не привились; зато въ новгородскихъ текстахъ конца XII в. и XIII в. ясно видно крупное боярское положеніе огнищанина.

¹⁾ Въ одномъ изъ списковъ статья эта читается такъ: «Аще лодию украдутъ, то 60 кунъ продажи, а лодія лицемъ воротити. Не будетъ ли лицемъ, то за морскую лодию 3 гривны, а за бойную 2 гривны, а за стругъ гривна, а за челнѣ 8 кунъ».

²⁾ Срв. Академ. сп. ст. 37-ую, гдѣ упоминается еще «чюжь песь».

76. А за голуь 9 кунъ, а за курия 9 кунъ, а за оутовъ 30 кунъ.

77. А за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравь 30 кунъ ¹⁾).

78. А въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико боудеть возъ оукрадено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ.

О шумѣ.

79. Аже зажгутъ ²⁾ гумно, то на потокъ на грабежь домъ его, переди пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити і; такоже аже кто дворъ зажъжетъ.

80. А кто пакощами конь порѣжетъ или скотину, продажѣ 12 гривенъ, а пагубу господину оуроокъ платити.

81. Ты тяжѣ всѣ судять послухи свободными. Будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хощеть истецъ или иметь и, а река тако: по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ, и емѣти и на желѣзо. Аже обвинити и, то емлетъ на немъ свое; не обвинеть ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопши рѣчи ялъ и.

82. А желѣзного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а подгривны дѣтскому: то ти желѣзныи оуроокъ, кто си въ чемъ емлетъ. Аже иметь на же-

¹⁾ В. Сергѣевичъ вполнѣ правильно 75-ую, 76-ую и 77-ую статьи соединяетъ въ *одну*.

²⁾ Въ церковномъ уставѣ Ярослава I поджогъ отнесенъ къ составу церковнаго суда: «аще кто зажъжетъ гумно или дворъ иное что, митрополиту 40 гривенъ, а опитнию поднимуть, а князь ихъ казнить».

дѣзо по свободныхъ людий рѣчи, либо ли запа нань
будеть, либо прохождение noctное, или кимъ либо
образомъ аже не ожьжется, то про муки не пла-
тити ему; но одино желѣзное кто и будеть яль¹⁾.

О жемь.

83. Аже кто оубнетъ жену, то тѣмъ же судомъ
судити якоже и мужа. Аже будеть виновать²⁾, то
полвиры, 20 гривенъ.

84. А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже
будеть безъ вины оубиенъ, то за холопъ оурокъ
платити, или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ.

Аже оумреть смердъ.

85. Аже смердъ оумреть, то задницю³⁾ князю. Аже
будуть дщери оу него дома, то даяти часть на нѣ;
аже будуть за мужемъ, то не даяти части имъ.

О задницѣ боярѣстѣи и о дружннѣи.

86. Аже въ боярехъ либо въ дружинѣ, то за князя
задниця не идетъ. Но оже не будеть сыновъ, а дщери
возмутъ.

1) Между 82 и 83 статьями Троицкаго списка, а по дѣленію В. Сергѣевича 113 и 115, послѣдній (стр. 21) вставляетъ изъ другого списка Правды статью 114-ую «А кто конь купить, княжъ бояринъ, или купецъ, или сирота, а будеть въ конѣ червь или проѣсть, а то поидеть къ осподарю, у кого будеть покупать, а тому свое серебро взяти опять взадъ».

2) По Карамъ. сп. ст. 101 читается: «виновата».

3) *Задниця*—наслѣдство. Въ одномъ изъ списковъ Правды читаемъ такія статьи: а) *О смердазъ*. Аже смердъ умреть

87. Аже кто оумирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти. Паки ли безъ ряду ¹⁾ оумреть, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати души.

88. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужъ възложить, тому же есть госпожа, а задница еи мужни не надобѣ. Будуть ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмутъ дѣти матери своея; любо си на женоу будетъ възложилъ, обаче матери своей возмутъ.

89. Аже будетъ сестра въ домоу, то той задницѣ не имати, но отдадять ю за мужъ братия, како си могутъ.

А се закладаюче городъ.

90. А се оуроци городнику: закладаюче городню, куну взяти, а кончавше ногата; а за кормъ и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 оуборковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони. Имати же ему донелѣ городъ срубать. А солоду одну дадять 10 луконъ.

О мостницѣхъ.

91. А се мостнику оуроци: помостивше мостъ, взяти отъ 10 локоть по ногатѣ; аже починитъ моста

безажю, то князю задница. б) *О безадници.* Аще въ бодрѣи дружини, то за князя задница не идетъ. Срв. ниже стр. 569.

¹⁾ Въ Олеговомъ договорѣ съ греками 912 г. въ статьѣ «о работающихъ въ грѣцѣхъ Руси у христьянского царя» читаемъ: «аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възвратитъ имѣнье къ малымъ ближикамъ в Русь; аще ли створитъ обрящение, таковый възметъ

ветхаго, то колико городнѣ починить, то взяти ему по кунѣ отъ городнѣ; а мостнику самому ѣхати со отрокомъ на дву коню, 4 лука овса на недѣлю. А ѣсть что можетъ.

А се о задницѣ.

92. Аже будутъ робѣи дѣти оу мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ съ матерью.

93. Аже будутъ въ дому дѣти мали, а не джи ся будутъ сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужъ, то кто имъ ближни будетъ, тому же дати на рупѣ і съ добыткомъ и съ домоу донелѣже возмогутъ. А товаръ дати передъ людьми. А что срѣзить товаромъ тѣмъ ли пригостить, то то ему собѣ, а истыи товаръ воротить имъ, а прикупъ ему собѣ, зане кормилъ и печаловалъ ся ими; яже отъ челяди плодъ или отъ скота, то то все поимати лицомъ. Что ли будетъ ростерялъ, то то все ему платити дѣтемъ тѣмъ.

94. Аче же и отчимъ прииметь дѣти съ задницею, то такоже есть рядъ. А дворъ безъ дѣла отень всякъ меншему сынови.

О женѣ, аже ворчеться съдѣти.

95. Аже жена ворчеться съдѣти по мужи, а ростеряетъ добытокъ и поидеть за мужъ, то платити ей все дѣтемъ. Не хотѣти ли начнуть дѣти ей ни на

ураженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдитъ е о(тъ) взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ въ грѣки и удолжающихъ». Срв. выше на стр. 57.

дворѣ, а она начнетъ всяко хотѣти и сѣдѣти, то творити всяко волю, а дѣтемъ не дати воли. Но что ей далъ мужъ, съ тѣмъ же ей сѣдѣти, или свою часть вземше сѣдѣти же.

96. А матерня часть не надобѣ дѣтемъ; но кому мати дастъ, тому же взяти; дастъ ли всѣмъ, а вси роздѣлять; безъ языка ли оумреть, то оу кого будетъ на дворѣ была и кто ю кормилъ, то тому взяти.

97. Аже будутъ двою мужю дѣти, а одиноѣ матери, то онѣмъ своего отца задница, а онѣмъ своего. Будеть ли потерялъ своего иночима что, а онѣхъ отца, а оумреть, то възворотитъ брату, на неже и людье вылѣзуть, что будетъ отецъ его истерялъ иночимля. А что ему своего отца, то держитъ.

98. А матери который сынъ добръ, перваго ли, другаго ли, тому же дастъ свое. Аче и вси сынове ей будутъ лиси, а дчери можетъ дати, кто ю кормитъ.

А се оуроци судебнии.

99. А се оуроци судебнии: отъ виры 9 кунъ, а метелнику 9 вѣкошь, а отъ бортноѣ земли 30 кунъ. а о инѣхъ о всѣхъ тяжъ, кому помогутъ, по 4 куны. а метелнику 6 вѣкошь.

() задницъ.

100. Аже братья ростяжются ¹⁾ передъ княземъ о задницю, который дѣтский идѣтъ ихъ дѣлять, то тому взяти гривна коунъ.

¹⁾ Въ церковномъ уставѣ Владимира I случай, когда «братья или дѣти тяжются о задницю», отнесенъ къ суду церковному.

Оуроци ротнии.

101. А се оуроци ротнии: отъ головы 30 кунъ, а отъ бортноѡ земли 30 кунъ бесъ трии кунъ; такоже и отъ роленноѡ земли, а отъ свободы 9 кунъ.

О холопствѡ.

102. Холопство обелное трое: оже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставитъ, а ногату дасть передъ самѡмъ холопомъ.

103. А второе холопство: поиметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомъ, то како ся будетъ радиль, на томъ же стоять.

104. А се третье холопство: тивунство безъ ряду или привяжетъ ключъ къ собѡ безъ ряду; съ рядомъ ли, то како ся будетъ радиль, на томъ же стоять.

105. А вѡдачъ не холопъ, то по хлѡбѡ роботять, ни по придатьцѡ; но оже не доходить года, то вороцати ему милость; отходить ли, то не виновать есть.

106. Аже холопъ бѡжитъ, а заповѡсть господинъ; аже слышавъ кто, или зная и вѡдая, оже есть холопъ, а дасть ему хлѡба, или оукажетъ ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривень, а за робу 6 гривень.

107. Аже кто переиметь чужъ холопъ и дасть вѡсть господину его, то имати ему переемъ гривна. Не оублюдетъ ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему; а будетъ роба, то 5 гривень, а шестая на переемъ отходить.

108. Аже кто своего холопа самъ досочитъся въ чьемъ либо городѡ, а будетъ посадникъ не вѡдалъ

его, то, повѣдавше ему, пояти же ему отрокъ отъ него и шедше оуязати и і дати ему вязебную 10 кунъ, а переима нѣтуть. Аче оупустить и, гоня, а собѣ ему пагуба, а платить въ то никтоже, тѣмъ же и переима нѣтуть.

109. Аже кто не вѣдая чюжь холопъ оусрячетъ и, или повѣсть дѣветъ, любо держить и оу себе, а идеть отъ него, то ити ему ротѣ, яко не вѣдалъ ¹⁾ есмь. оже есть холопъ, а платежа въ томъ нѣтуть.

110. Аче же холопъ вѣдѣ куны вложить, а онъ будетъ не вѣдая вдаль, то господину выкупати али лишитися его; вѣдая ли будетъ даль, а кунъ ему лишитися.

111. Аже пустить холопъ въ торгъ, а одолжаетъ, то выкупати его господину и не лишитися его.

112. Аже кто кренеть [коупить] чюжь холопъ не вѣдая, то первому господину холопъ пояти, а оному кунъ ²⁾

1) Срв. выше на стр. 553, ст. 26.

2) Что касается денежнаго счета въ «Русской Правдѣ», то читатели должны принять во вниманіе нижеслѣдующее поясненіе. *Гривна*, во-первыхъ, единица вѣса, равная фунту въ 72 золотника (греческой литрѣ или римской *libra*, отъ которой произошелъ нюрнбергскій, т.-е. нашъ аптекарскій фунтъ); отсюда: гривна серебра=фунтъ серебра. Во-вторыхъ, гривна—денежная счетная единица, вѣроятно, равная одному фунту серебра. Но *гривна кунъ* (т.-е. гривна денегъ) эпохи «Русской Правды» уже утратила вѣсовое значеніе: содержаніе серебра въ ней мѣнялось въ зависимости отъ курса на серебро, а также, быть можетъ, и отъ мѣстности (новгородскій, кievскій, смоленскій счетъ), и всегда было меньше фута. Гривна кунъ дѣлилась на 20 *ногатъ*, или на 25 (позже на 50) *кунъ*, или на 50 *рѣзаней*, или 600 *вѣкомъ* (въ *ногатѣ* 30 вѣкошь, въ *рѣзанѣ* 12 вѣкошь, въ *ногатѣ* 2 $\frac{1}{2}$ рѣзаны). Неоднократныя попытки найти отношеніе между цѣною денегъ въ кievской Руси и въ теперешней Россіи не дали

имати ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь купилъ ¹⁾.

113 ²⁾). Господину же и товаръ, а не лишатися его.

114. Аже кто бѣжа, а пойметъ сусѣдне что или товаръ, то господину платити зань оуроку, что будетъ взялъ.

115. Аже холопъ крадетъ кого любо, то господину выкупати и любо выдати и съ кимъ будетъ красть, а женѣ и дѣтемъ ненадобѣ; но оже будутъ съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати; паки ли а выкупаеть господинъ. Аже будутъ свободнии съ нимъ крали или хоронили, то князю въ продажѣ ³⁾.

Троицкій списокъ «Русской Правды» находится въ одномъ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Мѣрида Праведнаго» и хранящемся въ монастырской библио-

прочныхъ результатовъ по недостатку матеріала для которія цѣль за этотъ періодъ. См. Д. И. Прозоровскій. *Монеты и слѣзъ изъ древней Россіи*. Спб. 1865.

¹⁾ Въ Карамз. списокѣ ст. 129 далѣе прибавлено: «вѣдая ли боудеть купилъ, то коувъ ему лишеноу быти».

²⁾ *Здѣсь, во всѣхъ спискахъ этой редакціи, недостаетъ слѣдующихъ словъ, необходимыхъ для полноты смысла: Оже холопъ бѣгая добуудеть товару, то господину холопъ и долги, господину же и товаръ. Ср. въ Карамзинскомъ спискѣ статью 130.*

³⁾ Въ Карамзинскомъ сп. далѣе слѣдуютъ три статьи: 133-ая «оже человекъ, полгавъ куны оу людей, а побѣжить въ чюжоу землю, вѣры емоу не яти, какъ и татю» съ заголовкомъ «о человекѣ». 134-ая подъ заголовкомъ «о городскихъ мостехъ осменники (изгов) поплатя» и 135-ая «о муцѣ»: «оже оутяжутъ въ моукѣ, а посидать оу дворянина, 8 ногать за тоу моукоу, а оу колоколница бьютъ кноутомъ, а за тоу моуку 80 гривень».

текъ Троице-Сергіевой лавры. Сборникъ этотъ написанъ на пергаментѣ, въ малую четвертку, въ одинъ столбецъ, весьма красивымъ уставомъ конца XIV вѣка. «Русская Правда» помѣщена здѣсь вслѣдъ за статьюю «о церковныхъ людѣхъ, и судѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрахъ городскихъ»; послѣ Правды слѣдуютъ церковныя правила «о власѣхъ» (о растающихъ власы и стриженьи брады). *Списокъ Академическій*, на который сдѣланы ссылки въ примѣчаніяхъ къ тексту, находится въ принадлежащей Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ новгородской лѣтописи, писанной на лощеной бумагѣ, въ четвертку, полууставнымъ почеркомъ конца XV вѣка. Правда находится въ ней непосредственно за словами: «Ярославъ иде къ Киеву, сѣде на столѣ отца своего Володимира, нача вои свои дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривенѣ, а новгородцемъ по 10 гривенъ всѣмъ, и отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давъ имъ *правду* и *установъ* списавъ, глаголавъ тако: по сей *прамотъ* ходите, якоже писахъ вамъ, такоже деръжите» (подъ 1016 г.). *Списокъ Карамзинскій* находится въ Новгородской лѣтописи, принадлежавшей Н. М. Карамзину и писанной въ четвертку, полууставнымъ почеркомъ конца XV вѣка; помѣщена послѣ 1019 г. вслѣдъ за словами ¹⁾: «нача Ярославъ вои дѣлити: старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривенѣ, а новгородцемъ по 10 гривенъ, и отпусти а вся домовъ, и давъ имъ *правду* и *установъ*, списавъ *прамоту*, и рече:

¹⁾ Въ харатейномъ спискѣ Новгородской лѣтописи Московской Синодальной Библіотеки нѣтъ *знаменитаго*, по выраженію В. Сергіевича, извѣстія о дарованіи Правды Новгороду Великому княземъ Ярославомъ I, нѣтъ къ нему и текста Русской Правды.

«по сему ходите и держите, якоже писахъ вамъ». За «Русской Правдой» здѣсь слѣдуетъ такъ называемый «судебникъ царя Константина».

Встрѣчается «Русская Правда» въ различныхъ редакціяхъ, съ большими вариантами текста и съ неодинаковымъ количествомъ и порядкомъ статей. Огульно всѣ списки Правды можно подраздѣлить на *краткіе* и *пространные*: первые встрѣчаются по преимуществу въ лѣтописныхъ сводахъ, вторые — въ кормчихъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что Правда въ краткихъ редакціяхъ простое сокращеніе изъ Правды въ пространныхъ редакціяхъ. Правда по Академическому списку — образецъ краткой, а по Троицкому списку — пространной редакціи ¹⁾.

¹⁾ Для подробностей текста важно изданіе Н. В. Калачова. *Текст Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій*. Спб. 1881, равно его же *Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды*. Спб. 1880, и, наконецъ, изданіе В. И. Сергѣевича *Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ*. Спб. 1904.

XVIII. РУССКАЯ ПРАВДА ВЪ ПЕРЕВОДЪ.

Судъ Ярослава Владимировича.

Русскій законъ.

1. Если свободный человекъ убьетъ свободного, то мститъ за убитаго братъ, или отецъ, или сынъ, или племянникъ отъ брата, или отъ сестры. Если же некому будетъ мститъ, то взыскивать за убитаго 80 гривенъ, когда это будетъ княжой мужъ [бояринъ], или княжой тиунъ [приказчикъ]. Если же убитый будетъ русинъ, или княжой воинъ [гридь], или купецъ, или боярскій тиунъ [приказчикъ], или мечникъ, или церковный человекъ, или словенинъ, то взыскивать за убитаго 40 гривенъ.

2. Но послѣ Ярослава собрались сыновья его, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, съ боярами своими Коснячкомъ, Перенѣгомъ и Никифоромъ и отмѣнили кровную мечь за убійство, установивъ выкупъ деньгами; во всемъ же прочемъ какъ судилъ Ярославъ, такъ рѣшили судить и сыновья его.

Объ убійствѣ.

3. Если кто убьетъ княжого мужа въ дракѣ, и убійцы не ищутъ, то виру — 80 гривенъ — платить та община, въ округѣ которой поднять убитый. Если же будетъ убитъ простой человекъ, то община платить 40 гривенъ.

4. Если какая община начнет платить дикую (повальную) виру, когда вѣтъ налицо убійцы, то пусть уплатить ее во сколько лѣтъ можетъ. Если же убійца изъ той же общины и находится налицо, то община или помогаетъ ему, такъ какъ и онъ приплачивалъ за другихъ по общественной раскладкѣ, или же платитъ дикую (повальную) виру въ 40 гривенъ, сообща, а вознагражденіе потерпѣвшимъ платитъ самъ убійца, внося въ виру только свою долю по раскладкѣ. Но за убійцу, вкладывавшаго въ вирные платежи общины за другихъ, община платитъ по раскладкѣ только тогда, когда онъ совершилъ убійство въ ссорѣ или на пиру явно.

О нападеніи разбоемъ безъ ссоры.

5. Кто же убилъ во время грабежа безъ всякой ссоры, то за разбойника община не платитъ виру, но выдаетъ его князю всего съ женой и съ дѣтьми: пусть князь самого съ семьей сошлетъ (поточить), а имѣніе его конфискуетъ.

6. Если кто не вкладывался въ платежъ дикой виру за другихъ, тому и община не помогаетъ въ уплатѣ виру за него самого, и онъ самъ ее платитъ.

7. А вотъ пошлины вирныя, какія были при Ярославѣ. Сборщику виру брать 7 ведеръ солоду на недѣлю, сверхъ того, барана или полоть мяса, либо деньгами 2 ногаты (5 кунъ), въ среду — куну, да кромѣ того — сыръ; то же въ пятницу; а (въ скоромные дни) по 2 курицы на день; а хлѣбовъ на недѣлю семь, да 7 мѣръ пшена, столько же гороху, 7 головокъ соли: все это идетъ сборщику виру съ помощникомъ. Лошадей при нихъ — четыре; имъ давать овса сколько съѣдятъ. Сверхъ того сборщику

виры—8 гривенъ да 10 кунъ перекладного; а метельнику [приставу]—12 вѣкошъ, да гривну ссадного.

8. Если вира будетъ въ 80 гривенъ, то сборщицу виры 16 гривенъ и 10 кунъ [перекладного], да 12 вѣкошъ [приставу], а напередъ ссадного — гривна, да за голову [мертвое тѣло] — 3 куны.

Головничество.

9. За убійство княжого слуги, конюха или повара брать 40 гривенъ.

10. За княжого приказчика или конюшаго — 80 гривенъ.

11. За княжого приказчика сельскаго или земледѣльческаго — 12 гривенъ; за княжого слугу по договору — 5 гривенъ, столько же и за боярскаго приказчика.

О ремесленникъ и ремесленницъ.

12. За ремесленника и ремесленницу брать 12 гривенъ.

13. За смерда и за холопа—5 гривенъ, за рабу—6 гривенъ.

14. За дядьку также, какъ и за кормилицу,— 12 гривенъ, будутъ ли они холопы или свободные.

Объ убійствѣ безъ уликъ.

15. Если кого будутъ по подозрѣнію обвинять въ убійствѣ, тотъ долженъ представить семь свидѣтелей¹⁾, дабы отвести отъ себя обвиненіе; если

¹⁾ *Послужи*—свидѣтели, встрѣчаются далѣе въ статьяхъ 17, 23, 35, 43, 44, 45, 46, 47, 70, 81 и 102, а *видоки*—очевидцы въ ст. 23, 25, 32; срв. терминъ *люди* въ ст. 36, 60, 61, 93, 97 (5, 6 и 70).

же отвѣтчикъ будетъ варягъ или другой иноземець, то достаточно двухъ свидѣтелей. А община не платитъ виры тогда, когда найдутъ однѣ кости или трупъ человѣка, про котораго никто не знаетъ, кто онъ и какъ его звали.

О платежѣ за отводъ обвиненія въ убійствѣ.

16. Если кто отведеть отъ себя обвиненіе въ убійствѣ, тотъ платитъ сметную гривну помощнику сборщика виры [отроку] ¹⁾, обвинитель платитъ другую гривну да 9 кунъ помочного [помечнаго] за обвиненіе въ убійствѣ.

17. Если отвѣтчикъ станетъ искать свидѣтелей и не найдетъ, а истецъ поддерживаетъ обвиненіе въ убійствѣ, тогда рѣшать ихъ дѣло посредствомъ испытанія желѣзомъ; точно такъ же и во всѣхъ дѣлахъ о воровствѣ по подозрѣнію, когда нѣтъ личнаго, принуждать къ испытанію желѣзомъ, если искъ не менѣе подугривны золота; если же онъ меньше, то до двухъ гривенъ подвергать испытанію водой, а при еще меньшей суммѣ должно принести присягу за свои деньги.

18. Если кто ударитъ мечомъ, не обнаживъ его, или рукоятью меча, то платитъ 12 гривенъ продажи (штрафа въ пользу князя) за обиду.

19. Если же обнажить мечъ, а не поранить, то платитъ гривну кунъ.

20. Если кто кого ударитъ палкой, или чашей, или рогомъ, или тупой стороной меча, то платитъ 12 гривенъ; если же обиженный, не стерпѣвъ, въ

¹⁾ Тотъ же терминъ *отрокъ* употреблявъ въ стг. 7, 67, 91, 108.

отместку самъ ударить мечомъ, то того въ вину ему не ставить.

21. Если кто ранить руку, такъ что рука отпадетъ или усохнетъ, или также ногу, глазъ, или носъ, за то платитъ полувирье — 20 гривенъ, а раненому за увѣчье — 10 гривенъ.

22. Если кто отрубить у кого палець, платитъ 3 гривны продажи (штрафа въ пользу князя), а раненому — гривну кунъ.

Судъ о побояхъ до крови.

23. Если на [княжескій] дворъ придетъ человекъ въ крови или съ синяками, то ему нѣтъ нужды ставить очевидцевъ, и виновный платитъ ему 3 гривны продажи; если же на истца не будетъ знаковъ, то онъ долженъ представить очевидцевъ, которые бы подтвердили его показаніе слово въ слово; тогда зачинщику драки платитъ 60 кунъ истцу. Если же истецъ придетъ въ крови, а явятся свидѣтели, которые покажутъ, что онъ самъ началъ драку, то считать ему то за платежъ, какъ съ зачинщика, хотя его и побили.

24. Если кто ударить кого мечомъ, но не убьетъ до смерти, платитъ 3 гривны, а раненому — гривну за рану, да еще, что слѣдуетъ на лѣченье; если же убьетъ до смерти, то платитъ виру.

25. Если кто толкнетъ другого отъ себя или равнеть его къ себѣ, или по лицу ударить, или жердью, а двое очевидцевъ то покажутъ, — платитъ 3 гривны продажи; если же обвиняемый будетъ варягъ или колбягъ, то должно вывести полное число [семь? срв. ст. 15 на стр. 577] очевидцевъ, которые и должны принести присягу.

О челяди.

26. Если скроется холопъ, и господинъ заявить о немъ на торгу, и до третьяго дня никто не приведетъ холопа, а господинъ на третій день опознаетъ его, то можетъ прямо взять своего холопа, а кто укрывалъ его, тотъ долженъ платить три гривны продажи.

Самовольное пользованіе чужимъ конемъ.

27. Если кто сядетъ на чужого коня безъ спросу, платить три гривны.

28. Если у кого пропадетъ конь, оружіе или одежда, и онъ заявить о томъ на торгу, а послѣ опознаетъ пропавшее у кого-нибудь въ своей же городской общинѣ [въ своемъ же міру, — *срв. примѣчаніе на стр. 553*], то прямо брать свою вещь, — а тому платить ему (т.-е. хозяину пропавшей вещи) за укрывательство 3 гривны.

29. Если кто, безъ явки на торгу, отыщетъ что-либо у него пропавшее или украденное, — коня, одежду или скотину, — то нельзя сказать: «это мое», а надо заявить отвѣтчику — «иди на очную ставку, объяви, у кого взялъ, съ тѣмъ и стань съ очей на очи». Кто не оправдается, на того и падетъ отвѣтственность за воровство; тогда истецъ возьметъ свое, а виноватый ему платить и за то, что тотъ потерпѣлъ вслѣдствіе пропажи.

30. Если это будетъ конокрадъ, выдать его князю: пусть князь сошлетъ ¹⁾ [поточить; *другіе переводятъ:*

¹⁾ Обращеніе княземъ преступника въ раба, т.-е. продажа его, извѣстны древне-русской судебной практикѣ.

продать въ рабство на чужбину]. За воровство же чего-либо изъ клѣти платить вору 3 гривны продажи (штрафа въ пользу князя).

Объ очной ставкѣ.

31. Если при послѣдовательныхъ ссылкахъ на очную ставку отвѣтчиками будутъ являться члены одной съ истцомъ городской общины, истецъ ведетъ дѣло самъ до послѣдней ссылки. Если же будутъ ссылаются на членовъ какой-либо *въ городской общины*, то истецъ ведетъ дѣло только до третьей ссылки,— и третій отвѣтчикъ, заплативъ истцу деньги за его вещь, съ этой вещью ведетъ дѣло до послѣдней ссылки. А истецъ ждетъ конца дѣла,— и когда дойдетъ до послѣдняго отвѣтчика, онъ все платитъ: и убытки истца, и убытки третьяго отвѣтчика, и продажу князю.

О татѣбѣ.

32. Кто купитъ на рынкѣ что-нибудь краденое: коня, одежду или скотину, тотъ долженъ представить въ качествѣ свидѣтелей двухъ свободныхъ людей или торговыхъ пошлинъ сборщика (мытника): если при этомъ окажется, что онъ не знаетъ, у кого купилъ вещь, тѣмъ очевидцамъ итти за него къ присягѣ, а истцу взять свою вещь и съ пропавшимъ при вещи проститься, отвѣтчику же проститься съ заплаченными за нее деньгами, потому что онъ не знаетъ, у кого купилъ вещь. Послѣ разузнаетъ ли, у кого купилъ, взыщетъ свои деньги съ этого продавца, который заплатитъ и хозяину вещи за пропавшее при ней, и князю продажу (штрафъ).

О челяди.

33. Кто опознает своего украденнаго холопа и задержать его, тому вести этого холопа до третьей очной ставки покушника съ продавцомъ: у третьяго отвѣтчика взять его холопа, а ему дать украденнаго — пусть идетъ съ нимъ до послѣдней очной ставки, ибо холопъ не скотина, про него нельзя сказать: «не знаю, у кого купилъ», но по его указаніямъ должно итти до послѣдняго отвѣтчика, — и когда будетъ найденъ настоящій воръ, краденаго холопа возвратить его хозяину, третьему отвѣтчику взять своего холопа, а убытки ему платить уличенный въ кражѣ.

34. А князю платить 12 гривенъ продажи (штрафа) за покражу холопа.

Объ очной же ставкѣ.

35. А изъ округа одной городской общины съ обывателемъ другого ¹⁾ очной ставки быть не можетъ, но отвѣтчикъ долженъ представить свидѣтелей, либо торговыхъ пошлинь сборщика (мытника), при которыхъ онъ купилъ краденую вещь; тогда истецъ беретъ свою вещь, а со всѣмъ прочимъ, что потерялъ, долженъ проститься, отвѣтчику же приходится терять заплаченные за вещь деньги.

О татѣбѣ.

36. Если вора убьютъ у клѣти или во время какого воровства, за это не судить какъ бы за убійство пса; если же вора додержать живымъ до разсвѣта, то надо отвести его на княжескій дворъ. Если же

¹⁾ Срв. статья 28 и 31, 3—6.

вора убьютъ, а сторонніе люди видѣли его связан-
нымъ, то платить зато 12 гривенъ продажи.

37. Если кто крадетъ скотъ изъ хлѣва или что-
либо изъ клѣти, съ того вора, буде онъ одинъ
кралъ, взыскивать продажи 3 гривны и 30 кунъ. Если
же крадо вмѣстѣ нѣсколько воровъ, съ cadaго
взыскать по 3 гривны и 30 кунъ.

Кто накроетъ украденный съ поля скотъ.

38. Если скотъ, овцы ли, козы ли, или свиньи
были украдены на полѣ, платить 60 кунъ продажи
(штрафа въ пользу князя); ежели воровъ было много,
съ cadaго взыскать по 60 кунъ.

39. Если покрадутъ хлѣбъ съ гумна или изъ ямы,
сколько бы ни было воровъ, взыскать съ cadaго
по 3 гривны и 30 кунъ продажи.

Если покраденное окажется налицо, то потерпѣв-
шій возьметъ свое, да взыщетъ еще съ cadaго вора
по полугривнѣ за лѣто.

40. Если же украденнаго налицо не будетъ, а укра-
денъ былъ княжой конь, то платить за него три
гривны, а за кражу смердыаго коня двѣ гривны ¹⁾).

А вотъ урочная плата за покражу скота.

41. Взыскивать надо: за кобылу — 60 кунъ, за
вола — гривну, за корову — 40 кунъ, за трехлѣтку
(кобылу или корову) 30 кунъ, за двухлѣтку — пол-
гривны, за теленка — 5 кунъ, за свинью — 5 кунъ,
за поросенка — ногату, за овцу — 5 кунъ, за барана —

¹⁾ Для пониманія перевода статью 40-ую Троицкаго списка
слѣдуетъ сличить съ 25-ой статьей Академическаго: «а за
нѣхъ по 2 гривны» — «а за смердѣи 2 гривнѣ».

ногату, за жеребца невъзженаго — 1 гривну кунъ, за жеребенка — 6 ногать, за коровье молоко — 6 ногать.

Вотъ урочныя цѣны, которыя взыскиваются въ пользу потерпѣвшихъ за украденный скоть вмѣсто поличнаго, когда воры будутъ простые свободные люди, которые платять князю продажу.

Княжескій судъ за холопью кражу.

42. Если же воры будутъ холопы княжескіе, боярскіе или монастырскіе, которыхъ князь не караетъ продажей, потому что они не свободные люди, то за холопью кражу платить двойныя урочныя цѣны въ вознагражденіе за убытки.

О долговомъ искѣ.

43. Если заимодавецъ потребуеть уплаты долга, а должникъ начнетъ отпираться, то заимодавецъ обязанъ представить свидѣтелей, которые пойдутъ къ присягѣ, и тогда онъ получитъ свои деньги. Если же должникъ не отдавалъ ему много лѣтъ, то платитъ ему еще 3 гривны въ вознагражденіе за убытки.

44. Если купецъ купцу дастъ деньги въ обороть изъ барыша или на торговлю, то должнику нечего получать деньги при свидѣтеляхъ; присутствіе свидѣтелей здѣсь не требуется, но заимодавецъ пусть самъ идетъ къ присягѣ, если должникъ станетъ запираться.

Объ отдачѣ имущества на храненіе.

45. Если кто передаетъ кому-нибудь свое имущество на храненіе, свидѣтель при этомъ не нуженъ; а если хозяинъ начнетъ искать больше, чѣмъ сколько

отдалъ, то принявшій на сохраненіе долженъ итти къ присягѣ, говоря: «ты мнѣ столько и отдавалъ, не болѣе»; вѣдь отвѣтчикъ добро дѣлалъ хозяину, что хранилъ его имущество.

О ростѣ.

46. Кто отдаетъ деньги въ ростъ, или медь въ наставъ, или хлѣбъ въ присыпъ, тому надлежитъ представить свидѣтелей; и какъ онъ при нихъ договорился, такъ ему и брать ростъ.

О мѣсячномъ ростѣ.

47. Мѣсячный ростъ ¹⁾ при краткосрочномъ займѣ брать заимодавцу по уговору; если же долгъ не будетъ уплаченъ въ теченіе цѣлаго года, то считать ростъ съ него на два третій (50⁰/₀), а мѣсячный ростъ отвергнуть. Если не будетъ свидѣтелей, а долгъ не превышаетъ трехъ гривенъ кунъ, то заимодавецъ долженъ итти къ присягѣ въ своихъ деньгахъ; если долгъ больше трехъ гривенъ кунъ, то сказать заимо-

¹⁾ Статья 47-ая представляетъ большія трудности въ ея пониманіи. Переводъ, помѣщенный въ текстъ, выраженію «дадутъ ему куны въ треть» придаетъ смыслъ взиманія процентовъ на два третій, т.-е. 50⁰/₀, на каждыя, напр., двѣ гривны взимать третью, стало-быть, на 4 пятый, будетъ 25⁰/₀, на 6 шестой—20⁰/₀. Но возможно и другое толкованіе этого выраженія, согласно которому начало статьи можетъ быть переведено такъ:

«Мѣсячный ростъ можно брать только при займахъ на короткій срокъ, на сроки же болѣе года мѣсячный ростъ не допускается, и проценты уплачиваются каждую треть года» и т. д. Замѣчаніе это относится и къ статьѣ 48-ой. Въ Карамзинскомъ спискѣ передъ послѣдней статьѣй читаются статьи 49—65, которыхъ нѣтъ въ Троицкомъ сп.

давцу: «самъ виновать, если не ставиль свидѣтелей, давая деньги».

Уставъ Владимира Всеволодовича.

48. По смерти Святополка Владимиръ Всеволодовичъ созвалъ въ селѣ Берестовѣ свою дружину—тысяцкихъ Ратибора кievскаго, Прокопя бѣлгородскаго, Станислава переяславскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича да боярина Олегова (князя черниговскаго Олега Святославича),—и на съѣздѣ установили: кто занялъ деньги съ условіемъ платить ростъ на два третій, съ того брать такой ростъ только два года, и послѣ того искать лишь капитала; а кто бралъ такой ростъ три года, тому не искать и самага капитала ¹⁾).

49. Кто беретъ по 10 кунъ роста съ гривны въ годъ (т. е. $4\frac{0}{10}$), то при такомъ ростѣ искъ самага капитала ни въ какомъ случаѣ не отмѣняется.

О купцѣ, потерпѣвшемъ кораблекрушеніе.

50. Если купецъ, взявъ товары или деньги въ кредитъ, потерпитъ кораблекрушеніе, или подвергнется пожару, или будетъ ограбленъ непріятелемъ, то нельзя сдѣлать ему какое-либо насиліе или продать его въ рабство, но необходимо позволить ему разсрочку платежа на нѣсколько лѣтъ, потому что это несчастье отъ Бога, а онъ не виновать въ немъ.

¹⁾ Согласно другому толкованію конецъ 48-й статьи переводится такъ:

«Если кто занялъ деньги на срокъ болѣе года, то обязанъ платить проценты до трехъ разъ; если заимодавецъ взялъ ростъ уже два раза, то можетъ взыскать только капиталъ, а буде взялъ три раза, то и капитала взыскать не можетъ».

Если жъ купецъ ввѣренный ему товаръ или пропъеть, или проиграеть, или испортить по глупости, то довѣрители поступаютъ съ нимъ, какъ имъ угодно: хотять — ждуть, хотять — продадутъ въ рабство, на то ихъ воля.

О долгахъ.

51. Если кто будетъ многимъ долженъ, а купецъ ¹⁾ прѣхавшій изъ другого города или изъ другой земли, не зная про то, повѣритъ ему товаръ, — а тотъ будетъ не въ состоянїи и съ нимъ расплатиться за товаръ, да и первые заимодавцы также станутъ требовать уплаты долговъ, не давая займы для уплаты гостю, въ такомъ случаѣ вести должника на торгъ и продать, при чемъ напередъ выплатить долгъ прищельца, а остатокъ подѣлить между своими мѣстными заимодавцами. Также, если будутъ за нимъ въ долгу княжїя деньги, то взыскать напередъ ихъ, а остальное въ раздѣлъ. Но если кто взялъ уже много роста, тому лишиться своего капитала ²⁾.

О бѣгствѣ закута.

52. Если закутъ ³⁾ убѣжить отъ своего господина, то становится чрезъ то полнымъ холопомъ. Если же онъ отлучился явно, или бѣжалъ къ князю или къ судьямъ, не стерпя обиды своего господина, то не обращать его въ рабство, но дать ему судъ.

¹⁾ Въ Троицкомъ спискѣ стоитъ «господь», а въ Карамзинскомъ, ст. 69-ая, «гость». При переводѣ принято чтеніе гость.

²⁾ Или: «но кто три раза взялъ ростъ (срв. ст. 48), тотъ уже начега не получаетъ».

³⁾ Терминъ *закутъ* всего правильнѣе оставить безъ перевода и понимать его такъ, какъ указано въ работѣ А. Е. Прѣснякова; срв. выше на стр. 516—517.

О закупъ же.

53. Если у господина живеть земледѣльческій закупъ, а погубить своего военнаго коня ¹⁾, то ему за то не обязанъ платить. Но если господинъ, отъ котораго онъ получаетъ ссуду, дастъ ему плугъ и борону, то за пропажу ихъ онъ долженъ заплатить; но онъ не платитъ за хозяйскую вещь, имъ взятую, если она пропадетъ безъ него, когда господинъ пошлетъ его на свою работу.

54. Закупу не платитъ за скотину, увведенную изъ хлѣва; но если онъ потеряетъ ее въ полѣ, или не загонитъ во дворъ, или не затворитъ въ хлѣвѣ, гдѣ ему велитъ господинъ, или же утратить ее за своимъ дѣломъ, то закупу во всѣхъ этихъ случаяхъ утраты платить.

55. Если господинъ обидитъ закупа, отниметъ у закупа данную ему ссуду или его собственное имущество, то по суду все это онъ обязанъ возвратить закупу, а за обиду заплатить 60 кунъ. Если господинъ отдастъ своего наймита въ заработокъ другому хозяину за взятую у послѣдняго впередъ плату, эту плату онъ также долженъ отдать назадъ, а за обиду заплатить 3 гривны продажи. Если же онъ совсѣмъ продастъ его, какъ своего полного холопа, то наймитъ свободенъ отъ всѣхъ долговъ, а господинъ платитъ за обиду 12 гривенъ продажи. Если господинъ бьетъ закупа за дѣло, онъ за то не отвѣчаетъ; если же онъ бьетъ его пьяный,

¹⁾ Переводили въ 30-хъ годахъ и такимъ образомъ: «...испортить буйвола или коня».

самъ не зная за что, безъ вины, то долженъ платить за обиду закупа, какъ платять за оскорбленіе свободного.

56. Если полный холопъ уведеть чью-нибудь лошадь, то (господину) платить за то 2 гривны.

О закупъ.

57. Если закупъ украдетъ что-нибудь на сторонѣ. то господинъ отвѣчаетъ за него. Но онъ можетъ. когда отыщутъ вора, заплатить за лошадь или другое что, имъ украденное, и закупа взять себѣ въ полное холопство,—а можетъ и продать его, если не хочетъ за него платить, и тогда онъ долженъ напередъ заплатить за то, что взялъ нанять чужого, будетъ ли то лошадь, воля или какая-нибудь вещь. А что останется за уплатою, то взять себѣ.

А вотъ о томъ, если холопъ ударитъ.

58. А вотъ, если холопъ ударить свободного человѣка и скроется въ дому, а господинъ не выдастъ его, то платить за него господину 12 гривенъ. А если послѣ того получившій отъ холопа ударъ встрѣтитъ гдѣ-нибудь холопа, который ударилъ его, то Ярославъ опредѣлилъ было убивать его, но сыновья Ярослава, по смерти его, опредѣлили на выборъ: либо раздѣвъ высѣчь виновнаго холопа, либо взять за безчестье гривну кунъ.

О свидѣльствѣ.

59. На свидѣтельство холопа (при судоговореніи) ссылаться нельзя; но если не случится свободного (человѣка), то по нуждѣ можно сослаться на бояр-

скаго тлуна, но ни на кого болѣе. А въ маломъ искѣ и по нуждѣ можно сослаться на закупа.

О бородѣ.

60. Если кто вырветъ у кого клокъ бороды, и знакъ останется, и очевидцы то подтвердятъ, то взыскать съ обидчика 12 гривенъ штрафа (въ пользу князя), но если очевидцевъ нѣтъ, а по одному подозрѣнiю, то штрафа съ отвѣтчика не взыскивать.

() зубъ.

61. Если кто у кого выбьетъ зубъ, такъ что кровь будетъ видна во рту, а очевидцы подтвердятъ, то взыскать съ обидчика 12 гривенъ штрафа (въ пользу князя) да за выбитый зубъ пострадавшему гривну.

62. Если украдетъ кто бобра, то взыскивать 12 гривенъ.

63. Если земля будетъ разрыта, или останутся признаки ловли или сѣти, то общинѣ или сыскать у себя вора, или платить штрафъ (продажу).

Если кто знаменiе на борти уничтожитъ.

64. Если кто уничтожить бортные знаки, то платить 12 гривенъ.

65. Если кто срубить бортную межу или распашеть межу полевую, или перегородить дворовую, то платить 12 гривенъ штрафа.

66. Если кто срубить дубъ съ знаменемъ или межевой, то платить 12 гривенъ штрафа (продажи).

Размѣры дополнительныхъ при взысканiи штрафа (продажи) расходовъ.

67. А вотъ накладные расходы, которые полагаются при 12-гривенномъ штрафѣ въ пользу князя:

отроку брать 2 гривны и 20 кунъ, судѣ съ отрокомъ ѣхать на двухъ лошадахъ; на послѣднихъ овса, сколько могутъ съѣсть; а самимъ въ пищу брать барана или полоть мяса, а изъ другихъ кормовъ, сколько двое съѣдятъ; писцу давать 10 кунъ; перекладного 5 кунъ, да за мѣхъ 2 ногаты.

А вотъ о борти.

68. Если срубятъ бортъ, платить 3 гривны штрафа, а за дерево хозяину полгривны.

69. Если выдерутъ пчель, то три гривны штрафа, а хозяину, буде медъ еще не былъ вынутъ — 10 кунъ, буде же вынутъ, — 5 кунъ.

70. Если воръ скроется, должно искать его по слѣду. Если слѣдъ приведетъ къ селу или къ какой-нибудь торговой стоянкѣ, и если жители или хозяева не отведутъ отъ себя слѣда, или не пойдутъ на слѣдъ, или станутъ отбиваться, то платить имъ стоимость краденаго и штрафъ въ пользу князя. А слѣдъ вести съ чужими людьми, какъ свидѣтелями. Если слѣдъ приведетъ на большую торговую дорогу, гдѣ села нѣтъ, или на пустырь, гдѣ нѣтъ ни села, ни людей, то не платить ни штрафа, ни цѣны украденнаго.

О простолоудинѣ.

71. Если смердъ бьетъ смерда безъ княжескаго повѣдѣнія, то платить 3 гривны штрафа, а за истязаніе гривну кунъ.

72. Если кто побьетъ княжого мужа [огнищанина], то платить 12 гривенъ штрафа, а гривну самому битому.

73. Если кто украдетъ ладью, то 60 кунъ штрафа, а ладью вернуть лицомъ; за морскую ладью — 3 гривны,

за набойную — 2 гривны, за челнъ — 20 кунъ, а за стругъ — гривна.

О перевѣсахъ.

74. Если кто перерубить веревку въ перевѣсѣ, то платить 3 гривны штрафа, да за веревку хозяину — гривну кунъ.

75—78. Если кто украдетъ въ чьемъ-нибудь перевѣсѣ ястреба или сокола, платить штрафа 3 гривны, а хозяину — гривну, за голубя — 9 кунъ, за курицу — 9 кунъ, за утку, гуся, лебедя и журавля — по 30 кунъ; за покражу сѣна или дровъ — 9 кунъ штрафа, а хозяину за каждый украденный возъ по 2 ногаты.

О тумль.

79. Если кто подожжетъ гумно, то выдается головою князю со всѣмъ имѣніемъ, изъ коего напередъ вознаграждается убытокъ хозяина, остальнымъ располагаетъ по своей волѣ князь; такъ же поступать и съ тѣмъ, кто дворъ подожжетъ.

80. Если кто по злобѣ зарѣжетъ чужого коня или другую скотину, тотъ платить 12 гривенъ штрафа а хозяину за причиненный ущербъ урочную цѣну (срв. статью 41).

81. Всѣ изложенныя доселѣ тяжбы разбираются по свидѣтельствамъ свободныхъ людей. Если же случится быть свидѣтелемъ холопу, то онъ не можетъ выступить на судѣ. Но истецъ, если хочетъ, можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ раба, сказавъ отвѣтчику: «зову тебя въ судъ со словъ холопа, но отъ своего собственнаго лица, а не отъ холопскаго».

можетъ требовать отъ отвѣтчика, чтобъ оправдался испытаніемъ желѣза. Если послѣдній окажется виновнымъ, то истецъ беретъ на немъ свой искъ; если же явится невиновнымъ, то истцу платить за муку гривну, такъ какъ вызвалъ его на испытаніе желѣзомъ по холопскимъ рѣчамъ.

82. Пошлины при испытаніи желѣзомъ платитъ 40 кунъ, мечнику — 5 кунъ, княжескому отроку — полгривны; то — урочная высота пошлины, взимаемой при вызовахъ на испытаніе желѣзомъ. Если же истецъ вызоветъ кого на испытаніе желѣзомъ либо по показанію свободныхъ людей, либо по подозрѣнію, либо потому, что видѣли обвиняемаго проходящимъ ночью, либо еще на какомъ-нибудь основаніи, то отвѣтчикъ, если не обожжется, не получаетъ ничего съ истца за муку, но истецъ платитъ только одну желѣзную пошлину.

О женщинѣ.

83. Если кто убьетъ свободную женщину, то подлежитъ такому же суду, какъ и убійца свободнаго мужчины, но если убитая была виновата, то взыскивать съ убійцы полвиры, то-есть 20 гривенъ.

84. За убійство холопа и рабы виры не уплачиваются. Но если кто убьетъ безвинно, долженъ заплатить господину за холопа или рабу урочную цѣну, а князю — 12 гривенъ штрафа (продажи).

Если умретъ смердъ.

85. Если смердъ умретъ бездѣтнымъ, то наследуетъ князь; если остаются въ домѣ незамужнія дочери, то выдѣлить на нихъ нѣкоторую часть; если же будутъ замужемъ, то не давать имъ части.

О наследствѣ послѣ бояръ и дружинниковъ.

86. Если умреть кто изъ бояръ или дружинниковъ, то князь не наследуетъ, а получаютъ наследство дочери, если сыновей не остается.

87. Если кто, умирая, раздѣлитъ домъ свой между дѣтьми, то послѣдніе обязаны послѣдовать волѣ умершаго. А умреть кто, не уговорившись съ дѣтьми, то получаютъ наследство всѣ они, выдѣливъ только часть на поминъ души.

88. Если жена по смерти мужа не идетъ замужъ, то на нее выдѣлится часть, а что ей мужъ опредѣлилъ при жизни, тѣмъ она, кромѣ того, владѣть. А до мужнина наследства женѣ нѣтъ дѣла.

Если остаются дѣти отъ первой жены, то они особо получаютъ часть, которая ей слѣдовала бы по смерти, и то, что послѣдній опредѣлилъ ей при жизни.

89. Если остается въ домѣ незамужняя дочь при братьяхъ, то до отцова наследства ей дѣла нѣтъ, но братья обязаны ее выдать замужъ сообразно съ ихъ достаткомъ.

А вотъ пошлины при закладкѣ городскихъ стѣнъ.

90. Вотъ урочныя пошлины въ пользу строителя города: при закладкѣ стѣны брать куну, а по окончаніи ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 четвериковъ овса на 4 лошади,— что и получать городнику, пока не будетъ городъ срубленъ. Солоду давать ему на все время 10 четвериковъ.

Пошлины для строителей мостовъ.

91. Вотъ урочныя пошлины въ пользу строителя моста: по построеніи новаго моста брать съ 10 локтей по ногатѣ. Если жь будетъ починенъ только старый мостъ, то сколько рѣжей будетъ починено, брать со всякаго по кунѣ. Строителю моста съ помощникомъ пріѣхать на работу на двухъ лошадаяхъ, на коихъ брать имъ по 4 четверика овса на недѣлю, а на пищу имъ сколько съѣсть могутъ.

А вотъ о наслѣдствѣ.

92. Если, по смерти отца остаются дѣти, прижитыя съ рабой, то они права наслѣдованія не имѣютъ, а получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью.

93. Если остаются въ домѣ малолѣтнія дѣти, которыя еще не въ состояніи заботиться о себѣ сами, а мать ихъ пойдетъ замужъ, то ближайшій родственникъ беретъ ихъ вмѣстѣ съ имѣніемъ подъ опеку до совершеннолѣтія. А товаръ отдавать въ присутствіи постороннихъ людей, и что тѣмъ товаромъ наживетъ, продавая или отдавая въ ростъ, то опекунъ беретъ себѣ, а самый товаръ полностью возвращаетъ опекаемому; прибыль онъ потому беретъ себѣ, что кормилъ и заботился о нихъ. *Прикладъ отъ челяди и скота* (срв. выше статью о холопахъ на стр. 527 и сл.) сдаетъ весь въ наличности дѣтямъ, также въ случаѣ утраты чего-либо за все имъ платить.

94. Если же приметъ дѣтей вмѣстѣ съ наслѣдствомъ отчимъ, то условія опеки тѣ же. Но дворъ отцовскій, оставшійся безъ хозяина, всегда поступаетъ къ младшему сыну.

О женѣ, которая дала обѣтъ остаться вдовою по смерти мужа.

95. Если жена, обѣщавшись сидѣть во вдовствѣ по смерти мужа, проживеть имѣніе и пойдетъ замужъ, то обязана возвратить дѣтямъ все прожитое. Если же она, оставаясь вдовою, захочетъ жить въ одномъ домѣ съ своими дѣтьми, а дѣти не захотятъ того, то въ подобномъ случаѣ творить волю матери, а не дѣтей, и что далъ ей мужъ и что слѣдовало получить ей на свою часть изъ имущества, оставшагося послѣ мужа, то составляетъ ея достояніе.

96. На часть матери дѣти не могутъ имѣть никакого притязанія; но кому ее назначить, тому и взять: назначить всѣмъ — то и раздѣлить между всѣми; если же умретъ безъ языка, то у кого она жила и кто ее содержалъ, тому и взять ея достояніе.

97. Если будутъ дѣти разныхъ отцовъ, но одной матери, бывшей за двумя мужьями, то наследуютъ одни одного, другіе другого отца имущество. Если второй мужъ растратитъ что-либо изъ имущества перваго, отца своихъ пасынковъ, и умретъ, то его сынъ долженъ вознаградить своихъ единоутробныхъ братьевъ за растрату, сдѣланную его отцомъ, сколько ея покажутъ свидѣтели; а что затѣмъ у него останется изъ отцовскаго наследства, тѣмъ онъ владѣеть.

98. Что касается до матери въ этомъ случаѣ, то она отдаетъ свое имѣніе тому сыну, который былъ добрѣе, не разбирая того, съ которымъ мужемъ прижить ею; а если сыновья всѣ были злы, то она въ правѣ отдать имѣніе и дочери, которая ее содержитъ.

А вотъ урочныя пошлыны судебныя.

99. А вотъ обычныя пошлыны судебныя: отъ при- сужденія къ платежу виры судѣ — 9 кунъ, помощ- нику (метельнику) — 9 вѣкошѣ; съ дѣла о бортной землѣ 30 кунъ, а во всѣхъ прочихъ тяжбахъ съ того, кому присудятъ, судѣ брать по 4 куны, а помощнику (метельнику) — по 6 вѣкошѣ ¹⁾.

О наслѣдствѣ.

100. Если братья стануть между собою тягаться о наслѣдствѣ предъ княземъ, то дѣтскій, посланный для ихъ раздѣла, получаетъ гривну кунъ.

А вотъ урочныя пошлыны за принесеніе на судъ присяги.

101. А вотъ обычныя пошлыны съ дѣлъ, присягою рѣшаемыхъ: отъ дѣлъ по обвиненію въ убійствѣ — 30 кунъ; съ тяжбы въ бортной и пахотной землѣ — 27 кунъ; отъ дѣлъ объ освобожденіи изъ холопства — 9 кунъ.

О холопствѣ.

102. Холопство полное — трехъ родовъ: первое, когда кто купить челоуѣка, хотя бы и за полгривны, и поставить свидѣтелей, а отдасть ногату при са- момъ холопѣ.

103. А второе холопство, когда кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; а если женится съ усло-

¹⁾ Срв. «покои варни» въ ст. 7 и 8, «оуроци скоту» въ ст. 40 и 41, «наклады» въ ст. 67, «оуроци городнику» въ ст. 90, «оуроци мостнику» въ ст. 91, «оуроци ротни» въ ст. 101.

виемъ, то онъ остается на тѣхъ правахъ, какъ было условлено.

104. А вотъ третье холопство, когда кто безъ условия же пойдетъ въ тиуны или въ ключники; если же было заключено условіе, то остается на тѣхъ правахъ, какъ было условлено.

105. А срочный работникъ не холопъ, и не должно обращать въ холопство ни за прокормъ, ни за приданое. Если работникъ не дослужитъ до срока, онъ обязанъ вознаградить хозяина за то, чѣмъ тотъ одолжилъ его; если же онъ дослужитъ до срока, то ничего не платить.

106. Если холопъ бѣжить, и господинъ о побѣгѣ его заявить, и если кто, слышавъ явку или зная, что холопъ — бѣглый, дастъ ему хлѣба или укажетъ дорогу, то платить господину за холопа 5 гривенъ, а за рабу — 6 гривенъ.

107. Если кто перейметъ чужого холопа и дастъ о томъ знать господину, то взять ему за переемъ гривну кунъ. Если же, поймавъ бѣглеца, не устережетъ его, то платить господину за холопа 4 гривны, а за рабу — 5 гривенъ; въ первомъ случаѣ пятая, а во второмъ — шестая уступается ему за то, что онъ поймалъ бѣглаго.

108. Если кто самъ дознается, что холопъ его находится въ какомъ-либо городѣ, а между тѣмъ посадникъ не знаетъ о томъ, то, донесши посаднику, онъ имѣетъ право взять у него отрока, дабы вмѣстѣ съ нимъ связать бѣглеца, за что и даетъ ему 10 кунъ, но за переемъ не платитъ ничего. Но если преслѣдователь упуститъ раба, то пусть жалуется на себя самого, почему какъ ему никто не

платить за упущеніе бѣглеца, такъ и онъ никому не даетъ за переемъ его.

109. Если кто по невѣдѣнію встрѣтитъ чужого холопа, подастъ ему вѣсть или станеть держать его у себя, а бѣглець сойдетъ отъ него, то долженъ присягнуть, что по невѣдѣнію поступалъ такимъ образомъ съ бѣглецомъ, а платежа въ томъ нѣтъ.

110. Если холопъ обманомъ возьметъ у кого деньги въ кредитъ подъ именемъ вольнаго человѣка, то господинъ его долженъ или заплатить, или отказаться отъ права собственности на него; но если вѣритель, зная, что онъ холопъ, далъ ему деньги, то лишается своихъ денегъ.

111. Если кто дозволить своему холопу торговать, и холопъ тотъ одождаетъ, то господинъ обязанъ платить за него долги, но не властенъ отъ него отступиться.

112. Если кто купить чужого холопа, не зная того,— настоящему господину взять своего холопа, а покупщику возвратить деньги подъ присягой, что онъ купилъ холопа по незнанію. Если ¹⁾ же окажется, что онъ купилъ завѣдомо чужого холопа, то терять свои деньги.

113. Если холопъ, будучи въ бѣгахъ, приобрѣтеть себѣ имѣніе, то какъ долгъ за холопа оплачиваетъ господинъ, такъ и приобрѣтеніе, одѣланное имъ, принадлежитъ господину вмѣстѣ съ лицомъ раба.

114. Если холопъ, бѣжавъ, унесетъ съ собою что-либо изъ принадлежащаго сосѣду или товаръ, то

¹⁾ Конецъ статьи дополненъ по 129-ой статьѣ Карамзинскаго списка: «вѣдая ли боудеть купилъ, то купъ емоу лишеноу быти».

господинъ обязанъ заплатить за унесенное имъ по урочной цѣнѣ.

115. Если холопъ обокралъ кого-нибудь, то господинъ обязанъ или заплатить за него, или выдать его головою вмѣстѣ съ другими участниками воровства, бывшими при самомъ дѣлѣ или хоронившими краденое, кромѣ ихъ женъ и дѣтей. Если же откроется, что принимали участіе въ покражѣ свободные люди, то таковые платятъ князю штрафъ (продажу).

ХІХ. РУССКАЯ ПРАВДА, КАКЪ ЮРИДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

I.

(М. Ф. Владимірекій - Будаговъ. «Обзоръ исторіи русскаго права». Изд. второе. Кіевъ. 1888).

Понятіе о Правдѣ. Русской Правдой называется рядъ сборниковъ, составленныхъ частными лицами изъ княжескихъ уставовъ, обычнаго права и частію византійскихъ источниковъ.

Происхожденіе ея. Русская Правда не есть кодексъ, данный Ярославомъ и дополненный его сыновьями и Владимиромъ Мономахомъ. Въ пользу мнѣнія о Русской Правдѣ, какъ кодексѣ Ярослава, служатъ во-первыхъ, надписаніе ея: «Оуставъ великаго князя Ярослава Владимірича о судѣхъ»; но такое надписаніе существуетъ въ позднихъ спискахъ Правды, заключающихъ въ себѣ не только древнѣйшую Правду, но и уставы позднѣйшіе (Владимира Мономаха); во-вторыхъ, сказаніе лѣтописи: «Отпусти (Ярославъ) я (новгородцевъ послѣ побѣды надъ кіевскимъ княземъ Святополкомъ) домовъ вся, и давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, тако же держите. А се есть правда русская» (срв. выше на стр. 573 — 574); затѣмъ слѣдуетъ текстъ древнѣйшей Правды. Но Русская

Правда не заключаетъ въ себѣ никакихъ привилегій для новгородцевъ. Точно такъ же сыновья Ярослава издавали *нѣсколько разъ* отдѣльныя постановленія, но не кодифицировали законовъ (см. по Кар. ст. 2 и 76 и Акад. сп. ст. 21). Надписаніе: «А се оуставиль великыи князь Владимиръ Всеволодичъ Манамахъ» (Кар. ст. 66) относится къ однимъ законамъ о процентахъ, а не ко всей послѣдней половинѣ Правды (см. Кар. ст. 76). Въ пользу предположенія о частномъ составленіи сборниковъ говоритъ, во-первыхъ, разнообразіе состава Правды въ разныхъ спискахъ, во-вторыхъ, употребленіе третьяго лица въ отношеніи къ законодателю («яко оуставиль Изяславъ»... Ак. ст. 21; «по Ярославѣ же пакы совѣкоупившесе сынове его... отложиша оубиеніе за голову», Кар. 2; «великыи князь то Ярославъ Володимеричъ былъ оуставиль оубити, но то сынове его по немъ оуставица на коуны», Кар. ст. 76); въ-третьихъ, внесеніе въ списки Русской Правды не законодательнаго матеріала (Кар. ст. 49—65) и иногда смѣшанное изложеніе ея статей съ статьями византійскихъ источниковъ; въ-четвертыхъ, аналогія, по которой кодификація отдѣльныхъ уставовъ первоначально совершается частными собирателями.

Составъ Русской Правды. Русская Правда дошла до насъ во множествѣ рукописей (въ лѣтописяхъ и кормчихъ); древнѣйшая изъ нихъ (Синодальная) относится къ XIII в. Въ этихъ спискахъ наименованіе памятника, порядокъ и число статей большею частью различны. Однако вообще въ нихъ можно различать три редакціи: краткую (списокъ Академическій), пространную (списки Синодальный, Троицкій, Карамзинскій и др.) и сокращенную изъ пространной (спи-

сокъ князя Оболенскаго). Въ первой изложены уставы Ярослава и его сыновей, во второй — Русская Правда, сложившаяся въ XII и XIII вв. изъ уставовъ упомянутыхъ князей и послѣдующихъ дополненій. Третья редакція не имѣетъ никакого значенія. Отсюда въ составѣ Русской Правды различаютъ *три сборника*: Правду Ярослава, Правду Ярославичей и Правду пространную.

Правда Ярослава составлена не позже времени Ярослава (въ ней не упоминается объ отмѣнѣ мести, совершенной сыновьями Ярослава; сл. также Ак. 16 съ Кар. 76). Она имѣетъ систематическій, а не хронологическій составъ (объ убійствѣ — ст. 1; о ранахъ, увѣчьяхъ и личныхъ оскорбленіяхъ — ст. 2—9; о нарушеніи правъ имущественныхъ — ст. 10—15 и добавочныя ст. 16 и 17). Но не всѣ уставы Ярослава вошли въ нее (см. Ак. 42).

Правда Ярославичей есть сборникъ разновременныхъ уставовъ, данныхъ этими князьями какъ всѣми тремя въ совокупности (см. надпись надъ ст. 18 Ак. сп.), такъ и нѣкоторыми въ отдѣльности (Ак. 21). Составъ этой Правды хронологическій: законы измѣненные и исправленные сохраняются рядомъ съ позднѣйшими исправляющими ихъ (см. 20 Ак. и 38 Ак.). Выказанное въ литературѣ мнѣніе объ этой Правдѣ, какъ совокупности 4 уставовъ Ярославичей (ст. 18—27; 28—30; 31—40; 41—43), изданныхъ ими въ разные сѣзды, бездоказательно. Сборникъ не обнимаетъ всѣхъ уставовъ Ярославичей (въ немъ нѣтъ отмѣны мести: см. Кар. 2 и 76); но зато заключаетъ въ себѣ уставы, изданные раньше Ярославичей (Ак. 42). Правда Ярославичей есть сборникъ дополнительный

къ Русской Правдѣ Ярослава: въ немъ нѣтъ важнѣйшихъ постановленій: объ убійствѣ и пр.

Правда пространная имѣеть двѣ половины: 1-ю, законченную, вѣроятно, при Мономахѣ, 2-ю дополнительную. Первая половина есть систематическій сводъ Правды Ярослава и его сыновей и послѣдующихъ узаконеній; вторая — позднѣйшія приписки (XII и, можетъ-быть, XIII в.), вносимыя въ сборникъ цѣлыми уставами; таковы: уставъ о закупничествѣ (*Троиц. списка* стт. 52—57), о наследствѣ (85 — 100) и о холопствѣ (102 — 115). По Карамзинскому списку читается и уставъ о мостовыхъ (ст. 134), приписываемый Ярославу. Мнѣніе ученыхъ Тобина и Ланге о томъ, что вторая половина есть цѣльный уставъ Мономаха, основано на заглавіи 66-й ст. Кар. списка ¹⁾ и не можетъ быть принято, потому что здѣсь есть постановленія и сыновей Ярослава (ст. 76 Кар.). Характеръ пространной Правды болѣе научный: въ немъ сводятся разновременныя постановленія въ одно (сл. Ак. 1, 18 и 21 съ Кар. 1), однородныя постановленія обобщаются (сл. Ак. 20 и 38 съ Кар. 37), уничтожается казуистическая форма законовъ (сл. Ак. 21 съ Кар. 10). Составъ пространной Правды окончательно сложился не позже половины XIII в., такъ какъ она внесена въ кормчую, написанную около 1284 г. («повелѣніемъ князя новгородскаго Дмитрія и стяжаніемъ архіепископа новгородскаго Климента»).

Источники Русской Правды. Русская Правда въ главной основѣ своей имѣеть: *княжескіе уставы*; въ ней упомянуты отдѣльно: «урокъ Ярославль» о пошлинахъ въ пользу вирника (Ак. 42), уставъ Изяслава

¹⁾ См. выше на стр. 559.

о вирѣ за голову конюшаго (Ак. 21), всѣхъ трехъ Ярославичей уставъ объ отмѣнѣ мести (Кар. 2) и объ отмѣнѣ убіенія раба за оскорбленіе свободнаго человѣка (Кар. 76), уставъ Владимира Мономаха о процентахъ (Кар. 66). Но тѣмъ же князьямъ принадлежать и другія постановленія, такъ какъ двѣ первыя Правды прямо надписываются именами Ярослава и Ярославичей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Правду вошли постановленія и другихъ князей, не упомянутыхъ въ ней; нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы движеніе законодательства вовсе остановилось на Владимирѣ Мономахѣ.— Княжескіе уставы возникали иногда по частнымъ поводамъ, когда князю приходилось судить кого-либо и дать приговоръ, не имѣющій основаній въ предшествующихъ уставахъ (см. Ак. 21). Такимъ образомъ, *судебные приговоры* могутъ быть признаны особымъ источникомъ Русской Правды. Но судебные приговоры основывались большею частію на *обычномъ правѣ*; собирая ихъ, составитель собиралъ собственно постановленія обычнаго права (см. Ак. 1). Собиратели, несомнѣнно, включали въ сборники и выбранныя отдѣльныя постановленія изъ *византійскихъ кодексовъ*, напр., постановленія объ отвѣтственности господина за преступленія его холопа (Кар. 131—133) взяты изъ Эклоги: «тативаго раба господинъ аще хоцетъ имѣти его раба, безцетно да сотворить украденому; не хотий же имѣти раба того, да отдасть совершенно господину, пострадавшему окраденіе». Можетъ-быть, слѣдуетъ признать, что статьи о холопствѣ и наследствѣ составлены подъ сильнымъ *вліаніемъ* византійскихъ источниковъ (сл. Рус. Пр. Кар. сп. 128 съ догов. съ нѣмцами 1229 г., ст. 12).

Прежде существовавшее мнѣніе (нѣмецкой школы) о томъ, что главное содержаніе Русской Правды взято изъ *древне-скандинавскихъ* и изъ *древне-нѣмецкихъ* законовъ, ни на чемъ не основано, кромѣ общаго сходства права всѣхъ младенствующихъ народовъ ¹⁾.

¹⁾ См. выше на стр. 544 примѣчаніе въ статьѣ В. Сторожева. Справедливая по формѣ оговорка М. Ф. Владимирскаго-Буданова неясна по существу, разъ нѣтъ указаній социологическаго характера.

II.

(Н. Л. Дювернуа. «Источники права и судъ въ древней Россіи. Опыты по исторіи русскаго гражданскаго права». М. 1869).

Для общаго представленія о сборникѣ, извѣстномъ подѣ именемъ «Русской Правды», весьма важно установить, по возможности опредѣленно, границы времени, въ которое слагалась «Русская Правда», и именно ея полная редакція. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ тотъ фактъ, что въ концѣ XIII вѣка въ нее уже не входитъ или, — чтобы не разойтись съ очень точными изслѣдователями рукописей, — почти не входитъ никакихъ новыхъ элементовъ изъ юридической практики. На этомъ основаніи иногда называютъ полную редакцію Правды — Правдой тринадцатаго столѣтія; но, всматриваясь ближе въ ея составъ и сличая ея содержаніе съ тѣми явленіями юридической практики, которыя, несмотря на бѣдность оставшихся отъ XIII и XIV вѣка памятниковъ, все-таки совершенно ясны, мы должны будемъ признать, что полная редакція «Русской Правды» не отражаетъ въ себѣ этихъ явленій развитія права въ XIII вѣкѣ и, стало-быть, составляетъ плодъ практики болѣе ранней. Въ Новгородской 1-й лѣтописи упоминаются подѣ 1209 г. доски («дѣщкы»), которыя доказываютъ право требованій одного лица къ другому. Въ дого-

ворной грамотѣ Новгорода съ Ярославомъ Тверскимъ выговорено, чтобы князь грамотъ (суженыхъ) не по-сужалъ; въ другомъ договорѣ съ тѣмъ же княземъ находимъ упоминаніе грамотъ на закладчиковъ, покупку сель княжескими боярами въ Новгородской области. Отчасти еще отъ XII в. (купчая Антонія Римлянина до 1147 г.) и отъ XIII-го мы имѣемъ письменныя купчія, данныя. Начало XIV в. приноситъ намъ извѣстія о грамотахъ серебряныхъ («а что грамота на городцѣ писана серебряная», это долговой документъ), о грамотахъ дерноватыхъ («или грамоты дерноватыя на кого написалъ, а тѣ грамоты подереть»). Таковы явленія, замѣчаемыя въ XIII в. Они всѣ въ одинаковой мѣрѣ заслуживаютъ вниманія. Доски, письменные акты для гражданскихъ сдѣлокъ, для суда, возникающій оборотъ недвижимыхъ имуществъ,—все это признаки новыхъ условій развитія права. Ни одно изъ этихъ явленій не отражается въ «Русской Правдѣ». Ни въ статьяхъ о займѣ, ни въ способахъ возникновенія холопства, — никакихъ признаковъ письменности. Только въ одномъ мѣстѣ встрѣчается самое названіе писца (Троицк. спис., ст. 67: «писцю 10 кунъ»). Весь оборотъ гражданскій ограничивается однимъ движимымъ имуществомъ¹⁾. Всѣ формы сдѣлокъ и процесса исключительно устныя. Если бы пространная редакція не касалась вовсе нѣкоторыхъ сторонъ юридическаго быта, то мы могли бы объяснить себѣ отсутствіе въ ней признаковъ дальнѣйшаго развитія права одной ея неполнотой; но этого мы никакъ не можемъ сказать. Въ Правдѣ именно гово-

¹⁾ Замѣчаніе это не вполне точно. «Русская Правда» знаетъ косвенно недвижимое имѣніе.

рится о займѣ и ничего о доскахъ, ничего о грамотахъ. Она именно пересчитываетъ способы возникновенія холопства, и не называетъ холоповъ грамотными, какъ послѣ они назывались. Практика суда и гражданскаго оборота, которой плодомъ была полная редакція Правды, очевидно, предшествовала XIII вѣку.

Составитель систематическаго сборника имѣлъ целью собрать въ группы и въ порядокъ юридическія положенія, которыми руководился въ его время судъ. При этомъ *средствами* для него служили прежніе сборники, заключавшіе въ себѣ извлеченія изъ княжескихъ уставовъ и записанные законы отцовъ и дѣдовъ. Съ матеріаломъ, который былъ у него въ рукахъ, онъ обращался свободно, преслѣдуя, главнымъ образомъ, практическую цѣль удобнаго примѣненія его сборника на судѣ. Сторона, обращенная къ интересу публичному, вѣра, продажа опредѣляется вездѣ точными цифрами. Эта точность условливалась, конечно, тѣмъ, что опредѣленность въ количествѣ этихъ сборовъ составляла общій, а не личный чей-либо интересъ. Эти цифры могли ранѣе сложиться и дольше держаться, чѣмъ другая сторона, частное удовлетвореніе. Собиратель не различаетъ въ установленіи твердыхъ цифръ вирь и продажъ, кѣмъ и какъ онѣ установлены. Причина понятна: онѣ не всегда опредѣлялись особымъ уставомъ, онѣ могли возникать непосредственно въ виду практики и, разъ опредѣлившись, держались потомъ какъ норма, какъ пошлина. Но не этой одной точкой зрѣнія условливалась задача сборника; онъ долженъ былъ служить руководствомъ для разбора на судѣ и вопросовъ о частномъ вознагражденіи. Понятно, что эта сторона

гораздо труднѣе подчиняется опредѣленію. Поэтому во многихъ случаяхъ мы не находимъ твердыхъ цифръ. Это служитъ очень сильнымъ аргументомъ въ пользу того, что сборникъ составлялся не законодателемъ, а частнымъ лицомъ. Законодатель, давая руководство для суда, выдержалъ бы вездѣ одинъ пріемъ. Частный собиратель могъ дать отвѣтъ на эти вопросы лишь въ той мѣрѣ, въ какой они разрѣшались на практикѣ. Какъ относился собиратель къ практикѣ, насколько онъ вѣрно схватывалъ истинную мѣру частныхъ штрафовъ, — объ этомъ мы можемъ сдѣлать заключеніе только потому, что сборникъ, имъ составленный, пользовался, несомнѣнно, очень большимъ авторитетомъ. Мы можемъ сказать, что онъ дѣлалъ все для того, чтобы найти вѣрную мѣрку вознагражденія, практическій способъ разрѣшать сталкивающіеся интересы.

XX. СУДЪ ВЪ ЭПОХУ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

(Н. Л. Дювернуа. «Источники права и судъ въ древней Россіи». М. 1869).

Слово *судъ* въ древнемъ языкѣ не могло означать того же опредѣленнаго понятія, которое мы съ нимъ соединяемъ теперь. Судья не прилагаетъ только, а въ одно время и раскрываетъ законъ, узнаетъ правду и примѣняетъ ее, ибо для судьи нѣтъ заранѣе выраженныхъ, готовыхъ постановленій, которыя могли бы служить руководствомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Судомъ поэтому называются и тѣ правила, которыми руководится судья, и дѣйствіе разбора даннаго дѣла. Такой же двойкѣ смыслъ имѣетъ и слово *правда*. Древній языкъ говорить «дати правдоу» (ст. 52 Тр. сп.), когда надо выразить понятіе разбора извѣстнаго случая; правдой называются и тѣ правила, которыми руководится судъ. Уставъ Ярослава названъ *Судомъ* Ярослава Владимировича (заглавіе Тр. сп.). Перемѣны его дѣтей названы *Судомъ* Ярославлихъ дѣтей (Карамзин. сп., ст. 2; срв. заглавіе 48-й ст. по Тр. сп.: «Оуставъ Володимѣръ Всеволодича»). Статьи, опредѣляющія, какъ судить убійство, называются *Судомъ* объ убійствѣ (срв. заглавіе 3-й ст. по Кар. сп.: «О оубииствѣ соудь»). 83-я ст. Тр. сп. говорить, что убійство женщины ¹⁾

¹⁾ Срв. выше на стр. 593.

должно тѣмъ же *судомъ* судиться, какъ и убійство мужа. Оба понятія— *суда* и *правды*, въ смыслѣ объективнаго права,—видны въ известномъ мѣстѣ лѣтописи, гдѣ Владимиръ I пишетъ съ греческаго закона *суды* и *оправданія*. Въ этомъ тѣсномъ соприкосновеніи понятія суда съ понятіемъ объективнаго права,—не только въ языкѣ, но и на дѣлѣ, — возможно найти побужденіе разсматривать источники права и судъ вмѣстѣ.

Такъ какъ въ моментѣ судебного рѣшенія и та и другая дѣятельность, т.-е. соображеніе общаго правила и примѣненіе его къ данному случаю, всего ближе сходятся, то словомъ *судъ* въ древнемъ языкѣ обозначается, сверхъ того, понятіе рѣшенія, заключенія, конца. Лѣтопись говоритъ въ этомъ смыслѣ: «а братцу моему судъ пришло», т.-е. конецъ, рѣшеніе, смерть. Также слово *посудить* употребляется въ смыслѣ рѣшить или порѣшить, отмѣнить, уничтожить. Такъ, въ уставной грамотѣ смоленскаго князя Ростислава Мстиславича смоленской епископіи читаемъ: «да сего не *посуживай* никтоже по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе; аще ли кто *посудитъ* сея грамоты... да той отвѣчаетъ» и т. д.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на совершенно отличное отъ вышеуказаннаго употребленіе того же слова въ другихъ случаяхъ. Слово *судъ* употребляется нерѣдко въ значеніи судебного сбора, дохода, *fructus jurisdictionis*. Въ уставѣ Владимира I читаемъ: «а своимъ тіуномъ приказываю *суда* церковнаго не обидѣти (ни судити безъ владычня намѣстника) и съ суда давати 9 *частіи* князю, а 10-я святѣй церкви; а кто пообидитъ *судъ* церковный, *платити* ему собою». Также въ указанной выше

уставной грамотѣ смоленскаго князя: «а четвертая (впереди были перечислены другіе три рода тяжбъ изъ области семейнаго права) уволочская, ажъ уволочеть кто дѣвку, што възметь князь,— съ епископомъ на полы, или посадникъ что възметь свои тяжь, — то съ епископомъ на полы». Съ существомъ судебной дѣятельности нельзя смѣшивать этой доходной стороны суда. Въ древнемъ правѣ денежныя наказанія имѣють то же значеніе, какое позже приобрѣтають другіе способы наказывать. Мы не скажемъ теперь, что судить значитъ сажать въ тюрьму, ссылатъ на каторгу. Точно такъ же мы не имѣемъ права сказать, что въ древней Россіи судить значило собирать доходы съ суда. Судья не приходитъ необходимымъ образомъ къ тому, что надо наказать или что надо взять деньги. Онъ можетъ прийти къ совершенно противоположному заключенію. Итакъ, мы думаемъ, что въ мнѣніи, по которому въ древности на судѣ *мязное* дѣло былъ доходъ, а судъ—второстепенное, есть весьма значительная неправильность; поэтому оно не должно служить исходною точкой въ изслѣдованіи древняго суда. Для того, чтобъ насъ не смущало дѣйствительно существующее въ древнемъ языкѣ тождество названій суда и доходовъ съ суда,—мы останавливаемъ вниманіе на другомъ такомъ же метафорическомъ словоупотребленіи. Извѣстно, что вѣсь въ старое время служилъ источникомъ дохода, что вѣсчая пошлина собиралась князьями, жаловалась церквамъ и проч. Вѣсчая пошлина называется очень часто вѣсомъ (см., напр., уставъ Всеволода Мстиславича церкви св. Іоанна Предтечи, что на Опокахъ). По этому поводу никому никогда не прихо-

дило на мысль, что въ измѣреніи тяжести самое главное доходъ, а вѣрность мѣры—дѣло второстепенное. Названіе судомъ суднаго сбора, вѣсомъ вѣсового сбора имѣетъ свое основаніе въ свойствахъ языка, а не въ тождествѣ понятій.

Если въ условіяхъ первоначальнаго быта не выделяются яснымъ образомъ тѣ нормы, которыми надо руководиться въ судѣ, — то естественно, что тогда на судѣ лежитъ гораздо больше, чѣмъ въ наше время ¹⁾. Вся гарантія правосудія заключается въ личномъ достоинствѣ судьи. Въ наше время, когда законъ заранѣе опредѣляетъ мѣру права, заслуги правосудія нельзя цѣнить такъ высоко, какъ онѣ должны были цѣниться тогда, когда судья вполнѣ былъ предоставленъ самому себѣ. Тогда въ своемъ внутреннемъ чувствѣ правды онъ долженъ былъ имѣть и достаточно ясности, чтобъ узнать правду, т.-е. найти законъ, норму права, и достаточно силы, чтобъ во всѣхъ случаяхъ, какъ бы они ни видоизмѣнялись (сильнаго ли, слабаго ли судить), всегда и вездѣ прилагать одну и ту же мѣру, одну и ту же правду.

Такой органъ суда и правды древняя Русь создала себѣ въ князѣ. Вольный князь, призванный народомъ, поставленный, въ силу призванія, въ опредѣленные отношенія къ *цѣлой* волости, — онъ въ этихъ условіяхъ долженъ былъ служить самымъ вѣрнымъ органомъ господствующей идеи права.

¹⁾ Писано въ 1868 г. Сопоставляя древнѣйшее правосудіе съ новѣйшимъ, авторъ упускаетъ изъ виду чрезвычайное административное давленіе на судью-чиновника, могущее сводить къ нулю всякое понятіе о такъ называемомъ правосудіи.

Итакъ, князь самъ былъ органомъ суда. Власть суда никому, кромѣ князя, въ его волости не принадлежить. Обратимся къ современнымъ памятникамъ. «Русская Правда» говоритъ, что «безъ княжа слова» нельзя «умучить» смерда (умучить—наказать), закупъ «обиды дѣля своего господина» бѣжить къ князю или къ судьямъ. Изяславъ самъ судить убійство своего «конюха старого» дорогобужцами¹⁾. Мономахъ въ наставленіи дѣтямъ, говоритъ, что онъ самъ дѣлалъ «еже было творити отроку моему», «на посадники не зря, ни на биричи», тоже и «худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти». Дѣтямъ онъ также совѣтуетъ самимъ оправлять людей²⁾. Все наставленіе проникнуто глубокимъ чувствомъ уваженія къ старинѣ, къ обычаямъ отцовъ и дѣдовъ.

Намъ могутъ сказать, что все это добрыя черты, въ которыхъ, однако, вовсе не видно, чтобы князь чѣмъ-либо разнился отъ разсудительнаго вотчинника. Хотѣлъ судить самъ—судилъ, не хотѣлъ—не судилъ. Судить лично было дѣломъ его воли; это—право князя, а не его обязанность. Посмотримъ, такъ ли смотрѣли, напримѣръ, въ XII вѣкѣ.

Подъ 1146 г. лѣтописецъ описываетъ предсмертныя распоряженія Всеволода Ольговича, его совѣщаніе съ кіянами, принятіе брата Всеволодова, Игоря, и крестное цѣлованіе ему сперва въ Кіевѣ, потомъ въ Вышегородѣ; далѣе утвержденіе союза Ольговичей съ Изяславомъ Мстиславичемъ и Давидовичами. Все это—пока еще былъ живъ Всеволодъ.

¹⁾ Срв. выше на стр. 479.

²⁾ Срв. выше на стр. 456—458.

Едва послѣдовала смерть Всеволода, и Игорь прибылъ въ Кіевъ, какъ кияне плють звать его на вѣче. Игорь ѣдетъ вмѣстѣ съ братомъ, Святославомъ, и, ставъ въ сторонѣ съ дружиною, высылаетъ Святослава на вѣче. «И почаша кияне складывати вину на тиуна на Всеволожа, на Ратьшу, и на другаго тиуна, вышегородского, на Тудора, рекуче: «Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышегородъ». Они требуютъ, чтобъ Святославъ цѣловаль къ нимъ крестъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ: «аще кому насъ будетъ обида, то ты прави». Святославъ слѣзаетъ съ коня, — «и на томъ цѣлова крестъ к нимъ у вѣчи». Лишь послѣ этого кияне «съѣдше с конь и начаша молвити: братъ твой князь и ты» и дали присягу вѣрности. Игорь утверждаетъ обѣщаніе брата и также цѣлуетъ крестъ (Ипат., стр. 229—230). Дворъ Ратши предается разграбленію. Итакъ, князь, когда это было нужно, формально обязывается самъ править, если кому обида будетъ. За этимъ онъ призванъ въ волость. Это былъ лучший, совершеннѣйшій способъ судиться.

Непосредственное упражненіе княземъ своей юрисдикціи видно не въ однихъ центральныхъ мѣстахъ. Старый обычай князей ѣздить самимъ въ полюдь, гдѣ собирались не однѣ дани, а также творился судъ, виденъ во всю эту эпоху. Подъ 1190 г. въ Лаврент. дѣтоп. сводѣ читаемъ, что великій князь находился въ полюдьи въ Ростовской волости («тогда сущю великому князю Ростовѣ въ полюдьи», стр. 387). Ив. Забѣлинъ думаетъ, что этотъ обычай прекратился только съ владычествомъ татаръ.

Если личность судьи такъ много значила въ это время, то понятно, что человекъ слабый, дряхлый,

занимая княжескій столъ, долженъ былъ тяготѣть собой и возбуждать ропоть. Такой примѣръ мы видимъ въ Кіевѣ, когда къ Всеволоду Ярославичу пришла старость и съ нею недуги, и людямъ не доходила княжая правда; начали тиуны грабить, людей продавать, «сему (т.-е. князю) не вѣдущу в болѣзняхъ своихъ» (подъ 1093-мъ г.). Ростиславичи на сѣверѣ возбуждали ропоть тѣмъ, что слишкомъ молоды, слушаютъ бояръ, а бояре «учатъ на многое имѣнье». Въ Новгородѣ князь, который по молодости не можетъ выполнять своихъ обязанностей, просто удаляется, и лѣтопись не указываетъ никакого другого основанія, кромѣ того, что онъ еще «малъ бяше». Достаточно одного этого явленія, чтобъ убѣдиться, какъ мало упроченъ былъ юридическій бытъ, какъ слаба была организація суда. При болѣе твердомъ порядкѣ личность князя не имѣла бы такого рѣшительнаго значенія въ дѣлахъ правосудія.

Итакъ, князь въ своей территоріи одинъ имѣетъ власть суда. Юрисдикція другого князя не можетъ конкурировать съ этой властью. Въ такомъ смыслѣ судъ составляетъ его право. Договоръ смоленскаго князя съ Ригой говорить: «роусиноу не звати латинеского (купца) на иного князя соудъ, лише предъ смольнеского князя... Тако латинескому не звати роусина на иный соудъ, лише оу Ригоу и на Гочкый берегъ». Князья могли входить другъ съ другомъ въ соглашеніе относительно способовъ творить судъ, преслѣдовать преступниковъ, но это были свободные ряды, которые именно предполагаютъ полную независимость одного князя отъ другого (см. Академич. сп. передъ ст. 18-ой: «Правда оуоставлена роуськой земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Все-

володь, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ кыянинъ, Чюдинъ, Микула»; срв. ст. 48 Троиц. сп.).

Если нѣтъ никакихъ, внутри волости постановленныхъ, границъ дѣйствія княжеской юрисдикціи и къ князю можетъ обращаться всякій, то понятно, что отъ него одного зависитъ дарованіе извѣстнымъ лицамъ или извѣстной мѣстности иммунитета, исключенія изъ общаго начала подсудности княжеской власти. Для этой цѣли нуженъ особый законодательный актъ, — такъ называемая жалованная грамота. Наша письменность сохранила намъ очень значительное число такихъ актовъ, но преимущественно отъ послѣдующаго времени. Достаточно сказать, что и по формѣ и по содержанию это актъ вполнѣ исключительный, это *lex specialis*, изъ котораго возникаетъ *privilegia*, и который не составляетъ правила для другихъ случаевъ. Такіе иммунитеты были и на Западѣ. И тамъ преимущественно церкви и епископскія каедры получали освобожденіе отъ суда и въ даръ различные доходы фиска. Такое явленіе было фактически постояннымъ, но это не было закономъ общимъ. Поэтому мы видимъ на актахъ жалованья непрерывныя подтвержденія привилегій. При Каролингахъ епископы часто получали юрисдикцію, какую имѣли графы. Съ X вѣка иммунитеты становятся всеобщимъ явленіемъ. У насъ отъ 1-й половины XII в. есть жалованная грамота Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю. Хотя менѣе ясно, чѣмъ въ послѣдующихъ актахъ этого рода, но и въ ней есть признаки подтвержденія сыномъ отцовскаго пожалованья. Позже этотъ характеръ личной милости, все возобновляющейся, составляетъ наиболѣе существенную черту жалованныхъ грамотъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что князь самъ судить, но одною личною дѣятельностью онъ не можетъ упражнять своей власти. Отсюда — необходимость органовъ княжескаго суда. Мы видѣли въ примѣрѣ Игоря, что ближайшимъ помощникомъ его былъ его братъ. Близкіе родственники и всего чаще сыновья князей получали высшія должности подъ рукою властвующаго князя. Указанія на такіе случаи въ лѣтописи весьма многочисленны. Они идутъ, начиная съ самой глубокой древности. Еще о Владимірѣ I лѣтопись говоритъ, что онъ посадилъ Вышеслава въ Новгородѣ, Изяслава въ Полоцкѣ, Святотолка въ Туровѣ, а Ярослава въ Ростовѣ и проч. Такія лица, при отдаленности отъ центральной власти, въ отправленіи суда были фактически вполне самостоятельными. Въ отношеніи къ Новгороду можно замѣтить, отчасти для этого времени, что новгородцы указываютъ сами, какого изъ родственниковъ того или другого князя они хотятъ, чтобы къ нимъ прислалъ этотъ князь. Личное положеніе такихъ присланныхъ и вмѣстѣ призванныхъ князей представляетъ нѣчто среднее между самостоятельнымъ и подручнымъ княземъ.

Рядомъ съ членами княжеской семьи мы видимъ указанія лѣтописей на княжескихъ слугъ, которые тоже творили судъ. Это посадники князя. Въ отношеніи къ своей власти они тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ княземъ и, обыкновенно, въ случаяхъ народныхъ возстаній, съ нимъ вмѣстѣ изгоняются. «Русская Правда» только разъ упоминаетъ о посадникѣ, говоря объ отысканіи бѣглаго холопа. Посадникъ разумѣется пребывающимъ въ городѣ. Отыскивающий бѣглаго холопа долженъ повѣдать (повѣсть

дать, повѣстить) ему объ этомъ и взять отъ него отрока (см. ст. 108 Троиц. сп.). Также въ городѣ пребывали и тѣ посадники изъ дѣтскихъ, о которыхъ упоминаетъ Лавр. лѣтопис. сводъ подъ 1176 г.: Ростиславичи «роздаяла бѣста по городамъ посадничество русьскимъ дѣтцкимъ; они же многу тяготу людемъ симъ створиша продажами и вирами». Также въ городѣ и также съ властью суда мы видимъ и тиуновъ княжескихъ. Правда дѣтей Ярослава за княжого тиуна назначаетъ 80 гривенъ виры (ст. 21 Акад. сп.: «а въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ», то же въ позднѣйшей редакціи); совершенно другое—сельскій тивунъ князь, ст. 11 Тр. сп., и боярскій, ст. 59 тамъ же). Въ Ипатьевской лѣтописи дѣятельность тиуна обозначается глагольной формой *тивунити*, въ смыслѣ держать власть вообще. Князья, занимая городѣ, не даютъ въ немъ тивунити прежнимъ тиунамъ. Объ ихъ отношеніи къ суду можно судить по приведенному выше мѣсту ¹⁾ той же лѣтописи, гдѣ рассказано о жалобѣ князь и вышегородцевъ на Ратшу и Тудора. Эти города хотятъ имѣть тиуновъ на своей волѣ, и князь даетъ имъ эту льготу (С. М. Соловьевъ называетъ ихъ прямо выборными). Далѣе, весьма ясно судебная функція тиуна выражается въ договорѣ смоленскаго князя съ Ригюю, гдѣ, въ редакціи 29 года, читаемъ: «которое орудие доконьчано боудѣтъ оу Смолнескѣ мжю Роусию и мжю латинскимъ языкомъ предъ судиями и предъ добрыми людми»,—редакція 30 года, вмѣсто судей вообще, называетъ князя или тиуна. Тиунъ живетъ въ городѣ (княгинѣ подарокъ и тивуну рукавицы перстаты),

¹⁾ См. выше стр. 616.

отъ него можно взять дѣтскаго, какъ и отъ князя, какъ и отъ посадника по «Русской Правдѣ» (отрока).

Есть еще должности, которыхъ названіе указываетъ на прямое ихъ отношеніе къ тогдашнему военному строю. Таковы должности тысяцкаго, сотскаго, десятскаго. То обстоятельство, что эти лица, главнымъ образомъ, были людьми ратными, никакъ не исключаетъ возможности быть имъ въ то же время и судьями. Напротивъ, мы видимъ, что именно ратные люди въ эту эпоху такъ или иначе участвуютъ въ дѣлѣ суда. Это одна изъ характеристическихъ чертъ первоначальнаго судоустройства. Только со временемъ должностныя лица получаютъ свои наименованія или отъ пространства ихъ власти (волостели), или отъ свойства ихъ дѣятельности (пристава). Въ «Русской Правдѣ» мы видимъ дѣтскаго, который идетъ дѣлить наслѣдство. Ему же назначается доля изъ желѣзнаго урока вмѣстѣ съ мечникомъ (стт. 82 и 100 Троиц. сп.). Ростиславичи на сѣверѣ раздавали дѣтскимъ посадничество. Это прямо военные люди, младшіе члены дружины (дѣтскихъ мы часто встрѣчаемъ на полѣ битвы: то двое дѣтскихъ спѣшать на помощь князю, который подвергся опасности, то они же увѣдомляютъ князя, гдѣ находится непріятель, то въ числѣ убитыхъ названъ княжой дѣтскій). То же должно сказать объ отрокахъ, подвойскихъ, биричахъ, дворянахъ. Для того, чтобы судить объ участіи тысяцкихъ и сотскихъ въ судѣ, мы имѣемъ отъ древнѣйшаго времени слишкомъ мало извѣстій. Подъ 1071 г. въ лѣтописи мы видѣли, что воевода Янъ судилъ смердовъ ¹⁾ на Бѣлоозерѣ. Подъ 1089 г. читаемъ, что въ

¹⁾ Срв. выше на стр. 502.

этотъ годъ «священа бысть церкви печерская святая Богородица монастыря Феодосьева при такомъ-то князѣ, воеводство держащу кыевскыя тысяща Яневи». Гораздо позже, тоже именемъ тысяцкаго, обозначается время вступленія великаго князя Александра Невскаго на Владимирскій столъ. Лѣтописецъ говоритъ: «и усрѣтоша и со кресты митрополить, и вся игумени, и гражане... тысящу предержашу Роману Михайловичю и *весь рндъ*» (Лавр. лѣт., подъ 1252 г.). Этыхъ указаній довольно, чтобъ убѣдиться въ высокомъ и неограничивающемся одною какою-либо отраслью публичной дѣятельности значеніи должности тысяцкаго. Тысяцкихъ мы встрѣчаемъ въ «Русской Правдѣ» въ качествѣ совѣтниковъ князя по дѣламъ законодательства (ст. 48 Тр. сп., гдѣ князь вмѣстѣ съ нѣсколькими тысяцкими *установи* до третьяго рѣза). Очень вѣроятно, что въ это время тысяцкіе имѣли судъ. Уставная грамота Всеволода Мстиславича церкви Предтечи, что на Опокахъ, упоминаетъ тысяцкаго отъ черныхъ людей и старость отъ купцовъ, которымъ предоставлено всякія дѣла торговыя вѣдать и судъ торговый, независимо отъ посадника. Болѣе полныя свидѣтельства объ этомъ мы имѣемъ лишь изъ послѣдующей эпохи новгородской исторіи. — На участіе сотскихъ въ судѣ есть многочисленныя указанія отъ послѣдующаго времени. Здѣсь мы въ разныхъ случаяхъ встрѣчаемъ лишь имя сотскаго. Одинъ разъ сотскій отъ смольнянъ (умень мужъ Пантелей) править посольство вмѣстѣ съ мужемъ князя смоленскаго, попомъ Іереміей. Въ другой разъ старосты (тоже, что сотскіе), какъ сейчасъ указано, вѣдаютъ судъ торговый вмѣстѣ съ тысяцкимъ.

Таковы органы судебной власти. Достаточно ли для насъ знать о существованіи однихъ органовъ княжескаго суда, чтобъ живо представить себѣ весь механизмъ тогдашней юстиціи, всѣ силы, направленныя къ укрѣпленію юридическаго быта и къ восстановленію нарушеннаго права? Довольно ли для этого знать, что въ извѣстномъ городѣ сидѣлъ князь, а въ другихъ городахъ княжіе посадники, что тѣхъ и другихъ окружали ихъ слуги, и эти лица судили и рядили? Вспомнимъ, что въ первое время князья почти постоянно были въ походахъ, что перемѣны князьями столовъ были явленіемъ очень частымъ. Князь жилъ среди волости, свободно призвавшей его держать нарядъ и давать людямъ правду. Приходя сюда, онъ находилъ извѣстный строй общежитія, извѣстную, до него сложившуюся, организацію общественныхъ элементовъ ¹⁾. Силы, съ которыми являлись призванные князья, не могли изъ себя создать такого организма, который замѣнилъ бы своеобразную организацію волости. Несмотря на то, что «Русская Правда» даетъ очень немного средствъ для восстановления полной картины суда, мы видимъ въ ней повсюду содѣйствующую княжескому суду дѣятельность общинъ. Община, въ «Русской Правдѣ», является то отвѣтственной за своихъ членовъ (ст. 4—6 Тр. сп.), то отвѣтственной за происшествія, совершившіяся на ея землѣ (ст. 3, 63, 70 Тр. сп.). Еще болѣе важна эта дѣятельность общинъ, когда община выдаетъ князю преступника на потокъ. Выдача князю встрѣчается въ случаяхъ тяжкихъ преступленій (ст. 5, 30, 79). Свободные люди отдають

¹⁾ Ср. выше на стр. 449.

преступника въ руки карательной власти, въ руки князя, который имѣеть, такъ сказать, *banus regalis* или по-нѣмецки — *Blutbann*. Безъ выдачи нѣтъ приговора, безъ князя не можетъ быть казни. Таковъ порядокъ, когда свободный человѣкъ за убійство безъ свады, за коневую татьбу, за поджогъ теряетъ права личныя и имущественныя.

Читая «Русскую Правду», нельзя себѣ представить почти ни одного юридическаго акта, который бы совершался иначе, какъ въ присутствіи многихъ лицъ, *людей*, какъ ихъ чаще всего называетъ памятникъ. Такъ договариваются съ закупомъ, такъ покупаютъ вещь (на торгу, ст. 32 Тр. сп.), такъ сдаютъ наслѣдство опекуну малолѣтнихъ (ст. 93). Вездѣ «люди» или въ опредѣленномъ, или въ неопредѣленномъ числѣ. Весь ходъ процесса мыслимъ только при участіи этихъ людей: они нужны для поручительства, для послушества, для сохраненія въ памяти судебного рѣшенія; исполненіе рѣшенія совершается тоже на торгу, стало-быть, при тѣхъ же людяхъ («вести и на торгъ», говорить «Русская Правда» про несостоятельнаго должника, ст. 51). Такимъ образомъ, публичность дѣйствій суда, присутствіе людей входитъ какъ органической элементъ въ тогдашнее судоустройство и судопроизводство. Иногда, какъ видно въ договорѣ смоленскаго князя, стороны прямо обращаются къ добрымъ мужамъ и ихъ рѣшеніе дѣлаютъ для себя обязательнымъ, какъ было бы для нихъ обязательно рѣшеніе публичнаго суда. Такое же значеніе, по всей вѣроятности, имѣли и тѣ 12 мужей, на которыхъ указываетъ старая Правда, въ 14 ст. Ак. списка: «ити ему на изводъ предъ 12 человѣка». Далеко не такъ легко, какъ кажется, осо-

бенно при скудныхъ средствахъ нашей древнѣйшей письменности, прослѣдить отношеніе людей, на которыхъ шлются стороны, къ органамъ публичной судебной власти. Мы видимъ только, что число этихъ лицъ можетъ быть очень значительное. Толпа вовсе не пугаетъ судей въ это время. Они не боятся «наводки»; противъ «наводки» законъ не указываетъ никакихъ мѣръ, какъ это будетъ позже, въ Судебникѣ, въ Новгородской или Псковской Судебной Грамотѣ. Напротивъ, Судный Законъ какъ будто считаетъ нужнымъ присутствіе массы лицъ на судѣ. Въ Судномъ Законѣ послуховъ требуется тѣмъ больше, чѣмъ выше цѣна иска. Цифра доходитъ до 18! Тамъ же передъ послухами рѣшается оцѣнка рабы, когда требуется, чтобъ она была отпущена на волю. Можно ли думать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ послухи не болѣе какъ свидѣтели, т.-е. что вся роль ихъ заключается въ показаніи о совершившемся на ихъ глазахъ фактѣ, о томъ, что они видѣли?

Таковы элементы судоустройства, насколько возможно уяснить себѣ ихъ сочетаніе изъ бѣдныхъ остатковъ старой письменности.

Въ «Русской Правдѣ» на каждомъ шагѣ мы видимъ подвижной характеръ всѣхъ органовъ суда. Вирники, отроки требуютъ корма для коней, перекладныхъ, ссадныхъ (ст. 7 и 67 Тр. сп.). Самъ князь ѣздитъ въ полюдые. Только у посадника свой городъ, гдѣ онъ всегда сидитъ. При этомъ вѣчномъ движеніи органовъ власти, понятно происхожденіе названій, обозначающихъ подраздѣленія земли, каковы были: станы, погосты, позже — уѣзды. И. Д. Бѣляевъ въ «Разсказахъ изъ русской исторіи» замѣчаетъ, что на сѣверо-востокѣ чаще встрѣчаются погосты (ука-

жемъ, что въ Ипатьевск. лѣтописи, подѣ 1116 г., погость ¹⁾ употребляется не въ смыслѣ опредѣленнаго пункта волости, а въ смыслѣ сбора), а на юго-западѣ — волости. Въ это время ни территорія подсудности, ни степень власти судей не опредѣлялись точно. Янъ сперва долженъ былъ «испытывать», какого князя смерды проповѣдуютъ язычество, и потомъ сталъ судить (Лавр. лѣт. подѣ 1071 г.). Конечно, не вездѣ такъ мало были ясны эти вопросы.

Что касается предѣловъ власти, въ которыхъ дѣйствуютъ разные органы правосудія, то въ это время мы не видимъ никакихъ постоянныхъ началъ, по которымъ группировались бы тѣ и другіе роды дѣлъ въ рукахъ опредѣленныхъ органовъ. Вся власть суда принадлежитъ князю. Безъ князя нельзя умучить смерда. Закупъ можетъ обратиться къ князю въ тяжбѣ съ своимъ господиномъ. Къ князю обращаются и въ спорахъ о наслѣдствѣ. Князь судитъ иностранца съ русскимъ (договоръ смоленскаго князя съ Ригой). Въ идеѣ одинъ князь — настоящій судья. Всякая другая власть отъ него беретъ свою силу ²⁾. Личное пребываніе князя въ извѣстномъ мѣстѣ, напр., во время полюдья, исключало необходимость всѣхъ другихъ органовъ. Нѣчто подобное мы видимъ и въ Германіи въ средніе вѣка. Слабость судебной организаціи въ этомъ всего очевиднѣе. Присутствіе императора суспендируетъ дѣятельность всѣхъ низшихъ органовъ правосудія, и это начало признается еще въ Саксонскомъ Зерцалѣ и другихъ законныхъ книгахъ того времени. Противъ возможнаго злоупотребленія

¹⁾ См. выше на стр. 340.

²⁾ См. выше на стр. 615, 617, 623.

этимъ правомъ императора направляется особый родъ привилегій, называемыхъ *privilegia de non evocando*. Конечно, тою же слабостью судебной организаціи объясняется и у насъ въ послѣдствіи встрѣчающееся условіе договоровъ князя съ Новгородомъ, чтобъ князь суженаго не посужалъ.

Внѣшняя обстановка суда видна въ нѣкоторыхъ разсказахъ лѣтописи и отчасти въ статьяхъ «Русской Правды». Она отличается величайшей простотой. Лѣтописецъ подь 1169 г. разсказываетъ, какъ разбирались два князя, изъ которыхъ одинъ былъ виноватъ въ замыслахъ противъ другого и хотѣлъ оправдаться. Оба князя съѣхались въ Печерскій монастырь. Одинъ помѣстился въ кельѣ эконома, другой въ кельѣ игумена, и стали они пересылаться рѣчами черезъ посредство дьячка (Имормыжа). Когда уяснилось, отъ кого идетъ улика, то на сцену являются люди князей и начинаютъ «спираться». Одна сторона выводитъ послуха. Князь, разбравшій дѣло, полагается на клятву обвиняемаго, и этимъ все миролюбиво оканчивается. Постояннымъ мѣстомъ, куда сходятся стороны для суда, «Русская Правда» разумѣетъ княжъ дворъ (ст. 38 Акад. сп.). Князь, вѣроятно, сидѣлъ на сѣняхъ съ своей дружиной. Отъ названія двора княжескаго могло происходить и названіе *дворянами* тѣхъ лицъ, которые выполняютъ до суда относящіяся порученія (ст. 135 Карамз. ¹) сп.). То же, что дворъ князя, въ мѣстѣ его пребыванія, былъ дворъ посадника, въ его городѣ. Многія изъ дѣйствій, относящихся до суда, совершаются на торгахъ. Близость этихъ торговыхъ мѣстъ къ церквамъ

1) Выше примѣчаніе на стр. 572—573.

можно предполагать, потому что вѣсь, т.-е. вѣсчая пошлина, отдается нерѣдко въ пользу церкви. Притворы церквей были, вѣроятно, первыми закрытыми помѣщеніями, въ которыхъ совершались сдѣлки и разбирались споры.

Мы указали выше, что судъ былъ подвижной. Эта подвижность обуславливается отчасти потребностью стариннаго суда имѣть на глазахъ предметъ спора, «лицо». Въ «Русской Правдѣ», гдѣ рѣчь идетъ о межахъ, о бортяхъ, тамъ предполагаются и разъѣздные сборы (ст. 67 Тр. сп.). Кромѣ того, судьи должны были съѣзжаться въ случаяхъ смѣстнаго суда, на рубежахъ, гдѣ сходятся границы двухъ подсудностей. Время, когда слѣдуетъ творить судъ, обряды, которые сопровождаютъ дѣйствія судей и сторонъ на судѣ, почти намъ неизвѣстны. Мы думаемъ, судя по послѣдующему, что обрядовая сторона процесса у насъ гораздо менѣе имѣла значенія, чѣмъ, напр., въ Германіи. Мономахъ совѣтуетъ судить съ полудня. Въ полудье ѣздить зимой. И то, и другое имѣетъ въ своемъ основаніи простыя практическія соображенія. Въ собраніяхъ нѣмецкихъ юридическихъ древностей находимъ очень много любопытныхъ подробностей касательно времени года, дней недѣли и часовъ дня, когда могутъ быть совершаемы судебныя дѣйствія. Также много опредѣленій для мѣста, гдѣ можно судиться (любопытенъ судъ у источника; ср. извѣстіе начальнаго лѣтописнаго свода о судѣ Яна надъ волхвами), для способа судьи держать себя. Онъ долженъ сидѣть съ посохомъ, посохъ бѣлый, ибо съ него снята кора. Сѣдалище имѣетъ опредѣленную форму. Поза судьи должна выражать спокойствіе, для этой цѣли онъ сидитъ, положи ногу

на ногу. Многія такого рода внѣшнія предписанія, которыхъ происхожденіе должно искать въ глубокой древности, — оставили свои слѣды надолго въ нѣмецкомъ судѣ. Въ нашихъ юридическихъ памятникахъ обрядовая сторона не оставила почти никакихъ слѣдовъ ¹⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору отдѣльныхъ способовъ доказательства на судѣ по «Русской Правдѣ», надо сказать о тѣхъ содѣйствующихъ успѣху доказыванья средствахъ, которыя иногда въ системахъ процесса ставятся на ряду съ доказательствами. О собственномъ признаніи или очевидности, по «Русской Правдѣ», мы не нашли бы сказать ничего, съ юридической точки зрѣнія имѣющаго важность. Любопытны однѣ такъ называемыя презумпціи. Здѣсь, говоря словами одного современнаго ²⁾ юриста, «самъ законъ употребляется какъ средство доказать». Въ «Русской Правдѣ» такія презумпціи (Indicienbeweis, улики) встрѣчаются въ процессахъ по преступленіямъ: 1) въ чьей верви голова лежитъ, если при томъ члены общины не отыскиваютъ убійцу, то виноватой предполагается сама вервь (ст. 3 Тр. сп.); 2) если межа испорчена, или испорчены орудія ловли, а виноватаго не находится, то также предположеніе виновности падаетъ на общину (ст. 63 не совсѣмъ ясна); 3) если по слѣду гонять татя, а слѣдъ поидеть къ седу или къ товару (товаръ въ смыслѣ стана

¹⁾ См. у Н. П. Сильванскаго *Феодализмъ въ древней Руси*. Спб. 1907, со стр. 39, гдѣ говорится вообще о родствѣ древнѣйшаго русскаго права съ правомъ германскимъ; см. его же статью «Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ» *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1905 г., № 6, стр. 329—365. Ред.

²⁾ Писано въ 1868-мъ г.

или обоза?), и жители не отведутъ слѣда, не поѣдутъ на слѣдъ, стануть отбиваться,—то они сами отвѣчаютъ за татьбу. Можетъ-быть, тотъ или другой судья не счелъ бы для себя убѣдительными эти улики, но законъ или обычай требуетъ, чтобъ судъ призналъ силу ихъ и на нихъ основалъ свое рѣшеніе. Въ случаяхъ воровства, нахожденіе въ рукахъ лица краденой вещи служитъ также основаніемъ для презумпціи. Такія презумпціи легко разрушаются или доказательствомъ фактовъ, исключających справедливость предположенія, или просто очистительной присягой.

Отдѣльные способы доказательства на судѣ по «Русской Правдѣ» суть:

1) *Послухи*,—лица, связанныя съ той или другой стороной, или лица, на которыхъ шлется обѣ стороны (договоръ смоленскаго князя съ Ригой). Названія послуха и видока въ «Русской Правдѣ» смѣшиваются, вѣдъ всякаго сомнѣнія, такъ что, не допуская предполагаемаго нами различія между тѣми и другими, мы поставимъ себя въ затрудненіе понять, на что нужно два разныхъ названія для однихъ и тѣхъ же лицъ: такъ, въ 32-й статьѣ Тр. списка видокомъ названъ мытникъ и свидѣтели у сдѣлки, въ стт. 35, 43, 44, 45, 46, 47, 102 Тр. списка такіе же свидѣтели у сдѣлки называются послухами¹⁾. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что употребленіе названія послуха во всѣхъ этихъ случаяхъ есть болѣе точное, чѣмъ словоупотребленіе 32-й ст. Тр. списка. Во всѣхъ перечисленныхъ статьяхъ послухъ не есть

¹⁾ Въ ст. 32 «выведеть свободна мужа два или мытника», а въ ст. 35 «вывести ему послухи, либо мытника».

случайный очевидец событія, а призванное къ совершенію акта лицо. Что послухъ не тотъ, кто говоритъ о томъ, что слышалъ, — это ясно изъ статьи 70 Тр. списка, гдѣ съ послухами гонять ¹⁾ слѣдъ; при чемъ ясно, что на этихъ людей шлетося лицо, которое гонить слѣдъ, т.-е. полагается на то, что они будутъ его поддерживать, какъ теперь такую поддержку оказываетъ власть, которая удостовѣряетъ протоколомъ совершившіяся событія.

Послухи являются, чтобы поддерживать притязанія той или другой стороны, ибо на нихъ *посланы* состязающіяся лица. Такая поддержка имѣла все свое значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда для судьи не было ясно право. Можетъ-быть, этимъ объясняется то извѣстное обстоятельство, что въ Законѣ Судномъ Людямъ, который предшествовалъ сложенію «Русской Правды», о послухахъ говорится гораздо болѣе, чѣмъ въ самой Правдѣ. Вообще говоря, тамъ, гдѣ судья не можетъ «узнать право», — тамъ стороны убѣждаютъ его ссылкой на добрыхъ людей, на послуховъ. Вотъ ближайшій смыслъ, въ которомъ мы разумѣемъ значеніе послуховъ, переходящее предѣлы простого свидѣтельства, значеніе ихъ, какъ поддержки истца или отвѣтчика. Въ этомъ смыслѣ они не составляютъ простого средства доказать факты, а оказываютъ вліяніе на успѣхъ самой претензіи той стороны, за которую стоятъ. Такое объясненіе кажется намъ очень согласнымъ съ состояніемъ права въ это время, когда источникъ его есть преимущественно право обычное. Понятно, что чѣмъ яснѣе вырабатывается догма, чѣмъ болѣе расчлениаются разныя стороны права, подлежащаго обсужденію,

¹⁾ «А слѣдъ гнати съ чужими людьми, а съ послухи».

тѣмъ самостоятельнѣе судья, тѣмъ менѣе его сужденіе о правѣ зависитъ отъ добрыхъ людей и тѣмъ опредѣленнѣе роль послуховъ ограничивается простымъ свидѣтельствомъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послухъ является настоящимъ средствомъ доказывать факты, «Русская Правда» даетъ мало средствъ различить его съ видокомъ, хотя, внѣ всякаго сомнѣнія, и здѣсь различіе было. Во 2-й статьѣ Акад. списка свидѣтель событія названъ видокомъ, въ соответствующей ей, 28-й, тотъ же человѣкъ названъ послухомъ. Въ 15, 17, 23, 81 стт. Тр. списка свидѣтели событій — послухи; въ 9-й Акад. списка, въ 23-й же и 25 Тр. списка — видоки. Видоки и послухи одинаково идутъ на роту. Именно это смѣшеніе названій и мѣшаетъ опредѣлить ясную границу между послухомъ и видокомъ, держась буквально «Русской Правды». Мы дѣлаемъ догадку, что тамъ, гдѣ свидѣтель событія шелъ на роту, тамъ его значеніе усиливалось, тамъ онъ являлся поддержкой стороны, какъ потомъ послухъ, идущій на бой съ противникомъ того, за кого онъ стоитъ. Во время «Русской Правды», повидимому, количествомъ, а не состязаніемъ такихъ лицъ рѣшался споръ (Судный Законъ). Во всякомъ случаѣ, по одному признаку, ротѣ, присягѣ, можно отличить лицо, котораго показанія переходятъ въ поддержку, въ стремленіе рѣшить споръ; это лицо есть ротитель или послухъ; онъ можетъ быть въ то же время и видокъ; но достоинство и сила его не столько условлены тѣмъ, что онъ очевидецъ, сколько тѣмъ, что на него шлются, что онъ клянется.

3) Настоящіе свидѣтели, очевидцы только, имѣющіе значеніе лицъ, которыя удостовѣряютъ случайно

происшедшій на ихъ глазахъ фактъ, усматриваются въ непрерывно упоминаемыхъ «Русской Правдой» людяхъ, которые видѣли, что происходило. Ст. 38 Ак. списка говорить: «а люди боудуть видѣли связанъ», ст. 61 Тр. списка: «а кровь видать оу него во ртѣ, а людьє вылѣзуть». Тутъ нѣтъ никакихъ сомнѣній, что судъ имѣеть дѣло съ настоящими очевидцами, которымъ онъ вѣрить, какъ повѣрилъ бы своимъ глазамъ, если бѣ самъ былъ на мѣстѣ совершенія событія. Ихъ значеніе не переходитъ въ роль защитниковъ, они просто средство узнать фактическую истину. Они могутъ не интересоваться исходомъ процесса, они не заручились ни предварительной связью съ сторонами (какъ свидѣтели сдѣлки), ни клятвой.

3) Присяга, какъ самостоятельный способъ доказывать, встрѣчается въ довольно разнообразномъ примѣненіи, и всякій разъ она допускается по своему специальному основанію. Такъ, въ ст. 44-й Тр. списка, по свойству торговыхъ сдѣлокъ, вполне безформенныхъ и требующихъ особаго взаимнаго довѣрія, допускается присяга сторонъ тамъ, гдѣ обыкновенно требуются послухи. Въ ст. 45-й, по особому свойству договора (поклажи), отвѣтчикъ можетъ присягой доказать, что у него было депонировано именно столько, сколько онъ выдаетъ. Положеніе этой статьи возникло подъ влияніемъ греческаго права, гдѣ принимающій на сохраненіе разсматривался особенно деликатно; ибо договоръ поклажи безвозмездный («зане же ему въ болого дѣль», говоритъ «Русская Правда» о сберегающемъ), и отдающій на сохраненіе самъ на себя долженъ пенять, если онъ выбралъ ненадежнаго пріятеля. Въ ст. 47-й, тоже вмѣсто по-

слуха, допускается доказательство посредствомъ присяги истца, по малоцѣнности иска. Наконецъ, присяга является въ значеніи очистительной, когда противъ лица направлено подозрѣніе, основанное на уликѣ (ст. 109, 112): Мы знаемъ въ лѣтописи случаи, гдѣ, и при существованіи доказательствъ, судья полагается на совѣсть обвиняемаго и даетъ ему очистить себя присягой. Князь кіевскій называетъ крестное цѣлованіе «отець нашихъ и дѣдъ нашихъ утвержденіемъ». Въ заключеніе словъ, обращенныхъ къ обвиняемому (увѣщаніе), онъ говоритъ: «а нынѣ, яко на мя еси не думалъ и не ищещи ми лиха, — цѣлуй ми крестъ». Владимиръ такъ произноситъ присягу: «радъ, брате, цѣлую, а то все на мя лжа, — и цѣлова крестъ». Во всѣхъ этихъ случаяхъ присяга была необходимою. Она совершалась съ участіемъ официальныхъ лицъ, ибо «Русская Правда» назначаетъ особый ротный урокъ, который шелъ, конечно, въ пользу должностныхъ лицъ (ст. 101 Тр. сп.).

Едва ли можно сомнѣваться, что въ это время, когда присяга играла такую важную роль, какъ *juramentum promissorium*, она также часто служила и средствомъ разрѣшенія споровъ по взаимному соглашенію сторонъ; но объ этомъ мы имѣемъ ясныя свѣдѣнія лишь отъ позднѣйшаго времени. Приводимая въ 17-й ст. «Русской Правды», на ряду съ судами Божьими, присяга сторонъ допускается «во всѣхъ тяжахъ», когда нѣтъ другихъ средствъ доказать; все ограниченіе заключается только въ томъ, что доказательная сила присяги меньше, чѣмъ доказательная сила другихъ видовъ суда Божія; но, по свободному соглашенію, рѣшительная сила присяги могла быть расширяема на всякое дѣло.

4) Вопросъ о судахъ Божіихъ много разъ у насъ подвергался обсужденію въ той мѣрѣ, въ какой онъ разъясненъ нѣмецкой наукой. По отношенію собственно къ русскому праву, всѣ разъясненія судъ Божія не могутъ далеко уйти отъ простаго показанія 3-хъ статей «Русской Правды», въ которыхъ говорится объ испытаніи желѣзомъ¹⁾ и водой (ст. 17, 81 и 82). Это все, что до насъ дошло достовѣрнаго отъ этой эпохи. Замѣтимъ, что Гриммъ, собирая всѣ указанія средневѣковыхъ источниковъ о судахъ Божіихъ, указываетъ и на Византию, гдѣ имѣло мѣсто испытаніе именно посредствомъ раскаленнаго желѣза, о которомъ упоминаетъ и «Русская Правда» (Гриммъ въ сочиненіи *Deutsche Rechtsalterthümer*, изд. 2-е, стр. 933, приводитъ греческую цитату, которая переводится такъ: «если нѣтъ у тебя доказательствъ отъ свидѣтелей, то ты долженъ доказать истину горячимъ желѣзомъ»).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ судъ назначаетъ испытаніе желѣзомъ, какъ видно изъ 17-й статьи («тогда дати имъ правду желѣзо»),— это, по всей вѣроятности, относится къ дѣламъ по преступленіямъ; въ другихъ сами стороны зовутся на желѣзо или на воду, тогда этотъ родъ испытаній представляетъ собой нѣчто параллельное разрѣшенію споровъ посредствомъ присяги по соглашенію (*Schiedseid*).

Что касается жребія, то извѣстно, что «Русская Правда» только въ одномъ спискѣ, повидимому, новомъ, упоминаетъ этотъ способъ формальнаго изслѣ-

¹⁾ По «Русской Правдѣ», ст. 17, возможно «дати ему желѣзо изъ мезоли до подугривны золота». По договору 1229 г. иноземца нельзя было вести на испытаніе желѣзомъ изъ мезоли.

дованія истины. Здѣсь жребій поставленъ на ряду съ присягой, альтернативно, «а будетъ има бои, а видока не будетъ,— ити има на роту по своей вѣрѣ, а любо на жребій, а виноватыи въ продажѣ, во что и обложать» (такъ въ одномъ изъ списковъ «Правды» заканчивается статья, соответствующая 25-ой статьѣ Троицкаго списка). Очень вѣроятно, что это былъ весьма распространенный способъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ и на судѣ, какъ и вообще въ спорахъ, къ жребію обращались нерѣдко. Извѣстенъ случай рѣшенія по жребію выбора человѣческой жертвы, о которомъ лѣтописецъ говоритъ подъ 983 г. Затѣмъ жребій виденъ въ договорѣ смоленскаго князя съ Ригой, гдѣ условлено жребіемъ опредѣлять чередъ, «кому пойти черезъ волокъ впереди». Можно указать еще нѣсколько мѣстъ лѣтописи отъ времени «Русской Правды», гдѣ упоминается жребій, какъ средство рѣшить выборъ между двумя лицами, или между двумя мнѣніями. Новгородская 1-я лѣтопись, подъ 1192 годомъ, рассказываетъ объ избраніи въ высшую духовную должность, при чемъ жеребья кладутся на трапезу, и съ трапезы ихъ снимаетъ слѣпецъ. Чей жребій останется на трапезѣ, на того видятъ указаніе свыше, и онъ считается избраннымъ. Тамъ же подъ 1229 г. для той же цѣли посылаютъ «княжица Ростислава изъ гридьницѣ владыцне» взять жребій съ трапезы. Тутъ, стало-быть, дитя избрано орудіемъ испытанія воли Божіей. Также любопытенъ еще ранѣе, въ началѣ XII в., упоминаемый лѣтописью случай. Именно, въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1115 г., видимъ, что нѣсколько князей спорятъ («распри же бывши», по словамъ лѣтописи), на какомъ мѣстѣ въ церкви поставить мощи

свв. Бориса и Глѣба. Та и другая сторона приводить свои основанія. Тогда митрополитъ съ епископами предлагаетъ узнать волю самихъ мучениковъ посредствомъ жребія: «верзите жребии,— да кдѣ изволита мученика, ту же я поставимъ». Князья подчинились рѣшенію жребія. «И положи Володимеръ свой жребий, а Давыдъ и Олегъ свой жребий на святой трапезѣ, и вынеся жребий Давыдовъ и Олговъ». Мощи были поставлены, согласно съ этой волей самихъ мучениковъ, на правой сторонѣ храма.

Возможно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ сдѣлкѣ или на судѣ послухомъ и защитникомъ призванъ Богъ или святой,—къ ихъ суду и обращались тогда, когда возникалъ споръ по поводу акта, утвержденного этимъ способомъ. Яснѣе такое послушество видно впоследствии.

XXI. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ПО «РУССКОЙ ПРАВДѢ».

(М. Ф. Владимірскій - Будановъ. «Обзоръ исторіи русскаго права». Кіевъ. 1888).

I. ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Терминъ «преступленіе» хотя и извѣстенъ былъ въ эпоху Русской Правды (въ переводной литературѣ съ греческаго языка), но самой Русской Правдѣ неизвѣстенъ, ибо ей чуждо то понятіе о преступленіи, которое выражается этимъ терминомъ, т.-е. нарушеніе закона. Терминъ, употребляемый Русской Правдой, есть *обида*. Въ этомъ иногда видятъ доказательство частно-правнаго взгляда на преступленіе, какъ дѣяніе, оцѣниваемое только по количеству вреда, нанесеннаго частному лицу. Мы увидимъ ниже, что разрядъ преступленій, караемыхъ Русской Правдой, дѣйствительно, ограничивается такъ называемыми частными преступленіями, т.-е. направленными противъ личныхъ и имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что оцѣнка преступныхъ дѣяній совершается только съ точки зрѣнія интересовъ лицъ потерпѣвшихъ; напротивъ, штрафъ за «обида» платится не въ пользу потерпѣвшаго, а въ пользу общественной власти: такъ за укрывательство бѣглаго раба, ви-

новый, кромѣ возвращенія раба его господину, платить 3 гривны уголовной продажи въ пользу князя; древнѣйшая Правда не указываетъ прямо значенія этого штрафа, говоря только: «и три гривнѣ за обиду» (Акад. 10); но пространная Правда (Троиц. сп. ст. 26) уясняетъ это вполне: «а оному платити 3 гривны *продажи*» (продажею называется уголовный штрафъ въ пользу князя). Даже такая личная обида, какъ позорный ударъ необнаженнымъ мечомъ или рукоятью его, влечетъ за собою общественный штрафъ, а не личный выкупъ: «12 гривенъ продажи за обиду» (Троиц. сп. ст. 18).

II. НАКАЗАНИЕ.

Такъ какъ наказаніе есть возстановленіе нарушенныхъ преступленіемъ правъ общества, то основной интересъ историческаго изложенія права наказанія есть вопросъ объ общественномъ элементѣ его, объ очищеніи его отъ личной примѣси (начиная почти съ животной реакціи и самозащиты).

Термины общіе для выраженія этого понятія въ законодательныхъ памятникахъ ¹⁾ не встрѣчаются, кромѣ слова «казнь», упоминаемаго въ договорахъ русскихъ съ греками. Но въ памятникахъ бытовыхъ употребляются термины: «наказаніе» и «месть» (въ общемъ смыслѣ наказанія). «Месть» въ обширномъ смыслѣ означаетъ наказаніе вообще: волхвы, наказанные Яномъ на Бѣлоозерѣ, приняли мечь отъ Бога»; въ Законѣ Судномъ Людямъ сказано: «аще кто бьетъ

¹⁾ Въ 42 ст. «Русской Правды» встрѣчается выраженіе «казнить» въ смыслѣ наказывать. Ред.

раба своего или рабу свою жезломъ, ти умереть отъ руки его: судомъ да ся мститъ». «Местникомъ» въ договорѣ Олега («аще ли кто искушенъа сего не дасть створити, *местника* да погубить правду свою») названа сторона въ процессѣ. Местникомъ иногда называется также судья: въ Законѣ Судномъ Людемъ говорится, что если низшіе судьи отказываютъ въ правосудіи, то «взидуть къ великому отместнику, его же постави власть наша». Юридическій сборникъ А. И. Мусина-Пушкина начинается такъ: «нища не помиловати яко мѣсть», что составляетъ переводъ Исхода (XXIII, 3): «нищаго да не помилуеши на судѣ»; поэтому издатель сборника Дубенскій говоритъ: «месть то же, что судѣ, *крѣкъ, lis*». Филологическій смыслъ слова «наказаніе» есть «наученіе и исправленіе»: наказаніе—*institutio*, роена; наказати—*instituere* («тыи въспита мя и наказа и наоучи»), *punire* (Рѣчникъ Даничича). Въ смыслѣ слова «наказаніе» (исправленіе) выраженъ основной взглядъ славянъ на цѣль наказаній, взглядъ, конечно, указывающій на будущее, и мало примѣнимый къ са- мой эпохѣ Русской Правды.

Виды наказаній въ историческомъ порядкѣ суть: 1) мечь, 2) денежные штрафы, 3) уголовныя кары.

Мечь—въ тѣсномъ смыслѣ есть возмездіе за уголовную неправду, совершенное руками потерпѣвшаго. Въ томъ понятіи, какое даетъ о ней Русская Правда, мечь совмѣщаетъ и частный и *общественный* элементы наказанія, что видно изъ нижеслѣдующаго: 1) мечь не только *признана*, но и *предписана* закономъ (Рус. Пр. Ак. 1, Кар. 1; «если отсѣчеть руку, то дѣти искалѣченнаго должны смирить» — Ак. 5 «оже ли оутнетъ роукоу, и отпадетъ роука,

любо оусохнетъ: то 40 гривенъ; аще боудеть нога цѣла, или начынетъ хрматы, тогда чада смирять»). Обязательный характеръ мести ясенъ въ особенности въ договорахъ съ греками, при чемъ договаривающіяся стороны заботятся, чтобы преступникъ не оставался безъ наказанія («да умереть»; «да убюють и»). 2) Местъ *соединяется съ судомъ*, т.-е. требуетъ или послѣдующей за местью санкціи суда (какъ обыкновенно и бывало), или предварительнаго рѣшенія суда: древнѣйшая Правда требуетъ, чтобы окровавленный или раненый доказалъ на судѣ справедливость обвиненія и только послѣ этого можетъ или мстить, или взять за обиду 3 гривны (Ак. 2). Лѣтопись подъ 1071 г. рассказываетъ, что когда-то раньше (конечно, до отмѣны мести) воевода княжой Янь, схватилъ ярославскихъ волхвовъ на Бѣлоозерѣ, осудилъ ихъ за убійство многихъ женщинъ и наказалъ такъ: выдавъ ихъ родственникамъ убитыхъ, сказалъ имъ: «мстите своихъ»; родственники предали осужденныхъ смерти. 3) Законъ опредѣляетъ, кто имѣетъ право (и обязанность) мстить, а именно: за убійство мстятъ члены рода (отецъ и сынъ, братъ, дядя и племянникъ; Ак. 1, Кар. 1); въ 1-й статьѣ Русской Правды однако содержится неполное опредѣленіе круга мстителей: не указано права мести за мать, сестру, жену и дочь, несомнѣнно существовавшее, какъ видно изъ приведеннаго сейчасъ лѣтописнаго факта¹⁾. Но это есть результатъ обыкновеннаго недостатка обобщеній въ древнихъ памятникахъ, которые, вмѣсто того, стараются перечислить

¹⁾ Приведеннаго авторомъ въ текстѣ лѣтописнаго примѣра далеко недостаточно для столь категорическаго утвержденія, которое онъ высказываетъ. Ред.

частичныя подробности, но всегда неудачно. Право мести за лицъ женскаго пола подразумѣвалось подѣ соответствующими степенями родства мужскаго пола. За увѣчые полагалась мечь *членоваъ семьи*: «тогда чада смирать» (Ак. 5). За личное оскорбленіе и побой—*мечь личная*: «оже ли себе не можеть мьстити, то взяти емоу за обиду 3 гривниъ» (Ак. 2).—

4) Этимъ опредѣляется и то, за *какія преступленія* полагалась мечь. Именно: за убійство, увѣчые и нападеніе на здоровье. Что касается убіенія вора, т.-е. мнимой мести за татьбу, то здѣсь самоуправство уже перешло въ состояніе необходимой обороны.—5) *Въ чемъ состояла мечь?* Въ каждомъ ли случаѣ преступникъ отдавался на полный произволь мстителя? Думать такъ не позволяетъ соединеніе мести съ судомъ и ясное различеніе въ Русской Правдѣ относительной тяжести преступныхъ дѣяній. За убійство должна была слѣдовать смерть, но не за увѣчые («смирать» не значитъ лишать жизни) и не за личныя оскорбленія; это показываетъ аналогія постановленій о мести холопу, ударившему свободнаго мужа; при Ярославѣ было позволено убить его за то; сыновья Ярослава, отмѣнивъ такой суровый законъ, не вполнѣ уничтожили мечь и постановили, что оскорбленный можеть, связавъ его, побить, т.-е. мечь состояла въ лишеніи свободы и тѣлесномъ наказаніи. 6) Съ замѣною родовыхъ союзовъ общинными и земскими *мечь вымирала* постепенно, ибо въ мщеніи участвуетъ уже земская (государственная) власть; несомнѣнно [?], что и христіанство имѣло сильное вліяніе на ослабленіе мести; случаи замѣны мести выкупомъ по закону (при бѣгствѣ преступника) и по условію съ мстителемъ, дѣлались чаще.

Послѣднее не служить отрицаніемъ уголовнаго характера мести, ибо прощеніе преступнику (съ условіемъ имущественныхъ взысканій) совершалось при участіи общества, на что указываетъ обрядъ *пожоры*, извѣстный не только у западныхъ славянъ, но и у русскихъ (галичанъ). Уже при Владимирѣ I осуществленіе мести было рѣдкимъ явленіемъ; тогда при рѣшеніи вопроса о наказаніи за разбой, рѣчь шла о выборѣ между казнью и вирой, безъ упоминанія о мести. Хотя месть не исчезла до второй половины XI в., какъ видно изъ Ярославовой Правды и лѣтописныхъ фактовъ, но практическое ослабленіе ея дало возможность князьямъ—Ярославичамъ отмѣнить ее закономъ: «послѣ Ярослава собрались сыновья его и отложили убіеніе за голову, и предписали выкупаться деньгами» (Кар. 2); примѣненіе мести на Бѣлоозерѣ, записанное въ лѣтописи подъ 1071 г., не можетъ служить подтвержденіемъ той мысли, будто Ярославичи отмѣнили не месть, а смертную казнь, установленную Владимиромъ; послѣдняя отмѣнена самимъ Владимиромъ; случай на Бѣлоозерѣ¹⁾ только *записанъ* подъ 1071 г. Несмотря на указанныя ограниченія мести, одно существованіе ея указываетъ на важнѣйшее *значеніе частнаго лица* въ сферѣ уголовнаго права.

Денежныя штрафы. Въ мести сливались нераздѣльно частный и общественный элементы наказанія; какъ скоро месть замѣнена денежными штрафами, то оба элемента тотчасъ выступаютъ въ своей раздѣльности; штрафы дѣлятся на уголовные (въ пользу общественной власти) и частное вознагра-

¹⁾ См. выше на стр. 626, 639 и 641.

жденіе потерпѣвшему; именно: за убійство—*вира* (въ пользу князя) и *головничество* (потерпѣвшему); за прочія преступленія *продажа* (князю) и *уроки* (потерпѣвшему).

Ви́ра и головничество. Слово «ви́ра», не встрѣчающееся въ другихъ славянскихъ языкахъ, считаютъ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго языка (*Wehrgeld*); но корень его находится во множествѣ языковъ (между прочимъ, въ финскомъ)¹⁾. Уголовное значеніе виры извѣстно со временъ Владимира: когда онъ, по совѣту епископовъ, началъ было казнить разбойниковъ, то дума представила ему, что это не выгодно, ибо вира даетъ средства для приобрѣтенія оружія и коней (Лавр. лѣт. ²⁾ подъ 996 г.). По Правдѣ Ярослава вира взимается въ томъ случаѣ, если нѣтъ мстителя (Ак. 1); Ярославъ установилъ «уроки» (таксу) въ пользу вирника, собиравшаго виры на князя (Ак. 42). Для XII в. уголовное значеніе виры не подлежитъ сомнѣнію: въ Суздальской землѣ княжескіе чиновники притѣсняютъ народъ вирами и

1) См. выше на стр. 450.

2) «Бѣ бо Володимѣръ любя друживу, и с ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ. Живяше же Володимѣръ в страхѣ Божьи, и умножишася (зело) разбоеве, и рѣша епископи Володимѣру: се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ? Онъ же рече имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойника, но со испытанъ. Володимѣръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники. И рѣша епископи и старци: рать многа; оже вира, то на оружіи и на конихъ буди. И рече Володимѣръ: тако буди. И живяше Володимѣръ по устроенью отню и дѣдню» (стр. 124). См. толкованіе этого лѣтописнаго текста въ особомъ приложеніи къ «Боярской думѣ» В. О. Ключевскаго.

продажами. Вира взыскивалась не всегда съ одного преступника, но иногда съ общины—*верви*, къ которой онъ принадлежитъ; въ такомъ случаѣ она называлась *дикою вирой* и взыскивалась въ двухъ случаяхъ: а) если совершено убійство не предумышленное и преступникъ состоитъ съ членами своей общины въ круговой порукъ; б) если совершено убійство предумышленное, но община не разыскиваетъ убійцы (прикрываетъ его и не выдаетъ). Въ первомъ случаѣ вервь платитъ съ участіемъ самого преступника (въ соотвѣтственной долѣ); во второмъ случаѣ уплата виры разсрочивается на нѣсколько лѣтъ (Кар. 4). Происхожденіе круговой поруки изъясняютъ иногда изъ полицейски-финансовыхъ цѣлей государства, т.-е. изъ стремленія князей получать доходъ отъ преступленій во всякомъ случаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить общины предупреждать преступленія. Но оба эти соображенія могли явиться лишь впоследствии, при значительномъ развитіи государственной власти; первоначально же круговая порука не есть искусственное государственное учрежденіе, а возникаетъ повсюду, какъ изъ имущественной и личной солидарности родовыхъ и территориальныхъ общинъ, такъ еще болѣе изъ права общинъ выдавать или не выдавать преступниковъ для наказанія. Съ ослабленіемъ значенія частнаго лица (съ уничтоженіемъ мести) возвышается значеніе общинъ въ сферѣ уголовного права.—Высота виры постоянна: за свободныхъ людей вообще 40 гривенъ, за лицъ привилегированныхъ—80 гривенъ, за жену—20 гривенъ¹⁾; столько же за увѣче по 3-й Правдѣ.

¹⁾ Срв. выше на стр. 593 и 611. О нормахъ виръ и продажъ см. цѣльныя замѣчанія у А. Е. Прѣсякова *Княжеское право*,

Высота головничества не опредѣляется закономъ; только при изувѣченіи назначается опредѣленное вознагражденіе, именно въ половину противъ уголовного штрафа (10 гривенъ; Кар. 22).

Продажа и урокъ. Уголовное значеніе продажи видно изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ фактовъ относительно виры; во 2-й Правдѣ оно вполне ясно, напримѣръ, изъ слѣдующаго: «а оже лодью оукрадетъ, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ» (Ак. 34). 3-я Правда не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія (см. Кар. 23, 25, 33, 43, 132 и др.). Цифры продажи постоянны; именно: 12 гривенъ (за убіеніе вора безъ требованія обороны, оскорбленіе чести, лишеніе свободы, за кражу холопа и бобра, за истребленіе коня и скота, за порчу межь) и 3 гривны (и 30 кунъ) за всѣ прочія преступленія, кромѣ самыхъ маловажныхъ, за которыя взыскивалось 60 кунъ или рѣзанъ.—Урокъ таксированъ въ законѣ относительно преступленій личныхъ, наносящихъ физическій вредъ (за зубъ—Кар. 79, за палець—Кар. 23, за рану—Кар. 25 по 1 гривенѣ), за преступленія противъ чести Русская Правда не даетъ такой таксы, между тѣмъ какъ церковный уставъ Ярослава содержитъ подробную оцѣнку чести ¹⁾). При преступленіяхъ имущественныхъ или возвращающихъ вещь, или цѣна ея, назначенная въ за-

стр. 255 и слѣд., который приводитъ въ связь нормы «Русской Правды» съ нормами скандинавскаго сѣвера. *Ред.*

¹⁾ Напр., «аще жена мужа бьетъ, митрополиту 3 гривны», «аще который мужъ бьетъ чужую жену, за срамъ ей по закону, а митрополиту 6 гривенъ» и рядъ другихъ статей см. у Е. Е. Голубинскаго, *Исторія русской церкви*, т. I. М. 1901, стр. 634.

конѣ (Кар. 40, 41, 42). — Денежные штрафы въ опредѣленномъ количествѣ ихъ могли имѣть правильное уголовное значеніе лишь въ періодъ экономическаго равенства. При несостоятельности преступника должна была явиться *замѣна ихъ уголовными наказаніями*, что дѣйствительно и находимъ прямо въ правахъ другихъ народовъ (напр., сербскаго) и въ позднѣйшемъ русскомъ правѣ. Высшій штрафъ, именно вира, уплачиваемая безъ помощи общины, обыкновенно былъ не подъ силу для одного преступника, и потому въ 3-й Правдѣ она и замѣнена уже въ законѣ потокомъ.

Потокъ и разграбленіе. Потокъ называется лишеніе личныхъ правъ, а разграбленіемъ — лишеніе правъ имущественныхъ; и то и другое составляютъ одно наказаніе, а не два вида наказаній; хотя въ одномъ случаѣ (Троиц. 30) упомянуть одинъ потокъ безъ разграбленія (именно за конокрадство); но въ другомъ случаѣ терминъ: «поточити» употребленъ въ смыслѣ разграбленія (Троиц. сп. ст. 79: за поджогъ изъ разграбленнаго имущества преступника прежде всего удовлетворяется потерпѣвшій, а въ остальномъ князю «поточити»). Потокъ и разграбленіе не только замѣнили виру за предумышленное убійство, но и распространены были на конокрадство и поджогъ, а практика распространяла это наказаніе и на политическія преступленія; несомнѣнно, что и за татьбу при несостоятельности слѣдовало то же. — Первоначально потокъ и разграбленіе имѣли неопредѣленное значеніе: съ лишеннымъ правъ и его семьею можно было сдѣлать, что угодно; напри- мѣръ, въ Новгородѣ въ 1209 г. «Новгородьци же, пришьдѣше Новгороду, створиша вѣче на посад-

ника Дмитра и на братью его: яко ти повелѣша на новгородскихъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую и повозы возити, и все зло; идоша на дворы ихъ грабежмъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житіе ихъ поймаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изъискаша и поймаша безъ числа, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по три гривнѣ по всему городу и на щитъ; аще кто потай похваталь, а того единъ Богъ вѣдаетъ, и отъ того мнози разбогатѣша, а что на дѣщкахъ, а то князю оставиша». Въ 1230 г. тамъ же «заутра убиша Смена Борисовица, а домъ его весь розграбиша, и села, а жену его яша». Разграбленное имущество иногда дѣлили «по всему городу по 3 гривны»; въ княжествахъ оно поступало князю. При тѣсной солидарности имущественныхъ и личныхъ правъ семьи, естественно страдали жена и дѣти, при чемъ, однако, могло слѣдовать и предположеніе о ихъ соучастіи въ преступленіи мужа и отца и, по крайней мѣрѣ, о пользованіи плодами его.—Изъ этой неопредѣленной сущности потока развились, уже въ эпоху Русской Правды, всѣ *виды уголовныхъ каръ*.—А именно:

а) Наказанія, обращенныя на свободу: *Изманіе и ссылка*; напримѣръ, въ 1024 г. Ярославъ «изъймавъ водхвы, расточи, а другыя показни»; князь Мстиславъ въ 1129 г. «поточи князи полотьскыѣ Цесарюгороду с женами и с дѣтьми (въ греки)». *Заключеніе*; напримѣръ, въ 1141 г. «и заточиша Якуна въ Чюдь съ братомъ, оковавъше и руцѣ къ шьи». *Обращеніе въ рабство*: въ договорѣ съ нѣмцами 1229 г. (ст. 11) говорится: «если князь разгнѣвается на своего человекъ и отниметь все—жену и дѣтей въ хо-

лопство, то платить напередъ его долги нѣмцамъ».

б) Наказанія, обращенныя на здоровье: *бользменьныя* и *членовредительныя*; вмѣсто словъ: «на потокъ» въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды стоитъ «на бой», что, по мнѣнію Н. В. Калачова, можетъ означать не только побой, но и смертную казнь.

в) *Смертная казнь*. Фактическія указанія на прирѣшеніе смертной казни относятся къ древнѣйшимъ временамъ; извѣстно свидѣтельство арабскихъ писателей о томъ, что Руссы казнятъ воровъ чрезъ повѣшеніе. При Владимирѣ I временно была введена смертная казнь за разбой¹⁾. Въ Кіевѣ «разгнѣвався князь (Ростиславъ), повелѣ связати ему (Григорію чудотворцу) роуци и нози и камень на выи его обѣсити и вѣврещи в воду, и тако потопленъ бысть». Въ Новгородѣ въ 1141 г. «Якуна мало не до смерти убиша, обнаживъше, яко мати родила, и съвергоша и съ моста; нѣ Богъ избави, прибъде къ берегу и болѣ его не биша, нѣ възяша у него 1000 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ, тако же и у инѣхъ имаша». Тамъ же въ 1228 г. «възмятеса весь городъ, и поидоша съ вѣща въ оружии... на Душильця — на Липньского старосту, тамо послаша грабить, а самого хотѣша повѣсити, нѣ ускоци къ Ярославу». Въ 1224 г. тамъ же сожгли 4-хъ волховъ за волшебство. Во многихъ изъ этихъ случаевъ можно видѣть расправу разгнѣваннаго народа или князя, — мсть за государственныя или религіозныя преступленія, при чемъ непосредственно оскорбленнымъ и мстителемъ является само государство

¹⁾ См. выше на стр. 644.

или его представитель — князь (въ такомъ видѣ и зарождается первоначально кара за государственныя преступления).—Но есть свидѣтельства о назначеніи смертной казни по рѣшенію обыкновенныхъ судовъ: въ житіи Григорія чудотворца рассказывается, что пришли къ нему трое, изъ которыхъ двое искушали его, ложно говоря о третьемъ: «это другъ намъ; онъ осужденъ на смерть; просимъ тебя спасти его, дай ему, чѣмъ искупиться отъ смерти». Этотъ случай показываетъ, что смертная казнь назначаема была при несостоятельности преступника. Подобный же случай рассказывается въ житіи Агапита, къ которому привели уже не мнимо, а дѣйствительно осужденнаго на смерть. Классическое мѣсто поученія Мономаха имѣетъ двойственный смыслъ: «ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убить его, *аще будетъ повмненъ смерти*, а душа не погубляйте никакая же хрестьяны»; очевидно, суды могли приговаривать къ смерти. Но это же самое поученіе показываетъ, что смертная казнь протіворѣчила національнымъ возрѣніямъ русскихъ и что послѣдующее чрезмѣрное развитіе ея можетъ быть изъяснено лишь внѣшними вліяніями, прежде, и болѣе всего византійскаго права, а потомъ татарскихъ обычаевъ; какъ разъ церковныя суды рано начали примѣнять членовредительныя наказанія и, вѣроятно, смертную казнь ¹⁾.

¹⁾ Такимъ образомъ, одновременно съ проповѣдью протівъ рѣзонманья и рогничества, *церковь* вводила членовредительныя наказанія и смертную казнь, какъ основы новаго государственнаго порядка. Срв. выше на стр. 229.

Такъ развивались виды наказаній одинъ изъ другого: въ случаѣ невозможности примѣненія мести, наступали денежные выкупы; въ случаѣ несостоятельности имущественной — наступали уголовныя кары ¹⁾.

¹⁾ Въ «Курсѣ русской исторіи» В. О. Ключевского (часть I) «Русской Правдѣ» посвящены XIII-ая и XIV-ая лекціи. Авторъ признаетъ Правду сводомъ разновременныхъ частичныхъ сводовъ и отдѣльныхъ статей, сохранившихся притомъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ, тоже разновременныхъ; ея текстъ сложился въ сферѣ не княжескаго, а церковнаго суда, въ средѣ церковной юрисдикціи, нуждами и цѣлями которой и руководился составитель Правды въ своей работѣ; Правда получила законченный составъ во второй половинѣ XII или въ началѣ XIII в.; она представляетъ собою по преимуществу законодательство о капиталѣ. Къ мнѣнію о неофициальномъ происхожденіи Правды и о составленіи ея въ средѣ духовенства для потребностей церковнаго суда по нецерковнымъ дѣламъ примыкаетъ и Н. А. Рожковъ въ своемъ «Обзорѣ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія». (Сиб. 1903. Часть I). Общія замѣчанія о «Русской Правдѣ» и ея редакціяхъ см. также на стр. 40—53 книги М. А. Дьяконова «Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси». Юрьевъ, 1907, т. I).
Ред.

XXII. ВНУТРЕННЯЯ ДВЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИ- МИРА МОНОМАХА.

(*М. С. Грушевскій. «Очеркъ исторіи Кіевской земли». Кіевъ. 1891).*

Мономахъ ¹⁾ достигъ небывалаго въ эпоху очередного порядка княжескаго владѣнія (время между половиной XI и началомъ XIII вѣка) могущества и вліянія. Онъ соединилъ въ своихъ рукахъ, или, вѣрнѣе въ рукахъ своей семьи, по крайней мѣрѣ, три четверти тогдашней Руси, при чемъ эти владѣнія составляли сплошную территорію. При этомъ онъ уже не удовлетворялся относительно другихъ князей положеніемъ перваго между равными; формулу великокняжеской власти «въ отца мѣсто», формулу очень неопредѣленную, онъ приложилъ къ нимъ, такъ сказать, въ наибольшемъ ея объемѣ. Онъ требуетъ отъ прочихъ князей настоящаго повиновенія: такъ, Ярославу Святополчичу онъ приказываетъ являться на зовъ: «и наказавъ его Володимерь о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда ты позову»; Глѣбу возвращаетъ удѣлъ подъ условіемъ полнаго повиновенія: «и обѣщася Глѣбъ (Всеславичъ) по всему послушати Володимера», а не просто спокойствія; черниговскіе

¹⁾ См. о немъ также въ книгѣ: Михайло Грушевскій. *Исторія України - Руск. У Львові, 1905, т. II, стр. 107—120.*

князя участвуютъ въ походахъ, предпринимавшихся въ частныхъ интересахъ Мономаха. То же властное отношеніе видимъ мы по отношенію къ новгородской общинѣ: «приведе Володимиръ съ Мстиславомъ вся бояры новгородьскыя Кыеву, и заводи я къ честиному хресту, и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся» (Новгород. I, стр. 4). Но при этомъ Момахъ политику свою облакаетъ въ совершенно легальную форму и старается всегда имѣть общественное мнѣніе на своей сторонѣ; любопытнымъ примѣромъ служитъ столкновеніе его съ Ярославомъ: правда была едва ли не на сторонѣ послѣдняго, а въ глазахъ общества, по крайней мѣрѣ, извѣстной части его, Ярославъ является бунтовщикомъ противъ стряя и тестя (Мстислава), и по представленіямъ лѣтописнаго свода, Богъ помогаль смиренному Момаху противъ надменнаго Ярослава.

Правленіе Мономаха, равно какъ и его преемника— Мстислава, было одною изъ самыхъ благополучныхъ страницъ въ исторіи Кіевщины. Благодаря ихъ политикѣ, послѣдняя все время пользовалась внѣшнимъ спокойствіемъ; ни половецкихъ набѣговъ, ни вторженій сосѣднихъ князей не слышно. Внутри, что еще важнѣе, существовала большая солидарность между княземъ и земствомъ: Момахъ отличался необыкновенною внимательностью¹⁾ къ земству, къ его мнѣніямъ и желаніямъ, осуществляя послѣднія въ своей дѣятельности; онъ является идеаломъ князя-нарядника, который самъ входитъ во все, не пола-

¹⁾ Срв. выше на стр. 445, 456, 457.

гаясь на отроковъ и тиуновъ, который тщательно заботится, чтобы населеніе не терпѣло обидъ отъ его помощниковъ; при дурной славѣ, которой пользовались послѣдніе, это въ князѣ было большимъ достоинствомъ. Съ населеніемъ Мономахъ обращался радушно и пріятливо; наконецъ, въ противоположность корыстолюбивому Святополку Изяславичу, онъ отличался большою щедростью: это была черта тоже очень симпатичная населенію и особенно дружинѣ. Имена Владимира и Мстислава сдѣлались синонимами излюбленныхъ землею князей, и потомство ихъ окружалось этимъ ореоломъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши о внутренней дѣятельности Мономаха и жизни страны за это время весьма скудны и случайны.

Весьма важнымъ и популярнымъ дѣломъ были сдѣланныя при Мономахъ прибавленія ¹⁾ къ Русской Правдѣ. Прямое указаніе на принадлежность Мономаху имѣемъ только относительно закона «о рѣзѣ», которымъ былъ опредѣленъ нормальный процентъ; законъ этотъ былъ составленъ по совѣщанію съ дружиною, съ участіемъ посла отъ Олега Святославича—вѣроятно вскорѣ по вокняженіи Мономаха, въ связи съ народнымъ движеніемъ противъ евреевъ. Довольно вѣроятно предположеніе, что Мономаху принадлежатъ еще законы о должникахъ и закупахъ, которые въ огромномъ большинствѣ списковъ слѣдуютъ непосредственно за статьями «о рѣзѣ»; первые касаются банкротства, а законы о закупахъ регулируютъ отношеніе ихъ къ хозяевамъ и гарантируютъ отъ злоупотребленій со стороны послѣднихъ. Законы

¹⁾ См. статью 48-ю по Троицкому списку (выше на стр. 559 и 586).

Мономаха такимъ образомъ имѣли цѣлью облегчить тяжелыя экономическія условія, въ которыхъ находилось современное населеніе, благодаря предшествовавшимъ набѣгамъ, усобицамъ и т. под.; Мономахъ шелъ навстрѣчу тому экономическому протесту, который населеніе заявило при его вокняженіи своимъ движеніемъ противъ евреевъ и бояръ, равнымъ образомъ навстрѣчу церковной проповѣди противъ взиманія роста ¹⁾. Мономаху же приписываютъ еще нѣкоторые законы, изъ которыхъ наиболѣе важныя касаются холодства.

Въ связи съ этими экономическими мѣрами стоитъ извѣстіе Татищевского свода объ изгнаніи евреевъ изъ Руси. По словамъ его, кіяне просили у Мономаха управы на евреевъ, которые отняли у христіанъ всѣ промыслы и многихъ совращали въ свою вѣру; населеніе хотѣло побить евреевъ, но Мономахъ предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе князей. На

¹⁾ Вотъ что говоритъ, напр., кievскій митрополитъ Никифоръ I, родомъ грекъ и сидѣвшій на митрополіи съ конца 1103 г. до начала 1121 г., въ поученіи въ недѣлю сырпусуную:

«Очистилъ ты есть Христосъ крещеніемъ и омы твоя скверны: паки ли осквернился грѣхи? Паки ли омазася? Паки ли огнища ти струпы злобы? Прослезися, горько восплачися, воздохни, всяку потерпи страду на земли — леганіе, бдѣніе, неяденіе, — крѣпки молитвы покажи, пѣніе, милостыню къ нищимъ, отдаждь должникомъ долги. Аще ли то немощно, поне да великій рѣвъ остави, еже яко же змія изъѣдаютъ окаянніи убогія. Аще ли постишися, емлеша рѣвъ на братѣ, никоея же ти пользы бысть; постя бо ся мнѣши себѣ, а мясо ядый, — не мясо овчая, ни инѣхъ скоть, ихъ же ти повелѣно, но плоть братню; рѣжа бо жицы и закалаа его злымъ ножемъ — дихоманіемъ неправедныя мзды тяжкаго рѣза».

сѣздѣ у Выдобича князя постановили выслать всѣхъ евреевъ изъ Руси и впредь не впускать, а если тайно войдутъ, вольно ихъ грабить и убивать. Евреи были немедленно высланы отовсюду, но многіе на пути побиты и ограблены своевольными: «сѣ сего времени жидовъ въ Руси нѣтъ, и когда который прїѣдетъ, народъ грабить и побиваетъ». Ив. Малышевскій въ своемъ специальномъ изслѣдованіи «Евреи въ южной Руси и Кіевѣ X—XII вв.» считаетъ этотъ рассказъ сочиненнымъ на основаніи извѣстія лѣтописнаго свода ¹⁾ о разграбленіи евреевъ, но самый фактъ изгнанія евреевъ изъ Кіева находитъ весьма вѣроятнымъ. Было ли такое изгнаніе или нѣтъ, пока рѣшить мы не можемъ; вполне вѣроятно, что погромъ 1113 г. повліялъ на уменьшеніе еврейской колоніи въ Кіевѣ, хотя евреи жили здѣсь и позже — это видно изъ существованія еврейскаго квартала «Жидовъ».

То обстоятельство, что Мономахъ владѣлъ множествомъ волостей, такъ что въ его рукахъ, напримеръ, находился весь великій водный путь днѣпровско-балтійскій, имѣло, конечно, тоже не малое значеніе для Кіева; оно облегчало сношенія и благопріятствовало кіевской торговлѣ. Сношеніе съ правымъ берегомъ Днѣпра было облегчено, благодаря мосту черезъ Днѣпръ, который выстроилъ Мономахъ вскорѣ по вокняженіи.

О проявленіяхъ народовластія, объ участіи народа въ управленіи лѣтописный сводъ молчитъ. Это и понятно. Народъ проявлялъ свою правительствен-

¹⁾ Ипат. годъ 1113-мъ годомъ, стр. 198, по смерти Святополка Изяславича: «княни же разъграбиша дворъ Путятинъ тысячьского, адоша на жида и разъграбиша я».

ную власть въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе дѣлъ казалось ему ненормальнымъ и требовало вмѣшательства. Если же этого не было, если народъ чувствовалъ довѣріе къ князю, то, полагаясь на него, предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій. Мономахъ, а за нимъ и Мстиславъ, навѣрное, пользовались широкою властью въ землѣ, верша своею волею или только для формы справляясь съ мнѣніемъ народа въ такихъ вопросахъ, которые въ другихъ случаяхъ являются подъ контролемъ вѣча, какъ, напримеръ, созывъ земскаго ополченія; благодаря этому, ополченія, вѣроятно, участвовали во многихъ походахъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ самой Кіевской землѣ.

19 мая 1125 г. «преставися благовѣрный князь, христіюлюбивый и великій князь всея Руси, Володимерь Мономахъ, иже просвѣти рускую землю, аки солнце луча пуцая; его же слухъ произиде по всемъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ, братолюбець, и нищелюбець, и добрый страдалецъ за рускую землю», послѣ двѣнадцатилѣтняго княженія въ Кіевѣ, на семьдесятъ третьемъ году жизни; по словамъ лѣтописнаго свода, «святителѣ же жалащеся плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людие по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людие, и сынове его Мьстиславъ, Ярополкъ, Вячьславъ, Георгій, Андрѣй, и внуци его; и тако разидошася вси людие с жалостью великою, такоже и сынове его разидошася, кождо въ свою волость, с плачемъ великомъ, идѣ же бяше комуждо ихъ раздаялъ волости (Ипат., стр. 208)».

Въ дополненіе характеристики, приведенной изъ книги М. С. Грушевскаго, необходимо имѣть въ виду слѣдующее.

Лаврентьевская лѣтопись (стр. 279—280) говорить о смерти Владимира Мономаха подробнѣе и восторженнѣе, чѣмъ Ипатьевская, предлагая цѣлое поучительное слово. Называя его «чюднымъ княземъ», она говорить, что «благовѣрный и великій князь русский Володимеръ, сынъ благовѣрна отца Всеволода, украшенный добрыми нравами, прослувый въ побѣдахъ, его имене трепетаху всѣ страны, и по всѣмъ землямъ изиде слухъ его... вся бо зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его, поне не взношашеся, ни величашеся, но на Бога възлагаше все, и Богъ покаряше подъ носѣ его вся врагы... милостивъ же быше паче мѣры... тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующимъ, и церкви зижа и украшая; чтяшетъ же излиха чернечскій чинъ и поповскій, подавая имъ еже на потребу». Владимиръ сродникамъ своимъ Борису и Глѣбу «церковь прекрасну созда на Лтѣ... и преставися на Лтѣ у милое церкви, юже созда потщаньемъ многымъ». Срв. опытъ историческаго портрета Владимира Мономаха у Н. А. Рожкова на стр. 161—164 въ его «Обзорѣ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія». (Часть I. Спб. 1903). Владимиръ Мономахъ въ его глазахъ — высшій типъ психологическаго развитія, достигнутый кievской эпохой, и по нему можно судить до нѣкоторой степени о цѣломъ обществѣ. «Неорганизованность, безсвязность — общая черта всѣхъ процессовъ общезжитія, совершавшихся въ кievскій періодъ, — говорить авторъ, — поэтому не отдѣльныя подробности матеріальной исторіи, а вся она въ цѣломъ вліяла на

духовное состояніе общества, дѣлая послѣднее такимъ же аморфнымъ, безформеннымъ и безсвязнымъ въ психологическомъ отношеніи, какимъ оно было въ отношеніи хозяйственномъ, социальномъ и политическомъ». Дѣятельности Владимира Мономаха касается и А. Е. Прѣсняковъ въ книгѣ *Княжеское право въ древней Руси* (см. стр. 68 и слѣд.) при общей характеристикѣ княжескаго владѣнія и отношеній между князьями Рюриковичами въ X—XII вѣкахъ. Изъ совокупности фактовъ, характеризующихъ дѣятельность Мономаха, какъ киевскаго князя, вытекаетъ, что передъ нимъ стояли двѣ задачи: 1) укрѣпить за собою Кіевъ, осуществивъ притомъ наиболѣе широкое представленіе о «Всеволожей отчинѣ», и 2) возродить старѣйшинство, придавъ ему значеніе династической привилегіи своего потомства, т.-е. укрѣпить за этимъ потомствомъ отчинныя права на Кіевъ, сохранить и связь старѣйшинства въ землѣ русской съ обладаніемъ послѣднимъ. Мономахъ объединилъ подъ одною властью Кіева западныя волости и владѣнія, охватывавшія съ сѣвера и юга волости Черниговскія. Такъ впервые осуществлена была на дѣлѣ идея старѣйшинства въ землѣ русской: его сыну Мстиславу лишь оставалось достроить начатое отцомъ зданіе. Отецъ и сынъ проводили въ жизнь воззрѣніе, что отдѣльные князья держатъ части русской земли съ обязанностью соединять свои силы на общее дѣло по требованію старѣйшаго киевскаго князя подъ страхомъ кары, лишенія волости. Рука объ руку съ объединительной политикой, говоритъ А. Е. Прѣсняковъ, идетъ стремленіе Мономаха подвести подъ непрочную идею старѣйшинства новое династическое основаніе. Результаты Мономаховой политики были

блестящи и окружили его память особымъ ореоломъ въ глазахъ кievскаго общества, какъ то ясно видно изъ лѣтописей. Половцы оттѣснены за Довъ, усобицы прекратились, княжая власть окрѣпла, проявляя свою силу въ уставномъ законодательствѣ, стремившемся поставить въ опредѣленные рамки нарастающую социальную рознь, которую, какъ и гибель Кievской Руси, въ конечномъ 'счетѣ предупредить было нельзя.

Ред.
